

А.С. Медяков

История международных отношений в Новое время

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

А.С. Медяков

История международных отношений в Новое время

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности 030401 «История»
направления подготовки 030400 «История»

Москва «Просвещение» 2007

УДК 327
ББК 66.4
М42

Медяков А. С.

М42 История международных отношений в Новое время /
А. С. Медяков. — М. : Просвещение, 2007. — 463 с. — ISBN
978-5-09-016132-9.

В учебнике рассматриваются международные отношения в период Нового времени с XVII по XX вв. Всесторонне освещаются дипломатия, международное право, эволюция государственной мощи, специфика международных конфликтов и войн в разные исторические эпохи. Уделяется внимание деятельности выдающихся дипломатов и государственных деятелей.

Адресуется студентам, специализирующимся по истории международных отношений, студентам-международникам, политологам. Будет интересен читателям в качестве справочного пособия.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-09-016132-9

© Издательство «Просвещение», 2007
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2007
Все права защищены

Предисловие

Настоящий учебник, посвященный периоду с середины XVII в. по 1914 г., представляет собой третий том из серии учебников по истории международных отношений, создаваемых на историческом факультете МГУ. При всем многообразии вариантов периодизации выбор середины XVII в. в качестве точки отсчета международным отношениям Нового времени обусловлен причинами как академического, так и методического порядка. Вестфальский мир 1648 г. не только завершил время конфессиональных конфликтов и тем самым открыл эпоху секуляризованной политики, но и обозначил появление первой международной системы европейского масштаба. С другой стороны, отсчет Нового времени с 40-х гг. XVII в. согласуется с принятой на историческом факультете МГУ методикой преподавания истории, в том числе и истории международных отношений. Две части учебника соответствуют подразделению на Раннее и собственно Новое время.

В изложении автор старался отойти от традиционной сосредоточенности на политической и дипломатической истории. Развитие международных отношений и внешней политики отдельных стран рассматривалось в разных перспективах и во взаимопроникновении различных факторов — экономических, социальных, политических, военных, идеологических, культурных. Особое внимание уделялось структурам — будь то эволюция факторов государственной мощи, развитие системы международных отношений или долгосрочные процессы, как, например, демократизация внешней политики или «огосударствление» войны. Вместе с тем в учебнике достаточно полно представлена событийная сторона истории международных отношений — так что он может служить не только учебным, но и справочным пособием, — а также даются политические портреты некоторых государственных деятелей, воплощавших в себе специфику внешней политики отдельных стран и особенности данного исторического периода.

При написании учебника использовались самые современные достижения отечественной и зарубежной науки, а также личный опыт автора как лектора общего курса лекций по истории международных отношений в Новое время на историческом факультете и на факультете мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Автор искренне благодарит своих коллег — преподавателей и сотрудников исторического факультета МГУ — доцентов В. С. Бондарчука, Д. Ю. Бовыкина, Л. В. Кузьмичеву, ассистента К. В. Миньяр-Белоручева, н. с. Е. В. Романову, с. н. с. И. Ю. Хрулеву за ценные советы и помощь. Особые слова признательности автора принадлежат доценту Н. Н. Наумовой — первому и самому заинтересованному читателю этой книги.

Часть I   Международные отношения в раннее Новое время

Глава 1. Характерные черты международных отношений в раннее Новое время

Новое государство и внешняя политика

В истории международных отношений раннему Новому времени принадлежит особое место, поскольку именно тогда оформились их качественно новые черты, определившие все последующее развитие международных отношений.

В это время окончательно определилось главное действующее лицо, главный субъект международных отношений, — им стало централизованное государство, основанное на принципах территориальности и суверенитета. Процесс формирования суверенного государства, уходящий своими корнями в Средневековье, в XVI—XVII вв. вступил в решающую стадию и тогда же был теоретически обоснован. Французский юрист Ж. Боден выступил с учением о *государственном суверенитете*, важнейшими признаками которого были верховная сила внутри страны и независимость по отношению к прочим государствам. Тем самым международные отношения приобретали новое качество — в них вступали равно суверенные и потому формально равноправные государства, осознававшие и самими правителями, и их соседями как некая отдельная политическая величина с более или менее отчетливо определяемыми границами. Четко обозначив территорию государства как сферу внутренней политики, эти границы сделали возможным и появление внешней политики в собственном смысле этого слова — в отличие от средневековой неясности границ и раздробленности суверенитетов.

Иной стала и структура международных отношений. В XVI—XVII вв. окончательно уходят в прошлое представления о средневековом миропорядке, когда Европа воспринималась как некое христианское единство под духовным главенством папы и с подразумевавшейся, так называемой универсалистской, тенденцией к политическому объединению, возглавить которое должен был император Священной Римской империи. Реформация и религиозные войны положили конец духовному единству, а становление новой государственности и крах империи Карла V как последней универсалистской попытки — единству политическому. Отныне Европа — это не единство, а множество.

В ходе Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. окончательно утвердилась *секуляризация* международных отношений как одна из их самых важных характеристик в Новое время. Если раньше внешняя политика в значительной степени определялась религиозными мотивами,

вами, а место и престиж отдельной страны измерялся в том числе и христианскими добродетелями ее главы, и ее общим вкладом в дело христианства, то с началом Нового времени главным мотивом действий отдельного государства становится принцип так называемого *raison d'état*, принцип *государственного интереса*, государственной целесообразности, согласно которому все решения принимаются не на религиозной, идеологической или иной надгосударственной основе, а исходя исключительно из потребностей самого государства. Принцип государственного интереса вытекал из идеи суверенитета и позволял применять насильственные меры и использовать во благо государства практически любые средства.

Наряду с секуляризацией другой важнейшей чертой международных отношений Нового времени становится процесс *монополизации внешней политики государством*, в то время как отдельные феодалы, купеческие корпорации, различные ордены и другие ранее действовавшие участники международных отношений уходят с европейской политической сцены.

Система международных отношений

Взаимоотношения европейских государств в раннее Новое время достигли совершенно нового качества. Распад христианской Европы на отдельные самостоятельные государства и значительная интенсификация и упорядочение взаимоотношений между ними позволяют говорить о возникновении *системы* — первой в истории международных отношений. Поскольку отдельные государства, движимые эгоистичным государственным интересом, вступали в нее на началах конкуренции и часто с трудносогласуемыми целями, возникла потребность в некоем алгоритме, который обеспечил бы функционирование формировавшейся системы. Этим алгоритмом, даже более того — идеологией, «философией», системы международных отношений на следующие два века стало понятие *равновесия*.

Идея межгосударственного равновесия в европейской политической теории и практике впервые возникает в Италии еще в XIV—XV вв.; в XVI—XVII вв. она пробивает себе дорогу в остальной Европе, особенно в Англии, где в 1675 г. впервые появляется термин «баланс сил» (*balance of power*); с начала XVIII в., с момента ее фиксации в закончившем войну за испанское наследство Утрехтском мирном договоре (1713 г.), она превращается в норму международного права; во второй половине XVIII в. эта идея начинает обозначаться понятиями «равновесие Европы» (1758 г.) и «европейское равновесие» (1798 г.).

С одной стороны, быстрое и широкое распространение идеи международного равновесия в XVII—XVIII вв. было связано с ее простотой и наглядностью: уравновешивая друг друга, силы возвращаются в состояние покоя, т. е. мира. Кроме того, равновесие и его главная метафора — весы — как нельзя лучше отвечали духу эпохи с ее пристрастиями к гармонии и механике. С другой стороны, равновесие как политическая практика стало реакцией на попытки Габсбургов и затем Бурбонов установить гегемонию в Европе. Однако при всей своей важности равновесие понималось не как цель, а как средство обеспечить высшую ценность, которой со времен Средневековья по-прежнему объявлялись «мир и согласие».

По мере развития системы международных отношений развивалось и европейское равновесие. В эпоху антагонизма между Габсбургами и Валуа, определявшего международную ситуацию в XVI в., равновесие выглядело как простой дуализм сил, сила уравновешивала силу. К тому же в систему был вовлечен еще не весь европейский континент. В XVII в. появление на международной арене новых мощных государств привело к усложнению системы равновесия, в качестве модели для которого теоретическая мысль того времени предлагала уже не весы, а механизм, машину, чьи большие и малые части были прочно сцеплены и в равной степени необходимы.

В XVIII в. система равновесия вновь была модифицирована в связи с формированием так называемой *пентархии* (сам термин вошел в дипломатический обиход только после Венского конгресса 1815 г.). Дело в том, что, несмотря на формальное равенство, в реальности государства отличались друг от друга по мощи и весу на международной арене. Для обозначения наиболее сильных, главным образом в военном отношении, государств в XVII—XVIII вв. начинает использоваться понятие *великая держава*. Вплоть до XIX в. принадлежность к великим державам не была формально определена. По сути дела, главным критерием великой державы являлись ее мощь и связанные с этим способности оказывать влияние в определенном регионе и в одиночку противостоять нападению любой другой державы мира. Кроме того, определенное значение имело участие той или иной страны в важных европейских конгрессах.

Именно великие державы и определяли в конечном счете политическое лицо Европы. Однако если в XVII в. на роль великой или, по меньшей мере, сильной державы претендовало множество государств (помимо Австрии, Англии и Франции, к ним могли быть причислены Турция, Венеция, Испания, Нидерланды, Польша и Швеция), то в XVIII в. статус великой державы становится более определенным и прочно связывается лишь с пятью государствами — Францией, Австрией, Англией, Россией и Пруссией. Таким образом, на место сложной многочленной системы вступает пентархия, пятерка великих держав, по сравнению с которыми обычные государства являются величинами настолько малыми, что сами по себе почти ничего не значат на весах европейского равновесия. Отныне европейская политика и европейское равновесие — это проблема взаимоотношений между государствами «пентархии».

В основе механизма равновесия лежал принцип *конвенанса* (от фр. *convenir* — соглашаться), согласно которому территориальные приращения одного государства должны были происходить с согласия других держав и с компенсациями в их пользу. Поэтому важной предпосылкой равновесия была исчисляемость, измеримость составляющих государственной мощи. Главными критериями являлись именно количественные параметры, в первую очередь размеры территории и численность населения, «закон площадей и цифр». До тех пор пока европейские государства не знали серьезных качественных различий, будь то отличия материального или духовного свойства, машина европейского равновесия могла работать.

Практическим выражением равновесия и одной из наиболее характерных черт международных отношений в XVII—XVIII вв. была система краткосрочных и быстро менявшихся *союзов*. Секуляриза-

ция, отказ от религиозной солидарности во внешней политике и ориентация исключительно на рациональный «государственный интерес» привели к тому, что практически каждый член системы мог вступать в альянсы с любым другим ее членом и покидать их немедленно после достижения своих целей. В результате система (особенно в XVIII в.) отличалась исключительной подвижностью, и были нередки случаи, когда перемены союзов совершались едва ли не за ночь. В целом международные отношения в XVII—XVIII вв. отличались высокой степенью анархии и конфликтности, в результате чего равновесие складывалось из столкновения противоборствующих сил и постоянно балансировало на грани войны, как символическая Европа на дымящейся бомбе с рисунка О. Домье, изображенная на обложке этой книги.

В практике международных отношений в полном смысле ключевую роль играл монарх. Европейскую политику делали короли — во-первых, в том смысле, что немонархические государства, которые, как Венеция и Нидерланды, еще в XVII в. были на ведущих ролях, в XVIII в. окончательно превратились в актеров второго плана. Главное же заключалось в том, что монарху принадлежали решающие позиции, как при принятии внешнеполитических решений, так и в их осуществлении. Это было время так называемой *кабинетной политики*, когда решения принимались в обстановке строгой секретности в узком кругу приближенных монарха.

Дипломатия

Дипломатическая деятельность, как таковая, имела многовековую историю. Особую роль в ее развитии сыграли итальянские государства, в которых уже с конца XV в. появились многие черты, которые станут характерными для дипломатии Нового времени, — учреждение постоянных представительств за рубежом, практика инструкций и регулярных донесений дипломатов и т. д. Однако подлинный расцвет дипломатии наступает только в XVII—XVIII вв. Не случайно сами термины «дипломат» и «дипломатия» получают распространение лишь в конце XVIII в.

Это было связано с двумя обстоятельствами. С одной стороны, большую роль сыграло дальнейшее развитие европейской государственности, и особенно продолжавшаяся централизация, которая способствовала укреплению центральных органов власти. Именно в это время появляются специализированные органы руководства внешней политикой. С другой стороны, в эпоху конфессиональных конфликтов и завершившей ее Тридцатилетней войны исчезла религиозная подоплека международных отношений — представление о Европе как о христианской целостности со специфической иерархией государств; потеряло актуальность христианское учение о «справедливой войне». Центральным понятием международных отношений становятся интересы, и для дипломатии с ее функцией посредничества между различными и спорными интересами настал звездный час.

Вместе с тем особое значение в раннее Новое время имели и репрезентативные, представительские функции дипломатии, поскольку дипломат представлял фигуру своего монарха, его ранг и его суверенность. Центральным понятием дипломатических отношений было первенство, старшинство. Отсюда — пристальнейшее внимание к вопросам церемониала и иерархии, настоящие местнические споры ме-

жду дипломатами, когда конфликт из-за «неподобающего» места на балу мог иметь продолжением не только дуэль, но и движение войск к границам. В 1661 г. во время церемонии въезда шведского посланника в Лондон французский и испанский послы не могли решить, чья карета должна была проехать первой, в результате дело закончилось массовой дракой с убитыми и ранеными. Честь Людовика XIV оказалась задетой, и он потребовал извинения от испанского короля Филиппа IV, в противном случае угрожая войной. В итоге специальный посланник прибыл в Париж, где зачитал извинения испанского короля в присутствии всего дипломатического корпуса. Эти события еще и сегодня можно увидеть на барельефе «Первенство Франции, признаваемое Испанией» на площади Побед в Париже, а также на знаменитой «лестнице послов» в Версале.

Престиж был одной из главных ценностей абсолютистского «придворного общества», а поскольку посол прямо представлял фигуру монарха, то дипломатический церемониал являлся отражением иерархии монархов Европы и ареной ожесточенной «репрезентативной конкуренции». Послы состязались в пышности своих резиденций, боролись за право первенства; особое место занимала церемония въезда нового посла, которая могла продолжаться несколько часов, а его свита — составлять сотни человек.

В условиях значительной интенсификации межгосударственных связей дипломатическая служба испытывала как количественный, так и качественный рост. Дипломатия Средних веков была в первую очередь дипломатией путешествий, когда дипломатические контакты осуществлялись в связи с какой-либо конкретной международной проблемой и после ее разрешения дипломат возвращался домой. Отныне все больше государств начинают содержать постоянные представительства при все большем количестве иностранных дворов, сеть дипломатических связей растягивается на всю Европу и неуклонно уплотняется. Большое значение для развития европейской дипломатии имел Вестфальский конгресс 1648 г. — не только из-за своих решений, но и благодаря самому факту своего проведения, поскольку, в отличие от Средневековья, он учреждал новый институт — конгресс государств, который мог регулировать межгосударственные соглашения и создавать обязательные международно-правовые нормы.

В связи с интенсификацией международных связей происходит рост и определенная профессионализация дипломатического корпуса. Постепенно складывается специфический слой, связанный в первую очередь стилем жизни, в то время как национальное происхождение представителей одной и той же страны могло быть различным. Например, в середине XVIII в. граф Стенвилль был австрийским послом в Париже, в то время как его сын — французским послом в Вене. Самое же широкое представительство иностранцев на различных дипломатических постах наблюдалось в России.

Практически обязательным условием принятия на дипломатическую службу было дворянское, желательно аристократическое, происхождение, поскольку только в этом случае дипломат мог быть принят при дворе. Дворянство выступало в качестве предпосылки назначения на пост дипломатического представителя еще и потому,

что он, как правило, не оплачивался, расходы же на пребывание и представительские функции были очень высоки. Иногда послы выходили из положения за счет получения «пенсии» от правительства страны пребывания. Так, Г. Воттон, один из послов Англии в Венеции в XVII в., получал «пенсии» одновременно от Испании и Савойи. Подкупы были делом настолько распространенным, что им была специально посвящена одна из глав классического труда А. Викфора «Посол и его функции» — своеобразного учебника для дипломатов разных стран, которая так и называлась: «Послу дозволяется подкупать министров двора».

В XVII в. более четким становится деление на дипломатические ранги. Пример здесь подавала Франция, подразделив своих представителей на послов и чрезвычайных посланников; в XVIII в. к ним добавился более низкий ранг резидента. Ранг дипломата зависел в первую очередь от статуса его суверена, а также от личного происхождения и важности поручения. Например, послом не мог быть недворянин или представитель малого государства. Существовала тенденция дипломатического представительства на уровне послов между великими державами, однако она далеко не всегда реализовывалась. Наибольшее представительство в ранге посла имела Франция. С середины XVII в. явно обозначилась тенденция к сокращению привилегий императорских дипломатов, существовавшая ранее и вытекавшая из особого статуса императора по сравнению с другими монархами, однако титул императора по-прежнему влек за собой некоторые церемониальные привилегии.

Задачи дипломатов были весьма обширными. От них требовалось не только представлять интересы своей страны, но и собирать самую разную информацию — политическую, военную, экономическую. Ценной считалась информация о частной жизни монархов и министров, поскольку она открывала возможность влияния при дворе, который был средоточием политической жизни. Особенной полнотой отличались донесения французских дипломатов, вплоть до указания тоннажа и маршрутов торговых судов.

Постепенно рос профессиональный уровень дипломатов, что было связано с первыми попытками создать для них специальные учебные заведения. Лидером здесь вновь была Франция, в которой в начале XVIII в. открылись Политическая академия в Париже и Историко-политический институт в Страсбурге, имевшие европейскую известность. В середине XVIII в. была учреждена Восточная академия в Вене. Появились и первые специальные издания — «Посол» Хуана Антонио де Вера и «О способе вести переговоры с суверенами» Ф. Кальера.

Внешиеполитические органы

Тот же процесс постепенной профессионализации внешней политики, ставший следствием ее монополизации государством, затронул и центральные органы управления. Внешиеполитические ведомства все больше обособляются от других институтов государственного управления, происходит усложнение и дифференциация их структуры. Появление специальных учебных заведений, учебной и справочной литературы приводит к тому, что за столами в различных департаментах и отделах все чаще сидят специалисты.

Не во всех странах эти процессы проходили в равной степени успешно, и образцом для всей Европы, объектом зависти и подражания была организация внешнеполитического ведомства и дипломатической службы во Франции, особенно во времена, когда во главе французской внешней политики стоял Ж.-Б. Торси (1698—1715). Собственно внешней политикой ведали три секретариата Государственного совета — по внешним делам, военный и военно-морской, между руководителями которых нередко возникали трения. Торси начал осуществлять разделение своего ведомства на различные отделы, в несколько раз увеличил численность персонала.

В Австрии единству руководства внешней политикой мешала двойственная роль Габсбургов как императоров Священной Римской империи и как главы австрийских земель. Это приводило к пересечению функций соответствующих руководящих органов — Имперской и Австрийской канцелярий. Ситуация изменилась лишь с середины XVIII в. с приходом на пост министра иностранных дел В. А. Кауница, который сосредоточил все управление внешней политикой в Государственной канцелярии, разделил ее на департаменты и отделы, ввел практику подробных инструкций послам и т. д. Особенной гордостью австрийского внешнеполитического ведомства была работа криптографического отдела, который занимался расшифровкой перлюстрированных депеш иностранных представителей в Вене. Только в 1780—1781 гг. этот отдел вскрыл 15 иностранных шифров, а английский посол и вовсе в течение многих лет получал искусно сделанные в венской канцелярии копии, в то время как оригиналы посланий из Лондона оставались у Кауница. Вместе с тем для Австрии оставалась характерной неразделенность функций руководства внешней и внутренней политикой.

То же можно сказать и в отношении Англии, в которой внешние дела были организационно отделены от внутренних только в 1782 г. Эффективности руководства внешней политикой мешало отсутствие единоначалия, поскольку ею ведали два статс-секретаря. Первый руководил Северным департаментом, в сферу компетенции которого входили Россия, страны Священной Римской империи, Голландия, Скандинавские страны и Польша; в подчинении второго был Южный департамент, занимавшийся странами Южной и Западной Европы, а также Османской империей, колониями и Швейцарией. В реальности это подразделение четко не соблюдалось, и иногда послы получали сразу две инструкции от обоих статс-секретарей, изредка даже противоположного содержания.

В России тенденция к упорядочению и большей специализации внешнеполитических органов проявилась еще во время существования Посольского приказа. В 1710 г. он был разделен на пять повывтий, каждое из которых ведало определенным регионом Европы. Однако одновременно приказ занимался и многими внутренними делами. Новый этап начался в связи с учреждением Петром I в 1718 г. Коллегии иностранных дел, которая подразделялась на департамент по внешним сношениям и департамент счетных дел. Собственно внешнеполитическими связями ведал первый департамент, изначально подразделявшийся на 4 экспедиции, затем на 14 (1762 г.). В 1781 г. была проведена новая реорганизация, в ходе которой Коллегия иностранных дел была поделена на девять экспе-

дий, однако четкого регионального подразделения так и не было осуществлено.

Внешнеполитическое ведомство Пруссии появилось в 1702 г. в результате выделения из совета при особе короля. От аналогичных институтов прочих держав его отличала малая численность, в также коллегиальный принцип принятия решений. Реальное влияние этого органа на внешнюю политику было весьма ограниченным не только из-за малого штата, но и потому, что прусские короли предпочитали сосредоточивать внешние сношения в своих собственных руках.

В целом, несмотря на ряд недостатков, внешнеполитические ведомства в европейских странах играли в выработке внешнеполитического курса весьма значительную роль. Вместе с тем состязание за ранг, за престиж, за положение в Европе шло не только на дипломатическом паркетe. Главным горючим, на котором работала машина европейского равновесия, была война.

Война и мир

От средневековой война Нового времени отличалась прежде всего тем, что ее также монополизировало государство. В Средневековье понятие войны было многозначным и расплывчатым, оно могло применяться и для обозначения разного рода внутренних конфликтов, различные феодальные группировки вполне официально обладали так называемым «правом на войну». В XVII—XVIII вв. все права на применение вооруженной силы переходят в руки государства, а само понятие «война» используется почти исключительно для обозначения межгосударственных конфликтов. При этом война признавалась совершенно нормальным, естественным средством политики. Порог, отделявший мир от войны, был крайне низким, о постоянной готовности его преступить свидетельствует статистика — два мирных года в XVII в., шестнадцать в XVIII.

Причины повышенной склонности к войне (беллицизма) раннего Нового времени во многом были связаны с самим фактом образования централизованных суверенных государств и разрушения средневекового миропорядка. Следствием стала колоссальная конкуренция, главным способом разрешения которой была именно война. Кроме того, войны выполняли важнейшие функции именно при *становлении* новых государств. Именно военная сила позволила создать внутреннее единство и сокрушить сопротивление ему со стороны крупных феодалов. Именно военная сила создала отчетливые границы, наглядно показала грань между своим и чужим и тем самым заложила основы патриотизма и национального сознания — этого фундамента, на котором стоит современное государство. Именно война стала во многом решающим фактором в деле внутренних преобразований — новых налогов, новых отношений между монархом и сословиями и т. д. Иными словами, учащение войн в начале Нового времени происходило именно из-за того, что происходило становление новых государств. Современные исследователи говорят в связи с этим не просто о войнах между государствами, но и о войнах, *создающих* государства.

Важнейшие изменения были связаны с организацией армии. На смену разношерстным отрядам наемников во главе со своевольными командирами пришла регулярная армия, солдаты и офицеры, несущие службу *постоянно*, т. е. и в мирное время. Создается военная инфраструктура (казармы, плацы), пестрые отряды переодеваются в

униформу. Возникшая возможность воспользоваться армией практически в любой момент имела огромное значение для внешней политики, сделала ее более мобильной и эффективной.

В решениях о войне и мире совершенно особую, ключевую роль играл монарх. Мотивы при этом могли быть различными, например желание, пользуясь излюбленным глаголом эпохи, «аррондировать», «округлить» свои территории. Немаловажным фактором было династическое и личное тщеславие, желание личной славы. Людовик XIV говорил, что слава подобна возлюбленной, которой нужны постоянные знаки внимания. Как бы оно ни было, война — это в очень значительной степени дело монарха, это «последний довод короля», как чеканили на прусских пушках.

Главный вид войны в XVII—XVIII вв. — это так называемая «кабинетная война», т. е. война между суверенами и их армиями, имевшая ограниченные цели в виде конкретных территорий при осознанном стремлении к сохранению населения и материальных ценностей. Наиболее распространенным и по-настоящему «системным» для абсолютистской династической Европы типом войны была война за наследство — испанское, польское и т. д. С одной стороны, в этих войнах речь действительно шла о престиже отдельных династий и их представителей, о вопросах ранга и иерархии; с другой — династические проблемы часто выступали еще и в качестве удобного правового обоснования для обеспечения военными средствами самых разных государственных интересов — политических, стратегических, экономических и т. п. Однако, поскольку в XVII—XVIII вв. Европа была не только местом конкуренции различных династий, но и регионом быстрого развития капитализма и острой торговой конкуренции, вторым важным типом войн были торгово-колониальные, например англо-голландские или англо-французские. Наконец, из-за своего масштаба и временной протяженности к основным типам войн раннего Нового времени нельзя не отнести и такой специфический тип, как турецкие войны.

Одной из характерных особенностей войн этого времени был их многосторонний характер: во-первых, прибегать к помощи союзников заставлял элементарный недостаток ресурсов и, во-вторых, в войнах, затрагивавших равновесие и вопросы европейской иерархии, так или иначе стремилось участвовать большинство крупных государств. Таким образом, войны были коалиционными и, значит, почти всегда долгими. Сам факт участия в войне многих держав затягивал войну, увеличивая ресурсы коалиций и осложняя заключение мира, который должен был учитывать слишком многие интересы.

Вместе с тем при всей своей пространственной и временной протяженности войны второй половины XVII—XVIII в. уступали своим предшественницам и продолжателям в том, что касается интенсивности и, соответственно, материальных и человеческих потерь. Например, в битве при Куннерсдорфе во время Семилетней войны, одной из наиболее крупных в эту эпоху, из 130 тыс. участников погибло лишь 9 тыс. человек. В отличие от религиозных войн предыдущей эпохи и национальных войн XIX в. «кабинетные войны» этой поры оставались чужими для большей части населения и, кроме того, не будили эмоций. Исключение составляли войны с Турцией. Помимо того что завербованные солдаты, из которых состояли армии боль-

шинства стран, совершенно не стремились к героической смерти на поле боя за непонятные им цели и не испытывали ненависти к себе подобным по ту линию фронта, излишнему кровопролитию мешали и причины материального свойства. Социальные и экономические структуры не успевали за политическими амбициями королей. При существовавшей динамике народонаселения и темпах экономического роста государства просто не могли бы себе позволить слишком больших материальных и человеческих потерь в то время, когда даже просто содержание армии мирного времени в большинстве стран съедало больше половины государственного бюджета.

Этим исходным предпосылкам соответствовала и стратегия. Военная теория того времени предписывала военачальникам избегать открытых сражений. Один из самых крупных полководцев этой эпохи — Мориц Саксонский писал, что по-настоящему великим военачальником может считаться только тот, кто всю свою жизнь воевал, так и не дав ни одного сражения. Основой военного искусства стало бесконечное маневрирование. Значение маневра возросло и в связи с шедшей с конца XVI в. так называемой «военной революцией». Одним из ее последствий стало более четкое выделение родов войск и специализация внутри их. Солдаты становились узкими специалистами и могли быть использованы только в сочетании с представителями других родов войск. Успех сражения зависел не только от степени овладения своей военной специальностью, но и от быстроты и слаженности взаимодействия с другими подразделениями. Поэтому главное, что требовалось от солдата, — это четко и без малейшего раздумья выполнить свой маневр. Как писал один из теоретиков военного искусства, солдат должен быть подобен ожившей статуе. Отсюда — бесконечная муштра с двумя ее главными компонентами — упражнениями с оружием и перестроениями в движении. В итоге война представляла собой сплошную череду маневров, маршей и контрмаршей, в ходе которых противники стремились поставить друг друга в заведомо проигрышные позиции. Особенное значение придавалось захвату укреплений, поскольку для контроля над всей территорией не хватало сил и считалось, что владеющий крепостями владеет и землей. Например, английский полководец герцог Мальборо в ходе войны за испанское наследство провел лишь четыре крупных сражения, но больше тридцати осад. Присущий эпохе рационализм торжествовал и на полях сражений. По законам симметрии строились укрепления, полководцы вычерчивали геометрически точные планы сражений, а саму войну современники прямо сравнивали с шахматами с их четким набором ходов фигур. Поэтому выдающихся успехов добивались, как правило, те полководцы, которые умели делать ходы не по правилам (Евгений Савойский, Фридрих II, Александр Суворов). В целом страны-конкуренты и их армии воспринимались скорее не как враги, а как противники, которых следовало не уничтожить, а переиграть.

Какова война — таков был и мир. Решающие сражения были редкостью, поэтому в большинстве случаев мир в ту эпоху — это мир от истощения. Ресурсов воюющих хватало в среднем на два года войны, затем она могла продолжаться лишь на субсидиях и займах, поэтому иногда противники начинали задумываться о мире едва ли не с первых выстрелов. Например, в Семилетнюю войну первые попытки добиться мира предпринимались уже на третьем году войны.

Сами миры были также скорее мирами противников, чем врагов. Унизительные мирные договоры с очевидно неприемлемыми требованиями, большими контрибуциями и т. д. были скорее исключением. При заключении мира стороны воспринимали друг друга как будущих партнеров, тем более что при чрезвычайной подвижности существовавшей системы международных отношений вчерашний противник вполне мог оказаться завтрашним союзником. Сохранялась традиция двусторонних миров, которыми оканчивались даже коалиционные войны. Однако именно в это время зарождается и тенденция коллективного решения проблем европейской безопасности, например проводятся первые общеевропейские конгрессы в Камбрэ и Суассоне.

Быстрое развитие и усложнение международных отношений увеличили потребность в их теоретическом осмыслении. Голландский ученый Г. Гроций выступил с постулатом правового равенства всех без исключения государств и одним из первых описал их взаимоотношения как «систему», выделив четкие правила ведения войны и переговоров; немецкий правовед С. Пуффендорф разработал целую теорию союзов; французский аббат К. де Сен-Пьер выдвинул программу «вечного мира», которая стала отправной точкой для множества теорий международных отношений на целый век вперед.

Перед лицом воюющей Европы теоретиков правовой мысли особенно привлекала проблема войны. Гроций и Пуффендорф считали, что справедливая война может вестись только для установления лучшего мира. Высшей целью войны должно было стать восстановление статус-кво до войны, и следовало всеми силами стараться предотвратить будущие изменения этого состояния. Иными словами, успех в войне оценивался не по принесенным ею изменениям, а по укреплению статус-кво. Это позволяло надеяться на то, что при минимуме изменений мир постоянно будет становиться стабильнее и в конце концов превратится в вечный.

Ведущая роль Европы

С точки зрения истории международных отношений главное и определяющее значение в Новое время имели европейские государства. В первую очередь это было связано с тем, что одной из важнейших сторон Нового времени был всемирно-исторический процесс европейской экспансии и распространения европейской цивилизации на весь мир, начатый еще эпохой Великих географических открытий конца XV в. В начавшуюся «европейскую эпоху», продолжавшуюся вплоть до XX в., именно европейские государства выступали в роли главной динамической силы, во все большей степени влияя на политический облик остального мира. Этот процесс постепенно усиливался от начала к концу Нового времени и достиг своего абсолютного апогея лишь на рубеже XIX и XX вв., когда государства европейской цивилизации, включая сюда страны обеих Америк, так или иначе контролировали почти весь земной шар. Однако и в раннее Новое время европейская экспансия неуклонно усиливалась, и к концу XVIII в. европейцы и американцы распространили свой контроль почти на половину земной суши.

Мир неевропейских государств не знал упорядоченной системы международных связей, подобной европейской. В Азии, исторически лидировавшей перед Европой в развитии государственности, по-преж-

нему существовали крупные государства — Османская империя, Китай, держава Сефевидов в Персии, империя Великих Моголов в Индии. Однако азиатские государства были изолированы от остального мира, и связь между ними, как правило, носила сугубо локальный, спорадический и двусторонний характер, к тому же часто имела форму вассальной зависимости. На прочих континентах местная государственность была развита крайне слабо либо вовсе отсутствовала. В силу этих обстоятельств и масштабов европейской экспансии любое изложение истории международных отношений в Новое время с неизбежностью носит европоцентристский характер. В самой же Европе подлинный отсчет международным отношениям Нового времени дал закончивший Тридцатилетнюю войну 1618—1648 гг. Вестфальский мир.

Глава 2. Международные отношения во второй половине XVII — начале XVIII в.

§ 1. Тридцатилетняя война и политическая карта Европы в середине XVII в.

На пути к Вестфальскому миру

У истоков системы международных отношений Нового времени стояли события и результаты Тридцатилетней войны 1618—1648 гг., главными участниками которой были два больших блока — австрийские и испанские Габсбурги, с одной стороны, и Франция, Нидерланды и Швеция — с другой, а также многочисленные второстепенные союзники каждой из сторон. И в количественном, и в качественном отношении Тридцатилетняя война превосходила имевшийся до тех пор опыт ведения войны. Это была первая война действительно европейского масштаба, которая складывалась из множества разнородных конфликтов, наиболее крупными из которых стали противостояние Франции Габсбургам, стремление Швеции к гегемонии на Балтике, борьба князей Священной Римской империи за самостоятельность, а также испано-голландские противоречия. Ход войны, и без того до крайности осложненный смешением этих конфликтов, еще более затруднялся из-за конфессиональной подоплеки каждого из них. Вдобавок ко всему границы религиозных противостояний далеко не всегда совпадали с политическими. В целом в ходе войны выявилась крайне показательная тенденция жертвовать религией в пользу политики. Дальше всех на этом пути продвинулся Ришелье, под руководством которого Франция вступила в войну против своих католических единоверцев — испанцев, исходя исключительно из соображений политической целесообразности.

Итоги войны, в которой император и его союзники в целом потерпели поражение, были подведены *Вестфальским миром*. Усталость от войны и ее экономические последствия были настолько велики, что поиск мира начался уже с 40-х гг. Однако сначала нужно

было решить несколько предварительных вопросов, самым главным из которых был выбор места проведения мирного конгресса. В итоге на предварительных переговорах в Гамбурге в 1641 г. договорились, что таких мест должно быть два, исходя из двух причин — религиозной и политической. В целях соблюдения конфессионального паритета решили провести переговоры императора с протестантскими государствами Священной Римской империи и со Швецией в столице протестантского епископства Оснабрюк, а с католическими государствами и Францией — в столице католического епископства Мюнстер. Оба города и дороги к ним объявлялись нейтральными. Кроме того, в пользу раздельного ведения переговоров существовал и политический довод — император не хотел оказаться наедине сразу с двумя своими главными противниками — Францией и Швецией. К тому же воинствующие протестанты шведской делегации отказались не то что вести переговоры — жить в одном городе с представителем папы. Поскольку оба епископства находились в исторической области Вестфалии (на северо-западе теперешней Германии), итоговый мир получил название Вестфальский.

Первые делегации стали прибывать уже в 1643 г., и с 1644 г. начались четырехлетние переговоры, которые шли на фоне продолжавшихся боевых действий. Никаких перемирий не заключалось, и любые изменения на полях сражений использовались как аргумент за столом переговоров. Всего в переговорах участвовали 148 делегатов — 111 от германских земель и 37 иностранцев. Наиболее значительными участниками переговоров были посланник императора М. Траутмансдорф, герцог Лонгвилль от Франции, представлявший Испанию Д. Сааведра и шведский уполномоченный граф Оксеншерн. В роли основных посредников фигурировали папский и венецианский посланники.

Технология переговоров была такова. Никаких пленарных заседаний, где бы присутствовали все участники переговоров, не было. Не было и торжественного открытия конференции. Все переговоры были двусторонними в присутствии какого-либо посредника, очень часто — представителя папы на конгрессе и велись на квартирах послов. Течение переговоров осложнялось тем, что все делегаты были жестко связаны письменными инструкциями своих монархов и ограничены в маневрах. Переговоры не шли так, как в более поздние времена, когда посол имеет относительную свободу в рамках некоей общей линии. Если одна сторона выдвигала какое-либо предложение, то представитель другой направлял гонца к своему монарху за инструкциями, и заседание откладывалось до его возвращения. Этот технический момент служил затягиванию переговоров, не говоря уже о противоречиях собственно политических.

Целью переговоров было установление мира, который понимался во многом по-новому. В Средние века мир исходил из христианского учения о справедливой войне и представлял собой восстановление нарушенных прав, а также восстановление справедливости и христианского согласия. Вестфальские переговоры продемонстрировали новое понимание мира — мира Нового времени. Мир — это не просто прекращение войны, это не мир ради мира. Мир означает борьбу за место в послевоенном порядке. Этот мир был секуляризованным и исходил из плюрализма государств Европы, причем за каждым при-

знавалось право защитить свои государственные интересы путем их правового закрепления в статьях международных договоров.

Тридцатилетняя война была многоуровневым, многослойным конфликтом, и мирные переговоры должны были урегулировать все три ее главных уровня — международный, конфессиональный и внутриимперский.

На первом, европейском уровне все развивалось вполне естественным образом — фактические победители, т. е. Франция и Швеция, требовали, проигравшие, т. е. император и Испания, старались дать как можно меньше. При этом Испания была согласна на определенные уступки, чтобы развязать себе руки в войне с Францией, которая будет продолжаться еще целое десятилетие после подписания Вестфальского мира.

Цели участников были следующими. Швеция стремилась к гегемонии на Балтике и с этой целью добивалась присоединения немецкой прибалтийской территории Померания, а также добивалась укрепления позиций своих протестантских единоверцев. Франция пыталась выполнить вековую задачу — разорвать «окружение» испанских и австрийских Габсбургов. Для реализации этой цели французы проводили двоякую стратегию — они хотели отодвинуть и укрепить границы на Рейне и в Южных Нидерландах и, кроме того, ослабить австрийских и испанских Габсбургов у них в тылу, в Империи и Италии, опираясь на местных князей. Например, французы выдвигали территориальные требования к Империи, касавшиеся почти исключительно владений Габсбургов, но не прочих немецких князей. Император Священной Римской империи Фердинанд III в свою очередь понимал, что без территориальных и политических уступок победителям не обойтись. В инструкциях своему представителю Траутмансдорфу он выделил минимальные, средние и крайние пределы уступок. Благодаря дипломатическому искусству Траутмансдорфа, который, безусловно, играл на переговорах первую скрипку, уступки Империи в территориальных вопросах нигде не доходили до крайности. Однако возникла совершенно другая проблема — что было приемлемо для Фердинанда III как императора Священной Римской империи и государя Австрии, совершенно не устраивало союзных ему испанцев. Главное заключалось в том, что территориальные уступки на Верхнем Рейне разрывали так называемую «испанскую дорогу», которая связывала итальянские и нидерландские владения испанских Габсбургов. В итоге французская дипломатия торжествовала двойную победу, добившись не только территориальных уступок, но и отчуждения между своими извечными врагами — австрийскими и испанскими Габсбургами.

На следующих уровнях — конфессиональном и внутриимперском — главной проблемой являлись споры вокруг так называемого «нормального года». Из прошлых лет конфессионального противостояния предстояло выбрать тот год, в котором соотношение конфессий, их политических прав и территориальных приобретений могло устроить и католиков, и протестантов. Поскольку в ходе войны чаша весов неоднократно склонялась то к католикам и кайзеру, то к протестантам, от выбора «нормального года» как точки отсчета будущих отношений в Священной Римской империи зависело очень много. В итоге остановились на компромиссе — «нормальным» объявлялось

положение на 1 января 1624 г., а не 1618 г., как хотели протестанты, и не 1630 г., за который выступал император.

Перед самым заключением мира возникла проблема, связанная с процедурой его подписания и хорошо иллюстрировавшая важность вопроса старшинства и ранга для дипломатии раннего Нового времени. С этой точки зрения Вестфальский конгресс представлял собой настоящую ярмарку дипломатического тщеславия. Делегации соревновались между собой в пышности и помпезности, въезд послов иногда продолжался несколько дней, личная свита французского посла превышала 1000 человек — он обошелся бы и меньшим количеством, но должен был затмить имперского посла. На протяжении всех четырех лет переговоров послы соревновались в пышности своих резиденций, изысканности обедов и т. д. На эти годы Мюнстер, где имело штаб-квартиры большинство делегаций, превратился в самый дорогой город Европы. Споры о старшинстве не позволили даже написать ни одного группового портрета участников конгресса, так как они не могли поделить между собой места. Существует один-единственный рисунок всех основных участников конгресса — непрофессиональный художник сделал тайную зарисовку одной из встреч в резиденции шведского посла. Поэтому во избежание споров о порядке подписей в итоге решили отказаться от совместного подписания мирных договоров — оно происходило просто на квартирах послов 24 октября 1648 г. одновременно в Мюнстере и Оснабрюке.

Вестфальский мир

Состоявший из 17 обширных статей и напечатанный на латинском, голландском и немецком языках, *Оснабрюкский мирный договор* заявлял о восстановлении всеобщего мира, об амнистии и о реституции прежних владений (ст. 1—3). Он также регулировал многочисленные частные территориальные и политические изменения в Южной и Западной Германии, в том числе провозглашение баварского герцога восьмым курфюрстом и передачу ему Пфальца (ст. 4.). Особое значение имела статья 5, а также статья 7, посвященные конфессиональной проблеме. Были подтверждены положения Аугсбургского религиозного мира 1555 г., однако отныне смена конфессии государем необязательно влекла за собой то же в отношении его подданных; провозглашалось равноправие конфессий, запрет применения силы для решения религиозных вопросов и т. д. Статья 6 полностью выводила Швейцарию из юрисдикции Священной Римской империи, что было равносильно окончательному признанию ее независимости. Огромной важностью обладала статья 8, по которой субъекты Священной Римской империи получили право верховенства на своей территории и, по сути, полную самостоятельность в вопросах внешней политики, ограниченную лишь условием не заключать союзов, направленных против Империи. Статья 9 посвящалась урегулированию экономических вопросов, таких как пошлины, почтовые тарифы и т. д. В статье 10 говорилось о приобретениях Швеции, которая, получив крупные территории на южном побережье Балтики — Западную и часть Восточной Померании, епископства Бремен и Ферден (город Бремен сохранил самостоятельность), а также остров Рюген, значительно приблизилась к достижению своей вековой стратегической цели — превращению Балтики в «шведское озеро». Кроме того, в качестве властителя ряда германских

территорий шведский король стал имперским князем и получил постоянную возможность вмешательства во внутренние дела Империи. Статьи 11—15 касались территориальных изменений в Северной и Восточной Германии, в частности Бранденбург приумножил свои владения за счет Восточной Померании, Магдебурга и некоторых других земель, а Саксония приобрела Лужицкие земли. Статья 16 посвящалась выводу из Священной Римской империи шведских войск на условиях выплаты Швеции 5 млн талеров. Статья 17 объявляла условия мирного договора вечным законом для Империи. Наконец, дополнительная секретная статья обязывала императора к выплате дополнительных 600 тыс. талеров за вывод шведских войск из занятых областей.

Мюнстерский мирный договор со своими 120 параграфами был существенно короче Оснабрюкского. Положения общего характера в обоих договорах являлись идентичными, а из частных условий наиболее важными были параграфы 69—73, по которым Франция получила почти весь Эльзас за исключением Страсбурга, подтвердила свои права на епископства Мец, Туль и Верден в Лотарингии и добилась от австрийских Габсбургов обязательства не поддерживать испанских, поскольку война между Францией и Испанией продолжалась. Таким образом, Франция довольно широким фронтом вышла к Рейну, однако даже важнее этих территориальных изменений были политические — Вестфальский мир означал конец испано-австрийской династической «оси», главной константы международной политики на протяжении предыдущих полутора веков.

Помимо двух этих договоров, положивших конец Тридцатилетней войне, большое значение для развития международных отношений имел также отдельный *Мюнстерский договор*, заключенный еще 16 января 1648 г. между Испанией и республикой Соединенных провинций (Голландией) и положивший конец так называемой *Восьмидесятилетней войне*. Борьба за независимость семи северных провинций Испанских Нидерландов, шедшая с перерывами с 1568 г., в Мюнстере завершилась признанием испанским королем Голландии в качестве независимого и суверенного государства. Испанцы пошли на этот шаг, поскольку планировали продолжить войну с Францией и хотели лишить ее важного союзника, каким являлась Голландия.

С точки зрения истории международных отношений Тридцатилетняя война означала окончательное прощание со Средневековьем. Начавшись во многом как религиозная, она закончилась торжеством рационального «государственного интереса». Бесповоротно ушли в прошлое обе главные надгосударственные, «универсалистские» политические силы — идея единой империи и единой веры. Ослабление имперского контроля увеличило количество самостоятельных участников международных отношений — увеличило значительно, если учесть сверхнасыщенность государствами центра, и пространственную протяженность границ Империи, до 1648 г. формально включавшей в себя Швейцарию, Голландию и многие итальянские государства. Как принято считать, именно с 1648 г. начинается эпоха классической внешней политики — секуляризированной и основанной на принципах территориальности и суверенитета. Заявление этих принципов Вестфальским миром было тем более важно, что в качестве так называемых «привлеченных» держав стороны назвали Испанию, Англию, Данию, Норвегию, Польшу, все итальянские города и

государства, Швейцарию, всех курфюрстов, Португалию и Россию. Таким образом, к договорам были привлечены все европейские государи, за исключением папы и турецкого султана. Хотя ни один из них не подписывал договоры непосредственно, сам факт их косвенного участия служил заявленной в Оснабрюкском договоре цели «всеобщего мира». Таким образом, Вестфальский мир становился краеугольным камнем международных отношений Нового времени и оставался им — с модификациями — еще полтора века, вплоть до Венского конгресса 1815 г.

Тридцать лет войны изменили структуры международных отношений и, в частности, принесли с собой решение трех главных международных проблем старой Европы. Во-первых, фактически завершилась борьба Франции против угрозы ее «окружения» австрийскими и испанскими Габсбургами. Во-вторых, испанцы отказались от своих многолетних попыток вернуть под свой контроль Нидерланды. Наконец, была окончательно решена судьба Священной Римской империи. Вплоть до войны продолжали существовать шансы трансформации Империи в централизованное государство, которое, безусловно, оказалось бы самым мощным в Европе. Война привела к тому, что вместо возможного центра силы возник ее вакуум. Для самой Германии это обернулось долгосрочными негативными последствиями, в числе которых может быть названо, например, ее отсутствие в первой волне европейской колониальной политики. Для международных отношений 1648 г. означал появление весьма характерной, специфической структуры: слабый центр — сильные фланги, сохранение которой на долгие годы станет аксиомой европейской политики.

Политическая карта Европы после Тридцатилетней войны

Во многих своих частях отредактированная решениями Вестфальского конгресса политическая карта Европы к середине XVII в. выглядела следующим образом. На западе располагались крупные сформировавшиеся централизованные государства — Франция, Англия, Испания, а также Португалия, в 1640 г. расторгнувшая унию с Испанией, существовавшую с 1581 г. На севере, помимо Швеции, наиболее сильного государства, находилось также королевство Дания, в которое входила Норвегия. Как уже отмечалось, признание независимости получила Голландия. На востоке простирались огромные многонациональные государства: польско-литовская Речь Посполита (Польша), Османская империя (Турция) и Россия.

Самым сложным было положение в центре Европы. Пространство от Северного и Балтийского морей до острова Сицилия с севера на юг и от Франции до Польши с запада на восток представляло собой огромное скопление государств самого разного размера и политического устройства.

Большая часть государств этого региона, расположенная севернее Альп, была заключена в формальные рамки Священной Римской империи, однако после 1648 г. власть императора носила номинальный характер. Вестфальский мир закрепил раздробленность Империи на 234 государства, 51 вольный город и почти не поддававшееся учету количество более мелких носителей суверенных прав — от 1500 до 1900, по разным подсчетам. Наиболее раздробленным являлся запад

германских земель, в то время как на востоке преобладали более крупные государства, что было следствием колонизации немцами пространств Восточной Европы в Средние века. При этом политическая раздробленность германских государств стала нормой как внутреннего, так и международного права, поскольку Вестфальские договоры вошли в качестве составной части в так называемую «конституцию» Империи и получили внешних гарантов в лице Франции и Швеции. Ситуация осложнялась еще и тем, что имперские князья владели землями вне Империи (Венгрия, польские земли), а иностранные государи — короли Дании (герцогства Шлезвиг и Гольштейн, графство Ольденбург), Швеции (Западная Померания, Бремен), Испании (Испанские Нидерланды и Франш-Конте) — располагали территориями внутри ее. Особое место занимали стремительно выраставшие из мира германского мелкодержавья Австрия и позже Пруссия — две новые великие державы.

Италия также была раздроблена на полтора десятка государств, причем ее положение осложнялось еще и тем, что большая часть итальянских государств так или иначе находилась под иностранным контролем. Испания, вышедшая победителем из векового соперничества между Францией и австро-испанской династией Габсбургов, оказалась практически безраздельной владычицей Апеннинского полуострова. Ей принадлежал весь юг Италии — Неаполитанское королевство, а также Сицилия и Сардиния; на севере испанцы владели герцогством Милан и контролировали герцогство Мантуя, оказывали влияние на государства Центральной Италии — Тоскану и Парму. В зависимости от них оказалась даже Генуэзская республика — одно из самых сильных итальянских государств Средневековья. Никаким весом на международной арене не обладало и множество более мелких государств — маркизатов, графств, герцогств, расположенных по преимуществу на севере Италии. Самостоятельность и политическую значимость сохраняли лишь Папское государство, Венецианская республика и герцогство Савойя, включавшее в себя также Пьемонт.

Так выглядела исходная ситуация в Европе к началу нового этапа развития международных отношений после окончания Тридцатилетней войны. Однако, несмотря на всю пестроту мира государств Европы, в реальности далеко не каждая из стран могла оказывать существенное влияние на события на международной арене. Как уже отмечалось, первостепенное значение имели великие державы. Уже через несколько десятилетий после Вестфальского мира из клуба великих держав выбыла Испания — один из его старейших членов, а также едва вступившие в него Швеция и Голландия. С этого момента и по начало Первой мировой войны судьбы Европы будут определяться государствами «пентархии» — Францией, Австрией, Англией, Россией и Пруссией.

Франция

Особое место Франции в Европе определялось не только благоприятным для нее исходом Тридцатилетней войны, но и разного рода долгосрочными структурными предпосылками — крупная и относительно однородная территория с самым большим населением в Европе, практически со всех сторон защищенная естественными преградами — реками, горами и морями; образцовая государственность, бывшая предметом подражания для всей

Европы; наконец, такой менее осязаемый, но внешнеполитически чрезвычайно действенный фактор, как огромный престиж, авторитет, проистекавший уже не столько от особой сакральности «христианнейшего» короля Франции, сколько от мощи и почти магнетической притягательности французской духовной и материальной культуры. В иных случаях Версаль был не менее эффективной демонстрацией мощи, чем маневры на границах. Дипломатически этот особый престиж выражался, например, в том, что Франция безоговорочно лидировала по количеству своих представителей в высшем ранге посла, в то время как большая часть дипломатических представителей других держав имели ранги посланников и резидентов. Вообще большим преимуществом Франции была квалифицированная и действенная дипломатия, находившаяся на подъеме как с технической точки зрения (достаточно сказать, что за пятьдесят лет правления Людовика XIV персонал внешнеполитического ведомства вырос более чем в двадцать раз), так и в отношении творческого потенциала. Разрабатывались долгосрочные внешнеполитические концепции, например идея так называемого «восточного барьера» из подконтрольных Франции государств между германскими землями и Россией, которые должны были сделать дискомфортной для немцев любую войну с Францией и одновременно служить преградой для русской экспансии. Отголоски этой идеи будут слышны вплоть до XX века.

Внешнеполитическая ситуация Франции во второй половине XVII—XVIII в. определялась в первую очередь двумя долгосрочными конфликтами — с Габсбургами и с Англией, причем первый постепенно ослабевал, а второй неуклонно набирал силу — до тех пор, пока не превратился в главный антагонизм XVIII в. на международной арене. Структурной слабостью Франции в течение всего этого периода была стратегическая раздвоенность между сушей и морем: она являлась единственной великой державой, которая всерьез пыталась претендовать на ведущие позиции как в Европе, так и в колониях, истощая свои ресурсы и умножая ряды своих противников.

Монархия австрийских Габсбургов как государство и как великая держава была явлением относительно новым в европейской истории. Ее становление началось в XVI в., однако решающие сдвиги произошли только в XVII—XVIII вв. В 20-е гг. XVI в. почти в полном составе возникла территориальная основа нового государства с ее характерным подразделением на три части: немецкие «наследственные земли», земли короны св. Вацлава, включавшие Богемию, Моравию и Силезию, а также земли венгерской короны Св. Иштвана, куда, помимо Венгрии входили также Хорватия, Трансильвания и целый ряд территорий по течению Дуная, на Балканах и в Закарпатье. При этом из всех собственно венгерских земель Габсбурги получили лишь Западную Венгрию, поскольку вся остальная ее территория находилась под властью турок. Важным рубежом стали ход и итоги Тридцатилетней войны 1618—1648 гг., поскольку полный упадок Священной Римской империи в результате этой войны привел к смещению приоритетов в политике Габсбургов: они стали ощущать себя больше властителями своих австрийских владений, чем германскими императорами.

Из всех великих держав Австрия обладала наиболее уязвимыми позициями. Можно сказать, что она оказалась в заложниках своего собст-

венного славного прошлого, когда испано-австрийская династия Габсбургов была претендентом номер один на европейскую и даже мировую гегемонию. К середине XVII в. эта эпоха окончательно миновала, оставив австрийских Габсбургов один на один с разбросанными по всей Европе остатками былого величия — территориями, которые уже невозможно было удержать, обязательствами, которые уже невозможно было выполнить, и связанными с этим европейского масштаба конфликтами, в которых австрийской ветви Габсбургов с ее ограниченным потенциалом центрально-европейских земель уже невозможно было победить.

Одной из главных структурных слабостей австрийской внешней политики была разнородность монархии Габсбургов. Успехи прошлых лет превратили Австрию в беспрецедентное собрание корон и народов. Если первое ослабляло ее позиции в династическом XVIII в., то второе станет роковым в национальном XIX. Эта же разнородность множила внешнеполитические проблемы и заставляла Габсбургов постоянно переключать регистры, выступая то в роли кайзера Священной Римской империи, то венгерского короля, то правителя их рейнских владений.

Кроме того, геополитическая ситуация монархии Габсбургов являлась одной из самых сложных в Европе. Окраинное юго-восточное государство, десятилетиями первым принимавшее на себя мощные удары турок с юга, не было защищено естественными преградами и в других направлениях. Географическая близость вовлекала Австрию во многие конфликтные вопросы настоящего и будущего — польский, германский, итальянский, восточный. Однако специфика Австрии заключалась в том, что ее старые обязательства втягивали ее и в проблемы, масштаб которых выходил за пределы непосредственных австрийских политических интересов. Положение кайзера обязывало Габсбургов так или иначе участвовать во внешнеполитических событиях на многих границах Империи, а также влиять и на ее внутренние дела, умножая ряды недовольных и завистников. Кроме того, политическая традиция, династическое соперничество с Бурбонами и спорные территории обусловили постоянные конфликты Австрии с находившейся на другом конце континента Францией.

Наконец, международные позиции Габсбургов были существенно ослаблены падением престижа династии, столь важного в эту эпоху. В начале XVIII в. испанская ветвь исчезла, повсюду Габсбургов теснили Бурбоны — их главный династический конкурент, стремительно падал и престиж Габсбургов как кайзеров Империи. С конца XVII в. особый статус императора среди прочих европейских монархов признается все меньше, дипломаты кайзера теряют большую часть своих традиционных привилегий, а провозглашение России империей в 1721 г. еще больше девальвировало императорский титул.

Англия

Исходной предпосылкой фундаментального значения, предопределившей все внешнеполитические структуры Англии, было ее островное положение. Проигрывая некоторым великим державам по двум важнейшим показателям государственной мощи — размерам территории и численности населения, Англия имела решающее преимущество в третьем — в безопасности границ. В то время как для большинства континентальных держав в неспокойном XVII в. в конечном счете именно забота о безопасности

была двигателем внешней политики, который заставлял заключать союзы, входить в непомерные расходы на содержание постоянной армии и тратиться на строительство крепостей, Англия представляла собой абсолютную европейскую аномалию, по существу являясь великой державой без армии. Избавляя от насущных забот о безопасности, это стратегическое преимущество позволяло из года в год экономить огромные ресурсы и делало Англию более свободной в выборе внешнеполитического курса. Однако другая английская особенность заключалась как раз в том, что эта относительная свобода выбора существенно ограничивалась внутренними обстоятельствами. Ни в одной другой европейской стране на процесс принятия внешнеполитических решений не влияло такое количество факторов. Наряду с королем на выработку внешнеполитического курса оказывал влияние парламент, иногда, как в случае с вступлением в войну с Испанией в 1739 г., буквально навязывая королю и правительству свои решения. Нигде в Европе не было столь оформившегося, столь чувствительного к вопросам внешней политики и столь влиятельного общественного мнения. Партии, газеты, политические клубы, коммерческие лобби — вся эта политическая многозначность Англии, с одной стороны, давала шансы на проведение действительно национальной внешней политики, но, с другой — сковывала свободу маневра Англии на международной арене, одновременно создавая ей славу ненадежного союзника и непредсказуемого противника, одним словом, «коварного Альбиона».

Еще одной особенностью Англии было то, что в классическом для XVII—XVIII вв. наборе внешнеполитических факторов — династических, коммерческих и конфессиональных — англичане расставляли приоритеты несколько иначе, чем большинство держав на континенте. В частности, династические мотивы влияли на международную активность Лондона значительно меньше, в то время как религия и торговля воздействовали на внешнюю политику Лондона более прямо и отчетливо, чем в других европейских столицах. Например, Кромвель пытался создать Лигу протестантских стран, куда наряду с Англией вошли бы Голландия, Дания и швейцарские протестантские кантоны, а в 1650 г. даже направил посольство в Голландию с предложением объединения двух стран. При столь значительном месте конфессиональных мотивов тем более показательно их отступление практически всякий раз, когда они сталкивались с коммерческими интересами. Это объяснялось не только общеевропейским явлением секуляризации политики, но и особенно большим весом в английской внешней политике экономических факторов. С теми же голландскими единоверцами Англия в третьей четверти XVII в. воевала трижды, стоило разойтись их экономическим интересам.

На протяжении большей части XVII в. Англия была не в состоянии проводить эффективную внешнюю политику. Революция и гражданская война, с одной стороны, ослабили ее международные позиции в целом и, с другой — до крайности затруднили выработку последовательного внешнеполитического курса: Яков I тяготел к Испании, Карл II и Яков II — к Франции, Карл I дистанцировался от обеих, а парламент оспаривал у королей право руководства внешней политикой и требовал поддержки протестантского дела. Серьезный удар по международным позициям Англии нанесла также казнь коро-

ля в 1649 г. Однако сквозь все колебания внешнеполитического курса постепенно проступала новая конфигурация английской политики, в основе которой отныне и на два века вперед лежали две связанные между собой идеи — европейское равновесие и господство на морях.

В Англии существовала одна из самых старых традиций восприятия равновесия как некоего идеала в самых разных сферах — в астрономии, медицине, эстетике и, конечно, политике. В политической мысли идея равновесия приобрела особое звучание после опыта революции и гражданской войны, что выразилось, например, в концепции разделения властей. Будучи перенесенной в сферу внешней политики, идея равновесия была в первую очередь средством не допустить гегемонии какой-либо державы. В Лондоне считали, что такая держава смогла бы сосредоточить в своих руках достаточно ресурсов, чтобы поколебать господство англичан на море и тем самым составить угрозу как самой Англии, так и ее заморским владениям. Иными словами, англичане воспринимали европейское равновесие в значительной степени инструментально, как средство достижения более важной цели. В общих чертах существо английской политики заключалось отныне в том, чтобы предоставить континентальным державам выяснять отношения до тех пор, пока не будут затронуты английские интересы. В этом случае англичане, с одной стороны, задействовали свою морскую мощь — устраивали блокады вражеского побережья, обстрелы, десантные операции и, с другой — искали «континентального солдата», руками которого за английские деньги устранялся возможный претендент на европейское доминирование — в XVIII в. это почти всегда была Франция. Таким образом, выступая в роли главного механизма машины европейского равновесия, англичане заботились не столько о ней самой, сколько о своей главной цели, суть которой хорошо выразил известный писатель и предприимчивый торговец Д. Дефо: «Владеть морями — значит владеть всеми державами и всей торговлей в Европе, Азии и Африке».

Россия Правление Петра I, изменившее все дальнейшее течение русской истории, оказалось поворотным и для внешней политики России. В XVII в., казалось, ничто не пред-

вещало ее будущего взлета. Страна с трудом приходила в себя после последствий Смутного времени; ее международные позиции были весьма ущербными. Смутное время стоило ей потери развитых западнорусских земель со Смоленском, вошедшим в состав Польши; одновременно Швеция лишила Россию доступа к Балтийскому морю; с юга постоянно угрожала татарская агрессия, для предотвращения которой Москва выплачивала крымским татарам унижительные «поминки». Иными словами, Россия, казалось, была бесконечно далека от той роли регионального лидера с обширной сферой влияния, с которой обычно связывались представления о великой державе.

Огромной проблемой являлось отсутствие выхода к морю. При тогдашнем состоянии дорог и средств сообщения море значило очень и очень много. Отсутствие выхода к морю было чревато экономическим, а иногда и политическим диктатом морской державы, оно означало ограниченность культурного, политического и военно-технического обмена. Однако в первую очередь море означало торговлю. Господствовавшая теория меркантилизма предполагала, что объем

денежной массы и оборота товаров являются постоянными величинами, поэтому считалось, что увеличение доли одной страны в общем экономическом «пироге» автоматически ведет к сокращению доли других. Это соображение, бывшее одним из существенных дополнительных мотивов в войнах раннего Нового времени, в случае с Россией усиливалось желанием устранить промежуточные инстанции в лице иностранного купечества и принять непосредственное участие в распределении богатств.

Добившись в ходе Северной войны 1700—1721 гг. выхода к Балтийскому морю и разгромив Швецию, Россия тем самым оказалась участником европейской дипломатической игры. Вместе с тем поворот к Европе был не просто следствием удачной войны, но и результатом целенаправленной политики Петра I, который, желая европеизировать Россию, имел в виду и ее полноценное участие в международных отношениях в Европе.

С первых десятилетий XVIII в. Россия присутствовала в Европе как данность, но была далеко не сразу принята прочими европейскими державами и тем более не была признана такой же, как они, — последнего (по большому счету) так никогда и не произойдет. Для принадлежавших к одному культурному и цивилизационному кругу западных держав Россия являлась инородным телом. Иногда это прямо сказывалось и на ее международных позициях — например, ее не пригласили на Ахенский конгресс 1748 г. из-за мнимой русской «нецивилизованности», что совершенно не согласовывалось со статусом великой державы, которым она уже располагала. Включение России в круг великих держав затруднялось и принятием Петром I императорского титула. Европейские правительства были шокированы, поскольку подобное решение шло вразрез с традиционным восприятием императора как единоличного главы христианской Европы и означало изменение всей дипломатической иерархии и церемониала. Русским дипломатам устраивали обструкции, в частности по этой причине их не допустили на конгресс в Суассоне в 1729 г. В целом признание императорского титула отдельными странами затянулось вплоть до 60-х гг. XVIII в., однако показательно, что в конце концов он был признан всеми странами без исключения, т. е. Европа признала особое положение России. Позже всех это сделала Польша — в 1764 г.

Помимо трений такого рода признать Россию одной из европейских держав мешал иной масштаб страны — ее территории, ее интересов, далеко выходявших за пределы Европы, ее потенциала государственной мощи. Будучи отделенной сотнями километров от наиболее сильных европейских держав и самых острых европейских противоречий, в силу своего флангового положения не подвергаясь угрозе войны на два фронта, обладая к середине XVIII в. самой многочисленной профессиональной армией, Россия в целом воспринималась в Европе как неудобный, трудно предсказуемый и опасный партнер.

Пруссия

Может быть, самой большой новостью международной политики XVIII в. стало появление в роли великой державы Пруссии — небольшого окраинного государства с 2,2 млн человек, занимавшего тринадцатое место по численности среди европейских стран.

Успех Пруссии был в первую очередь успехом династии Гогенцоллернов. Получив в начале XV в. ядро будущего королевства — курфюршество Бранденбург, в начале XVII они сделали приобретения, которые во многом предопределили будущее развитие страны, — владения на Нижнем Рейне, на самом западе Империи, а также Пруссию, находившуюся за ее пределами на востоке. Герцогство Пруссия, представлявшее собой земли Тевтонского ордена под сюзеренитетом польской короны, позднее дало название и всему государству. Таким образом, Бранденбургско-Прусское государство складывалось из трех отделенных друг от друга десятками и сотнями километров территориальных комплексов. Эта исходная ситуация лежала в основе специфических черт прусской государственности: раздробленность государственной территории требовала особенной эффективности от государственного аппарата, а стратегическая уязвимость диктовала необходимость мощной армии. Обе черты — милитаризованность и эффективный государственный аппарат — станут несущей конструкцией Прусского государства и сохранятся на следующие три века его существования.

Еще одним секретом успеха Пруссии была политическая воля ее правителей, на протяжении многих поколений преследовавших одну цель. Красной нитью политических завещаний Гогенцоллернов, их государственной идеей являлось «округление», расширение территорий, иначе говоря, экспансия. В этих условиях армия, и без того крайне необходимая при геополитической уязвимости Пруссии, превратилась в главный предмет заботы ее королей. При Фридрихе Вильгельме I (1713—1740), прозванном «король-солдат» (французы называли его «король-сержант»), на армию уходило до четырех пятых бюджета, в целом в XVIII в. — около двух третей. Соотношение военного и гражданского населения не укладывалось ни в какие европейские нормы: каждый тридцатый житель Пруссии был солдатом. Как следствие — Пруссия имела армию подготовленных солдат, умевших быстрее всех в Европе перезаряжать ружья; этих солдат вели офицеры-юнкеры, считавшие войну своим главным жизненным предназначением; этими офицерами в лице Фридриха II командовал полководец, почти не знавший поражений. В итоге именно армия стала для Пруссии пропуском в клуб сильнейших держав континента: заявив о себе как о политической величине в войне за Испанское наследство, в войне за Австрийское Пруссия уже практически завоевала признание в качестве великой державы, хотя и оставалась самой маленькой из «пентархии» вплоть до 60-х гг. XIX в.

В отличие от всех остальных великих держав внешнеполитические приоритеты Пруссии долгое время носили не европейский, а сугубо региональный, местами даже провинциальный, характер. Пользуясь исключительной пестротой и мозаичностью германской политической карты, правители Пруссии в течение десятилетий удовлетворялись тем, что отщипывали отдельные кусочки этой мозаики. Одним из наиболее значимых успехов подобной политики стало присоединение в конце Северной войны части Западной Померании с устьем Одера.

Европейское измерение имела все возрастающая активность Пруссии в Польше, интересовавшей Гогенцоллернов и как объект возможной экспансии, и как залог партнерских отношений с Россией, дружба которой обеспечивала сохранность восточных границ и считалась

одной из аксиом прусской политики. Завоевание Силезии в ходе войны за Австрийское наследство 1740—1748 гг. также не осталось просто внутригерманским событием благодаря зарождению так называемого «австро-прусского дуализма», непримиримого противоречия, на долгие годы ставшего одной из главных констант международных отношений.

§ 2. *Войны Людовика XIV*

Родившийся в Мюнстере и Оснабрюке новый европейский порядок долгое время оставался нестабильным. Исчезновение разного рода надгосударственных авторитетов и ориентация исключительно на эгоистический государственный интерес имели и оборотную сторону — отсутствие ограничителей. В отличие от достаточно конкретных целей войн в прошлом (спорная территория, неверность вассала, помощь единоверцу) «государственный интерес» обосновывался рационалистически и в значительной степени абстрактно, т. е. мог трактоваться сколь угодно широко. В реальности единственным ограничителем для чьего-либо государственного интереса выступало лишь столкновение с себе подобным. Утратив прежнюю общность, Европа превратилась в арену непрерывных конфликтов суверенных государств. Именно из хаоса этих столкновений и родилось европейское равновесие — родилось сначала как данность, как практика и лишь затем было возведено в ранг основного постулата международных отношений.

Внешняя политика Людовика XIV

В первые десятилетия после Вестфальского мира существовали три главные международные проблемы: борьба с османской угрозой, соперничество за Балтику, а также стремление Франции к региональной и европейской гегемонии.

Вступив в Тридцатилетнюю войну на завершающем этапе, Франция сумела решить ее исход в свою пользу и на несколько десятилетий превратилась в бесспорного лидера европейской системы международных отношений.

При всей важности долгосрочных структур именно люди превращают их в политическое действие. Успехи Франции середины XVII в. были связаны с именами выдающихся политиков своего времени — с Ришелье и Мазарини. Последние десятилетия XVII и начало XVIII в. стали эпохой Людовика XIV.

После смерти в 1661 г. Мазарини, крестного отца Людовика XIV не только в буквальном, но и в политическом смысле, король приступил к самостоятельному правлению. И именно в сфере внешней политики, которую Людовик называл «подлинным ремеслом короля», эта самостоятельность сказалась в наибольшей мере. Несмотря на великолепный дипломатический аппарат и на целый штат советников, в числе которых выделялся такой выдающийся государственный деятель, как Ж.-Б. Кольбер, только король в конечном счете решал, какой шаг сделает Франция завтра.

Основываясь на наследии своих предшественников и восприняв традиционное антигабсбургское направление их политики, Людовик XIV совершенно изменил ее смысл. Ришелье и затем Мазарини

не были сторонниками прямой силовой политики. Считая, что «лучше держать руку в кармане, чем на рукояти меча», они субсидировали противников своих врагов, сеяли рознь внутри Империи под предлогом защиты «исконной немецкой свободы» и ограничивались осторожными «округлениями» территории Франции. Подобная политика оказалась чрезвычайно эффективной. За Вестфальским миром, снявшим всякую угрозу со стороны австрийских Габсбургов, последовал *Пиренейский* (1659 г.), сделавший то же в отношении испанских. Этот мир, завершивший испано-французскую войну 1635—1659 гг., принес Франции Руссильон и вместе с ним замкнутую южную границу по Пиренеям, а также женитьбу Людовика XIV на испанской инфанте и тем самым возможность так или иначе влиять на испанские дела. В итоге оба кардинала оставили в наследство королю сильнейшую европейскую страну с боеспособной армией и относительно безопасными границами. Однако для Людовика все эти следствия многолетней борьбы против гегемонии Габсбургов стали предпосылками для попыток установления собственной гегемонии. Именно он своей политикой наглядно продемонстрировал, что «государственный интерес» мог трактоваться как угодно широко. То, что для Ришелье и Мазарини было целью, Людовик превратил в исходный пункт и перешел к открытой агрессивной политике в отношении соседних стран и, по-прежнему стараясь как можно дальше отодвинуть все менее вероятную угрозу «окружения» Габсбургами, вплотную подвел Францию к европейской гегемонии.

Французский король не руководствовался какими-то долгосрочными планами. Он был скорее прагматиком и старался всякий раз использовать выгодное для Франции сложение сил на международной арене. При этом он не ограничивался выжиданием подобной благоприятной ситуации, а старался создать ее сам, действуя активно и наступательно. В качестве постоянной внешнеполитической константы он учитывал традиционное противостояние с Габсбургами. Именно на нем, на его взгляд, держалось европейское равновесие, которое он хотел изменить в пользу Франции: «Нельзя поднять одну, не опустив другую», — заявлял король.

Этому благоприятствовала и внешнеполитическая обстановка, сложившаяся к началу его правления. Испания была обескровлена неудачной войной с Францией и истощала себя в попытках вернуть отложившуюся в 1640 г. Португалию; Англия испытывала внутренние трудности из-за конфликта парламента с новым королем Карлом II, и к тому же обострились англо-голландские отношения; Австрия была вовлечена в очередной виток войн с Османской империей; Швеция увязла в борьбе с Данией и Польшей. Сложились все предпосылки для того, чтобы заявить о ведущей роли Франции на континенте.

Деволуционная война

Людовик XIV вел войны на всех трех сухопутных границах Франции. Первой из них стала *Деволуционная война* 1667—1668 гг. Под предлогом существовавшего в Брабанте частного права так называемой деволуции, согласно которому наследники от первого брака имели предпочтение перед всеми остальными, Людовик заявил претензии на Испанские Нидерланды — так назывались десять провинций во главе с Брабантом и Фландрией, оставшихся в руках испанских Габсбургов после обретения независимо-

сти Голландии. При этом он ссылался на то, что его супруга была рождена в первом браке испанского короля Филиппа IV. Поскольку при вступлении в брак супруга Людовика XIV официально отказалась от наследства, с правовой точки зрения эти претензии были не основательными, однако французский король заявил, что этот отказ не имеет юридической силы, так как он не получил приданого от испанской стороны в оговоренные сроки.

После отказа Испании признать его претензии началась война. Вторгшись в Испанские Нидерланды, Людовик задел один из главных нервных центров европейской политики: он создал прямую угрозу Голландии, бросил вызов Империи, поскольку Испанские Нидерланды формально входили в ее состав, и, наконец, настроил против себя Англию, которая никак не хотела видеть расположенную прямо напротив своих берегов Фландрию во французских руках. Затронув этот чувствительный вопрос, Людовик мгновенно высветил новые контуры международной политики, которые при менее энергичном начале еще какое-то время могли оставаться расплывчатыми: практически все великие державы независимо от прежних позиций потенциально были готовы выступить против угрозы французской гегемонии. В Деволюционную войну этот конфликтный потенциал не был реализован в полной мере; хотя Англия и Голландия поспешили закончить шедшую между ними войну и вместе с присоединившейся к ним Швецией (Тройственный союз) выступили против Франции, французской дипломатии с помощью разного рода маневров удалось нейтрализовать германские государства, а также парализовать императора, с одной стороны, прельщая его обещаниями раздела испанского наследства и, с другой — дестабилизируя ситуацию в австрийском тылу руками турок и венгерских повстанцев. В итоге перед лицом антифранцузского альянса Людовик пошел на компромисс и вернул часть завоеванных в Испанских Нидерландах территорий по *Аахенскому миру* с Испанией (1668 г.), который французский король с самого начала воспринимал как перемирие.

Голландская война

Следующей в череде войн Людовика XIV стала так называемая *Голландская война* 1672—1678 гг. Развязывая новую войну, Людовик руководствовался не только территориальными амбициями, но и желанием ослабить конкурента французской коммерции и одновременно отомстить Голландии, бывшей вдохновительницей Тройственного союза с Англией и Швецией, за частичную неудачу в предыдущей войне. В начале войны вновь блестяще себя проявила французская дипломатия: Тройственный союз распался, император вновь воздержался от вмешательства, а Англия — пример переменчивости союзов — на этот раз выступила на стороне Франции против Голландии как своего главного морского соперника. К началу войны Голландия была полностью изолирована, лишь Бранденбург-Пруссия искал для себя выгод и субсидий, то заключая союз с Голландией, то вновь выходя из войны. Только героическая оборона самих голландцев, которые пошли на разрушение дамб и частичное затопление собственной страны, смогла остановить французские войска.

С затягиванием войны менялась и расстановка сил — на стороне Голландии выступили Испания, Дания и император, Францию поддержала Швеция, а Англия вышла из войны, сочтя Голландию уже

достаточно ослабленной и не желая чрезмерного усиления Франции. В итоге при английском посредничестве был заключен *Нимвегенский мир* 1678 г., состоявший — еще один успех французской дипломатии — из нескольких сепаратных договоров Франции со своими противниками: Франция не получила Голландию, но присоединила очередную часть Испанских Нидерландов с Валансьеном, а также важную провинцию Франш-Конте на своей восточной границе; Франция и Швеция заключили мир с императором на основе Мюнстерского и Оснабрюкского договоров 1648 г. По мощи и политическому влиянию Франция угрожающе далеко оторвалась от прочих европейских держав.

До сих пор остается спорным, стремился ли Людовик XIV к европейской гегемонии как к осознанной цели или же всего лишь исправлял стратегические слабости французских границ. Несмотря на все естественные преграды, границы Франции, особенно на востоке и севере, оставались проблемными. Они отличались крайней изрезанностью очертаний, и, кроме того, то, что на карте казалось сплошной линией, при ближайшем рассмотрении могло представлять собой настоящую чересполосицу французских и иностранных владений. Например, в Лотарингии, одном из самых спорных европейских регионов, частью территорий владела Франция, некоторые города принадлежали австрийским Габсбургам, вся Лотарингия была владением герцогов Лотарингских и одновременно входила в состав Священной Римской империи. Людовик хотел вытянуть замысловатую кривую французских границ в относительно ровную и непрерывную линию, отнести их подальше от внутренних областей Франции и сделать их неприступными, построив так называемый «железный барьер» — огромную цепь приграничных укреплений, сооружением которых занимался крупнейший фортификатор своего времени С. Вобан. Средством «исправления» границ служили не только войны, но и политика «реунионов» — «воссоединений», по существу представлявших собой захват целого ряда пограничных территорий в мирное время и под надуманными юридическими предложениями, изобретением которых занимались специально созданные органы. «Воссоединенными» оказались Страсбург, Люксембург, многие германские территории, а также очередная часть Испанских Нидерландов. По *Регенсбургскому соглашению* 1684 г. кайзер, целиком поглощенный борьбой с турками, был вынужден принять все эти территориальные изменения, и тем самым Франция как никогда близко подошла к европейской гегемонии. Таким образом, присутствовавшие в политике Людовика XIV оборонительные мотивы реализовывались за счет соседей, проводились агрессивными мерами и угрожали европейскому равновесию, поскольку стремление к идеальным границам могло завести куда угодно. Примером тому стала следующая война Людовика XIV.

Девятилетняя война Войне предшествовало создание так называемой Аугсбургской лиги 1686 г. — оборонительного союза против Франции, в котором приняли участие император, Испания, Швеция, Бавария, Саксония и некоторые более мелкие германские государства.

Поводом к войне стало французское требование предоставить часть наследства умершего пфальцского курфюрста для его сестры,

бывшей замужем за герцогом Орлеанским. За этим требованием скрывались не только экспансионистские намерения в отношении Пфальца, но и стремление закрепить территориальные захваты последних лет путем превращения Регенсбургского соглашения в окончательный мирный договор. В 1688 г. началась война, вошедшая в историю под многими названиями — Десятилетняя, Орлеанская, война за пфальцское наследство, война Аугсбургской лиги. Последнее название не вполне точно, поскольку Аугсбургская лига к этому времени практически распалась, однако французской стороной война рассматривалась именно как борьба против объединенного Аугсбургской лигой фронта противников Франции.

Фактически Людовик спешил нанести своего рода превентивный удар, поскольку к этому времени исключительно благоприятная международная ситуация, которая лежала в основе французских успехов предшествовавших десятилетий, кардинальным образом изменилась. Особое значение имели два обстоятельства. Во-первых, огромные успехи против турок на Балканах позволили императору Леопольду по-настоящему повернуться к Рейну; во-вторых, вместе со «Славной революцией» 1688 г. и изгнанием Якова II, «пенсионера французского короля», закончился период, когда Англия в значительной степени шла в кильватере французской политики. Итогом стало складывание в 1689 г. так называемого Большого альянса, куда, помимо Австрии и Англии, вступили также Нидерланды, Испания и Савойя. Настоящим вдохновителем Большого альянса, самым последовательным противником гегемонизма Людовика XIV и приверженцем европейского равновесия стал Вильгельм III Оранский (1650—1702), голландский штатгальтер и с 1689 г. король Англии. Вдобавок ко всему в этот раз удалось привести к общему знаменателю разноречивые интересы немецких князей, что позволило — редчайший случай — объявить Франции так называемую имперскую войну. Еще никогда Людовику не противостояла столь мощная коалиция, в то время как сама Франция испытывала внутренние сложности, связанные с отменой в 1685 г. Нантского эдикта о веротерпимости. Сама война воплотила в себе многие характерные черты коалиционных войн этой эпохи. Она шла сразу на многих театрах — на западе Империи, в Италии, в Испанских Нидерландах и в самой Испании, однако по преимуществу сводилась к маневрам, а также к тяжелым и дорогостоящим, но по сути ничего не решавшим осадам. Гораздо активнее, чем в прошлые войны Людовика, велись боевые действия на море. Однако за исключением разгрома французского флота в 1692 г. при Ла Уге при попытке высадки десанта в Англии никаких решающих прорывов не происходило и на морях: англичане установили блокаду французского побережья, но французы отвечали каперством. К концу войны возникла своеобразная патовая ситуация: сражаясь с многочисленными противниками, с четырех сторон окруживших Францию, Людовик уже не мог всерьез рассчитывать на победу, у коалиции же не хватало сил и внутреннего единства, чтобы нанести решающий удар. В итоге катастрофическое внутреннее положение Франции, к концу 90-х гг. стоявшей на грани государственного банкротства, вынудило Людовика пойти на мир.

Главной идеей завершившего войну и подчеркнуто опиравшегося на Вестфальские соглашения *Рисвикского мира* 1697 г. было возвращение к территориальному статус-кво: Людовик возвращал почти все

«реунионы» и завоевания последних лет, сохранив за собой лишь Эльзас и Страсбург, а также западную часть острова Сан-Доминго. Главной политической потерей было вынужденное признание Вильгельма III Оранского английским королем. Тем самым Франция лишалась постоянного рычага давления на Англию, которым она располагала в лице экс-короля Якова и его английских, ирландских и шотландских сторонников. Неудача в Девятилетней войне стала одной из причин следующей и последней войны Людовика XIV — войны за испанское наследство.

Война за испанское наследство 1701—1714 гг.

Несмотря на похожую расстановку сил и сценарий развития событий, четвертая война Людовика значительно отличалась от предыдущих, и в первую очередь тем, что торговое и колониальное соперничество, лишь обозначенное в прошлых войнах, в полный голос заявляет о себе и вместе с ним на авансцену европейской политики выходит Англия.

При всем разнообразии и при всей подвижности международных отношений, в последние десятилетия XVII в. они находились в тени главной проблемы — испанского наследства. Несмотря на важность текущих европейских дел, взгляды политиков в главных европейских столицах были постоянно обращены на Пиренейский полуостров, что объяснялось очевидностью проблемы и ее масштабом: испанский король Карл II Габсбург не имел детей, а его наследство было одним из самых больших в мире, поскольку включало в себя не только Испанию и ее разнообразные владения в Европе, но и огромные заморские территории. В ноябре 1700 г. бомба с часовым механизмом взорвалась — последний из испанских Габсбургов умирает.

Тремя наиболее заинтересованными в испанском наследстве сторонами являлись Австрия, Франция и Англия. И Габсбурги, и Бурбоны были связаны с испанским престолом теснейшими династическими узами: две сестры, дочери испанского короля Филиппа III, были матерями Людовика XIV и кайзера Леопольда I, и две сестры, дочери Филиппа IV, стали их женами. Таким образом, двоюродные братья, французский и австрийский монархи, претендовали на наследование своему шурина. В течение десятилетий продолжалось перетягивание дипломатического каната: за «французской» женитьбой Карла II последовала «австрийская», в роли наследника престола внука Леопольда I сменил внук Людовика XIV. Насколько старым было соперничество Габсбургов и Бурбонов, настолько же традиционными — династическими — были и его способы.

В отличие от них Англии не было дела до всех этих генеалогических тонкостей. В Лондоне подходили к испанской проблеме с собственными мерками — колонии и равновесие. Сосредоточение в руках одной державы всего испанского наследства означало бы угрозу и тому и другому, поэтому Англия выступила за его раздел. Вскоре договоренности о разделе испанских земель между Габсбургами и Бурбонами были достигнуты. Однако завещание Карла II создало совершенно новую ситуацию: не желая дробления своих владений, он целиком завещал их внуку Людовика XIV Филиппу Анжуйскому, указав, что в случае его отказа все достанется Габсбургам. В этих условиях Людовик отказался от прежних обещаний, объявил Филиппа

Анжуйского королем Испании и, согласно легенде, заявил, что между Испанией и Францией «нет больше Пиренеев». Перспектива превращения и без того сильной и агрессивной Франции в мировую сверхдержаву сделала войну неизбежной.

Таким образом, в начинавшейся войне соединились два основных конфликта: габсбургско-бурбонский, главный конфликт прошлых веков, и англо-французский — главный конфликт начинающегося века. С точки зрения истории международных отношений война за испанское наследство имела особое значение из-за своего многоуровневого характера. Речь шла не только о собственно испанских территориях, но и о преобладании в Европе, даже более того — об основном принципе международных отношений: гегемония или равновесие.

В войне принимали участие две коалиции. Против Франции, поддержанной лишь курфюрстами Баварии, Кёльна и некоторыми итальянскими государствами, выступили Англия, Австрия, Голландия, Священная Римская империя, Португалия, Савойя и Пруссия. Таким образом, расстановка сил в целом напоминала Десятилетнюю войну, однако с тремя существенными отличиями. Во-первых, с юга Франции больше не угрожала Испания. Во-вторых, император, прямо на пороге войны подписавший мир с Турцией, отныне мог бросить против Франции все свои силы. И наконец, главное заключалось в том, что Англия, задетая за живое предоставлением французским купцам исключительных прав в испанских землях Латинской Америки и признанием Францией в качестве английского короля сына низвергнутого Якова II, становится едва ли не самым активным участником антифранцузского альянса. Помимо своего традиционного вклада в союзническое дело — субсидий и флота, Англия посылает на континент и сухопутную армию под командованием выдающегося полководца герцога Мальборо.

Боевые действия велись сразу на многих фронтах — в Италии, Испании, Испанских Нидерландах и на Рейне, а также в колониях и на морях. Несмотря на отдельные успехи французов, в целом в первые годы войны перевес был на стороне союзников. Они выиграли три стратегически важных сражения на трех основных фронтах: под Хехстштедтом в 1704 г. была снята угроза французского вторжения в Австрию, при Рамийи в 1706 г. разгром французов позволил взять под контроль большую часть Южных Нидерландов, наконец, победа под Турином в 1706 г. укрепила позиции союзников в Северной Италии. Лишь в Испании провозглашенный испанским королем австрийский эрцгерцог Карл терпел поражения, однако контроль англичан над Португалией и захват ими Гибралтара, ключа от Средиземного моря, отчасти компенсировали эти неудачи. Критическая ситуация вне и внутри страны заставила Людовика XIV в 1709 г. предложить очень широкие уступки, по которым Бурбоны отказывались от претензий на испанскую корону, возвращали Эльзас, часть Лотарингии и свои приобретения в Испанских Нидерландах. Однако союзники пошли еще дальше и потребовали, чтобы Людовик выступил против собственного внука Филиппа V. Переговоры были прерваны, и противники еще несколько лет истощали себя в затяжной войне, будучи не в силах нанести решающий удар.

В конечном счете судьбу войны решили два события, произошедшие далеко от полей сражений. В 1711 г. на парламентских выборах в

Англии победили противники войны тори, и в том же году неожиданно умирает новый германский император Иосиф I. Его брат Карл, будучи претендентом на испанский трон, теперь наследовал и все австрийские земли. Одной только перспективы воссоздания мировой империи Карла V оказалось достаточно, чтобы и без того уставшая от войны антифранцузская коалиция распалась. Вслед за англичанами в 1712 г. из войны вышли голландцы, и мир стал неизбежен.

**Утрехтский,
Раштаттский
и Баденский миры**

В январе 1712 г. в Утрехте открылся мирный конгресс, в котором приняли участие все противники Франции, за исключением императора, который продолжал войну вплоть до 1714 г. *Утрехтский мир* состоял из семи двусторонних договоров, подписанных в апреле и июле 1713 г. Францией и Испанией с их противниками по войне за испанское наследство.

По франко-английскому договору Франция признавала новую, Ганноверскую династию в Англии, навечно отказывалась от попыток установления личной унии Франции и Испании, передавала Англии Гудзонов залив, Новую Шотландию и Ньюфаундленд.

Франко-голландский договор предполагал уступку Голландии Испанских Нидерландов для последующей передачи Австрии. Баварский курфюрст, которому Франция до этого передала Испанские Нидерланды, должен был быть вознагражден за их уступку землями в Германии и, возможно, королевством Сардиния. По южным границам Испанских Нидерландов создавался так называемый «барьер» — система крепостей с голландскими гарнизонами, которые не на страх, а на совесть следили за своим извечным противником. Соответствующие договоренности между Англией и Голландией были достигнуты еще в 1709 г., подтверждены в Утрехте и окончательно закреплены в австро-голландском договоре 1715 г. По этому договору Голландия получала право иметь свои гарнизоны в восьми крепостях на французской границе, которые должны были содержаться за счет ежегодной выплаты 500 тыс. талеров с территории бывших Испанских, а ныне Австрийских Нидерландов.

За основу франко-прусского договора были взяты Вестфальский и Рисвикский миры с некоторыми территориальными подвижками на Рейне в пользу Пруссии; франко-португальский договор предписывал обеим сторонам конфликта вернуть Португалии захваченные у нее колонии в Южной Америке; договор Франции с Савойей определял границу между ними в Альпах.

Испано-английский договор признавал Ганноверскую династию; передавал в английские руки город и крепость Гибралтар и остров Менорка в Средиземном море; подтверждал заключенный в том же году договор ассiento об исключительных правах англичан на работу и торговлю в Испанской Америке; передавал королевство Сицилию савойскому герцогу, который таким образом стал королем. Последнее подтверждалось также и отдельным договором непосредственно между Испанией и Савойей.

По *Раштаттскому миру* между Австрией и Францией, заключенному 6 марта 1714 г., Франция обязывалась вернуть Австрии и другим германским государствам захваченные ею земли на правом берегу Рейна и снести там свои укрепления; союзным Франции кур-

фюрстам Баварии и Кёльна возвращались их владения; Сардиния, обещанная в Утрехте баварскому курфюрсту в качестве компенсации за Испанские Нидерланды, передавалась Австрии, как и другие испанские владения в Италии, прежде всего Неаполитанское королевство и Милан; Бавария получала Верхний Пфальц.

Последним из трех мирных договоров, завершивших войну за испанское наследство, стал *Баденский мир* 1714 г., объявивший условия Раштаттского мирного договора обязательными для всех членов Священной Римской империи.

Итоги войны

В отношении собственно испанского наследства достигался некий компромисс: Австрия получила Испанские Нидерланды и большую часть испанских владений в Италии, а Филипп V сохранил за собой испанский трон и колонии.

Одним из главных результатов войны стало крушение гегемонистских планов Франции. С целью предотвращения их возможного возрождения в будущем Утрехтский мир воздвиг вокруг Франции своеобразные кордоны: на Рейне укреплялись позиции ряда германских государств и срывались французские укрепления. В другом традиционном объекте французской экспансии — Италии — Людовику XIV противопоставлялась все та же Австрия. Обещание, что Франция и Испания навеки будут существовать раздельно, означало, помимо прочего, международно-правовую фиксацию постепенного отступления династического принципа во внешней политике.

Результаты войны для Франции оказались двойственными. Она сумела выстоять в борьбе против всей Европы и выйти из нее с относительно небольшими потерями. Косвенным свидетельством по-прежнему безоговорочного престижа Франции в Европе стал тот факт, что договоры в Утрехте впервые были написаны не на латыни, а на французском, и, несмотря на то что специальная статья Раштаттского мирного договора гласила, что из этого не следует дальнейшее использование французского языка в международных отношениях, отныне именно французский станет повсеместным дипломатическим языком. Однако в целом Франция понесла два поражения сразу, поскольку, помимо потери доминирования в Европе, она уступила и в колониях (см. главу о колониальной экспансии). Неудачи в войне во многом были связаны именно со стратегической раздвоенностью внешней политики Франции, превратившей ее в точку пересечения континентальных и колониальных противоречий. Неясность внешнеполитических приоритетов обернулась тратой огромных ресурсов и в конечном счете поражением Франции, хотя еще Кольбер советовал Людовику сосредоточиться именно на колониях, утверждая, что за ними будущее.

Подлинным победителем в войне за испанское наследство стала Англия. Ее территориальные приобретения были довольно скромны, однако их значение выражалось не в количестве квадратных километров, а в том, что с их получением Англия обеспечивала себе морское, торговое и в перспективе колониальное преобладание.

Англичане добились своих целей и в континентальной Европе, о чем красноречиво свидетельствует содержание мирных договоров в Утрехте, главным творцом которых стал английский государственный секретарь Г. Болингброк. Написанные французским языком, они излагали английские идеи, и в первую очередь равновесие. Не случайно

фиксация принципа равновесия как основополагающей нормы международного права произошла именно в договорах Англии с двумя ее главными противниками — гегемонистской Францией и колониальной Испанией.

Таким образом, в этом раунде эпохального англо-французского антагонизма Англия одержала победу над Францией, а принцип равновесия — над гегемонией. Еще одним результатом войны стало начало складывания пентархии. Окончательно сошли с дистанции старые великие державы Испания и Голландия, и выделилась четверка лидеров XVIII в. — Англия, Франция, Австрия и впервые заявившая о себе Пруссия. Какая из держав добьется регионального преобладания на востоке Европы и тем самым станет пятой в «большой пятерке», решалось в борьбе за Балтику.

§ 3. *Соперничество на Балтике во второй половине XVII — начале XVIII в.*

Расстановка сил

Наряду с Западной Европой еще одним узлом международных противоречий была Балтика. В раннее Новое время Балтийское море играло значительную роль как в региональном, так и в общеевропейском контексте. Достаточно сказать, что Англия и Голландия, Франция и Испания создавали свои колониальные империи на кораблях из балтийской корабельной сосны, просмоленных балтийской смолой и с такелажом из балтийской пеньки. Кроме того, страны Балтийского региона являлись основными поставщиками льна, меди, чугуна, а также зерна. Несмотря на свою отдаленность, этот стратегически важный регион оказывался вовлеченным и почти во все более широкие европейские конфликты (англо-голландское соперничество на морях, борьба между Бурбонами и Габсбургами, конфессиональные противоречия). Для самих стран региона прочные позиции на Балтике были жизненной необходимостью не только потому, что обеспечивали им участие в европейской торговле, но также из политических и стратегических соображений, тем более что большинство из них не имело выхода к другим морям.

Основными действующими лицами в борьбе за Балтику стали прибрежные государства — Швеция, Польша, Дания, Пруссия, Россия, а также Англия. Сама борьба складывалась из множества двусторонних и многосторонних конфликтов (например, соперничество Пруссии и Польши в Курляндии, желание России пробиться к Балтике, борьба различных северогерманских государств между собой и против Дании и Швеции и т. д.). Особое значение имело упоминавшееся стремление Швеции превратить Балтику в «шведское озеро», а также проблема Зунда. Балтийское море, будучи почти полностью внутренним, имело выход к открытым морям только через пролив Зунд, контроль над которым давал большие стратегические преимущества, а главное — огромные доходы от зундской торговой пошлины.

Развитие событий на северо-востоке Европы во многом напоминало западноевропейский сценарий. Как и на западе Европы, точкой отсчета здесь стала Тридцатилетняя война, в ходе которой Швеция превратилась в великую державу и добилась почти полного преобла-

дания на Балтике. Однако стоило ей лишь сделать шаг к гегемонии, против нее, как и против Франции на другом конце Европы, тут же выступила целая коалиция. Швеция стремилась приобрести часть польских земель на побережье Балтики, а также отнять у Дании область Сконе на самом юге Скандинавского полуострова, что позволило бы ей контролировать северный берег пролива Зунд.

Северная война 1655—1660 гг.

Со второй половины XVI в. в Швеции была выдвинута идея владения Балтикой. К этому времени ситуация выглядела следующим образом. Швеция, включавшая тогда в себя современную Финляндию, контролировала все северное побережье Балтийского моря. На востоке, на берегу Финского залива, простирались земли Московского государства. На западе исключительно выгодными позициями располагала Дания, которая владела Ютландским полуостровом на выходе из Балтийского моря и полностью контролировала узкие проливы Зунд и Белт, поскольку лежащая по ту сторону проливов область Сконе также принадлежала ей. Контроль над проливами и зундской пошлиной был источником богатства Дании, зависти Швеции и недовольства Англии, желавшей беспрепятственно торговать на Балтике. На южном побережье Балтики с востока на запад следовали: бывшие владения Ливонского ордена — Лифляндия, от которой во второй половине XVI в. отделились Курляндия и Эстляндия; территория Речи Посполитой, владения которой были разрезаны землями герцогства Пруссия, возникшего на месте Тевтонского ордена и находившегося в вассальной зависимости от Польши; земли целого ряда немецких княжеств и городов-государств.

Первый раунд битвы за Балтику пришелся на конец XVI — начало XVII в. и принес Швеции контроль над восточной Балтикой. Воспользовавшись тяжелым положением России в эпоху Смутного времени, шведы организовали вооруженную интервенцию и в 1617 г. навязали ей тяжелый *Столбовский мир*. Россия не только лишалась всякого выхода к Балтийскому морю, но с потерей Невы и Карелии отодвигалась от него дальше в глубь континента, Финский залив превращался, по сути, просто в большую шведскую бухту. Следующей целью шведов стало закрепление на южных берегах Балтийского моря.

Войны с Польшей и Данией и, соответственно, договоры в *Альтмарке* 1629 г. и в *Бремсбурге* 1645 г. принесли Швеции Ливонию, а также крупнейшие и ключевые для контроля акватории Балтийского моря острова Саарема и Готланд. Благодаря активному участию в Тридцатилетней войне Швеция закрепила еще и на германском побережье Балтики, получив Западную Померанию и устья впадающих в Балтику важнейших германских рек. После этого на Балтике вне шведского контроля осталось единственное по-настоящему важное место — проливы, связывающие Северное и Балтийское моря. Швеция поставила себе целью заполучить датскую область Сконе, т. е. встать на северном берегу пролива Зунд и установить свой полный контроль над всеми передвижениями и всей торговлей на Балтике. Однако попытка установить фактически полную гегемонию на Балтике на этот раз вызвала решительное противодействие сразу нескольких заинтересованных стран и привела к большой войне.

С 1655 по 1660 г. шла так называемая Северная война — для того чтобы отличить ее от Северной войны начала XVIII в., ее иногда на-

зывают первой Северной. Это был наиболее значительный международный конфликт в Балтийском регионе в XVII в. В войне с разной степенью участия против Швеции выступили Польша, Дания, Голландия, Бранденбург-Пруссия, Австрия и Россия. Воспользовавшись шедшей в то время войной в 1654—1667 гг. между Польшей и Россией за присоединение Украины, шведы вторглись в Польшу и нанесли ей ряд тяжелых поражений; развернувшись на север, они создали угрозу Пруссии и вынудили ее подписать позорный *Кёнигсбергский договор*, по которому Пруссия становилась вассалом Швеции и в качестве такового в дальнейших боевых действиях выступала на стороне Швеции. Одновременно началась русско-шведская война 1656—1658 гг., а затем и шведско-датская война 1657—1658 гг. Обе войны закончились победами Швеции: *Кардисский мир* 1661 г. повторил невыгодные для России условия Столбовского мира 1617 г., а *Роскильский мир* 1658 г. с Данией принес Швеции огромный успех — область Сконне и вместе с ней выход к проливу Зунд. Однако чрезмерное усиление Швеции вызвало к жизни коалицию против нее в составе Австрии, Польши и переметнувшейся в противоположный лагерь Пруссии. Кроме того, коалицию поддержала Голландия, недовольная перспективой ограничения Швецией ее торговли на Балтике. Союзники одержали несколько побед, результатом которых стало заключение *Оливского* и *Копенгагенского миров* 1660 г. Швеция получила Сконне, сохранила свои довоенные прибалтийские приобретения, но была вынуждена отказаться от захваченных в ходе войны земель, прежде всего от Курляндии. Кроме того, под давлением Англии, Франции и Голландии провозглашалась свобода плаванья в проливах Зунд и Белт. Побочным, но очень важным результатом войны явилось признание полного суверенитета курфюрста Бранденбурга в Пруссии. Тем самым было положено начало постепенному восхождению Пруссии к статусу великой державы.

Северная война имела отчасти тот же эффект, что и Тридцатилетняя, — она внесла некоторую ясность. Подобно тому как это было на западе и в центре Европы, после длительного периода нестабильности и целых десятилетий конфликтов на некоторое время возникли относительно устойчивая международная ситуация, определенное соотношение региональных сил, закрепленное в целой серии мирных договоров. Все дальнейшее развитие международных отношений в этом регионе будет вести свой отсчет от результатов Северной войны, так же как в Центральной и Западной Европе — от Вестфальского и Пиренейского миров.

Относительный успех Швеции в войне одновременно стал абсолютным максимумом ее внешнеполитических достижений. Новая война принесла с собой новую расстановку сил.

Северная война 1700—1721 гг.

Этой новой войной стала вторая, или великая, Северная война 1700—1721 гг. — самый продолжительный военный конфликт XVIII в. Объединившиеся в союз Россия, Дания и состоявшие в династической унии Саксония и Польша намеревались подвергнуть ревизии результаты предыдущей войны, а также лишить Швецию контроля над балтийской торговлей. Главной задачей России по-прежнему оставалось возвращение выхода к Балтике. Принципиальное значение для хода войны имело ее вре-

менное соседство с войной за испанское наследство, по сути лишившее западные державы всякой возможности эффективного вмешательства.

В феврале 1700 г. саксонский курфюрст Август II Сильный осадил принадлежавшую шведам Ригу, а Дания напала на союзный Швеции Гольштейн. Однако шведский король Карл XII (1697—1718), быстро разгромив Данию, вынудил ее к подписанию в августе *Травендальского мира* и выходу из войны. Именно в этот момент, ничего не зная о событиях в Дании, Петр I объявил войну Швеции и уже спустя три месяца потерпел жестокое поражение под Нарвой.

Главной ареной Северной войны на следующие годы стала Польша. После целой серии поражений в Польше и Саксонии Август II в 1706 г. был вынужден подписать навязанный ему мир, по которому он отказывался от польской короны в пользу избранного польским сеймом еще двумя годами раньше шведского ставленника С. Лещинского, а также от всех союзных обязательств, направленных против Швеции. Это стало высшей точкой достижений Швеции в войне и одновременно единственной реальной возможностью для соединения Северной войны с войной за испанское наследство. Для превращения Европы в арену беспрецедентной по масштабам войны Карлу XII было достаточно атаковать Австрию, к чему своего давнего союзника упорно подталкивала Франция. Однако Австрия, и без того сражавшаяся сразу на многих фронтах, предпочла пойти на уступки стоявшим на ее границах шведам, в частности гарантировав права протестантов в Силезии.

Вторжение шведов в Россию и поражение под Полтавой в 1709 г. полностью изменили ход войны. Сухопутная мощь шведов была сломлена, в войну вновь вступили Дания и Саксония, с Россией стала сближаться Пруссия. После окончания войны в 1713—1714 гг. за испанское наследство в антишведскую коалицию вступила и Англия. В итоге к 1716 г. Швеция потеряла все свои владения на южном побережье Балтики.

Завершение в войны за испанское наследство привело к усилению внимания прочих держав к Северной войне и к ее постепенной европеизации. Укрепление России всерьез беспокоило европейские державы, поскольку она не только прорвалась к Балтике, но с помощью брачной дипломатии укрепилась также в Курляндии и прибалтийском немецком герцогстве Мекленбург. Кроме того, стало стремительно расти влияние России в Польше, особенно после решений так называемого «немного» сейма 1717 г., который без дискуссий принял ряд решений, навязанных ему из Петербурга. Постепенно возник антирусский фронт европейских держав во главе с Англией, короли новой династии которой происходили из приграничного Мекленбургу Ганновера и которая к тому же опасалась за балтийскую торговлю в случае доминирования на Балтике России.

В 1718 г. состоялся мирный *конгресс на Аландских островах*, на котором российские представители попытались склонить шведов к территориальным уступкам в Восточной Балтике с возможными компенсациями за счет Ганновера или Дании. Тем самым подтвердились худшие опасения англичан. Не без их влияния, а также в связи с гибелью Карла XII в 1718 г. конгресс завершился неудачей. После этого Англия развернула бурную деятельность, направленную против Рос-

сии: она подписала договор с Австрией и Саксонией с целью положить предел русскому присутствию в Польше; заключила англо-шведский мир, а затем и союз; под ее влиянием и в обмен на обещание устья реки Одер с г. Штеттин очередной переход в противоположный лагерь совершила Пруссия (впрочем, почти сразу же тайно обещавшая России свой нейтралитет). Вся эта деятельность не увенчалась успехом прежде всего потому, что у создаваемой Англией антирусской коалиции не было сухопутных сил, способных вытеснить русские полки из Польши и Финляндии. В итоге Англия не смогла предложить даже посредничество — условия закончившего войну *Ништадтского мира* Россия и Швеция определили в переговорах один на один. По Ништадтскому миру 1721 г. Россия получила Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, часть Карелии и Моонзундские острова. За приобретенные территории Россия выплатила Швеции 2 млн ефимков, а также предоставила право беспошлинно вывозить из Лифляндии значительное количество зерна. Кроме того, Петр I признал нового шведского короля — Фридриха I.

Значение Северной войны

Значение Северной войны и Ништадтского мира очень велико. Главное заключалось в том, что в результате войны полномочия великой державы на северо-востоке Европы Швеция сдала России. Важен был сам факт появления России в качестве активного игрока на европейской арене. Являясь абсолютным новшеством в истории международных отношений, оно уже само по себе не могло не вызвать их перестройку. К тому же замена Швеции на Россию не была равнозначной. На место страны с ограниченными региональными интересами вступила держава с неизмеримо большими ресурсами, проявлявшая активность не только в различных европейских вопросах, но и в отношении Турции, Центральной Азии, Дальнего Востока. Показательно, например, что единственным местом в Европе, где изучался японский язык, был Петербург. Это ощущение иного масштаба новой великой державы выразилось в принятии Петром I в 1721 г. титула императора.

Едва заявив о себе, Россия тут же выдвинулась на позиции регионального лидера, уже в ходе войны обозначив будущие векторы своей политики: подчинение своему влиянию Польши и Швеции, сотрудничество с Пруссией, противостояние Англии.

В общеевропейском контексте Ништадт означал для Севера и Востока Европы то же, что Утрехт для Запада и Юга, а именно модификацию Вестфальской системы. Дело не только в том, что Швеция уже не могла играть предписанную ей в Мюнстере и Оснабрюке важную европейскую роль, в частности поддерживать порядок 1648 г. в Священной Римской империи. Видоизменилась сама структура международных отношений. Под аккомпанемент сражений войны за испанское наследство с авансцены европейской политики сошли Испания и Голландия, но заявила о себе Пруссия. Северная война принесла падение Швеции и Польши, но возвышение за их счет России. Таким образом, результатом войн начала XVIII в. стало складывание пентархии, заменившей многочисленную и более подвижную систему 1648 г. олигархией пяти сильнейших государств и ставшей основой международных отношений более чем на целый век вперед.

§ 4. Турецкие войны второй половины XVII — начала XVIII в.

Наряду с Западом и Балтикой третьим конфликтным очагом на карте Европы были ее юго-восточные окраины. Политический и стратегический ландшафт этого региона существенно отличался от двух других: относительная малонаселенность, большие расстояния, ограниченный круг — по преимуществу крупных — государств и довольно зыбкие границы между ними. Главное же своеобразие международных отношений в этом регионе было связано со спецификой их основного конфликта — турецких войн.

Специфика турецких войн

С одной стороны, как и в двух других случаях, речь шла о попытке установления региональной гегемонии одной державы. Вместе с тем турецкие войны имели характер религиозного и цивилизационного конфликта и потому были особенно упорными и ожесточенными.

Султан считал себя главой мира, не признавал равенства партнеров по переговорам и находился как бы в постоянном состоянии войны с «неверными». Отсюда — завершение войн не мирами, а перемириями, отказ признавать четкие границы и иметь постоянные миссии за границей. Существовавшие при константинопольском дворе миссии европейских государств воспринимались как выражение покорности и признание превосходства султана.

Со своей стороны большинство европейских стран трактовало Османскую империю как «наследственного врага» христианства. Войны против Турции велись во многом как религиозные. Победитель турок Евгений Савойский получил от папы римского освященный меч и посылал в Ватикан знамена разбитых турецких армий. Именно папы римские выступали в роли главного вдохновителя борьбы с турками, периодически организовывая «Священные лиги» и призывая к новому крестовому походу. Однако, несмотря на все усилия, борьба с турками так и не стала общеевропейским делом и велась главным образом теми странами, которых непосредственно коснулась турецкая угроза, — Австрией, Венецией, Польшей и Россией.

Ко второй половине XVII в. сложилась оригинальная ситуация — Турция активно взаимодействовала с европейскими государствами, категорически не желая признавать себя частью европейской системы и не будучи признана в качестве таковой. И тем не менее Османская империя неуклонно сближалась с Европой, хотя и своеобразным способом — ведя против нее войны.

Характер войн с османами разительно отличался от европейских эмоциональным накалом, стремлением уничтожить иноверца и, соответственно, большими человеческими потерями. Эти потери еще более возрастали благодаря особенно широкому применению трудно контролируемых иррегулярных войск, а также тому, что турки не делали больших различий между военным и гражданским населением, уничтожая тысячи людей либо уводя их в рабство для последующей продажи на невольничьих рынках.

С середины XVII в., с восхождения на престол султана Мехмеда V, начался новый этап в трехвековой непрерывной агрессии османов, по-прежнему смертельно опасной для стран Юго-Восточной и Центральной Европы.

В ходе Тридцатилетней войны и в первое десятилетие после нее с Турцией сохранялся мир, заключенный императором в свое время для того, чтобы обеспечить себе тыл для борьбы на Западе. Однако в 60-е гг. мир был нарушен из-за обострения проблемы Трансильвании — бывшей части средневековой Венгрии, в 1526 г. захваченной турками и пользовавшейся автономными правами. Поводом к войне послужила борьба за трансильванский престол между ставленниками Габсбургов и Турции, в которой, по сути, речь шла о том, останется ли Трансильвания турецким сателлитом.

Короткая австро-турецкая война началась турецким нападением в 1663 г., шла с переменным успехом и закончилась подписанием *Вашварского мира* в 1664 г. Несмотря на успехи в конце войны, по условиям мира Габсбурги неожиданно пошли на значительные уступки в связи с беспокойной обстановкой на Западе и волнениями в Венгрии: в частности, в Трансильвании оставался турецкий ставленник, а сам кайзер обязывался сделать султану подарки на 200 тыс. гульденов. Главной причиной неудачи были опасения войны на два фронта. Дело в том, что еще в 30-е гг. XVI в. возникла прочная связка между Османской империей и Францией. С тех пор на разных этапах противостояния Франции и Габсбургов французской дипломатии неоднократно удавалось открывать против них второй фронт на Балканах.

Несмотря на поспешно заключенный мир, полностью подобное развитие событий исключить не удалось, и следующая австро-турецкая война 1683—1697 гг. шла одновременно с Девятилетней войной 1688—1697 гг., что затянуло и осложнило ее протекание. Вместе с тем в этот раз Австрия была не одинока — при посредничестве папы в 1684 г. создается очередная «Священная лига» с участием Австрии, Польши и Венеции, а позже против османов в войну вступила Россия. В том же 1684 г. Габсбурги заключили перемирие с Францией, позволившее им бросить все свои силы против турок. В результате Османская империя подверглась скоординированному давлению с трех сторон: на северо-западе австрийские войска освободили большую часть Венгрии, на северо-востоке Россия взяла крепость Азов, на юго-западе Венеция захватила части Мореи (Пелопонесса).

Завершивший войну *Карловицкий мир* 1699 г., представлявший собой три двусторонних договора Османской империи с Австрией, Венецией и Польшей, знаменателен не только территориальными изменениями, в частности переходом Венгрии из турецких рук в австрийские и возвращением Польше отторгнутой у нее ранее Подолии. Этой войне и ее ключевому моменту — осаде турками Вены в 1683 г. — принадлежит совершенно особое место в истории османской угрозы Европе. Разгром осаждавших Вену турок разделил две эпохи во взаимоотношениях Османской империи и европейских государств: после трехсот лет поражений Европа перешла в наступление. Следующие двести лет турки будут только терять. С 1683 г. начинается постепенное изменение ракурса восприятия Турции в Европе — то, что началось как проблема турецкой угрозы, постепенно

превратится в так называемый восточный вопрос, т. е. проблему турецкого наследства. Карловицкий мир стал и точкой отсчета включения Турции в европейскую систему. Пушки Евгения Савойского объяснили султану основы международного права лучше любых дипломатов. Турки впервые признали принцип равенства договаривающихся государств, и тем самым были заложены основы для превращения Османской империи в участника европейской системы международных отношений. Начиная с Карловицкого мира турки заключают не только перемирия, но и «вечные» миры, признают нейтральных посредников, соглашаются на определение четких границ. Отныне Турция стала все больше учитываться не просто как перманентная угроза, а как фактор равновесия и участник союзов.

В 1714 г. турки отвоевали у венецианцев Пелопоннес, что вызвало новую войну против Турции 1716—1718 гг., которую Австрия вела в союзе с Венецией. Эта война также во многом вдохновлялась папой, пропагандировалась как новый крестовый поход и отличалась необычной жестокостью, когда, например, в сражении под Белградом было уничтожено более 10 тыс. турок. *Пожаревацкий мир* 1718 г. принес Австрии оставшуюся часть Венгрии — Банат, а также некоторые другие территории; Венеция же лишилась Мореи.

Это была последняя война с Османской империей, в которой Австрия играла безоговорочно ведущую роль и добилась столь же безоговорочной победы. В дальнейшем течении XVIII в. на первые роли в борьбе с турецкой угрозой выходит Россия.

Русско-турецкие войны Длинная череда русско-турецких войн с конца XVII по конец XVIII в. характеризовалась значительной динамикой в соотношении сил и изменениями преследовавшихся Россией целей. Начавшись как естественное продолжение борьбы против нападений Крымского хана, вассала турецкого султана, продолжившись попытками добиться выхода к Черному морю, на завершающем своем этапе они были связаны с экспансией России на Кавказ и ее стремлением добиться преобладающего влияния на Балканах и в черноморских проливах Босфор и Дарданеллы.

Первая русско-турецкая война 1676—1681 гг. вытекала из проблемы Украины, входившей в состав Польши, но в XVII в. ставшей предметом притязаний Османской империи, с одной стороны, и России — с другой. По условиям *Андрусовского перемирия* 1667 г., завершившего русско-польскую войну 1654—1667 гг., Россия получила Левобережную Украину; стороны также договаривались о совместном противодействии крымско-турецкой угрозе. Овладев украинскими землями на восточной стороне Днепра, Россия тем самым стала одной из сторон конфликта из-за Правобережной Украины, особенно ее южной части — Подолии. В роли главных участников конфликта выступали Турция, Польша и лавировавший между ними гетман Правобережной Украины Дорошенко.

С первых десятилетий XVII в. турки стремились к овладению Подолией и по *Журавинскому миру* 1676 г., завершившему польско-турецкую войну 1672—1676 гг., добились своего. Тем самым владения турок вплотную приблизились к русской части Украины. Взаимные попытки России и Турции перешагнуть разделявший их Днепр привели к войне 1676—1681 гг. Эта война закончилась подписанием *Бах-*

бахчисарайского перемирия сроком на двадцать лет, по которому турки, представленные на переговорах крымским ханом, признали присоединение к России Правобережной Украины и Киева.

В войне «Священной лиги» против Турции 1683—1699 гг. Россия играла второстепенную роль. В 1686 г. она подписала «*Вечный мир*» с Польшей, в целом подтверждавший условия Бахчисарайского перемирия и делавший Россию участницей антиосманской коалиции. Собственно участие России в войне выразилось в двух неудачных походах против Крымского ханства 1687 и 1689 гг., а также овладении Азовом в 1696 г. В 1700 г. с Турцией было заключено перемирие на тридцать лет, по условиям которого Россия получила Азов с частью побережья Азовского моря.

Русско-турецкая война 1710—1713 гг. находилась в тесной связи с событиями Северной войны. Перенесение в 1707—1709 гг. театра боевых действий Северной войны на Украину привело к укреплению там позиций России и вызвало недовольство Османской империи, которая, подстрекаемая сбежавшим в Турцию после поражения под Полтавой Карлом XII, в 1710 г. объявила России войну. Главным событием войны стал неудачный для русских Прутский поход Петра I в 1711 г., закончившийся подписанием *Прутского мира* 1711 г., спустя два года подтвержденного в Адрианополе: Россия возвращала Турции Азов и срывала крепости на побережье Азовского моря.

Очередное обострение русско-турецких отношений было связано с попытками России проникнуть в Закавказье. Персидский поход Петра I 1722—1723 гг. привел к заключению *Петербургского договора* 1723 г., по которому к России отходили части южного и западного побережий Каспийского моря с Баку и Дербентом. Это означало прямое столкновение с интересами Османской империи, также претендовавшей на иранские земли. В 1724 г. Россия и Турция разграничили свои владения на Кавказе, однако сохранившиеся трения стали одной из причин очередной войны с Турцией; в качестве же главной в Петербурге ставили задачу выхода к Черному морю, однако эта проблема будет решена в дальнейшем течении XVIII в.

Глава 3. Международные отношения в Европе до Французской революции

§ 1. Международные отношения в Европе в 20—30-е гг. XVIII в. и война за польское наследство 1733—1738 гг.

**Ситуация
после войны
за испанское
наследство**

После окончания войны за испанское наследство главными возмутителями спокойствия были две страны, недовольные ее результатами, — Австрия и Испания, так и не заключившие между собой официального мира. Обе стремились подвергнуть ревизии Утрехтский мир и выдвигали обоюдные территориальные претензии: Карл VI не расстался с

надеждой заполучить Испанию, а Филипп V пытался вернуть отошедшие к Австрии итальянские владения Испании. Наконец, Испания и Австрия оказались в центре европейской политики и из-за своих династических проблем: Филипп V стремился добиться в Италии наследований для своего потомства, а Карл VI добивался от европейских государств признания *Прагматической санкции* 1713 г., провозглашавшей неделимость владений Габсбургов и право их наследования по женской линии. В первые десятилетия XVIII в. европейские отношения в значительной мере проходили под знаком этих династических проблем.

В отличие от них Англия и Франция, две ведущие державы, были заинтересованы в сохранении спокойствия в Европе: Франция — потому что оказалась истощена чередой войн Людовика XIV, Англия — потому что была удовлетворена достигнутыми результатами и хотела спокойно пожинать плоды успеха. К тому же обе страны испытывали некоторые внутренние трудности династического свойства — в Англии произошла смена династии, во Франции после смерти Людовика XIV начался период регентства.

Англо-французское сближение

Из этих предпосылок родилась внешне-политическая сенсация — сближение Англии и Франции, двух исторических противников.

К этому сближению подталкивала активность Испании, не примирившейся с тем, что она лишилась всякой почвы в Италии, где преобладала два века. В 1717 г. испанские войска вторглись в Сардинию и Сицилию. Ответом стал союз Англии, Австрии и Франции, заключенный в 1718 г. с целью сдерживания претензий Испании. Этот союз был задуман как своего рода система коллективной безопасности и подразумевал мирное урегулирование претензий обеих ревизионистских стран — Испании и Австрии. В отношении Испании договор предусматривал передачу ей прав наследования в герцогствах Парме, Пьяченце и Тоскане. Правившая в Парме династия Фарнезе находилась под угрозой вымирания, и честолюбивая супруга испанского короля, урожденная Фарнезе, во что бы то ни стало хотела утвердить на пармском престоле своего сына Дона Карлоса. В то же время испанцы претендовали и на Тоскану, пользуясь тем, что пресеклась правившая там с XV в. династия Медичи. Одновременно договор шел навстречу давнему желанию Австрии обменять полученную по Раштаттскому миру Сардинию на Сицилию, поскольку последняя находилась в географической и политической близости к полученному по тому же миру Неаполитанскому королевству.

Помимо уступок, Англия и Франция применили к Испании и военную силу, в результате чего она была вынуждена присоединиться к союзу. Однако участие в союзе не решило всех задач Австрии и Испании, к тому же росли противоречия по отношению к лидерам союза: Испания надеялась вернуть Гибралтар, а Вену не устраивали английские ограничения в отношении австрийской Ост-Индской компании, основанной в 1722 г. во вновь присоединенных Австрийских Нидерландах. В итоге Австрия и Испания заключили собственный союз, и таким образом на международной арене возникла одна из самых причудливых конфигураций, когда формальных союзников — Англию и Францию, Австрию и Испанию — разделяли большие противоречия, чем противоречия их противников.

На протяжении нескольких следующих лет союзы менялись с калейдоскопической быстротой. Процессом большой важности стало постепенное отчуждение между Англией и Австрией, с 80-х гг. XVII в. почти постоянно находившихся в союзных отношениях. В Лондоне ставили в вину Австрии, что она недостаточно уступчива по отношению к Испании в тосканском вопросе и тем самым создает опасные международные трения. К этому добавилось и недовольство торговой конкуренцией со стороны австрийской Ост-Индской компании. Главное же заключалось в том, что после войны за испанское наследство исчезла угроза французского гегемонизма, служившая основой связи Австрии и Англии. В качестве средства давления на Австрию Англия в 1721 г. заключила договор с Францией и Испанией, а два года спустя — с Пруссией, положив начало долгой истории англо-прусского сотрудничества.

Перед лицом обострения международной ситуации в 1724 г. был созван *конгресс европейских держав в Камбрэ*, безуспешно обсуждавший основные острые проблемы международных отношений — Гибралтар, австрийскую Ост-Индскую компанию, наследование в итальянских герцогствах. Неудача конгресса стала причиной неожиданной попытки Испании добиться своих целей непосредственно в переговорах со своим противником — Австрией. Результатом этих переговоров стал *Венский договор 1725 г.*, по которому Карл VI окончательно отказывался от испанского престола, а Филипп V — от Австрийских Нидерландов, Милана и Сицилии; Испания признавала Прагматическую санкцию; Парма, Пьяченца и Тоскана после смерти правящих герцогов переходили к Дону Карлосу. В дополнение к политическому соглашению был заключен военный союз, а также торговый договор, давший австрийской Ост-Индской компании право торговли во всех испанских колониях, кроме американских.

В 1726 г. к австро-испанскому союзу фактически присоединилась Россия, заключив оборонительный договор с Австрией. Для России это был первый союз в ее новом статусе империи и великой державы, начало ее постепенного вхождения в систему европейских дипломатических связей на постоянной основе. При этом возникшая австро-русская связь на десятилетия превратится в одну из самых устойчивых на международной арене.

Ответом на австро-испанский союз стало заключение союза между Англией, Францией и Пруссией в 1725 г.; впрочем, Пруссия уже в следующем году вновь с легкостью перешла в противоположный союз, стоило лишь ей узнать, что в него вступила Россия. Так постепенно начала формироваться близость трех «северных», или «восточных», монархий, которой было суждено стать одним из краеугольных камней европейских международных отношений вплоть до 80-х гг. XIX в.

В середине 20-х гг. Европа стояла на грани войны, поскольку Испания приостановила действие торговых привилегий, полученных Англией в Утрехте, и начала осаду Гибралтара; английские войска высадились в Италии; Австрия разорвала дипломатические отношения с Англией. Однако в итоге кризис удалось разрешить мирным путем, и был подписан *Венский договор 1731 г.*, согласно которому Австрия признавала передачу итальянских земель Пармы, Пьяченцы и Тосканы Дону Карлосу, сыну Филиппа V, ликвидировала Ост-Инд-

скую компанию, но получала признание Прагматической санкции со стороны Англии и Испании. В том же году после смерти последнего Фарнезе Дон Карлос официально стал пармским герцогом. Так был сделан первый шаг к возвращению испанских Бурбонов в Италию.

После разрешения кризиса европейский политический калейдоскоп сложился в привычные сочетания. Испания, получив свое в Италии, вновь вспомнила о Гибралтаре и потерях в колониях и вернулась к союзу с династически близкой Францией. Главное же заключалось в том, что ключевые европейские державы восстановились после войн начала века, и разделявшие их противоречия вновь вышли на первый план. Англо-французский антагонизм снова занял главенствующее место, поскольку экономически и политически окрепшая Франция больше не хотела поддерживать английскую политику сохранения Утрехта. Англия также испытывала беспокойство из-за роста внешней торговли Франции и возрождения ее военной мощи. Ожились и франко-австрийские противоречия. Франция не подписала Венский договор 1731 г. и не признала Прагматическую санкцию, поскольку была готова это сделать только в ответ на встречные территориальные уступки на Рейне. Все эти противоречия привели к новой европейской войне.

Война за польское наследство

Этот конфликт затронул два уровня европейской политики. На одном, региональном, речь шла о судьбе собственно Польши и о позиции ее заинтересованных соседей — России, Австрии и Пруссии. В более широком контексте речь шла об очередной попытке возвышения Франции и о европейском равновесии.

Польша, второе по размерам европейское государство, находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса. С последних десятилетий XVII в. там утвердился принцип выборности короля, что превратило польский престол в постоянный объект соперничества иностранных государств. Со времен Северной войны 1700—1721 гг. особенно прочными позициями в Польше обладала Россия, однако смерть в 1733 г. Августа II вновь поставила польский вопрос в повестку дня европейской политики. Франция, противопоставлявшая своего кандидата еще выбору Августа II, вновь попыталась укрепиться в Польше и провозгласила в качестве претендента на престол бывшего ставленника Карла XII С. Лещинского, ставшего к тому времени тестем французского короля. У этого решения был и дополнительный династический акцент: женившись на особе не августейших кровей, Людовик XV хотел задним числом придать мезальянсу респектабельность и «сделать королеву дочерью короля». Австрия, Россия и Пруссия выдвинули своего кандидата — Августа III, сына умершего короля. В ответ на смещение с помощью русской военной силы уже избранного королем Лещинского и воцарение Августа Франция в 1733 г. объявила Австрии войну.

Крах французского кандидата означал сильнейший удар по престижу Франции, столь важному в династической Европе, и стал существенным толчком к войне. Однако европейской эта война была прежде всего потому, что затронула многие проблемы, далекие от польских границ. Франция хотела получить Лотарингию — свою многовековую цель, достижение которой оказалось под угрозой из-за планировавшегося брака герцога Лотарингского и Марии Терезии,

дочери императора. Савойя претендовала на Ломбардию на севере Италии, а Филипп V стремился заполучить принадлежавшие Австрии Неаполь и Сицилию на ее юге. Камнем преткновения для всех этих планов была Австрия, а сама война, хотя и носила название польской, велась главным образом в Италии и на Рейне.

В 1733 г. Франция и Испания заключили *Бурбонский семейный пакт* с антиавстрийской направленностью; к ним примкнула Сардиния. Многочисленные же союзники Австрии оставили ее фактически без помощи: Англия под надуманным предлогом отказалась выполнять обязательства по Венскому договору 1731 г., имперские союзники Австрии прислали очень скромное подкрепление, русские войска пришли со значительным опозданием, а от слишком большой помощи Пруссии Австрия сама отказалась из недоверия к ней.

Ход войны был довольно своеобразным, поскольку в первый же год союзники по антиавстрийской коалиции достигли большей части своих целей, захватив Лотарингию, Милан, Неаполь и Сицилию. Франция не хотела идти дальше, опасаясь вмешательства Англии, а Австрия стремилась не столько вернуть потери, сколько избежать новых. В этих условиях уже в 1735 г. был подписан предварительный мир, впоследствии подтвержденный в Вене в 1738 г. По *Венскому миру* Август III был признан польским королем, а Лещинский стал герцогом Лотарингии, которая после его смерти отходила к Франции, в то время как бывший лотарингский герцог Франц Штефан в качестве компенсации получал Тоскану. Испанский принц Дон Карлос возвращал Австрии Парму и Пьяченцу, но получал корону вновь образованного государства — Неаполитанского королевства, в состав которого вошли Неаполь и Сицилия, отнятые у Австрии. Франция признавала Прагматическую санкцию и Августа III в качестве польского короля. Показательно, что каждую из сторон заботили не только материальные приобретения, но и сохранение престижа: проиграв в Лотарингии, император Карл VI отдавал ее не Франции как побежденный победителю, а передавал Лещинскому как бы в качестве компенсации за потерянный польский трон; проиграв в Польше, Франция для сохранения лица все-таки выторговала для своего неудачливого кандидата почетный титул «король польский и герцог литовский».

Таким образом, политическая карта Италии начинала приобретать те очертания, которые сохранятся более чем на век: австрийский север, бурбонский юг и Сардинское королевство, предприимчивые правители которого, используя стратегически выгодное положение своего государства между Австрией и Францией, от войны к войне неуклонно приумножали свою территорию. По словам одного из них, Савойя должна поглотить итальянские земли, как артишок — листок за листком. Польша попадала под все большее влияние трех своих сильных соседей и постепенно становилась скорее объектом, чем субъектом международных отношений.

В европейской перспективе в главном выигрыше оказалась Франция. Руководителю французской внешней политики кардиналу Флери удалось, не потрясая европейских основ и ценой сравнительно небольших усилий, выполнить многие внешнеполитические задачи времен Людовика XIV: присоединить Лотарингию, укрепить восточную границу и существенно расшатать те преграды, которые Утрехтский мир возвел против Франции в Италии, Испании и на Рейне. Через два де-

сятилетия после поражения в войне за испанское наследство Франция вновь становится ведущей европейской державой.

Одна из главных причин французских успехов заключалась в том, что война за польское наследство была сугубо континентальной, она не поставила перед Францией главной дилеммы ее внешней политики — Европа или колонии. Совсем иная ситуация сложилась в следующей войне.

§ 2. *Война за австрийское наследство* 1740—1748 гг.

**Противоречия
в колониях**

В войне за австрийское наследство 1740—1748 гг. сошлись оба главных типа военных конфликтов раннего Нового времени — династический и колониальный, что обусловило качественно иной ее масштаб, по сути дела всемирный.

Колониальным прологом к войне стал англо-испанский конфликт в Вест-Индии в конце 30-х гг. Располагая значительными привилегиями в официальной торговле с испанскими колониями через Кадис, англичане активно практиковали и контрабанду. Постоянные столкновения контрабандистов с испанскими властями постепенно переросли в межгосударственный конфликт. Союзником Испании в этом конфликте выступала Франция. Еще по Бурбонскому семейному пакту 1733 г. Франция и Испания договорились о взаимной защите своих колониальных владений; Франция пообещала также помощь в возвращении Гибралтара.

Происхождение и динамика этого конфликта очень показательны с точки зрения совершенно особого характера английской внешней политики, отличного от континентальной. На континенте в это время безраздельно господствует «кабинетная политика», когда внешнеполитические решения — это дело узкого круга посвященных. Во Франции личная дипломатия Людовика XV называлась в высшей степени показательно — «секрет короля». В это же самое время в Англии внешняя политика демонстрирует удивительно современные черты: общественное мнение мобилизуется как идеологически, так и эмоционально (парламенту был продемонстрирован один английский моряк, которому испанская береговая стража отрезала ухо), парламент оказывает мощное давление на правительство и в конце концов буквально заставляет его осенью 1739 г. объявить Испании войну. Началась «война из-за уха Дженкинса». В 1744 г. в войну против Англии официально вступает Франция, открыв, таким образом, очередной раунд векового англо-германского противостояния.

Одновременно с этим впервые заявил о себе и один из главных конфликтов континентальной Европы — австро-прусское соперничество, начало которому было положено войной за австрийское наследство.

**Война за австрий-
ское наследство**

К моменту смерти германского кайзера Карла VI Габсбурга в 1740 г. Прагматическая санкция была признана практически всеми европейскими государствами, однако вторжение в Австрию прусских войск под командованием только что вступившего на престол Фридриха II (1740—1786) превратило ее про-

сто в клочок бумаги и дало сигнал к войне за австрийское наследство. Это вторжение, почти не прикрытое, как в других войнах за наследство, правовыми обоснованиями, может служить одним из самых ярких примеров действия «государственного интереса» во внешней политике: Силезия, как наиболее экономически развитая часть монархии Габсбургов, обладавшая важным стратегическим положением между Саксонией и Польшей, привлекала Пруссию — и Пруссия на нее напала.

Помимо Пруссии, во враждебную Австрии коалицию входили: Франция, традиционно претендовавшая на Австрийские Нидерланды; баварский курфюрст, мечтавший о короне императора и присоединении Богемии; Саксония, стремившаяся заполучить Моравию; наконец, Испания, после успеха с принцем Карлом решившая устроить судьбу его младшего брата принца Филиппа и вновь претендовавшая на Парму и Тоскану. Кроме того, на стороне коалиции выступили некоторые немецкие князья, Неаполь, Сардиния, а также Швеция, которую французской дипломатии удалось настроить против союзной Австрии России.

В борьбе с коалицией Австрия первоначально могла опираться лишь на свои собственные силы, поскольку потенциальные союзники оказались заняты: Англия воевала в колониях, а Россия — со Швецией. В этих условиях Габсбурги терпели поражения на всех фронтах, значительная часть страны была оккупирована и к началу 1742 г. была зафиксирована максимальная точка падения — провозглашение императором Священной Римской империи баварского курфюрста. Впервые за 300 лет Габсбурги выпустили из рук императорскую корону.

Дальнейший ход войны во многом определялся активизацией континентальной политики Англии, озабоченной перспективой расчленения Австрии и европейской гегемонии Франции. Иными словами, в ходе войны за австрийское наследство англо-французский антагонизм, главный конфликт эпохи, выступал не только как колониальное соперничество, но и как борьба против французской гегемонии в Европе. При непосредственном участии английской дипломатии в австрийский лагерь перешли Саксония и Сардинское королевство, было заключено перемирие Австрии с Пруссией, в Испанских Нидерландах против французов выступила так называемая «прагматическая армия», состоявшая из английских, голландских и австрийских войск. В итоге к 1745 г. из войны полностью исчез германский компонент: Бавария была разгромлена австрийцами; после неожиданной смерти ее курфюрста и германского кайзера императорская корона вновь вернулась в Вену; ценой жертвы Силезии с Пруссией был заключен мир. Англо-французский антагонизм, главный конфликт эпохи, теперь выступал с полной отчетливостью, проявляясь и как борьба против французской гегемонии в Европе, и как колониальное соперничество. Однако этот раунд англо-французского противостояния закончился ничьей, поскольку вновь ни одной стороне оказалось не по силам добиться решающих успехов: французы были вытеснены из Северной Италии, но благодаря полководческому таланту Морица Саксонского добились больших успехов в Южных Нидерландах; захват Луисбурга в долине реки Св. Лаврентия привел англичан на границу Канады, но французы успешно теснили их в

Индии. В результате Англия и Франция, обе стоявшие на грани государственного банкротства, пошли на очередной «мир пустой казны», не оставив своим союзникам иного выбора.

Аахенский мир 1748 г.

Результаты войны были зафиксированы *Дрезденским миром* 1745 г. между Австрией и Пруссией, по условиям которого Силезия переходила к Пруссии, а супруг Марии Терезии Франц Штефан признавался императором.

18 октября 1748 г. был подписан *Аахенский мир* между Австрией и союзными ей Англией, Голландией и Сардинией, с одной стороны, и Францией и союзными ей Испанией, Моденой и Генуей — с другой. По условиям мира международное признание получала Прагматическая санкция; Франция возвращала Южные Нидерланды; подтверждался переход Силезии в руки Пруссии; в колониях Англия и Франция возвращали друг другу захваченные в ходе войны территории; в Италии Австрия передавала Парму, Пьяченцу и Гасталлу испанскому принцу Филиппу, а Сардинское королевство получило небольшую часть герцогства Миланского, поглотив таким образом еще один листок итальянского артишока.

Все эти условия были зафиксированы не в отдельных двусторонних договорах, как это практиковалось раньше, а в едином документе, подписи под которым поставили все участники переговоров, что должно было придать ему особый вес и действенность. На деле относительная стабильность была достигнута только в Италии, поскольку Испания больше не выдвигала территориальных претензий, ее отношения с Австрией постепенно нормализовались, что, в свою очередь, привело к снижению активности Савойи, лишившейся возможности обращать противоречия Габсбургов и Бурбонов в свою пользу. Вплоть до Французской революции Италия перестанет быть ареной острых международных конфликтов.

Однако Ахенский мир не смог разрешить ключевых международных противоречий — старого, англо-французского и нового, австро-прусского, поэтому большинство участников переговоров ясно осознавали, что, по сути дела, подписывают не мир, а перемирие.

§ 3. «Переворот союзов» и Семилетняя война

«Переворот союзов»

Менее чем через десять лет непрочного мира неразрешенные противоречия привели к новой войне. Для Семилетней войны 1756—1763 гг. также были характерны сочетание разных по своему происхождению конфликтов и столь крупный масштаб — четыре части света, все пять великих держав, что иногда ее называют первой мировой.

Как и в предыдущей войне, колониальный конфликт вырос из отдельных столкновений за океаном. В Северной Америке пересеклись два потока колонизации: французы пытались соединить свои владения на севере и юге, Великие озера и Луизиану, тем самым встав на пути английского вектора колонизации с востока на запад американских земель. Конфликт разрастался, и с 1754 г. в колониях началась настоящая война.

В Европе расклад сил существенно поменялся в связи с возникновением в годы войны за австрийское наследство совершенно нового долгосрочного конфликта — австро-прусского антагонизма, ожесточенного соперничества двух держав, которое завершится лишь более чем через столетие.

Этот антагонизм был одной из причин радикальной перегруппировки великих держав накануне Семилетней войны, получившей название «переворот союзов» или «дипломатическая революция». При всей подвижности международной системы до этого момента союзные отношения были относительно устойчивыми, поскольку большей устойчивостью отличались и основные европейские противоречия. Постоянство противоречий рождало постоянство союзов. Классической связью такого рода был союз между Англией и Австрией, так как вражда к Франции была общим знаменателем и австро-французских, и англо-французских отношений. Именно Австрия выступала в роли главного английского «континентального солдата», который сковывал силы Франции в Европе. В Семилетнюю войну эта связка не сработала — впервые почти за сто лет. Поражение в войне за австрийское наследство привело к полному смещению приоритетов внешней политики Австрии. Все помыслы венских политиков были поглощены идеей реванша Пруссии, а с этой точки зрения союз с Англией оказался совершенно бесполезен. В этих условиях австрийский канцлер Кауниц решился на беспрецедентный шаг и предложил военный союз «наследственному врагу» — Франции. Теснимые в колониях французы приняли предложение, надеясь на спокойствие в Европе. В результате исчез один из краеугольных камней международных отношений — австро-французский антагонизм, который за три века своего существования стал для европейских политиков чем-то столь же естественным, как явление природы. В свою очередь, на революционный шаг решаются и англичане: вместо того чтобы с австрийской помощью нейтрализовать союзную Франции Пруссию и тем самым обезопасить английский Ганновер, они прямо обращаются к возможному противнику — Пруссии и превращают его в союзника. Статс-секретарь по внешним делам Уильям Питт Старший, ставший вместе с Кауницем главным автором «переворота союзов», выдвинул программный лозунг «Америка должна быть добыта в Силезии!». Он предполагал дополнить «морскую» стратегию «континентальной», т. е. вовлечь Францию в борьбу в Европе.

Еще одной особенностью Семилетней войны по сравнению с предыдущими общеевропейскими войнами стала небывалая степень вовлеченности в нее России, которая также вступала в войну с не совсем обычным сочетанием союзников. Россия, возмущенная отказом Англии от уже готового договора о субсидиях взамен своей военной помощи (пруссакки запросили меньше), а также побуждаемая слухами об агрессивных планах Фридриха II и собственными надеждами на приобретения в Прибалтике, выступила против своих традиционных партнеров — Англии и Пруссии и вопреки всем традициям сблизилась с Францией. Таким образом, Семилетней войне предшествовал подлинный «переворот союзов», во многом сделавший ее войной бывших союзников против бывших противников и лишней раз продемонстрировавший подвижность системы, каждый из основных участников которой за полвека успел побывать в союзе с каждым другим.

Расстановка сил

В войне противостояли друг другу два союза — Пруссия, Англия и традиционно шедшая за ней Португалия, с одной стороны, и блок Франции, России, Австрии, Швеции, Саксонии, Испании и целого ряда германских государств — с другой.

Лондон и Берлин связывала *Вестминстерская конвенция* 1756 г., которая выводила Пруссию из угрожавшей ей полной изоляции, снабжала ее огромными английскими субсидиями и позволяла надеяться на то, что Англия удержит Россию от антипрусского выступления. По условиям конвенции стороны договаривались о том, что совместно выступают против любой вторгшейся в Германию державы. Имелась в виду Франция и ее возможное вторжение в Ганновер — континентальное владение английских королей.

В основе противоположного союзного лагеря лежало *Версальское соглашение* 1756 г. между Австрией и Францией. Соглашение не касалось колониальных проблем; в Европе стороны обязывались не только оказывать друг другу военную помощь в защите своих владений, но и в специальной секретной статье ставили наступательные цели: Австрия должна была получить Силезию и передать Франции Австрийские Нидерланды; Франция обязывалась не препятствовать полному разгрому Пруссии и предоставить Австрии субсидии. Через полгода к этому союзу присоединилась Россия, а в мае 1757 г. был заключен австро-французский наступательный союз, ставивший целью полный раздел территорий Пруссии.

Помимо Версальского соглашения, важную роль в создании антианглийского и антипрусского фронта европейских государств сыграло заключение нового *Бурбонского семейного пакта* 1761 г. Договор, сохранявшийся в силе вплоть до Французской революции, предусматривал взаимную помощь Франции и Испании, а также присоединившихся к ним бурбонских государств Пармы и Неаполя. В подписанной одновременно секретной конвенции Франция соглашалась передать Испании захваченный у англичан о. Менорку, а Испания — объявить Англии войну, если та до мая 1762 г. не заключит мир с Францией.

Ход войны

Для Пруссии подобная расстановка сил означала окружение со всех четырех сторон и беспрецедентное превосходство сил противников. Фридрих II сумел продержаться семь лет благодаря военной и политической разобщенности союзников и собственным военным талантам. С небольшой армией он метался от противника к противнику, стараясь поодиночке вывести их из войны. Он стал автором целого ряда побед, вошедших во все учебники стратегического искусства, как, например, битва при Росбахе 1757 г., когда он разбил имевших двукратный перевес французов, нанеся им потери в двадцать раз большие, чем понес сам. В битве под Лейтеном того же года, названной Наполеоном «шедевром маневра и решимости», Фридрих II использовал свою знаменитую «косую атаку» и лишил Австрию чуть ли не половины ее армии. Однако перевес сил противников, полный экономический упадок и фактическое отступление Англии, переставшей выплачивать Пруссии субсидии после достижения своих колониальных целей, привели к закономерному результату. После ряда поражений, самым значительным из ко-

торых была битва при Кунерсдорфе 1759 г., Пруссия стояла на грани государственного краха. Ее спасло только так называемое «чудо бранденбургского дома», т. е. неожиданная смерть Елизаветы Петровны и воцарение Петра III, большого поклонника Фридриха II. Россия вышла из войны, без всякой компенсации вернула Пруссии завоеванные к тому времени территории и даже заключила с ней союз.

Выступление России на стороне недавнего противника немедленно привело к выходу из войны Швеции; вскоре поспешила заключить мир и Австрия.

Итоги и результаты войны

Двум главным конфликтным линиям Семилетней войны — колониальной и европейской — соответствовали и два отдельных мира, заключенных в феврале 1763 г. *Парижский мир* лишил Францию ее североамериканских и целого ряда других колоний (см. с. 81—82), обеспечив единоличное лидерство Англии. *Губертусбургский договор* закрепил Силезию за Пруссией, окончательно утвердил ее в роли новой великой державы и на долгие годы сделал австро-пруссский дуализм аксиомой европейской политики.

Не потеряв ни одного квадратного метра, Франция тем не менее проиграла не только в колониях, но и в Европе. Выступая в течение десятков лет в качестве динамичного начала, своеобразного мотора международной системы, отныне она скорее поддерживала статус-кво, чем стремилась к изменениям. Быстро падало ее некогда ключевое влияние на Центральную Европу, особенно с тех пор, как Пруссия сменила ее в роли точки притяжения всех антигабсбургских сил. Центр тяжести европейской политики все больше смещается на восток.

§ 4. Австро-прусское соперничество во второй половине XVIII в.

Изменение ситуации в Германии

Далеко не каждая война приводила к появлению столь непримиримого и продолжительного антагонизма между двумя странами, как это произошло с войной за австрийское наследство и австро-прусскими отношениями. Семилетняя война стала дальнейшей вехой развития австро-прусского «дуализма» в Германии. Ее главное значение в этом смысле заключается в том, что в Империи наряду с Австрией появился другой полюс, который также обладал притягательной силой и заставлял на себя ориентироваться. В результате менялись привычные структуры соотношения сил внутри Священной Римской империи. В первую очередь это проявлялось в проникновении прусского влияния даже в традиционно верные императору регионы.

Постепенной потере влияния императора способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, падает значение Франции, традиционно выступавшей в Империи в двух ролях — внешней угрозы и точки притяжения для всех недовольных Габсбургами. Угроза со стороны Франции теряет актуальность, и император отныне не настолько востребован в роли главного защитника от «наследственного вра-

га», сотрудничеством с которым в годы Семилетней войны он к тому же себя дискредитировал. Одновременно функцию своеобразного магнита для оппозиционных Габсбургам сил вместо Франции все больше начинает выполнять Пруссия. Во-вторых, иначе представляется отношение Австрии и Пруссии к Империи: Австрия с ее итальянской, турецкой, французской политикой, казалось, все более отчуждается от Империи, в то время как Пруссия, ранее имевшая славу разрушительницы Империи, по разным поводам заявляет о себе как о хранительнице ее интересов.

Усилившееся соперничество двух германских великих держав имело следствием и то, что расположенные между ними малые и средние государства получили некоторую свободу для маневра. Это привело к первым попыткам политической кооперации стран «третьей Германии» — так в XIX в. назовут средние государства, стремившиеся к некоторой самостоятельности по отношению к «первой» и «второй» «Германиям» — Австрии и Пруссии. Подобные идеи высказывались еще на рубеже XVII и XVIII вв., в том числе Лейбницем, однако первая попытка реализовать их на практике приходится на 80-е гг. XVIII в.

Новое качество австро-прусского соперничества, возникшее после событий середины века, имело и неожиданное следствие — укрепление европейских позиций России. Заявив о себе в Семилетнюю войну как о мощной военной державе и неуклонно продвигая свои границы на запад, Россия постепенно превратилась в своеобразного арбитра австро-прусских отношений, обе страны на протяжении целых десятилетий будут состязаться за близость к ней. Это позволило России, недавнему новичку на европейской дипломатической сцене, превратиться в лидера международных отношений на востоке Европы и одну из ключевых фигур на европейской арене в целом. Примером тому стала война за баварское наследство.

Война за баварское наследство 1778—1779 гг.

Если в войне за австрийское наследство вызов Габсбургам как императорам Священной Римской империи бросил баварский курфюрст, то и планы Габсбургов на Баварию, в свою очередь, имели давнюю историю и восходили еще к XVII в. В качестве компенсации баварскому курфюрсту в подобных планах часто фигурировали Австрийские Нидерланды — со стратегической и политической точек зрения самая уязвимая часть владений Габсбургов.

Особенно актуальными планы приобретения Баварии стали после войн середины века, поскольку в ней видели компенсацию за потерю Силезии. Специально с целью выдвижения подобных претензий наследник австрийского престола, будущий император Иосиф II, женился на сестре бездетного баварского курфюрста.

В декабре 1777 г. со смертью курфюрста пресеклась правящая линия баварского дома Виттельсбахов; приглашенный в качестве преемника курфюрст Пфальца, также не имевший наследников, пошел на подписание договора с Австрией, по которому та получала приблизительно треть Баварии. В Баварию были введены австрийские войска.

Подобные шаги Австрии вызвали энергичное противодействие. Свои права на различные части Баварии заявили курфюрст Саксонии, герцог Мекленбурга и другие германские князья. Этот протест

во многом режиссировался Пруссией, которая также отыскивала несколько генеалогических оснований для претензий на части Баварии, но главное — представляла себя как защитника имперских свобод, погрязших Австрией.

После неудачной попытки решить спорный вопрос в рейхстаге летом 1778 г. в Богемию вступили прусские и саксонские войска. В войну, шедшую настолько вяло, что современники прозвали ее «картофельной войной», поскольку армии проявляли активность лишь в добывании провианта и фуража, вмешались Россия и Франция, при посредничестве и гарантии которых в 1779 г. был заключен *Тешенский мир*. Австрия получила Иннфиртель — небольшую приграничную область, за Пруссией было признано преимущественное право наследования во Франконии, в остальном утверждалась целостность Баварии. Подтверждались все австро-пруссские договоры с 1648 г.

Война за баварское наследство привела к дальнейшему падению авторитета Австрии, в то время как престиж Пруссии существенно вырос. Тешенский мир означал появление у Священной Римской империи нового внешнего гаранта — наряду с Францией, выполнявшей эту функцию с Вестфальского мира, им становилась Россия.

События войны заставили Австрию иначе посмотреть на свои союзы. Франция, несмотря на действующий союз 1756 г., не только не оказала Габсбургам никакой военной поддержки, но и официально сообщила об этом противникам Австрии. В Париже готовились к вмешательству в Войну за независимость США и не хотели никаких осложнений у себя в тылу. Австрия не получила должной помощи от Франции и на переговорах в Тешене, в то время как Пруссия своими успехами во многом была обязана поддержке России, с которой она с 1764 г. состояла в союзе. С этого момента Австрия пытается оттеснить Пруссию от России и занять ее место. С этой целью Иосиф II лично встречается с Екатериной II, возвращается к активной поддержке России в турецких делах и в 1781 г. добивается заключения австро-русского оборонительного союза против Турции. Однако этот союз, стоивший Австрии участия в неудачной для нее войне с Турцией 1787—1791 гг., оказался недостаточным для укрепления ее позиций в Германии. Это наглядно показали германские события 80-х гг.

Союз князей 1785 г. В 80-х гг. император Иосиф II вновь вернулся к планам обмена Австрийских Нидерландов на Баварию, заручившись поддержкой баварского курфюрста и одобрением России как гаранта Тешенского мира. В качестве первого шага в 1781 г. он отменил «барьерный трактат» 1715 г. (см. с. 35).

Новый австрийский план застал Пруссию в сложной ситуации. В Берлине опасались скорой кончины Фридриха II и тех трудно предсказуемых последствий, которые она могла принести. Поиски соратников в борьбе с планами Иосифа II за пределами Германии успехом не увенчались, так как Англия и Франция воздержались от активного вмешательства, а Россия в этот период сблизилась с Австрией. В этих условиях Фридрих II решает поддержать планы герцога Веймарского по созданию союза немецких князей для укрепления Империи и превратить его в свою опору, коль скоро вне Германии он такой опоры найти не смог.

В 1785 г. был создан Союз германских князей, куда первоначально вошли Пруссия, английский король как курфюрст Ганновера и Саксония, но скоро присоединилось еще свыше десятка князей. Целью союза провозглашалось сохранение существующей ситуации в Империи; в секретной статье говорилось о противодействии австрийскому проекту обмена Австрийских Нидерландов на Баварию.

Несмотря на то что некоторые средние монархи видели в Союзе князей средство реформирования Империи и выступали, таким образом, в роли ранних представителей идеи «третьей Германии», на деле это объединение превратилось в инструмент германской политики Пруссии. Это показала и его дальнейшая судьба: избежав благодаря Союзу князей изоляции и расстроив австрийские планы, Пруссия перестала в нем нуждаться. Не будучи официально распущенным, он скоро потерял всякое политическое значение в период начавшегося сближения Австрии и Пруссии, которое проходило под знаком начавшейся во Франции революции, а также разделов Польши.

§ 5. *Разделы Польши*

Характерной чертой развития международных отношений в последние десятилетия XVIII в. было падение интереса и влияния Франции и Англии на востоке Европы. Особенно это касалось Франции, которая с XVII в. практиковала особые отношения с государствами «восточного барьера». Первоначально задуманный как «второй фронт» в тылу Габсбургов, с начала XVIII в. «восточный барьер» стал рассматриваться в Париже и как средство сдерживания экспансии на запад России. Однако с середины века Франция была уже не в состоянии оказывать своим партнерам сколько-нибудь существенную поддержку. Это касалось всех трех государств «восточного барьера» — Швеции, Турции и особенно Польши.

Причины разделов Польши

Разделы Польши, ставшие одним из самых важных событий в истории международных отношений Нового времени, были порождением как общеевропейской ситуации, так и следствием специфической расстановки сил на региональном уровне. Концентрация Англии и Франции на колониальных делах привела к тому, что польский вопрос был всецело отдан на откуп ближайших соседей Польши — «трех черных орлов», как иногда называли Пруссию, Россию и Австрию за их гербы. На основе этих государств сложилась одна из самых прочных и долговременных региональных систем. Безусловным лидером в треугольнике была Россия, поскольку, как упоминалось, австро-прусское соперничество заставляло каждую из этих стран состязаться за ее благосклонность, часто предоставляя ей роль арбитра.

Характерной чертой взаимоотношений внутри треугольника «восточных монархий» были постоянные опасения оказаться в ситуации один против двух или допустить прирастание мощи соседей без адекватной компенсации. Подобные опасения сыграли важную роль в решении судьбы Польши. Кроме того, Австрия, Россия и Пруссия стремились заполнить возникший в Польше вакуум силы, исходя из

господствовавших в то время политических представлений — «государственного интереса», считавшего политической максимой увеличение государственной мощи за счет приумножения территории и населения, а также «конвенанса», предполагавшего в случае «округлений» территориальные компенсации соседям. Наконец, у каждой из трех держав были и свои специфические причины, побуждавшие принять участие в дележе Польши: Гогенцоллерны мечтали соединить две свои ключевые провинции — Бранденбург и Пруссию, Австрия хотела получить компенсацию за потерю Силезии, а Россия стремилась сохранить свое традиционное влияние в Польше, которое как раз в это время отчасти было поставлено под вопрос.

Россия далеко не сразу решилась на прямые территориальные приобретения в Польше. В 60-е гг. российская внешняя политика руководствовалась оборонительной, по своей сути, концепцией «северного аккорда» графа Н. И. Панина, предполагавшего обеспечить «покой севера» путем союза с «северными» государствами — Англией, Пруссией, Польшей, Данией и Швецией против «южных» Австрии, Франции и Испании. Несмотря на некоторую догматичность подхода и разноречивые интересы, этой политике удалось добиться некоторых успехов — подписания в 1764 г. союза с Пруссией, в 1765 г. — с Данией, торгового договора с Англией в 1766 г. В целом «северный аккорд» играл стабилизирующую роль в регионе, освобождал руки России для более активной турецкой политики и одновременно являлся средством дальнейшего укрепления фактического русского протектората в Польше.

В 1763 г. умер Август III. Его смерть означала конец более чем полувековой унии Саксонии с Польшей, поскольку у троих его сыновей не было никакой поддержки среди местного населения. Вопреки сопротивлению Австрии, Франции и Испании, Россия, опираясь на Пруссию и заключив с ней с этой целью в 1764 г. союз, смогла посадить на польский престол своего ставленника С. Понятовского. Иными словами, в Петербурге решили продолжить курс на единоличный косвенный контроль над Польшей. Однако новый король совершенно неожиданно для России попытался провести ряд реформ, направленных на укрепление польской государственности. Под давлением России и Пруссии реформы были отменены и, более того, было признано равенство так называемых диссидентов — православных и протестантов — с католическим населением Польши, что давало правовую основу для вмешательства в ее внутренние дела. Отмена реформ и «вопрос диссидентов» вызвали возмущение в рядах польской шляхты, была создана *Барская конфедерация*, которая повела против России вооруженную борьбу и искала союза с Турцией и Францией. Впервые за несколько десятков лет фактически существовавший протекторат России в Польше был поставлен под угрозу, и она стала склоняться к тому, чтобы заменить косвенный контроль над всей Польшей полным присоединением одной из ее частей.

Австрия занимала двойственную позицию. С одной стороны, она опасалась роста мощи России и Пруссии, с другой — была занята постоянными поисками компенсации за потерю Силезии. Не найдя их в Турции и Баварии, Вена также обратила свои взгляды к Польше. Несмотря на то что Мария Терезия из моральных побуждений противи-

лась расчленению Польши, именно ее действия стали своеобразным прологом к ее разделу — в 1769 г. она захватила ряд городов, отданных Венгрией Польше «в залог» еще в начале XV в.

В это же время Пруссия начала активную дипломатическую кампанию по трехстороннему разделу Польши, и в 1772 г. три движимые территориальными амбициями и взаимным недоверием державы подписали *Петербургский договор* о ее первом разделе.

Три раздела Польши

Австрия получила Восточную Галицию и Лодомерию (около 85 тыс. кв. км с населением более 2 млн человек), Россия — Польскую Лифляндию и Белоруссию (84 тыс. кв. км с населением около 1,5 млн человек) и Пруссия — Польскую Пруссию без Гданьска (35 тыс. кв. км с населением около 350 тыс. человек). В общей сложности Польша потеряла около трети своей территории и почти 40% населения. В 1773 г. польский сейм против воли, но корректно в международно-правовом отношении утвердил произошедшие изменения.

Дальнейшее развитие польского вопроса испытывало все большее влияние Французской революции: вмешательство «восточных держав» проходило под лозунгом предотвращения «французской чумы» и зависело от положения дел на Западе — в частности, Австрия воздержалась от участия во втором разделе, ожидая компенсаций за французский счет, а третий раздел Австрия и Пруссия воспринимали в том числе как компенсацию за неудачи во Франции. По *Петербургскому договору* 1793 г. Россия получила Восточную Литву и Правобережную Украину (228 кв. км); Пруссия приобрела Гданьск, Познань и некоторые другие территории (58 кв. км). В сентябре 1793 г. сейм был вынужден санкционировать и эти изменения. Кроме того, Россия заключила с Польшей «вечный» союзный договор, который предоставлял ей право вводить войска на территорию остатков Польши, вести за нее войны и контролировать ее внешнюю политику.

Раздел остатков Польши в 1795 г., состоявшийся после подавления польского восстания под руководством Т. Костюшко, принес России Курляндию и части Западной Украины и Белоруссии, Пруссия получила центральную часть Польши с Варшавой, а Австрия — оставшуюся часть Галиции с Краковом. В результате беспрецедентной в европейской истории акции поделенная без остатка Польша исчезла с политической карты Европы более чем на сто лет.

В политическом смысле больше всего выиграла получившая меньше всех Пруссия. Впервые в своей истории Гогенцоллерны стали обладателями обширной замкнутой территории, к тому же дававшей им большие не только стратегические, но и экономические преимущества, в частности контроль над балтийской торговлей Польши и Саксонии. Получив значительно больше Пруссии в людях и километрах, Россия и Австрия политически и в долгосрочной перспективе не только приобрели, но и потеряли: Россия — потому что больше не могла контролировать Польшу практически единолично, Австрия — потому что вместе с поляками приобрела еще одну национальную проблему, к тому же имевшую международное измерение.

Разделы Польши привели к необычно прочной и долговременной связи участвовавших в разделах держав на региональном уровне. Раз-

дел оказавшейся прямо в центре треугольника «восточных держав» Польши сблизил их не только буквально, превратив в приграничные друг другу государства, но и политически, подведя их под общий польский знаменатель.

§ 6. Турецкие войны в XVIII в.

**«Восточный барьер»
в первые
десятилетия XVIII в.**

Первые десятилетия XVIII в. стали временем, когда французской дипломатии удавалось для достижения своих целей виртуозно использовать инструмент «восточного барьера». Стоило России сделать шаг вперед и затронуть одного из восточных союзников Франции, как французы немедленно старались пробудить к активности двух других. Так, в ответ на участие России в войне за польское наследство Париж поощрил турок на войну с Россией 1735—1739 гг.

Россия также стремилась к войне с Османской империей, ставя себе целью выход к Черному морю. Войне предшествовала серьезная дипломатическая подготовка. По договорам 1732 и 1735 гг. Россия, чтобы обеспечить себе тылы в борьбе с Турцией и в польском вопросе, вернула Персии ее прикаспийские области; еще в 1726 г. был заключен союз с Австрией. Однако начавшаяся в 1735 г. война закончилась неудачно для союзников. Австрия в 1739 г. потерпела крупное поражение и поспешно заключила сепаратный мир, сделав неизбежным и заключение мира с Россией. *Белградский мир*, подписанный Турцией раздельно с Австрией и Россией в сентябре 1739 г., лишил Австрию почти всех завоеваний по Пожаревацкому миру — Сербии с Белградом, Австрийской Валахии и других территорий. Неудача Австрии в войне окончательно превратила войны с Турцией в преимущественно русское дело.

Сама же Россия получала Азов, однако все его укрепления срывались, а его окрестности объявлялись пограничной зоной между Россией и Турцией; России запрещалось держать флот на Азовском или Черном море. Таким образом, задача выхода к Черному морю вновь не была достигнута, что послужило причиной следующих русско-турецких войн.

Свою роль в неудаче России сыграла и позиция Швеции. После Северной войны там произошли конституционные изменения, результатом которых стало резкое ограничение полномочий монарха. Фактически политическое лицо Швеции определяли две парламентские группировки — «шляп», во внешней политике ориентировавшихся скорее на Францию, и «колпаков» — сторонников Англии и России. Главным же способом добиться нужного внешнеполитического курса служил поставленный на широкую ногу подкуп депутатов и членов правительства, который практиковали Франция, Россия и Англия.

В 1738 г. французским дипломатам, расточившим миллионы ливров, удалось добиться прихода к власти «шляп» и тем самым создать очаг дестабилизации на северо-западном фланге России, затруднив ее положение в войне с Турцией. Три года спустя Швеция и вовсе

объявила войну России, надеясь на пересмотр итогов Северной войны. Однако неудачи в русско-шведской войне 1741—1743 гг. вынудили Швецию пойти на заключение *Абоского мира* 1743 г., по которому к России отошла часть Финляндии до реки Кюмене.

Принципиальной вехой в существовании «восточного барьера» стал «поворот союзов», предшествовавший Семилетней войне. Заключив союз с Россией, Франция продемонстрировала начавшийся отход от покровительств странам «восточного барьера» и увлекла за собой Швецию, также вступившую с Россией в союзные отношения.

**Русско-турецкая война
1768—1774 гг.**

С 30-х гг. Османская империя все больше интегрировалась в европейскую систему, устанавливала связи, заключала договоры, однако из религиозных побуждений по-прежнему отказывалась содержать постоянные миссии в мире «неверных». И вновь принять европейские правила игры турок заставили войны.

Стремление России выйти к Черному морю, необходимое с точки зрения развития ее экономики и стратегических интересов, с одной стороны, и противоречия интересов России и Турции в Польше и на Кавказе — с другой, стали причиной русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Поводом к ней стало отклонение Россией турецкого ультиматума о выводе русских войск из Польши, введенных туда для борьбы с противниками усиления влияния России.

В начале октября 1768 г. в Константинополе был арестован русский посланник, что традиционно было равносильно объявлению войны. Решающие поражения турецкой армии были нанесены уже в 1770 г. Особенное значение имел легендарный Чесменский бой в Эгейском море, в результате которого турецкий флот был уничтожен, Россия впервые заявила о себе как о сильной морской державе, и ее престиж в целом необычайно возрос.

Теряя в связи с успехами России в Польше и Турции свои опоры на востоке Европы, Франция вновь попыталась активизировать Швецию. В 1765 г. к власти в Швеции пришли прорусские «колпаки». С целью вернуть себе прежнее влияние в Стокгольме Франция сделала ставку на реставрацию сильной королевской власти, что и произошло в результате переворота 1772 г., на свершение которого французская дипломатия не пожалела ни золота, ни усилий. Эти события имели непосредственное влияние на русско-турецкую войну: турки прервали шедшие тогда переговоры и возобновили войну. Однако этот успех французской дипломатии уже не мог серьезно повлиять на расстановку сил на востоке Европы: влияние в Польше было безнадежно потеряно, а Турция после новых поражений была вынуждена склониться к миру.

Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. стал значительной вехой не только в собственно русско-турецких отношениях, но и в более широкой балканской и европейской перспективе. Россия получала территориальные приобретения между Бугом и Днестром; право свободного плавания в Черном море и строительства укреплений на его берегах; право назначать своих консулов на всей территории Османской империи; провозглашалась независимость Крымского ханства от Турции.

Тем самым Россия осуществила задачу выхода к Черному морю, окончательно свела на нет угрозу со стороны крымских татар, обеспечила хозяйственное освоение плодородных земель Юга России. Вместе с тем Кючук-Кайнарджийский мир означал переход к следующему этапу в восточной политике России, на котором речь шла уже не столько о достижении ею черноморских рубежей, сколько о Балканах и в связи с этим — о судьбе Османской империи. Особенное значение имело в этом смысле зафиксированное в договоре право России на покровительство христианским народам Турции, ставившее Россию в исключительное положение по отношению к Османской империи и дававшее ей постоянный повод вмешиваться в ее внутренние дела.

Превращение России в главную антитурецкую силу не могло не сказаться на австро-русских отношениях. В совместной борьбе против Турции были заложены основы связи Австрии и России, на десятилетия превратившейся в одну из констант международных отношений. Вместе с тем сразу же стала очевидной и внутренняя слабость этой связи. Пределы антитурецкого сотрудничества Австрии и России четко обозначились еще в ходе войны с Турцией 1736—1739 гг., когда выяснилось, что и та и другая имеют виды на Дунайские княжества. В русско-турецкую войну 1768—1774 гг. Австрия, ссылаясь на принцип «конвененса», смогла добиться для себя от Турции части Молдовы в качестве компенсации за русские успехи. В 1781 г. был заключен австро-русский союз в форме обмена идентичными письмами между российской императрицей Екатериной II и австрийским императором Иосифом II, который предусматривал взаимопомощь в случае войны с Турцией или европейскими державами. Спустя год Екатерина II сделала еще один шаг, в качестве зондирования предложив в одном из писем австрийскому императору так называемый *греческий проект*.

Проект предполагал полное изгнание Турции из Европы и раздел ее владений между европейскими державами. В этом случае могла быть создана независимая Греческая империя со столицей в Константинополе и во главе с сыном наследника престола Павла, которому при рождении (1779) с этой целью было символично дано имя Константин. Россия получала бы под свой контроль Дакию на востоке Балкан, Австрия могла присоединить часть Сербии, Боснию и Далмацию, Франции доставался Египет. Малореальная, не получившая поддержки других держав, эта идея тем не менее ясно показывает новое, балканское направление внешней политики России.

Русско-турецкая и русско-шведская войны : Русско-турецкая война 1787—1791 гг. стала последней в XVIII в. Ей предшествовало очередное вторжение России в традиционные турецкие сферы влияния. В 1783 г. к России был присоединен Крым, и в том же году состоялось подписание *Георгиевского трактата* о принятии Восточной Грузии под покровительство России. Подстрекаемая Англией и Францией, Турция в августе 1787 г. объявила ультиматум России, требуя вернуть Крым и признать Грузию вассальным владением Османской империи. Отказ России привел к войне.

Положение России осложнилось тем, что вновь сработала связка Швеции и Турции, хотя уже и без прежней координирующей функ-

ции Франции, занятой приближавшейся революцией. На выступление против России Швецию подтолкнули Англия и Голландия, обеспокоенные укреплением позиций России на Балтике. В 1788 г. шведский король Густав III заключил союз с Турцией и начал войну против России, которую, в свою очередь, поддержала Дания. Впрочем, под давлением Англии и Голландии Дания скоро заключила со Швецией мир. Не преуспев в войне, в августе 1790 г. Швеция была вынуждена подписать *Верельский мир*, подтвердивший условия Ништадтского и Абоского договоров; союз с Турцией был разорван.

Тем временем Турция несла поражение за поражением от России и союзной ей Австрии. Несмотря на успехи, Австрия из-за внутренних проблем и давления Пруссии была вынуждена в августе 1791 г. заключить *Систовский мир* на основе статус-кво с самыми незначительными территориальными приращениями в свою пользу. Для России успешно сложившаяся война завершилась *Ясским миром*, подписанным в конце декабря 1791 г. и принесшим России земли между Южным Бугом и Днестром, который стал новой русско-турецкой границей.

Русско-турецкие войны имели большое значение не только в региональном, но и в общеевропейском контексте. За считанные десятилетия они превратили Россию из амбициозного новичка в одного из признанных лидеров европейской политики. Эти успехи стали возможны в первую очередь потому, что внимание европейских великих держав в эти годы было отвлечено на другие проблемы — австро-прусское противостояние, Войну за независимость США, затем на Французскую революцию. Вместе с тем одним из последствий русских успехов в войнах против Турции стало создание в общественном мнении Европы негативного образа России, который в XIX в. станет серьезным фактором, ослаблявшим ее международные позиции.

Катастрофы в двух русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 гг. убедили турок в необходимости внешних союзов, и султан Селим III принял революционное решение — основать постоянные миссии при дворах всех великих держав, за исключением России. Межгосударственные контакты получили таким образом прочную регулярную основу, и к XIX в. Турция подошла хотя и не как «европейская» страна, но в качестве члена европейской системы.

В целом события на востоке Европы, связанные с Польшей, Турцией и Швецией, могут рассматриваться как одно из свидетельств кризиса системы международных отношений, кризиса «пентархии» и равновесия. Вместо существовавшей большую часть века свободной игры великих держав, суммой которой было равновесие, возникло две группы с мало пересекающимися интересами — колониальные Англия и Франция и сугубо континентальные Австрия, Россия и Пруссия. Поврежденный механизм европейского равновесия был окончательно сломан Французской революцией.

Глава 4. Европейская экспансия и торгово-колониальное соперничество в XVII—XVIII вв.

§ 1. Колониальное соперничество в XVII в.

Значение колониальной экспансии

Одним из центральных событий мировой истории, ее во многих отношениях поворотным моментом стала экспансия Европы и распространение европейской цивилизации на весь мир. Этот в буквальном смысле слова глобальный процесс, предпосылкой которого были Великие географические открытия, продолжался в течение всего Нового времени и составил одну из самых существенных его сторон.

Европейская экспансия впервые прямо связала между собой все континенты, разделенные в течение целых геологических эпох, и привела к беспрецедентным изменениям — переселению на другие материки не только миллионов людей, но и целых видов животных и растений, к невозможному ранее смешению рас, религий и языков.

Для экономики все это означало смещение самой системы координат, поскольку полем ее деятельности потенциально становилась не отдельная страна или даже континент, а весь земной шар. Количественное и качественное умножение ресурсов стало мощнейшим толчком развития экономики, в первую очередь европейской, находившейся в центре складывавшейся новой системы. Большое значение имел уже простой обмен сельскохозяйственными культурами, давший в распоряжение человечества практически все возможные продукты питания. Отныне на всех континентах выращивались азиатский рис, европейская пшеница, американский картофель. Все это привело к огромному росту производства продуктов питания, что стало одной из важнейших предпосылок демографического роста, который, в свою очередь, повлек за собой множество экономических последствий. Торговля также претерпевала не только количественные — ранее она была ограничена в лучшем случае Евразией и Африкой, но и качественные изменения. Благодаря появлению целого ряда заморских товаров, имеющих широкий спрос, был сделан значительный шаг от средневековой торговли предметами роскоши и экзотикой к современной массовой торговле. В свою очередь, рост европейского спроса стимулировал региональную специализацию за океаном и тем самым закладывал основы будущего мирового рынка. Значительно ускорив процесс первоначального складывания капитала и обеспечив намного более широкий рынок сбыта, европейская экспансия стала одним из главных катализаторов развития капиталистических отношений.

Типы колоний

Сама эта экспансия приняла своеобразную форму так называемого колониализма, т. е. контроля одного народа над другим, основанного на разнице в уровне экономического, политического и военно-технического развития. Формы колониального господства менялись в зависимости от исторического

периода, от страны к стране и от местных особенностей, однако в целом можно выделить три его основных типа. Исторически первым типом были колонии, которые представляли собой не столько территории и области политического господства, сколько опорные пункты для торговли, призванные обеспечить доступ к местным богатствам и помешать присутствию соперника. Такими были, например, колонии Португалии в Западной Африке и бассейне Индийского океана. Вторым типом — это массовое заселение заокеанских территорий, как правило, с вытеснением или даже уничтожением местного населения. Классический пример — английская колонизация Северной Америки. Наконец, третий тип, который можно назвать колониализмом в чистом виде, — это контроль над целой страной, основанный не на массовом заселении, а на господстве над местным населением. Самым старым вариантом колоний такого типа была испанская колонизация Южной Америки. Хотя за океаном появились многочисленные испанские переселенцы, их поселения существовали не столько благодаря собственному труду (еще Кортес говорил, что он переплыл океан ради золота, а не для того, чтобы работать как крестьянин), сколько благодаря эксплуатации индейского населения и рабов. В XVIII в. появляется совершенно новый вариант, получивший распространение сначала в Индии и затем в Африке, — вариант осуществления господства над обширными территориями даже без постоянного европейского населения.

Не все континенты и регионы Земли в равной степени интересовали европейцев. Речь в первую очередь шла об Азии (Индия, «острова пряностей» на востоке Индийского океана, Юго-Восточная Азия) и Америке (Вест-Индия, Центральная, Южная и позже Северная Америка). В отличие от Средневековья в XVI—XVIII вв. Африка находилась на периферии европейского внимания и в основном выполняла вспомогательную функцию обеспечения американских и азиатских интересов, служа мостом в Азию и поставщиком рабов в Америку.

Колониальные империи Испании и Португалии

Испания и Португалия, главные действующие лица эпохи Великих географических открытий, извлекли из этих открытий и максимальную выгоду, фактически монополизировав связи с внеевропейским миром.

В соответствии с целым рядом соглашений, наиболее важным из которых был *договор в Тордесильясе* 1494 г., областью преимущественных интересов испанцев было признано Западное, а португальцев — Восточное полушарие.

В основе колониальной активности португальцев лежало, по сути дела, единственное стремление — пряности. Перец, мускат, гвоздика, имбирь — вот ради чего огибали Африку, погибали от тропической лихорадки, вели войны. В это время пряности были не только вопросом гастрономического разнообразия, но и необходимостью. Вплоть до конца XVII в., до повсеместного перехода к зимнему содержанию скота, осенью производился его массовый забой, и пряности служили важным средством при заготовках и сохранении мяса. До португальцев главными поставщиками пряностей в Европу были арабские купцы, доставлявшие их от мест производства в Индии и Юго-Восточной Азии в Средиземное море. Однако прохождение через множество таможен приводило к удорожанию пряностей более чем в 20 раз, по-

этому даже путь вокруг Африки оказывался более выгодным. В результате португальцы создали длинную цепь торговых и опорных пунктов от Лиссабона до Нагасаки с промежуточными звеньями на побережье Западной и Восточной Африки, Индии и Малайском архипелаге.

Взаимоотношения португальцев с местным населением складывались не столько под знаком подчинения, сколько под знаком торговли. Португальцы вклинились в древнюю систему торговли в бассейне Индийского океана и восприняли многие ее структуры, активным участием в местной торговле зарабатывая средства для закупки пряностей. Помимо португальцев, в этом регионе присутствовали также испанцы, поскольку разграничительная линия между ними была проведена таким образом, что позволяла португальцам появляться на востоке испанской зоны влияния — в Бразилии, а испанцам — на востоке португальской — на Филиппинах. Испанские галеоны привозили в Манилу перуанское серебро и грузились китайским шелком, чтобы, обогнув половину земного шара через Америку и Вест-Индию, доставить его в Севилью.

Если в Азии для европейцев на первом месте стояла торговля, то в Америке сложилась совершенно иная ситуация: здесь на первый план выступило массовое переселение европейцев за океан и покорение местного населения. Первопроходцами выступили испанцы, создавшие огромную колониальную империю с центром тяжести в Мексике и Перу. Можно сказать, что Испанская Америка представляла собой первый бесспорный случай европейского колониализма.

Колониальное господство в Южной Америке основывалось на двух главных опорах — плантационном хозяйстве и добыче драгоценных металлов. В середине XVI в. были открыты крупнейшие в мире месторождения серебра в Мексике и Перу, и тогда же появились первые плантации сахарного тростника в Бразилии, превратившейся в главного европейского поставщика сахара. Рабочей силой служили рабы, покупавшиеся за плантационный табак в лежавшей прямо на противоположном берегу Атлантики Анголе.

В 1580 г. состоялась уния португальской и испанской короны, фактически приведшая и к объединению их колониальных владений. В результате сложилась невиданных размеров колониальная империя, в экономическом смысле покоившаяся на трех китах — перуанском серебре, бразильском сахаре и малайских пряностях. К началу XVII в. она достигла вершины своего могущества.

Если в XVI в. Испания и Португалия, два лидера европейской экспансии, могли выбирать между конфронтацией и компромиссом, то в XVII в. сам факт монопольного положения иберийской короны в колониях не оставлял для новых желающих их приобрести никакого выбора. Практически любая колониальная активность автоматически означала конфликт со старыми колониальными державами.

XVII в. был отмечен огромным ростом интереса к колониям. Англия, Голландия, Франция, Пруссия, Швеция, Дания и даже Польша — все стремились получить свою долю в колониальных богатствах. Однако наибольший успех выпал на долю Англии, Голландии и Франции. Расположенные, подобно Португалии и Испании, на

атлантическом фасаде Европы, эти страны имели по сравнению с ними ряд важных преимуществ, в частности более простой доступ к кораблестроительным материалам, а главное — более совершенную организационную форму колониальной политики в лице привилегированных акционерных компаний. Если в Испании и Португалии торговля с заморскими территориями была в первую очередь делом короны, с ее неповоротливостью, постоянной оглядкой на политику и ограниченными возможностями мобилизации капиталов, то частные компании действовали гораздо эффективнее, исходя только из рационального расчета и ожидания прибыли. Возникли десятки торговых акционерных компаний в целом ряде европейских стран, особое место среди которых занимали так называемые Ост-Индские и Вест-Индские компании в Англии, Голландии и Франции.

В бассейне Индийского океана на смену португальскому XVI в. пришел голландский XVII в. Португалию, с ее малочисленным населением, нерациональным использованием колониальных богатств и политической несамостоятельностью, сменила страна с самой высокой степенью урбанизации в Европе, страна процветавшего, высокоспециализированного сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности и, главное, страна, ставшая средоточием мировых финансов и торговли. Экономическая мощь имела и политическое продолжение — достаточно сказать, что республиканская Голландия в монархической Европе XVII в. не только не стала государством второго сорта, но и имела статус великой державы, а ее послы принимались по королевскому церемониалу.

Помимо мощного экономического тыла, голландская колониальная политика превосходила португальскую также технически и организационно. С технической точки зрения неопределимую роль сыграло изобретение голландцами нового типа корабля, так называемого флюйта — относительно дешевого, устойчивого и вместительного, что имело огромное значение при тех расстояниях, которые приходилось преодолевать. В организационном смысле голландцы располагали самой мощной и успешной торговой компанией — Ост-Индской (1602 г.), сферой деятельности которой стали суша и море восточнее мыса Доброй Надежды. Компания выступала не только как торговая, но и как политическая и военная сила, обладая правами вести войны, строить крепости, заключать договоры с иностранными государствами.

В 1601—1602 гг. у побережья Индии появляются первые голландские, а затем и английские корабли, положившие конец вековой монополии португальцев на торговлю с Ост-Индией. В ходе последовавших за этим нескольких десятилетий постоянных стычек и войн Португалия потеряла большую часть своих позиций в Индийском океане и сошла со сцены колониальной экспансии в этом регионе. После ряда морских побед англичане получили первые опорные пункты на западе полуострова Индостан (Сурат в 1612 г., Бомбей в 1667 г.) и фактически добились преобладания в Аравийском море и в Персидском заливе. Спустя несколько десятилетий англичанам удалось закрепиться и на востоке Индостана. Их первым укрепленным поселением и фактической столицей Ост-Индской компании в регионе стал основанный в 1640 г. форт Сент-Джордж (Мадрас).

Успехи англичан были связаны с несколькими обстоятельствами. Во-первых, относительно слабым было сопротивление — для португальцев важнее были «острова пряностей», правитель слабеющей державы Великих Моголов надеялся на английскую помощь, а с его полусамостоятельными вассалами англичанам удавалось довольно легко справиться с помощью военной силы или поощрения местной розни. Во-вторых, свою роль сыграло и определенное сотрудничество Англии и Голландии, объединенных общей целью подорвать господство португальцев в этом регионе.

Со своей стороны голландцы, как и португальцы до них, стремились добиться монополии на пряности и, сломав в конце концов отчаянное сопротивление португальцев, стали их полноправными наследниками. Основой успеха голландцев в борьбе с португальцами и в дальнейшем утверждении в Восточном полушарии стало обладание двумя ключевыми стратегическими позициями — опорным пунктом у мыса Доброй Надежды на пороге Индийского океана и Батавией (Джакартой) в его центре. В то время как торговые суда других стран шли кружным путем вдоль восточного побережья Африки и по Аравийскому морю, голландцы пересекали почти всю акваторию Индийского океана по прямой линии от южной оконечности Африки и оказывались на Малайском архипелаге, в самом центре производства пряностей и главном объекте европейского интереса. Батавия на о. Ява стала штаб-квартирой голландской Ост-Индской компании и главным перевалочным пунктом для товаров из многочисленных голландских владений в Южной и Восточной Азии. Помимо контроля над Малайским архипелагом и особенно над «островами пряностей» (Молуккскими), голландцы в 1641 г. отобрали у португальцев Малакку — важный стратегический пункт, обеспечивший их преобладание в Южно-Китайском море и, соответственно, особенно прочные позиции в торговле с Китаем и Японией. В 1658 г. португальцы были вынуждены уступить голландцам о. Цейлон, в течение нескольких следующих лет голландская Ост-Индская компания укрепилась на юге и востоке Индии (Кочин, Негапатам) и в Бенгалии. Наконец, голландцы смогли перенять у португальцев и права на монопольную торговлю с закрывшейся от внешнего мира Японией.

Таким образом, голландцы не только унаследовали от португальцев роль главного поставщика пряностей в Европу, но и стали важнейшим носителем внутренней торговли в Азии. Голландцы решительно пресекали любые попытки посягнуть на торговлю пряностями. Появившимся с запозданием в несколько десятилетий французам не оставалось ничего другого, как сосредоточить свою активность в Индии, где французская Ост-Индская компания (с 1664 г.) захватила Чандернагор в Бенгалии и Пондишери, а также в Китае, где главным проводником французских интересов стала Китайская компания (с 1698 г.). Англичанам, уже успевшим закрепиться на о. Ява и «островах пряностей», под голландским давлением также пришлось оставить свои позиции в этом регионе и ограничиться Индией — вынужденно, но, как позже выяснилось, к своему собственному благу.

Дело в том, что господствующее положение на рынке пряностей принесло голландцам лишь временный выигрыш, поскольку структура европейского товарообмена с Азией постепенно менялась. Из стран южного и юго-восточного побережья Азии в Европу ввозилось

множество товаров — шелк, фарфор, индиго и т. д., однако наибольшие доходы приносили три сменявших друг друга главных продукта азиатского экспорта — пряности, текстиль, а также кофе и чай. Однако специфика торговли с Азией заключалась в том, что отдельные виды товаров были довольно жестко связаны с определенными областями производства. Даже на находившихся в непосредственной близости друг от друга «островах пряностей» существовала своеобразная специализация — на одном острове производили мускат, на другом гвоздику и т. д. Поэтому, когда к концу XVII в. европейский спрос на пряности стал спадать, голландцы оказались в заложниках ими же самими созданной ситуации — острова переставали быть главной ценностью, а новый фаворит европейского спроса — хлопок — производился как раз там, куда они вытеснили англичан, — в Индии.

Спрос на хлопок стал расти с последней трети XVII в. в связи, с одной стороны, с тенденцией европейской одежды к более легким тканям и, с другой — с развитием плантационного рабства в Америке и необходимостью одеть сотни тысяч рабов в дешевую и соответствовавшую жаркому климату одежду. Таким образом, голландцы, ранее практиковавшие производство хлопка лишь в целях обмена его на пряности, оказались в стратегическом проигрыше. Уже в 80-е гг. XVII в. англичане продавали хлопка в четыре раза больше, чем они.

Однако голландцам удалось во многом удержать свои позиции за счет третьего из «великой тройки» ост-индских товаров — чая и особенно кофе. Чай тогда поставлялся только из Китая через порты Макао и Кантон, где были представлены все три главных действующих лица европейской экспансии в регионе — англичане, голландцы и французы. Вскоре на ведущие позиции в торговле чаем вышли англичане, поскольку в континентальной Европе он пользовался относительно умеренным спросом, а ввоз в Англию, где чай стал напитком номер один, был возможен только в трюмах английских кораблей.

Но в случае с кофе победу торжествовали голландцы. Около 1600 г. европейцы близко познакомились с кофе, имевшим в последующие полтора столетия фантастический спрос. С середины XVII в. началась эпоха европейских кафе, кофе становится повальным увлечением, объектом моды, сюжетом искусства (например, «Кофейная кантата» Баха). Следствием всего этого стал огромный спрос. Этот спрос привел к увеличению цены на кофе на его родине в Йемене и вынудил приступить к многочисленным экспериментам по его выращиванию в других регионах — и именно голландцы вытащили счастливый билет. Их яванский «мокко» стал новым стандартом качественного кофе и открыл Ост-Индской компании второе дыхание.

Таким образом, в целом в течение XVII в. прямое европейское влияние в Азии было довольно незначительным, территориальные приобретения ограничивались, как правило, опорными пунктами, созданными с целью контроля над торговлей отдельными видами тропических товаров. На фоне необъятного азиатского рынка европейский спрос пока далеко не всегда влиял на местную экономику решающим образом. Например, в Бенгалии, одном из главных цен-

тров производства хлопка, к началу XVIII в. европейский спрос обеспечивал работой лишь 11% местных ткачей — и это несмотря на присутствие там торговцев из Англии, Голландии, Франции, Португалии и даже Дании. Кроме того, одной из главных проблем торговли с Азией было то, что европейцы мало что могли предложить взамен. По существу, в роли единственного платежного средства выступало серебро, основным поставщиком которого были испанские колонии в Южной Америке. Циркулируя по артериям мировой экономики, испанское серебро через европейскую торговлю, с одной стороны, и прямые поставки из Акапулько в Манилу — с другой, в конечном счете притекало в Азию, поскольку в пересчете на золото там оно стоило дороже всего. Однако постепенно эта разница цен выравнивалась, создавая затруднения для торговли с Азией до тех пор, пока на смену серебру не пришли европейские товары.

Колониальная экспансия в Западном полушарии в XVII в.

Если на карте Азии владения европейцев были отмечены лишь отдельными точками, то на американском континенте возобладали колонии двух других типов — переселенческие и смешанные, т. е. основанные как на массовом переселении, так и на господстве над местным населением.

Ситуация в трех главных объектах европейской колониальной политики в Западном полушарии складывалась по-разному. В Южной Америке по-прежнему существовали обширные владения испанской и португальской короны, старавшихся как можно теснее привязать их к метрополиям, острова Вест-Индии попали во владения сразу нескольких европейских государств, а Северная Америка стала объектом все более активной колонизации Англии и Франции. При этом политическое деление далеко не всегда совпадало с экономическим. Особенно это касается того хозяйственного типа, который имел наибольшее значение для мировой политики и экономики, — плантационного рабства, распространившегося как в Южной Америке, так и на юге Северной, а также в Вест-Индии.

Португальская Бразилия оставалась крупнейшей страной плантаций и рабовладения. Спрос на рабов неуклонно увеличивался, с одной стороны, в связи с постоянным расширением производства сахара, с другой — со спецификой этого производства: сахарный тростник должен был быть обработан быстро, в течение 24 часов, что требовало большого напряжения сил и вело к значительной смертности. К тому же, поскольку затраты на покупку раба в среднем окупались за шестнадцать месяцев его работы, не существовало никаких экономических стимулов к бережному обращению с ним. Кроме того, рабский труд начинает использоваться более широко, в частности на открытых на юге Бразилии в 90-е гг. XVII в. богатейших месторождениях золота и затем алмазов. Наконец, крупнейшим потребителем рабского труда становятся плантационные хозяйства вне Бразилии — на островах Вест-Индии и на юге североамериканского континента. Все это приводит к тому, что работорговля превращается в один из самых доходных видов деятельности. Появляется множество частных фирм и целых компаний, занятых в этой сфере (английская «Королевская африканская компания» (1672 г.), французская «Сенегальская компания» (1683 г.) и др.). Работорговля становится главным средством вовлечения в мировую экономику африканских государств

и стимулом их модернизации. Существовал не только европейский спрос на рабов, но и их африканское предложение. Современные исследования обращают внимание на модернизаторский эффект работорговли в Африке: в политике работорговля способствовала возникновению в Африке централизованных бюрократических государств, таких как Дагомея и Ашанти на ее западном побережье; в экономике именно более всего затронутые работорговлей области Нигерии и Ганы, освобожденные от давления избыточного населения и включенные в мировой рынок, впоследствии использовали его структуры для торговли другими видами товаров, в частности пальмовым маслом, развивались успешнее других и — парадокс истории — в долгосрочной перспективе стали форпостами антиколониализма.

Вест-Индия, т. е. острова бассейна Карибского моря, из-за своего географического положения, а также господствовавших ветров и течений оказалась доступной для экспансии сразу многих европейских государств. К уже присутствовавшим на крупнейших островах Куба и Пуэрто-Рико испанцам в XVII в. добавились англичане (Барбадос и Ямайка), французы (Мартиника, Гваделупа и часть Гаити), голландцы (Кюрасао) и датчане (о. Св. Томаса). В возобладавшем здесь плантационном хозяйстве первоначально преобладал табак, но из-за его сверхпредложения на рынке и конкуренции американского табака из Вирджинии доходы стали падать, и место табака скоро занял сахарный тростник.

Начавшаяся в 30—40-е гг. на Барбадосе «сахарная революция» скоро распространилась на все острова, превратив их в самый желаемый объект европейской экспансии, поскольку именно сахар был наиболее прибыльным из всех колониальных товаров. Однако к концу XVII в. производство сахара стало испытывать затруднения в связи с «ножницами цен» — снижением цен на сахар и ростом цен на рабов. Между тем сахар находил широкий сбыт в Европе только при относительно невысоких ценах. Выходом из ситуации и главным средством минимизации затрат стало складывание знаменитой «треугольной торговли»: европейские промышленные изделия в Африку, африканские рабы в Америку, американские товары в Европу.

В Северной Америке ярко проявился отличный от предыдущих тип европейского колониализма — наиболее радикальный, основанный не на точечном присутствии и не на господстве над местным населением, а на массовом переселении, колонизации в узком смысле слова, сопровождавшейся уничтожением или вытеснением местных жителей. В отличие от испанцев англичане хотели обрабатывать землю сами, поэтому ее старые владельцы им были не нужны. Исходная установка экспансии в Северной Америке была совершенно иной, чем в Азии, Африке и даже в Южной Америке, — здесь стремились не столько к эксплуатации местных богатств, сколько пытались создать своеобразную заокеанскую «Европу», некое продолжение европейских государств на противоположном берегу Атлантики. Совсем не случайны названия городов и колоний с приставкой «новый» — Новая Англия, Новая Франция, Новые Нидерланды, Нью-Йорк и т. д.

Первоначально интерес европейцев к Северной Америке был довольно умеренным, поскольку она не могла предложить ничего сравнимого с богатством южных широт. Привлекал главным образом боб-

ровый мех, а также сам факт наличия огромных свободных пространств, которые в глазах крестьян означали избавление от малоземелья и разного рода притеснений на родине, а в глазах властей — возможность расширения сферы своего влияния.

За исключением Испанской Флориды на юге, Северная Америка стала полем деятельности новых лидеров колониальной политики — Англии, Франции и в меньшей степени Голландии, начавших освоение континента практически одновременно — в самом начале XVII в. В частности, голландская Вест-Индская компания (1621 г.) основала колонию Новые Нидерланды с центром в городе Новый Амстердам (ныне — Нью-Йорк).

После первых не слишком удачных попыток еще в середине XVI в. французы также приступили к активному освоению Северной Америки, и в 1604 г. С. де Шамплен основал колонию Акадия на Атлантическом побережье, а также обеспечил Франции владение огромными территориями Канады с центром в Квебеке. Впоследствии во владение Франции отошли значительные территории в долине Миссисипи, так называемая Луизиана. Вместе с тем, несмотря на масштаб приобретений, французские позиции в Северной Америке не отличались особенной прочностью, во-первых, из-за относительно скромного количества переселенцев и, во-вторых, из-за самого характера колониальной политики — подобно испанской, к рациональным мотивам в ней примешивались «средневековые», т. е. мотивы умножения престижа французского короля, распространения католицизма, в колониях воссоздавались вассально-ленные отношения и т. д. Лишь Кольбер смог сделать французскую колониальную политику более последовательной. Он изменил как ее организационные формы, в частности основав в 1663 г. Вест-Индскую компанию, так и содержание, попытавшись перестроить ее на началах меркантилизма. Вместе с тем этот новый взгляд на заокеанские владения сквозь призму меркантилизма обернулся невыгодой североамериканских колоний, которые могли дать метрополии значительно меньше непосредственных экономических выгод, чем острова Вест-Индии, куда с середины XVII в. сместился центр тяжести французской колониальной политики.

Английская экспансия в Америке проходила по совершенно иному образцу. Ее главной характерной чертой стало массовое переселение. С одной стороны, в Новый Свет ехали недовольные своим положением в Старом: безземельные крестьяне, религиозные диссиденты, разного рода авантюристы и т. д. С другой стороны, английские власти поощряли переселение, продемонстрировав удивительно раннее по сравнению с другими странами восприятие колоний, в том числе как своеобразного социального клапана, позволяющего избавиться от излишнего населения и социально опасных элементов. Другой отличительной особенностью была ориентация колонистов на занятие производительным трудом, что немедленно привело к постоянным конфликтам с индейцами из-за земли. К тому же присутствовавшие в английском варианте колонизации религиозные мотивы также были совершенно отличны от, например, французских или испанских. Если у католических стран был силен миссионерский момент, в целом воздействовавший на отношения с местным населением смягчающим образом, то английские пуритане трактовали себя как «избранный

народ», который достиг обетованной земли и должен освободить ее от новых «хаанеев». В целом менее чем за век после основания в 1607 г. первой колонии — Вирджинии английские владения в Северной Америке умножились до 13 колоний против одной французской и одной испанской.

Международные отношения и коло- ниальное соперни- чество в XVII в.

В XVII в. взаимосвязь между колониальной политикой и складывавшейся в Европе системой международных отношений определялась двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, по сравнению с XVI в. колонии начинают означать для европейских государств несравнимо больше как в количественном — затрагивая уже не двух монополистов, а множество европейских государств, так и в качественном, в первую очередь экономическом, отношении. Соответственно, многократно усиливается и взаимовлияние европейской и континентальной политики. С другой стороны, несмотря на это, колонии никак не включаются в возникавшую систему европейского равновесия, они не рассматриваются ни как лежащее на европейских весах некое целое с метрополией, ни как отдельная система колониального равновесия.

Колониальный мир отделялся от Европы и в международно-правовом отношении: европейские договоры действовали за океаном, только если это специально оговаривалось, война в колониях совсем не обязательно влекла за собой столкновение метрополий в Европе. Так, в англо-испанском договоре в Уайтхолле 1686 г. четко фиксировалось, что даже в случае войны в колониях в Европе между двумя странами сохранится «прочный мир и нейтралитет». Иными словами, система международных отношений была подчеркнута европоцентрична.

Не случайно в этом веке судьбы колоний, по большому счету, решались не столько в столкновениях непосредственно за океаном, сколько в Европе. На фоне складывавшейся в Европе системы равновесия колониальные отношения отличались ничем не сдерживаемой конкуренцией, неупорядоченностью и, соответственно, высокой степенью конфликтности.

Борьба в колониях проходила в два этапа. С конца XVI по середину XVII в. Англия, Франция и Голландия пытались сместить старого колониального лидера — Испанию и затем выяснить, кто станет новым. Театром боевых и дипломатических действий стали Европа и Западное полушарие, поскольку именно там располагался центр тяжести испано-португальского королевства. Решающими оказались два поворотных для истории колониальной экспансии события — знаменитый разгром «великой армады» в 1588 г. и Пиренейский мир 1659 г.

Поражение у английских берегов «великой армады» подорвало морскую мощь Испании и стало важной предпосылкой для начавшейся на рубеже XVI и XVII вв. активизации колониальной политики других европейских держав. Однако первоначально борьба против испанского преобладания в колониях имела форму «малой войны» — отдельных акций и диверсий, как, например, действия знаменитых английских пиратов У. Рейли и Ф. Дрейка или захват в 1628 г. голландской Вест-Индской компанией испанского серебряного конвоя.

Со второй четверти XVII в. могущество Испании окончательно подрывается войнами на два фронта — Тридцатилетней в Европе и морскими войнами в Вест-Индии.

Самым серьезным противником испанцев стала Англия. Долгое время она не могла проводить последовательно антииспанскую линию в связи с менявшимися внешнеполитическими приоритетами ее королей — Якова I (1603—1625) и Карла I (1625—1649). К тому же серьезные экономические противоречия препятствовали сближению с Голландией — главным возможным союзником в борьбе против испанского преобладания на морях.

В течение первой половины XVII в. периоды соперничества и сотрудничества с Голландией менялись с периодичностью в несколько лет, но всякий раз это сотрудничество было направлено против Испании. К тому же Англия выступила фактическим союзником Голландии и в ее войне с Португалией, которая в 1650 г. предоставила базу для кораблей принца Руперта, противника парламента в английской Гражданской войне. Это послужило поводом для англо-португальской войны 1650—1654 гг., результатом которой стали свобода торговли Англии во всех португальских колониях и начало долговременной политической зависимости Португалии от Англии. Это был огромный успех колониальной политики Англии, который поощрил ее надежды на достижение подобных преимуществ и в отношении Испании. Однако в ответ на английское требование свободы плавания в Вест-Индии испанцы ответили, что это все равно что «потребовать обоих глаз их короля». В итоге Англия принимает решение вмешаться во все еще шедшую в Европе испано-французскую войну на стороне Франции.

После долгих дебатов в Государственном совете в 1654 г. Кромвель отдает исторический приказ — атаковать испанцев на суше и на море по всему земному шару. Тем самым Англия заявила о своем намерении сменить Испанию в роли главной колониальной страны Европы. Английские эскадры блокируют побережье Испании, захватывают острова в Вест-Индии (Ямайка и Багамы), с 1657 г. высаживаются на континенте. Поражение Испании становится неминуемым.

Значение заключенного в 1659 г. Пиренейского мира идет, таким образом, значительно дальше территориальных приращений на южных и северных границах Франции. Мир в первую очередь означал, что Испания перестала быть великой державой и что полуторавековой период ее морского преобладания закончился. При этом решающую роль сыграли не столько собственно колониальные потери в Вест-Индии, позже оформленные Мадридским договором 1670 г., сколько подрыв позиций Испании непосредственно в Европе. В более широкой перспективе Пиренейский мир ознаменовал собой конец начавшейся еще в конце XV в. эпохи раздела мира между Испанией и Португалией. Новая эпоха основывалась на равноправии и конкуренции европейских колониальных держав, означала качественное умножение масштабов их экспансии и принесла с собой подлинную европеизацию Земли.

Упадок Испании означал одновременно и новые возможности для колониальной активности, и исчезновение общего врага Англии и Голландии, что обострило противоречия между ними. В отсутствие

общей угрозы духовная, религиозная, а позднее и династическая близость двух стран всякий раз перевешивалась конфликтом их экономических интересов, в первую очередь такими прозаическими вещами, как сельдь, сукно и морская торговля и перевозки. Необъявленная торговая война шла практически на протяжении всей первой половины XVII в. В 1609 г. Англия ограничила ловлю рыбы у своих берегов и затем запретила вывоз необработанного и неокрашенного сукна. В ответ на это Голландия запретила ввоз обработанного и окрашенного. В колониях происходили постоянные вооруженные столкновения двух Ост-Индских компаний. Наконец, Английская революция, усилившая момент протестантской солидарности с Голландией, в еще большей степени упрочила экономическую составляющую английской внешней политики, поскольку из нее исчезли династические мотивы, а интересы торговых и предпринимательских кругов стали выражаться более прямо и непосредственно. В результате торговые противоречия в конце концов были решены силой оружия.

В 1651 г. парламент издал так называемый *Навигационный акт*, по которому ввоз товаров в Англию разрешался только на английских кораблях либо на кораблях стран, производших эти товары. Данная мера, прямо направленная против посреднической деятельности Голландии, привела к первой англо-голландской войне (1652—1654 гг.), за которой затем последовали вторая (1665—1667 гг.) и третья (1672—1674 гг.). По своему характеру это были классические войны за торговое и колониальное преобладание. Основным театром боевых действий стало Северное море с проливами Ла-Манш и Па-де-Кале как главный узел морских и торговых коммуникаций и самый важный стратегический регион Мирового океана этого времени. Кроме того, столкновения происходили также на Атлантическом побережье Европы и Африки и частично в колониях. Несмотря на ожесточенное сопротивление голландских моряков и талант возглавлявшего их адмирала Рюйтера, итогом войн стало поражение Голландии. Она была вынуждена признать Навигационный акт, выплатить контрибуцию и передать Англии свои владения в Северной Америке с Новым Амстердамом, переименованным в Нью-Йорк. Хотя территориальные потери Голландии были не так велики, главным итогом англо-голландских войн стала потеря ею морского и торгового преобладания. Таким образом, к началу XVIII в. у Англии остался лишь один реальный конкурент в борьбе за колониальную гегемонию — Франция.

§ 2. Колониальная политика европейских держав в XVIII в.

Изменения в колониальной политике

Охватывая в новом веке все те же регионы мира, колониальная политика европейских держав тем не менее претерпевает ряд изменений. Сокращается количество ее реальных участников. В то время как в XVII в. крушением испано-португальской колониальной монополии поспешило воспользоваться сразу множество евро-

пейских государств, в XVIII в. четко выделяется небольшая группа колониальных лидеров, подобно тому как в Европе в это же время происходит выделение лидеров континентальных. Однако если европейская «пентархия» была основана на принципах равновесия и противостояния гегемонии, то отношения внутри пятерки старых и новых лидеров колониальной экспансии, наоборот, продолжали развиваться на основе ничем не сдерживаемой конкуренции, приведшей в итоге к фактической гегемонии Англии.

Другой особенностью стала смена колониальной модели в большей части контролируемой европейцами Азии. Происходит постепенный переход от обладания опорными пунктами и торговли азиатскими товарами к господству над целыми странами и миллионами людей. Приняв классические формы в Индии, эта модель распространилась впоследствии на Индонезию, Индокитай и большую часть Африки. При этом менялись и организационные формы европейской экспансии — эпоха больших монопольных торговых компаний приходит к концу. В гораздо большей степени, чем прежде, колонии становятся делом государства. Наиболее яркий пример — это превращение английской Ост-Индской компании фактически в государственную администрацию по управлению Индией.

Наконец, на XVIII в. приходится и одна из самых важных вех в истории колониализма — первый за три века случай деколонизации. Независимость тринадцати американских колоний ознаменовала появление противоположного вектора в европейской колониальной политике и впервые четко обозначила ее пределы.

Колониализм в Азии, Африке и Америке

Классическим примером европейского колониализма в Азии стала Индия. К началу XVIII в. держава Великих Моголов стала фактически распадаться, и европейцы начали продвижение от опорных точек на побережье в глубь Индостана. Постепенно именно Индия становится центром интереса колониальных держав и, соответственно, их главным яблоком раздора. Дело в том, что центр тяжести европейского спроса продолжал сдвигаться от пряностей к текстилю, что было связано с ростом потребления не только готовых тканей, но и хлопка — особенно в Англии и особенно с началом промышленного переворота. Характерно, что самой привлекательной областью Индии в глазах европейцев становится Бенгалия — главный центр выращивания хлопка и производства тонкого текстиля. Англия добилась преобладания в этой области с помощью той последовательности действий, которая была характерной для ее политики и в других регионах Индии: сначала она получила привилегии от Великого Могола, затем расширила их в ущерб местному правителю и вопреки его сопротивлению (в решающем сражении в 1757 г. армия бенгальского «наваба» была разгромлена, несмотря на 15-кратное преимущество) и, наконец, избавилась от европейских конкурентов. После побед над французами в серии войн 1746—1763 гг. начался захват большей части Индии английскими войсками, Ост-Индская компания была подчинена парламенту, а в 1784 г. был издан «Акт об Индии», на основе которого она управлялась вплоть до 1858 г.

В отличие от Индии ситуация на Малайском архипелаге в XVIII в. изменилась мало. Там по-прежнему преобладали голландцы, причем их Ост-Индская компания в значительной степени сохранила привилегии, полученные еще в XVII в., вплоть до права заключать международные договоры и иметь вооруженные силы. Вместе с тем общая тенденция перехода к политическому господству и территориальным захватам проявилась в постоянном продвижении голландцев во внутренние области о. Ява — ядра их владений на Востоке.

Как и в предыдущем веке, Африка была затронута колониальной активностью европейцев лишь в той мере, которую требовали их интересы на других континентах. В первую очередь это касалось главного продукта африканского экспорта — черных рабов. Именно в XVIII в. африканская работорговля достигла абсолютного пика. По некоторым подсчетам, из 15 млн вывезенных в Америку рабов около трети приходится на XV, XVI и XVII вв., пятая часть — на XIX в. и половина — на XVIII в. Европейское присутствие в Африке было минимальным и, помимо работорговли, диктовалось лишь потребностями обеспечения морского пути в Азию (показательно, что 95% европейского населения Африки составляли жители опорного пункта голландской Ост-Индской компании у мыса Доброй Надежды).

В Северной и Южной Америке характер колониальной политики в течение большей части века также не претерпевал существенных изменений: процветали плантационное хозяйство и добыча алмазов и драгоценных металлов; высшей точки достигла «треугольная торговля»; продолжалось хозяйственное освоение Северной Америки белыми колонистами и т. д.

Колониальные страны

Главные изменения касались не столько структуры взаимоотношения Европы с неевропейским миром в целом, сколько колониальной политики отдельных государств, перераспределения их ролей и возросшего значения колоний для системы международных отношений в целом.

В XVIII в. продолжился процесс упадка некогда ведущих колониальных держав — Португалии и Испании. Помимо структурных слабостей, в частности малой численности населения и слабых темпов экономического развития, спад колониальной активности Португалии объяснялся еще и полным отсутствием интереса ее монархов к колониальным делам. «Король-монах» Жоао V предпочитал строить не фрегаты, а монастыри, его сын Жозе I также был поглощен преимущественно внутренними делами. К тому же уязвимое геополитическое положение Португалии, открытой с моря и имеющей вдоль всей своей сухопутной границы враждебную Испанию, заставляло ее искать сильных союзников. Первоначально ориентируясь на Францию как главного противника испанских Габсбургов, после утверждения в Мадриде Бурбонов Португалия окончательно и на долгие годы встала в кильватер английской политики. *Метуэнский договор* 1703 г. (по имени английского посла Метуэна) привязал Португалию к Англии экспортом портвейна и импортом текстиля, причем торговый баланс выравнивался за счет потоков бразильского золота, устремившегося в Англию. В результате не только серьезно сократилась свобода действий Португалии в колониях, но и сама она превратилась едва ли не в полуколонию Англии.

В отличие от Португалии колонии для Испании стали тем спасательным кругом, который позволял ей не опускаться на дно европейской политики. Огромная колониальная империя скрывала экономический и политический упадок метрополии, делала ее желанным союзником и позволяла испанским политикам продолжать воспринимать свою страну в качестве великой державы. Фактически вся внешняя политика Испании в XVIII в. определялась прежде всего именно колониальными интересами. Эти интересы сталкивались в первую очередь с португальскими и английскими. Соперничество с Португалией завершилось не только приобретением новых провинций — Рио де Ла Плата и Новая Гранада, но и подвело формальную черту под эпохой испано-португальского колониального преобладания — по *договору в Сан Ильдефонсо* 1777 г. Тордесильяское соглашение было признано утратившим силу. Гораздо более важными были взаимоотношения с Англией, которые, за редким исключением, в течение всего XVIII в. оставались враждебными и неоднократно приводили Испанию в антианглийские союзы.

Если в продолжавшемся падении Испании и Португалии не было ничего нового, то уход Голландии с ведущих позиций в колониальной экспансии стал настоящей неожиданностью XVIII в. Голландцы отступали в обоих земных полушариях — на Востоке Ост-Индская компания еще удерживала Индонезию, но свернула свое присутствие в Передней Индии, Сиаме и Персии; на Западе Вест-Индская компания уже с середины века не выпускала ни одного судна и с истечением патента в 1791 г. была распущена. Наконец, особенно болезненным ударом стала потеря голландцами роли главного морского перевозчика, которую теперь начали играть англичане, хотя, например, на Балтике голландские торговые суда еще в первой трети XVIII в. составляли более 40% против 20% англичан.

Причины потери голландцами ведущего места в колониальной политике были многообразны: поражение в колониальных войнах с Англией и потери в континентальных войнах с Францией, наметившееся отставание от Англии и Франции в парусной технике и кораблестроении и т. д. Вместе с тем, утрачивая прямое, Голландия усиливала косвенное участие в колониальной экспансии, в значительной степени переняв ее финансирование. К середине XVIII в. в руках голландских держателей было около четверти английского государственного долга и около трети акций Ост-Индской компании.

Активной колониальной политике Франции мешали несколько обстоятельств. Во-первых, в этой сфере, где так важно было успевать первым, она стартовала со значительным запозданием, во-вторых, ее по-прежнему сковывала слишком большая занятость в европейских делах, в-третьих, в отличие от Англии внешняя политика Франции не была столь непосредственно связана с интересами торговых и предпринимательских кругов, а сами эти круги были гораздо более осторожны в колониальных делах, чем их соседи через Ла-Манш. Тем не менее усилившаяся поддержка государства, в частности создание в 1700 г. Совета коммерции, а также благоприятная конъюнктура принесли свои плоды. В течение семидесяти лет после окончания войны за испанское наследство происходит так называемая «торговая революция», т. е. быстрый рост объема внешней торговли, увеличившегося в пять раз и по темпам фактически сравнявшегося с английским.

После Славной революции 1688 г. и стабилизации внутреннего положения строительство колониальной империи становится главной задачей английской внешней политики. В течение XVIII в. англичане добились преобладающего положения почти во всех традиционных зонах европейской экспансии — в Индии, Северной Америке, Вест-Индии, контролировали стратегические пункты на морях и задавали тон в морской торговле. Однако обратной стороной успехов англичан были потери их конкурентов, и конечное колониальное первенство Англии было достигнуто ценой целой серии войн.

Борьба за колонии и международные отношения в XVIII в.

В XVIII в. колониальные противоречия занимают центральное место в международных отношениях. В связи с развитием капиталистических отношений и началом промышленного переворота еще более по сравнению с предшествующим столетием возрастает экономическое значение колоний. Наряду с политиками и военными на определение внешнеполитического курса все большее влияние оказывают торговые и предпринимательские круги, часто связанные с колониями. Показательно, например, что на переговорах в Утрехте в состав французской делегации вошли не только военные, но и предприниматели. Если в XVII в. колониальные противоречия иногда выступали скорее как некое продолжение европейских конфликтов, то в XVIII в., и особенно с его середины, в роли генератора конфликтов часто выступают именно столкновения в колониях. В первую очередь это касалось главного конфликта эпохи — англо-французского антагонизма.

В отличие от предыдущего столетия англо-французское соперничество в XVIII в. — это не столько борьба против угрозы французской гегемонии в Европе, сколько широкомасштабный колониальный конфликт. Речь шла уже не о приграничных столкновениях в Индии, Северной Америке и Карибском море, а о принципиальной борьбе за то, кто станет лидером в колониальной экспансии и сумеет извлечь из нее максимальные выгоды. Если англо-испанское соперничество до некоторой степени смягчалось тем обстоятельством, что преследуемые ими в колониях интересы были довольно разнородными, то Англия и Франция во многом действовали в одной системе координат и добивались для себя одних и тех же выгод. Обе страны рассматривали колонии не только как поставщика экзотических товаров, но и как источник сырья для промышленности. Поскольку в обеих странах господствовало меркантилистское стремление вывезти как можно больше товаров, то они не раз сталкивались в борьбе за рынки сбыта — своих товаров в колонии и колониальных — в Европу. Росту масштаба и ожесточенности столкновений способствовало и то обстоятельство, что в связи с отходом на задний план колониальных компаний столкновения в колониях лишались своеобразных амортизаторов, конфликты компаний сменялись конфликтами непосредственно государств. Наконец, ближе к концу века обладание колониями все больше воспринимается сквозь призму национального престижа и национального соперничества.

Первой из череды англо-французских колониальных войн стала война за испанское наследство, боевые действия в ходе которой

велись не только в Европе, но и в Северной и частично в Южной Америке. Утрехтский мир 1713 г. принес Англии не только Новую Шотландию и Ньюфаундленд в Америке и стратегически важные Менорку и Гибралтар в Средиземном море, но и так называемое *асиенто*. Дело в том, что Испания, будучи с конца XV в. отрезанной от африканских рабовладельческих рынков, заключала договоры (*асиенто*) на поставку в Испанскую Америку негров-рабов. В последующие века обладание *асиенто* стало своеобразным индикатором колониального успеха: первоначально в роли доверенного работорговца Испании выступала Португалия, после ее независимости — Голландия, в ходе войны за испанское наследство утвердившиеся в Испании Бурбоны передали это право Франции, и, наконец, в Утрехте *асиенто* и связанные с ним огромные прибыли и возможности влияния в Южной Америке получила Англия.

Таким образом, в результате войны за испанское наследство Англия нанесла серьезный территориальный и стратегический урон французским позициям в Северной Америке, с помощью Метуэнского договора и отобранного опять-таки у Франции *асиенто* в значительной степени контролировала связи Португалии¹ и Испании со своими американскими колониями, а также располагала ключевыми позициями в Средиземном море. Стремительно росла и военно-морская мощь — к 1721 г. Англия располагала 124 линкорами против 66 французских. Именно в это время был фактически создан отрыв, который уже никому не удалось наверстать.

После некоторого затишья в связи со смягчением англо-французских отношений в первые два десятилетия после войны колониальные противоречия вновь обостряются с 30-х гг. XVIII в. Начавшаяся в 1739 г. англо-испанская «война из-за уха Дженкинса» стала катализатором и англо-французских колониальных противоречий, поскольку французы опасались оказаться совершенно отрезанными от торговли с Испанской Америкой и беспокоились за безопасность своих владений в Карибском море. Со своей стороны англичане с тревогой смотрели на рост французской торговли в Ост- и Вест-Индии, а также в Северной Америке. В 1740 г. Франция решает поддержать своего испанского союзника и вместе с ним атакует английскую Ямайку. С 1744 г. война между Англией и Францией как заокеанское продолжение войны за австрийское наследство затрагивает практически все их колониальные владения в Вест-Индии, Северной Америке и Индии. Однако Аахенский мир 1748 г. не привел к сколько-нибудь существенному изменению соотношения сил и фактически означал возвращение к статус-кво.

Самым масштабным и во многих отношениях решающим столкновением в колониях стала англо-французская война 1754—1763 гг. как составная часть Семилетней войны. Она велась в Северной Америке, Индии, Вест-Индии, Западной Африке, а также во всех трех теплых океанах и на морях. Несмотря на некоторые первоначальные успехи французов (захват Менорки в 1756 г.), очень скоро обнаружилась их главная слабость. Обладая множеством высокочлассных и стратегически важных укреплений в различных регионах мира, Франция не могла обеспечить коммуникаций с ними, и судьба Семилетней войны в конечном счете решилась на морях. Доведя путем вооружения торгового флота численность своих кораблей до огромной по тем

временам цифры в 300 единиц, англичане фактически блокировали побережье Франции, препятствуя отправке пополнений в колонии и нанося непоправимый вред французской торговле. Испытывая недостаток подкреплений, французы не смогли взять получавший регулярную помощь с моря Мадрас и потеряли Чандернагор — один из своих главных опорных пунктов в Индии. Наконец, победа англичан в решающей битве при Плесси в 1757 г. против бенгальского «наваба» и поддерживавших его французов фактически заложила основы их будущей колониальной империи в Индии, поскольку обеспечила им преобладание в ее важнейшем и самом богатом регионе — Бенгалии.

Аналогичным образом события развивались и на других театрах военных действий в колониях. В Северной Америке не получавшие достаточных подкреплений французские войска в 1758 г. были вынуждены сдать стратегически важный опорный пункт Луисбург. Однако в конечном счете исход войны был предопределен не за океаном, а у берегов Европы: разгром французского флота в Киберонском сражении у берегов Бретани в конце 1759 г. до предела осложнил сообщение Франции с ее заморскими владениями. После этого поражения французские колонии стали падать в английские руки по всему земному шару — Квебек, Монреаль, острова Вест-Индии, почти все индийские владения. Мировой триумф англичан стал еще более полным, после того как в начале 1762 г. в войну на стороне Франции неожиданно и в сложившихся условиях крайне неосмотрительно вступила Испания. Захват англичанами Манилы, главного опорного пункта испанцев на Тихом океане, и Гаваны, основного узла испанской вест-индской торговли, превратил Англию практически в единовластную владычицу морей.

По Парижскому миру 1763 г. Франция потеряла почти все свои североамериканские владения, в том числе Канаду и все земли восточнее Миссисипи (Восточную Луизиану), сохранила лишь отдельные фактории в Индии и была вынуждена признать передачу Англии вест-индских островов Гренада, Доминика, Тобаго и Сент-Винсент. Однако во французских руках оставались важнейшие «сахарные острова» Мартиника, Гваделупа и Сан-Доминго. Неожиданно малыми потерями отделалась Испания. Она отдавала Англии Флориду, но в качестве компенсации получала Западную Луизиану.

Таким образом, этот раунд англо-французского противостояния закончился полным поражением Франции, потерявшей почти все свои позиции в колониях и на морях. Англия еще более упрочила свое морское и колониальное лидерство. Одним из наиболее важных результатов войны стало решение судьбы Северной Америки в пользу Англии и в долгосрочной перспективе в пользу английского языка и культуры. Однако уже через считанные десятилетия вслед за своей неудачливой соперницей от большей части своих североамериканских владений была вынуждена отказаться и Англия.

**Война за
независимость США
1775—1783 гг.**

Известный французский физиократ Тюрго писал, что колонии подобны фруктам — висят на дереве метрополии, пока не созреют, и затем падают от собственной тяжести или от внешнего толчка. Подготовленная внутренними причинами, Война за независимость американских

колоний имела и очень существенные внешнеполитические аспекты. Это была вежа в истории колониализма, его первая и самая большая неудача, и одновременно вежа в истории международных отношений, поскольку появление первого самостоятельного государства за Атлантическим океаном обнажило перспективу преодоления европоцентризма как потенциально главную тенденцию их развития. Наконец, Война за независимость американских колоний означала еще и возобновление исторического англо-французского противоборства.

Парадоксальным образом победа англичан в соперничестве за Северную Америку во многом заложила основы их будущих поражений, поскольку лояльность английских колонистов к метрополии в значительной степени держалась именно на французской угрозе. Начинаясь конфликтом поспешила воспользоваться Франция, главной задачей которой после поражения в Семилетней войне был реванш. С этой целью Франция укрепила свои союзные связи с Австрией (женитьба Людовика XVI на Марии Антуанетте — дочери Марии Терезии) и Испанией (поддержка ее против Англии в фолклендском конфликте в 70-е гг.). В 1778 г. Франция признала независимость американских колоний, что привело сначала к разрыву с Англией, а затем и к открытой войне, в которой на французской стороне выступили и оба других неудачливых колониальных соперника Англии — Испания и Голландия. Существование этого союза побежденных привело к изменению ситуации на морях. В отличие от предыдущей войны Англия не смогла обеспечить себе морского господства. Ее флот превосходил любого из союзников, но не всех вместе. После разрыва с Пруссией в конце Семилетней войны Англия фактически лишилась всякой опоры и на континенте. В результате возникла ситуация, когда Франция вырвалась из порочного круга войны одновременно на европейском и колониальном фронтах, а Англия не смогла найти против нее «континентального солдата». Страны континентальной Европы, с одной стороны, занятые своими региональными проблемами — польским, турецким и баварским вопросами и, с другой — не желавшие еще большего усиления Англии, не только не оказали ей помощи, но и внесли существенную лепту в победу колонистов, создав в 1780 г. так называемую *Лигу нейтральных*. Если в предыдущих войнах Англии практически всегда удавалось добиться запрета торговли нейтральных государств со своими противниками, то участники Лиги — Россия, Австрия, Пруссия, Швеция, Дания, Португалия, Голландия и Королевство обеих Сицилий — провозгласили принцип свободы мореплавания и «вооруженного нейтралитета», т. е. заявили о своей готовности защищать свою торговлю силой оружия, для чего была создана специальная соединенная эскадра.

Война проходила с переменным успехом: в Европе англичане потеряли Менорку, но отстояли Гибралтар, в Америке пала блокированная французским флотом ключевая английская крепость Йорктаун, но английский флот добился ряда побед в Карибском море. В итоге находившиеся на грани финансового краха Англия и Франция пошли на заключение мира, к которому примкнули и другие участники конфликта.

Согласно *Версальскому миру* 1783 г. Франция получала Сенегал в Африке, Тобаго в Вест-Индии, расширенные права на рыбную ловлю

в Ньюфаундленде и восстанавливала фактории в Чандернагоре и Бенгалии, а Испания возвращала себе Менорку и Флориду. Самым важным результатом войны стало официальное признание независимости США. Тем самым было заложено сразу несколько векторов дальнейшего развития международных отношений. Это был поворотный момент с точки зрения европейского колониализма, так как независимость колонии от метрополии была признана впервые в истории. С точки зрения эволюции системы международных отношений главным был сам факт появления их самостоятельного неевропейского субъекта, к тому же обладавшего потенциями будущей великой державы. С точки зрения международного права абсолютной новостью был как способ возникновения нового государства путем самопровозглашения, так и способ его признания путем ссылки на фактическую независимость, что создавало важный прецедент для признания новых государств в XIX и XX вв.

Наконец, Война за независимость была важным этапом в англо-французском антагонизме, главным в эту эпоху. Не принесла решающих перемен, поскольку Англия отделалась довольно незначительными территориальными потерями и сохраняла господство на морях, война способствовала тому, что англо-французское соперничество после нескольких десятилетий затишья вновь выдвинулось на первое место в европейской политике. Однако его последующее развитие проходило под знаком Французской революции.

Глава 5. Французская революция и международные отношения в 1789—1802 гг.

Французская революция 1789—1799 гг. изменила не только все дальнейшее социально-политическое развитие западных обществ, но и стала точкой отсчета новой эпохи в международных отношениях. Однако, как это ни удивительно, первоначально она не оказала практически никакого воздействия ни на систему международных отношений, ни на внешнюю политику отдельных государств.

Европейские правители полагали, что Франция вступила в длительную фазу внутренней анархии, которая на долгие годы ослабит ее позиции на международной арене. Предполагаемое политическое «умаление» извечного конкурента особенно приветствовали в Англии. Английский посол в Голландии писал, что до тех пор, «пока Франция находится в таком состоянии, Форин Офис может управлять любой осел», а премьер-министр Великобритании У. Питт Младший провозгласил наступление «эпохи мира» и даже за считанные недели до начала войны, в феврале 1792 г., предусматривал сокращение военных расходов. Внимание трех других держав «пентархии» — России, Австрии и Пруссии было отвлечено от событий на западе Европы решением польской проблемы, но и там высказывались похожие суждения, например австрийский канцлер Кауниц считал, что Франция «надолго погрязла в анархии и слабости».

В разительном контрасте с событиями последующих лет, когда французские армии наводнили Европу, политики в самых разных странах не увидели огромного потенциала качественно иной государственной мощи, рожденной Французской революцией.

§ 1. *Новая внешняя политика*

Народный суверенитет

Будучи заявленным еще во время Войны за независимость США, в эпоху Французской революции впервые с такой отчетливостью и со столь масштабными последствиями для международных отношений был сформулирован принцип, который коренным образом изменил само развитие государственности стран западного мира, — принцип народного суверенитета. Знаменитая Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. содержала в себе поистине революционное утверждение: «...нация является главным источником всякого суверенитета». Тем самым качественным образом менялось само понимание государственной власти — как с точки зрения ее организации, так и с точки зрения ее легитимации. Не «милость Божья», не традиция, не «старое доброе право», а только нация является отныне и источником, и объяснением, и отправителем государственной власти. Именно нация придает государству его политическую форму, и именно из нее в конечном счете вытекают все виды и проявления государственной власти.

Естественно, что от провозглашения принципа до его полной реализации пролегла огромная дистанция, однако именно с Французской революцией во внешней политике начинается отсчет трех главных долгосрочных изменений — это ее *демократизация, идеологизация и национализация*.

Демократизация внешней политики

Внешняя политика демократизируется, конечно же, не в том смысле, что народ отныне отправляет ее непосредственно. Она по-прежнему находится в руках профессионалов и по большей части осуществляется традиционными дипломатическими средствами. Однако отныне народ через свое участие в политике, и в первую очередь через институты репрезентативной демократии, хотя и опосредованным образом, но все же мог воздействовать на те или иные внешнеполитические решения. Другой, не менее важной стороной демократизации внешней политики стал тот факт, что отныне широкие массы стали интересоваться происходящим на международной арене, занимать какую-то позицию. Политика перестала быть исключительно делом королей. Если квинтэссенцией государственной мудрости XVIII в. были слова Фридриха II о том, что в идеале народ должен не заметить, что его король ведет войну, то новую ситуацию гораздо точнее описывает высказывание одного из лидеров революционной группы жирондистов — Ж.-П. Бриссо: «Французская революция перевернула всю дипломатию. Хотя нации еще не стали свободными, теперь они обладают весом на политических весах; короли вынуждены считаться с их желаниями...» Феномен общественного мнения как фактор воздействия на внешнюю политику, в XVIII в. проявлявшийся лишь эпизодически и в отдельных стра-

нах, первый свой прорыв совершает именно в эпоху революции и последовавших за ней войн.

Идеологизация внешней политики

Две другие принципиальные революционные новации — идеологизация и национализация — в основном были связаны с содержательной, качественной стороной внешней политики. Математически-рациональная, часто механистическая политика равновесия и «государственного интереса» в большей степени была ориентирована на количественные параметры, в частности мало учитывала идеологический подтекст. Привыкнув измерять и исчислять, старая политика не имела никакого инструмента, чтобы взвесить то, что на старых европейских весах не имело веса, — идеи. Французская революция, развернувшись вовне под лозунгами «Свобода, равенство и братство!» и «Мир хижинам, война — дворцам!», открыла совершенно иное, идеологическое измерение международных отношений.

Национализация внешней политики

Качественными были и изменения, принесенные еще одним порождением революции — идеей нации. Французская революция открыла национальную эпоху прежде всего в двух отношениях. С одной стороны, это собственно идея нации, т. е. как никогда до этого четко сформулированное представление о том, что большие массы социально и культурно неоднородных, географически разделенных людей тем не менее представляют собой некое целое, стремящееся к политической самореализации и наделенное к тому же некими специфическими качествами и неким историческим предназначением. С другой стороны, это европейский ответ на теорию и практику революции. Штык французского солдата превратился в своеобразную волшебную палочку национализма, прикосновение которой пробудило национальное сознание по всей Европе.

С точки зрения международных отношений важнейшим следствием начала национальной эпохи стал долгосрочный процесс национализации внешней политики. Постепенно стало складываться представление о том, что главными действующими лицами на международной арене являются не государства как некие безликие политические конструкции, а облаченные в оболочку государства нации. Начиная уже с рубежа XVIII и XIX вв. эти нации все более наделялись антропоморфными чертами, представлялись едва ли не как живые организмы, как некие сверхличности, мыслились в категориях жизни и умирания, обозначались уже не изображениями монархов, а символическими национальными фигурами. Стали возможными представления о национальной «чести», национальном «позоре», «национальных врагах» и т. д. Учитывая имманентный любому национализму механизм отграничения вовне и эмоциональный характер связи человека с нацией, именно национализация внешней политики стала главной формой привлечения к ней широких народных масс и послужила причиной ее совершенно новой динамики, ставшей особенно очевидной уже в XIX в.

В целом же в эпоху Французской революции демократизация, идеологизация и национализация внешней политики были не столько свершившимися фактами, сколько скорее векторами, устремлен-

ными в будущее. К тому же новое, принесенное революцией, вступало в самые разные формы симбиоза со старым — традиционными территориальными амбициями французских королей, объективными экономическими интересами, устоявшимися структурами европейских союзов, геополитическими константами и т. д. Все это самым непосредственным образом проявилось во французской внешней политике первых революционных лет.

Новая война

Проведя столь отчетливую черту между старым и новым, Французская революция принесла с собой и решительные изменения в понимании и в характере войны. В первую очередь речь идет о качественно новой связи между внутренней и внешней политикой, особенно бросающейся в глаза на фоне «кабинетных войн» недавнего прошлого. В революцию сама грань между внутренней и внешней политикой становилась размытой, во-первых, из-за их теснейшего взаимовлияния, когда война и революция становились катализаторами друг друга — революция идеологизировала войну, а война радикализировала революцию. Во-вторых, из-за своеобразного понимания войны французскими революционерами, когда война воспринималась не как традиционная, т. е. между государствами, а как пренебрегающее всякими границами естественное продолжение борьбы за универсальные общечеловеческие ценности за французскими границами, по сути, как европейская гражданская война. Подобное понимание войны выбивалось из европейской политической и духовной традиции — как более давней, считавшей, что «гражданская война есть самое большее из зол» (Паскаль), так и более поздней, просветительской, особенное внимание обращавшей на проблему сохранения мира. Если в прежней традиции, представленной именами Паскаля и особенно Гоббса, сильное монархическое государство как избавитель от ужаса гражданской войны и гарант внутреннего мира рассматривалось исключительно позитивно, в многообразии идей Просвещения содержалось и другое его понимание, предвосхитившее радикальные действия французских революционеров. Во-первых, просветители заявляли о принципиальном характере связи между монархией и войной. Не агрессивность и захватнические устремления отдельных алчных королей, а сам «дух монархии есть война и преумножение» (Монтескье). Во-вторых, просветители поставили вопрос о цене установленного абсолютной монархией внутреннего мира. Для многих просветителей, считавших, что в обществе существует естественная гармония интересов, восхищавший Гоббса внутренний мир был царством угнетения и деспотизма. Таким образом, гражданская война, направленная на уничтожение абсолютизма, основанного на насилии внутри страны и культивирующего насилие на международной арене, есть уже не худшее из зол, а «благодетель» (Мабли), это война за установление вечного мира, или, говоря языком революционеров, это «война против войны».

Другими факторами, изменившими традиционный облик войны, были все те же принципиальные перемены в обществе и политике, принесенные революцией, — демократизация, идеологизация и национализация. Самым ярким проявлением демократизации стал знаменитый закон о всеобщей воинской обязанности от 23 августа 1793 г., сделавший войну в буквальном смысле делом народа. Введе-

ние закона о всеобщей воинской обязанности вывело на арену сражений совершенно новое историческое лицо — солдата-гражданина — новшество, равносильное военной революции и предопределившее дальнейшее развитие военного дела вплоть до сегодняшнего дня.

Открытая Французской революцией эпоха войн отличалась беспрецедентным масштабом, а также многомерностью. Это масштаб географический — никогда прежде Европа не была затронута войной в такой степени. Учитывая разного рода ответвления и отголоски революции в самых разных частях света — от войны с Турцией до восстания на Гаити и до колониальных планов Наполеона, некоторые исследователи ставят вопрос о мировой войне. Это масштаб демографический — война унесла около 5 млн жизней, что в соотношении с общей численностью населения означает большее число жертв, чем в Первую мировую войну. В отличие от предыдущих война не описывается простым понятием масштаба, километрами и солдатами. В частности, эта война велась в измерениях, в подобном виде практически незнакомых войнам прошлого, — экономическом и идеологическом. Никогда прежде в такой степени и в таких масштабах экономика не становилась ареной и способом осуществления враждебных действий, не становилась оружием. И никогда прежде в такой степени не становились оружием идеи. Помимо уже сказанного идеологизация войны решающим образом повлияла на масштаб и на интенсивность конфликта. В войнах старого порядка цели были заданными, ограниченными и, как правило, сугубо материальными. Войне предшествовал тщательный расчет вероятных затрат и возможных приобретений, а завершал ее мирный договор с четкой фиксацией границ. В отличие от войны королей революционная война границ не имела. В глазах сторонников революции ее идеи были универсальными, общечеловеческими и потому не могли остановиться перед какими бы то ни было границами. Слова французского революционера о том, что «территория между Парижем, Петербургом и Москвой скоро будет офранцужена, муниципализирована и якобинизирована», противостоят естественные в устах любого политика Старого порядка, в этом контексте звучали совершенно органично. В идеале, при последовательном осуществлении, подлинным масштабом революции должен был стать весь земной шар. В действительности же революционная война как продолжение внешней политики, имела много лиц и гораздо более сложную структуру. Начавшись как оборонительная, она продолжилась как освободительная и завершилась как завоевательная. Наряду с новым в ней было много традиционного: рядом с идеей безудержной экспансии — оборонительная, по сути, идея «естественных границ», рядом с идеальными абстракциями — трезвый экономический расчет и т. д. И тем не менее именно этот мессианский элемент, ощущение нового крестового похода за свободу, сохранившееся даже в годы Наполеоновской империи, в значительной степени и обусловил поистине катастрофическую ударную силу Французской революции.

Мир И вновь: какова война — таков и мир. Если война, как в эпоху революции, понимается не как отношение государства к государству, а как, по сути, борьба добра против зла, которая закончится с прекращением всех войн в мировом мас-

штабе; если война, как во времена Наполеона, имеет целью установление гегемонии, то любой мир на пути к цели неизбежно превращается в перемирие. Это можно сказать почти о любом из 33 основных миров, заключенных в эту эпоху. Соответственно, из текстов мирных договоров исчезают многие важные позиции, непременно присутствовавшие раньше, — нет «вечных» миров, нет заявлений о взаимном прощении, забвении и желании восстановить старые отношения. Показательным образом из мирных соглашений практически исчезают ссылки на равновесие. Теперь мирный договор — это просто правовая сделка, он становится короче, яснее и жестче, очень часто, особенно при Наполеоне, это мир-диктат.

Вместе с тем этот сверхнасыщенный войнами исторический период дал новый толчок развитию идеи «вечного мира». Наиболее ярким ее представителем стал Кант, написавший в 1795 г. свою знаменитую работу «К вечному миру», поводом к которой было заключение в том же году Базельского мира между Францией и Пруссией. Наиболее примечательным в этой работе было то, что Кант сделал вывод из нового качества связи между внутренней и внешней политикой, продемонстрированной Французской революцией. Помимо уже ранее встречавшихся рецептов «вечного мира», таких как невмешательство во внутренние дела или запрет вооружений, ключ к прекращению войн Кант видел все же в изменениях внутреннего устройства государств на началах конституционности. Тем самым создавались бы предпосылки к европейской федерации, а возможно, и к всемирному государству. Однако в реальности, как и в прошедшие века, противоречия интересов и в этот раз были решены силой оружия.

§ 2. На пути к войне 1789—1792 гг.

Инцидент в проливе Нутка и декрет 22 мая 1790 г.

В 1790 г. одним из важных эпизодов стал инцидент в проливе Нутка близ американских берегов. На островах в проливе, теоретически входившем в зону влияния Испании, за несколько лет до революции поселились английские охотники. После задержания испанцами нескольких английских судов между двумя странами возник конфликт, чреватый угрозой новой войны. Поэтому перед депутатами главного законодательного органа революционной Франции — Национального собрания возник вопрос, следует ли выполнить условия бурбонского фамильного пакта 1761 г. и поддержать Испанию. В реальности главным в этом инциденте была не судьба далеких островов и даже не будущее франко-испанских отношений, а вопрос принципиальной важности: кто должен руководить внешней политикой новой Франции — король или парламент? 22 мая 1790 г. был принят декрет, чрезвычайно важный для всей последующей внешней политики Франции. В нем говорилось о том, что отныне право на объявление войны, заключение мира и ратификацию мирных договоров переходит к Национальному собранию, и, кроме того, содержалась знаменитая декларация, во многом ставшая основой для взаимоотношений с соседями в последующие годы: «...французская нация отказывается от любого завоевания... и никогда не использует свои вооруженные си-

лы против свободы какого-либо народа». Это заверение, позднее повторенное и в конституции 1791 г., при всем своем миролюбии содержало в себе и некий двойной смысл, тогда не всеми осознававшийся, но ставший очевидным с дальнейшим ходом революции, — обещание не использовать силу *против* свободы других народов, совсем не означало отказа от использования ее *за*.

Два других соприкосновения с внешней политикой уже несли в себе пусть незначительный, но конфликтный потенциал. Осенью 1790 г. французами были конфискованы владения в Эльзасе ряда немецких князей, что вызвало рост трений с Империей. После введения революцией гражданского устройства церкви, нарушавшего существовавший еще с 1516 г. конкордат с папским престолом, а также фактической аннексии графства Венессен с г. Авиньоном, владений папы на юге Франции, обострились отношения и с Ватиканом. Папа публично проклял революцию и ее идеи. Около половины кюре и викариев отказались принимать гражданскую присягу, что было воспринято как контрреволюция, направляемая из-за рубежа. Постепенно стало складываться чрезвычайно важное для всего последующего хода как самой революции, так и порожденных ею войн представление о внешней угрозе, о «заговоре» против революции внешних и внутренних врагов. Это представление, уже вполне сформировавшееся еще до того, как иностранные государи действительно стали занимать враждебную Франции позицию, укреплялось под воздействием двух действенных катализаторов. Во-первых, это деятельность эмигрантов, первые из которых покинули страну уже через три дня после взятия Бастилии. Не имея никаких ресурсов для реального дела, они с тем большей энергией повели против революции словесную войну, своей риторикой лишь укрепляя опасения «заговора». Помимо эмигрантов, связь с контрреволюцией и заграницей в еще большей степени олицетворяла собой королевская чета, и особенно сама королева — дочь австрийской императрицы Марии Терезии Мария Антуанетта. Ее экстравагантное «нефранцузское» поведение, расточительство («мадам Дефицит»), слухи о разврате и о форменном шпионаже в пользу Австрии делали ее настоящей персонификацией контрреволюции, внешней угрозы и деградации абсолютизма. Постепенно фигуры короля и его супруги превратились в некий символ нараставшего противостояния революционной Франции и Европы. Поэтому попытка бегства королевской четы, случайно пресеченная в июне 1791 г. в местечке Варенн, стала одним из важных шагов к войне. В глазах народа и Национального собрания король тем самым продемонстрировал то, что он является противником революции и рассчитывает на помощь иностранцев, а его задержание одновременно казалось победой над враждебной заграницей. С Вареннского кризиса движение в сторону войны ускорилось.

Пильницкая декларация

Вместе с тем в назревавшем конфликте Франция представляла собой только одну сторону. Другая сторона, сословно-династическая Европа, с каждым шагом также приближалась к войне.

Первым из этих шагов стал так называемый *Падуанский циркуляр* июля 1791 г., решающую роль в появлении которого сыграл Вареннский кризис. Австрийский император Леопольд II, брат фран-

цузской королевы, долгое время не шел на просьбы сестры о помощи. Однако после известия о неудачном бегстве короля он из Падуй обратился к европейским дворам с призывом выступить против недостойного обращения с королевской четой. Этот шаг положил начало ряду консультаций Австрии и Пруссии. 27 августа 1791 г. Леопольд II и прусский король Фридрих Вильгельм II выступили со знаменитой *Пильницкой декларацией*. Встретившись в саксонском замке Пильниц, два монарха согласовали следующие позиции, позднее заявленные в декларации: настоящая ситуация во Франции затрагивает интересы всех европейских государей; им следует принять все меры к тому, чтобы вернуть королю Франции полную свободу действий на монархической основе и на благо французской нации; монархи Австрии и Пруссии выражают готовность выставить для этой цели необходимые войска.

Пильницкая декларация представляла собой скорее угрозу, чем призыв к немедленным действиям, поскольку условием ее реализации была поддержка всех великих держав, а Англия пока не выражала подобной готовности. Вместе с тем это был серьезный шаг к войне, поскольку, с одной стороны, была заложена основа первой антифранцузской коалиции и, с другой стороны, декларация способствовала росту радикальных настроений в Париже.

Курс на войну

Между тем избранный согласно конституции 1791 г. новый орган — Законодательное собрание был намного радикальнее прежнего. Выдвинувшаяся там группировка жирондистов во главе с Бриссо выступала с последовательной и целеустремленной пропагандой войны. Бриссо заявлял, что признание королем конституции не более чем маневр и что в случае войны наемные войска не смогут противостоять свободной армии, которую немедленно поддержат восставшие народы. В письме военному министру в ноябре 1791 г. он писал: «Мы не можем успокоиться, пока Европа, а именно вся Европа не будет охвачена пожаром».

Со своей стороны на рубеже 1791 и 1792 гг. Австрия и Пруссия решают повторить то, что однажды, казалось, уже удалось, — отрезать горячие головы в Париже с помощью словесных угроз. В ответ на французскую ноту, направленную в конце ноября трирскому курфюрсту с категорическим требованием распустить созданные французскими эмигрантами на территории курфюршества войска, Леопольд II выступил с угрозами и заявил о «европейском концерте» с целью всеобщей безопасности и чести корон. Угрозы вызвали бурю негодования в Париже и имели следствием ультимативное требование к Леопольду II: до 1 марта 1792 г. сообщить, считает ли он себя по-прежнему связанным союзными обязательствами 1756 г. и обязуется ли он в будущем воздержаться от любых мероприятий, направленных на создание «европейского концерта» против Франции. Французский ультиматум привел стороны на порог войны.

В феврале 1792 г. монархия Габсбургов и Пруссия заключили оборонительный союз, на который Франция 18 марта ответила новым ультиматумом о его роспуске и разоружении Австрии. К тому же 1 марта неожиданно умер Леопольд II. Его сын Франц II, человек

крайне консервативных взглядов, едва заняв трон, сразу взял курс на войну. Он потребовал от Франции вернуть конфискованные в Эльзасе земли, восстановить папские владения во Франции и обеспечить королю его старые права.

Заявление таких требований было равносильно объявлению войны, и 20 апреля 1792 г. Законодательное собрание лишь с семью головами против объявило войну «королю Венгрии и Богемии». Европа вступила в более чем двадцатилетнюю полосу войн.

§ 3. *Война Первой коалиции 1792—1797 гг.*

Формирование Первой коалиции

Война не случайно была объявлена не стране, а «королю Богемии и Венгрии». Тем самым преследовалось сразу несколько целей. Во-первых, подчеркивалось, что французская нация воюет не против народов, а против монархов, это «не война... нации против нации, а справедливая защита одного свободного народа против несправедливого нападения одного короля». Во-вторых, выбрав из множества корон и титулов Габсбургов именно две эти негерманские короны, французы стремились не допустить вмешательства Империи и отдельных германских государств и тем самым локализовать войну. И наконец, в-третьих, объявление войны не стране, а ее монарху диктовалось и тем обстоятельством, что то государство, которое в обиходе и в дипломатической практике называлось Австрия, юридически собственного названия по-прежнему не имело, представляя собой объединение множества земель под единым скипетром Габсбургов.

Войну локализовать не удалось, и с первых же недель началось складывание антифранцузской коалиции европейского масштаба. В течение 1792—1793 гг. к Пруссии и Австрии, первоначально поддержанным лишь германскими государствами Гессен-Касселем и Баденом, присоединились Англия, Голландия, Испания, Священная Римская империя, Португалия, Неаполитанское королевство, Папское государство, королевство Сардиния (Пьемонт), Тоскана. Враждебную Франции позицию заняла и Россия. Таким образом, Франции с самого начала противостояла большая часть стран европейского континента.

Кампания 1792 г. Кобленцкий манифест

Собственно боевые действия начались летом 1792 г. и протекали весьма неожиданно для союзников, имевших более чем двукратное численное преимущество. Легко отбив атаки французов на Австрийские Нидерланды, союзное командование бросило основные силы из долины Мозеля через Лотарингию и Шампань на Париж. Командующий союзными войсками герцог Брауншвейгский 25 июля обратился к населению Франции с *Кобленцким манифестом*, содержащим публичное обоснование мотивов и целей вторжения во Францию. В качестве цели войны было названо устранение анархии во Франции и освобождение королевской четы. Декларировался отказ от всякого завоевания и от вмешательства во внутренние дела Франции после восстановления законной власти. Законодательное собрание и парижские

власти объявлялись ответственными за жизнь и благополучие королевской семьи, в случае причинения вреда которой главнокомандующий угрожал полным разрушением Парижа.

Кобленцкий манифест, вошедший в историю как один из самых неудачных дипломатических документов, произвел в Париже эффект, прямо противоположный ожидавшемуся, и стал точкой дальнейшей радикализации революции, выразившейся в целой цепи событий: штурм дворца Тюильри, арест короля, провозглашение республики и в конечном счете казнь Людовика XVI.

В начале августа союзные войска пересекли границу Франции и стали медленно продвигаться в глубь страны. Однако уже 20 сентября события приняли совершенно неожиданный поворот — после артиллерийской перестрелки близ Вальми в Шампани армия союзников, испытывавшая большие проблемы со снабжением, сначала остановилась, а затем и вовсе начала отступление в Германию. Тем самым первая попытка подавления революции во Франции закончилась неудачей. Французские войска перешли в наступление и вскоре добились крупных успехов — были захвачены Австрийские Нидерланды и значительные земли на Рейне, вплоть до Франкфурта-на-Майне. Французы вторглись также в Швейцарию, где в ноябре 1792 г. на месте Базельского епископства была провозглашена Роракская республика, названная по имени жившего здесь во времена Цезаря кельтского племени рораков. Таким образом, было положено начало совершенно новой политической практике — созданию вокруг Франции так называемых «республик-сестер»¹, устроенных по образу и подобию Французской республики и являвшихся одновременно проводниками революционной идеологии, стратегическими форпостами и объектами экономической эксплуатации.

Причины неожиданной неудачи союзников коренились в первую очередь в отсутствии единства в их рядах. Прусский король больше думал об укреплении своих позиций по отношению к кайзеру и Империи, чем о победе над Францией, и к тому же, ожидая окончательного решения польского вопроса, не хотел слишком сильно связывать себе руки на западе.

Дальнейший ход войны был тесно связан с развитием ситуации в самой Франции. Под впечатлением громких побед революция сделала еще один виток, в свою очередь еще более закручивая пружину войны: 21 сентября 1792 г. была провозглашена республика, спустя четыре месяца 21 января 1793 г. был казнен «гражданин Капет» — низложенный король Франции Людовик XVI. Воздействие этих событий на ход войны трудно переоценить. Республика и казнь короля — только с этими событиями война приобретает свое полное идеологическое значение. Коалиция получает второе дыхание и значительно расширяется за счет Англии, Голландии, Испании, Португалии, Сардинии (Пьемонта) и Неаполитанского королевства. С большинством из этих стран Франция скоро оказалась в состоянии войны. Как правило, Франция сама объявляла войну в ответ на высылку из страны ее посла, как в случае с Англией

Ход войны в 1793—1795 гг.

¹ Впервые этот термин был применен в 1795 г. по отношению к Батавской республике.

(1 февраля 1793 г.), или даже на возмущение казнью короля, как это было с Испанией (1 марта 1793 г.).

В течение 1793 г. война начинает приобретать свой полный не только идеологический, но и стратегический размах. Еще осенью 1792 г. было принято чреватое многочисленными последствиями решение о присоединении завоеванной у австрийцев Бельгии (Австрийских Нидерландов). Вслед за этим сменивший с осени 1792 г. Законодательное собрание еще более радикальный Национальный конвент предъявил ультиматум Голландии и добился снятия существовавшего еще с Вестфальского мира закрытия реки Шельды. Французское проникновение в Бельгию вновь, как это было уже не раз, немедленно заставило заявить о себе Англию — во-первых, потому что тем самым создавалась угроза безопасности Англии и тесно связанной с ней Голландии, и, во-вторых, поскольку открытие Шельды могло означать возрождение находившегося во французских руках Антверпена как торгового и банковского центра, могущего составить серьезную конкуренцию Амстердаму и связанным с ним английским экономическим интересам. Французская внешняя политика, говорившая до этого исключительно о защите отечества и освобождении европейских народов от гнета деспотизма, в случае с Бельгией наряду с идеологической впервые обнаружила и иную подоплеку — стремление к территориальным приращениям и преследование экономических интересов. С точки зрения сочетания в ней старого и нового показатель-но, что первым объектом такого рода интереса стала Бельгия — цель нескольких поколений французских королей.

Между тем французы терпели все новые поражения от увеличившейся коалиции. И вновь война дала новые импульсы революции, чтобы затем получить их от нее сторицей, — во Франции начался якобинский террор.

Пришедшая к власти в июне 1793 г. радикальная группа якобинцев во главе с М. Робеспьером и созданный ими диктаторский орган — Комитет общественного спасения с помощью самых жестоких мер мобилизовали все силы Франции на борьбу с внешним врагом. Главным ответом на внешнюю угрозу стал закон о всеобщей воинской повинности для мужчин от 18 до 25 лет, принятый 23 августа и позволивший в кратчайшие сроки создать миллионную революционную армию. К концу 1793 г. союзные войска были оттеснены за Рейн, вновь взят Майнц, возвращен Тулон.

Не меньше, чем собственное напряжение сил, французам помогла и новая разобщенность союзников. В сентябре Фридрих Вильгельм наглядно продемонстрировал свои внешнеполитические приоритеты — оставив войска на западе, он поехал в свои вновь приобретенные польские земли. Угроза фактического выхода Пруссии из коалиции обеспокоила союзников, и особенно Англию, которая постаралась удержать ее давно испытанным способом. Согласно заключенному в апреле 1794 г. *Гаагскому договору*, Англия совместно с Голландией обязалась выплатить Пруссии единовременную субсидию в 300 тыс. фунтов стерлингов и затем делать ежемесячные выплаты в 50 тыс. фунтов стерлингов, достаточные для того, чтобы содержать армию в 62 тыс. человек. Со своей стороны Пруссия отказывалась в пользу Англии от всех завоеваний, которые могли быть этой армией произведены, т. е., по существу, выступала в роли анг-

лийского наемника. Однако из-за многочисленных разногласий между англичанами и прусским командующим, а главное, благодаря решающим победам французов этот договор вскоре потерял свою силу и сохранил значение лишь как фактический дебют Англии в роли казначея коалиции.

1794 г. в целом сложился крайне неблагоприятно для союзников. Французы захватили весь Пфальц, вынудив прусские войска отступить за Рейн; австрийцы сдали Кельн и Бонн и оставили Бельгию. Наконец, на рубеже 1794 и 1795 гг. армия генерала Пишегрю вторглась в Голландию. Ее союзником выступал сильный мороз, лишивший Голландию ее естественной защиты в виде рек, озер и моря и позволивший, в частности, захватить голландский флот при редчайших в военной истории обстоятельствах: флот сдался кавалерии, атаковавшей его по льду. Штатгальтер Вильгельм V бежал в Англию. Голландия оказалась в руках французов и была преобразована в *Батавскую республику* — новую «республику-сестру». Однако в заключенном с ней в мае 1795 г. *Гаагском мире* французы обошлись с ней не по-братски: голландцы теряли свои эксклавы в Бельгии — Маастрихт и Венло; отказывались от части фландрского побережья, допуская тем самым к торговле Антверпен, являвшийся давним конкурентом Амстердама; выплачивали контрибуцию в 100 млн гульденов; должны были содержать 25 тыс. французских солдат, дислоцированных на побережье для отражения возможной высадки англичан; предоставляли в распоряжение Франции свой флот, тогда четвертый по численности в мире, дабы, как говорилось в воззвании Конвента к «батавскому народу», «похитить у надменного Альбиона то дерзостное господство, на которое он притязает на морях...». Вдобавок ко всему голландцы потеряли все свои колонии, захваченные Англией немедленно после превращения их страны во французского сателлита.

Базельский мир 1795 г.

Тем временем свержение летом 1794 г. якобинской диктатуры и приход к власти более умеренных термидорианцев вместе с усталостью от войны и необходимостью сконцентрироваться на делах Польши, обострившихся в связи с ее третьим разделом, позволили Пруссии уже в конце 1794 г. приступить к осторожному зондированию во Франции возможности сепаратного мира. Со своей стороны французы были не против уменьшить число своих противников, но только на определенных условиях. В самом начале 1795 г. аббат Сийес, один из самых видных политиков периода Термидора, предложил мирный план, содержащий в себе три принципиальных положения французской политики по отношению к Германии: граница по Рейну, секуляризация большинства церковных земель и принцип компенсации немецким князьям их потерь на левом берегу Рейна землями на правом. В принципе на этой основе и состоялось подписание первого значительного мирного договора периода революционных войн — *Базельского мира*.

По этому миру, подписанному 5 апреля 1795 г., Пруссия отдавала левый берег Рейна Франции, в том числе и свои собственные владения, тем самым фактически признавая Рейн новой границей. Со своей стороны французы в течение двух недель должны были очистить прусские территории на правом берегу Рейна и, согласно

секретной статье, в перспективе возместить левобережные потери Пруссии за счет секуляризированных земель на правом берегу. Спустя немногим более месяца Базельский мир был дополнен *Базельским договором*, основной идеей которого было проведение демаркационной линии, по ту сторону которой Франция обязывалась не вести никаких боевых действий. Эта линия проходила с севера на юг от Северного моря восточнее Рейна до его среднего течения и поворачивала на восток приблизительно по линии реки Майн через Верхнюю Саксонию вплоть до Пруссии. Страны, находившиеся севернее этой линии, выходили — сами или под прусским давлением — из состояния войны с Францией и получали от нее гарантии нейтралитета. Эти договоры обеспечили Пруссии своего рода протекторат над Германией севернее Майна и более чем на десять лет вывели ее из состава участников антифранцузских коалиций. Франция тем самым начала процесс перекраивания политической карты Германии, который затянется на следующие двадцать лет и изменит ее до неузнаваемости.

Кризис в рядах первой коалиции еще более усугубился отпадением от нее Испании. Дело в том, что трения с Францией так и не смогли перевесить традиционных колониальных противоречий с Англией, которые обострились в том числе и благодаря *договору Гренвилля — Джея* 1794 г., в котором Англия и США согласовывали условия судоходства и территориальное разграничение на реке Миссисипи, не устраивавшее испанцев. В результате очередного *Базельского мира* (июль 1795 г.) Франция получила испанскую часть о. Сан-Доминго (Гаити) и тем самым укрепила свои позиции в Карибском море. В Европе граница между Францией и Испанией восстанавливалась на основе статус-кво. Французы покинули захваченные ими незначительные области на севере Испании и перестали поощрять сепаратизм басков и каталонцев. Фактически Базельский мир означал возвращение к традиционному сотрудничеству с Францией на антианглийских началах, подтверждением чему стало заключение в 1796 г. первого *Сан-Ильдефонского союзного договора*.

Несмотря на успехи французов и продолжавшуюся эрозию Первой коалиции, война продолжалась. Союзники постарались укрепить свои ряды. В 1795 г. Англия и Австрия заключили формальный союз, и Англия обязалась выплатить Австрии субсидии, достаточные для выставления 200-тысячной армии. В ответ на приглашение союзников в сентябре 1795 г. к коалиции примкнула Россия, однако фактически она не принимала участия в боевых действиях, в том числе из-за смерти в 1796 г. Екатерины II и отрицательной позиции Пруссии. Фактически на континенте реально противостояли Франции лишь Австрия, южногерманские государства, а также Сардиния-Пьемонт. Соответственно этому, в 1796 г. основными театрами военных действий стали Южная Германия и Италия.

В планах французского командования, делавшего основную ставку на прямой удар по Австрии из Южной Германии, Италии отводилась роль вспомогательного театра военных действий, призванного отвлечь на себя часть австрийских сил, однако речь шла о продолжении векового австро-французского соперничества за влияние в Италии, и именно Италия на годы вперед станет ареной активных боевых действий и решительных политических перемен.

С середины XVIII в., т. е. со времени урегулирования австро-испанских территориальных споров в Италии и сближения Австрии и Франции в Семилетнюю войну, итальянские государства переживали период мира, один из самых длительных в их истории. Даже революция первоначально скользнула по касательной, затронув лишь северо-западную оконечность Италии — Пьемонт. Так было до вторжения в Италию революционных войск, ведомых Наполеоном.

Первая Итальянская кампания

Со своей стороны Вена связывала с Северной Италией планы более далеко идущие, чем просто оборона. Традиционной целью австрийской внешней политики было присоединение ряда североитальянских городов, и особенно Венеции. После заключения Базельского мира 1795 г. это стремление подкреплялось еще и желанием укрепить свои позиции на юге в противовес усилению Пруссии на севере Империи. Однако все попытки Австрии силой оружия отстоять свои интересы в Италии закончились полным крахом — в марте 1796 г. главнокомандующим французскими войсками в Италии был назначен генерал Наполеон Бонапарт. Уже в мае он разбил Пьемонт и вынудил его к подписанию *Парижского мира*, по которому король Сардинии признал присоединение к Франции Савойи и Ниццы. В течение следующих двух месяцев Наполеон заключил перемирия с Пармой, Моденой, Неаполем и папой и осадил Мантую, которую оборонял сильный австрийский гарнизон. Были провозглашены новые «республики-сестры» — *Циспаданская*, на территории Модены и части Папской области (октябрь 1796 г.), и *Транспаданская*, включившая в себя Милан и Мантую (декабрь 1796 г.). Инструкции Директории требовали, чтобы и в Риме была провозглашена республика, однако, понимая, насколько глубоко идея папства коренится в итальянском народе, Бонапарт ограничился лишь подписанием в феврале 1797 г. *Толентинского мира*, по которому папа выплачивал контрибуцию и официально отказывался от эксклавов во Франции — Венессена и Авиньона, а также от присоединенных к Транспаданской республике Болоньи, Ферары и Романьи. Тем временем многочисленные попытки австрийских войск снять осаду с Мантуи к успеху не привели, в феврале 1797 г. крепость пала, и, развивая успех, Наполеон вторгся в Тироль, создав тем самым непосредственную угрозу Австрии. В этой ситуации Франц I был вынужден пойти на прекращение боевых действий, подписав в апреле 1797 г. прелиминарный мирный договор близ г. Леобена в Штирии. В открытой части *Леобенского договора* согласовывались шестимесячное перемирие для выработки условий окончательного мира, сохранение целостности Империи и уступка Франции Бельгии. В секретных статьях Австрия отказывалась от Милана и получала за это венецианское побережье с Истрией и Далматией.

Кампоформийский мир. Крах Первой коалиции

Окончательные итоги были подведены в одном из наиболее значительных международных документов этой эпохи, который подвел черту под пятью годами существования Первой коалиции, — *Кампоформийском мире* 1797 г. Шестимесячное перемирие стороны постарались использовать для укрепления своих позиций на мирных переговорах.

Понимая, что перемирие в Леобене было заключено по собственной инициативе Бонапарта, который таким образом впервые оказал существенное влияние на французскую внешнюю политику, австрийцы надеялись на то, что умеренные в Директории умерят пыл своего генерала. Однако произошло противоположное: в результате переворота в сентябре 1797 г. умеренные члены Директории были отстранены (например, подписавший Базельский мир с Пруссией Ф. Бартелеми) и к власти во Франции пришли радикалы и сторонники захватов. Не оправдались и надежды на помощь Англии и России. Со своей стороны Наполеон подошел к переговорам, не только имея более прочный тыл в Париже, но и укрепив свои итальянские позиции благодаря захвату Ионических островов и основанию очередных «республик-сестер» в Италии — *Лигурийской*¹, созданной на месте Генуэзской в июне 1797 г., и *Цизальпинской*, возникшей как объединение прежних Циспаданской и Транспаданской республик в июле 1797 г. В результате подписанный 17 октября 1797 г. в штаб-квартире Бонапарта в Пассариано, но названный по имени небольшого замка Кампо-Формио в Венецианской области мир был более жестким и отразил практически все требования Бонапарта. При его подписании Наполеон проявил значительную долю самостоятельности, в частности не стал придерживаться инструкций Директории относительно присоединения всего левого берега Рейна и восстановления республики Венеция.

Австрия соглашалась на переход к Франции Бельгии, Ионических островов с венецианскими поселениями в Албании, Ломбардии и отказывалась от всех претензий на земли Цизальпинской республики. Область Брейсгау Австрия уступала герцогству Модена в качестве компенсации за его владения, присоединенные к Цизальпинской республике. В свою очередь в качестве компенсации за собственные потери Габсбурги получали Венецию.

Таким образом, Кампоформийский мир означал потерю Австрией почти всякого влияния в Северной Италии — традиционной сфере ее интересов. Достигнутое благодаря приобретению Венеции укрепление позиций на Адриатике во многом обесценивалось тем, что французы получили опорные пункты на албанском побережье, а обладание чрезвычайно важными со стратегической точки зрения Ионическими островами давало им контроль над выходом из Адриатического моря. Не случайно, имея в виду продолжение морской борьбы с Англией, Наполеон писал, что готов отказаться скорее от завоеваний в Италии, чем от Ионических островов.

Несмотря на то что, согласно одной из статей Кампоформийского договора, мирное урегулирование отношений Франции со своими германскими соседями должно было состояться на специальном конгрессе в баденском Раштатте, германский вопрос также нашел отражение в договоре. Если по Леобенскому перемирию Империя сохраняла свою целостность, то теперь под нажимом Наполеона делались две важнейшие уступки, наносившие серьезный удар по ее устройству и подрывавшие авторитет Габсбургов как носителей имперской короны: Австрия фактически признавала новую границу по Рейну и принцип возмещения потерь на левом берегу компенсациями на правом.

---

¹ Названа по имени кельтского племени лигуров.

В частности, Габсбурги признавали границей с Францией все верхнее течение Рейна от Базеля до впадения в Рейн р. Нетте неподалеку от Кобленца и обещали содействовать такому признанию и со стороны прочих германских суверенов. Острый характер соперничества между Австрией и Пруссией, важного с точки зрения перспектив дальнейших коалиций против Франции, проявился в том, что в ходе дипломатической подготовки Кампоформийского мира австрийцы продемонстрировали, что опасаются Пруссии едва ли не больше, чем Франции: они сдавали позиции Империи, но при условии, что Пруссия не получит никакого приращения. Однако французы и не собирались особенно поощрять Пруссию, поскольку главная уступка с ее стороны была достигнута еще по Базельскому миру — она отдавала свои левобережные владения на Нижнем Рейне, и таким образом, граница Франции по Рейну была практически установлена.

Отказ обеих великих германских держав от своих функций главных защитников западных пределов Империи от французского «наследственного врага» фактически предрешил результаты работавшего с декабря 1797 г. по апрель 1799 г. *Раштаттского конгресса*. Переговоры затягивались главным образом потому, что посланная рейхстагом для ведения мирных переговоров от имени Империи специальная делегация имела полномочия заключать договор только на условиях территориальной целостности Империи. Конгресс закончился безрезультатно, поскольку в связи с началом Второй коалиционной войны кайзер наложил вето на его решения.

Итоги войны Первой коалиции оказались во многом неожиданными. Одним из самых больших сюрпризов было само поражение коалиции, имевшей преимущество как ни в какой из предыдущих войн. Еще большей неожиданностью стала метаморфоза, которую претерпела война. Начавшись как поход свободы против монархов, как «война против войны», она за пять лет едва заметной глазу эволюции закончилась достижением классических целей внешней политики французских королей. Французская внешняя политика все больше представляла собой удивительный симбиоз идей революции, традиционных целей французских королей и экономических интересов. Так, на фоне освободительного порыва во всемирном масштабе неожиданно получила второе рождение идея так называемых «естественных границ». Восходящая своими корнями к Ришелье и Людовику XIV, свою классическую формулировку она получила именно в годы Французской революции. Уже в сентябре 1792 г. на эту тему высказался Дантон, а спустя несколько месяцев последовала официальная декларация Дипломатического комитета: «...старинные и естественные рубежи Франции суть Рейн, Альпы и Пиренеи...» В соответствии с этой доктриной происходит аннексия Бельгии, Савойи и Рейнской области. На фоне осуждения своекорыстной политики королей не менее неожиданно прозвучало обращение французских революционеров к идее «государственного интереса». Под заявлением Карно о том, что естественное право государства на безопасность оправдывает любое действие в интересах государства, даже если оно наносит вред соседям, охотно подписались бы Людовик XIV и Фридрих II. Однако наиболее характерной чертой французской внешней политики стал переход к экспансии и территориальным захватам.

С одной стороны, в этих захватах и в их направлении прослеживаются все те же черты континуитета во внешнеполитических целях старой и новой Франции. С другой стороны, они получают и совершенно новое обоснование. Логика перехода от освободительной к завоевательной войне приблизительно такова: Франция несет человечеству свободу и счастье — значит, тот, кто присоединится к Франции, приобщится и к свободе. Поэтому, когда в ноябре 1792 г. Национальный Конвент заявил о готовности помочь всем народам, желающим обрести свободу, это заявление уже содержало в себе не только обещание помощи, но и угрозу. Говоря словами известного французского историка А. Собыля, «война за аннексии была естественным следствием пропагандистской войны. Конвент призвал народы подняться и обещал защиту. А разве может быть лучшая защита, чем аннексия?».

Помимо этого агрессивная внешняя политика начинает питаться и новым мотивом — национализмом. Он оказывает на внешнюю политику влияние, пока несравнимое с более поздними временами, но вместе с тем никогда не бывавшее раньше. Чудовищное напряжение, ожесточение и победы 1793—1794 гг. развили у французов вкус к военной мощи, славе, к национальному величию, превосходству над другими народами, ощущение «великой нации». По-прежнему заявляя о себе как о врагах монархов и друзьях всех народов, французские политики рассуждают об «испанских фанатиках», «слабоумных австрийцах», отсталых, недостойных свободы бельгийцах. Традиционное соперничество с Англией приобретает форму национальной вражды, Робеспьер противопоставляет французский «народ-землепашец» английскому «народу-лавочнику».

Вместе с тем все более важными становятся экономические мотивы. Отчасти они питались идеями автаркии, получившими достаточно широкое распространение в условиях фактического окружения Франции. Одновременно, как в случае оккупации Бельгии и открытия Шельды, на цели войны все больше влияют интересы крупных промышленных и торговых кругов, что станет особенно очевидным позже, в период Директории (ноябрь 1795 г. — ноябрь 1799 г.). Наконец, на первый план выходит идея экономической эксплуатации, банального грабежа захваченных территорий — уже во времена якобинцев был создан даже специальный орган, так называемая «комиссия по добыванию», занимавшаяся вывозом сырья и т. д.

В целом внешняя политика Франции сохраняла и революционный компонент: те же «республики-сестры», будучи фактически полуколониями Франции, одновременно копировали ее институты, на завоеванных территориях осуществлялся весь комплекс антифеодальных преобразований, французские солдаты и под наполеоновскими знаменами думали об освобождении человечества. Однако экспансионистские и захватнические черты политики Франции становились все более заметными, особенно после свержения якобинцев и установления режима Директории. Уже сменившие якобинцев термидорианцы, пик политического влияния которых приходился на 1794—1795 гг., заявляли: «...чтобы возместить себе убытки... самой справедливой из войн... республика может и должна могущие принести ей пользу земли удерживать либо в качестве завоевания, либо путем переговоров, не опрашивая жителей». При Директории война,

становясь все более захватнической, становилась все менее народной, превращаясь в первую очередь в дело правительства, армии и крупных экономических интересов. Члены Директории могли по-разному видеть цели войны. Например, если Сийес предлагал создать оборонительный вал из «республик-сестер» и вести целенаправленную политику в этом направлении, то Карно выступал с более умеренных позиций и предлагал ограничиться «естественными границами».

Существовали и внутренние причины, толкавшие Директорию на продолжение войны. Для Директории, в ее промежуточном положении, опасавшейся радикализма низов не меньше, чем монархической реставрации, война означала сохранение власти. Война защищала режим слева и справа и служила надежным социальным громоотводом, давая выход революционной энергии масс и одновременно сковывая консервативные силы. Поэтому Бонапарт с его активной итальянской политикой и амбициозными проектами, выходящими за пределы первоначальных внешнеполитических планов Директории, все же получил от нее поддержку.

§ 4. *На пути к Наполеоновской империи* 1797—1802 гг.

После Кампоформии население Франции, и без того самое большое в Европе, увеличилось с 26 до 34 млн человек, а захваченная в Италии добыча благотворно сказалась на экономике, в частности позволила в 1798 г. урегулировать государственный долг. За пять лет войны Франция из европейского изгоя превратилась в безусловного лидера на континенте. Однако именно это обстоятельство заставило активизироваться две великие державы, которые до сих пор оставались в тени, — Англию и Россию.

Англо-французский антагонизм

По-прежнему неразрешенным оставался англо-французский антагонизм — определяющий конфликт эпохи и главный мотор антифранцузских коалиций. В основе векового противостояния, «второй Столетней войны» двух стран, несмотря на все дополнительные национальные и идеологические акценты, по-прежнему лежали противоречия экономических и стратегических интересов. Показательно, что попытка положить конец враждебным действиям путем переговоров, шедших с 1796 г. в г. Лилле, не удалась не по идеологическим мотивам, а по причинам сугубо экономическим: Франция требовала вернуть отторгнутые у нее в ходе войны колонии, а англичане настаивали на отмене блокады английских судов Францией и «республиками-сестрами», введенной с октября 1796 г. Помимо колониальных, другим традиционным противоречием была Бельгия: захват ее, контроль побережья и открытие запрещенного международными договорами судоходства на Шельде наносили серьезный вред стратегическим и экономическим интересам Англии. Наконец, остатки доверия подрывались охотно практиковавшимся обеими странами вмешательством во внутренние дела — ирландские в Англии и корсиканские во Франции. Поэтому перед Англией в очередной раз встала традиционная задача — остановить французскую экс-

пансию и восстановить европейское равновесие — главное условие своего преобладания в колониях и торгового успеха в Европе. Традиционными были и формы участия Англии в антифранцузской борьбе — экспедиционные корпуса (например, корпус генерала Йорка в 1793—1795 гг. в Голландии), но главное — «британский способ боевых действий»: блокады, нападения на побережье, десанты, колонизационные операции и, конечно, субсидии союзникам. Подсчитано, что в период с 1793 по 1816 г. Лондон выплатил: Австрии — 14 млн фунтов стерлингов, Португалии — 11,6, России — 9, Испании — 7,8, Швеции — 5,7, Пруссии — 5,6.

В англо-французском соперничестве особенно ярко себя проявили новые измерения в международных отношениях — демократизация и национализация. Общественное мнение в обеих странах реагировало на происходившее на международной арене чрезвычайно бурно и оказывало серьезное воздействие на принятие внешнеполитических решений как через парламенты, так и посредством газет, разного рода демонстраций, протестов и т. д. В годы революции и правления Наполеона фактически впервые в полной мере проявил себя такой постоянный спутник международных конфликтов более позднего времени, как «газетная война». Обе страны захлестнул поток публикаций, памфлетов, карикатур, одновременно выражавших мнение широких общественных кругов и готовивших его. Довольно часто эти публикации, иногда носившие язвительный и даже откровенно оскорбительный характер, становились предметом дипломатических разбирательств (например, Наполеон в официальных нотах требовал призвать к ответу английских карикатуристов).

Значительная доля взаимных нападок имела национальный подтекст, мотивировалась не наличием конкретных спорных проблем, а принципиальной враждой двух наций, видевших по ту сторону Ла-Манша не столько государства как таковые, сколько «кроважанных французов» и «коварных англичан». Именно с этого времени укореняются различные штампы и национальные стереотипы (например, обозначение Англии как «коварного Альбиона» входит в европейский литературный и политический лексикон благодаря антианглийской публицистике, особенный всплеск которой происходит после разрыва в 1803 г. Амьенского мира).

Положение Англии осложнялось, во-первых, тем, что после Кампоформио она осталась с Францией фактически один на один. Во-вторых, англичане никогда не сталкивались с французским вызовом такого масштаба и такой энергии, как во времена Бонапарта.

Египетский поход Бонапарта В первую очередь Бонапарт своеобразно попытался решить вековую стратегическую дилемму англо-французской борьбы — дилемму слона и кита, сильнейшего на суше и сильнейшего на море. Поставленный Директорией в январе 1798 г. командовать английской армией, формируемой для переброски через Ла-Манш, Бонапарт предложил совершенно иной план — план вторжения в Египет. Считая, что англичан невозможно уязвить с моря — десантной операцией через Ла-Манш или высадкой в колониях, он рассчитывал захватить Египет как некий плацдарм в колониальном мире, с которого Франция может начать восстановление собственной колониальной империи и по суше угрожать английским коло-

ниям в Индии. Со своей стороны Директория опасалась чрезмерного усиления популярности Бонапарта, создавшего себе итальянскими победами европейскую славу и с триумфом встреченного в Париже, и легко согласилась на его отправку в далекий Египет. В Париже считали, что можно не опасаться серьезных препятствий со стороны Османской империи, поскольку, хотя Египет формально и входил в ее состав, в реальности он находился в руках местной мусульманской знати, так называемых мамелюков.

Египетский поход Бонапарта, смелое до авантюристичности предприятие, начался в мае 1798 г. Первый серьезный успех был достигнут еще в пути, когда французам удалось захватить остров Мальту, находившийся под контролем духовно-рыцарского ордена иоаннитов и стратегически чрезвычайно важный. Наполеон позже говорил, что тот, кто господствует на Мальте, может одной рукой владеть Европой, а другой — Индией. После высадки в Александрии Бонапарт осуществил марш на Каир, где 21 июля состоялась известная «битва при пирамидах», перед началом которой Бонапарт вдохновил своих солдат знаменитой фразой: «...сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид...». Однако в стратегическом и политическом смысле разгром войск мамелюков оказался практически безрезультатным, поскольку Бонапарт совершил крупную ошибку: он не отправил французский флот в надежную гавань на Мальте и в результате сражения при Абукире 1 августа 1798 г. тот был практически полностью уничтожен. Началось так называемое «египетское пленение» Бонапарта и его армии, лишенных всякой связи с Францией. Уже с осени 1798 г. французы стали сталкиваться со все более ожесточенным сопротивлением местного населения, тогда же возникли и непредвиденные международные затруднения: в сентябре Турция объявила Франции войну, и из Сирии в Египет вторглись турецкие войска. Кроме того, став в сентябре 1798 г. магистром Мальтийского ордена, на более активную антифранцузскую позицию перешел российский император Павел I. В декабре Россия и Турция заключили союз, направленный против Франции. В течение следующих нескольких месяцев Бонапарт с переменным успехом воевал в Египте и Палестине, но в августе 1799 г. срочно покинул свою армию, поскольку за это время совершенно изменилась ситуация в Европе.

Создание Второй коалиции

Помимо роста колониальных противоречий между Англией и Францией, другим очагом напряженности становятся Италия и Швейцария. Возрастает активность Франции в Италии, далеко выходя за пределы, очерченные Кампоформийским миром. В конце декабря 1797 г. во время беспорядков в Риме погиб французский генерал. В ответ на это французская армия захватила Рим, была провозглашена *Римская республика*, а папа Пий VI был увезен во Францию. В январе 1798 г. французские войска вторглись в Швейцарию и основали там недолго просуществовавшую *Леманскую*, а в апреле — *Гельветическую республики*. Австрия, и без того недовольная сделанными в Кампоформии уступками, восприняла дальнейшее укрепление Франции в Италии и появление французов в Швейцарии в непосредственной близости от своих границ как очевидную угрозу. Постепенно вокруг продолжавшей вести борьбу Англии складывается Вторая коалиция. В ноябре 1798 г. Неаполитан-

ское королевство, недовольное новыми французскими успехами в Италии и под английским давлением, объявляет Франции войну. В январе 1799 г. к союзу России и Турции присоединяется Англия. И наконец, 12 марта 1799 г. Франция объявляет Австрии войну, поводом к которой было то, что австрийцы пропустили через свою территорию русские войска под командованием А. В. Суворова, направлявшиеся в Италию.

В итоге сложилась Вторая коалиция, наиболее важными участниками которой были Англия, Россия, Австрия, Неаполь и Турция. По составу участников она уступала Первой коалиции. Военная мощь России, значительно укрепив союзников, все же не могла сказаться в полной мере в силу удаленности России от основных театров боевых действий. Вместе с тем позиции Франции выглядели более благоприятными из-за отсутствия на этот раз фронтов на Северном Рейне и в Пиренеях. Принципиальное значение имела позиция Пруссии. Французы пытались привлечь ее на свою сторону, надеясь тем самым уравновесить силы и нанести удар Англии с помощью прусской оккупации Ганновера. Однако прибывшему в мае 1798 г. в Берлин аббату Сиейсу языком дипломатического протокола было сразу указано на беспочвенность такого рода надежд — король признал его полномочия как посланника, но не как посла; официальные лица его избегали. Не отличавшийся решительностью новый король — Фридрих Вильгельм III (1797—1840) не стал себя связывать и с коалицией. Кажущаяся прочность доминирования в Северной Германии, противоречия с Австрией и недостаточность обещанных субсидий привели к тому, что Пруссия после некоторых колебаний все же сочла за благо остаться в стороне. Со своей стороны и австрийцы не хотели иметь союзником Пруссию, опасаясь, что успех приведет к ее дальнейшему усилению.

Боевые действия 1799—1801 гг.

Боевые действия велись на двух основных театрах — западноевропейском и итальянском. Начало войны было за союзниками: в мае австрийские войска отбили французское вторжение через Рейн, в июне французы были выбиты из Швейцарии, кардинальным образом изменилась ситуация и в Италии.

Еще в декабре 1798 г. французские войска вторглись в пределы Сардинского королевства, вынудили короля официально отречься от Пьемонта и удалиться на о. Сардинию, а в феврале 1799 г. в результате плебисцита было провозглашено присоединение Пьемонта к Франции. Под впечатлением от поражения французского флота в битве при Абукире в конце 1798 г. против Франции выступило Неаполитанское королевство, однако уже в январе 1799 г. оно было разгромлено, король бежал на Сицилию под защиту английского флота, а в самом Неаполе была учреждена *Партенонейская республика* (по названию античного предшественника Неаполя).

С весны 1799 г. ситуация в Италии вновь резко изменилась — начались так называемые «Тринадцать месяцев» (май 1799 г. — июнь 1800 г.), в ходе которых войска союзников при активной поддержке населения многих итальянских государств очистили от французов все занятые ими итальянские территории. Ушаков вырвал из французских рук Ионические острова. Вместе с тем закончилась неудачей попытка объединенной русско-английской армии освободить Гол-

ландию. После ряда поражений в октябре 1799 г. был заключен *Алкмаарский договор*, по которому союзники выводили свои войска с территории Голландии, англичане выдавали содержавшихся у них французских и голландских пленных, но сохраняли в своих руках захваченный в начале операции голландский флот.

К осени 1799 г. изменилась к худшему и ситуация союзников в Италии в том числе в связи с растущими разногласиями в стане коалиции. В частности, русские не без оснований подозревали, что их австрийские союзники стремятся освободить Северную Италию от французов, главным образом намереваясь занять их место. Неудача начатого в сентябре 1799 г. знаменитым переходом через Альпы Швейцарского похода Суворова стала последней каплей. В октябре 1799 г. Россия вышла из состава коалиции.

Между тем тогда же, осенью 1799 г., происходит еще одно событие, повлиявшее на последующую историю международных отношений больше, чем иная военная кампания. В результате переворота 9 ноября (18 брюмера по революционному календарю) к власти во Франции в качестве Первого консула пришел Бонапарт.

В 1800 г. война продолжилась на тех же двух театрах — в Италии и Германии. В мае Бонапарт совершил легендарный переход через Альпы и, обрушившись на совершенно не ожидавшие его австрийские войска в Италии, разбил их в решающей битве при Маренго в июне 1800 г. Тем самым Франция вновь вернулась в Италию, и началась новая страница как во взаимоотношениях с итальянскими государствами, так и с Австрией. Однако на этот раз победы Бонапарта в Италии оказалось недостаточно, чтобы склонить Австрию к миру. Решающим было поражение австрийцев в Баварии в декабре 1800 г. В итоге 9 февраля 1801 г. был подписан *Люневильский мир*.

Люневильский мир 1801 г.

19 статей мирного договора практически полностью подтверждали положения Кампоформийского мира, но с некоторыми отличиями. Прежде всего третьей стороной при подписании была Священная Римская империя — Франц II подписал мир в обеих своих главных ипостасях — и как глава монархии Габсбургов, и как германский кайзер, что делало излишними отдельные переговоры с Империей, подобные Раштаттскому конгрессу. Многие из того, что в Кампоформио было скорее лишь намечено, в Люневиле легло на европейскую карту жирными линиями. В основном это касалось границы по Рейну: согласно статье 6 мирного договора, границей между Францией и Империей объявлялась долина Рейна во всем его течении от Батавской до Гельветической республики. Вновь признавался принцип компенсации потерь на левом берегу компенсациями на правом. Вдобавок ко всему укрепления на правом берегу Рейна хотя и оставались в германских руках, но подлежали разоружению. Кроме того, Франц II еще раз официально признал передачу Франции Австрийских Нидерландов. Все это означало серьезное ослабление международных позиций германских государств и непосредственно Австрии, авторитет и влияние которой после этого «предательства» немецкого дела значительно упали.

Содержание Люневильского мира касалось и ситуации в Италии. Австрия сохраняла свои приобретения в Северной Италии — Венецию вместе с ее областями Истрией и Далматией. Вместе с тем Габс-

бурги в Модене и Тоскане теряли свои троны — первый в качестве компенсации получал графство Брейсгау на Верхнем Рейне, для второго также предусматривалось возмещение из территорий Империи (им стало архиепископство Зальцбург). Австрия отказывалась от всех претензий на итальянские земли на правом берегу реки По, т. е., по существу, от всей остальной Италии. Наконец, Франц II заявлял о признании всех «республик-сестер» — Лигурийской, Цизальпинской, а также Гельветической и Батавской.

В результате Люневильского мира Франция становилась единоличным лидером в Италии, с одной стороны, и начинала обретать влияние в Империи — с другой. При этом если Франция приобретала, то главной теряющей стороной выступала Австрия. Подсластив пилюлю уступкой Венеции, Бонапарт закрыл перед Габсбургами ворота в Италию — одну из главных точек приложения их внешней политики на протяжении веков. Отодвинув границу к Рейну и уже готовясь его перешагнуть, Бонапарт ставил под угрозу и германские позиции Австрии, которые были больше, чем просто направлением внешней политики, во многом составляя основу ее существования как великой державы. Подводя итог произошедшему, Франц II с горечью писал, что «моя монархия... не в состоянии занимать в системе европейского равновесия подобающего ей места...», а австрийский уполномоченный в Люневиле охарактеризовал подписанный им мир буквально в двух словах: «Он ужасен».

Итальянская политика Наполеона в 1800—1802 гг.

Вместе с тем судьба Италии решалась не только за столом переговоров в Люневиле, но и во взаимоотношениях непосредственно с различными итальянскими государствами. Большинство из них претерпело в течение трех последних лет схожую эволюцию: французские преобразования — изгнание французов и восстановление старых порядков во время «Тринадцати месяцев» — вторжение Бонапарта. Бонапарту предстояло решить, сохраняет ли он, став Первым консулом, то, что сделал, будучи генералом. В действительности он даже усилил содержащийся еще в политике Директории экспансионистский момент и в итоге сложил мозаику итальянских государств по-новому, освободив гораздо больше места для французских цветов.

В частности, это касалось Пьемонта: освобожденный союзниками от французов, он вновь попал во французские руки. Бонапарт оставил в силе решение Директории о присоединении области к Франции, исходя из стратегических соображений, поскольку он тем самым получал контроль над альпийскими перевалами — воротами в Италию. К тому же он хотел уравновесить присоединение к Австрии Венеции. Впрочем, официальное присоединение Пьемонта к Франции было провозглашено лишь в сентябре 1802 г.

После Маренго французские войска оккупировали и герцогство Парму. Наполеон надеялся увеличить за ее счет восстановленную им Цизальпинскую республику, однако здесь возникла щекотливая ситуация, поскольку союзные Франции испанские Бурбоны желали не только сохранить в неприкосновенности владения своих пармских родственников, но и приумножить их за счет соседей. В итоге в октябре 1800 г. между Испанией и Францией был подписан второй *Сан-Ильденфонский договор*, согласно которому герцог пармский

получал титул короля и увеличивал свои владения за счет либо Тосканы, либо папы, либо других итальянских соседей; за это Испания передавала Франции Луизиану в Северной Америке. Однако уже в марте 1801 г. последовало изменение: две страны подписали новый, *Аранхуэсский договор*, по которому сын герцога Пармского становился королем Тосканы, уступленной по Люневильскому миру прежними правителями Габсбургами, а сам герцог должен был отречься от пармского престола в пользу Франции. На деле герцог отказался это сделать, и Парма была присоединена к Франции лишь в 1802 г., уже после его смерти.

Судьба Тосканы была решена в трех договорах: Люневильский удалял из великого герцогства прежнюю династию Габсбургов, Аранхуэсский возводил на трон «короля Тосканы» сына герцога Пармского Людовика, отчуждал в пользу Франции находившуюся под сюзеренитетом Тосканы пьомбинскую часть о. Эльба, а само княжество Пьомбино в качестве компенсации за эту потерю передавал Тоскане. Новое королевство получило антикизированное наименование Этрурия. Наконец, *Флорентийский договор* с Неаполитанским королевством (март 1801 г.) объявлял Пьомбино свободным от неаполитанского сюзеренитета и передавал Франции оставшуюся часть о. Эльба, принадлежавшую до тех пор Неаполю.

Цизальпинская республика, наиболее крупное политическое образование севера Италии, после «Тринадцати месяцев» была также восстановлена, а вывезенные во французский Лион итальянские представители единодушно проголосовали за новую конституцию республики и ее президента, которым стал Наполеон Бонапарт. Само же государство отныне стало называться «Итальянская республика» (с 1804 г. — «Итальянское королевство»).

Лишь две из созданных во время первого появления Наполеона в Италии «республик-сестер» не были восстановлены во время его второго пришествия. В частности, так и осталась эпизодом Римская республика: в 1802 г. Рим был возвращен папе, хотя область Романья осталась в составе Цизальпинской республики.

На юге Италии после окончания «Тринадцати месяцев» не была реставрирована Партенопейская республика. Благодаря настояниям России и ценой уступок Тоскане (см. выше) Флорентийский мир официально восстановил Неаполитанское королевство.

Таким образом, к 1802 г. обычный для Италии политический ландшафт решительным образом изменился — на место традиционного локального равновесия пришла французская гегемония. Государства Апеннинского полуострова отличались отныне лишь степенью зависимости от Франции. В этом смысле выделялись три группы: страны, включенные непосредственно в состав Франции (Савойя, Пьемонт, Парма), страны, прямо зависевшие от нее («республики-сестры», Этрурия), и страны, зависевшие от нее косвенно (Папское государство, Неаполитанское королевство). Вне этих зон гегемонии находилась лишь австрийская Венеция, а также часть королевства Сардиния, после захвата французами Пьемонта сократившееся до размеров одного острова, но находившееся там в относительной безопасности, поскольку французские завоевания в бассейне Средиземного моря наталкивались на почти непреодолимую преграду — английский флот.

После потери главного «континентального солдата» в лице Австрии дальнейшая борьба с Францией в глазах английских политиков постепенно стала терять смысл. Противостояние «слона и кита» вновь закончилось тем, что каждый взял свое: на французские сухопутные победы англичане ответили успехами в колониях и на море.

В 1801 г. закончился последний акт египетского предприятия Бонапарта: в марте французы потерпели решающее поражение от англо-турецкой армии и в сентябре были эвакуированы на исключительно почетных условиях — на английских кораблях с сохранением оружия, знамен и награбленных в Египте произведений искусства. Великодушие англичан объяснялось значимостью достигнутой цели: угроза колониям на Востоке была устранена.

Еще раньше, в сентябре 1800 г., англичане добились и другой важной победы — после двухлетней осады французы сдали Мальту. Однако этот успех был омрачен серьезными международными осложнениями, поскольку Англия, официально овладевшая островом «от имени короля Обеих Сицилий», не спешила передавать этот важный стратегический пункт ни ему, ни новому магистру Мальтийского ордена — русскому царю Павлу I. Павел, и без того раздраженный поведением своих союзников по Второй коалиции, воспринял подобный шаг как личное оскорбление, и англо-русские отношения стали стремительно ухудшаться.

Зримым проявлением кризиса в англо-русских отношениях на международной арене стало создание в декабре 1800 г. второй Лиги «вооруженного нейтралитета», созданной по образцу Лиги 1780 г. и, как и та, имевшей явную антианглийскую направленность. Помимо России в нее вошли Пруссия, Дания и Швеция. Военно-морская мощь Англии была обращена против участников Лиги, десятки их судов были захвачены, весной 1801 г. в бухте Копенгагена адмирал Нельсон практически полностью уничтожил датский флот. Необъявленная война шла и на суше, где прусские и датские войска вторглись в Ганновер — континентальное владение английских королей. Наконец, особенную тревогу Лондона вызывало быстрое сближение России и Франции.

Позиция России

Для Второй коалиции событием принципиальной важности стало вступление в войну единственной великой державы, которая до сих пор воздерживалась от активного участия в антиреволюционной борьбе, — России. Путь России в коалицию оказался довольно непростым. Вплоть до последних лет царствования Екатерины II Россия в силу географической отдаленности проблемы и собственной занятости в войнах с Турцией, Швецией и в связи с польскими делами ограничивалась лишь пассивным осуждением происходившего во Франции. Заключенная уже в марте 1793 г. англо-русская конвенция о взаимопомощи в войне против Франции фактически долгое время оставалась лишь на бумаге. Очевидный переход к экспансии, ставший особенно заметным в годы Директории, заставил императрицу откликнуться на предложения союзников и начать приготовления к активному выступлению против Франции, однако смерть помешала ей. Тем не менее сын и преемник Екатерины

Павел I, несмотря на свою известную склонность делать прямо противоположное тому, что делала не любимая им мать, после некоторых колебаний продолжил антифранцузский курс. Дополнительным поводом к этому стал захват французами принадлежавшего духовному ордену иоаннитов (госпитальеров) острова Мальта, покровителем которого с 1797 г. являлся русский император.

Вступая во Вторую коалицию, Россия преследовала цели главным образом общеевропейского характера — сохранение равновесия и противостояние революции, ее же собственный интерес был скорее нематериального свойства и заключался в увеличении престижа и значимости России на международной арене. Убедившись, что его армии используются Англией и Австрией для достижения ими собственных интересов, Павел попытался найти общий язык с Наполеоном, но по-прежнему имея в виду все те же общеевропейские цели, борьбу с революцией и равновесие. Если учитывать эту основополагающую константу во внешней политике Павла, то и сам поворот к Франции не выглядит столь сенсационным. Благодаря перевороту 18 брюмера первая задача — возвращение Франции на «нормальные» монархические рельсы — казалась вполне выполнимой. Предлагая Бонапарту принять титул короля, Павел доказал, что он совершенно правильно оценивал направленность внутреннего развития Франции, нашедшую логическое завершение уже после его смерти в провозглашении Бонапарта императором.

Со второй задачей дело обстояло сложнее, поскольку речь фактически шла о возможности установления модифицированного европейского равновесия. На переговорах в Париже представители Павла четко разграничили две ситуации: с одной стороны, признание нового положения Франции в Европе, и в частности ее «естественные границы»; с другой — фактическое ограничение Франции этими же границами. Именно в тот момент, когда Наполеон собирался примерить на себя «итальянский сапог» и уже поглядывал через Рейн, русский царь выступил за сохранение прав итальянских и германских монархов. В Италии он особенно настаивал на независимости ключевых государств Апеннинского полуострова — королевства Сардинии и Неаполитанского королевства; в Германии он надеялся выступить посредником в деле компенсации потерь немецких князей на левом берегу Рейна и не допустить краха Священной Римской империи, гарантом которой выступала Россия. Сами по себе эти цели были своевременными, адекватными сложившейся ситуации и соответствовали существовавшим правилам дипломатической игры. Однако их реализуемость зависела от последовательности в проведении подобной политики, наличия доброй воли Бонапарта и поддержки со стороны третьих сил.

Проблема заключалась во многом в том, что личная и эмоциональная составляющие во внешней политике Павла часто играли недопустимо высокую роль. Категории «интереса» и «необходимости» как мотивов внешнеполитических решений иногда подменялись «обидой», «раздражением», и Павел I, возглавляя великую державу, временами позволял себе проведение личной внешней политики, достойной скорее какого-нибудь средневекового монарха. Все это препятствовало проведению последовательного внешнеполитического курса. Само сближение с Францией в значительной степени было

продиктовано личными мотивами: с одной стороны, раздражением против бывших союзников, в свете которого Бонапарт выступал едва ли не в роли мстителя обидчикам, с другой — разного рода эффектными жестами Первого консула, рассчитанными на известные в Европе претензии царя на обладание «рыцарскими добродетелями». Широко известен, например, факт возвращения Бонапартом всех русских пленных — не только без всяких условий, но и с оружием, знаменами и даже сшитым французскими портными новым обмундированием по форме их полков. Получила продолжение и мальтийская история, особенно показательная с точки зрения влияния на российскую внешнюю политику личных мотивов Павла I. Фиксированность на Мальте и увязывание обладания ею с личным успехом или личным унижением до некоторой степени превращали Павла в объект манипулирования со стороны заинтересованных держав. Бонапарт, не понаслышке знавший, что недовольство российского императора в этом вопросе чревато знакомством с русскими штыками, всячески поощрял мальтийские фантазии Павла (например, прислал ему шпагу одного из прежних магистров ордена) и его недовольство узурпацией англичанами Мальты. Первый консул прельщал российского императора разного рода фантастическими планами вроде сооружения Суэцкого канала — «работы легкой и не требующей много времени». В итоге Россия все больше и больше вовлекалась в русло антианглийской политики, кульминацией которой стало знаменитое решение об отправке казаков на завоевание Индии.

Таким образом, попытка ограничить экспансию Франции в Италии и Германии путем достижения согласия с Бонапартом и на этой основе воссоздать европейское равновесие не удалась. Главная причина заключалась в том, что Бонапарт не собирался налагать на себя такого рода ограничения, чего Павел так и не успел понять. Кроме того, сам Павел не проявил должной последовательности, не без помощи Бонапарта все более разворачиваясь против Англии и теряя из вида основную цель. Продиктованный в большей степени личными мотивами, этот поворот противоречил текущим объективным интересам России. С экономической точки зрения Россия выступала против своего важнейшего торгового партнера, с политической — в союзе с главным возмутителем европейского равновесия против его главного хранителя. Парадокс заключался еще и в том, что в этом новом противостоянии Россия не имела никаких осязаемых интересов, если не считать таковыми все ту же погоню за мальтийским миражом или совершенно фантастический план по покорению Индии. Возмущенный превращением русских войск в орудие английских и австрийских интересов, Павел покинул коалицию, чтобы сделаться инструментом французской политики. Однако смерть императора в марте 1801 г. привела к тому, что акценты в европейской политике вновь сместились.

Амьенский мир 1802 г.

Одним из важных последствий русско-французского сближения в европейской перспективе стало дальнейшее ослабление позиций антифранцузской коалиции. Разгром Австрии лишил Англию последнего сильного союзника; вторжение Испании в Португалию (1801 г., см. с. 131) оставило ее практически в полном одиночестве; создание Лиги «вооруженного

нейтралитета» наглядно продемонстрировало враждебность к Англии многих континентальных государств. Англия сохраняла господство на море, но без континентального союзника война теряла всякую перспективу. К внешним трудностям добавились и внутренние: обострение проблемы католиков, огромные торговые убытки. Наконец, свою роль сыграла и отставка в 1801 г. главного вдохновителя антифранцузской политики премьер-министра У. Питта Младшего. Сменивший его умеренный кабинет Г. Аддингтона взял курс на мир.

Со своей стороны Наполеон также склонялся к миру, становившемуся все более необходимым для консолидации захваченных земель, концентрации рассеянных по разным гаваням кораблей, экономического отдыха. С сентября по начало октября 1801 г. в Лондоне шли прелиминарные переговоры, и наконец, 25 марта 1802 г. Жозефом Бонапартом, братом Первого консула, и лордом Корнуэллом был подписан *Амьенский мир* — один из самых важных дипломатических документов эпохи. С французской стороны мир также подписали Испания и Батавская республика; позднее к миру присоединилась и Османская империя.

В колониальных вопросах Англия шла на сенсационные уступки. Согласно достигнутым договоренностям, обе стороны обязывались покинуть Египет и передать его Турции, но, поскольку французы уже были эвакуированы, речь фактически шла о готовности Англии оставить Египет. Далее, Англия соглашалась вернуть Франции и ее союзникам Испании и Голландии (Батавской республике) все завоеванные ею колонии за исключением испанского Тринидада и голландского Цейлона.

Договор касался и ситуации в Европе. Франция обязывалась компенсировать бывшему штатгальтеру Оранскому его потери в Батавской республике. Она отказывалась от своей аннексии о. Мальта; Англия обязывалась вернуть его Мальтийскому ордену. Франция отказывалась от Ионических островов и признавала созданную там в 1800 г. под совместным протекторатом России и Турции республику Семи островов. Франция также обязывалась вывести свои гарнизоны из Неаполитанского королевства и Папского государства, а также с острова Эльба.

Амьенский мир занимает особое место в длинной череде миров и перемирий этой эпохи. Ознаменовав собой окончание Второй коалиции, он впервые за десять лет действительно привел к всеобщему миру в Европе. Самое же важное заключается в том, что, в отличие от большинства предшествующих и последующих мирных соглашений, этот договор, единственный из англо-французских миров в период с 1793 по 1814 г., имел шансы стать основой для нового равновесия и, соответственно, долговременного мира в Европе, поскольку он снижал остроту антагонизма между Англией и Францией как главного международного противоречия эпохи. В частности, Франция по существовавшим тогда меркам вполне могла объявить об удовлетворении достигнутым, об отсутствии дальнейших экспансионистских амбиций, поскольку с «естественными границами» реализовывались ее вековые внешнеполитические цели, а главное, они впервые признавались Европой. Россия, Пруссия и Австрия признали новые границы Франции формально, путем договоров и разного рода дипломатических заявлений, и, что не менее важно, по тем же меркам европейского

равновесия имели основания сделать это и фактически, поскольку польские земли вполне могли рассматриваться как адекватный противовес и компенсация росту французской мощи. Еще более принципиальной с точки зрения перспектив подписанного мира являлась позиция Англии, которая пошла на уступки не только большие, чем Франция, но и вообще необычайно широкие для себя. Самим фактом мирного договора фактически признавая новую ситуацию в Европе, в том числе передачу Франции Бельгии, ее контроль над Голландией и тем самым сосредоточение в одних руках всего восточного побережья отделяющих Великобританию от континента проливов, она отказывалась от одной из главных аксиом английской политики, по сути, принимала европейскую гегемонию Наполеона. Однако взамен Англия получала важнейшие стратегические пункты Тринидад и Цейлон и чрезвычайно привлекательную, хотя и не слишком отчетливо прозвучавшую, перспективу заключения торгового договора с Францией, позволявшую надеяться на превращение большей части Европы в рынок сбыта английских товаров. Амьенский мир внушал некоторые надежды на прочность прежде всего потому, что каждая из сторон получала уступки в главных для себя вопросах: Англия — в торговых и колониальных, Франция — в континентальных. Проблема же заключалась в том, что, договариваясь об обмене моря на сушу, Англия и Франция в действительности не могли полностью отказаться от своих интересов в противоположных стихиях. Этот факт, очевидный уже при заключении мира, не внушал оптимизма в отношении будущего и побудил английского короля Георга III охарактеризовать Амьенский мир как «мир на пробу». Тем более что практически одновременно с заключением мира на англо-французские отношения стал оказывать влияние новый фактор — 2 августа 1802 г. Наполеон был избран пожизненным консулом.

Перспектива восстановления монархии во Франции стала очевидной. В Европе это событие было воспринято скорее с удовлетворением — как свидетельство того, что неиссякаемый источник, на протяжении десяти лет порождавший все новые волны революции и войны, будет ограничен надежными берегами монархии. Никто не мог предположить, что уже через несколько лет после кажущегося успокоения едва ли не в каждом европейском доме вновь на разные лады будут повторять необычное имя французского монарха — Наполеон.

Глава 6. Европа в эпоху Наполеона 1802—1815 гг.

§ 1. Накануне Третьей коалиции

Внешняя политика Наполеона

Наполеон Бонапарт начал оказывать самое серьезное влияние на внешнюю политику Франции задолго до обретения этой привилегии монарха — называться только по имени. Уже во времена Директории, будучи просто генералом, он задавал целые направления

французской внешней политики и лично заключал важнейшие мир, не всегда, как в случае с Кампоформийским, считаясь с директивами из Парижа. Став Первым консулом, Бонапарт фактически полностью определял внешнюю политику Франции, и договоры в Люневиле и Амьене, подписанные рукой его старшего брата Жозефа, были отражением его идей. Те же личные качества, которые позволяли ему оставаться непревзойденным на поле боя, — умение увидеть главное и с огромной энергией добиваться намеченной цели — делали его и столь же блестящим политиком и дипломатом, однако задачи, которые он перед собой ставил, далеко выходили за пределы традиционной политики и дипломатии.

2 декабря 1804 г. Наполеон был провозглашен императором. Порвав с французскими политическими традициями — старой, королевской, и новой, республиканской, и приняв титул, уже в своем названии заключающий тенденцию к подчинению и расширению, он приступил к беспрецедентной в европейской истории экспансии. Подобная политика Наполеона означала разрыв не только с существовавшими тогда представлениями о международных отношениях и действиях отдельных государств, но и с прежней французской внешней политикой, несмотря на традиционно присущий ей экспансионистский момент.

Причины проведения внешней политики, переступившей все мыслимые «естественные границы», приведшей к созданию империи большей, чем во времена Карла Великого, и в дальнейшем подразумевавшей смутные, но воистину наполеоновские планы — от так называемой «восточной мечты» (овладение восточным побережьем Средиземного моря, Османской империей и Индией) вплоть до обретения влияния в Южной Америке и даже в Австралии, — эти причины носили комплексный и местами противоречивый характер.

В качестве исходной предпосылки, фундамента, на котором строилось здание наполеоновской экспансии, следует назвать традиционные структуры внешней политики Франции. На протяжении полутора веков Франция, за редким исключением, не вела оборонительной политики, направленной на сохранение достигнутого, главный вектор ее действий был направлен на экспансию. Этот момент континуитета восприняла революция и передала его Наполеону, упоминавшийся разрыв которого со старой внешней политикой затрагивает не столько направленность, сколько масштаб.

В еще большей степени, чем французские короли, Наполеон был наследником Французской революции. Экспансия королей была ограничена механизмом «равновесия», династическими условностями и, конечно же, ресурсами. Новые измерения внешней политики, принесенные революцией, сделали экспансию потенциально безграничной, а ресурсы — огромными. И это тоже было воспринято Наполеоном, заявившим однажды: «Я — французская революция» и считавшим себя ее преемником и продолжателем. Он унаследовал от революции два главных секрета ее внешних успехов — идеи, которые не знали границ, и армию, которая была почти непобедимой.

К войне и экспансии подталкивали внутренние причины, в частности специфическая расстановка социальных сил во Франции на излете революции. С одной стороны, за войну выступала поднявшаяся

во времена Директории крупная буржуазия, ожидавшая экономических выгод от эксплуатации завоеванных территорий и устранения конкуренции, особенно английской. С другой стороны, режим Наполеона испытывал прессинг и иного рода. Война как классический способ ухода от внутренних трудностей значила особенно много в послереволюционной Франции с ее огромными экономическими и социальными проблемами, нестабильной политической ситуацией, развитой культурой радикализма социальных низов, помнивших взятие Бастилии.

Еще одним источником войны и экспансии стал сам характер власти, установленной Наполеоном. Не имея прочных корней, надежной легитимации, эта власть по своей сути была до крайности зависимой от популярности императора, которая поддерживалась разного рода популистскими акциями, умело проводимыми плебисцитами, но главное — войной. Первый консул еще мог себе позволить заключить мир; император подписывал перемирия. Сам Наполеон осознавал эту взаимосвязь совершенно отчетливо. В беседе с Меттернихом летом 1813 г., когда его военное поражение становилось все более вероятным, Наполеон заявил: «Ну, хорошо, чего хотят от меня? Чтобы я себя обесчестил? Никогда! Я скорее умру, чем уступлю хотя бы пядь земли. Ваши государи, рожденные на троне, могут позволить себе быть 20 раз разбитыми и все же вновь возвращаться в свои резиденции; но этого не могу я, я, сын удачи! Мое правление не продлится дольше того дня, когда я перестану быть сильным и, следовательно, вызывающим страх».

Помимо внутренних, огромное значение в наполеоновских завоеваниях имели и внешние обстоятельства. В первую очередь сохранялись традиционные европейские противоречия, из десятилетия в десятилетие генерировавшие войну, и прежде всего англо-французский антагонизм. Тот факт, что завершающая часть, кульминация «второй Столетней войны» приходится именно на правление Наполеона, некоторые исследователи объясняют моментом вынужденности — Наполеон воевал, потому что на него нападали. Наполеон, как никто другой, в своей пропаганде использовал аргумент войны во имя мира — уже потому, что внутренний адресат этой пропаганды, французское общественное мнение, значило для него так много. Однако колоссальные масштабы наполеоновской экспансии, от Атлантики до Москвы, едва ли объясняются лишь оборонительными потребностями. Дело в том, что англо-французские противоречия, главный двигатель войны, действительно оказались антагонизмом, который мог разрешиться лишь поражением одной из сторон.

Наконец, в числе причин экспансии должен быть назван и субъективный фактор. Существуют долговременные структуры, конкретные сложения исторических обстоятельств, но претворяют их в действие только люди. Именно личность Наполеона превратила массу исторических предрасположенностей в реальность военных походов и политических шагов, до неузнаваемости изменивших облик Европы.

Одним из главных поводов экспансии стали невероятное честолюбие и личные амбиции Наполеона, суть которых ясно выразил сам император: «Я хотел власти над миром... Мир призвал меня, чтобы я им правил...» Не случайно само понятие «мировое господство» в политическом языке появляется именно на рубеже XVIII и XIX вв. Ярче

всего эти ставшие нарицательными амбиции отразились в принятии им императорского титула. При этом он претендовал на наследование не той империи, которая ограничивала себя уже в названии, — «германской нации». Наполеон видел себя наследником настоящей, древней имперской традиции, восходящей еще к средневековым представлениям об императоре как главе христианского мира и историческим воплощением которой были скорее империи Меровингов и Карла Великого. Не случайно в качестве своей эмблемы он выбрал золотую пчелу — знак Меровингов, одну из своих резиденций сделал в Ахене — древней столице Карла Великого. Однако собственно христианский компонент имперской идеи не играл для него никакой роли. Империя должна была быть светской, вместо христианства связанной иной духовной связью — исходящими из Франции идеями, обновляющими мир. Этот момент был символически подчеркнут одним эпизодом во время коронации. На ней присутствовал папа, поскольку согласно древней традиции подлинный император мог быть коронован только первосвященником, однако в решающий момент императорскую корону Наполеон возложил себе на голову сам. Так появилась светская империя во главе с императором, который не опирался на древнюю династию, а «сделал себя сам» императором-революционером.

Однако со временем во внешней политике Наполеона, приводившейся в движение единственной в своем роде горючей смесью из традиций французской внешней политики, наследия революции, экономических интересов и личных амбиций императора, особенно явственно стал проявляться имперский компонент. Подобно великим королям прошлого, Наполеон начал строить свою собственную династическую «семейную систему», сажая своих родственников на троны и одновременно связывая их браками с представителями различных европейских династий. Три его брата стали королями: Жозеф — Испании, Жером — Вестфалии, Луи — Голландии, а три сестры, Паулина, Каролина и Элиза, взойшли на троны в Гасталле, Неаполе и Тоскане. К тронам добавились и династические связи: Жером женился на вюртембергской принцессе, пасынок Наполеона Евгений — на баварской, а наследник баденского престола сочетался браком с родственницей императрицы. Вершиной подобного рода активности стала женитьба самого «корсиканского выскочки» на дочери австрийского кайзера.

Однако даже эта «семейная» политика Наполеона была чем-то большим, чем традиционная брачная дипломатия. Мало того что редкий монарх прошлого испытывал столь острую потребность вплести свой род в сеть европейских династических связей. Возможно, Наполеон рассматривал свою «семейную систему» и как одно из средств создания вокруг Франции своеобразной федерации европейских государств, предпосылкой которой должна была стать модернизация их внутренней структуры по французскому образцу.

Не случайно образ императора как нового объединителя и обновителя Запада для многих европейских интеллектуалов оказался очень привлекательным. Например, Гегель увидел в нем одну из инкарнаций вершащего историю «мирового духа». Однако более распространенной оказалась другая реакция — на новый вызов, исходивший из Франции, европейские монархи ответили войной.

Ситуация в Швейцарии

Мир в Европе продержался лишь чуть более года в первую очередь по двум причинам. Во-первых, все более очевидным становилось, что на континенте Франция не остановится на обозначенных в Люневиле и Амьене рубежах и будет стремиться к гегемонии, что не могло не беспокоить прочие державы. Во-вторых, начался очередной раунд эпохального англо-французского противостояния.

В континентальной Европе экспансионистская политика Франции стала постепенно менять вектор. Обезопасив свои южные рубежи с помощью союза с Испанией и фактической гегемонии в Италии, Бонапарт повернулся на восток. Одной из первых это почувствовала на себе Швейцария.

Швейцария, с Утрехтского мира 1713 г. обладавшая фактическим нейтралитетом, начала терять свои международные позиции с первых лет революции. Одной из первых она стала объектом аннексий (части Базельского епископства в 1793 г., Мюльхаузена и Женевы в 1797—1798 гг.) и полигоном для экспериментов с «республиками-сестрами» (Роракская, Леманская, Роданская, Теллиговенская), которые в 1798 г. были объединены в «единую и неделимую» Гельветическую республику. Одновременно Швейцария утратила и нейтральный статус, в 1798 г. заключив военный союз с Францией. Наконец, в начале 1803 г. собранные в Париже швейцарские депутаты приняли продиктованный Бонапартом Медиационный акт — новую конституцию, которая вновь превращала Швейцарию в конфедерацию, но одновременно ставила ее в почти вассальную зависимость от «медиатора» — Бонапарта. Однако главным и решающим изменением стала германская политика Бонапарта.

Германия к 1801 г.

Германия в те времена — это по-прежнему скорее географическое понятие, в политическом смысле более всего сопрягаемое со Священной Римской империей. К 1789 г. она насчитывала около 28 млн человек, проживавших на территории составлявших Империю 294 государств и 1200—1500 других суверенных образований. Эта хрупкая структура была крайне зависимой от окружающей ее международной среды; ее существование гарантировалось международными договорами (особенно Вестфальским и Тешенским), но главное — самой практикой европейского равновесия. Помимо двух великих держав, Австрии и Пруссии, наиболее крупными германскими государствами были: на юге — курфюршество Бавария (ок. 2 млн человек), герцогство Вюртемберг (ок. 600 тыс.) и маркграфство Баден (ок. 200 тыс.); на севере — владение английских королей курфюршество Ганновер (ок. 800 тыс.) и герцогство Мекленбург (ок. 400 тыс.); в центре ландграфство Гессен-Кассель (ок. 420 тыс.) и Гессен-Дармштадт (ок. 300 тыс.); на востоке — курфюршество Саксония (ок. 2,5 млн). Запад Империи представлял собой невообразимый конгломерат небольших мелких и мельчайших владений; здесь особенно велик был удельный вес свободных имперских городов, имперского рыцарства и церковных владений, среди которых выделялись три древних курфюршества — епископства Майнц (ок. 350 тыс.), Трир (ок. 220 тыс.) и Кёльн (ок. 220 тыс.). Так выглядел германский политический ландшафт, на котором предстояло выступить Наполеону.

Наполеон сам создал для себя предварительные условия для вмешательства в германские дела, включив в текст Кампфенского и Люневильского договоров тезис о возмещении германским князьям на правом берегу Рейна их потерь на левом. Именно этот принцип приоткрывал дверь в зарейнскую Германию, и, воспользовавшись им, Наполеон со временем распахнул ее настежь.

Еще в октябре 1801 г. рейхстаг принял решение о создании специальной комиссии, призванной решить вопрос о компенсациях. Франция активно влияла на ее работу. Целью Франции была ликвидация большей части мелких государств, традиционной опоры кайзера, и усиление за их счет средних в обмен на их лояльность Парижу. Эту политику Франция проводила в согласии с Россией, сближение с которой после смерти Павла I прекратилось далеко не сразу. Александр I хотел укрепить позиции родственных Романовым династий в Вюртемберге, Бадене и Гессен-Дармштадте. Помимо совпадения позиций в германском вопросе, сближению способствовал и отказ Франции от претензий на находившиеся под русским протекторатом Ионические острова. В 1802 г. Франция и Россия, две главные страны-гаранты существовавшего порядка вещей в Империи, предложили комиссии рейхстага план ее полного переустройства. На этой основе 25 февраля 1803 г. рейхстаг принял историческое решение о территориальной реформе Империи.

Главными инструментами реформы выступили секуляризация, т. е. отчуждение церковных владений, и так называемая медиатизация, т. е. ликвидация непосредственной связи с Империей светских имперских сословий — имперских городов и имперских деревень — с одновременной конфискацией их владений. В результате были уничтожены почти все духовные имперские сословия и имперские города (за исключением трех ганзейских — Бремена, Гамбурга и Любека, а также Франкфурта-на-Майне, Аугсбурга и Нюрнберга). Исчезли все три духовные курфюршества, и создавались четыре новых — Баден, Гессен-Кассель, Вюртемберг и Зальцбург. Значительный территориальный прирост получили южногерманские государства Бавария, Баден и Вюртемберг. В крупном выигрыше оказалась также Пруссия, получившая за отданное Франции герцогство Клеве на левом берегу Рейна обширные территории в исторической области Вестфалия на Нижнем Рейне — епископства Мюнстер, Падеборн и Хильдесхайм, а также области в Тюрингии — в центре Германии. Наконец, за счет Империи компенсация вручалась и бывшему штатгальтеру Голландии Вильгельму Оранскому (епископство Фульда).

Реформа изменила не только политическую карту Империи, но и важнейшие принципы ее существования, такие как право на существование любого, даже самого малого, ее субъекта и конфессиональный паритет в коллегиях рейхстага. Произошло необратимое ослабление позиций кайзера, лишившегося надежной опоры в лице имперских городов и духовных сословий, место которых занял целый ряд относительно сильных государств, своим своекорыстием еще больше ослаблявших Империю. В свою очередь, с ослаблением Империи система международных отношений теряла одну из важных составляющих европейского равновесия — пассивный, вязкий, мало-

подвижный центр, тормозивший динамику великих держав, и особенно Франции. Теперь оболочка Империи стала слишком тонкой, чтобы сдержать усилившиеся средние государства, но сами они были слишком слабы для проведения по-настоящему самостоятельной политики и довольно легко попадали под влияние великих держав. Немедленно после реформы стали очевидны главная выигравшая сторона — Франция и главные проигравшие — Австрия, а в перспективе и Россия.

Начало англо-французской войны

Пока успехи Наполеона в Германии вели к обострению его отношений с тремя «восточными державами», англо-французские противоречия вновь перешагнули порог войны. Дело в том, что Амьенский мир содержал лишь намеки на те внешнеполитические интересы, которые стороны полагали главными: Англия — экономические, в духе торгового договора 1786 г., Франция — политические, т. е. признание ее особого статуса в Европе. Продолжительный мир был возможен только в случае подлинного согласования их действительно первостепенных интересов. Однако внешнеполитическое кредо Англии подразумевало классическую триаду этих интересов: равновесие, беспрепятственная торговля в Европе, морское и колониальное преобладание. Наполеон же имел собственное представление по поводу каждого элемента этой триады: гегемонию, протекционизм и создание собственной колониальной империи. С первых же месяцев после Амьена конфликт этих интересов становился все более очевидным. Если в основе противоречий с Австрией и Россией лежала политика Наполеона на континенте, то с Англией Франция столкнулась в первую очередь на морях.

В первые годы XIX в. возрастает колониальная активность Франции в Западном полушарии; французские агенты стали проявлять активность и на Ближнем Востоке. Осенью 1802 г. французский полковник Ф. Себастиани, новый французский посланник в Турции, распространял антианглийские настроения при дворе султана Селима III. Сообщение о миссии Себастиани, из которого следовало, что 6 тыс. французских солдат будет достаточно, чтобы захватить Египет, было опубликовано во французском «Монитёре» и вызвало бурю негодования в Лондоне.

Весной 1803 г. Бонапарт отправил эскадру в Индию для защиты французских поселений. Вся эта активность проходила на фоне быстрого восстановления французского флота. Бонапарт надеялся, собрав рассеянные по различным портам и экспедициям корабли и ускорив строительство новых, к осени 1804 г. иметь приблизительно равный флот с англичанами. Это не могло не беспокоить англичан и готовило почву для разрыва.

Одним из непосредственных поводов к войне стала проблема Мальты. Несмотря на условия Амьенского договора, Англия не спешила расставаться со столь важным стратегическим пунктом. Еще в июне 1802 г. англичане инспирировали декларацию некоего собрания жителей острова, признававшую английского короля «суверенным сеньором» Мальты. С 1803 г. начались англо-французские консультации, в ходе которых англичане выражали готовность оставить Мальту, во-первых, в обмен на обещание Бонапарта сократить французскую заокеанскую экспансию, во-вторых, если Франция откажется от

Батавской и Гельветической республик, и даже без этих условий, но через десять лет. Бонапарт согласился, потребовав создания на Мальте опорных пунктов для французских кораблей. Лондон ответил отказом, и отношения стали стремительно ухудшаться.

Столкновение интересов повлекло за собой дипломатический кризис. Принимая в марте 1803 г. английского посла Уитворта, Наполеон разговаривал с ним оскорбительным образом и на повышенных тонах, закончив аудиенцию угрожающим криком: «Мальта или война!» В начале мая Уитворт затребовал паспорта, 16 мая Лондон заявил об эмбарго на все французские и голландские суда, и уже через два дня произошел казус белли, когда один английский фрегат захватил французское судно. Началась очередная англо-французская война.

Сами боевые действия велись по уже опробованному сценарию: английский флот немедленно установил блокаду европейского побережья и угрожал французским позициям в Вест-Индии и Ост-Индии, французы же захватили самую уязвимую часть владений английского короля — Ганновер и стали готовиться к высадке в Англию. Ситуация отчасти напоминала положение до подписания Амьенского мира, однако с одним существенным отличием — Англия вновь нашла союзников.

§ 2. *Война Третьей коалиции 1805 г.*

Позиция России

Главными участниками Третьей коалиции стали Англия, Россия, Австрия, а также Швеция. Австрию привела в коалицию очевидная угроза ее интересам со стороны Франции, надвигавшаяся сразу на оба ее фланга — в Германии и Италии. Россия же поменяла свою близость к Франции на все более растущую конфронтацию сразу по нескольким причинам. Первая и главная — это интересы собственной безопасности. К началу девятнадцатого столетия XVIII в. закончился для России не только хронологически, но и геополитически. Это было связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с разделами Польши Россия выдвинулась в Европу — как никогда в своей истории. Отныне война какой-либо державы, например с Австрией или с Пруссией, — это война на русских границах. Во-вторых, изменение облика войны еще больше сократило политическое и географическое расстояние, отделявшее Россию от остальной Европы. Военное искусство Бонапарта показало, что окончательно миновало время вялотекущих войн прошлого, когда колонны и линии чуть ли не десятилетиями маневрировали на полях сражений вдали от российских границ. В этих изменившихся условиях Россия уже не могла себе позволить играть роль своеобразной «Англии востока», т. е. использовать свою географическую удаленность, как Англия — островное положение, и оставаться в стороне от европейских конфликтов. Однако вместе с тем специфика положения «фланговой» державы оставляла России в случае европейских конфликтов выбор несколько больший, чем у других держав континента. Помимо обычных «за» и «против», российские монархи могли претендовать и на положение «между», т. е. на роль посредника или даже третейского судьи.

Новый император Александр I буквально в течение двух-трех лет после вступления на престол успел попробовать себя во всех трех ипостасях. Некоторое время он сохранял начатый его отцом курс на сближение с Францией, хотя сразу же лишил его резкой антианглийской направленности. В октябре 1801 г. был подписан новый русско-французский договор, а также секретная конвенция, по которой стороны заявляли о намерении совместно решать проблемы Германии и Италии. Вместе с тем еще до этого Россия восстановила и дипломатические отношения с Англией, подписав с ней в июне 1801 г. морскую конвенцию, по которой Россия несколько отступала от принципов вооруженного нейтралитета. Одновременно Александр I на долгие годы стал лелеять мысль об особом положении России в международной системе, основанном не на силе, а на ее моральных преимуществах и невовлеченности в европейские конфликты, пытаясь проводить политику «свободных рук». В июле 1803 г. русский царь предложил посредничество Англии и Франции и «соломоново» решение мальтийской проблемы: разместить на спорной Мальте русский гарнизон. Однако этот план был отвергнут Наполеоном.

Помимо интересов безопасности и европейского равновесия, вступление России в Третью коалицию было обусловлено и более частными причинами, например периодически возникавшими слухами о французских планах по восстановлению Польши, подкрепленными различными свидетельствами симпатий к полякам, вроде польского легиона Домбровского во французской армии. Однако решающим поводом для вступления в коалицию стало дело герцога Энгийенского.

Дело герцога Энгийенского

В феврале 1804 г. был раскрыт заговор против Наполеона во Франции, один из руководителей которого показал на следствии, что заговорщики предполагали опереться на поддержку одного из членов королевской фамилии, который находится вблизи французской границы. Подозрение пало на герцога Энгийенского, представителя боковой ветви Бурбонов, проживавшего тогда в Бадене. В середине марта 1804 г. французский отряд вторгся на территорию Бадена и захватил герцога, который был подвергнут суду и расстрелян (как тут же выяснилось, ошибочно). Случай с герцогом Энгийенским вызвал огромное возмущение во всей Европе и значительно способствовал формированию Третьей коалиции. Во-первых, было грубейшим образом нарушено международное право. Специальная операция скорее в духе XX в. означала бесцеремонное попрание прав суверенного государства, каким являлось курфюршество Баден. Во-вторых, Бонапарт продемонстрировал полное пренебрежение не только к нормам международного права, но и к им же самим заключенным договорам. По букве и духу целого ряда мирных соглашений, начиная с Базельского и заканчивая Амьенским, восточной границей Франции признавался Рейн. Вторгнувшись в Баден, французы эту границу пересекли. В глазах европейских политиков Бонапарт тем самым наглядно продемонстрировал свою непредсказуемость и опасность. Наконец, династическая Европа была возмущена еще одним пролитием крови принца королевского дома.

Большее всего дело герцога Энгийенского ударило по Австрии и России. Габсбурги как носители императорской короны и главные блюстители безопасности Империи вновь показали свое полное бессилие. Падение их престижа было еще более подчеркнуто провозглашением Наполеона императором. Когда в сентябре 1804 г. Наполеон сделал символический жест и посетил Аахен, древнюю столицу империи Карла Великого, туда, как на поклонение, поспешили многие мелкие и средние немецкие монархи. Среди них не было прусского короля, однако Пруссия признала нового императора первой. Перед лицом очевидной агонии Священной Римской империи кайзер Франц II постарался спасти свой императорский титул и 11 августа 1804 г. провозгласил себя австрийским императором. Это фактическое бегство с корабля тонущей империи того, кто должен был бы покинуть его последним, стало для нее во многом роковым.

В отличие от Австрии значение дела герцога Энгийенского для России заключалось не столько в том, что оно соприкоснулось с какими-то ее существенными политическими интересами, сколько в крайней болезненности этого прикосновения. Оказалась задета семья императора и лично Александр I. Дело в том, что супруга царя Елизавета Алексеевна, в девичестве Луиза Баденская, была внучкой курфюрста Бадена. Когда возмущенный Александр решил вступить за своего германского родственника и направил Бонапарту ноту с требованием объяснений «произведенного смертоубийства», он получил вызывающий ответ: а что бы делал русский царь, если бы узнал, что некие люди, подстрекаемые Англией, готовят убийство Павла I? По сути, это был едва прикрытый намек на соучастие Александра в убийстве его отца — травма, терзавшая царя всю его жизнь. Оскорбленный Александр I отказался от всяких мыслей о сближении с Францией и целиком повернулся к Англии.

Миссия
Н. Н. Новосильцева

Решающее значение для создания Третьей коалиции и для определения долгосрочных целей участников антинаполеоновского альянса стали переговоры, которые вел в Лондоне с осени 1804 г. товарищ министра юстиции Н. Н. Новосильцев. Царь предложил англичанам коренное переустройство Европы — как территориальное, так и ее правовых начал. Следовало создать новый кодекс международного права и перевести всю Европу на новые правовые основы; восстановить Польское королевство и связать его личной унией с Россией; восстановить независимость Голландии и Швейцарии; укрепить позиции Австрии и Пруссии на Рейне в качестве барьера французской агрессии, при этом обе германские великие державы должны были быть удалены из Империи, а сама Империя преобразована в конфедерацию средних государств. Идею конфедеративного устройства Германии Александр I будет последовательно проводить вплоть до окончания Наполеоновских войн.

Несколько отвлеченный план царя получил четкую конкретизацию в меморандуме У. Питта Младшего в январе 1805 г.: вернуть Францию в дореволюционные границы; на этих границах создать буферные государства, увеличенные за счет соседей (например, Сардинское королевство — за счет Генуи; слить вместе Бельгию и Гол-

ландию); создать коалицию четырех великих держав с привлечением прочих государств; закрепить ее результаты в общем мирном договоре под гарантией Англии и России. Иными словами, уже на рубеже 1804 и 1805 гг. явственно проглядывали многие черты той концепции, которой будут руководствоваться союзники в 1814—1815 гг., подводя черту под Наполеоновской эпохой.

Расстановка сил

Уже в ноябре 1804 г. в Петербурге была подписана австро-русская декларация о союзе против Франции, предусматривавшая также сохранность Османской империи, помощь России Австрии в случае нападения Пруссии и возможность территориального расширения монархии Габсбургов в Италии — до реки По на юге и реки Адда на западе. Ядром же складывавшейся Третьей коалиции стал русско-английский договор, заключенный 11 апреля 1805 г. также в Петербурге. Стороны договаривались о создании «всеобщей лиги европейских государств», направленной против Франции с целью восстановления мира и равновесия в Европе и с пятью конкретными задачами: очищение от французов Ганновера и Северной Германии, восстановление независимости Голландии и Швейцарии, возвращение Савойской династии Пьемонта, полное освобождение от французов Италии и, наконец, создание «такого порядка вещей в Европе, который... представлял бы твердую опору против будущих узурпаций». С этой целью после окончания войны предполагалось созвать «всеобщий конгресс». Иными словами, уже в 1805 г. были намечены основные линии развития международных отношений на следующие десять лет. К англо-русскому договору в июне примкнула Австрия, в сентябре — Неаполитанское королевство и в октябре — Швеция. Материальной основой коалиции вновь служило английское золото: за каждые сто тысяч солдат Англия обязывалась выплатить 1,25 млн фунтов стерлингов. Однако английский идеал — союз всех четырех великих держав против гегемонизма пятой — не был достигнут. Даже несмотря на то что Франция, заняв в 1803 г. Ганновер, вторглась в молчаливо признаваемую с 1795 г. зону преобладания Пруссии в Северной Германии, Берлин предпочел сохранить нейтралитет, правда, с отчетливым акцентом в пользу коалиции. В начале ноября 1805 г. во время визита русского царя в Берлин был заключен *Потсдамский договор* между Россией и Пруссией, согласно которому прусский король соглашался на вооруженное посредничество между Наполеоном и Третьей коалицией с целью достижения перемирия на основе Люневильского договора, а в случае неудачи выражал готовность вступить в войну на стороне коалиции. В обмен Россия обязывалась содействовать Пруссии в получении английского Ганновера.

Со своей стороны Наполеон тоже выступал не в полном одиночестве. С точки зрения противостояния с Англией крайне важно было сохранить своего традиционного союзника — Испанию. Однако та старалась воздержаться от активного участия в войне. По франко-испанскому договору октября 1803 г. Мадрид соглашался лишь на доброжелательный нейтралитет и денежные выплаты за счет американского золота, которое английские корабли стали вновь пропускать после заключения Амьенского мира. Узнав о договоренности между Испанией и Францией, англичане в 1804 г. задержали несколько испанских ко-

раблей под предлогом, что те везут золото Франции. Это послужило предлогом для вступления Испании в войну в декабре 1804 г.

Кроме того, на континенте Наполеону удалось привлечь под свои знамена облагодетельствованные им в деле о территориальных компенсациях, а главное — не имевшие особенного выбора южногерманские государства — Баварию (август 1805 г.), Баден (сентябрь) и Вюртемберг (октябрь).

Война 1805 г. Прессбургский мир

Сама война была молниеносной. Наполеон, в течение нескольких месяцев готовивший в так называемом Булонском лагере армию вторжения в Англию, в конце августа совершенно неожиданно поменял свое решение и стремительно двинулся на восток. Нанеся сокрушительное поражение австрийской армии в битве при Ульме в Южной Германии в октябре 1805 г. и заняв в ноябре Вену, Наполеон разгромил остатки австрийской армии вместе с главными силами русских союзников в знаменитой «битве трех императоров» при Аустерлице 2 декабря 1805 г., в годовщину собственной коронации. Разгром французского флота английским адмиралом Нельсоном в битве при Трафальгаре в октябре 1805 г. избавил Англию от угрозы французского вторжения, но не принес никакого выигрыша ее континентальным союзникам.

Бесславный итог Третьей коалиции подвел продиктованный Наполеоном 26 декабря 1805 г. *Прессбургский мир*. Это был один из самых тяжелых миров в австрийской истории, в результате которого она лишилась более тысячи квадратных километров с более чем трехмиллионным населением. 24 статьи мирного договора требовали от Австрии многочисленных уступок: Франции — Истрии и Далматии; Итальянскому королевству — Венеции; Баварии — Форальберга, Тироля и Триента; Вюртембергу — некоторых областей Передней Австрии; Бадену — Брейсгау и Констанц на Боденском озере. Кроме того, австрийский император признал королями курфюрстов Баварии и Вюртемберга, а также Наполеона — королем Итальянского королевства. Наконец, Австрия выплачивала 40 млн франков в качестве контрибуции. Единственной компенсацией стал Зальцбург, глава которого — эрцгерцог Фердинанд III, бывший великий герцог Тосканы, был вынужден вновь пересечь на новый трон, получив как вознаграждение баварский Вюрцбург.

Прессбургский мир означал дальнейшее укрепление позиций Наполеона в Италии, фактически безраздельным хозяином которой он отныне являлся. В лице трех южногерманских государств французский император создавал себе надежную опору и в Германии. Австрийский император, потеряв все свои итальянские владения, становился свидетелем того, как его влияние в Германии перетекает во французские руки. Наиболее ярким тому свидетельством стал подписанный в декабре 1805 г. секретный *Шенбруннский договор* об оборонительном и наступательном союзе, заключенный между Францией и Пруссией. По этому договору Пруссия уступала Наполеону правобережную часть герцогства Клеве и княжество Нойенбург. В обмен Наполеон охотно предоставлял ей право на занятие Ганновера, предполагая, что это вызовет ухудшение отношений между Лондоном и Берлином и лишит коалицию потенциального нового участника.

§ 3. *Германская политика Наполеона и война Четвертой коалиции 1806—1807 гг.*

Ш. М. Талейран

После разгрома Третьей коалиции Наполеон оказался перед выбором — продолжать движение на восток или каким-то образом ограничить собственные завоевания. Двигаясь вглубь континента, Наполеон все более отдалялся бы от традиционных целей французской внешней политики. Если Бельгия, Голландия и Италия издавна находились в поле зрения французских королей, то экспансия в центре и даже на востоке Германии была бы абсолютным новшеством. За разумное самоограничение в первую очередь выступал Талейран.

Шарль Морис Талейран-Перигор (1754—1838), потомок одного из самых старых дворянских родов Франции, говорил о себе, что он создал историческую трилогию, первый акт которой — империя Наполеона, второй — дом Бурбонов и третий — Орлеанский дом. К этому можно добавить, что у трилогии был и пролог — Французская революция. Менялись режимы, короли и даже династии, а Талейран, «человек шести лиц», как его изображали карикатуристы, словно скользил над временами, оберегаемый необыкновенным политическим чутьем и ловкостью, доходящей до полной беспринципности. В 1797 г. Талейран возглавил Министерство иностранных дел Франции и с перерывом лишь на несколько месяцев в 1799 г. оставался на этом посту до 1807 г. Любитель роскоши и различных радостей жизни, он и в своей дипломатической практике существенно отклонялся даже от принятых тогда политических и моральных норм, принимая от иностранных государств богатые подарки и едва ли не торгуя статьями договоров. «Предательство — это лишь вопрос даты», — однажды заявил он и своим собственным примером доказал этот тезис, в начале марта 1814 г. секретным письмом сообщив монархам вторгшейся во Францию антинаполеоновской коалиции, что они смело могут идти на Париж. Правильно выбранная дата позволила Талейрану вновь стать министром иностранных дел, но уже при вернувшихся во Францию Бурбонах.

Вместе с тем Талейран, безусловно, являлся одним из самых выдающихся дипломатов своего времени. Он отличался необычайно острым умом, ясностью и безукоризненной логикой своих доказательств, что делало его непревзойденным в искусстве переговоров. Он имел и достаточно четкую концепцию французской внешней политики, ядром которой было представление о том, что Франция «сыта», не стремится к дальнейшей экспансии, допустимы лишь незначительные приращения ее территории, главное же заключается в сохранении достигнутого. Люневильский мир в наибольшей степени отвечал его умеренному внешнеполитическому кредо, суть которого Талейран выразил в одной из бесед с Александром I: «Рейн, Альпы и Пиренеи завоеваны всей Францией; остальное принадлежит императору...»

В 1805 г. Талейран представил Наполеону меморандум, содержащий его концепцию внешней политики: следует придерживаться «естественных границ», вне которых обеспечить себе господство лишь в Италии и Южной Германии; нужно пощадить Австрию, сохранить ее как великую державу и предоставить ей компенсации в Болгарии и Румынии, так как, господствуя на Нижнем Дунае, она станет противовесом экспансии России; саму же Россию следует направить в Центральную Азию, где она неминуемо столкнется с Англией; в целом нужно вернуться к традициям 1756 г. и, кроме того, «сделать Австрию, естественного врага русских, естественным союзником Франции». После того как Наполеон, в полную противоположность подобным идеям, вынудил Талейрана навязать Австрии тяжелейший Прессбургский мир, французский министр иностранных дел предложил Вене свои «платные услуги».

Отказавшись остановиться, Наполеон продолжил движение в Германию. Австрия была парализована, но оставалось великое множество малых и средних государств, а также Пруссия. Прусский король Фридрих Вильгельм III ратифицировал Шенбруннский договор, смягчив его наиболее тяжелые условия. В ответ Наполеон, который во все большей степени не договаривался, а диктовал, объявил весь Шенбруннский договор несуществующим и навязал Пруссии еще более тяжелый *Парижский трактат* (февраль 1806 г.), одним из условий которого было закрытие прусских гаваней для английских кораблей. Немедленно после этого Англия объявила Пруссии войну.

В отношении же прочих государств Германии Наполеон осуществил необычную и очень эффективную дипломатическую акцию, создав так называемый *Рейнский союз*. Первоначально в него вошли 16 немецких князей, а к 1808 г. — все немецкие государства за исключением Австрии, Пруссии, шведской Померании и датского Гольштейна.

Подписанный в Париже 12 июля 1806 г. Акт о создании Рейнского союза состоял из 40 статей и предусматривал следующие основные позиции: германские государства создают конфедерацию, протектором которой является Наполеон; эта конфедерация заключает с Францией наступательный и оборонительный союз, обязывавший к предоставлению определенных военных контингентов; члены конфедерации получают территориальные приращения за счет дальнейшей медиатизации. Созданием Рейнского союза Наполеон достигал сразу две важные цели. Во-первых, фактически уничтожалась Священная Римская империя, поскольку Акт о Рейнском союзе прямо обязывал к выходу из имперской связи. Во-вторых, французский император получил в свое распоряжение огромный резерв материальных и людских ресурсов, без которых дальнейшая экспансия едва ли могла быть возможной. Впоследствии Наполеон использовал войска Рейнского союза в войнах против Австрии в 1809 г., России в 1812 г. и анти-французской коалиции в 1813 г.

Завершающим аккордом германской политики Наполеона на этом этапе стало формальное уничтожение и без того агонизирующей Священной Римской империи. 1 августа 1806 г. государства Рейнского союза объявили о своем выходе из Империи, а Наполеон заявил, что он отныне не признает имперскую конституцию и ультимативно потребовал от Франца II сложить имперскую корону. Для того чтобы избежать возможного с точки зрения имперского права провозглашения новым императором Наполеона, Франц II 6 августа 1806 г. не только отказался от императорской короны, но и освободил имперские сословия от клятвы верности ему и Империи. Восьмисотлетняя империя перестала существовать.

Таким образом, уже к концу лета 1806 г. Наполеон достиг почти полной гегемонии в Германии. Австрия была разгромлена и обескровлена, большая часть «третьей Германии» в облике членов Рейнского союза превращена в фактических вассалов, Священная Римская империя, на протяжении веков оказывавшая пассивное сопротивление французской экспансии, окончательно ушла в небытие. Единственным германским государством, сохранявшим потенциал борьбы с французской экспансией, оставалась Пруссия.

Пруссия стала главной динамичной силой сложившейся во второй половине 1806 г. Четвертой коалиции. Помимо нее, в состав коалиции вошли по-прежнему находившиеся в состоянии войны с Францией Англия, Россия и Швеция, а также три германских государства — Саксония, Брауншвейг и Саксония-Веймар.

Десять лет вне войны, прошедшие после подписания Базельского мира 1795 г., с точки зрения международного положения Пруссии принесли неожиданные результаты. Вместо того чтобы укрепиться на фоне истощения прочих германских государств, Пруссия с момента прихода к власти Наполеона год за годом теряла свои позиции. Предполагавшаяся Базельским миром зона гегемонии Пруссии в Северной Германии оказалась иллюзией на фоне все расширявшегося влияния французов. Условия Парижского трактата поссорили Пруссию с Англией и принесли ей огромные экономические убытки: прусские порты на Северном море были закрыты, множество кораблей конфисковано англичанами, торговля стагнировала. Важным фактором стало и состояние общественного мнения в Пруссии, во все большей степени определявшегося национализмом. Требования войны с Францией и отказа от унижительных договоров получали все большее распространение; среди прусских офицеров стало хорошим тоном точить сабли о ступени французского посольства в Берлине. Наконец, создание Рейнского союза означало вторжение Франции во многие сферы влияния Пруссии в Германии и появление конкурента гораздо более опасного, чем традиционные противники в Вене.

Учитывая, что Франция и Россия все еще находились в состоянии войны, Пруссия осуществила попытку сближения с восточным соседом — в июле 1806 г. прусские дипломаты дали знать в Петербург, что Пруссия не поддержит Наполеона. Последовал немедленный ответ: Россия готова гарантировать целостность прусской территории. Однако, не дождавшись окончательного согласования действий с Россией, в конце октября 1806 г. Пруссия предъявила Франции ультиматум с требованием очистить правобережную Германию и в октябре начала боевые действия.

Результат этих действий и полной несогласованности союзников оказался самым плачевным. В знаменитом двойном сражении под Йеной и Ауэрштедтом 14 октября 1806 г. прусская армия потерпела катастрофическое поражение; спустя две недели пал Берлин, где Наполеон в качестве символического трофея взял себе шпагу Фридриха Великого. Остатки прусских войск были оттеснены в Восточную Пруссию, где наконец-то соединились с русскими. В феврале 1807 г. союзники сумели свести вничью кровопролитное сражение при Прейсиш-Эйлау.

Параллельно шла дипломатическая консолидация коалиции. В январе 1807 г. *Мемельский мир* положил конец состоянию войны между Англией и Пруссией: Пруссия отказывалась от Ганновера и восстанавливала свободу мореплавания и торговли для британских подданных, а Англия возвращала захваченные прусские суда и товары. В апреле Россия и Пруссия обновили свои существовавшие еще с Потсдамского договора 1805 г. союзнические отношения в *Бартенштейнском договоре*. Критическому положению на фронтах вполне соответствовали и скромные цели союза. В отличие от многих преды-

душих соглашений антинаполеоновских коалиций он ставил задачу не отбросить Францию в прежние пределы, а лишь восстановить территорию Пруссии в границах 1805 г., т. е. до оккупации ею Ганновера. В отношении же Франции говорилось лишь о том, что необходимо препятствовать ее росту за счет третьих стран. Кроме того, в договоре отразилась идея Александра I о создании после войны «конституционной федерации» в Германии. Однако через считанные недели поражение русских войск под Фридландом решило исход войны в пользу Наполеона и создало совершенно новую ситуацию.

Тильзитский мир 1807 г.

Эта победа привела Наполеона на границы России, однако он не был готов пойти на риск новой большой кампании, тем более с ненадежной Австрией в тылу. Со своей стороны Петербург не располагал для продолжения войны достаточными военными силами, тем более в условиях очередной войны с Турцией, и, кроме того, был крайне недоволен действиями своих союзников — Австрии, от которой он напрасно ожидал поддержки, и особенно Англии, которая не осуществила обещанный займ и отправила свои эскадры не в Кёнигсберг и Данциг, т. е. на помощь России и Пруссии, а в далекий Египет. 25 июня 1807 г. состоялась знаменитая личная встреча Александра и Наполеона на плоту посередине реки Неман в присутствии их выстроившихся по обоим берегам войск. Приблизившись к Наполеону, Александр будто бы заявил: «Я ненавижу англичан так же, как и Вы!» «Тогда, — ответил Наполеон, — мир достигнут». Главный результат переговоров заключался в том, что два императора договорились о разделе сфер влияния в Европе. Наиболее важным достижением Александра в этих переговорах было сохранение государственного существования Пруссии, которую Наполеон предпочел бы вовсе стереть с политической карты.

Конкретизацией этих договоренностей выступил *Тильзитский мир*, еще один важнейший международный документ Наполеоновской эпохи. Состоящий из франко-русского и франко-прусского договоров, он рассматривается как единый правовой акт, окончивший войну Четвертой коалиции. Франко-русский договор и приложенные к нему «Отдельные и секретные статьи», подписанные 7 июля 1807 г. с французской стороны Талейраном и с русской — князьями А. Б. Куракиным и Д. И. Лобановым-Ростовским, касались как германских, так и восточных дел, а также перспектив русско-французского союза. Касательно Германии договор предусматривал следующие основные положения: возврат Пруссии части захваченных у нее территорий; провозглашение Данцига вольным городом; создание из польских территорий Пруссии нового государства — герцогства Варшавского и определение его границ с Россией; возврат немецким герцогам Саксонско-Кобургскому, Ольденбургскому и Мекленбургскому их владений; признание Александром I братьев Наполеона Жозефа, Луи и Жерома в качестве королей соответственно Неаполитанского королевства, Голландии и Вестфалии; признание Россией Рейнского союза. В восточном вопросе Россия обязывалась заключить перемирие в войне с Турцией и вывести войска из Молдовы и Валахии; под суверенитет Франции передавались Ионические острова и занятая до тех пор русским флотом стратегически важная бухта Каттаро (Бока Которска) на западном побережье Балкан. Предпола-

галось взаимное посредничество держав: России — в войне Франции с Англией, Франции — в русско-турецкой войне. Одновременно был заключен секретный договор о наступательном и оборонительном союзе против любой третьей державы. В частности, Россия обязывалась разорвать дипломатические отношения и примкнуть к континентальной блокаде Англии (см. ниже) в случае непризнания последней свободы морей, отказа от русского посредничества и невозвращения французских колоний, вновь захваченных с началом боевых действий. Со своей стороны Франция обещала вступить в войну с Турцией в случае отказа Константинополя от французского посредничества.

Несмотря на внешнюю теплоту отношений двух императоров и отсутствие территориальных потерь со стороны России, речь идет об очередном неравноправном мирном договоре, навязанном Наполеоном. Все, что получила в ходе переговоров Россия, — это фактический карт-бланш на захват Финляндии, а также намеки на возможность раздела Турции в будущем. Россия же безоговорочно признавала созданную Наполеоном новую Европу; теряла свои впервые созданные и успешно сохранявшиеся годами опорные пункты на Средиземном море; шла на колоссальные экономические убытки из-за блокады Англии и даже на риск войны с ней; в лице Варшавского герцогства допускала создание французского плацдарма на востоке Европы, прямо угрожавшего безопасности страны.

Франко-прусский договор, подписанный двумя днями позже Талейраном и министром иностранных дел Пруссии А. фон дер Гольцем, состоял из 30 статей и содержал одни из самых жестких условий, когда-либо продиктованных одной великой державой другой. Пруссия потеряла более половины своей территории с населением свыше 5 млн человек, в том числе все владения западнее реки Эльбы. Пруссия лишалась также всех приобретений по первому и второму разделу Польши. Россия получила от Пруссии польские земли в районе Белостока. В заключенной спустя несколько дней *Кёнигсбергской конвенции* вывод французских войск связывался с выплатой Пруссии огромной контрибуции.

В итоге Тильзитского мира Пруссия превратилась в среднее германское государство и на время перестала существовать как великая держава.

§ 4. *Наполеоновская Европа 1807—1812 гг.*

Континентальная блокада

Несмотря на распространение французского влияния все дальше на восток Европы, главным моментом международных отношений этого времени по-прежнему оставался англо-французский антагонизм. Сами войны с континентальными державами имели отчетливый антианглийский подтекст, были призваны лишить Лондон возможных союзников и экономических партнеров на континенте. Сокрушая Австрию, Россию, Пруссию, Наполеон имел в виду Англию.

Тильзит представлял собой блестящую реализацию подобной стратегии. С одной стороны, Англия, всегда так нуждавшаяся в «кон-

тинентальном солдате», потеряла на континенте всякую опору и оказалась с политической точки зрения полностью изолированной. Зримым проявлением этой изоляции на дипломатическом уровне стал тот факт, что при Сент-Джеймском дворе отныне фактически были представлены либо династии-претенденты, например Бурбоны во главе с графом д'Артуа, либо династии, державшиеся на английских штыках, например укrywшиеся на островных частях своих государств короли Сардинии и Неаполя. С другой стороны, добившись подобной — беспрецедентной — изоляции одной великой державы от четырех других, Наполеон сделал и вовсе не бывалый в истории международных отношений шаг, объявив так называемую *континентальную блокаду*.

Речь шла о полном запрете всякой торговли с Великобританией. Предпосылками подобного решения стали три очевидных факта. Во-первых, от состояния торговли и в целом внешнеэкономических связей британская экономика зависела как никакая другая. Во-вторых, Трафальгар сделал невозможным прямое вторжение в Англию и военное решение конфликта. В-третьих, Тильзит, закрывший для англичан почти все европейское пространство за Ла-Маншем, впервые открыл возможность экономического решения — полную блокаду английской торговли.

У Наполеона были предшественники — якобинцы, заявлявшие, что носящие английское сукно «ходят в ливрее наших врагов», и ограничивавшие торговлю с Англией; Директория, которая в октябре 1796 г. запретила ввоз английских товаров. Но еще никогда до этого экономика не применялась как главный и определяющий инструмент внешнеполитического воздействия на великую державу, использовавшийся к тому же в таких масштабах.

Развернувшаяся между Англией и Францией торговая война представляла собой классический пример эскалации, когда каждый шаг соперника влечет за собой новый и все более жесткий ответ. С начала войны англичане установили морскую блокаду французских портов. В значительной степени в ответ на это в 1805—1806 гг. был введен запрет на торговлю с Англией во Франции и в Италии, а *Берлинским декретом* 21 ноября 1806 г. был дан отсчет собственно политике континентальной блокады: она заявлялась официально, запрещались любые торговые и даже письменные контакты с Великобританией, любые английские товары и корабли объявлялись свободными к захвату «призами». Уже в январе 1807 г. Англия ответила аналогичными санкциями. С Тильзитским миром и присоединением к континентальной блокаде России ситуация для Лондона стала критической, и экономическая война между Англией и Францией начала достигать своего полного размаха и ожесточенности. Характерной чертой было вовлечение в конфликт нейтральных государств: в сентябре 1807 г. английская эскадра разгромила в бухте Копенгагена флот доселе не вовлеченной в конфликт Дании, а в ноябре в Лондоне был опубликован указ, по которому корабли нейтральных государств обязывались причаливать в Англии, прежде чем идти в какой-нибудь континентальный порт. Наполеон ответил *Миланскими декретами* декабря 1807 г.: все колониальные товары объявлялись английскими; суда любой страны, коснувшиеся английских берегов или посещенные англичанами, объявлялись вражескими и подлежали конфиска-

ции. Иными словами, английские и французские меры приводили к тому, что отныне ни одна страна не могла оставаться нейтральной. В ответ на расцветшую в этих условиях контрабанду последовал еще целый ряд мер, направленных на дальнейшее ужесточение блокады, высшей точкой которого стал декрет в Фонтенбло сентября 1810 г., предписывавший публичное сожжение английских товаров.

Таким образом, континентальная блокада сыграла роль долговременного катализатора напряжения международной обстановки: не в силах разрешить англо-французские противоречия, она лишь способствовала их обострению, в то время как продолжение следования этому курсу создавало все больше трений с прочими державами континента. Претензии Франции на гегемонию в экономике грозили обернуться новыми конфликтами. Похожим образом дело обстояло и с гегемонией политической.

Главным итогом Тильзитского мира стало установление гегемонии Наполеона в Европе. На огромном пространстве от Португалии до России не осталось ни одного государства, которое в той или иной степени не зависело бы от французского императора.

Гегемония вышла победителем из очередного столкновения с европейским равновесием, в первую очередь благодаря тому, что одновременно это было столкновение нового со старым, качественно иному уровню государственной мощи Франции противостояли ограниченные ресурсы Европы королей. Однако эта победа в конечном счете оказалась временной, в том числе и потому, что на пути к империи Франция потеряла многое от ударной силы революции, а испытавшим этот удар, напротив, передалась часть ее энергии и ее идей. В первую очередь это касалось национализации политики.

Французская революция впервые столь четко заявила о нации как о новом политическом принципе, открыв тем самым эпоху национальных государств. Империя же была отрицанием нации и потому — политическим анахронизмом в новую эпоху. Франция двояким образом способствовала распространению национальной идеи в прочих европейских странах: французские идеи пробудили национальное чувство, и французские солдаты больно его ранили. Таким образом, одна часть наследия Французской революции — идея нации — укрепила традиционные европейские государства, которые в конечном счете положили конец гегемонии Наполеона — другого наследника революции. Впервые Наполеон смог почувствовать это в Испании.

Франко-испанские отношения 1789—1808 г.

К Французской революции Испания подошла как давний и традиционный союзник Франции, связанный с ней как семейными бурбонскими узами, так и общностью внешнеполитических интересов, и в первую очередь взаимной заинтересованностью в противостоянии Англии в колониальных вопросах. Однако новые измерения, открытые в международных отношениях Французской революцией, и особенно идеологизация и национализация внешней политики, стали причиной ослабления традиционных связей и появления качественно новых источников конфликта между двумя странами. Рубежом стала казнь Людовика XVI, которую испанцы старались всеми силами предотвратить, предлагая нейтралитет Испании в обмен на жизнь короля и затем королевы.

Неудачный ход начавшейся в 1793 г. войны с Францией и внутренние трудности заставили Испанию уже в 1795 г. по Базельскому и затем в 1796 г. по Сан-Ильденфонскому договорам (обязательство «непрерывно» выступать с Францией против Англии) вернуться к привычной политике антианглийского сотрудничества с Францией.

С 1796 г. Испания официально находилась в состоянии войны с Англией. Однако союз с Францией не принес ей ожидаемых выгод. По второму договору в Сан-Ильдефонсо (октябрь 1800 г.) в обмен на неясные обещания увеличить владения пармских Бурбонов в Италии она была вынуждена вернуть Франции полученную в 1762 г. Луизиану. Ситуация внутри страны была сложной, экономика страдала из-за нарушенных английским флотом связей с колониями; во внутренней политике режим Карла IV и всесильного фаворита королевы М. Годоя все больше терял популярность.

В этих условиях стремление Наполеона нанести удар по союзной Англии Португалии испанскими руками нашло поддержку при Мадридском дворе, ожидавшем от победы укрепления существующего режима. В результате трехнедельной *«апельсиновой войны»* (по преданию, после одной из побед над португальцами Годой прислал королеве цветущую ветвь апельсинового дерева) в мае 1801 г. по *Бадахозскому миру* Испания приобрела город Оливенц, а не двинувший ни одного солдата Наполеон — обещание закрыть для английской торговли португальские порты.

После небольшой передышки в связи с Амьенским миром Испания с 1803 г. выплачивала Франции значительные ежемесячные суммы за право остаться нейтральной, а год спустя вновь вступила в войну с Англией.

Вместе с тем союз с Францией все очевиднее приводил совсем не к тому, что от него ожидали, — позиции Испании в собственных колониях продолжали слабеть. Годой, после заключения союза с Францией заявивший, что «больше не видит Англию на географической карте», очень скоро был вынужден признать реальность ее существования. 21 октября 1805 г., день Трафальгарского сражения, когда Нельсон лишил Испанию лучшей части ее флота, фактически стал днем крушения испанской колониальной империи: отныне морские коммуникации полностью контролировались англичанами. В самих колониях те же англичане и американцы все больше вытесняли испанцев с ведущих экономических позиций. К тому же внутри страны ситуация ухудшилась из-за продовольственного кризиса 1802—1805 гг. и военного истощения; укреплялась оппозиция вокруг наследного принца Фердинанда. В этих условиях Годой повел двойную дипломатическую игру: желая во что бы то ни стало сохранить власть, он вступил в тайные контакты с русскими и англичанами, одновременно сохраняя союз с Францией.

Тем временем несколько меняется мотивация политики Наполеона в отношении пиренейских государств: он начинает рассматривать их с точки зрения континентальной блокады и включенности в свою «семейную систему». На западе в континентальной блокаде зияла значительная брешь в лице Португалии, давнего английского сателлита. Завершив в Тильзите возведение общеевропейской преграды английской торговле, Наполеон немедленно попытался устранить эту

брешь: в июле 1807 г. Португалии было предъявлено ультимативное требование порвать отношения с Англией. Отказ повлек за собой французское вторжение. Осенью Португалия была разбита, ее король бежал в Бразилию; по *договору* с Испанией в *Фонтенбло* в октябре 1807 г. произошло разделение страны: юг отошел фавориту испанской королевы Годю, над остальными частями контроль сохранил Наполеон.

В самой Испании с осени 1807 г. все разрастался внутренний кризис. Конфликт между Карлом IV и его сыном привел к тому, что Годой ушел в отставку, а в марте 1808 г. от престола отрекся король. В мае 1808 г. Наполеон пригласил взявшего назад свой отказ от престола Карла IV и Фердинанда в приграничный французский город Байонну, где оба подписали формальное отречение от престола. Новым королем Испании стал брат Наполеона Жозеф.

Вопреки ожиданиям испанцы восприняли появление на их троне нового монарха не с равнодушием народа, задержавшегося в Средневековье, а совершенно в духе новой эпохи — как национальный вызов. Французы, сами черпавшие энергию из национального источника, впервые столкнулись с адекватным ответом в смысле широты охвата народных масс и интенсивности двигавшим ими национального чувства. Это был своего рода национальный крестовый поход не только против Наполеона, но и против народа «без веры, без закона и без Бога». С мая 1808 г. и на следующие пять лет в Испании не прекращалось массовое народное движение против французов, которое заставляло Наполеона держать в Испании около 300 тыс. солдат и сковывало свободу его действий в остальной Европе. Успехи испанцев поощрили активность англичан: в августе 1808 г. экспедиционный корпус под командованием Уэлесли, будущего герцога Веллингтона, высадился в Португалии, французский губернатор которой был вынужден подписать конвенцию о выводе из страны французских войск. Пиренейский полуостров все больше превращался в главную внешнеполитическую проблему французского императора.

События в Испании имели довольно громкое европейское эхо. От них существенно пострадал престиж императора. Европейские дворы и общественное мнение были, с одной стороны, возмущены «шулерством» и коварством Наполеона, форменным образом заманившего в Байонну обоих полных надежд испанских претендентов на престол и жестоко обманувшего эти надежды. Неспособность подавить восстание в Испании рассматривалась как симптом ослабления империи.

Однако эффективно выступить против испанцев Наполеон мог только в том случае, если бы был полностью уверен в своем тыле. Особенно это касалось все более враждебной Австрии, за которой вполне могли последовать традиционно верные ей германские союзники. В этих условиях принципиально важной была позиция России, которая в случае возобновления коалиции с монархией Габсбургов могла превратить испанский поход Наполеона в катастрофу либо, наоборот, сохранив верность французскому союзу, стала бы лучшим средством сдержать Австрию.

Подобные соображения лежали в основе идеи организовать встречу с Александром I на фоне съезда германских князей с целью пуб-

личной демонстрации: собственной мощи — для Александра и прочности франко-русского союза — для немецких монархов. Сценарий встречи, состоявшейся в тюрингском городе Эрфурт в сентябре — октябре 1808 г., предусматривал явление Наполеона как подлинного правителя Европы на вершине своего могущества и Франции как ведущей политической и культурной силы континента. Блестящая свита, поклонение 34 немецких князей, тщательно разыгранная роль покровителя культуры (встреча с Гёте, спектакли лучших французских авторов, сыгранные лучшими французскими актерами во главе со знаменитым Ф. Тальма перед «партером королей») — все эти средства репрезентации служили той же цели утверждения европейской гегемонии Наполеона, что и политические и военные методы.

Политические результаты переговоров с Александром сводились к следующему. Поскольку Наполеон не имел возможности предложить России экономические компенсации за потери от континентальной блокады, речь могла идти только об уступках политических. В Эрфурте была продолжена начатая в Тильзите линия на раздел сфер влияния в Европе. По союзному договору 12 октября 1808 г. Наполеон подтвердил свой карт-бланш России на Финляндию, Молдову и Валахию в обмен на ее невмешательство в испанском вопросе и обязательство оказать помощь Франции, если она подвергнется нападению Австрии. С французской точки зрения это была лишь половина успеха, поскольку Наполеон так и не сумел склонить Россию к совместному давлению на Австрию с целью ее разоружения.

В Эрфурте Наполеон не вполне достиг своих целей еще и потому, что ему пришлось иметь дело не только с неуступчивостью России, но и с интригами Талейрана, который, уже не будучи министром иностранных дел, был приглашен Наполеоном в качестве советника. Талейран в Эрфурте вел двойную игру: днем он вел официальные переговоры с русским уполномоченным на основе инструкций Наполеона, а вечером в частных беседах с Александром I выражал мысли о необходимости ограничить действия Наполеона: «Сир, в Вашей власти спасти Европу; но Вы сможете ее спасти, только если откажетесь предоставить Наполеону свободу действия...»

В целом основные действующие лица разъезжались с Эрфуртского съезда по крайней мере удовлетворенными: Наполеон уверился в том, что Россия не нанесет удара в спину, и осенью в Испанию двинулись французские войска; в свою очередь Александр тоже предпочел пока сохранить союз с Францией, надеясь пожать его плоды в Финляндии и на Дунае; наконец, и представлявший в Эрфурте монархию Габсбургов посол Австрии в Париже К. Меттерних из бесед с Александром и Талейраном понял, что в действительности Россия не станет угрожать его стране. Последнее имело непосредственные и самые серьезные политические последствия.

Не оставив надежды вернуть утраченное в Италии и Германии, австрийское руководство использовало пятилетнюю передышку для укрепления страны и реорганизации армии. В Вене знали о растущих противоречиях между Францией и Россией и тайне надеялись на помощь русского царя. Но главное за-

Война Пятой коалиции 1809 г.

ключалось в том, что в правящих кругах Австрии созрела мысль побить врага его же собственным оружием — посредством национальной войны.

Начало войны со стороны Австрии сопровождалось прямыми воззваниями к немецкому национальному чувству по всей Германии. В свою очередь, с национальной карты пошел и Наполеон, своей прокламацией «К мадьярам!» попытавшись разжечь венгерскую национальную войну в австрийском тылу. Однако в обоих случаях пока сильнее оказалась традиционная династическая верность: венгров — Габсбургам, жителей Германии — своим князьям — союзникам Наполеона.

Неудачно для Австрии завершились и начавшиеся в апреле 1809 г. боевые действия. Хотя Россия, несмотря на Эрфуртские договоренности, не поддержала Францию, ограничившись лишь выставлением наблюдательного корпуса в Галиции, Австрия после первоначальных успехов в Баварии вновь была вынуждена уступить военному гению Наполеона: в мае была взята Вена, и после решающего поражения при Ваграме летом 1809 г. император Франц пошел на заключение очередного мира.

Продиктованный Наполеоном 14 октября 1809 г. *Шенбруннский мир* отличался еще большей жесткостью, чем предыдущие. Австрия потеряла 2 тыс. кв. км и 3,5 млн человек: в пользу герцогства Варшавского она уступала почти все земли, полученные по третьему разделу Польши; к Баварии отходил Зальцбург и некоторые другие альпийские земли; Адриатическое побережье в районе Триеста и Фиуме переходило в состав созданных Наполеоном Иллирийских провинций. Кроме того, Австрия обязывалась присоединиться к континентальной блокаде, выплатить значительную контрибуцию и серьезно ограничить численность своих войск. В результате Шенбрунского мира лишенная военной мощи и отрезанная от морей Австрия, по существу, превратилась в державу второго ранга.

Пережитая катастрофа заставляла задуматься о правильности курса, почти двадцати лет ведущего Австрию от поражения к поражению. Ревизию этого курса предложил новый человек на посту министра иностранных дел Австрийской империи — К. Л. Меттерних.

Одна из самых известных фигур австрийской истории Клеменс Лотар Меттерних (1773—1859) по рождению принадлежал к рейнской аристократии, одной из первых пострадавшей от Французской революции и германских мероприятий Наполеона. Однако убежденным противником французской политики он стал не из-за понесенных от нее личных материальных потерь и не по национальным или патриотическим мотивам. В основе его политического мировоззрения лежало представление о порядке — порядке внутри государств, порядке отношений между ними, порядке, который органично вырастает из прошлого, из традиции, но одновременно отливаются в рациональные, ясные, гармоничные формы: «Мир нуждается в гармонии!» Во главе Австрии встал глубоко консервативный, рационально мыслящий политик, обладавший к тому времени значительным дипломатическим опытом и одновременно аристократ, любимец женщин, человек «света». Сочетание холодного ума и аристократического шарма позволяло ему добиваться своих целей, используя в равной степени приемные министров и светские салоны. «Он путает политику с интригой», — так прокомментировал это умение Наполеон.

Назначенный министром иностранных дел, Меттерних немедленно предложил свою программу дипломатического реализма: «...мы можем обрести безопасность, только примкнув к победоносной французской системе... Мы должны начиная со дня заключения мира ограничить нашу систему исключительно лавированием, уклонением, лестью. Только так мы, возможно, продлим наше существование до дня полного освобождения». Иными словами, следовало идти с Наполеоном, дожидаясь удобного момента, чтобы выступить против него; выступить осторожно, поскольку Наполеон лучше, чем революция, а Франция — необходимый противовес Англии и России; обеспечить Австрии в ожидавшемся столкновении Франции и России роль арбитра и сохранить ее за собой в послевоенном мире.

Первым шагом подобной политики стала женитьба Наполеона на дочери Франца I Марии Луизе в 1810 г. Наполеон давно искал случая породниться с какой-нибудь старой династией Европы и с готовностью, по собственному выражению, «женился на чреве», надеясь укрепить свой трон рождением «легитимного» наследника (и действительно через год родился мальчик, «король римский» Наполеон II). Со своей стороны Меттерних достигал тем самым сразу несколько целей — доказывал лояльность Наполеону, демонстрировал отдалившимся от Австрии государствам Рейнского союза, что они утратили своего рода эксклюзивные права на Наполеона, и, наконец, добивался большей безопасности для Австрии, государь которой становился тестем французского императора. Однако платой за сближение с Францией оказалось участие в походе «великой армии» на Россию.

Изменения политической карты

После разгрома обеих германских великих держав начался новый этап политического переустройства в Германии. Из прусских территорий западнее Эльбы, а также курфюршества Гессен-Кассель, герцогства Брауншвейг и некоторых других в 1807 г. было создано новое крупное государственное образование в Германии — королевство Вестфалия во главе с братом Наполеона Жеромом Бонапартом. По соседству с ним располагалось другое творение Наполеона — великое герцогство Франкфурт, созданное на основе бывшего имперского города и близлежащих княжеств Фульда и Ханау.

Одним из самых важных и чреватых последствиями было создание Великого герцогства Варшавского из территорий, полученных Пруссией по первому и второму разделу Польши. Оно передавалось Саксонии как одному из самых верных германских союзников Наполеона, к тому же связанному с Польшей давней традицией польско-саксонских связей. Одновременно Саксония становилась королевством. Создание фактически вассального от Наполеона герцогства Варшавского принесло Наполеону существенные стратегические выгоды. Фактически он вгонял клин в месте соприкосновения границ Австрии, России и Пруссии. При этом Наполеон вновь поступил не столько как наследник революции, сколько как император: пожаловав своего сателлита, он обманул надежды польского национального движения, в то время как, пробудив Польшу, он мог рассчитывать на более серьезную помощь против России, чем относительно немногочисленные части польских добровольцев в составе «великой армии». Создание герцогства Варшавского привело к дальнейшему охлаждению взаимоотношений с Россией в то время, когда Наполеон в ней еще нуждался.

Италия уже к 1810 г. до неузнаваемости изменила свои политические очертания. На месте прежнего конгломерата мелких и средних

государств существовало лишь три государства. Во-первых, это итальянские владения Франции, постепенно занимавшие всю западную часть Апеннинского полуострова до Неаполитанского королевства. Во-вторых, это созданное в 1805 г. во главе с Наполеоном Итальянское королевство. В-третьих, Неаполитанское королевство, на троне которого в 1808 г. шурин Наполеона Мюрат сменил правившего с 1806 г. Жозефа Бонапарта.

Континентальная блокада стала новым стимулятором территориальных изменений в Европе. Желая положить конец контрабанде, Наполеон переходит от косвенного контроля к прямой аннексии некоторых важных приморских территорий на всех трех главных европейских морях.

В 1809 г. вместе с Иллирийскими провинциями он получает контроль над западным побережьем Адриатического моря и тогда же захватывает Папское государство — последнюю самостоятельную страну на Апеннинском полуострове. Тем самым французский император добился контроля над всей континентальной береговой линией Средиземного моря — от запада Балкан до Гибралтара.

Ближайшее к Англии побережье Северного моря было объектом особенного внимания Наполеона. В том же 1809 г. он аннексировал Голландию, в связи с чем его брат Луи сложил с себя корону. За Голландией последовал и захват германской части побережья Северного моря — Ганновера (1810 г.) и Ольденбурга (1811 г.). Тем самым важнейшая часть побережья Северного моря оказалась под прямым контролем Франции, однако за него пришлось заплатить высокую политическую цену тем, что Россия была возмущена произволом в отношении династически близкого ей Ольденбурга (герцог Ольденбургский был женат на сестре царя великой княжне Екатерине Павловне).

Балтика оставалась наиболее слабым звеном в цепи континентальной блокады, поскольку практически все ее побережье не поддавалось прямому контролю со стороны Франции. Единственным исключением был аннексированный в 1811 г. важный торговый порт Любек. Однако далее на восток простирались территории государств, хотя и взявших на себя обязательства по проведению континентальной блокады, но старавшиеся уклониться от их выполнения. Особое место среди них занимала Россия.

Тильзит внес перелом во взаимоотношения России с недавними союзниками по антинаполеоновской коалиции — Швецией и Англией. После примирения с Наполеоном и присоединения России к континентальной

блокаде отношения Петербурга и Лондона стали стремительно ухудшаться. Возмущенная бомбардировкой Копенгагена, в октябре 1807 г. Россия отозвала из Лондона своего посла и объявила Англии войну. В реальности бывшие союзники стремились избегать открытых столкновений. Враждебные действия ограничились лишь несколькими столкновениями на Балтийском море, задержанием (но на самых почетных условиях) эскадры адмирала Сенявина в Лиссабоне и незначительными высадками на побережье Белого моря.

Более серьезным последствием Тильзитского мира и кризиса англо-русских отношений стала война России со Швецией. Согласно

условиям Тильзитского мира, Россия должна была стать участницей колониальной блокады не только сама, но и вынудить к этому Португалию, Данию и, главное, Швецию. Александр I потребовал от Швеции, чтобы она закрыла свои порты для английских кораблей и после ее отказа зимой 1808 г. объявил ей войну. Согласно принятой практике, шведский посол в Петербурге получил паспорта и должен был покинуть страну, но шведы в ответ поступили, по выражению Александра I, «хуже турок», арестовав русского посла в Стокгольме, — редчайший случай в европейской дипломатической традиции.

В отличие от войны с Англией Россия в войне со Швецией демонстрировала не столько союзническую верность Наполеону, сколько решала свою давнюю стратегическую задачу по присоединению Финляндии и окончательному решению, таким образом, проблемы безопасности Петербурга. Со своей стороны Швеция в действительности не имела иного выбора, чем сохранение связи с Англией, поскольку именно туда шла львиная доля ее экспорта и, кроме того, английский флот мог легко разрушить все ее экономические связи с континентом, осуществлявшиеся почти исключительно морским путем. Кроме того, и недавняя бомбардировка Копенгагена ясно показала шведам, чем может обернуться отступничество от Лондона.

Русско-шведская война 1808—1809 гг. завершилась *Фридрихсгамским миром*, по которому Россия получила Финляндию и стратегически важные Аландские острова и, кроме того, Швеция обязывалась подписать мирные договоры с Данией и Францией и присоединиться к континентальной блокаде. По *договору в Йонкепинге* (1809 г.) между Данией и Швецией восстанавливался предвоенный статус-кво. Согласно Парижскому договору 1810 г., Франция выводила свои войска из Померании, а Швеция присоединялась к континентальной блокаде.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг.

Очередной раунд русско-турецкого противоборства был связан как с желанием Турции вернуть свои потери прошлых войн, в частности, в Северном Причерноморье, так и со стремлением России расширить свои владения на Балканах. Поводом к войне стали нарушения свободного прохода русских кораблей через Черноморские проливы, а также смещение прорусски настроенных наместников в Молдавии и Валахии. В ответ осенью 1806 г. русские войска оккупировали оба княжества, и Турция в декабре того же года объявила России войну. На ход войны самое непосредственное влияние оказывали изменения международной обстановки в Европе. Первоначально французская дипломатия поощрила турок на выступление, однако Тильзитский мир полностью изменил ситуацию и на Балканах. В частности, англо-турецкая война 1807—1809 гг., которую Англия начинала как союзник России, немедленно завершилась. По *Дарданелльскому миру* 1809 г. Турция обязалась закрыть проливы для военных кораблей любых держав, что серьезно ущемляло интересы России. Еще одним источником англо-русских осложнений стала русско-иранская война 1804—1813 гг. (см. ниже — с. 261) Вместе с тем с Тильзита Франция, стараясь не подвергать угрозе свои традиционно хорошие отношения с Османской

империей, начинает оказывать России пассивную поддержку. С этого времени и вплоть до 1812 г. две страны обсуждают различные планы раздела Турции, хотя в конечном счете судьба войны была решена на полях сражений прямо накануне Отечественной войны 1812 г.

§ 5. Крах Наполеоновской империи 1812—1815 гг.

Причины войны 1812 г.

Помимо наличия конкретных спорных проблем в международной политике Франция и Россия двигались к войне, побуждаемые и причинами более общего характера. Со стороны Франции это во многом были все те же мотивы наполеоновской политики, о которых говорилось выше: желание устранить брешь в континентальной блокаде, зависимость внутривластной ситуации во Франции и императора от внешнего успеха, личное честолюбие Наполеона и т. д. К 1810 г. до достижения полной гегемонии в континентальной Европе фактически оставалось сделать только один шаг — единственным государством, которое сохраняло самостоятельность внешней политики и боеспособную армию, была Россия.

С точки зрения Петербурга, главным по-прежнему оставалось понимание реальной угрозы, которую нес с собой гегемонизм Наполеона и в которой ничего не властно было изменить никакие «разделы сфер влияния». Еще будучи Первым консулом, Наполеон однажды за обедом сказал русскому дипломату Н. Волконскому: «Вселенная подобна этому яблоку, которое я держу в руках. Мы можем разрезать его на две части, и каждый из нас получит половину». Когда об этом рассказали Александру I, тот заметил, что «сначала он удовольствуется одной половиной яблока, а там придет охота взять и другую». После разгрома в 1809 г. Австрии свобода маневра России, некогда настолько широкая, что и Павел, и Александр могли себе позволить в считанные годы менять внешнеполитический курс на 180° от войны к союзу с Францией, практически сошла на нет. За Неманом и Бугом, прямо на пороге Российской империи стояли французские солдаты, и в Петербурге имели все основания опасаться, что Наполеону действительно «пришла охота» потянуться за второй половиной яблока.

Кроме того, трезвый взгляд на современную ситуацию убеждал в том, что Наполеон уничтожил европейские позиции России. В частности, резко упало влияние России в Германии, еще недавно существовавшее фактически, зафиксированное юридически и закрепленное династически. Достаточно сказать, что немками были бабка, мать и жена Александра, замужем за германскими князьями были и четыре из пяти его сестер.

Наряду со структурными и долговременными причинами война стала порождением и конкретных русско-французских противоречий. Безусловно, одно из наиболее важных среди них — это судьба континентальной блокады. И без того приступив к ней без всякого энтузиазма, Россия год за годом отходила от экономической войны против Англии, торгуя с ней через посредство судов нейтральных государств.

Принятие таможенного тарифа в декабре 1810 г. нанесло серьезный удар французской торговле с Россией. Более же всего Наполеона раздражало то, что Россия продолжала настаивать на своем праве торговать с нейтральными странами, особенно с США. Французский император подозревал, что в действительности под американским флагом в порты России заходили английские суда. Без участия же России планы экономически изолировать Англию превращались в фикцию. При той важности, которую занимала континентальная блокада в планах Наполеона, можно сказать, что французский император отправился на восток не только для того, чтобы сокрушить Россию, но и затем, чтобы в русских лесах нанести поражение Англии.

Помимо недовольства континентальной блокадой, Россия беспокоилась за судьбу двух традиционных направлений своей внешней политики — восточного вопроса и Польши. Говоря о важности для России восточного вопроса, французский посол в Петербурге А.-Л. де Коленкур писал Наполеону: «Присоединяйте, Ваше Величество, Италию, даже Испанию, меняйте династии, создавайте королевства... одним словом, хотя бы весь свет перевернулся вверх дном, но если Россия получит Константинополь и Дарданеллы, ее... можно будет заставить на все смотреть спокойно». Однако Наполеон за годы союза с Россией так ни разу и не вышел за пределы расплывчатых намеков и обещаний, чем в конце концов породил сильнейшее разочарование и осознание того, что в восточном вопросе Франция недружественна России.

Идея восстановления Польши, возникнув фактически немедленно после ее раздела, стала постоянной темой в международных отношениях и предметом самого ревнивого внимания Петербурга. В России всерьез опасались, что Наполеон, с такой легкостью устроивший «большой европейский маскарад» монархов и династий, захочет пересмотреть и, казалось бы, решенную судьбу Польши. Начиная с Эрфурта российское правительство неоднократно требовало от Наполеона, чтобы он в письменной форме категорически заявил о невозможности восстановления Польши. В начале 1810 г. даже была составлена соответствующая конвенция, в которой, помимо прочего, говорилось, что в официальных актах Варшавского герцогства не должны употребляться слова «Польша» и «поляки». Однако Наполеон отказался ее подписать, чем еще более усилил подозрения Александра. Постепенно польский вопрос превратился в один из постоянных очагов напряженности во франко-русских отношениях вплоть до войны 1812 г.

К объективно существовавшим противоречиям добавлялся и груз накопленных мелких обид: Александра беспокоила судьба его германских родственников, особенно аннексия герцогства Ольденбургского, Наполеон не простил отказа в браке с сестрой царя и т. д. С 1811 г. франко-русские отношения стали приобретать характер кризиса, выход из которого обе стороны видели в войне.

В преддверии войны обе стороны постарались обеспечить себе благоприятные внешнеполитические условия и заручиться поддержкой союзников. Принимая во внимание то обстоятельство, что почти все европейские государства контролировались Наполеоном, Россия в остававшемся ей узком про-

**Дипломатическая
подготовка войны
1812 г.**

странстве смогла добиться значительных успехов. Прямо накануне войны русская дипломатия успевает подписать три важнейших договора.

Первым из них было заключение союза со Швецией в апреле 1812 г. Несмотря на то что в 1810 г. наследником шведского престола при бездетном короле Карле XIII неожиданно был избран бывший французский маршал Бернадот, экономические интересы по-прежнему толкали Швецию к Англии. Желая заставить Швецию более последовательно проводить континентальную блокаду, Наполеон в январе 1812 г. вновь оккупировал Шведскую Померанию — но в реальности добился противоположного результата. Французское вторжение оказалось последним толчком к союзу Швеции и России.

Вторым важным дипломатическим документом стал подписанный в мае 1812 г. *Бухарестский мир* с Османской империей, закончивший войну 1806—1812 гг. Россия получила Бессарабию, часть Кавказского побережья Черного моря; вместе с тем Молдавия и Валахия возвращались Турции. Однако гораздо более важным, чем территориальные приобретения, было стратегическое значение этого мира. Благодаря подписанию договоров со Швецией и с Турцией Россия за считанные недели до наполеоновского вторжения обеспечивала стратегическую безопасность своих юго-западного и северо-западного флангов.

Третий договор, подписанный в начале июля в шведском городе Эребру, имел особое значение. *Эребруский мир* состоял из двух идентичных договоров между Россией и Англией, а также между Англией и Швецией. В них говорилось о восстановлении мира, о взаимном признании принципа наибольшего благоприятствования и об обязательстве защиты сторонами друг друга в случае нападения третьей державы. Иными словами, важность этого документа заключается даже не столько в том, что он завершил англо-русскую войну 1807—1812 гг., сколько в том, что тем самым было положено начало формирования Шестой коалиции, которая окончательно сложится в 1813 г.

Однако этими успехами свобода дипломатического маневра России практически была исчерпана. Попытки найти себе союзников за Неманом, в первую очередь в лице Пруссии и Австрии, окончились неудачей.

В отличие от России для Франции задача дипломатического обеспечения предстоявшей войны была гораздо более простой. Необходимо было лишь мобилизовать ресурсы прямо и косвенно зависевших от Наполеона государств — Рейнского союза, Итальянского королевства, Варшавского герцогства и т. д. Единственную трудность могло представлять только привлечение на свою сторону недавно побежденных и формально все еще самостоятельных германских держав — Австрии и Пруссии. Однако Австрия не заставила долго себя убеждать. Меттерних в рамках своей стратегии выжидания явно недооценивал военную мощь России и в марте 1812 г. легко пошел на формальный союз с Наполеоном. По условиям договора Австрияставляла корпус в 30 тыс. человек, но под своим командованием, оговаривала себе возможность получения Иллирийских провинций и — многолетняя мечта — прусской Силезии. Одновременно Меттерних сохранял независимость позиции Австрии на будущее: коман-

дующий австрийским корпусом получил секретную инструкцию не вступать в активные боевые действия; не прерывались и тайные связи с Лондоном и Петербургом.

Еще раньше, в феврале 1812 г., Наполеон вынудил прусского посланника в Париже подписать договор о союзе, по которому Пруссия предоставляла 20-тысячную армию, разрешала свободный проход войск по своей территории и неограниченное право реквизиций.

Таким образом, накануне войны 1812 г. и русская, и французская дипломатия полностью постарались извлечь максимум пользы из существовавшей в Европе расстановки сил. Сделав все возможное, дипломаты уступили место военным.

Поражение Наполеона в России. Шестая коалиция

С началом Отечественной войны 1812 г. активность дипломатии европейских государств значительно сократилась — все ждали результатов великого столкновения. По сути, дальнейшая судьба Наполеоновской империи и европейского континента решалась непосредственно на полях сражений. Не имея возможности рассматривать хорошо известные подробности похода Наполеона в Россию, остановимся на его политических результатах.

Попытавшись приложить свою европейскую стратегию быстрых маршей и решающих сражений к качественно иным масштабам России, Наполеон привел Францию к самому катастрофическому поражению в ее истории. Из 600-тысячной «великой армии», в июне 1812 г. подошедшей к границе России, в декабре смогли вернуться во Францию не более 20 тыс. человек.

Военная катастрофа привела к коренному изменению и политической ситуации в Европе, в частности к быстрому формированию Шестой коалиции.

Во многом решающей оказалась позиция Пруссии. Исход французов из России породил огромный всплеск немецкого национализма, под непосредственным влиянием которого принимались и многие внешнеполитические решения, и, в частности, *Таурогенская конвенция* (декабрь 1812 г.), заключенная командующим прусским контингентом французской армии генералом Йорком без ведома прусского короля. Конвенция, в которой говорилось о нейтрализации прусских войск, представляла собой открытое нарушение Парижского союзного договора с Францией и стала сигналом к переориентации прусской политики. Под давлением массового антифранцузского общественного мнения колебавшийся Фридрих Вильгельм III в феврале заключил *Калишский договор* с Россией «о мире, дружбе и союзе». В нем говорилось о восстановлении Пруссии в границах 1806 г., за исключением польских земель, вошедших в герцогство Варшавское, а также о компенсации Пруссии северо-германскими территориями. 27 марта 1813 г. Пруссия объявила Франции войну.

Тем самым возникла русско-прусская ось, вокруг которой проходило дальнейшее формирование коалиции. Союзники были всерьез заинтересованы в умножении их рядов, поскольку Наполеон со своей наспех собранной новой армией в мае нанес им два тяжелых поражения в Баварии и Саксонии. Однако и французские потери были столь значительными, что в начале июня 1813 г. Наполеон пошел на заклю-

чение *Плесвицкого перемирия*. Позднее Наполеон назвал это перемирие самой большой глупостью в своей жизни. Действительно, несмотря на то что обе стороны использовали продлившееся до августа перемирие для вооружений и продолжения войны, в гораздо большем выигрыше оказались союзники, поскольку именно во время этой паузы практически завершилось формирование Шестой коалиции. Еще в апреле к Пруссии и России примкнула Швеция, а в июне 1813 г. состоялся решающий прорыв — были подписаны *Рейхенбахские конвенции*.

Всего было подписано три договора. Англо-прусский договор о помощи и субсидиях предусматривал: участие в войне против Франции 80 тыс. прусских солдат, за что Великобритания обязывалась ежемесячно выплачивать 666 666 фунтов стерлингов; английский флот должен был защищать с моря прусские владения и торговлю; по дополнительной секретной статье Англия обязывалась поддержать восстановление Пруссии в границах 1806 г. Аналогичными были условия англо-русского договора, по которому за армию в 160 тыс. человек Лондон выплачивал ежемесячную субсидию в 1 млн 133 тыс. фунтов стерлингов. Наконец, согласно австро-прусско-русскому договору, Австрия соглашалась объявить Франции войну, если до истечения срока перемирия она не примет следующих условий: раздел Великого герцогства Варшавского между Австрией, Россией и Пруссией; вывод всех гарнизонов из Польши и Пруссии, возврат Австрии Иллирийских провинций.

Последний договор имел особое значение, поскольку Австрия впервые ясно заявила о своей готовности участвовать в коалиции. До этого Меттерних продолжал лавировать между Францией и союзниками, желая, с одной стороны, избежать поспешного выступления и очередного поражения от Наполеона и, с другой — выжидая момент, чтобы занять в коалиции главенствующее положение. Решающей оказалась личная встреча Меттерниха и Наполеона в конце июня в Дрездене, где австрийский канцлер изложил свою программу территориальных уступок Франции — уступок, тем не менее позволявших Наполеону не только сохранить трон, но и завоевания, далеко выходящие за пределы «естественных границ» Франции. Столкнувшись с категорическим отказом, Меттерних понял, что единственным выходом остается война. Это подтвердили и результаты работы так называемого *Пражского мирного конгресса* — последней попытки союзников склонить Наполеона к уступкам перед истечением 10 августа срока перемирия. «Странный конгресс», в успех которого не верил ни один из участников и на который французский представитель прибыл с двухнедельным опозданием и единственной инструкцией — тянуть время, был закрыт в полночь с 10 на 11 августа. Через день Австрия объявила Франции войну.

Осенняя кампания Шестой коалиции

Начав боевые действия в середине августа, Шестая коалиция завершила официальное оформление союзных отношений договорами в *Теплице*. 9 сентября 1813 г. Меттерних, Нессельроде (Россия) и Гарденберг (Пруссия) подписали шесть двусторонних договоров, в которых формулировались цели коалиции — восстановление Пруссии и Австрии в границах 1805 г.; восстановление испанского и португальского королевских домов,

а также захваченных Наполеоном северо-западных германских государств; роспуск Рейнского союза при сохранении суверенитета его участников. В начале октября Великобритания признала эти цели коалиции, подписав также в Теплице договор с Австрией, который, помимо прочего предусматривал субсидии в размере 1 млн фунтов стерлингов и территориальное увеличение английского Ганновера. Тем самым к осени 1813 г. сложилась и была юридически закреплена самая мощная коалиция с начала революционных войн.

Первый этап войны носил отчетливый германский характер: в Германии сражались войска, за Германию боролись дипломаты. Еще до решающего успеха на военном фронте союзники добились важной победы на фронте политическом. 8 октября 1813 г. был подписан *Ридский договор* между Австрией и Баварией. Опираясь на национальными аргументами, в частности угрожая баварскому королю тем, что против него взбунтуется собственная армия, Меттерних добился перехода на сторону союзников одного из главных германских сателлитов Наполеона. Бавария обязывалась выйти из Рейнского союза, добровольно за компенсацию вернуть отторгнутые габсбургские области и предоставить в распоряжение союзников по Шестой коалиции значительный воинский контингент. Со своей стороны союзники гарантировали Баварии ее суверенитет и целостность ее территории. Тем самым в системе германских союзников Наполеона была пробита решающая брешь: монархи Рейнского союза увидели, что со стороны союзников их владениям и коронам ничто не угрожает. После знаменитой «Битвы народов» под Лейпцигом 16—19 октября 1813 г. договоры по образу и подобию Ридского заключили 29 немецких монархов. Стали разваливаться и главные творения Наполеона в Германии — Вестфальское королевство и Великое герцогство Франкфурт. В итоге к концу 1813 г. от некогда мощной союзной системы в Германии во французских руках остался только Гамбург, который маршал Даву будет оборонять вплоть до конца войны. В декабре 1813 г. Наполеон был вынужден сдать свои позиции в Испании — в декабре 1813 г. французский император признал восстановление территориальной целостности Испании и Фердинанда VII в качестве испанского короля. В начале 1814 г. Наполеон лишился еще одного союзника — Дания подписала *Кильские мирные договоры* с Великобританией и со Швецией. По шведско-датскому договору Дания уступила Швеции Норвегию, получив в качестве компенсации Шведскую Померанию и о. Рюген. По договору Дании с Великобританией последняя возвращала Дании все захваченные ею в ходе войны датские владения, кроме о. Гельголанд.

Кампания 1814 г.

После краха наполеоновского господства в Германии и достижения союзными войсками Рейна перед союзниками встала важная политическая проблема: что делать с Францией, ее границами и ее императором? Ответ на этот вопрос союзники давали уже исходя не столько из военной необходимости, сколько из своего видения послевоенного устройства Европы. Первоначально и долгое время участники коалиции выступали за сохранение «естественных границ» и Наполеона на французском троне.

Эта точка зрения нашла отражение и в так называемых «франкфуртских предложениях» начала ноября 1813 г. — очередной попытке союзников побудить Наполеона к заключению мира. Вдохновителем этой инициативы был Меттерних, желавший сохранить возможно сильную Францию против слишком усилившейся России. После отказа Наполеона союзные войска на рубеже 1813 и 1814 гг. перешли Рейн.

Однако близость победы лишь умножала разногласия в стане союзников. Меттерних и Каслри, который совершил редкий для английского министра иностранных дел поступок, лично прибыв в штаб-квартиру союзников, выступали за ведение мирных переговоров. Александр и поддерживавшие его прусские политики требовали марша на Париж. Таким образом, уже в это время стала обозначаться расстановка сил Венского конгресса: Россия и Пруссия — Англия и Австрия. В качестве компромисса Каслри предложил созвать *конгресс в Шатильоне*.

Конгресс проходил в феврале — марте 1814 г. на фоне переменных успехов армий союзников и Наполеона. На конгрессе представлявший Францию Коленкур уже склонялся к тому, чтобы подписать соглашение на основе границ 1792 г., но Наполеон после ряда военных успехов потребовал «естественных границ», компенсаций в Италии и т. д. В итоге конгресс закончился безрезультатно.

Параллельно переговорам в Шатильоне союзники 1 марта 1814 г. заключили *Шомонский договор*, который, с одной стороны, преследовал цель оказать давление на позицию Наполеона на переговорах, а с другой — шел гораздо дальше, конкретизируя цели союзников по окончании войны. По предложению Каслри четыре великие державы — Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия — заключили между собой оборонительный и наступательный союз в целях «сохранения равновесия в Европе». Он состоял из шести двусторонних договоров. Помимо статей, трактовавших военные обязательства (выставить армии по 150 тыс. человек, не заключать сепаратный мир и т. д.), в Шомоне были намечены и первые контуры послевоенной Европы, позднее отразившиеся в Парижских мирах и решениях Венского конгресса: независимость государств Германии и ее федеративное устройство; восстановление власти Бурбонов в Испании; восстановление независимости Швейцарии и ее внешняя гарантия; расширение территории Голландии. Договор был заключен на 20 лет и возобновлен на Венском конгрессе.

Вскоре решилась и судьба Наполеона. Некоторое время в стане союзников не было единства по поводу кандидата на французский престол. Первое время на нем планировали оставить Наполеона, хотя Александр I подумывал и о кандидатуре Бернадота; называлось и имя сына Наполеона. Однако неуступчивость Наполеона, проявленная на Шатильонском конгрессе, привела к тому, что возобладала мысль о том, что во Франции должны быть реставрированы Бурбоны. После решающего поражения при Арси-сюр-Об 21 марта 1814 г. был открыт путь на Париж, который капитулировал 30 марта. На следующий день Наполеон согласился признать границы 1792 г., но триумфально въезжавшие в Париж союзники уже ничего не хотели об этом слышать. 6 апреля Наполеон отрекся от престола. По договору от 11 апреля союзники наряду с выплачиваемой Наполеону ежегодной пен-

сии в 2 млн франков предоставили в его пожизненное владение маленький средиземноморский остров Эльба. Оговаривалось, что Наполеон мог и впредь носить титул императора (эти статьи не подписали англичане, никогда не признававшие за Наполеоном этого титула). Его супруга получала герцогства Парма, Пьяченца и Гасталла с последующей передачей их сыну.

Окончание войны. Первый Парижский мир

Формальное прекращение состояния войны было осуществлено посредством мирного договора с новым французским королем — Людовиком XVIII Бурбоном, братом казненного короля.

Первый Парижский мир, т. е. четыре двусторонних договора Франции с державами-победительницами, был подписан 30 мая 1814 г. монархами четырех великих держав — Людовиком XVIII, Александром I, Фридрихом Вильгельмом III, Францем I и Каслри, представлявшим Георга III. Позднее к нему присоединились Швеция, Португалия и восстановленный на испанском троне Фердинанд VII. По условиям мира границы Франции определялись по состоянию на 1 января 1792 г., т. е. с приращениями в ее пользу в Пфальце и Саарбрюккене на германской границе, Мариенбурга — на бельгийской, а также в Савойе. Голландия расширяла свои территории за счет Южных Нидерландов; германские государства восстанавливали независимость и вступали в федеративную связь; Сардинии не только возвращали Пьемонт и Савойю, она получала и Геную; Франция признавала нарушенный Наполеоном суверенитет Швейцарии и итальянских государств. Колониальные споры разрешались следующим образом: Англия окончательно получала Мальту, острова Иль де Франс (Маврикий) и Сейшельские в Индийском океане, а также острова Тобаго и Св. Луция — в Тихом, остальные колонии возвращались Франции; Франция отказывалась в пользу Испании от Сан-Доминго, а Испания в пользу Франции — от бывшей Французской Гвианы и Гваделупы. В остальных статьях оговаривалась свобода плавания по Рейну; запрет политических преследований и свобода выезда в течение шести лет для жителей обмениваемых территорий; в договоре с Англией Франция обязывалась отменить рабство в своих колониях в течение пяти лет и т. д. Этот мир лишал силы предыдущие (Базельский, Прессбургский, Тильзитский и Шенбруннский).

В целом, учитывая масштаб наполеоновской экспансии, условия мира были более чем мягкими: на Францию не налагалось контрибуции, ее территория не была оккупирована, союзники отказались даже от возвращения награбленных Наполеоном предметов искусства (лишь Пруссия вернула на Бранденбургские ворота в Берлине знаменитую квадригу), а понятие «дореволюционные границы» трактовалось настолько широко, что Франция даже получила новые территории с населением в 600 тыс. человек. С одной стороны, здесь проявилось дипломатическое искусство Талейрана, с успехом доказывавшего, что, поскольку война велась не против Людовика XVIII, налагать на него тяжелые условия несправедливо. Вместе с тем такие условия вполне соответствовали целям союзников, которые еще в своей пропаганде, сопровождавшей вторжение через Рейн, подчеркивали, что война ведется не против Франции, а против Наполео-

на, и не хотели создавать политических затруднений только что реставрированной монархии Бурбонов. Однако главное заключалось в том, что основной политической задачей при подписании мира было не наказание и не достижение абстрактной справедливости, а создание нового европейского порядка, немыслимого без относительно сильной Франции. При подписании мира особенно заметным было влияние Каслри и Меттерниха, задачей которых было сохранить Францию в качестве определенного противовеса России и вместе с тем оградить себя от возможного повторения французской экспансии укреплением государств на ее границах. Тем самым в договорах отчетливо проступали будущие решения Венского конгресса, созыв которого в течение двух месяцев оговаривался в статье 32 Первого Парижского мира.

Часть II. Международные отношения в 1815—1914 гг.

Глава 7. Характерные черты международных отношений в 1815—1914 гг.

Особенности развития международных отношений в XIX в. главным образом вытекали из того обстоятельства, что в это время происходили принципиальные, фундаментальные изменения в жизни западного общества и государства. Так называемая «двойная революция» конца XVIII в., т. е. начавшийся в Англии промышленный переворот и Французская революция, стали точкой отсчета для проходившего в течение всего следующего столетия процесса *модернизации*, в ходе которого на смену традиционному сословно поделенному аграрному обществу на историческую сцену вступала современная массовая промышленная цивилизация. Модернизация выражалась во множестве изменений, часто революционного характера, прямо или косвенно отражавшихся на международных отношениях (демографический взрыв, транспортная революция, новое звучание социального вопроса, появление политических идеологий, прорыв демократизации и общественного мнения и т. д.). Ведя свой отсчет от «дипломатии королей» Старого порядка и пройдя переходную стадию революционных и Наполеоновских войн, международные отношения Нового времени отныне развиваются в совершенно иной исторической среде — в изменившемся мире XIX в. В новой среде во многих отношениях изменяются и сами международные отношения — начиная от факторов внешней политики отдельных государств и заканчивая системой международных отношений.

Внешняя политика

Новое государство

Главным субъектом на международной арене в это время по-прежнему остается суверенное государство, хотя именно в XIX в. определенную роль начинают играть и негосударственные участники международных отношений — национальные движения, разного рода политические объединения, пацифистские движения и т. д.

Вместе с тем с самим государством происходят серьезные изменения. Государство абсолютизма, различные формы которого преобладали в Европе к началу Французской революции, в эпоху модернизации утрачивало свои позиции сразу на трех основных уровнях — с точки зрения непосредственного отправления власти, ее легитимации и ее эффективности.

В начинавшуюся эпоху демократизации государство постепенно теряет свою традиционную многовековую династическую и религиозную поддержку. Отныне монархи уже не рассматривают государство как свое «владение и собственность», публично-правовая сфера окончательно отделяется от частноправовой. В сфере международных отношений это ярче всего проявилось в полном исчезновении феномена войн за наследство, а на дипломатическом уровне — в постепенном умалении вопросов первенствования и ранга, столь характерных для Старого порядка. С прогрессом секуляризации государство утрачивает и другую традиционную опору в лице божественной санкции.

Потеряв старые опоры, государство крайне остро нуждалось в новых. В итоге этот кризис легитимации политического господства был преодолен с помощью ссылки на новый авторитет — нацию. Так постепенно складывалась новая форма государственности — *национальное государство*, предполагавшее совпадение ареала «единой и неделимой» нации с границами государства и участие нации в его управлении. Процесс образования национальных государств, в некоторых странах начавшийся еще до Французской революции, продолжался в течение всего XIX в. и по большей части представлял собой различные формы симбиоза традиционного государства с национальной идеей.

Таким образом, по сравнению с XVII—XVIII вв. в лице национального государства на международной арене заявляет о себе совершенно новый персонаж — основанное на институтах, деперсонализированное, бюрократическое государство. Демократизация, национализация и идеологизация, появившиеся во Французской революции как тенденции, теперь превращались в институты и продолжали оказывать большое влияние на внешнюю политику. Одним из самых ярких свидетельств демократизации стал прорыв общественного мнения — уже не в отдельных странах, а в трансатлантическом масштабе.

Общественное мнение и пресса   Общественное мнение в XIX в. превратилось в мощную силу благодаря сочетанию целого ряда факторов — демократизации политического устройства, росту грамотности, принесенным Промышленной революцией новым возможностям коммуникации и распространения информации и т. д. Не будучи величиной материальной и выражаясь в трудно осязаемых формах газетных статей, речей, заявлений, разного рода публичных манифестаций, общественное мнение стало тем не менее одним из самых мощных факторов воздействия на внешнюю политику. Уже в первой половине XIX в. ссылки на общественное мнение в качестве мотивировки внешнеполитических действий стали в дипломатической переписке таким же общим местом, каким в предыдущем столетии были ссылки на волю короля.

Вместе с тем влияние общественного мнения и внешней политики было взаимным. С одной стороны, внешняя политика теперь делалась в обстановке постоянного давления снизу, которое иногда едва ли не диктовало политические решения, как, например, во время Рейнского кризиса 1840 г. или начала франко-германской войны 1870 г. Почти нормой становится отставка правительства под дав-

лением общественного мнения в результате неудачи во внешней политике. С другой стороны, правящие круги во всех странах прибегали к практике осознанного систематического воздействия на общественное мнение и превращения его в новый, современный инструмент внешней политики. Средствами воздействия на общественное мнение в других странах служили, в частности, разного рода контакты с видными общественными и парламентскими деятелями за рубежом, вплоть до их прямого подкупа, и особенно пресса.

С расширением круга читающей публики и постепенным превращением прессы в «четвертую власть», во внешней политике, по существу, открывается новое измерение. Общественное мнение превращается в реальную силу — и именно газета с ее передовицами на международную тематику, постоянной колонкой с выдержками из иностранной прессы и официальными заявлениями правительства становится главным источником информации общества о международной политике и, соответственно, главным способом воздействия на него. Вместе с тем пресса становится и одной из самых важных составляющих межгосударственных отношений, новым средством осуществления внешней политики. Не случайно в XIX в. практически во всех министерствах иностранных дел появляются новые структурные подразделения — отделы прессы с задачами мониторинга и влияния на прессу. Газетная палитра, включавшая в себя огромное многообразие официальных, полуофициальных, партийных, конфессиональных, региональных и прочих изданий; возможность самых разных публикаций — официальных заявлений, утечек «из достоверных источников», опровержений, писем читателей и т. д.; широкая гамма «тона» прессы — от благожелательного до угрожающего; варьирование масштаба — от одиночной публикации зондирующего характера до крупных «газетных кампаний» и «газетных войн» — все это давало большие возможности для проведения самых разных дипломатических комбинаций, вплоть до провоцирования войны. Классический пример — франко-германская война 1870 г., которая началась с инспирированной Бисмарком газетной публикации.

Вместе с тем специфика прессы как внешнеполитического инструмента заключалась в том, что в силу своей относительной и к концу века все более возрастающей свободы от правительственного влияния она не всегда выступала как объект манипулирования, иногда превращаясь в обоюдоострое оружие. Относительная свобода прессы означала, в частности, возможность воздействия на нее иностранных правительств, оплачивавших из специальных фондов появление определенных публикаций, но главное — заявление позиций, которые далеко не всегда совпадали с официальными и к которым правительство часто было вынуждено прислушиваться. Так, например, Великобритания была вовлечена в Крымскую войну в значительной степени под влиянием потока публикаций, сформировавших антирусское общественное мнение.

Под воздействием демократизации появились и другие методы дипломатической деятельности, призванной учитывать общественное мнение и влиять на него. Помимо отделов прессы при европейских МИДах, большое значение имела практика издания так называемых «цветных книг» — как правило,

«Цветные книги»

ежегодно публиковавшиеся официальные подборки дипломатических документов. Подобные публикации, время от времени осуществлявшиеся в Англии еще в XVII—XVIII вв., с середины XIX в. становятся общеевропейской практикой. К уже имевшимся английским «синим книгам» в 1861 г. добавились «желтые» французские и «зеленые» итальянские; в 1868 г. за ними последовала первая австрийская «красная книга», а в 1870 г. — германская «белая»; наконец, в 1906 г. первая «красная книга» появляется и в России.

«Цветные книги» имели несколько адресатов. В первую очередь они предназначались для парламента собственной страны, а также для общественного мнения по обе стороны границы. Вместе с тем «цветные книги» стали и неотъемлемой частью высокой политики, поскольку через их посредство могли быть заявлены или сокрыты позиции правительства по какому-либо вопросу. С этой целью дипломатические документы не только самым тщательным образом отбирались, но и сокращались, дополнялись и даже писались специально для будущей публикации. Неудивительно, что нарисованный подобными средствами облик внешней политики, при всей своей кажущейся документальной достоверности, напоминал скорее не фотографию, а парадный портрет, изображавший политику правительства не такой, какой она была, а такой, какой хотели ее представить.

Наряду с успехами демократизации, проявившимися как на уровне государственных институтов, так и в дальнейшей политизации масс, в XIX в. продолжились и две другие тенденции, начатые Французской революцией и оказывавшие глубокое влияние на международные отношения, — идеологизация и национализация.

Идеологизация

XIX в. вошел в историю как век идеологий. Именно в это время появляются и организуются в политические партии все основные существующие по сей день идеологии — консерватизм, либерализм и социализм. Тем самым была добавлена новая черта во взаимовосприятии друг друга различными странами и народами, когда политика какого-либо государства на международной арене оценивалась еще и с точки зрения воплощаемых этим государством идеологических ценностей. Такой подход был особенно заметным в первой половине века, когда явственно наметилось противостояние либеральных Франции и Англии, с одной стороны, и консервативных России, Австрии и Пруссии — с другой. В основе подобного противостояния лежал все тот же процесс демократизации политической системы и политизации масс, который привел к власти в обеих западных державах соответствующие силы, в то время как в трех восточных сохранялись традиционные правящие элиты. С точки зрения международных отношений гораздо меньшее значение имели попытки надгосударственного сотрудничества представителей отдельных идеологических течений, например деятельность знаменитого II Интернационала. В целом, при всей своей значимости, идеологическая составляющая внешней политики в XIX в. никогда не играла первенствующей роли и еще более утратила свои позиции во второй половине столетия. Показательно, что в новый век Россия вступала в союзе с либеральной Англией и республиканской Францией против идеологически более близких Австро-Венгрии и Германии. Очень часто идеологии использовались инструментально, в качестве средств

ва достижения более приземленных внешнеполитических целей. Напротив, идеологические мотивы отступали всякий раз, вступая в противоречие с более весомыми факторами внешней политики. Одним из таких факторов был национализм.

Национализация

В XIX в. национализм проявлял себя в международной политике самым разнообразным образом. Основным субъектом международных отношений постепенно становилось национальное государство; в принятии внешнеполитических решений все большую роль играла националистическая идеология; национальные движения приобретали большое значение, иногда выступая, по сути, в роли негосударственных участников международных отношений; создавая новые крупные государства и разрушая империи, национализм оказывал серьезное воздействие на систему международных отношений.

Сближение государства и нации проходило в два основных этапа. Приблизительно до середины века они выступали скорее в роли политических антиподов: монархи боролись против национальной идеи как против наследия Французской революции, в то время как либеральные и демократические силы требовали своего участия в политической жизни именно на основе представления о нации как политически самоуправляющемся народе. Отчетливо проявившиеся во второй половине века социальные последствия модернизации, а также кризис традиционной политической власти, наглядно продемонстрированный волнами европейских революций, привели к переменам. Реформы избирательного права постепенно допускают к политической жизни все более широкие слои, а государство начинает черпать свою легитимность в нации.

Во внешней политике этот процесс проявился двояким образом. С одной стороны, подобно тому что происходило с идеологиями, традиционные правящие элиты часто использовали национальную идею инструментально, в качестве средства достижения своих целей. Классический пример — политика объединителей Германии и Италии Бисмарка и Кавура, которые, даже создавая единые государства и добиваясь ревизии существовавшей системы международных отношений, допускали лишь дозированную поддержку со стороны немецкого и итальянского национальных движений. Таким же инструментом в руках великих держав национальный фактор выступал в борьбе против многонациональных империй — практически каждая война сопровождалась попытками организовать волнения и даже вооруженные выступления недовольных народов — поляков против России, венгров против Австрии, сербов против Турции и т. д.

С другой стороны, взаимосвязь традиционной политики и национализма была и обратной. Пытаясь первоначально использовать национальную идею как своего рода политическую мимикрию, государство и в действительности во все большей степени воспринимает содержательную сторону политической философии национализма; к последним десятилетиям XIX в. правящая элита во многих странах приобретает национальный образ мысли; именно благодаря деятельности государства, и в первую очередь содержанию школьного образования, национализм становится подлинно массовым явлением.

В сфере внешней политики подобные процессы особенно явно сказались на возникновении и протекании международных конфликтов. Отныне сами линии конфликтного противостояния определяются помимо прочих, и специфически национальными мотивами, в частности конкретным представлением о нации и ее врагах. Внутренне присущий национализму конфликтный потенциал, а также способность воздействовать на эмоциональную сферу часто приводили к тому, что и само протекание конфликта становилось более интенсивным. В целом национальная идея, вступая в различные сочетания с традиционной политикой, постепенно превращалась в одну из ведущих сил, определявших внешнюю политику государств.

Вместе с тем наряду с успехами демократизации, идеологизации и национализации — политического наследия революции во Франции, во внешней политике появляется и целый ряд других факторов, ведущих свое происхождение скорее от Англии. «Век девятнадцатый, железный» породил еще одну тенденцию, которую можно обозначить как «экономизация» внешней политики, происходившая под решающим воздействием промышленного переворота.

Промышленный переворот

В первую очередь промышленный переворот кардинальным образом изменил представления об экономической составляющей государственной мощи. Безусловно, короли прошлого также соизмеряли внешнюю политику с экономическим потенциалом своего государства, однако только промышленная революция вывела экономический фактор на первый план, перенесла акцент в различиях экономического развития отдельных государств с количества на качество. Экономической основой механистического равновесия XVII—XVIII вв. были параметры по преимуществу количественные, в первую очередь численность населения и размер «казны», от которого зависела возможность набрать наемников. Отклонения от общей шкалы технологического развития в пользу какой-либо из держав были незначительными и легко нивелировались с помощью изменения одного из двух количественных показателей. Напротив, принесенные промышленной революцией качественные различия в экономическом развитии были настолько велики, что возникла несравненно более жесткая зависимость между экономикой и государственной мощью: успех промышленного переворота в отдельных странах превращался едва ли не в вопрос жизни или смерти.

В течение XIX в. промышленная революция по-разному и не синхронно воздействовала на различные страны и регионы, создавая своеобразную рваную динамику экономического развития, влиявшую на сдвиги в европейском равновесии. Вместе с тем в целом существовала тенденция к некоторому нивелированию экономического развития: если первая половина века была отмечена полным и безусловным лидерством Англии, промышленной страны в ремесленной Европе, то к его концу с завершением в большинстве стран континента промышленного переворота великие державы вновь расположились на одной шкале, хотя и с значительными разрывами.

Промышленная революция существенно повлияла и на внешнеполитические мотивы отдельных стран. Если XVIII в. был эпохой

«династического интереса», то XIX — во многом интереса «экономического». Произошла своеобразная экономизация межгосударственных отношений: экономика в значительно большей степени определяет цели внешней политики (сырье, рынки, защита интересов отечественных компаний и т. д.); экономика дает новые средства для достижения этих целей («таможенные войны», займы, политика инвестиций и т. д.), экономика рождает новые конфликты. Классическим примером осуществления внешнеполитических целей государства с помощью экономических инструментов может служить борьба между Пруссией и Австрией в середине XIX в., когда с помощью таможенной и торговой политики, по сути, решался вопрос о преобладании в Германии. Особенно ярко новые экономические черты проявились в политике Великобритании. Не случайно именно английские министры иностранных дел Кларендон и Рассел одними из первых в Европе стали требовать от послов регулярных статистических отчетов об экономике их стран пребывания.

Наконец, огромное значение для международных отношений имела такая сторона промышленного переворота, как революция транспорта и средств коммуникации.

Паровоз, пароход и телеграф принесли с собой преодоление вековой враждебности пространства как новую геополитическую реалию. Далекое становилось близким. В этих условиях приходилось пересматривать устоявшиеся представления о политических следствиях географического положения какой-либо страны. Трансконтинентальные железные дороги, соединяющие океаны каналы, новые скорости преодоления старых пространств — все это заставляет политиков в разных странах, выражаясь языком основоположника геополитики Ф. Ратцеля, «мыслить географией». Транспортная революция стала и мощным фактором внутренней консолидации и экономического роста затронутых ею стран, укрепляя тем самым их позиции на международной арене. Кроме того, транспортная революция была самой первой и самой необходимой предпосылкой нового качества колониальной экспансии и процесса глобализации международных отношений. Железные дороги становятся зримой реальностью международных отношений, их строительство может стать причиной сближения или, наоборот, конфликта между странами — как в случае с проектом Багдадской железной дороги, обострившей англо-германские и русско-германские отношения. Проекты строительства железных дорог иногда оказываются там, где, казалось бы, им совсем не место, — например, в мирном договоре между Австрией и Италией, завершившем австро-итальянскую войну 1866 г. Наконец, транспортная революция способствовала изменению характера войны. Только теперь возникла теоретическая возможность осуществления враждебных действий одного государства против любого другого государства земного шара.

Революция в средствах коммуникации позволила также более полно и мобильно доставлять информацию внешнеполитическому руководству страны. Известие о взятии Бастилии пришло в Вену на девятый день, любая информация из Индии в первой половине XIX в. прибывала в Лондон через 5—6 месяцев, о бегстве Наполеона с о. Эльба участники Венского конгресса узнали лишь на шестой день, когда низвергнутый император был уже на пути к Парижу. С широким рас-

пространением к середине века телеграфа (1858 г. — первая линия между Европой и Америкой) передача срочной информации стала делом часов или даже нескольких минут.

Демографические и социальные сдвиги

Еще одним новым фактором, непосредственно влиявшим на внешнюю политику государств, стал демографический переворот. На XIX в. приходится небывалый рост численности населения. Если при Старом порядке она удваивалась приблизительно за 1000 лет, то вот как выглядела динамика роста населения в XIX в.: в 1850 г. население Европы составляло 266 млн, в 1900-м — 401 млн, а в 1913-м — 468 млн. Беспрецедентный демографический рост, бывший принципиальным, фундаментальным фактором в жизни европейских обществ, не мог не отразиться и на внешней политике.

Увеличение численности европейского населения сказалось на военной мощи государств, а также на колониальной политике. Под впечатлением огромных размеров французских революционных армий практически все европейские государства в течение XIX в. перешли на систему всеобщей воинской повинности. В результате возникла никогда ранее не бывавшая столь прямой зависимость численности армии от численности населения, непосредственно влиявшая на позиции государств на международной арене.

Демографическая революция стала не менее важной предпосылкой глобализации международных отношений, чем революция промышленная. Во-первых, только благодаря ей стали возможными массовые миграции европейцев на другие континенты, в ходе которых человечество распределялось по поверхности земного шара по-новому, обретали вес неевропейские политические величины, в первую очередь США, осуществлялась всемирная экспансия европейской культуры. Во-вторых, распространялись страхи перед перенаселением, и колонии, способные, с одной стороны, принять излишки населения и, с другой — служить новым источником продовольствия и сырья для метрополии, часто рассматривались как спасительное средство.

Последнее обстоятельство перекликается и с внешнеполитическими последствиями социальных сдвигов, порожденных промышленной революцией. Возникновение рабочего класса, кризис традиционных крестьянских и ремесленных слоев, окончательное разрушение сословного общества — все это порождало чрезвычайно острые социальные проблемы, решения которых искали в том числе и в активизации колониальной политики.

Дипломатия

В XIX в. дипломатическая служба, с одной стороны, сохранила многие черты преемственности с прошлым, но, с другой — не могла не испытывать на себе влияние тех новых тенденций, которые определяли жизнь общества в целом. Та же демократизация коснулась дипломатов в нескольких отношениях. В первую очередь существенно изменился характер и механизм принятия политических решений. Эти изменения значительно разнились от страны к стране, но в целом имело место сокращение внешнеполитических прерогатив монархов в пользу правительственных и парламентских

органов. Заметнее всего этот процесс проявился в Англии и во Франции.

МИД Англии

Вплоть до Вильгельма IV (1830—1837) короли продолжали настаивать на своих традиционных внешнеполитических прерогативах, однако с парламентской реформой 1832 г. и со вступлением на престол королевы Виктории (1819—1901) корона все более уступает свои традиционные внешнеполитические полномочия. При всех недостатках политической системы и несовершенстве избирательного права процесс принятия политических решений в Великобритании был наиболее демократичным, поскольку так или иначе они осуществлялись правительством, сформированным на основе парламентского большинства. Ключевую роль в принятии политических решений играл даже не столько министр иностранных дел, сколько премьер-министр, указания которого были обязательными к исполнению и который иногда мог действовать даже за спиной руководителя внешнеполитического ведомства. Вместе с тем в Англии, как нигде, было сильно и коллегиальное начало — в частности, наиболее ответственные решения принимал весь кабинет министров.

В структуре английского МИДа, который с 1808 г. стал официально именоваться Форин Офис, ключевые позиции занимали два подчиненных министру секретаря — постоянный и парламентский. Особенно важными позициями обладал первый, занимавший свой пост постоянно и тем самым обеспечивавший преемственность английской внешней политики при смене правительств. Он же контролировал и четыре из пяти основных территориальных отделов британского МИДа: отдел «Франция», куда входили Франция, Италия, Швейцария и Мадагаскар; отдел «Испания» (Испания, Португалия, Центральная и Южная Америка); отдел «Турция» (Россия, Турция, Греция, Северная Африка, Центральный Восток); отдел «Америка» (США, Китай, Япония, Сиам и некоторые другие). Парламентский секретарь менялся со сменой правительства. В его обязанности входило представление МИДа в парламенте, а также контроль за пятым территориальным отделом — «Германией», ведавшим связями с германскими и скандинавскими государствами, а также с Нидерландами и Бельгией.

Особенностью английского внешнеполитического ведомства было четкое отделение его персонала от собственно дипломатической службы, основные посты в которой по-прежнему занимали аристократы. Первый случай назначения постоянного работника Форин Офиса на дипломатический пост произошел лишь в 1889 г.

МИД Франции

Процесс принятия политических решений во Франции, и в частности взаимоотношения между парламентом, правительством и монархом, самым непосредственным образом зависел от тех бурных политических изменений, которые претерпела Франция в XIX в., когда менялись не только династии, но и формы государственного устройства — Бурбоны, Орлеаны, республика, Вторая империя и вновь республика. Во время Июльской монархии Луи Филиппа Орлеанского (1830—1848) парламент не обладал серьезными возможностями влияния на внешнюю политику, сам же

король предоставлял своим министрам иностранных дел достаточно большую свободу действия, корректируя внешнеполитический курс их периодическими сменами. Вторая империя Наполеона III превратила министров, по существу, в простых исполнителей воли императора, практиковавшего и «личную дипломатию» в обход МИДа и официальных дипломатических структур. Напротив, республиканское устройство (Вторая республика, 1848—1852, Третья республика, 1875—1940), по самой своей сути, означало более широкое влияние парламента на внешнюю политику, ключевыми позициями в которой обладали министр иностранных дел и президент Франции.

После 1825 г. французское Министерство иностранных дел состояло из трех департаментов — политического, торгового, а также из канцелярии. В структуре департаментов по-прежнему выделялись два основных отдела — «Север» (Россия, Англия, германские государства, Нидерланды, Швеция и Дания) и «Юг» (Испания, Португалия, итальянские государства, Швейцария, Турция, Марокко). В 1856 г. был создан отдел «Америка и Индокитай» (обе Америки, Ост-Индия, Китай, Япония и Африка). Особое место во французском МИДе занимал директор политического департамента, который, подобно постоянному секретарю в английском министерстве, обеспечивал преемственность французской внешней политики, особенно необходимую в условиях частой смены глав внешнеполитических ведомств.

Несмотря на все перемены политического курса, французская дипломатия по-прежнему считалась лучшей в Европе. Регулярная смена послов и практика (в полную противоположность Англии) в промежутках между назначениями оставлять их на некоторое время на службе в центральном аппарате приводила к тому, что интересы Франции представляли люди, обладавшие, как правило, гораздо большим политическим кругозором, чем их коллеги по дипломатическому корпусу других стран.

МИД Австрии

В 1848 г. Австрийская империя — последней из великих держав — получает обособленный институт руководства внешней политикой — Министерство иностранных дел. Вместе с тем вновь созданный орган нес на себе отпечаток специфики монархии Габсбургов как многонационального государства с замедленным развитием конституционных и парламентских структур. С одной стороны, внешняя политика подвергалась воздействию разноречивых национальных интересов, с другой — она по-прежнему оставалась в первую очередь делом императора, который лично принимал решения по наиболее важным вопросам, а министр иностранных дел, как и в XVIII в., одновременно являлся министром королевского дома и двора.

В структуре МИДа выделялись четыре секции — политическая, административная, личное бюро министра и вспомогательная (шифры, переводы, архив и т. д.). Непосредственно взаимоотношения с иностранными государствами занималась первая секция, делившаяся на «рефераты» по географическому принципу: I — Восток, куда входили Балканы и Россия, II — Ватикан, III — Германия, IV — Западная и Юго-Западная Европа, а также неевропейские страны.

С заключением в 1867 г. соглашения о создании дуалистической Австро-Венгрии в истории МИДа и всей внешней политики монархии Габсбургов начался новый этап. В Вене и Будапеште смотрели на Австро-Венгрию, соединяемую отныне лишь фигурой общего монарха, а также так называемыми «общими делами» — внешней политикой, армией и обслуживающим их нужды Министерством финансов, совершенно по-разному: в первом случае как на единое дуалистическое государство, во втором — как на объединение двух государств. Соответственно этому венгры требовали равного влияния на внешнюю политику, а самого министра рассматривали как своего рода общего «уполномоченного» по внешним делам от обеих сторон дуализма. Не имея формальных механизмов влияния на назначение министра и выработку внешнеполитического курса, венгры оказывали на внешнюю политику монархии Габсбургов серьезное воздействие благодаря реальному весу своей страны и целому ряду чиновников-венгров в МИДе, в том числе руководителей его секций и даже министров, наиболее значимым из которых был Д. Андраши (1871—1879).

МИД Пруссии и Германии

В Пруссии, как и в Австрии, парламент не имел формальных рычагов воздействия на внешнюю политику, определявшуюся королем и лично назначаемым им главой правительства. Ситуация не изменилась и после создания в 1871 г. Германской империи, поскольку, по конституции, императором мог быть только король Пруссии, назначавший канцлера, фактически неподконтрольного во внешнеполитических вопросах избранному на основе всеобщего избирательного права общегерманскому парламенту — рейхстагу.

Прусское Министерство иностранных дел в целом сохранило свою возникшую в начале века структуру, хотя и с добавлением некоторых требуемых временем изменений. Так, к уже имевшимся двум отделам — политическому и административному в 1885 г. добавился третий — международно-правовой, а в 1890 г. в связи с переходом к так называемой «мировой политике» и четвертый — колониальный. Подобно другим странам, в роли правой руки министра выступал статс-секретарь.

Эту преемственность не смогло нарушить даже создание Германской империи: хотя внешняя политика объявлялась делом всей империи, фактически ее осуществляло прусское Министерство иностранных дел, вошедшее в состав общегерманского правительства — Имперской канцелярии — под наименованием Иностранное ведомство. Тем самым Бисмарку, как имперскому канцлеру, удалось избежать создания отдельного поста министра иностранных дел и сохранить контроль за внешней политикой в руках Пруссии и своих собственных.

Не будучи, как и Австрия, унитарным государством, Германия тем не менее не испытывала проблем с претензиями отдельных членов империи на полноценное участие во внешней политике. Это участие выражалось лишь в существовании фактически бессильного комитета по внешним делам бундестага — верхней палаты парламента, а также в праве активного и пассивного внешнеполитического представительства отдельных государств империи. Например, даже в на-

чале XX в. Россия содержала свои представительства в восьми субъектах Германской империи. Однако реального политического веса дипломатические связи отдельных стран империи не имели.

МИД России

В России структура управления внешней политикой начинает меняться в связи с проведенной Александром I в 1802 г. министерской реформой. Но старая коллегия иностранных дел сохранялась, хотя и подчинялась отныне министру иностранных дел. Таким образом, в руководстве внешней политикой существовало своеобразное «двоевластие» министерства и коллегии, пока последняя не была упразднена в начале 30-х гг.

Все внешнеполитические функции сосредоточивались отныне только в министерстве, подразделявшемся на четыре департамента: внешних сношений, внутренних сношений, хозяйственных и счетных дел, а также Азиатский департамент. Собственно политическими функциями обладали первый и последний департаменты, делившиеся на отделения и столы, ведавшие взаимоотношениями с отдельными странами. Так, Азиатский департамент подразделялся на два основных отделения, первое из которых занималось Балканами и Кавказом, а второе — странами восточнее Каспия. Особенностью России было наличие широких внешнеполитических полномочий у генерал-губернаторов и наместников окраинных районов России (в Туркестане, на Кавказе, на Дальнем Востоке и т. д.) — вплоть до права заключений территориальных соглашений с соседними странами.

Внешнеполитическое руководство Российской империи было затронуту процессами демократизации в наименьшей степени. Лишь с созданием в 1906 г. Государственной думы появилась возможность косвенного влияния на принятие политических решений, однако в реальности внешнеполитический курс по-прежнему определялся императором и назначаемыми им министром иностранных дел и правительством. Вместе с тем существовал институт Особых совещаний при императоре с участием высших должностных лиц империи из разных ведомств, созывавшихся для обсуждения внешнеполитических проблем особенно важного значения. Как и в двух других «восточных монархиях», большую роль в процессе принятия политических решений играла «камарилья», т. е. ограниченная группа лично связанных с монархом людей, как правило, из представителей царствующего дома, высшей аристократии, военных и духовенства.

Дипломаты

Основу деятельности дипломатических представительств составил принятый 19 марта 1815 г. «Венский регламент», в качестве приложения ставший неотъемлемой частью Заключительного акта Венского конгресса. Согласно этому документу, учреждались три класса дипломатических представителей: «чрезвычайный и полномочный посол» (и приравненные к нему папские нунции и легаты), «чрезвычайный посланник и полномочный министр» и «поверенный в делах». По решению Аахенского конгресса 1818 г. между посланником и поверенным в делах был учрежден промежуточный класс — «министр-резидент». Послы, посланники и министры-резиденты получали аккредитацию при главе государства, поверенные в делах — при Министерстве иностранных дел. Внутри классов существовали различия по рангам, старшинство которых

определялось датой аккредитации. Присвоение дипломатическому представителю того или иного ранга зависело от статуса как посылающей, так и принимающей стороны, а также от его личного служебного положения. Великие державы, как правило, обменивались между собой дипломатами в ранге посла либо посланника; министры-резиденты использовались для представительства в малых государствах; в малые же государства с незначительным объемом дел направлялись и поверенные в делах. Связь между великими державами на уровне поверенных в делах, как правило, была свидетельством не самого доброго характера их взаимоотношений либо даже прямой демонстрацией недовольства. Например, когда в 1832 г. Николай I отказался принимать в качестве посла известного английского дипломата Стрэтфорда Каннинга, тогдашний министр иностранных дел Пальмерстон демонстративно отправил в Петербург дипломата в ранге поверенного в делах. В ответ на это российский МИД отозвал из Лондона своего посла и ответил тем же.

Венский регламент означал больше, чем простое упрощение и упорядочивание. На уровне дипломатии он отразил процесс перехода от династического государства к национальному. Ранг, старшинство зависели теперь не от старшинства корон, давности вступления на трон и т. д., а от случайного по сути фактора — времени аккредитации. Авторитет посла был отделен от авторитета монарха. Соответственно этому в XIX в. прекращаются конфликты из-за «старшинства» — вместе с династическими войнами они остаются в прошлом столетии. С постепенной эрозией династической основы государства и успехами демократизации дипломат во все большей степени начинает восприниматься как представитель не столько своего монарха, сколько государства или нации.

Демократизация затронула и социальную базу дипломатического корпуса. В целом происходило своеобразное «обуржуазивание» дипломатического корпуса, хотя по большей части этот процесс затронул рядовых сотрудников и имел существенные различия по странам. Например, на протяжении XIX в. все министры иностранных дел Англии, за исключением Джорджа Каннинга (1823—1827), были либо пэрами, либо сыновьями пэров. Дальше всего на пути демократизации продвинулась Франция, в которой даже министры иностранных дел достаточно часто были недворянами. В конце XIX в. более половины сотрудников МИДа и дипломатических представительств Германии и Австро-Венгрии не относились к дворянскому сословию, однако высшие посты по-прежнему оставались дворянской монополией.

Продвижению буржуазии способствовали возросшие требования к уровню профессионализма — во второй половине века повсеместно вводятся экзамены на замещение дипломатических должностей, хотя занятие самых высоких из них практически во всех странах остается вопросом связей и протекций.

Помимо демократизации, на дипломатической службе сказалась и еще одна тенденция эпохи — экономизация. С одной стороны, изменились многие сугубо технические предпосылки — от появления телеграфа и быстрой почты до шифровальных машин. Одним из последствий революции транспорта и средств коммуникации стала гораздо более высокая степень управляемости зарубежными предста-

вительствами со стороны министра иностранных дел. Получая в среднем дипломатическую почту два раза в неделю и в случае необходимости — телеграмму в течение часа, посол лишался прежней самостоятельности, которая под защитой значительных расстояний простиралась ранее достаточно широко. Уже к середине XIX в. в прошлом остались некогда довольно распространенные случаи, когда из-за плохих дорог какая-либо делегация могла попросту опоздать на переговоры. Едва ли не последний конфуз такого рода произошел с американской делегацией, которая из-за опоздания так и не смогла принять участие в работе Панамериканского конгресса 1826 г. Эффективность средств коммуникации становилась новым фактором в дипломатической борьбе — например, накануне Крымской войны русский посол в Вене жаловался на то, что «проклятые железные дороги» ставят его в невыгодное положение по сравнению с западными коллегами.

С другой стороны, отстаивание экономических интересов страны выходит теперь на одну из первых ролей и непосредственно в деятельности дипломатических представителей. Ярче всего это проявилось в деятельности *консульской службы*, переживавшей в XIX в. настоящий расцвет. Главной задачей консулов была защита интересов отечественной торговли и подданных своей страны за границей, а также сбор экономической информации, хотя, например, в различных районах Османской империи консулы европейских государств де-факто выполняли и политические функции. Спецификой консульской службы в XIX в. была ее дифференциация и чрезвычайно широкое, иногда буквально мировое, распространение. Сфера деятельности представителей различных градаций консульской службы — генеральных консулов, консулов, вице-консулов, секретарей консульства и даже нештатных консулов из местных предпринимателей, как правило, затрагивала не всю страну пребывания, а отдельный округ. Но даже при таком масштабе во второй половине века консулы не всегда могли успевать за бурным экономическим развитием, что вызвало к жизни учреждение еще одного дипломатического поста — *торговых атташе*, первый из которых появился в 1880 г.

Наконец, с экономизацией внешней политики было связано и создание еще двух дипломатических институтов — *военного* и *морского атташе*. Впервые военный атташе появился в структуре прусской дипломатической службы в 1830 г., но лишь в 60-е гг. обмен военными и затем морскими атташе стал регулярным. Появление этих дипломатических должностей было вызвано к жизни промышленным переворотом и теми последствиями, которые он нес для вооруженных сил. Необходимость идти в ногу со временем в вооружениях стала теперь вопросом выживания, поэтому главной задачей военного и морского атташе был сбор информации военно-технического характера.

Война и мир

Характер войны В международных отношениях XIX в. в первую очередь бросается в глаза их дерадикализация — резкое сокращение количества войн. Речь идет о самом мирном столетии Нового времени. Если для раннего Нового времени особенную актуальность имел вопрос о причинах бelligеризма — повышенной

склонности европейских государств к войне, то здесь проблема звучит противоположным образом: почему войн было так мало?

В реальности период с 1815 по 1914 г. был очень неоднородным, и за внешним миролюбием скрывались самые разные тенденции, мир и война шли рука об руку друг с другом.

В это время по-новому зазвучала тенденция белицизма. Определяющее значение для понимания и характера войны имели Французская революция и английский промышленный переворот. Начатые ими тенденции национализации, демократизации, идеологизации и индустриализации к концу этого периода получают свое полное развитие, и в Первую мировую войну массовые армии национальных государств ведут борьбу поистине промышленными методами. Характерной чертой войн от XIX к XX в. было то обстоятельство, что благодаря идеологизации и национализации их причины становились все более абстрактными: отныне война — это не только борьба за провинции или конкретные экономические интересы, но и реализация национальных и идеологических амбиций, это «кровавый обмен идеями».

Как и раньше, война понималась как совершенно естественное, законное средство осуществления своих внешнеполитических интересов. Однако одновременно XIX в. предложил и совершенно новую трактовку войны. В течение века возник комплекс представлений, в отличие от прошлого видевший в войне не столько необходимое зло, политическую целесообразность или средство установления всеобщего мира, сколько позитивно оценивавший войну как таковую. В этой совершенно новой трактовке война предстает как двигатель прогресса, культуры, морального обновления; к концу XIX в. в этот комплекс входят также расовые и социал-дарвинистские представления, объявляющие войну борьбой за самосохранение и выживание.

Индустриализация и демократизация решающим образом повлияли также на умножение огневой мощи. Экономические факторы, т. е. способность вооружить армию современным оружием и обеспечить ее всем необходимым на всем протяжении войны, приобретают большее значение, чем доблесть солдат и талант военачальников. Принципиальное значение получают новые средства транспорта и связи. «Не стройте крепости — стройте железные дороги», — говорил начальник прусского Генерального штаба Гельмут фон Мольтке, одержавший победы в двух войнах с великими державами (австро-прусской 1866 г. и франко-германской 1870—1871 гг.) во многом благодаря превосходству в двух революционных средствах коммуникации — телеграфа и железной дороги.

Демократизация войны в первую очередь проявилась в практически повсеместном введении в 60—70-е гг. всеобщей воинской повинности. С введением всеобщей воинской повинности грань между армией и обществом становилась все более тонкой. Отсюда следовали два обстоятельства: во-первых, невозможность ведения войны вопреки общественному мнению и, следовательно, необходимость ее действенной пропагандистской подготовки; во-вторых, тенденция к приобретению войной *тотального характера*.

Характерными чертами тотальной войны является использование всех видов и средств борьбы — вооруженной, экономической, идеологической; неограниченные цели, вплоть до полного морального и

физического уничтожения врага; стирание границ между военным и гражданским населением, государством и обществом, общественным и частным; мобилизация всех ресурсов страны на борьбу с врагом. Война 1914—1918 гг. была не только Первой мировой, но и первой безусловно тотальной. Не случайно, что сам термин «тотальная война» впервые появился в 1916 г. Однако многие черты тотальной войны, и в частности насилие против гражданского населения, были предвосхищены предшествовавшими войнами — Гражданской войной в США 1861—1865 гг., франко-германской войной 1870—1871 гг., колониальными войнами — Германии против африканского народа гереро 1904—1907 гг., США на Филиппинах и Англии против буров в 1899—1902 гг.

Важнейшим последствием нового характера войны для международных отношений стала качественно иная степень воздействия военного фактора на процесс принятия политических решений. Если война, по классическому определению Клаузевица, была продолжением иными средствами политики, то в новых условиях политика часто оказывалась под обратным воздействием войны. Специфика новой войны, а именно участие в ней огромных массовых армий, необходимость координации действий с союзниками по коалиции, новая роль экономики — все это приводило к необходимости нового уровня военной организации и планирования. В начале XIX в. в Пруссии появляется качественно новый орган военного управления — Генеральный штаб, впоследствии перенятый прочими европейскими державами. Принципиально новым был долгосрочный, в полном смысле слова, стратегический характер планирования. Если прежде военные планы разрабатывались лишь на пороге войны, а еще чаще полководцы принимали решения непосредственно на месте, то отныне война готовилась в условиях мирного времени — разрабатывались сценарии развития событий, отдельные операции, мобилизационные планы, вплоть до планирования «под ключ» целой войны. В результате военные планы отчасти принимали самодовлеющий характер и особенно в моменты кризисов политики попадали под давление военных, панически боявшихся опоздать.

Мир, международное право

Вместе с тем существовали и противоположные тенденции, как раз и объяснявшие необычное миролюбие XIX в. В первую очередь речь идет о продолжении магистральной, долгосрочной тенденции, проходящей через все Новое время, — сдерживании и цивилизации войны путем ее «огосударствления» и введения в рамки международной системы и международного права. Своего апогея эта тенденция достигла в первой половине века, когда европейские государства вышли на новый уровень своих взаимоотношений, фактически осуществляя управление, менеджмент потенциальных военных конфликтов. Современные исследователи говорят в связи с этим о феномене «избегнутых войн» XIX в. Подобно войне, мир понимается по-новому — не как зыбкое состояние отсутствия войны, а как процесс, как результат целенаправленной деятельности. Не случайно, что только с этим пониманием впервые возникает и организованное международное движение за мир. Зародившись в начале века в США и движимое в первую очередь религиозными и этическими мотивами, оно распространяется в значительной части стран

западного мира и во всеуслышание заявляет о себе проведением конгрессов в Брюсселе в 1848 г., Париже в 1849 г. и во Франкфурте-на-Майне в 1850 г. Позднее на ведущие роли в борьбе за сохранение мира вышло европейское социал-демократическое движение, на своих конгрессах в 1907 г. в Штутгарте и в 1912 г. в Базеле объявившее «войну войне».

Особенностью международных отношений XIX в. были попытки поставить перед войной и общепризнанные правовые ограничения, призванные, во-первых, предотвратить войну с помощью разрешения конфликтов в международном суде и юридически действенных обязательств по разоружению и, во-вторых, «гуманизировать» войну путем запрета некоторых видов вооружения, принятия единых правил обращения с ранеными и военнопленными и т. д. Как принято считать, тем самым было положено начало новой отрасли права — международному гуманитарному праву с его подразделением на две ветви, названные в честь соответствующих конференций, — так называемое «право Женевы», занимающееся защитой жертв вооруженных конфликтов, и «право Гааги», которое ограничивает применение некоторых средств и способов ведения войны.

Одной из попыток противопоставить войне международное право стало создание третейского суда — международного арбитражного органа, призванного разрешать международные конфликты и споры мирным путем. Прообразом третейского суда были еще смешанные комиссии, предусмотренные для разрешения возможных споров англо-американским договором Джея 1794 г.; первым же серьезным прецедентом был созыв в 1872 г. в Женеве третейского суда для рассмотрения случая с крейсером «Алабама»: США требовали от Лондона компенсации за урон, нанесенный во время Гражданской войны находившимся на службе у Южных штатов английским кораблем. В 80-е и 90-е гг. с помощью третейского суда искали решения целого ряда спорных вопросов — англо-французского по поводу рыбной ловли у Ньюфаундленда, англо-голландского по поводу китобойного промысла, англо-американского по поводу границ Венесуэлы и т. д. Наконец, Гаагскими мирными конференциями 1899 и 1907 гг. был создан и поныне действующий третейский орган — Постоянная палата третейского суда. Кроме того, на созванной по инициативе и под председательством России первой Гаагской конференции 1899 г. была подписана конвенция «О мирном решении международных столкновений». 27 государств-участников впервые в международной практике приняли на себя обязательства избегать применения силы и искать разрешения конфликтов мирными средствами.

Одновременно развивалось и международное гуманитарное право. Точкой отсчета «права Женевы» стала Женевская дипломатическая конференция, созванная в 1864 г. по инициативе основателя общества Красного Креста А. Дюнана и закончившаяся подписанием конвенции «Об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны». Первым военным конфликтом, где обе стороны придерживались положений конвенции, явилась сербско-болгарская война 1885 г. По решению Гаагской конференции 1899 г. положения конвенции были распространены и на морскую войну.

Принятая на Гаагской конференции 1899 г. и с модификациями действующая до настоящего дня конвенция «О законах и обычаях

ях сухопутной войны» подвела итог развитию «права Гааги» в XIX в. Ее предтечами стали «кодекс Либера» времен Гражданской войны в США, а также декларации Санкт-Петербургской 1868 г. и Брюссельской 1874 г. конференций по правовому регулированию войны. Помимо определения допустимых военных действий, Гагская конференция выступила и с тремя декларациями, ограничивавшими конкретные виды вооружения, — о запрещении газов, разрывных пуль и на пятилетний срок воздушного бомбометания.

Система международных отношений

Возникшая в 1815 г. система международных отношений получила название Венская — по месту проведения конгресса, завершившего Наполеоновские войны. Однако сам конгресс и его Заключительный акт являлись составной частью более продолжительного и всеобъемлющего процесса мирного урегулирования и создания послевоенного порядка, проходившего в 1814—1815 гг., куда входили также Шомонский договор 1 марта 1814 г., Первый Парижский мир 11 апреля 1814 г., Второй Парижский мир 20 ноября 1815 г., Акт о создании Священного союза 26 сентября 1815 г., а также целый ряд двусторонних договоров между отдельными государствами. За время своего существования Венская система претерпела значительную эволюцию, почти до неузнаваемости изменившую ее облик и приведшую в итоге к тяжелому кризису, заключительным аккордом которого стала Первая мировая война. Созданный в 1815 г. порядок международных отношений с течением времени непрерывно менялся, модифицировался до тех пор, пока не пришел в прямое противоречие с заявленными в Вене принципами. Основными вехами изменений Венской системы были события середины века — революция 1848 г. и Крымская война, а также создание в 1871 г. Германской империи и последовавший за этим переход к системе союзов.

В практически точном соответствии задуманному в Вене система просуществовала лишь полтора десятилетия, до 1830 г., в связи с чем некоторые исследователи предлагают подразделять на период собственно Венской системы и последовавшие после 1830 г. десятилетия Венского порядка. Однако вплоть до событий середины века развитие Венской системы описывается понятием «эволюция», в то время как весь последующий период точнее определяется словом «кризис». С точки зрения эффективности системы показательно, что если до 1848 г. не произошло ни одной войны между великими державами, то за следующие 30 лет каждая из них как минимум один раз воевала против какой-либо другой. Для понимания этой эволюции принципиальное значение имеют элементы системы и принципы ее функционирования.

Великие державы

Основу Венской системы, как и Вестфальской до нее, составляли великие державы. Сохранился основной критерий причисления страны к клубу «великих» — ее военная мощь и, соответственно, способность самостоятельно противостоять нападению любой другой европейской страны. Вместе с тем в связи с общей тенденцией «экономизации» внешней политики фактически появился и иной критерий отнесения какой-либо страны к разряду великой державы — отныне невозможно быть великой дер-

жавой без «великой» экономики. Великие державы, несмотря на равенство статуса, и раньше различались по фактическому весу на международной арене. Однако в XIX в. под влиянием промышленной революции, придавшей невиданную динамику экономическому развитию, дифференциация между великими державами с точки зрения потенциала их государственной мощи стала более четкой, но одновременно и менее статичной. В отличие от прошлого выдвижение какой-либо страны в ряды великих держав первого ранга либо, напротив, ее умаление были связаны не столько с изменениями долгосрочных количественных параметров, в частности территории и населения, сколько с более динамичным фактором приумножения экономической мощи.

С момента признания на Аахенском конгрессе 1818 г. равноправия Франции в качестве великой державы европейская система вновь приняла свой привычный облик «пентархии» со следующими подразудевавшимися внутренними подразделениями. Двумя великими державами первого класса были Англия и Россия, превосходившие всех других за счет выгод своего геополитического положения, потенциала государственной мощи и проведения эффективной внешней политики за пределами Европы. После Крымской войны на роль европейского лидера стала вновь претендовать Франция, в то время как находившиеся в уязвимом геополитическом положении Пруссия и Австрия, отягощенные к тому же взаимным соперничеством в германском вопросе, оставались слабейшими элементами «пентархии».

Во второй половине XIX в. количество участников Венской системы возросло за счет другой основополагающей тенденции развития международных отношений — национализации. В частности, появился целый ряд новых национальных государств на Балканах. Наиболее важными стали изменения, произошедшие непосредственно в клубе великих держав, а именно создание национальных государств Германии и Италии. С возникновением Италии европейская система впервые стала насчитывать шесть великих держав; объединение Германии и развитая ею экономическая мощь привели к ее выдвижению на первые роли среди европейских великих держав.

Наконец, абсолютным новшеством стало появление на рубеже XIX и XX вв. неевропейских великих держав — США и Японии. Самим фактом своего существования они подрывали представления о том, что великие державы являют собой некую систему, поскольку эта система возникла в европейских реалиях и все алгоритмы ее функционирования были сугубо европейскими.

Таким образом, за считанные десятилетия Венская система изменилась в самой своей основе с точки зрения состава участников: из «пентархии» она превратилась в «гексархию», вес и статус отдельных держав претерпевал быстрые изменения, появление же в роли великих держав США и Японии самым наглядным образом продемонстрировало, что Венская система не в состоянии выполнить свою главную функцию организации взаимоотношений между великими державами и что глобализация международных отношений привела их на порог нового качества — возникновения мировой системы. Но и в самой Европе с течением десятилетий Венская система начинала функционировать с перебоями.

Одним из принципиальных подходов была идея *реставрации*. Фактически, как и в 1648 г., участники конгресса, стремясь к восстановлению европейского порядка, ориентировались на своего рода «нормальный год» — 1792. Однако речь не шла о полном восстановлении дореволюционного порядка — хотя бы потому, что вместе с ним могла бы вернуться и революция. В реальности 1792 г. имел значение главным образом для проведения границ Франции, в целом же при определении политических судеб Европы державы руководствовались и рядом других принципов.

Прямым ответом на опыт революции были связанные между собой принципы *монархического авторитета* и *солидарности*, призванные укрепить позиции монархов в европейских странах и совместными усилиями не допустить распространения новых революционных движений. Однако заслуга Венского конгресса во многом заключается как раз в том, что он не ограничился прямыми ответами на вызовы революции, а предложил и гораздо более гибкие варианты реакции на опыт революции и Наполеона. Особенно важными принципами для послевоенного урегулирования политической ситуации в Европе стали *легитимизм* и *равновесие*.

В эпоху Венского конгресса понятие «легитимизм» претерпевает важные изменения. Благодаря прежде всего деятельности Талейрана из простого представления о законности государственной власти оно превращается в политический лозунг и одновременно в важнейший принцип внутри- и межгосударственного порядка. Выдвигая лозунг легитимизма, Талейран преследовал конкретную цель — оспорить права союзников на аннексию французских территорий, поскольку в таком случае Людовик XVIII как легитимный монарх сам находился как бы в лагере союзников, выступая против узурпировавшего власть Наполеона. Вместе с тем, противопоставляя узурпации легитимизм, Талейран трактовал его и шире — как принцип, на котором должен покоиться стабильный порядок в Европе: если узурпация чревата гегемонией, то легитимизм является основой равновесия. Тем самым легитимизм представлял собой и адекватную реакцию на принесенный революцией опыт нового качества связи между внутренней и внешней политикой. Проблема европейской стабильности должна была решаться не только на уровне дипломатии и внешней политики, как во времена Старого порядка, но и в неразрывной связи с внутривнутриполитическим развитием европейских стран. Вместе с тем легитимизм во внутренней политике совсем необязательно должен был означать простое возвращение старых форм правления.

Легитимизм получил более широкую трактовку, распространявшуюся уже не только на отдельные государства, но и на всю систему международных отношений. В ходе конгресса возникло представление о легитимном мировом порядке. Как и в случае с пониманием легитимизма внутри государств, этот порядок был легитимным не в смысле восстановления старых порядков. Участники конгресса стремились возродить не старую Европу, а европейский порядок. Причем определявшие все течение конгресса великие державы фактически присвоили себе своеобразные «легитимирующие» функции: в некоторых случаях они руководствовались легитимизмом в узком смысле

слова и восстанавливали на тронах дореволюционные династии, например Бурбонов во Франции и в Испании, в других — санкционировали уже произошедшие изменения, признав, например, в качестве короля Обеих Сицилий бывшего наполеоновского маршала Мюрата. Таким образом, легитимный порядок международных отношений в Европе фактически создавался и освящался решениями самого Венского конгресса.

Вместе с тем, создав новый европейский порядок, участники конгресса не обошли вниманием и проблему его дальнейшего функционирования. Еще одним принципиальным вкладом Венского конгресса в развитие международных отношений стало новое понимание европейского равновесия.

Изменились сами подходы к равновесию. Прежде всего идея равновесия как главной гарантии против гегемонии, и без того являвшаяся одной из ключевых категорий международных отношений в Европе, после опыта гегемонии Наполеона приобретает небывалую актуальность. В силу этих же обстоятельств равновесие в гораздо большей степени воспринимается как ценность, как нечто, достойное сохранения и оберегания.

В целом Венский конгресс отказался от прежнего, механистического понимания равновесия. Как дань прошлому конгресс учредил так называемый статистический комитет, задачей которого был подсчет количества жителей в перераспределяемых территориях. Однако конгресс все же отошел от того, что Талейран уничижительно назвал «политической арифметикой» (хотя в XVIII в. это выражение было почти синонимом политической мудрости).

После того как Наполеон стер с европейской карты вековые границы и прочертил новые, во всей своей полноте была осознана проблема *права на самосохранение и существование государств*. В частности, она стала главной темой самого известного трактата о равновесии этой эпохи — «Фрагментов из новейшей истории политического равновесия в Европе», написанного в 1806 г. блестящим публицистом консервативной направленности Ф. Генцем. Помимо прочего, будущий ближайший сотрудник Меттерниха и фактический секретарь Венского конгресса дал в своей работе классическое определение равновесия: «Политическое равновесие — это такое устройство существующих рядом друг с другом и более или менее связанных между собою государств, благодаря которому ни одно из них не может повредить независимости или существенным правам другого без действительного противостояния с какой-либо стороны и, следовательно, без угрозы для себя». Генц не предполагал уравнивания сил или даже равенства в правах крупных и малых государств; истинное равновесие заключается в том, чтобы обеспечить и самому малому, и самому большому из них *его* право.

Одной из отличительных особенностей нового понимания равновесия стала уже отмечавшаяся *связь с внутривнутриполитической ситуацией* в европейских странах, для обозначения которого начинает использоваться термин «социальное равновесие». Можно сказать, что создававшаяся в Вене система была основана на двойном понимании равновесия — внутреннем и внешнем, когда субъектами системы становились государства, внутреннее развитие которых стабилизировалось посредством применения провозглашенного на конгрессе прин-

ципа легитимизма. С точки зрения этой специфической трактовки равновесия показательна необычная практика конгресса — включать в международный договор акты, касающиеся внутреннего устройства государств (Германский союз, Швейцария и др.).

Другой характерной чертой нового равновесия было усиление субъективного, деятельного момента: отныне равновесие не просто складывается из свободной игры сил и весов, оно еще и продукт осознанных целенаправленных действий, оно *создается*. Специально в интересах системы создаются целые новые государства (например, Королевство соединенных провинций — Нидерланды) и целые государственные конструкции (Германский союз); наконец, система осознанно *регулируется*.

Регулирование системы равновесия осуществлялось прежде всего с помощью еще двух нововведений: во-первых, это практика проведения конференций и конгрессов, фактически созывавшихся с целью периодической профилактики системы; во-вторых, это принцип интервенции. Если в XVIII в. право на вмешательство во внутренние дела суверенных государств категорически отрицалось, то на Венском конгрессе и примыкавших к нему конференциях было заявлено право великих держав на интервенцию в интересах собственной безопасности и европейского мира. В праве на интервенцию особенно наглядно проявилось отличие нового понимания равновесия, с его осознанным регулированием и связью с внутренней политикой, от старого, механистического и ограниченного внешней ареной.

Характерной чертой созданного в Вене равновесия был и его *конструктивный характер*: в отличие от прошлого, когда едва ли не на следующий день после заключения очередного мира державы начинали готовиться к очередной войне, правители посленаполеоновской Европы по мере сил стремились избежать повторения только что пережитого опыта. Еще одним средством поддержания мира и одной из самых существенных особенностей Венской системы стал принцип «*европейского концерта*».

«Европейский концерт»

Впервые словосочетание «европейский концерт» было использовано еще в 1550 г. для обозначения совокупности европейских государств. В XIX в. такое понимание сохранилось, но появилось новое, исходившее из представления о том, что равновесие на международной арене должно проистекать не только из противоборства различных государств, но и из согласия между ними. «Европейский концерт» подразумевал согласие великих держав во имя сохранения единства их рядов и тем самым европейского мира идти на уступки и компромиссы даже в ущерб некоторым собственным интересам до тех пор, пока не возникнет угроза статусу великой державы. При сохранении принципа конкуренции как одной из основ международных отношений впервые столь отчетливо признавалась ценность другого важнейшего принципа — кооперации, сотрудничества, а сама система воспринималась как относительная цельность, как сообщество, связанное некоторыми общими интересами. Первая половина XIX в. отмечена многочисленными примерами такого рода сотрудничества, как в принципиальных и долгосрочных вопросах, и прежде всего в совместном противостоянии революциям,

что в значительной степени объясняет их неудачи, так и в решении отдельных проблем международных отношений — греческой, бельгийской и т. д.

Так на смену равновесию противостояний и компенсаций XVIII в. пришло равновесие сдерживания и компромисса века XIX. Впервые европейская система была организована превентивно как стратегическое равновесие, поддерживаемое всеми державами, что исключало возможность чьей-либо гегемонии. С Венского конгресса и на десятилетия вперед «европейский концерт» в самых разных наклонениях (обвинения в его «разрушении», угроза выйти из него и т. д.) занял одно из центральных мест в дипломатической переписке и, никогда не существуя как точный механизм, все же сыграл значительную роль в успешном функционировании Венской системы.

Структура Венской системы

Лицо Венской системы, как и прежде, определяла «пентархия», однако внутри ее произошли серьезные подвижки. В первые десятилетия своего существования Венская система сохранила наиболее характерную черту структуры международных отношений прежних веков — слабый центр и сильные фланги. Более того, обе фланговые державы, Англия и Россия, укрепили свои позиции настолько, что некоторые исследователи, в частности американский историк П. Шредер, говорят в связи с этим о возникновении системы «разделенной гегемонии», не обладавшей, однако, биполярной антагонистичностью благодаря принципу «европейского концерта» и наличию ряда посредничавших институтов.

Одним из самых важных достижений Венской системы стала новая организация европейского центра. Столетиями слабый европейский центр выполнял функцию своеобразного амортизатора взаимоотношений великих держав, допуская широкие возможности компромисса за свой счет, однако одновременно та же военно-политическая слабость провоцировала сильных соседей и была постоянно чревата войной. На Венском конгрессе была создана конструкция, которая сохранила положительные и устранила отрицательные стороны слабого европейского центра, — Германский союз. Его структура была устроена таким образом, что он оказывался слишком слабым для осуществления какой-либо агрессии, но одновременно достаточно сильным, чтобы любой агрессии противостоять. Военная конституция Германского союза предусматривала автоматическое вступление в войну всех его членов в случае нападения на одного из них, но превентивная война была возможна только в том случае, если за нее высказались бы две трети государств, что было возможно только теоретически и так никогда не стало фактом. Стабильности в центре Европы способствовали и два ограничения, наложенные на в остальном совершенно самостоятельную внешнюю политику членов Германского союза: они не могли заключать союзы с иностранными державами, направленные против Союза и его участников, и не имели права вести односторонние переговоры о мире. Необходимость подобных ограничений была доказана историческим опытом — более отдаленным, когда во времена Священной Римской империи ее члены, несмотря на существовавший формальный запрет, регулярно вмешивали в германские дела иностранные державы, и недавним, когда Наполеон в серии войн и завершавших их миров смог кусок за

кусом завоевать германскую территорию. Наконец, стабильное существование Германского союза обеспечивалось еще и тем, что его участники не могли, как раньше, быть поставленными на службу амбициям двух германских великих держав, Австрии и Пруссии, поддержка которых допускалась только в том случае, если война затронет ту часть их территорий, которая входила в Союз. Вместе с тем наличие надежного германского тыла было важной предпосылкой существования Австрии как великой державы и осуществления ею тех важных функций, которыми она обладала в системе. Только опора на Германию позволяла этому многонациональному государству в эпоху подъема европейского национализма играть стабилизирующую роль в двух потенциально взрывоопасных регионах Европы — в Италии и на Балканах.

Таким образом, Германский союз был структурой одновременно немецкой и европейской. Последнее обстоятельство подчеркивалось вовлеченностью в дела Союза целого ряда европейских государств — королей Англии, Дании и Нидерландов напрямую, через обладание входившими в конфедерацию, соответственно, Ганновером (до 1837 г.), Гольштейном и Люксембургом; России и многих других государств косвенно, через невероятно обширные династические связи германских государств — «родильного дома Европы», по выражению Бисмарка. С особенной очевидностью европейский характер Германского союза был продемонстрирован включением акта о его создании в Заключительный акт Венского конгресса — теперь германское дело объявлялось европейским и с точки зрения международного права. Однако главное заключается в том, что с системной точки зрения Германский союз выполнял действительно европейские функции, не только обеспечивая мир в центре Европы, но и оказывая тормозящее, сдерживающее, стабилизирующее воздействие на систему в целом, выступая в пассивной, но необходимой роли.

На более конкретном уровне в Венской системе выделялся целый ряд своеобразных региональных подсистем. Как и в XVIII в., доминантой германской подсистемы был австро-прусский дуализм, однако теперь в обеспечении локального равновесия определенную роль играл уровень Союза, а также «Третья Германия», т. е. усилившиеся в наполеоновскую эпоху средние государства — Бавария, Вюртемберг, Саксония, Ганновер, Баден, иногда кооперировавшиеся друг с другом для противостояния двум «первым Германиям» — Австрии и Пруссии. Главными участниками баланса в Западной Европе по-прежнему выступали Англия и Франция. Сохранялся и традиционный политический баланс между тремя «восточными монархиями» — Россией, Австрией и Пруссией. Наконец, особое место в XIX в. стало занимать восточное равновесие, в первую очередь Балканы, куда были вовлечены все без исключения великие державы, даже традиционно крайне далекая от балканских дел Пруссия.

Глава 8. Венский конгресс

§ 1. Начало работы Венского конгресса

Характерные черты

Венский конгресс вошел в историю как пример одной из самых успешных попыток долгосрочного дипломатического урегулирования международных противоречий в Европе. Во многом этот успех был связан с теми изначальными установками и представлениями о задачах конгресса, с которыми съезжались в Вену представители европейских стран и которые несколько отличались от целей участников прежних европейских конгрессов. В традиции европейских конгрессов начиная с Вестфальского мира всегда присутствовала двойная задача — прекращение войны и установление послевоенного порядка в Европе, но никогда до этого с такой осознанностью и отчетливостью акценты не были смещены от первого ко второму. По сравнению с Вестфальским или Утрехтским Венский конгресс в гораздо меньшей степени преследовал цель прекращения войны и восстановления мира, поскольку эта задача уже была решена. Правителей и дипломатов, собравшихся со всех концов Европы, объединяло как никогда ясное понимание того, что их цель — думать не о прошлом, а о будущем.

Успеху конгресса способствовало и то обстоятельство, что ему не пришлось начинать работу с чистого листа. В отличие от предыдущих войн и заканчивавших их международных форумов Венскому конгрессу предшествовала настолько насыщенная дипломатическая активность, связанная с определением политических интересов участников коалиций и будущего положения побежденной Франции, что многие задачи конгресса были по существу предрешены.

Наконец, еще одной особенностью Венского конгресса, увеличившей его эффективность, был беспрецедентный в истории конгрессов факт — все внешнеполитические решения принимались непосредственно на месте. Если прежде переговоры вели связанные инструкциями уполномоченные, то Венский конгресс представлял собой подлинную встречу на высшем уровне, когда каждая страна была представлена либо самим монархом, либо, реже, главой внешнеполитического ведомства. Все это создавало уникальную ситуацию «Европы без расстояний» (*sans distance*), по выражению Меттерниха.

Однако эти благоприятные обстоятельства начала конгресса уравновешивались необычностью стоявших перед ним задач. Ни один конгресс, ни один дипломат прошлого не был призван решать задачи такого масштаба. Сложность заключалась не только в масштабе, не столько в количестве произошедших изменений, когда до неузнаваемости изменилась политическая карта Европы, — приходилось реагировать и на качественные перемены. Те же наполеоновские завоевания были больше, чем просто завоеваниями, они сопровождались изменением политических и социальных структур, и, кроме того, они были достаточно продолжительными, длились годами. В отличие от прежних территориальных перетасовок, эпоха, под которой собирались подвести черту собравшиеся в Вене короли и министры, содер-

жала в себе двойной вызов международным отношениям — революцию и гегемонию. Стабильность послевоенного мирового порядка зависела от того, смогут ли они найти адекватный ответ.

Открытие конгресса

Идея созыва общеевропейского конгресса после окончания войн с Наполеоном впервые была документально отражена в русско-английском договоре 1805 г., ставшем основой Третьей коалиции, и затем получила развитие в различных договоренностях стран коалиции в 1813—1814 гг. Вена была выбрана местом проведения конгресса во многом потому, что еще после «Битвы народов» Александр I и Фридрих Вильгельм III обещали нанести визит австрийскому императору. Первоначально созыв конгресса был назначен на август 1814 г., но в связи с парламентскими заседаниями в Англии и отъездом в Россию Александра I его отложили на месяц.

С середины сентября 1814 г. в Вену начали съезжаться делегации различных европейских стран. В итоге конгресс превратился в самый представительный из проводившихся до этого европейских форумов. В его работе приняли участие все европейские государства, за исключением Турции, и в том числе два императора, несколько королей, более ста князей и свыше двухсот дипломатов.

С самого начала на ведущие позиции вышли великие державы, фактически отведя прочим государствам роль статистов. В середине сентября четыре державы-победительницы договорились о том, что все решения будут приниматься в их среде и только затем выноситься на утверждение конгресса. Предлагалось собрать весь конгресс лишь два раза — 1 октября для проверки полномочий участников и последний — для принятия Заключительного акта. Однако Талейран, вновь проявив свое искусство убеждать и доказывать, успешно сопротивлялся стремлению четырех держав навязать остальным государствам готовые решения. Из-за этих споров официальное открытие конгресса было отсрочено сначала на начало ноября, а затем и вовсе не состоялось — лишь трем выбранным по жребию державам, что называется, «в рабочем порядке», было поручено проверить полномочия участников.

Это полностью устраивало великие державы, которые совершенно не хотели проведения настоящего общеевропейского форума с правом голоса для каждого участника и с коллегиальными методами работы. В итоге конгресс представлял собой некую совокупность встреч главных политических актеров и как целое так ни разу и не был собран («конгресс, который не состоялся», по выражению Талейрана). Соответственно и комитеты по отдельным вопросам были не столько уполномоченными конгрессом органами, готовящими принятие его решений, сколько техническими комиссиями на службе у великих держав. Как выразился Меттерних, конгресс — это не конгресс, его открытие — это не открытие, его комитеты — это не комитеты.

С формальной точки зрения ведущую роль играл так называемый Европейский комитет, или Комитет восьми, куда входили восемь стран, подписавших Первый Парижский мир, т. е. все державы «пентархии», а также три великие державы прошлого — Испания, Португалия и Швеция. Кроме того, был создан целый ряд комитетов по от-

дельным проблемам: германский комитет; комитет по итальянскому вопросу, подразделявшийся на комитеты по Тоскане и по Сардинии-Пьемонту; по швейцарскому вопросу; по герцогству Бульонскому; по интернационализации внутреннего судоходства; по урегулированию дипломатических рангов; по работоторговле; по географическим картам; по статистике.

Сами переговоры велись, как правило, в неформальной обстановке, очень часто в личных апартаментах Меттерниха, председательствовавшего как на конгрессе, так и в Комитете восьми. Несмотря на формально заявленное участие в Европейском комитете восьми великих держав, фактически все его решения принимались небольшой группой дипломатов, куда входили представители России, Австрии, Англии, Пруссии и Франции.

Все делегации официально возглавлялись монархами, за исключением французской, поскольку Людовик XVIII не желал выступать в роли побежденного и тем самым платить по чужим политическим векселям, а также английской, поскольку Георг III страдал душевной болезнью. В реальности решающую роль на переговорах играли главы внешнеполитических ведомств — Меттерних (Австрия), Р. Каслри (Англия; с февраля 1815 г. заменен А. Веллингтоном и с марта — Р. Кланкарти), К. Гарденберг (Пруссия) и Талейран (Франция). Россия была единственной великой державой, в которой в качестве главного действующего лица на переговорах выступал непосредственно монарх и лишь затем профессиональные дипломаты — бывший и настоящий послы в Вене А. К. Разумовский и Г. Стакельберг, а также статс-секретарь Коллегии иностранных дел К. В. Нессельроде. Этой группе менее чем в десяток человек предстояло решать судьбы Европы.

Конгресс как социокультурный феномен

Одной из особенностей Венского конгресса, выделяющих его в ряду общеевропейских форумов прошлого и будущего, стал тот социокультурный фон, на котором он проходил. Венский конгресс был не только главным внешнеполитическим, но и главным светским событием XIX в. Если дипломаты подводили итог войне, то съехавшиеся со всех концов Европы представители знати, искатели приключений, художники, просто любопытные мечтали отпраздновать окончание 23-летнего кошмара. Однако знаменитое выражение «конгресс танцует, но не движется вперед» не вполне точно описывает соотношение политики и развлечений, существовавшее в Вене времен конгресса. Действительно, осень и зима 1814—1815 г. были заполнены беспрецедентным количеством балов, маскарадов, раутов, концертов, банкетов и т. п., стоивших австрийской казне около 20 млн гульденов. Но вместе с тем в этой неповторимой атмосфере карнавала, интриг, любовных афер и столкновения честолюбий весьма успешно делалась и политика. Разнообразные салоны, в числе которых выделялся салон княгини Багратион, были не только центрами политических слухов, но и местами встреч дипломатов и открывали большие возможности для получения информации и осуществления разного рода комбинаций. Особенно в этом преуспел Меттерних, с помощью своей секретной полиции превративший светскую жизнь Вены в ценный источник политических сведений.

Светская жизнь оказывала безусловное влияние и на характер переговоров в Вене. Участие дипломатов в насыщенной светской жизни приводило к тому, что иногда в их взаимоотношениях открывался своеобразный «второй фронт»: отстаивая с утра политические интересы, вечерами они должны были доказывать и свою светскую состоятельность. В этом смысле определенное значение имели нагсмешки света над неуклюжими и недостаточно хорошо говорившими по-французски англичанами, уязвленное самолюбие остававшихся в тени пруссаков и т. д. Однако особенно на ходе переговоров сказались личные отношения Александра I и Меттерниха.

Русский царь и австрийский министр были самыми яркими фигурами светской жизни Венского конгресса, посещали те же салоны, добивались благосклонности одних и тех же дам. Постепенно их взаимоотношения приняли форму острого личного соперничества, подогреваемого разного рода колкими высказываниями, когда, например, Александр I доказывал дамам, что Меттерних — это всего лишь «писарь». Личная враждебность, когда соперники месяцами старались избегать встреч и не разговаривать друг с другом, безусловно, сказалась и на ходе переговоров.

§ 2. Цели участников Венского конгресса

Всех основных участников конгресса, и особенно четверку победителей, связывала общая цель — найти взаимоприемлемое решение проблемы политического наследия революции и Наполеона и не допустить повторения попыток установить европейскую гегемонию какой-либо державы, в том числе исключив возможность реванша со стороны Франции. Именно общность в главном и конструктивный настрой собравшихся в Вене политиков в конечном счете и предопределили успех конгресса.

Вместе с тем каждая из стран преследовала и свои собственные цели, часто трудносогласуемые, а иногда и прямо противоречившие интересам других участников.

Характерной чертой переговоров в Вене стало обозначившееся еще на исходе антинаполеоновской борьбы разделение четверки великих держав на две сходные по интересам пары: Англия и Австрия, Россия и Пруссия.

Цели Англии

Англия преследовала свои традиционные внешнеполитические цели обеспечения равновесия в Европе и своего преобладания вне нее. Как главную угрозу равновесию в Лондоне по-прежнему рассматривали Францию, в качестве средства сдержать которую английские уполномоченные на конгрессе предлагали реализовать идеи давно умершего к тому времени У. Питта Младшего: оттеснить Францию от фландрского побережья путем присоединения к Голландии Бельгии, одновременно представив это как компенсацию Голландии за потерю Цейлона и Капштата; укрепить приграничные государства по всему периметру Франции; сделать ее соседом через Рейн какое-нибудь крупное германское государство. Вместе с тем Каслри был обеспокоен и резким укреплением позиций России и полагал необходимым свести к минимуму ее поли-

тические и территориальные приобретения в Европе. Ситуация Великобритании значительно облегчалась тем, что к моменту начала конгресса почти все ее собственные приобретения уже были сделаны и зафиксированы в международных договорах. На морях Англия удерживала за собой острова Гельголанд, Мальту, Цейлон, мыс Доброй Надежды, тем самым обеспечивая себе господство на Северном и Средиземном морях и на пути в Индию. На континенте также еще до созыва конгресса Англия добилась решения наиболее важного для нее голландско-бельгийского вопроса. Кроме того, англичанам удалось не допустить обсуждения и международного урегулирования морского права и, таким образом, сохранить так называемый «британский морской кодекс», т. е. присвоенное себе право на насилие даже в отношении судов нейтральных государств, которому Россия на протяжении многих лет пыталась противопоставить принципы «нейтралитета» и «морского равновесия». В результате в Вене Англия оказалась в чрезвычайно удобной позиции страны, которая практически ничего не искала для себя самой и потому могла претендовать на роль своеобразного арбитра.

Цели Австрии

Австрия также заранее обеспечила себе прочные позиции на конгрессе, еще до его начала решив большую часть интересовавших ее задач. В частности, она отказалась от многолетнего стратегического балласта в лице Бельгии, а также от претензий на польские земли, за исключением Галиции. Постаравшись уйти от этих двух традиционно сложных международных проблем, Австрия сосредоточилась на главной задаче — вернуть себе утраченные территории в Германии и Италии и по возможности «округлить» их. Удовлетворив свои германские претензии еще по Ридскому договору 1813 г., а итальянские — по Первому Парижскому миру 1814 г., Австрия, как и Великобритания, на Венском конгрессе могла себе позволить не столько добиваться новых приобретений, сколько следить за тем, чтобы не дать слишком усилиться конкурентам. Еще в первые месяцы 1814 г. произошло сближение Меттерниха и Каслри на базе общих опасений чрезмерного усиления России, которую оба считали реальной угрозой европейскому равновесию. В качестве главной задачи оба политика выдвигали идею воссоздания европейского равновесия, однако если для Каслри равновесие представляло интерес в первую очередь как предпосылка к морскому преобладанию Англии, то Меттерних видел в нем прежде всего гарантию сохранения европейского мира. В целом Англия и Австрия, обладая прочными исходными позициями и схожими интересами, на конгрессе часто выступали единым фронтом.

Цели Пруссии

Пруссия, более всего пострадавшая от наполеоновской политики аннексий, хотела полностью восстановить свою довоенную государственную территорию и приумножить ее за счет Саксонии — мечты еще Фридриха Великого. Сложность положения Пруссии заключалась в том, что в отличие от Австрии и Англии ее претензии нашли мало отражения в предшествовавших конгрессу международных договорах. В частности, в русско-прусском договоре в Калише 1813 г. о послевоенных границах Пруссии говорилось настолько расплывчато, что в реальности они за-

висели от позиции России. С точки зрения перспектив традиционного австро-прусского соперничества сильной стороной политики Пруссии был тот факт, что на фоне многовекторной политики Австрии практически все интересы прусских политиков были сосредоточены в Германии, в частности в Берлине разрабатывались различные планы будущей германской федерации. Однако в целом Пруссия, как самая маленькая из великих держав на конгрессе, не играла ведущих ролей и по большей части шла в кильватере России, тем более что ее король Фридрих Вильгельм III не забыл усилий Александра I по спасению Пруссии в Наполеоновскую эпоху и испытывал к русскому царю самую искреннюю благодарность.

Цели России

Россия выступила на Венском конгрессе с несколько необычных позиций. С одной стороны, как и прочие великие державы, она добивалась увеличения потенциала своей государственной мощи и с этой целью претендовала на присоединение всего созданного Наполеоном герцогства Варшавского. Как и в случае с Пруссией, трудность заключалась том, что к моменту начала Венского конгресса эти претензии не получили никакого признанного международно-правового подтверждения. С другой стороны, Александр I предложил идеи, мало созвучные атмосфере конгресса. В то время как после опыта революции прочие участники конгресса одну из главных задач видели в том, чтобы вновь отделить народ от политики, и предпочитали говорить не о нациях, а о династиях и территориях, русский самодержец, пусть непоследовательно и с определенными политическими целями, высказывал идеи самоопределения народов и конституционализма. С этой точки зрения весьма показателен диалог двух императоров — русского и австрийского, состоявшийся при обсуждении саксонского вопроса:

Александр I: «В настоящее время мы, суверены, вынуждены подчинять себя воле народов и следовать за ними... Воля саксонского народа — не быть разделенным».

Франц I: «Я ничего не понимаю в этой доктрине. Моя такова: князь может, если он хочет, уступить часть своей страны...»

Александр I: «Это не согласуется с взглядами столетия».

Если слова австрийского кайзера вполне естественно могли бы быть вложены в уста любого монарха Старого порядка, то высказывание Александра I действительно «согласовывалось с взглядами столетия» — начинавшегося XIX в. Оно показывает, что то новое, что принесла в международные отношения революция, — представление о нации и ее праве на политическую самореализацию — постепенно стало восприниматься и ее противниками. Однако пройдут десятилетия, прежде чем монархи действительно осознают необходимость так или иначе учитывать мнение народа. Тот же Александр I был далеко не тверд в исповедовании подобных идей и высказывал их в значительной степени с целью решения в своих интересах наиболее сложных вопросов — польского и саксонского.

Цели Франции

Свобода маневра Франции на конгрессе была заранее ограничена секретным дополнением к Первому Парижскому миру, по которому она лишалась права голоса при обсуждении судьбы отторгнутых у нее территорий. Несмотря на рестав-

рацию Бурбонов, великие державы не спешили возвращать Францию в свой круг, зримым проявлением чего являлся тот факт, то в первые три месяца работы конгресса она ни разу не была допущена до совещаний четверки. Таким образом, главной задачей Франции становилось восстановление прежнего политического веса и возвращение в ряды великих держав. Тактика Талейрана на конгрессе заключалась в том, чтобы, превратив Францию в покровителя малых стран, по мере сил сеять рознь между союзниками и дожидаться своего часа.

Позиции прочих государств Европы во многом определялись традиционными внешнеполитическими предпочтениями: Португалия и Голландия шли в кильватере Англии, Испания начала сближение с Францией, германские государства, опасавшиеся территориальных претензий Австрии и Пруссии, искали помощи у России.

Таким образом, к началу работы конгресса выделились три больших круга проблем с разной степенью решенности: запад, центр и восток Европы. На западе главной была проблема сдерживания возможного реваншизма Франции. В силу общей заинтересованности в этом всех четырех держав решение конгрессом этого круга проблем не несло с собой никаких серьезных затруднений. Центр, т. е. огромное пространство от Балтики до Средиземного моря, испытал самые радикальные политические перемены. Однако и в этом случае ситуация облегчалась тем, что с самого начала державы сходились в принципиальном вопросе: Германия и Италия должны оставаться раздробленными. Самую же серьезную проблему представлял собой восток Европы, в частности так называемый польско-саксонский вопрос.

§ 3. Польско-саксонский вопрос

Стремление России к овладению Великим герцогством Варшавским вызвало решительное противостояние Австрии и особенно Англии прежде всего потому, что они смотрели на этот шаг не только как на отдельное территориальное приобретение, но и в более широком контексте успехов русской политики на востоке Европы, поскольку присоединение Великого герцогства Варшавского продвинуло бы Россию сразу на 500 км непосредственно в Центральную Европу. Если гегемонизм Франции на западе и германское мелкодержавье в центре Европы на протяжении многих десятилетий были константами международных отношений, то получение Россией выдвинутого далеко на запад польского плацдарма означало бы серьезный сдвиг геополитических весов.

Еще по Калишскому договору 1813 г. Пруссия согласилась уступить России свою часть польских земель, включенных Наполеоном в герцогство Варшавское, при условии помощи России в компенсации этих потерь за счет каких-либо германских территорий. После победы над Наполеоном в качестве объекта компенсации в Берлине называли Саксонию, дольше всех германских княжеств хранившей верность Наполеону. По праву войны Саксония считалась завоеванной страной, ее король был взят в плен, его обвиняли к тому же в предательстве немецкого дела.

Ход переговоров

Этот план вызвал противодействие Англии и Австрии. Желая во что бы то ни стало не допустить поглощения Россией всего герцогства Варшавского, они даже были готовы пожертвовать Саксонией в обмен на отказ Пруссии от поддержки России. На секретном совещании осенью 1814 г., позже названном Александром I «заговором 23 октября», Меттерних и Каслри смогли склонить на свою сторону прусского канцлера К. Гарденберга. Душой «заговора» был Каслри, который выдвигал требование раздела герцогства Варшавского между Россией, Австрией и Пруссией, одновременно заранее ограничивая русскую часть территории до Варшавы. Меттерних поддержал своего английского коллегу не без некоторых колебаний, поскольку сдерживание России достигалось слишком высокой ценой с точки зрения государственных интересов Австрии — уничтожением древнего германского государства и расширением общей границы с Пруссией. Однако первый раунд борьбы за польско-саксонский вопрос все-таки выиграл Александр I. Узнав о планах раздела герцогства Варшавского, он привлек на свою сторону прусского короля. Фридрих Вильгельм III прямо в присутствии царя отчитал Гарденберга, приказав ему более не проводить антирусской политики и на все попытки подобного рода в дальнейшем отвечал: «Я сделаю, как император Александр».

После неудачи первой попытки решить польский вопрос, интересы великих держав сместились на Саксонию. Царь отблагодарил прусского короля за поддержку: в начале ноября русские оккупационные войска в Саксонии были заменены прусскими. Теперь русские войска стояли в герцогстве Варшавском, прусские — в Саксонии, и казалось, что русско-пруссские планы близки к осуществлению. Однако Англия и Австрия были полны решимости добиваться своих целей, противопоставляя штыкам перья дипломатов. Если в польском вопросе главную роль играл Каслри, то в саксонском на первый план вышел Меттерних.

В польском вопросе Каслри предложил характерную для английской дипломатии тактику прямого давления, когда интересам России должна была быть открыто противопоставлена общая позиция трех великих держав. План не удался из-за того, что Каслри, исходя из английского опыта, недооценил степень прочности династических связей и их влияния на внешнюю политику. В саксонском вопросе Меттерних предложил более тонкую тактику. Приняв как данность связь между польским и саксонским вопросами, на которой настаивали Россия и Пруссия, австрийский министр стал постепенно менять ее внутреннюю логику: в ответ на требование компенсировать прусские земли герцогства Варшавского Саксонией он стал препятствовать саксонским планам Пруссии и добиваться возмещения ей в Польше. Тем самым Меттерних рассчитывал одновременно добиться двух целей — не допустить аннексии Саксонии и поделить герцогство Варшавское. В отличие от Каслри он действовал исподволь и такими методами, которые требовали времени: «Я построил укрепления из времени и сделал терпеливость своим оружием». Самыми разными способами, в том числе используя свое положение председателя конгресса, «в передней которого толпилась вся Европа», Меттерних способствовал созданию антипруссских настроений, подогревал симпатии к плененному саксонскому королю и всячески готовил почву для ре-

шающей атаки. Постепенно эта тактика возымела действие. Весьма действенной оказалась и дипломатическая атака Меттерниха против Пруссии, произведенная не прямо во фронт, по саксонскому вопросу, а со стороны, при обсуждении будущей германской федерации, проходившем также в это время. Первоначально Меттерних поддерживал прусский проект относительно жесткой связи между членами будущего германского союза, но после перехода Пруссии на сторону России все резко переменялось. Теперь австрийский министр стал увязывать этот проект с претензиями Берлина на Саксонию, представляя то и другое как выражение прусского гегемонизма, а позицию Австрии — как защиту малых германских государств. Подготовив таким образом позиции, в декабре Меттерних перешел в наступление.

**Кризис конгресса.
Союз 3 января
1815 г.**

10 декабря 1814 г. Меттерних направил ноту Пруссии, в которой заявлял об отказе от идеи присоединения Саксонии к Пруссии, поскольку это нарушило бы баланс сил в Германии.

С этого момента отношения между четырьмя союзниками стали стремительно ухудшаться, ставя под угрозу работу Венского конгресса. Потрясенный неожиданной новостью, Гарденберг не придумал ничего лучшего, как предъявить царю доверительную переписку Меттерниха и Каслри времен участия Пруссии в «заговоре 23 октября». В свою очередь Меттерних продемонстрировал документы этого же времени, компрометиовавшие Пруссию. Раскрыв карты вопреки дипломатическим традициям и во многом под влиянием эмоций, прусский и австрийский министры своими обращениями как бы превращали Александра I в арбитра в их конфликте. Однако русский царь не воспользовался возможными выгодами этой ситуации и даже еще больше обострил ее: увидев в одном из доверительных писем Меттерниха адресованное ему лично обвинение во лжи, он тоже не смог сохранить хладнокровия и решил вызвать австрийского министра на дуэль. Лишь вмешательство императора Франца I остудило пыл русского царя.

Между тем кризис продолжал углубляться и на рубеже 1814 и 1815 гг. достиг кульминации — на одном из заседаний Гарденберг заявил, что отказ Австрии и Англии передать Пруссии Саксонию в Берлине и Петербурге будет рассматривать как объявление войны.

Иными словами, речь шла не только о конкретном территориальном вопросе, а о кризисе конгресса. Решительнее всего это сказалось на положении Франции: если прежние союзники становились врагами, то прежний враг мог стать союзником. Еще в ноябре Александр I попытался привлечь на свою сторону Талейрана, однако безуспешно, Талейран ни при каких обстоятельствах не собирался поддерживать идею увеличения Пруссии, тем более за счет страны, которая была родиной матери его короля, урожденной саксонской принцессы. В декабре Меттерних сумел заручиться поддержкой французского министра в польском вопросе, и 31 декабря Талейран дождался своего часа: под давлением Англии и Австрии он был впервые допущен к участию в совещании четырех великих держав. Более того, под впечатлением от прусских угроз Англия, Австрия и Франция пошли еще дальше и 3 января 1815 г. заключили между собой военный союз, по

условиям которого в случае русско-прусского нападения стороны обязывались поддерживать друг друга и выставить каждая по 150-тысячной армии (Англия имела право откупиться — по 20 фунтов стерлингов за каждого пехотинца и 30 — за кавалериста). В союз немедленно вступили Бавария, Голландия и Ганновер.

С собственно военной точки зрения союз не имел существенного значения и был почти блефом: Россия и Пруссия имели большое военное превосходство, французские солдаты вряд ли стали бы жертвовать жизнью за непопулярных Бурбонов, наконец, Каслри имел к этому моменту прямое указание своего премьера Ливерпула о невозможности для Англии ввязываться в военный конфликт из-за любого вопроса, обсуждаемого на конгрессе. Однако политическое значение союза трудно переоценить. Его самым непосредственным результатом стало укрепление позиций Англии, Австрии и Франции в конкретном польско-саксонском вопросе. В более широком смысле союз означал изменение положения Франции. После подписания договора Талейран с ликованием писал Людовику XVIII: «Ваше Величество! Коалиция распалась; и это навсегда. Франция более не изолирована в Европе». Наконец, с точки зрения более отдаленных перспектив Союз 3 января 1815 г. впервые наметил контуры новой расстановки сил, которая получит продолжение в последующие десятилетия XIX в. Заявленную договором англо-франко-австрийскую связь было невозможно представить в XVIII в. — в эпоху англо-французского антагонизма; в XIX в., в связи с исчезновением угрозы французской гегемонии и обострением восточного вопроса, она будет казаться вполне естественной. Однако непосредственно на Венском конгрессе все же в первую очередь думали не о Польше и восточном вопросе, а подводили итоги XVIII столетию, вековому англо-французскому противостоянию и гегемонии Наполеона, поэтому Талейран со своим докладом о распаде коалиции несколько опередил события.

Урегулирование польско-саксонского вопроса

Общая заинтересованность в восстановлении мира и европейского равновесия была главной причиной, по которой кризис в конечном итоге разрешился компромиссным путем. Кроме того, России и ассистировавшей ей Пруссии было что противопоставить совместному давлению трех держав. С одной стороны, Меттерних не мог не учитывать, что Александр I, собиравшийся предоставить новоприобретенной части Польши конституцию и большую автономию, пользовался поддержкой значительной части польского населения, а также влиятельной группы аристократов во главе с другом юности царя А. Чарторыйским. С другой стороны, при всем своем умении противопоставлять штыкам перо он ничего не мог поделать с прямолинейным, но труднооспоримым доводом, который привел ему Александр I в самом начале споров вокруг польского вопроса: «У меня между Вислой и Одером 200 тысяч человек».

Проблема Великого герцогства Варшавского в конечном счете разрешилась четвертым разделом Польши. По русско-прусскому договору 3 мая 1815 г., позднее подтвержденному Заключительным актом конгресса, Пруссия получала все свои земли по разделу Польши 1772 г. и западную часть от приобретений 1793 г., т. е. провинции Познань и Торн, а также важный портовый город Данциг (Гданьск).

Австрия также возвращала себе свою долю раздела 1772 г., в том числе округ Тарнополь; подаренный Наполеоном Александру I после победы над Австрией в войне 1809 г. Краков, о судьбе которого так и не могли договориться, превращался в республику под совместным протекторатом России, Австрии и Пруссии. Вся остальная часть бывшего герцогства Варшавского, кроме Белостока, прямо присоединенного к России, была преобразована в так называемое Царство Польское, находившееся в личной унии с русским императором. Царь отказал Чарторыйскому в просьбе присоединить Царство Польское к землям, доставшимся России по предыдущим разделам Польши, но сдержал обещание предоставить ему достаточно широкую автономию.

Значительно тяжелее проходили переговоры по саксонскому вопросу. В конце концов Пруссия получила северную часть Саксонии, составлявшую приблизительно две пятых территории королевства; в качестве компенсации за оставшиеся части Берлин приобрел часть Шведской Померании и рейнско-вестфальские земли.

Таким образом, тяжелый польско-саксонский вопрос закончился классическим компромиссом, когда уступила каждая из сторон. Можно сказать, что польско-саксонский вопрос стал пробным камнем родившегося в Вене «европейского концерта», основным принципом которого была как раз готовность держав отчасти жертвовать своими интересами в осознанном стремлении сохранить единство своих рядов и европейский мир.

§ 4. Германский вопрос

С точки зрения территориально-политического переустройства посленаполеоновской Европы наиболее масштабные задачи перед конгрессом стояли в Германии и Италии, традиционный политический облик которых в наибольшей степени подвергся правке французского императора.

В наполеоновские годы Германия изменилась буквально до неузнаваемости, поэтому здесь острее, чем в других регионах, стояли три основные задачи: проблема политического наследия Наполеона, решение территориальных вопросов отдельных стран и будущее устройство германских земель.

Удивительная легкость, с которой Наполеон стер с европейской карты старую Германию, во многом объяснялась тем, что очень многие перемены давно назрели и французский император лишь ускорил их осуществление. Поэтому с самого начала не ставились под вопрос принципиальные свершения Наполеона — уничтожение Священной Римской империи, секуляризация и медиатизация. Рейнский союз распускался, однако его опыт активно использовался при новой политической организации Германии.

Решение конкретных территориальных вопросов выглядело следующим образом. Бавария, наиболее крупное из южногерманских государств, оказалась едва ли не в самом большом выигрыше, поскольку конгресс, с одной стороны, сохранил короны всем созданным

Территориальное урегулирование

Наполеоном в Германии королям, в том числе и баварскому, с другой — приумножил баварские территории. Оттеснение Франции за Рейн позволило Баварии вернуть свои бывшие владения на левом берегу Рейна — Саарбрюккен и часть Курпфальца, а также получить бывшее епископство Шпейер. Бавария была вынуждена вернуть Австрии Зальцбург, но в качестве компенсации получила Великое герцогство Вюрцбург и княжество Ашаффенбург, а так как за ней были сохранены наполеоновские пожалования Аугсбург и Нюрнберг и добавлены прусские области Ансбах и Байройт, то Бавария отныне включала в себя всю историческую область Франконию и значительную часть Швабии. Гессен-Дармштадт передавал свои владения в Вестфалии Пруссии и за это получал земли бывшего Вормского епископства, а также область вокруг города-крепости Майнц. Ганновер становился пятым германским королевством наряду с Баварией, Саксонией, Вюртембергом и Пруссией, возвращал свои довоенные территории и увеличивал их за счет епископства Хильдесхайм.

Все остальные территориальные вопросы оказались настолько сложными, что их не удалось урегулировать в рамках Венского конгресса. Дальнейшую разработку этих проблем поручили специальной «Территориальной комиссии» из представителей России, Австрии, Пруссии и Англии, которая в 1816 г. собралась во Франкфурте. Итогом ее работы стало «Франкфуртское территориальное соглашение» 1819 г., куда годом позже вступила и Франция. Большая часть из его пятидесяти статей была посвящена обмену, возврату и приобретению мелких и мельчайших владений на западе Германии. Наиболее значительным и чреватым последствиями был зафиксированный соглашением территориальный рост Пруссии. Располагая в 1789 г. лишь некоторыми разрозненными провинциями на Рейне, к 1819 г. Пруссия становится главной рейнской державой, обладательницей крупного замкнутого блока территорий от Вестфалии до Мозеля. Отныне Рейнская Пруссия оказывается отделенной от основного массива гогенцоллерновских земель лишь сравнительно узкой полосой ганноверских и брауншвейгских территорий с правом проезда через них по двум дорогам.

Германский союз

Проблему организации европейского центра великие державы решили путем создания Германского союза. Эта идея неоднократно высказывалась еще в период существования антинаполеоновских коалиций, вошла в условия Первого Парижского мира 1814 г. и, наконец, стала реальностью после подписания 8 июня 1815 г. немецкими государствами Акта о создании Германского союза, на следующий день вошедшего в качестве составной части в Заключительный акт Венского конгресса. Однако окончательную форму Германский союз обрел только после дополнительных переговоров германских государств и принятия ими 15 мая 1820 г. Заключительного акта.

При создании Германского союза участники конгресса отталкивались от нескольких основных соображений — исторических традиций Германии, опыта наполеоновских преобразований, но главное — от потребностей европейской системы международных отношений. Не случайно основной целью Германского союза, заявленной в преамбу-

ле Акта о его создании, объявлялись интересы Германии и европейское равновесие. В частности, в интересах европейского равновесия сохранялась раздробленность Германии и подчеркивался ненациональный характер связи внутри Германского союза — «союза суверенных князей и свободных городов Германии».

С точки зрения своей структуры Германский союз многое позаимствовал как от Священной Римской империи, так и от Рейнского союза. Он ориентировался на границы Священной Римской империи; Австрия и Германия входили в союз только бывшими своими имперскими территориями. Подобно членам Империи, участники Германского союза не имели права заключать союзы против других его членов или союза как целого. Как и в Империю, в новое германское объединение входили иностранные государи — короли Англии (Ганновер), Нидерландов (Люксембург и Лимбург) и Дании (Гольштейн). Вместе с тем, как и Рейнский союз, Германский союз представлял собой конфедерацию, т. е. в отличие от Империи ее члены обладали всей полнотой государственного суверенитета.

В Германский союз при его создании вошли 34 государства и 4 вольных города, но уже к концу 1815 г. он стал насчитывать 41 член. Опираясь на имперскую традицию, высшим органом Союза было провозглашено Франкфуртское союзное собрание (бундестаг), состоявшее из послов каждого германского государства. Как постоянный председатель бундестага особым весом обладала Австрия, однако в реальности работоспособность собрания зависела от степени ее сотрудничества с Пруссией.

По сравнению со старой Империей значительно выросли военные возможности союза. Военная организация союза носила исключительно оборонительный характер, ее структура была такова, что какая-либо агрессия соединенными силами Германского союза была практически невозможна, оборона же могла быть достаточно эффективной.

Международное положение Германского союза отличалось своеобразием. С формальной точки зрения Союз являлся субъектом международных отношений, поскольку он был официально признан Венским конгрессом и обладал как активным, так и пассивным правом дипломатического представительства. Однако в реальности Германский союз никогда не проводил самостоятельной внешней политики, не имея для этого соответствующего аппарата, а главное — политической воли, которую следовало бы реализовывать, хотя решения бундестага могли касаться и внешнеполитических вопросов. Вместе с тем значение Союза как важнейшего стабилизирующего фактора в Центральной Европе, хранителя германского равновесия и одновременно одного из центральных элементов европейского равновесия было велико. Пассивная, сдерживающая, стабилизирующая функция Германского союза в европейской системе международных отношений показательным образом отразилась и на уровне дипломатии: не воспользовавшись оговоренным в статье 50 Заключительного акта 1820 г. правом активного представительства, т. е. не имея представителей за границей, по праву пассивного представительства он принимал у себя послов всех трех негерманских великих держав — России, Англии и Франции.

§ 5. Прочие вопросы на Венском конгрессе

Итальянский вопрос

Как и в случае Германии, многие решения по итальянскому вопросу были предвосхищены предыдущими соглашениями, и в частности Первым Парижским миром. На самом Венском конгрессе сложилась такая ситуация, что из трех традиционно заинтересованных в итальянском вопросе сторон — Австрии, Франции и Испании — реальным правом голоса обладала лишь первая. Влияние Англии фактически было по-настоящему весомым лишь в одном итальянском вопросе — территориальном укрупнении Сардинии-Пьемонта как очередного «оборонительного вала» против Франции и к тому же хранителя альпийских перевалов. Несмотря на периодические разногласия с Савойской династией, Австрия легко пошла на подобные изменения, поскольку она не хотела слишком близкого соседства с Францией в Италии. Так как Россия и Пруссия не имели специальных интересов в Италии, решение итальянского вопроса, в отличие от германского, протекало без особенных осложнений и направлялось фактически одним человеком — Меттернихом.

Недолгое время Меттерних рассматривал возможность создания в Италии аналога Германского союза, однако вскоре отказался от этой идеи, провозгласив, что «Италия — это географическое понятие», и осуществил посленаполеоновское переустройство Италии на базе последовательно проводимой реставрации и легитимизма.

Территориально-политические изменения в Италии выглядели следующим образом. На севере Сардинское королевство не только вернуло себе Пьемонт и Савойю, но и получило территорию бывшей Генуэзской республики. Таким образом, отныне континентальная часть королевства имела широкий выход к морю с удобными гаванями. Австрия, помимо Венеции, получила также и Ломбардию (они были объединены в единое Ломбардо-Венецианское королевство).

В Центральной Италии было ликвидировано Итальянское королевство и восстанавливались традиционные государственные образования — Папское государство, Тосканское герцогство во главе с братом императора Франца I Фердинандом, в Модену возвращался дом Габсбургов — Эсте. Территория Тосканы расширилась за счет присоединения княжества Пьомбино, некоторых неаполитанских земель, а затем и острова Эльба, покинутого Наполеоном. Герцогства Парма, Пьяченца и Гасталла были отданы в пожизненное владение супруге Наполеона Марии Луизе, однако после ее смерти должны были вернуться во владение пармских Бурбонов.

На юге первоначально предполагалось сохранить неаполитанский престол за бывшим наполеоновским маршалом И. Мюратом, перешедшим на сторону коалиции еще в январе 1814 г. Однако, после того как тот присоединился к Наполеону во время эпопеи «Ста дней», в Неаполитанском королевстве (с 1816 г. — королевстве Обеих Сицилий) были реставрированы Бурбоны.

Таким образом, ситуация в Италии в значительной степени вернулась к дореволюционному состоянию, но с существенными поправками в пользу Австрии, которая превратилась в хозяина итальянского севера и прямо или косвенно, с помощью браков и военных

союзов, присутствовала во всех прочих итальянских государствах, за исключением Сардинии-Пьемонта. Позиции испанских Бурбонов ослабли, владения Франции вообще ограничивались лишь островом Корсика, оставленным во французских руках исключительно потому, что она относилась к приобретениям Франции до революции. Казалось, что вековую борьбу за Италию выиграли Габсбурги.

Швейцарский вопрос

Еще одной проблемой, которая была частично решена еще до созыва Венского конгресса, было положение Швейцарии. Подвергнутая многочисленным политическим экспериментам в эпоху Наполеона, она в ноябре 1813 г. провозгласила нейтралитет, однако сотрудничала с коалицией и была освобождена австрийскими и русскими войсками.

Перед союзниками стояло три проблемы — границы, политическое устройство и будущий международный статус Швейцарии.

Как и другие приграничные Франции государства, Швейцария испытала некоторый территориальный рост, за который особенно выступала Англия. Ее новые границы были очерчены еще Первым Парижским миром 1814 г.: Швейцарии передавалась область Базельского епископства, которое ранее входило в состав Империи; Франция сохраняла Мюльхаузен, но возвращала Женеву, Вале и Невшатель, которые стали тремя новыми кантонами в дополнение к девятнадцати существовавшим; кантон Ветлин присоединялся к итальянским владениям Австрии.

Проблема внутреннего устройства для децентрализованного многосоставного государства, к тому же пережившего в наполеоновскую эпоху многочисленные политические эксперименты, оказалась достаточно сложной. Ее решением занималось так называемое «долгое совещание» представителей различных швейцарских кантонов, проходившее в Цюрихе с весны 1814 г. по лето 1815 г. Со своей стороны Венский конгресс вновь продемонстрировал свое широкое понимание равновесия, затрагивавшее и внутреннюю ситуацию в субъектах международных отношений, включив декларацию об устройстве Швейцарии в качестве приложения в Заключительный акт конгресса.

Наконец, в том, что касалось международного статуса Швейцарии, Венский конгресс прибегнул к еще одному новшеству — нейтрализации, которая никогда до этого не применялась по отношению к целой стране. Заявленный в специальной декларации великих держав 20 марта 1815 г. и затем подтвержденный в Заключительном акте постоянный нейтралитет Швейцарии подразумевал международную гарантию ее невовлечения в войны и отказ Швейцарии от собственного права войны. Созданный в Вене прецедент гарантированного великими державами нейтралитета войдет в международную практику и будет, в частности, применен в 1831 г. к Бельгии и в 1867 г. к Люксембургу.

Бельгия и Голландия

В рамках стратегии окружения Франции относительно сильными государствами англичане особенно настаивали на объединении Бельгии и Голландии с целью обезопасить этот традиционно важный для Лондона регион. Обе страны были освобождены союзниками в ходе антинаполеоновских войн.

В декабре 1813 г. в Голландии высадился наследный принц Вильгельм и провозгласил себя сначала «суверенным князем Нидерландов», затем в марте 1814 г. принял королевский титул и в августе вступил во владение Бельгией. Так на смену существовавшим отдельно республике Соединенных провинций и Бельгии пришло новое государство — Соединенное королевство Бельгии и Нидерландов. Как и многое другое, это увеличение Голландии было предусмотрено еще Первым Парижским миром и окончательно признано Заключительным актом и Вторым Парижским миром.

Скандинавские страны

Скандинавские страны фактически остались за рамками официальных актов конгресса. В Вене ограничились тем, что просто подтвердили уже существующие соглашения, фиксирующие основные изменения: приобретение Россией Финляндии и Швецией Норвегии. Дания, которую Наполеон вынудил защищать заведомо проигранное дело и уже после битвы под Лейпцигом объявить России и Пруссии войну, стала главной проигравшей стороной. По прусско-датской конвенции 23 сентября 1815 г. Дания передавала Пруссии полученную от Швеции в качестве компенсации за Норвегию Переднюю Померанию. За это Дания получила 3,5 млн талеров и небольшое герцогство Лауэнбург, в свою очередь приобретенное Пруссией у Ганновера. Кроме того, Дания согласилась с окончательной передачей Англии острова Гельголанд — «Гибралтара севера». Превратившись с потерей Норвегии в малое государство в Европе, Дания сохранила тем не менее довольно значительные владения вне европейского континента — Фарерские острова, Исландию и Гренландию, а также колонии в Карибском море на островах Сен-Круа, Св. Томас и Св. Джон, которые будут куплены у нее США в 1917 г.

Запрет работорговли

Одним из значительных решений Венского конгресса был запрет работорговли. В роли инициаторов здесь выступили англичане. Потеря североамериканских колоний решительным образом повлияла на отношение англичан к проблеме рабовладения: параллельно падению экономической заинтересованности в его сохранении росло осуждение рабства как морального зла. В самой Англии рабовладение было запрещено еще в 1807 г., и с этого времени английские политики стали стремиться к полному искоренению рабства. На Венском конгрессе Каслри легко добился поддержки со стороны далеких от работорговли России, Австрии и Пруссии, а также Голландии, которой английский министр в противном случае угрожал не вернуть находившиеся в английских руках голландские колонии. Однако экономически связанные с плантационным рабством Испания, Португалия и Франция оказали английской инициативе довольно упорное сопротивление. В результате разработанное комитетом по работорговле заявление восьми держав об объявлении работорговли вне закона с подачи Талейрана приобрело несколько расплывчатую форму и не содержало указаний на конкретные сроки. В реальности Франция отменила работорговлю в 1816 г., Испания, в обмен на 400 тыс. фунтов английской компенсации, в 1817-м и Португалия, также за выплату 300 тыс. фунтов — в 1823 г.

Значительное место на конгрессе заняло также обсуждение проблемы режима судоходства европейских рек. Прообразом ее решения стала *Рейнская конвенция* 1804 г., подписанная Францией и другими прирейнскими государствами и провозглашавшая свободное плавание по Рейну для всех прибрежных государств от места, где Рейн становится судоходным, и до его устья. Эту конвенцию подтвердил Первый Парижский мир, сделав ее основой для решения Венского конгресса, объявлявшего Рейн свободной международной рекой, открытой для любых судов. Заключительный акт Венского конгресса обязал также все страны, по территории которых протекают судоходные реки, разработать соглашения на трех основных принципах: свободное плавание от места начала судоходности до устья, единые тарифы и равноправие для всех прибрежных государств.

Подписание Заключительного акта конгресса состоялось именно таким образом, как планировали великие державы, — без дополнительных обсуждений прочие европейские государства подписали уже готовый документ. Фактический диктат пятерки великих держав проявился, в частности, в том обстоятельстве, что даже Испания, формально считавшаяся великой державой, получила к подписанию уже готовый текст статьи 105 о возвращении Португалии завоеванного в ходе «апельсиновой войны» 1801 г. города Оливенца.

9 июня 1815 г. Австрия, Англия, Россия, Пруссия, Франция, Швеция и Португалия подписали Заключительный акт Венского конгресса, к которому впоследствии присоединились все остальные европейские государства.

Заключительный акт конгресса состоял из 121 статьи и 17 приложений, рассматривавшихся как единый международно-правовой документ. Первые 14 статей были посвящены урегулированию польского вопроса; статьи с 15 по 22 — саксонскому; в статьях с 22 по 52 трактовались различные территориальные изменения в Германии; статьи 53—64 были отведены Германскому союзу; в 65—73 статьях говорилось о Бельгии, Голландии и Люксембурге; 10 статей — с 74 по 84 — отводились Швейцарии; статьями с 85 по 104 регулировалось положение в Италии; португальские дела, в том числе возвращение Португалией захваченной в 1809 г. Французской Гвианы, освещались в 105—107 статьях; о принципах свободы судоходства заявлялось в 108—117 статьях; предметом оставшихся четырех статей были технические вопросы — присоединение к Акту прочих держав, ратификация, использование французского языка в качестве дипломатического.

Большую часть из 17 приложений составляли различные двух- и многосторонние договоры между отдельными государствами, на основе которых и производились многие территориальные изменения, вошедшие в основную часть Заключительного акта. Кроме того, в приложения вошли такие важные документы, как Акт о создании Германского союза, Декларация о нейтралитете Швейцарии, Декларация об отмене работорговли, Положение о свободной навигации рек, Положение о дипломатических рангах.

§ 6. «Сто дней» и Второй Парижский мир. Итоги Венского конгресса

«Сто дней»

Конгресс уже заканчивал свою работу, когда 7 марта 1815 г. пришло известие, что Наполеон покинул Эльбу и с триумфом продвигается к Парижу. Начались знаменитые «Сто дней» французского императора. Добиваясь побед на поле боя, Наполеон сумел нанести и серьезный дипломатический удар, переслав Александру I секретный австро-англо-французский договор от 3 января 1815 г., неосторожно забытый Людовиком XVIII во время бегства из дворца Тюильри. Однако надежды Наполеона на раскол коалиции не оправдались — Александр I ограничился лишь моральным удовлетворением, продемонстрировав документ Меттерниху и понаблюдав несколько минут за его лицом. Союзников по-прежнему связывало гораздо больше, чем разделяло, поэтому, мгновенно забыв прошлые споры, четыре великие державы обновили свои обязательства по Шомонскому договору 1814 г. и заключили 25 марта в Вене новую военную конвенцию. По этой конвенции каждая из держав обязывалась выставить армии по 150 тыс. человек и вести войну до окончательного низвержения Наполеона. Великобритания выплачивала остальным участникам субсидии на 1,8 млн фунтов стерлингов. Четыре державы потребовали присоединения к союзу всех прочих европейских государств. И действительно, союзников поддерживали все страны за исключением Швеции, Неаполя и Турции. Так возникла *Седьмая коалиция*.

18 июня Наполеон потерпел окончательное поражение при Ватерлоо и через четыре дня повторно отрекся от престола. Перед союзниками вновь, хотя уже без прежней остроты, встали три вопроса весны 1814 г.: судьба Наполеона, проблема его преемника, вопрос французских границ.

Вторая реставрация Бурбонов

Судьба Наполеона на этот раз была решена не столь великодушно. Специальной декларацией Венского конгресса от 13 марта 1815 г. он объявлялся вне закона и должен быть предан «праведной мести общества». После Ватерлоо, по конвенции 2 августа 1815 г., он считался общим пленником держав коалиции и подлежал содержанию под арестом в месте по выбору английского правительства с присутствием комиссаров прочих союзных держав, «которые должны убедиться только удостовериться, там ли он». Местом содержания бывшего императора стал небольшой остров Святая Елена в Южной Атлантике.

Что касается проблемы нового французского короля, то, несмотря на то что Александр I некоторое время подумывал о возведении на французский трон Орлеанской династии, поскольку Людовик XVIII, которого русский царь считал лично себе обязанным, доказал свое вероломство Союзом 3 января, а Франц I при определенных обстоятельствах полагал возможной кандидатуру своего внука Наполеона II, в итоге все союзники выступили за повторную реставрацию Бурбонов.

Второй Парижский мир

Окончательный итог Наполеоновской эпохе подвел заключенный 20 ноября 1815 г. Второй Парижский мир. Если Первый Парижский мир со своими мягкими условиями во многом представлял собой «мир примирения», то при подписании Второго Парижского мира некоторые державы, и особенно Пруссия, требовали «мира возмездия», и в частности аннексии Эльзаса. Существовал и план создания нового государства из Бургундии, Лотарингии и Эльзаса во главе с австрийским эрцгерцогом Карлом, выдвигавшийся рядом германских государств. После довольно продолжительных дискуссий было решено признать принцип «границ 1790 г.». Это означало, что Франция теряла на северо-востоке приграничные территории Филиппвиль и Мариенбург, передававшиеся Соединенному королевству Бельгии и Нидерландов; на западе — остававшуюся французской часть Пфальца и Саарбрюккена; на юго-востоке — последнюю часть Савойи, небольшую территорию в Швейцарии в районе Женевы, а также отказывалась от суверенных прав на Монако. Вместе с тем она сохраняла за собой захваченные в начале революции папские Венесэн и Авиньон и получала швейцарский Мюльхаузен и вюртембергский Мепельгард.

Кроме того, Франция выплачивала контрибуцию в размере 700 млн франков; на ее территории на срок от трех до пяти лет размещались оккупационные войска; после этого договора в Италию и Германию была возвращена большая часть награбленных произведений искусства.

Четверной союз

В один день с Вторым Парижским миром союзники особыми конвенциями еще раз подтвердили и уточнили свои военные обязательства по Шомонскому договору марта 1814 г. и Венским конвенциям марта 1815 г.: в случае необходимости они обязывались увеличить свои оккупационные войска на 60 тыс. или даже выступить всеми вооруженными силами. В политической части конвенции, помимо особым образом подчеркнутой необходимости отрешения Наполеона от всякой власти, важное значение имела статья 6, согласно которой с целью сохранения мира в Европе предусматривались регулярные конгрессы монархов или их министров. В этом решении еще раз проявилось новое понимание международных отношений — не как хаоса противоборствующих сил, а как некоей системы, которую возможно регулировать. Статья 6 о совещаниях великих держав «об их общих интересах и для обсуждения мер... для сохранения мира в Европе» стала основой для так называемой «эпохи конгрессов» 10—20-х гг. XIX в.

Итоги Венского конгресса

Среди великих держав главной выигравшей стороной оказалась Англия. Она вышла победительницей из «второй Столетней войны», ее исторический соперник был сокрушен. Ее стратегический идеал — морское преобладание и европейское равновесие — был достигнут. В 1815 г. Англия контролирует большинство колоний Европы, господствует на всех морских путях, обеспечивает себе доступ к новым заокеанским богатствам. Как сказал один современник, Англия не обязана никому больше, чем Наполеону.

Положение России в чем-то было сходным с английским. Наряду с Англией Россия являлась второй великой державой с внеевропейскими, по сути, мировыми интересами, простиравшимися от Центральной Азии и Дальнего Востока до Северной Америки, поэтому, как и в случае с Англией, равновесие и стабильность в Европе было условием успехов вне нее. Одним из наиболее важных последствий закончившейся в 1815 г. эпохи стала доселе невиданная степень включенности России в европейские дела — как в смысле ее географического продвижения на запад, так и в еще большей степени в смысле приобретенного в годы войны с Наполеоном политического веса, делавшего Россию лидирующей державой континента.

В отличие от Англии и России интересы Австрии и Пруссии по-прежнему носили преимущественно региональный характер. Исчезновение наполеоновской угрозы вновь поставило на повестку дня проблему австро-пруссского дуализма, однако с новыми акцентами, расставленными Венским конгрессом. Сама структура территориальных приобретений германских великих держав изменила характер их соперничества по сравнению с XVIII в. В то время как Австрия с получением Ломбардии и Венеции продолжала терять свой германский характер и географически удалялась из германского культурного и политического круга, Пруссия наращивала свой вес в Германии, самой разрозненностью своих территорий подталкиваемая к идее объединения. К тому же, получив рейнские земли, Пруссия сменила Габсбургов в их исторической миссии «стражи на Рейне», превратилась в главный форпост Германии против «наследственного врага» Франции, что также не могло не сказаться на ее германских позициях.

В то время как прочие великие державы, хотя и в разной степени, но выиграли от международного урегулирования 1814—1815 гг., побежденная Франция воспринимала его как унижение и потому с первых же послевоенных лет превратилась в главную ревизионистскую силу и потенциальную угрозу Венской системе, а Рейн стал одной из главных целей французской внешней политики вплоть до XX в.

В целом Венский конгресс открыл самое мирное в предшествовавшей европейской истории столетие, поскольку при всех модификациях его решений вплоть до последних десятилетий XIX в. утвердилось устойчивое представление о системе европейских государств, к которой отдельные страны принадлежат как части к целому и сохранение которой несет больше выгод, чем потерь.

Вместе с тем Венской системе с самого момента ее зарождения был присущ целый ряд упущений и слабостей. В первую очередь система была подчеркнута европоцентричной. Собравшиеся в Вене политики исходили из традиционного представления о неевропейском мире как о своеобразном продолжении европейских государств по ту сторону океана, никак не учитывая возможности появления там самостоятельных политических субъектов и даже образования региональных международных систем. Проявившаяся в течение XIX в. тенденция к глобализации международных отношений, а также новое качество колониального соперничества станут одним из самых системоразрушающих факторов.

При всей своей европоцентричности, решения Венского конгресса не затронули целый европейский регион, в котором к этому времени проявляли заинтересованность все великие державы, кроме Прус-

сии, — Балканы. Не случайно, что именно восточный вопрос станет одним из главных противоречий на протяжении целого века.

Проблемы существовали даже в тех регионах, которым конгресс уделил самое пристальное внимание. В своем стремлении закрепить послевоенное устройство Венский конгресс не сделал последнего шага и упустил возможность создать еще один предохранитель в лице взаимных гарантий послевоенного территориального устройства. Эта идея, высказывавшаяся еще во время англо-русских переговоров 1805 г. и обсуждавшаяся на самом конгрессе, так и не была реализована. Между тем потенциальную угрозу новому порядку в Европе несли не только отдельные ревизионистские государства, прежде всего Франция, но и отдельные течения общественной мысли, и в первую очередь национализм. Одну из главных слабостей системы составляла нерешенность (в глазах представителей национальных движений) трех важнейших вопросов — германского, итальянского и польского. Иными словами, будущее Венской системы зависело от того, насколько она окажется способной к изменениям.

Глава 9. Международные отношения в период Реставрации и европейских революций 1815—1848 гг.

Заложив в Вене основы будущих международных отношений, великие державы стремились реализовать свой политический идеал и на практике. Главной задачей в европейских столицах считали сохранение спокойствия и порядка в Европе и, соответственно, борьбу со всем, что этому порядку угрожало. На политическом языке того времени это звучало как борьба между «силами устойчивости», представленными европейскими правительствами, и «силами движения», под которыми понималась революция и два ее главных порождения — либерализм и национализм. Общая заинтересованность в недопущении революции и тем самым сохранении мира стала основой беспрецедентной солидарности действий великих держав в первые полтора десятилетия после крушения Наполеона — в период Реставрации, продолжившейся до Июльской революции 1830 г. во Франции. В роли внешнеполитических инструментов солидарности держав выступили периодически созываемые конгрессы, а также Священный союз и «система Меттерниха».

§ 1. Священный союз и «система Меттерниха»

Священный союз Осенью 1815 г. российский император Александр I, движимый целым комплексом религиозных идей — немецкого христианского романтизма, английского квакерства и православного мистицизма, обратился к монархам Австрии и Пруссии с предложением заключить союз солидарности на основе христианской любви к ближнему, установления мира как в частной, так и в политической жизни и отеческого покровительства подданным.

26 сентября договор о Священном союзе был подписан, и вскоре к нему присоединились все европейские монархи, за исключением папы, не признавшего межконфессиональный характер союза, турецкого султана, который, как нехристианский правитель, не получил приглашения, и Англии, принц-регент которой присоединился к союзу в качестве короля Ганновера и частного лица, но не как глава Англии, поскольку английский парламент высказался против союза на исключительно монархической основе.

С точки зрения международного права Священный союз был странной и единственной в своем роде конструкцией, заслуживающей написания слова «союз» в его привычном международно-правовом понимании лишь в кавычках. Предложив расплывчатый проект общеевропейской христианской солидарности, Александр I смутил и насторожил своих более прагматично настроенных союзников. Предложение царя руководствоваться в международной политике «заповедями сея святыя веры, заповедями любви, правды и мира» Каслри назвал «возвышенным абсурдом». Не найдя в проекте Александра I политического содержания, Меттерних охарактеризовал его как «громогласное ничто» и опасался какого-то подвоха, в частности подозревая, что за подчеркнуто христианскими формулировками таятся русские происки против Турции. Однако одновременно австрийский министр увидел в проекте царя возможность получить мощное оружие против «сил движения» и, насколько возможно, постарался изменить его смысл. Александровское братство христианских народов он превратил в союз князей и тем самым отчасти вернул его с мистических высот на рациональную почву.

В реальной политике «странному союзу» была уготована странная судьба. Произошла своеобразная подмена терминов. Во-первых, понятие Священный союз, несмотря на его в самом полном смысле слова общеевропейский характер, на языке современников и историков стало обозначать лишь три его первые державы — Россию, Австрию и Пруссию. Главное же заключается в том, что в глазах общественного мнения Священный союз стал воплощением реакции, любые ее проявления объявлялись делом рук Священного союза, борьба с которым превратилась в главный лозунг европейского либерального и национального движения. Ведя свое происхождение от идеологических лозунгов 20—30-х гг. XIX в., подобная оценка была воспринята и историками, в результате чего Священный союз, по сути призывавший европейских монархов и их народы лишь «почитать всем себя как бы членами единого народа христианского», объявлялся ответственным за действия иной идейной и политической традиции, которая вошла в историю как «система Меттерниха».

«Система Меттерниха»

Сам Меттерних предпочитал не называть предлагавшуюся им политику системой, считая, что любая система есть порождение надуманных принципов и доктрин, его же взгляды естественны, вытекают из самой природы вещей. Оглядываясь назад, он писал: «Так называемая система Меттерниха была не системой, а миропорядком. Революции основываются на системах; вечные законы стоят вне и над...» Вместе с тем в действительности в своей политике Меттерних руководствовался рядом согласованных друг с другом принципов, центральным из которых было противопос-

тавление: движению — устойчивость, идее свободы — идея порядка. «Слово «свобода» имеет для меня ценность не исходного, а в действительности конечного пункта. Исходный пункт обозначает слово «порядок», — писал Меттерних. Как и его ближайший сподвижник — Ф. Генц, Меттерних полагал, что мир покоится на двух принципах — постоянном прогрессе и необходимости его ограничения, на разрушающем и сохраняющем началах. Их равновесие и есть «порядок». Французская революция разбудила «силы движения», разрушая стабильность, уничтожая порядок политический и социальный, угрожая хаосом. Задача «сил устойчивости» в этих условиях не просто оборона и отрицание, а движение («стабильность не значит неподвижность») с целью восстановления нарушенного равновесия.

Политические выводы из этой философии «движения и покоя» получились крайне консервативными. Меттерних выступал за превентивные меры в отношении революции, идей конституционализма, либерализма и национальных движений; в случае их действительных или предполагаемых побед австрийский министр требовал применения принципа интервенции. Именно со времен Меттерниха право на интервенцию будет постоянно дискутироваться и станет составной частью политического дискурса международных отношений вплоть до наших дней.

«Политика покоя» Меттерниха, имевшая европейский масштаб, одновременно преследовала и специфически австрийские интересы. Ни одно государство Венской системы не было заинтересовано в подавлении революционных и национальных движений больше, чем многонациональная империя Габсбургов; вместе с тем ее европейские позиции прямо зависели от сохранения отведенного ей Венским конгрессом лидерства в Германском союзе. Поэтому вмешательство во внутреннюю политику германских государств одновременно служило и средством закрепить австрийское доминирование в Германском союзе и таким образом упрочить свое положение великой европейской державы.

Решительно расходясь с предложенной Александром I идеей Священного союза в отправных пунктах, «система Меттерниха» коренным образом отличалась от нее и по своим средствам. Вместо призыва из христианских побуждений «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь», Меттерних предлагал действовать земными и предельно прагматичными мерами — использовать инструменты дипломатии, издавать законы, в случае необходимости прибегать к репрессиям и вооруженной силе.

Подобные взгляды смогли реализоваться на практике благодаря использованию уже существовавшего дипломатического механизма — Четверного союза 20 ноября 1815 г. с оговоренной при его создании практикой созыва периодических международных конгрессов.

§ 2. Эпоха конгрессов 1818—1822 гг.

Наиболее примечательной чертой развития международных отношений в первое посленаполеоновское десятилетие и самым ярким проявлением «европейского концерта» стала деятельность конгрессов великих держав. Ничего подобного история международных отноше-

ний не знала. При Старом порядке конгрессы, за редчайшим исключением, созывались лишь для выработки условий мира после очередной войны; немедленно после войны приходили в упадок и союзные отношения. Напротив, Четверной союз сохранил свою действенность и в послевоенное время, взяв на себя совершенно неслыханные ранее функции по фактическому управлению, менеджменту европейскими международными отношениями. На практике конгрессы стали делом не только Четверного союза — уже на первом из них присутствовала Франция. Не совсем точна и характеристика «конгрессы Священного союза», поскольку в них самое деятельное участие принимала не входившая в Священный союз Англия; показательно, что Меттерних на конгрессах ни разу не воспользовался обозначением Священный союз и всегда говорил лишь о Четверном союзе. Таким образом, единственным существенным критерием участия в конгрессах 1818—1822 гг. являлось великодержавное положение — это были конгрессы «пентархии» великих держав.

**Аахенский конгресс
1818 г.**

В работе *Аахенского конгресса* сентября — ноября 1818 г. приняли участие монархи России, Австрии и Пруссии и все ведущие дипломаты — Меттерних, Каслри, Дж. Каннинг, Гарденберг, Нессельроде, Ришелье и др. Обсуждались три основные проблемы: оккупационный режим во Франции, либеральное движение в Германии и международный статус Франции.

К этому времени во Франции правительство герцога Ришелье успешно осуществляло курс на скорейшую выплату контрибуции, прекращение оккупации и возвращение Франции в ряды великих держав. По Второму Парижскому миру Франция обязывалась к выплате контрибуции в 700 млн франков, к которым добавлялись претензии пострадавших от наполеоновских контрибуций на компенсацию в размере 1,6 млрд франков; сроком на пять лет в стране оставалась 150-тысячная оккупационная армия союзников. Ришелье добился сокращения численности оккупационной армии до 120 тыс. и уменьшения компенсации с 1,6 млрд до 240 млн франков. На конгрессе французская делегация достигла еще больших успехов, в том числе благодаря личной поддержке царя, благоволившего к Ришелье, который во время эмиграции в России проявил свои административные таланты на посту губернатора Одессы. В октябре была подписана конвенция, по которой союзные войска должны были быть выведены из Франции не позднее 30 ноября 1818 г., конференция послов распущалась, контрибуция сокращалась с 700 до 265 млн франков.

В отношении либерального и национального движения в германских университетах державы ограничились лишь принятием тайного меморандума о противоборстве подобным веяниям.

Наконец, Аахенский конгресс был знаменателен и изменением в составе великих держав. Россия пыталась привлечь Испанию в качестве равноправного участника конгресса, поддержать Мадрид в его борьбе против движения за независимость в Латинской Америке и тем самым сдержать продвижение США на юг североамериканского континента. Эта идея не получила поддержки Австрии и Пруссии и столкнулась с сопротивлением Англии, хорошо понимавшей, что еще одной задней мыслью русского проекта было противодействие полному преобладанию Англии вне Европы.

Напротив, возвращение Франции в ряды великих держав не встретило никакого сопротивления. Все державы считали ее необходимым элементом европейского равновесия, в частности Россия — против Англии, а Англия и Австрия — против России. Принятие Франции в «европейский концерт» произошло путем подписания *Аахенского протокола* 15 ноября 1818 г., в котором подтверждался союз четырех держав с целью сохранения всеобщего мира в Европе, заявлялось о принятии в него Франции и согласовывалась система дипломатических коммуникаций между великими державами. Вместе с тем Франция продолжала рассматриваться как главный потенциальный возмутитель спокойствия в Европе, поэтому державы пошли на предложение Англии и одновременно с Аахенским протоколом тайно возобновили и антифранцузский Четверной союз.

Конгрессы в Троппау и Лайбахе

Следующий конгресс состоялся в изменившейся обстановке роста революционного и национального движения. В германских государствах ширилось либеральное движение, укреплялись разного рода национальные организации, в частности студенческие объединения так называемых буршей. В ответ Германский союз летом 1819 г. по согласованной с Пруссией инициативе Меттерниха принял *Карлсбадские решения*: в германских государствах запрещались политические организации, ужесточалась цензура и контроль за университетами и т. д.

В 1820 г. международная обстановка накалилась еще больше из-за революционных движений в Южной Европе — в Испании, Португалии и Неаполитанском королевстве.

Особенное значение имела революция в Неаполе, поскольку она затрагивала Австрию как фактического гаранта установленного Венским конгрессом итальянского статус-кво, а также Англию из-за ее позиций в Средиземноморье. К тому же в Лондоне не могли отделаться от недоверия к Франции и опасались возможной только теоретически поддержки Людовиком XVIII родственного ему Бурбона — неаполитанского короля Фердинанда I, хотя в реальности кабинет Ришелье был далек от подобных проектов.

Поддержка или, как минимум, нейтралитет заинтересованных в итальянском вопросе — Франции и Англии — создавали благоприятную ситуацию для австрийского вторжения в Неаполь. Однако и Англия, и Франция не желали, чтобы подобная интервенция осуществлялась под лозунгом легитимизма и монархической солидарности. Меттерних, напротив, хотел сделать Неаполь пробным камнем и одновременно прецедентом легитимистской политики и представить Австрию как действующую по мандату Европы. С этой целью он предложил созвать *конгресс в Троппау* (ныне — Опава в Чехии).

Разница в подходах Англии и Франции, с одной стороны, и Австрии, России и Пруссии — с другой, на проходившем с октября по декабрь конгрессе проявилась в полной мере. В отличие от «восточных держав», как и в Аахене представленных монархами, англичане и французы ограничили свое представительство лишь послами в Вене, наделенными к тому же по преимуществу лишь наблюдательными функциями.

В центре дебатов стоял принцип интервенции. Если австрийский и прусский монарх и были готовы продолжить в европейском мас-

штабе взятый в Карлсбаде курс, то Александр I, за всю жизнь так до конца и не отрешившийся от либеральных представлений юности, склонялся скорее к тому, чтобы сохранить навязанную восставшими конституцию Неаполитанского королевства. Однако известие о восстании в октябре 1820 г. Семеновского полка в Петербурге потрясло его до глубины души и способствовало окончательному переходу на позиции Меттерниха. 19 ноября был подписан принципиальный документ — «временный протокол» о праве вооруженной интервенции во все страны, в которых возникает угроза политических переворотов. Однако этот протокол подписали только Австрия, Россия и Пруссия, в то время как Англия, с такой же настойчивостью отстаивавшая противоположный принцип невмешательства, заявила официальный протест. Так в «европейском концерте» появились первые отчетливые диссонансы.

Обсуждение неаполитанского вопроса в январе — мае 1821 г. продолжилось на *конгрессе в Лайбахе* (нынешняя Любляна в Словении), куда великие державы переместились, с тем чтобы быть ближе к месту событий и иметь возможность выслушать прибывшего в Лайбах неаполитанского короля Фердинанда VII. Последний заявил, что согласие на конституцию у него было вырвано силой и официально попросил о помощи. Тем самым интервенция получила правовую основу. Несмотря на протесты Англии, Франции и присутствовавших на конгрессе представителей Тосканы, Сардинии-Пьемонта и Папского государства, уже в феврале в Неаполь вторглись австрийские войска и в течение месяца восстановили прежние порядки. Одновременно Австрия сыграла подобную роль и в отношении Пьемонта, в котором в ходе династического кризиса после отречения короля Виктора Эммануила I поднялось движение за конституцию.

Конгресс в Вероне Продолжавшиеся волнения в Южной Европе побудили великие державы к проведению еще одного конгресса, на повестке дня которого стояла ситуация в Италии, Испании и Греции.

На проходившем с октября по декабрь конгрессе продолжилось противостояние Австрии, России и Пруссии, с одной стороны, и Англии — с другой, по вопросу права интервенции. Ситуация осложнилась тем, что в августе 1822 г. самоубийство совершил Каслри, лично близкий Меттерниху еще со времен Венского конгресса, человек, о котором австрийский министр сказал в качестве высшей похвалы: «...он научился меня понимать». Тем самым продолжавшийся с того же времени период доверительных отношений Австрии с Англией завершился, и Меттерних был вынужден в большей степени, чем хотел, опираться на Россию, Пруссию и даже Францию. Новым министром стал Джордж Каннинг, старый противник Каслри и его политики. Не менее жестко выступая против принципа интервенции, он демонстрировал более либеральные подходы, вплоть до выражения симпатии восставшим. Одновременно Каннинг начал проводить более «островную», изоляционистскую политику, отходя от заложенных Каслри традиций.

Перемены произошли и во Франции, в которой укреплялись позиции консервативных сил. Новый премьер-министр — роялист Ж.-Б. Виллель не был сторонником интервенции, но находился под давлением ультрароялистов, среди которых выделялся посол Франции в Лондоне известный писатель Ф.-Р. Шатобриан. Шатобриан и

его единомышленники выступали за интервенцию Франции в Испанию для предотвращения распространения революции на французскую территорию. К интервенции в Испанию французское правительство подталкивал и Александр I, заявивший Шатобриану, что порядок в Испании должен быть восстановлен в любом случае — «вместе с Францией, без Франции, вопреки Франции».

По трем наболевшим вопросам на конгрессе были приняты следующие решения. В Италии Австрия должна была сократить свое присутствие — вывести войска из Пьемонта, уменьшить численность своей армии в Неаполе. Подобное решение было принято в интересах всех держав, признававших за Австрией роль гаранта решений Венского конгресса на Апеннинском полуострове, но не желавших ее чрезмерного усиления.

По поводу разгоравшейся национальной борьбы Греции против турецкого владычества конгресс занял осторожную позицию. Не желая поощрять греков и портить отношения с Османской империей, великие державы не допустили до участия в конгрессе греческого уполномоченного (на время конгресса он был задержан в дороге папскими властями), но вместе с тем дипломатическую поддержку получили требования России к Турции, касавшиеся положения Дунайских княжеств, терпимости к христианам и режима судоходства в Черноморских проливах.

По поводу революционного движения в Испании 19 декабря было принято совместное заявление, подписанное всеми державами, кроме Англии, и угрожавшее разрывом дипломатических отношений и военной интервенцией в маловероятном случае нападения Испании на Францию или свержения Фердинанда. Иными словами, державы ограничились средствами дипломатического давления, но одновременно в Париже была создана конференция с участием трех восточных держав и Франции для рассмотрения возможности совместной интервенции. В этих условиях Франция неожиданно взяла инициативу на себя. Продолжавшееся усиление позиции правых сил во Франции привело на пост министра иностранных дел Шатобриана, не желавшего совместной интервенции в Испанию, поскольку это означало бы появление иностранных войск на территории Франции, тогда как подавление испанской революции исключительно французскими войсками подчеркнуло бы самостоятельность политики Франции. В январе 1823 г. Франция разорвала с Испанией дипломатические отношения, в апреле началось вторжение. Испанская революция была подавлена. Французские войска оставались в Испании до 1828 г., однако, как и Австрии в Италии, Франции не удалось извлечь из интервенции серьезных политических выгод и превратить Испанию в своего сателлита, поскольку такому развитию событий вновь воспротивились прочие великие державы.

В целом международные результаты революций в бассейне Средиземного моря ознаменовали собой конец первого периода существования Венской системы, отмеченного относительной слаженностью «европейского концерта», организационно выраженной в деятельности конгрессов. Столкновение интересов привело к тому, что Англия фактически вышла из «концерта», Франция, используя его для восстановления великодержавного престижа, встала на путь проведения самостоятельной политики. Вместе с тем сохранялась

общность позиции трех восточных держав как основы «системы Меттерниха», пока доказавшей свою действенность в борьбе с революциями даже вдали от их границ. Очередная волна революций принесла «европейскому концерту» новые испытания.

§ 3. Революционные движения 1830—1831 гг.

Июльская революция во Франции

«Три славных дня» Июльской революции во Франции (26—29 июля) привели к свержению короля Карла X Бурбона (1824—1830) и воцарению Луи Филиппа (1830—1848) — представителя боковой Орлеанской ветви Бурбонского королевского дома.

По букве и духу Четверного союза 20 ноября 1815 г. и протокола Ахенского конгресса можно было ожидать, что прежние союзники против Наполеона постараются восстановить старое положение вещей или, как минимум, соберутся для консультаций. Однако ничего подобного не произошло: в течение августа — сентября европейские великие державы, первая Англия и последняя Россия, одна за другой признали нового короля. Этот на первый взгляд неожиданный поворот событий был связан с несколькими обстоятельствами.

С одной стороны, немедленно по восшествии на престол Луи Филипп словами и делами заверил прочие державы, что перемены на французском троне не будут иметь никаких последствий для ситуации в Европе, Франция сохранит все свои обязательства. Опасения Меттерниха, что «если чихает Париж, простужается Европа», на этот раз не сбылись. С другой стороны, сами державы коалиции не имели ни возможности, ни политической воли для вмешательства во французские дела. Основным побудительным мотивом мог стать страх перед повторением сценария Великой французской революции, однако тот же опыт учил, что постороннее вмешательство может возыметь противоположный эффект и привести к радикализации революции с угрозой ее распространения за пределы Франции. Интервенция исключалась и потому, что в рядах великих держав не было необходимого единства: Англия вновь заявила о «принципе невмешательства», отказ же Пруссии делал интервенцию физически невозможной, поскольку ее территория в таком случае становилась закрытой для прохода русских и австрийских войск. Понимая эти обстоятельства, Меттерних и Нессельроде 6 августа подписали так называемый «карлсбадский клочок» — краткий протокол о невмешательстве во внутрифранцузские дела. Вместе с тем Июльская революция означала первую брешь в решениях 1815 г., доказывала возможность перемен и тем самым создавала опасный для системы прецедент. Непосредственными следствиями Июльской революции стали движения в Бельгии и Польше, отвлекшие внимание великих держав и сделавшие всякое вмешательство во французские дела окончательно невозможным.

Революция в Бельгии

В случае с Бельгией впервые проявился конфликт между созданным в интересах великих держав международным порядком и национальными устремлениями отдельных народов. Созданное решением Венского конгресса объединение республики Соединенных провинций и Бельгии оказалось нежизнеспособным.

собным в первую очередь потому, что с самого начала встречало протест бельгийцев.

Под воздействием Июльской революции в конце августа 1830 г. в Бельгии началась вооруженная борьба против голландских войск, и 4 октября была провозглашена независимость страны. Король Нидерландов призвал великие державы помочь ему справиться с этим вопиющим нарушением Заключительного акта Венского конгресса.

Проблема Бельгии, традиционно одной из самых чувствительных точек в международных отношениях и давнего объекта интереса Англии и Франции, испытала гораздо большую степень интернационализации, чем проблема Июльской революции, и стала настоящим испытанием для «европейского концерта».

Англия первоначально заняла выжидательную позицию, дожидаясь реакции Франции. Луи Филиппу же предоставился случай сразу доказать, что его заявления о миролюбии Франции не были пустым звуком. С одной стороны, Франция не могла не приветствовать разрушение одного из «барьеров», специально возведенных против нее в 1815 г. Однако гораздо важнее было избежать новой коалиции против Франции. Поэтому Луи Филипп заявил о своей готовности придерживаться принципа невмешательства в том случае, если его будут придерживаться и остальные великие державы. Пруссия и Австрия также оказались затронутыми бельгийской проблемой: первая как непосредственный сосед, вторая — как формальный лидер Германского союза, в состав которого входили находившееся в персональной унии с королем Нидерландов великое герцогство Люксембург, а также герцогство Лимбург. Однако Пруссия ограничилась лишь укреплением своей границы, в то время как внимание Меттерниха было отвлечено волнениями в Италии. Лишь новый русский царь — Николай I высказался за немедленную вооруженную интервенцию, но, оказавшись в одиночестве и перед лицом начавшегося вскоре польского восстания, был вынужден уступить.

В итоге бельгийский вопрос был решен на конференции, созванной в ноябре 1830 г. в Лондоне по предложению Англии и Франции и продолжавшейся с перерывами до 1839 г. Главной причиной затягивания конференции стала позиция короля Нидерландов Вильгельма, который категорически настаивал на своих правах на Бельгию, вытекавших из трактатов 1815 г. В итоге новое положение Бельгии было закреплено в «Двадцати четырех статьях» 15 ноября 1831 г. — договоре между пятью великими державами и Бельгией. Подобно Швейцарии, Бельгия становилась нейтральным государством, нейтралитет которого гарантировался всеми пятью великими державами. Люксембург делился на две части — западная, валлонская отходила Бельгии, восточная, немецкая сохраняла личную унию с королем Нидерландов и членство в Германском союзе. Вильгельм признал новое положение вещей только спустя восемь лет по Лондонскому протоколу 1839 г. Этот протокол, подписанный великими державами, а также Бельгией и Нидерландами, подтверждал договор 1831 г. и решал последнюю спорную проблему между двумя соседями: герцогство Лимбург делилось между Бельгией и Нидерландами по линии реки Маас, причем нидерландская часть со столицей Маастрихт по-прежнему входила в Германский союз. Еще раньше была разрешена проблема будущего бельгийского короля. Попытки Франции посадить на бельгийский

трон одного из сыновей Луи Филиппа столкнулись с категорическим сопротивлением Англии, и в результате был принят принцип, что будущий король не должен принадлежать ни к одной правящей в великих державах династии. Все взоры немедленно обратились к Германии, как всегда предлагавшей самый богатый выбор князей. В итоге первым бельгийским королем стал Леопольд Саксен-Кобургский, представитель едва ли не самой удачливой в этом отношении малой европейской династии. Тем самым бельгийский вопрос был решен окончательно.

Разрешение бельгийского кризиса стало одним из самых ярких достижений «европейского концерта», когда великие державы, несмотря на разницу в целях и прямую заинтересованность некоторых из них, смогли проявить основные принципы «концерта»: готовность к самоограничению, стремление к компромиссу, желание избежать прямого конфликта. Отныне чреватой международными затруднениями оставалась лишь одна часть этого решения — двойственное положение Люксембурга и Лимбурга, что впоследствии подтвердят события 1848 и 1867 гг.

Революционные движения в остальной Европе

Прочие революционные движения начала 30-х гг. в Европе не имели большого значения для дальнейшего развития международных отношений. Наиболее крупное из них, *польское восстание* 1830—1831 гг., немедленно после его начала объявленное Николаем I внутренним делом России, таковым оставалось и на самом деле. В двух параллельно развивавшихся международных проблемах, бельгийской и польской, произошел своеобразный размен сфер влияния: Австрия и Россия не препятствовали Англии и Франции в бельгийском вопросе, а последние ограничились лишь отдельными словесными протестами в польском.

В то же время польское восстание имело более отдаленные последствия, лишний раз иллюстрирующие новую роль идеологии и общественного мнения в международных отношениях. Польская эмигрантская пропаганда и вслед за ней западная либеральная печать изображали дело так, что восстание началось из-за отказа польской армии двигаться на подавление революции в Европе, и поляки, таким образом, спасли Европу от «русского кнута». По всей Европе распространилась полонофилия, причем быть полонофилом одновременно означало быть либералом и русофобом. Широко распространившиеся особенно в английском и французском общественном мнении анти-русские настроения сыграют существенную роль, в частности, при начале Крымской войны.

Восстания в 1831 г. в Папском государстве, а также в герцогствах Парме и Модене повлекли за собой более значимые международные последствия, и в первую очередь показали живучесть традиционных австро-французских противоречий из-за Италии. На вторжение австрийских войск и подавление восстания в герцогствах Франция в 1832 г. ответила введением в Папское государство своих войск, которые оставались там до ухода австрийцев в 1838 г.

§ 4. Политика и идеология: международные отношения в 1830—1847 гг.

Не воздействуя на международные отношения прямо, польское восстание, как и другие события революционного 1830 г., оказали на них косвенное влияние, усилив момент идеологического размежевания. Еще в предыдущее десятилетие в среде великих держав обозначилось разграничение на два своеобразных идеологических лагеря, особенно заметное в вопросе интервенции, — либеральные Англия и Франция, с одной стороны, и консервативные Россия, Австрия и Пруссия — с другой. Бурный 1830 г. заставил определить позиции более четко. В итоге появилась тенденция к совершенно новому явлению в конфигурации международных отношений — к образованию своего рода идеологических блоков. Если альянс трех «восточных держав» был уже достаточно сложившимся, то связь двух исторических противников была абсолютным новшеством. Сенсация объяснялась временным смягчением англо-французских противоречий на Востоке, в колониях, в Бельгии. Непосредственным поводом для сближения стала ситуация в том регионе, где либеральное и консервативное начала соперничали в особенно острой форме — на Пиренейском полуострове.

Кризис в Испании и Португалии в начале 30-х гг.

Политическое развитие Испании в первые десятилетия XIX в. отличалось высокой степенью нестабильности благодаря двум факторам. Во-первых, общеевропейский феномен противостояния консерватизма и либерализма обрел здесь особенно резкие формы. На одном полюсе располагались защитники конституции 1812 г., самой смелой на тот момент в мире, которых стали называть либералами, и именно отсюда этот термин получил свое современное значение. На другом полюсе были не менее мощные и консолидированные консервативные силы с особенно сильными позициями католического духовенства. Второй фактор — это традиционные для Испании династические проблемы. Сочетание этих двух факторов привело, по сути, к гражданской войне в Испании, вызвавшей вмешательство Англии и Франции.

Начало кризису на Пиренеях положила ситуация в Португалии, внутреннее развитие которой было похожим на испанское. Желая сохранить за собой титул императора Бразилии (1822—1831), Педро IV, получив в 1826 г. португальскую корону, отказался от нее в пользу своей дочери при регентстве своего брата Мигеля, который немедленно взял абсолютистский курс во внутренней политике и антианглийский во внешней. В ответ Англия, до того момента главный европейский адвокат «принципа невмешательства», проявила своеобразное его понимание, организовав в 1827 г. первую, а в 1831 г. вторую интервенцию в Португалию и в конце концов сместив Мигеля. Британские корабли бросили якорь перед Лиссабоном на следующие сорок лет.

Четыре брака правившего в Испании короля Фердинанда VII так и не принесли ему сыновей. Чтобы обеспечить права наследования своим дочерям — Изабелле и Луизе Фернанде, перед самой своей

смертью в 1833 г. он отменил право наследования исключительно по мужской линии. Однако его брат Дон Карлос не признал этого решения и повел вооруженную борьбу, в которой он опирался на консервативные силы, в то время как королева-регентша Мария Кристина сделала своей опорой либералов. Как и в Португалии, в эту внутреннюю борьбу активно вмешались Англия и Франция, поддержавшие либералов.

Четверной союз и Мюнхенгречская конвенция

Именно на этой основе сближение между Францией и Англией приобрело осязаемую форму — 22 апреля 1834 г. между Англией, Францией, Испанией и Португалией был подписан Четверной союз, или Сердечное согласие. Целью союза объявлялся разгром мигелистов в Португалии и карлистов в Испании, причем Англия обязывалась оказать военно-морскую поддержку, в то время как Франция предоставляла помощь «по необходимости». С появлением Сердечного согласия казалось, что Европа раскололась на два блока по идеологическому принципу: Австрия, Россия и Пруссия также укрепили свои ряды, заключив в 1833 г. соглашение в Мюнхенгрече.

Продолжавшееся революционное брожение, кризисы в Бельгии и Польше, а также обострение восточного вопроса в связи с первым египетским кризисом (см. ниже) побудили три «восточные державы» согласовать свои позиции в серии двусторонних встреч, наиболее важной из которых стало рандеву австрийского и русского императоров в чешском Мюнхенгрече в сентябре 1833 г. В ходе этих встреч были приняты следующие решения: в германском вопросе монархи договорились о созыве в следующем году сейма Германского союза для выработки мер по пресечению революционных движений; в польском — о выдаче друг другу польских революционеров и о взаимной помощи в случае нового польского восстания; в бельгийском — о признании независимости Бельгии, если ее политика в будущем не будет противоречить интересам Германского союза; в восточном — о сохранении Турции. Наконец, был затронут и официально закреплён один вопрос более общего порядка, трактовка которого особенно четко разводила две западные и три восточные великие державы по разные стороны дипломатического фронта, — принцип интервенции. В ответ на заявленное в 1830 г. требование Франции и Англии о невмешательстве во внутренние дела других государств Австрия, Россия и Пруссия в октябре 1833 г. подписали Берлинскую конвенцию о праве на интервенцию всякого независимого государства. Однако в отличие от практики начала 20-х гг. интервенция должна была следовать в ответ на официальную просьбу ищущей внешней помощи страны.

Вместе с тем при той скорее вспомогательной функции, которую в XIX в. играла идеология при определении внешнеполитических интересов, идеологические альянсы вообще могли существовать лишь до того момента, пока идеологическая близость не сталкивалась с противоречием реальных интересов.

В случае с Англией и Францией эти противоречия заявили о себе с самого начала Сердечного согласия, более того — само оно было во многом задумано Пальмерстоном еще и как своего рода троянский конь английского влияния в Испании. Дело в том, что еще со времен вторжения 1823 г. Франция имела в Испании достаточно прочные

позиции. Учитывая, что в 1830 г. она захватила еще и Алжир, Пальмерстон опасался, что французское влияние в Западном Средиземноморье станет слишком сильным. Таким образом, Сердечное согласие позволяло укрепить английское влияние в Испании и противопоставить его французскому.

После поражения карлистов в войне 1834—1838 гг., достигнутом при вооруженной поддержке Англии и Франции, и достижения таким образом цели Сердечного согласия союз между ними стал все больше ослабевать. Однако идеология в испанских делах сохранила свое значение как средство достижения внешнеполитических целей. Борьба за влияние в Испании по-прежнему велась в идеологических перчатках, в форме поддержки различных группировок либералов: Англией — «прогрессивных» и Францией — «умеренных». Однако вскоре события на Ближнем Востоке и на Рейне заставили Англию и Францию отбросить идеологические тонкости и вновь встать на путь конфронтации.

Рейнский кризис 1840 г.

Второй египетский кризис 1839—1841 гг. (см. с. 227), обнаруживший очевидный конфликт интересов Англии и Франции на Ближнем Востоке, в 1840 г. совершил неожиданный поворот: начавшись на Ниле, он удивительным образом откликнулся на Рейне.

Рейнский кризис 1840 г. стал одним из самых ранних и ярких примеров новой роли национализма и общественного мнения во внешней политике. Во Франции, к 30-м гг. XIX в. полностью оправившейся от наполеоновской катастрофы и освободившейся от контроля со стороны участников коалиции, росло чувство неудовлетворенности теперешним положением страны и теми ограничениями, которые налагали на нее трактаты 1815 г.

В этой обстановке дипломатическое поражение Франции в египетском кризисе было воспринято крайне болезненно и привело к повороту, объяснимому только с позиций специфической национальной логики — в качестве своеобразной компенсации за «дипломатическое Ватерлоо» на Востоке французское общественное мнение и пришедшее к власти в марте 1840 г. правительство Тьера потребовали восстановления границы по Рейну. Не ограничившись словами, Тьер принял меры по мобилизации, ускорил строительство укреплений и т. д. В Дом инвалидов с острова Святой Елены был демонстративно перенесен прах Наполеона.

В свою очередь, для немецкого национализма французы уже давно были «наследственным врагом». Угроза «немецкому Рейну» всколыхнула всю Германию. Массовое национальное движение увлекало за собой и правительства германских государств: Австрия и Пруссия согласовали между собой военную «пунктуацию», Франкфуртский сейм ускорил реформирование военной конституции Германского союза. Ситуацию разрядил только Луи Филипп, в октябре 1840 г. отправивший правительство воинственного Тьера в отставку.

Значение Рейнского кризиса заключалось прежде всего в том, что стремление Франции пересмотреть трактаты 1815 г. впервые было высказано с такой определенностью и со столь очевидными националистическими интонациями. В результате кризиса традиционные антифранцузские настроения в различных германских государствах

приобрели новое качество, наметившееся еще на исходе Наполеоновских войн: отныне конфликт с Францией воспринимался как дело всех немцев. Германии, как таковой, еще не существовало, но духовная почва для франко-германского антагонизма, который на сто следующих лет станет одним из главных в Европе, была во многом готова. Ревизионизм Франции не мог не обеспокоить и Англию как главного хранителя европейского равновесия. Однако окончательно англо-французское Сердечное согласие, практически разрушенное событиями на Ближнем Востоке и на Рейне, было похоронено на той же почве, на которой возникло, — на Пиренейском полуострове.

Англо-французские отношения 1841—1846 г.

Начало 40-х гг. было отмечено некоторой стабилизацией отношений между Англией и Францией. Сменивший Тьера Ф. Гизо и статс-секретарь по иностранным делам нового кабинета тори Дж. Г. Эбердин приняли примирительный курс, проявившийся, в частности, в обоюдных визитах членов английской и французской королевских семей.

Между тем точек трения в англо-французских отношениях становилось все больше. Две страны шли противоположными экономическими курсами: в то время как Англия выдвигала лозунг свободной торговли, Франция в 1841 г. повысила таможенные пошлины до 13%. Особенное беспокойство в Лондоне вызывало то обстоятельство, что эти протекционистские пошлины не касались Бельгии, в отношении которой Тьер и затем Гизо лелеяли планы таможенной унии. В Форин Офис полагали, что за подобными планами скрывалась давняя французская цель подчинить себе Бельгию и политически. Интересы двух стран сталкивались и в Западном Средиземноморье, в частности военная экспедиция Франции в Марокко в 1844 г. вызвала протесты Англии, увидевшей в этом желание Франции захватить стратегически важный плацдарм на африканском берегу Гибралтара. Однако решающим образом на разрыв англо-французской «антанты» повлияли события по другую сторону пролива.

В Испании продолжалось скрытое соперничество Англии и Франции, имевшее форму борьбы между различными фракциями либералов. В 1843 г. проанглийски настроенные «прогрессисты» уступили кресло премьера опиравшимся на французов «умеренным». На фоне падения влияния Англии на испанские дела стала разворачиваться новая династическая проблема — подросшие дочери Фердинанда VII должны были выходить замуж, и от выбора их супругов во многом зависела будущая внешнеполитическая ориентация Испании.

Первоначально Эбердин и Гизо пришли к взаимоприемлемому компромиссу с легким креном в сторону французского влияния: Изабелла, старшая принцесса и наследница, должна была выйти замуж за своего кузена герцога Кадисского, и, только если от этого брака родится законный наследник, ее младшая сестра могла стать супругой одного из сыновей Луи Филиппа. Однако парламентские выборы в Англии в 1846 г. вновь изменили ситуацию — к власти пришли виги, и новый амбициозный глава внешнеполитического ведомства Г. Дж. Пальмерстон попытался утвердить английское влияние в Мадриде, вопреки договоренности предложив в супруги Изабелле Леопольда Саксен-Кобургского, кузена английского принца Альберта и родственника королей Португалии и Бельгии. В ответ Гизо ускорил

матримониальные приготовления, и в октябре 1846 г. обе испанские принцессы вышли замуж за первоначально оговоренных женихов, но уже — вопреки договоренности — одновременно. Тем самым Англия потерпела дипломатическое поражение, а Франция взяла своеобразный реванш за свое ближневосточное фиаско 1840 г. Сердечное согласие распалось окончательно.

Как и на западе, на востоке и в центре Европы вплоть до революции 1848 г. не происходило резких перемен, однако и в этой безусловной вотчине «системы Меттерниха» общеевропейский феномен подъема либерализма определенным образом сказывался на международных отношениях. Касалось это и Германского союза.

В 1832 г. Союзный сейм во Франкфурте принял так называемые «Шесть статей» — дополнение к Венскому заключительному акту, по которому в германских государствах сокращались права представительных учреждений, ужесточалась цензура и т. д. В ответ на это вмешательство во внутренние дела германских государств — впрочем, совершенно законное и предусмотренное Венским заключительным актом 1820 г., — во внутренние дела Германского союза неожиданно попытались вмешаться Англия и Франция. В специальном меморандуме Пальмерстон потребовал отмены «Шести статей» и даже проведения либеральных реформ, ссылаясь на «европейский характер» Германского союза как части созданной в Вене системы. Иными словами, отказывая трем главным державам Священного союза в праве вмешательства во внутренние дела других стран по идеологическим мотивам, Англия и Франция сами предприняли попытку своеобразной дипломатической интервенции. Однако, как уже отмечалось, реальный радиус действия идеологических блоков не выходил за пределы политических возможностей их участников: если в Испании и Португалии три «восточные монархии» были вынуждены ограничиться только словами, то в сфере их исключительного преобладания дальше слов уже не могли пойти Англия и Франция. В результате резкой полемики между Англией и Францией, с одной стороны, и Австрией и Пруссией — с другой, Лондон и Париж были вынуждены отказаться от дальнейших попыток вмешательства в Германский союз.

На фоне идеологической борьбы и уточнения места Германского союза в системе международных отношений в мире германских государств происходил еще один важнейший процесс — постепенное, почти незаметное глазу усиление Пруссии.

Решения Венского конгресса существенно изменили основы австро-пруссского противостояния: если монархия Габсбургов, получив новые земли в Италии и на Балканах, продолжила процесс своеобразного «вырастания» за пределы Германии и утраты своего некогда преимущественно немецкого характера, то Пруссия, напротив, потеряв часть польских владений и приобретя обширные территории на Рейне, стала гораздо более «немецкой» державой. Сам факт обладания крупным рейнским эксклавом обращал ее на запад. Ключевым словом прусской внешней политики становилось «объединение». Ни в коем случае не имелось в виду объединение национальное, становившееся главным лозунгом различных форм общественного движения в германских землях. Речь шла не о нации, а о политике. Следовало объединить восточные земли с рейнскими; на самом Рейне нужно было ликвидировать чересполосицу территорий Пруссии и других

германских государств. Таким образом, просто стремясь к государственной целостности, Пруссия почти автоматически становилась потенциальным объединителем Германии. В соперничестве с Австрией Пруссия получила преимущество в новой и решающей для государственной мощи сфере — в развитии промышленности и экономики в целом. Значительную роль в этом сыграло создание в 1834 г. Таможенного союза. Со временем превратив Пруссию в экономический центр Германии, он тем самым выдвигал ее на лидирующие позиции и в стоявшем на повестке дня политическом объединении Германии. По меткому выражению известного английского экономиста Дж. Кейнса, еще до объединения германских земель Бисмарком «железом и кровью» они были объединены «железом и углем».

Меттерних понимал всю меру угроз для Австрии, связанных с Таможенным союзом, за бортом которого она оказалась. После краха попыток создать альтернативу Таможенному союзу в 40-е гг. он предпринял попытки каким-то образом подключить к нему Австрию. Эти попытки закончились неудачей как по причине прусского сопротивления, так и из-за нежелания австрийских экономических кругов, опасавшихся конкуренции. Кроме того, Меттерних до некоторой степени оказался заложником собственного реакционного политического курса. «Система Меттерниха» работала в Германии только при условии сотрудничества Австрии и Пруссии, и Меттерних просто не мог себе позволить открытый конфликт с Берлином. В целом уже к середине века становилось все более очевидным, что в новую эпоху либерализма, национализма и промышленного переворота экономически отстававшая, подчеркнута донациональная и консервативная Австрия обречена на исторический проигрыш Пруссии.

Присоединение к Австрии Кракова

Если «системе Меттерниха» вплоть до середины века вполне успешно удавалось сдерживать национальное движение в Германии, то еще в большей степени это можно сказать о польском национальном движении, находившемся под контролем сразу трех великих держав. Последним остатком польской независимости был город Краков в Западной Галиции. Доставшийся по третьему разделу Польши Австрии и в 1809 г. вошедший в состав герцогства Варшавского, Краков по решению Венского конгресса был объявлен свободным городом под покровительством Австрии, России и Пруссии. Однако с течением времени автономия города постоянно сокращалась, и в реальности он управлялся «резидентами» трех держав. В глазах представителей польского национального движения месторасположение Кракова на пересечении польских владений Австрии, России и Пруссии делало его очень привлекательным для использования в качестве плацдарма в борьбе за независимость. В середине 40-х гг. польские организации планировали превратить Краков в исходный пункт для всеобщего польского восстания, которое должно было сначала затронуть Австрию и Пруссию и затем распространиться на Россию. Однако руководители восстания были задержаны, а в самой Галиции вспыхнуло восстание местного украинского крестьянства против польских помещиков. В качестве средства покончить с ситуацией, угрожавшей социальному миру и польским владениям «восточных монархий», было решено присоединить беспокойный город к польским владениям Австрии.

Впервые эта идея прозвучала еще в середине 30-х гг., однако тогда Меттерниха смущали ее международно-правовые последствия, поскольку речь шла об изменении Заключительного акта Венского конгресса, которое, подобно тому как это было с Бельгией, должно было бы осуществляться всем «европейским концертом». Получить же согласие Франции и Англии казалось маловероятным. Однако реальная угроза восстания и давление со стороны России, в случае отказа Австрии соглашавшейся присоединить Краков к себе, вынудили Меттерниха в 1846 г. пойти на этот шаг. Момент был выбран исключительно удачно, поскольку именно тогда в англо-французском конфликте по поводу «испанского брака» исчезали последние остатки Сердечного соглашения. В итоге Париж и Лондон ограничились слабыми и заявленными по отдельности протестами, и с этого момента о некогда существовавшем Польском государстве на европейской карте не напоминало больше ничего.

Война в Швейцарии

Последним значимым международным событием, состоявшимся накануне революции 1848 г. и отчасти являвшимся ее прологом, стала война между собой швейцарских кантонов в 1847 г.

Решения 1815 г. превратили Швейцарию в конфедерацию 22 кантонов, весьма напоминавшую Германский союз, где общими были только внешняя политика и оборона, а вместо общего парламента существовало собрание уполномоченных отдельных земель.

Как и в других случаях, толчком к обострению ситуации стали идеологические разногласия, а именно противоречия консерваторов и либералов, в центре которого стоял церковный вопрос. В 1847 г. семь католических кантонов объединились в так называемый «особый союз», вопреки запрету на выступления против других членов конфедерации. Начавшаяся вслед за тем война, одна из самых бескровных в истории, продлилась всего 25 дней и закончилась внутренним переустройством Швейцарии, из конфедерации превратившейся в федерацию с двухпалатным парламентом, в целом сохранившуюся до наших дней.

§ 5. Революции 1848 г. и международные отношения в Европе

В середине XIX в. Венская система с ее антиреволюционной, антилиберальной и антинациональной направленностью столкнулась с самым серьезным вызовом с момента своего возникновения — революцией европейского масштаба, проходившей под либеральными и национальными лозунгами. Новая революция грозила гораздо более серьезными последствиями для международных отношений, чем предшествовавшая ей революционная волна начала 30-х гг., не только в силу своего масштаба, но и потому, что она непосредственно затронула три великие державы из пяти и впервые поставила на повестку дня проблему создания национальных государств в Германии и Италии. Самой первой реакцией всех европейских правительств при известии о свержении 22—24 февраля 1848 г. Луи Филиппа был страх перед повторением опыта революции 1789 г. с ее радикализмом и войнами.

Реакция России была самой быстрой и энергичной: обращение к Пруссии с целью совместного выступления против революционной Франции, предложение военной помощи Австрии, концентрация войск на западных границах. Однако никакого крестового похода не получилось. В первые дни после начала февральской революции в Париже европейские державы придерживались выжидательной тактики, а затем сотрудничать в антиреволюционном смысле и вовсе стало не с кем — в самих Австрии и Пруссии начались революции. Англия же сделала официальное представление в Петербурге о недопустимости вмешательства во внутренние дела Франции.

Наконец, большое значение имело и то, что в действительности Франция на этот раз не стала возмутительницей спокойствия в Европе. В марте 1848 г. министр иностранных дел нового правительства А. Ламартин обратился к державам с декларацией, в которой хотя и заявлялось о необходимости пересмотреть трактаты 1815 г., но одновременно выражалась готовность делать это «в общем согласии». В целом же Франция во время революции была настолько поглощена внутренними проблемами, что фактически отказалась от проведения активной внешней политики. На этот раз наиболее важные международные события происходили на востоке.

Германский вопрос

Революция в Центральной Европе угрожала уничтожить весь созданный Венским конгрессом международный порядок: распался Германский союз; на его месте впервые обозначились контуры совершенно нового действующего лица в международных отношениях — единой Германии; перед реальной угрозой исчезновения стояла целая великая держава — Австрия; возникло движение за национальное объединение Италии.

В Германии, помимо двух классических главных субъектов внешней политики — Австрии и Пруссии, в лице Франкфуртского национального собрания заявляет о себе новый, общегерманский. С открытием в мае 1848 г. Национального собрания Франкфуртский сейм остановил свою работу, Германский союз фактически прекратил свое существование, в европейских столицах обсуждалась возможность конференции для нового решения германского вопроса.

Идея единой Германии означала не только вопиющее нарушение буквы и духа Венской системы, но и шло вразрез с вековыми традициями международных отношений, структура которых предполагала наличие слабого европейского центра. Только Англия допускала мысль о том, что единая умеренно-либеральная Германия лучше справилась бы с задачей форпоста против России, чем идеологически и династически близкие ей режимы Германии раздробленной. Но даже в Лондоне подобное развитие событий допускали только в том случае, если объединение произойдет быстро, без революционных эксцессов и международных осложнений. В остальных европейских столицах на перспективу появления единой Германии смотрели скорее как на почти свершившийся факт, которому уже мало что может помешать. «Европейский концерт», который по всем представлениям должен был бы немедленно выйти на первый план и заняться германской проблемой как неизмеримо более важной, чем совсем недавно успешно решенная бельгийская, оказался совершенно парализованным революцией: Англия выжидала, Австрия и Пруссия сами оказа-

лись вовлеченными в объединительный процесс, Франция была занята внутренними проблемами, оставшаяся в одиночестве Россия укрепляла границы, заботясь о том, чтобы революция не перекинулась в Польшу. Сложившаяся ситуация и особенно сдержанность обеих самых мощных и к тому же не затронутых революцией держав давала немецкому национальному движению уникальный шанс. Но этот шанс не был реализован по внутренним германским причинам.

Главной была проблема австро-прусского дуализма. Пытаясь разрешить дилемму двух германских лидеров, Франкфуртский парламент последовательно отдавал предпочтение сначала одному, затем другому, но в итоге потерпел полное фиаско. *«Великогерманское» решение*, т. е. намерение включить в создававшуюся Германию только населенные немцами земли империи Габсбургов, осенью 1848 г. было с негодованием отвергнуто в Вене. *«Малогерманский» путь*, т. е. объединение Германии вокруг Пруссии и без всякого участия Австрии, столкнулось не только с сопротивлением Габсбургов, но и с нежеланием самой Пруссии, дорожившей своей государственной самобытностью и опасавшейся, что в рамках нового государства она превратится в одну страну из многих либо вовсе растворится. Кроме того, все большее значение стало приобретать и недовольство прочих европейских государств, опасавшихся мощного государства, которое в силу своего положения на географической карте становилось едва ли не «всеобщим соседом». Негативное отношение к идее единой Германии проявилось и на дипломатическом уровне — образованное летом 1848 г. временное правительство признали лишь несколько второстепенных стран — США, Греция и Швейцария, но ни одна великая держава. Свою роль сыграла в этом проблема германских границ.

Проблема германских границ

В разительном контрасте с широко распространенными в либеральной среде до революции 1848 г. представлениями о так называемой «весне народов», согласно которым лишь монархии воинственны, а освободившиеся народы будут питать друг к другу братскую любовь и установят подлинный мир, события революции показали, что пробудившийся национализм гораздо более агрессивен и динамичен, чем политика монархов. Этот новый конфликтный потенциал явственно проступал в высказываниях либеральной публики в стенах парламента и вне его, требовавшей максимально возможной территории новой Германии, сохранения существующих и присоединения новых территорий, если понадобится — то и с помощью войны. Речь шла буквально обо всем периметре Германского союза, о присоединении всех исторически пограничных и спорных территорий: от Франции — Эльзаса, от Бельгии и Голландии — Люксембурга и Лимбурга, от Швейцарии — немецких кантонов, от Дании — Шлезвига. Одновременно депутаты отказались от всякой либеральной солидарности в духе «весны народов», вопреки целям итальянского и польского национальных движений требуя сохранения существующих польских и итальянских владений Пруссии и Австрии. Слова не стали делами прежде всего по причине полного бессилия Франкфуртского парламента во всех практических вопросах, поскольку все реальные центры силы оставались на уровне от-

дельных государств. Однако прекрасным примером того, на какую внешнюю политику были бы способны оказавшиеся у власти либералы, является Пруссия.

После мартовской революции 1848 г. в кресле прусского министра иностранных дел оказался известный своими либеральными взглядами барон Г. Арним, наглядно продемонстрировавший, что смена политической философии с консервативно-династической на либерально-национальную ведет за собой и радикальные перемены во внешнеполитическом курсе. Вопреки многолетним традициям русско-прусских отношений, он взял курс на подготовку войны с недавним союзником. Планы Арнима простирались от засылки польских инсургентов для подъема восстания в западных губерниях России до создания союза с идеологически близкими ему Англией и Францией. Однако их ответы на соответствующие запросы прусского министра вновь доказали, что идеология продолжает идти в кильватере у политики. Франция фактически уклонилась от активного участия в союзе. Англия же сочла, что либеральные ценности, слишком близко принятые к сердцу прусским министром, чреваты большой европейской войной, и обратилась в Берлин с почти ультимативным предостережением: подобные планы несут угрозу европейскому миру, следует воздерживаться от любых агрессивных шагов в отношении России. Летом 1848 г. Арним и все прусское либеральное правительство было отправлено в отставку пришедшим в себя после первого удара революции Фридрихом Вильгельмом IV. Однако еще до его отставки Пруссия все же была вовлечена в войну. В отличие от России, во вражде с которой превалировали идеологические мотивы, в этом конфликте немецкая революция, отчеканенная из неповторимого сплава идей свободы и нации, повернулась другой стороной медали — национализмом. Речь идет о войне с Данией.

Шлезвиг-гольштейнский конфликт

Самым крупным международным событием в центрально-европейском регионе стал шлезвиг-гольштейнский конфликт. Его возникновение может служить идеальным типом множества других конфликтов подобного рода, связанных с появлением национализма и изменениями европейской государственности. На сцену выходило национальное государство, и в этих условиях то, что в старой династической системе координат казалось совершенно нормальным, — объединение под одной короной различных территориальных автономий, персональные унии, многонациональный состав — в национальную эпоху превращалось в источник конфликта.

Шлезвиг и Гольштейн, два герцогства на границе Дании и Северной Германии, еще со Средних веков были постоянным яблоком раздора между различными династиями датского и немецкого происхождения. Они обладали сложным и менявшимся со временем правовым статусом: с XV в. Шлезвиг и Гольштейн, с одной стороны, считались «навсегда неразделимыми», но при этом Шлезвиг принадлежал Дании, а Гольштейн входил в состав Священной Римской империи, оставаясь леном датского короля. По *Царскосельскому договору* 1773 г., закрепившему отказ Екатерины II от прав на наследование гольштейнских владений своего покойного супруга, русского царя и одновременно гольштейнского герцога готторфской династии Петра III,

Шлезвиг-Гольштейн полностью перешел в датские руки. Однако прервавшаяся было с роспуском в 1806 г. Священной Римской империи связь герцогств с германским миром решениями Венского конгресса была восстановлена приблизительно в прежнем виде: Шлезвиг отошел Дании, датский же король оставался герцогом Гольштейна, однако последний входил в Германский союз.

Шлезвиг-гольштейнский конфликт начался как династическая проблема. В 1846 г. датский король Кристиан VIII, опасаясь вырождения своей линии, в так называемом «открытом письме» заявил, что в герцогствах вводится право наследования по женской линии. В обоих герцогствах сословные органы заявили протесты, бывшие проявлением не столько местного партикуляризма, сколько немецкого и датского национализма. Тот еще несколько десятилетий назад не имевший никакого значения факт, что население в герцогствах было смешанным в национальном отношении — по преимуществу немецким в Гольштейне, по преимуществу датским в Северном Шлезвиге, вдруг вышел на первый план, отодвинув в сторону все остальные аспекты конфликта — династические, правовые, партикуляристские. В 1848 г. последним сигналом к началу конфликта стало заявление датского короля о намерении дать своим владениям общую конституцию и решение Франкфуртского сейма о принятии Шлезвига в Германский союз. В апреле 1848 г. прусские войска, вооруженные формирования из Гольштейна и отряды добровольцев вторглись в Шлезвиг. Началась датско-германская война 1848—1850 гг.

Этот первый международный конфликт времен революции 1848 г. немедленно попал в центр внимания Англии и России. С одной стороны, в XIX в. Балтика уже не имела той первостепенной политической важности, которой она обладала в XVII и XVIII вв.: в эпоху парусных кораблей Англия не нуждалась в традиционных кораблестроительных материалах; с выходом к Черному морю зерно, как главный продукт российского экспорта, отгружалось через черноморские порты; Швеция потеряла свои прежние позиции одного из главных поставщиков металлов. Ситуация изменилась и со стратегической точки зрения: когда-то один из важнейших регионов — Балтийский перестал занимать первые места в шкале мировых интересов Великобритании; Балтика перестала быть единственным постоянно судоходным морем и для России. С другой стороны, обе страны, как и столетие назад, были заинтересованы в беспрепятственном проходе кораблей через «Босфор севера» — проливы Зунд и Бельт — и потому стремились не допустить, чтобы Балтийские проливы перешли к рукам сильная держава, в данном случае Пруссия. Кроме того, в Форин Офис опасались, что попавшая в стесненное положение Дания может броситься в объятия России, подобно тому как в ходе первого египетского кризиса (см. ниже, с. 224) это сделала Турция.

В результате не столько совместного давления Англии и России, сколько по причине нежелания прусского короля Фридриха Вильгельма IV идти в кильватере немецкого либерального и национально-патристического движения, требовавшего «национальной войны», Дания и Пруссия в августе 1848 г. пошли на заключение семимесячного *перемия* в Мальме, согласно которому восстанавливалось довоенное положение и созывалось «общее правительство» в Шлезвиге и Гольштейне, составленное на паритетных началах из сторонников Пруссии и Дании,

с участием комиссаров России и Англии. Однако в мае 1849 г. Дания вновь начала боевые действия — и снова после поражения датских войск в дело вмешались Россия и Англия.

Итог войне был подведен сразу в нескольких международных соглашениях. Вслед за прекратившимся состоянием войны *Берлинским миром* июля 1850 г. последовали две *Лондонские конференции* великих держав с участием Дании и Швеции. По Первому Лондонскому протоколу августа 1850 г. признавалась целостность земель датской короны, хотя, вопреки желанию России, она и не гарантировалась. Проблема наследования была урегулирована *Варшавским договором* 1851 г., по которому датский король Фредерик VII (со смертью его прерывалась Ольденбургская династия датских королей) и Николай I как глава готторфской династии соглашались на передачу прав на королевский престол Дании боковой зондербург-глюксбургской ветви. В мае 1852 г. Второй Лондонский протокол великих держав подтвердил эту договоренность, однако одновременно датский король заверил Австрию и Пруссию в соблюдении им самостоятельности Шлезвиг и Гольштейна. В целом конфликт закончился победой Дании, поскольку в ее пользу были решены оба главных вопроса — территориальная целостность и престолонаследие. Однако в отличие от предыдущего опыта лондонского урегулирования, когда стараниями «европейского концерта» был разрешен бельгийский вопрос, это решение оказалось недолговечным. Главной причиной стал национализм. Пройдет лишь десять лет, и умение действовать не вопреки, а вместе с национальным движением станет едва ли не главным достоинством европейского политика, и одной из первых это почувствует на себе именно Дания.

Тяжелее всего революция 1848 г. затронула монархию Габсбургов. Среди европейских держав не существовало страны, внутренняя структура которой более отвечала бы идее и принципам Венской системы, чем Австрия. Венская система была антинациональной и антилиберальной — и антинациональной и антилиберальной по самой своей природе была Австрия. Возникнув как «собрание корон», как в первую очередь династическое образование, Австрия с необходимостью оставалась монархической и в XIX в., поскольку в этой многонациональной стране именно монархия до самого конца являлась, по сути, единственной надежной нитью, связующей ее многочисленные национальности. В революцию 1848 г. рухнула «система Меттерниха», обеспечивавшая стабильность в потенциально наиболее уязвимых регионах Венской системы — в Германии и Италии, а сама Австрия оказалась на грани государственного краха. Конец целой эпохи в истории международных отношений символически отобразился в бегстве Меттерниха из восставшей Вены — австрийский канцлер, на протяжении 30 лет неустанно боровшийся против революций по всей Европе, увидел революцию у себя дома. С точки зрения важности места Австрии в структуре международных отношений показательно, что Англия и Россия, довольно спокойно взиравшие на революции в двух других великих державах, немедленно оказали Австрии помощь. И в Петербурге, и в Лондоне опасались, что в случае краха Австрии на ее месте может возникнуть огромная геополитическая дыра, чреватая совершенно непредсказуемыми последствиями. Поэтому Пальмерстон заявил о том, что Австрия является

«европейской необходимостью» и оказал ей дипломатическую поддержку; Россия же и вовсе помогла Габсбургам силой оружия. Австрия остро нуждалась в подобной поддержке, поскольку, будучи пораженной революцией сама, она географически граничила и со всеми остальными европейскими революциями. Одной из самых острых стала итальянская проблема.

Итальянский вопрос в 1848 г.

В марте 1848 г. с изгнания австрийских войск из Милана началась революция в Северной Италии, немедленно получившая международное измерение. Тогда же в марте в войну против Австрии выступил король Сардинии-Пьемонта Карл Альберт, надеявшийся на присоединение к своему королевству Ломбардии и Венеции и ожидавший помощи со стороны Франции и Англии. Однако Франция, традиционно соперничавшая с Австрией на Апеннинском полуострове, была готова поддержать требования Пьемонта только в обмен на присоединение к себе Савойи и Ниццы. Карлу Альберту такая цена показалась чересчур высокой, и он обратился за помощью к Англии.

Англия рассматривала итальянский вопрос в более широком европейском контексте. Несмотря на желание сохранить Австрию в качестве великой державы, она была не против присоединения Ломбардии и Венеции к Пьемонту. Тем самым между Австрией и Францией возник бы дополнительный буфер, а Франция не усилила бы свои и без того достаточно прочные средиземноморские позиции. В более широкой перспективе Англия считала возможным и даже необходимым усеменение австрийских территорий и зон влияния во второстепенных для нее регионах — в Германии и Италии с тем, чтобы Габсбурги не разбрасывали силы и сосредоточились на главном для англичан вопросе — противостоянии России.

Все эти расчеты были сведены к нулю военными успехами Австрии. Разгром Пьемонта под Кустоццей летом 1848 г., затем перемирие и новый разгром привели Карла Альберта к отречению, а его дипломатов — к столу переговоров. В августе 1849 г. при англо-французском посредничестве между Австрией и Сардинией-Пьемонтом был заключен *Миланский мир*, который восстанавливал довоенный статус-кво.

Меньшее значение для международных отношений имела революция в Центральной Италии. После бегства из Рима папы Пия IX между Францией и Австрией возникло своеобразное соревнование — кто быстрее займет Рим? Более ловкими оказались французы, в июне 1849 г. не без труда утвердившиеся в «вечном городе» и вплоть до осени 1870 г., с 11-месячным перерывом в 1866—1867 гг., сохранявшие его в качестве своего оплота на Апеннинском полуострове.

Революции в Венгрии и в Дунай- ских княжествах

На грань существования Австрию поставила начавшаяся в марте 1848 г. венгерская революция. Венгерский парламент провозгласил независимость и заявил о низложении Габсбургов с венгерского трона. На этот шаг лидер венгерской революции Л. Кошут решился в том числе и в надежде на помощь либеральной Англии. В реальности Англия и Россия, два географических и политических полюса европейской системы, сошлись в категорическом отвержении венгерской революции.

Подход Пальмерстона был последовательным: будучи готовым на усе-
чение итальянских владений Австрии, мешавших развернуться ей
против России, он тем более ни в коем случае не хотел ослабления ее
восточного фронтона. Прибывшему в Лондон эмиссару Кошута он
заявил, что знает только одну Венгрию — ту, которая является частью
Австрии. Россию же одолевали заботы близкого соседа: опасения
распространения революции в собственные пределы и возможного
возбуждения польского вопроса.

Эти соображения подтолкнули Николая I на беспрецедентный
шаг — оказание военной помощи только что взошедшему на австрий-
ский престол восемнадцатилетнему императору Францу Иосифу
(1848—1916). В ответ на просьбу Франца Иосифа в Венгрию в июне
1849 г. вторглись русские войска фельдмаршала И. В. Паскевича.
13 августа 1849 г. Венгрия капитулировала.

Своеобразным дипломатическим эпилогом подавления венгер-
ского восстания стало так называемое «дело беженцев». Россия и
Австрия потребовали выдать укрывшихся в Турции венгерских эмиг-
рантов, однако в дело вмешалась Англия. Ее главная задача — сохра-
нение Австрии в качестве возможного форпоста против продвижения
на Балканы России и предотвращение революционного взрыва в Ос-
манской империи — была к тому времени русскими же руками вы-
полнена, поэтому Англия могла себе позволить вновь выступить в ро-
ли покровительницы борцов за свободу. Ее поддержала Франция.
Турецкое правительство, ощущая за собой столь внушительную под-
держку, отказалось выдать беженцев и даже демонстративно сделало
пашой поляка Й. Бема, одного из руководителей венгерской армии,
на выдаче которого особенно настаивала Россия. Россия и Австрия
отозвали из Константинополя своих послов, но Пальмерстон укрепил
моральный дух турок излюбленным способом — от Мальты к проли-
вам вышла английская эскадра. Сам по себе малозначительный инци-
дент с эмигрантами тем не менее был своеобразным провозвестником
будущей связи Турции, Англии и Франции, ставшей роковой для
России уже спустя пять лет — в годы Крымской войны.

Пока же Россия и Турция смогли найти общий язык даже в том
регионе, который всегда пользовался особым вниманием европей-
ской и турецкой дипломатии, поскольку каждое свое шествие на Бал-
каны Россия начинала именно с него, — в княжествах Молдове и Ва-
лахии. Весной 1848 г. в них также началась революция, подавленная
соединенными усилиями России и Турции: в июле русские войска
вторглись в Молдову, а в сентябре турецкие — в Валахию. Заклю-
ченная в 1849 г. в связи с интервенцией *Балта-Лиманская конвенция*
между Россией и Турцией расширила прерогативы турок в отноше-
нии Дунайских княжеств. Оккупация княжеств продлилась до 1851 г.

Значение револю- ции 1848 г.

С точки зрения истории международных
отношений главное значение европейской
революции 1848 г. заключалось в том, что
решения Венского конгресса окончательно
утеряли свою непреложность. Как некогда Вестфальский мир, Заклю-
чительный акт Венского конгресса с самого начала воспринимался
как своего рода Хартия Европы, скрепленная подписями и печатями
каждого из составлявших ее государств; последующие изменения по
большой части принимались с санкцией «европейского концерта».

В революцию 1848 г. Заключительный акт перестал быть Евангелием европейской политики, из основы международного порядка превратившись в набор изменяемых фактов. Множество внешнеполитических действий в этот период совершенно не согласовывалось с установлениями и принципами Венской системы: Пруссия ищет союза с Францией для войны с Россией; Англия готова принять уход Австрии из Германии и Италии; распускается Германский союз и т. д. Ревизии подвергается не только буква, но меняется и сам дух венских установлений. Легитимизм как внутривполитическая основа «политики покоя» перестает быть одной из несущих конструкций Венской системы. По всей Европе монархи идут на уступки либеральному движению, даруют конституции, созывают парламенты.

Вместе с тем не приходится говорить об абсолютном крахе Венской системы. Традиционное династическое государство оказалось еще достаточно сильным, для того чтобы справиться с вызовом революции. Еще не ушел в небытие и «европейский концерт», что наглядно было продемонстрировано шлезвиг-гольштейнским конфликтом. Однако потерпевшая поражение революция заставила европейских политиков сделать выводы, в следующие два-три десятилетия принципиально изменившие внешнюю политику государств. В этом же направлении действовал еще один фактор, оставленный творцами Венской системы вне сферы своих интересов, — восточный вопрос.

Глава 10. Восточный вопрос начала XIX в. — 1856 г.

Восточный вопрос был одной из самых долговременных и сложных проблем международных отношений Нового времени. В широком смысле слова он появляется в XIV в. вместе с первыми турецкими войнами на европейском берегу Босфора и представляет собой главным образом проблему турецкой угрозы.

В узком смысле слова восточный вопрос — это проблема уже не турецкой угрозы, а турецкого наследства. И это проблема XIX в. От имевшего место в течение всего XVIII в. процесса ослабления Турции и утраты ею все новых некогда завоеванных территорий новая постановка восточного вопроса отличается двумя принципиальными обстоятельствами. Во-первых, отныне речь шла не о частичных потерях, а о *системном кризисе Османской империи и о перспективе ее полного распада*. Эта перспектива совершенно изменила масштаб и значимость проблемы, на целый век выдвинув ее на самый первый план международной политики, поскольку на повестке дня стояли не локальные сдвиги границ, а судьба гигантской империи, раскинувшейся на трех континентах — от верховий Нила до Дуная, от Туниса до Междуречья.

Из этого обстоятельства вытекает и вторая особенность — *интернационализация восточного вопроса*. С момента своего появления восточный вопрос по большому счету был делом непосредственно затронутых им государств, в первую очередь Австрии и Венеции, затем России. Показательно, что даже Венский конгресс обошел его

молчанием. И только кризисы первой половины XIX в., один за другим потрясавшие Османскую империю, заставили европейских политиков всерьез задуматься о возможном крахе Турции, осознать связанные с этим колоссальные сложности и не просто внести восточный вопрос в реестр прочих европейских вопросов, но и поставить его на первое место. Не случайно сам термин «восточный вопрос» в европейском политическом лексиконе появляется лишь с этим осознанием — в 1822 г., в связи с началом первого крупного восточного кризиса XIX в. — греческой борьбы за независимость.

Возникновение восточного вопроса в обозначенном выше собственном, узком смысле слова — как крупной международной проблемы XIX в. — было связано с тремя комплексами проблем: обусловленное внутренними причинами ослабление Османской империи; усиление национальных, религиозных и партикуляристских движений, направленных против целостности турецкого государства; ужесточение борьбы великих держав за влияние в Турции. Все три комплекса взаимно влияли друг на друга — внутренний кризис Османской империи поощрял центробежные тенденции, которые, в свою очередь, усугубляли этот кризис и усиливали конкуренцию великих держав, приводившую к периодическим конфликтам, как правило разрешавшимся опять-таки за турецкий счет.

Географический и политический масштаб восточного вопроса подразумевал, что он подразделялся на несколько более конкретных проблем, различавшихся по характеру и по степени заинтересованности разных великих держав. Например, проблема Черноморских проливов была прежде всего стратегической и волновала Россию и Англию, балканская проблема имела в основе национальную и политическую подоплеку и непосредственно касалась Австрии и России, в то время как египетская проблема относилась скорее к миру торгового и колониального соперничества и была делом главным образом Англии и Франции. Вместе с тем особенную сложность восточному вопросу придавало то обстоятельство, что каждая из составлявших его проблем в действительности представляла собой чрезвычайно запутанный узел противоречий и интересов — политических, стратегических, экономических, национальных, религиозных, конфессиональных, региональных. В первой половине XIX в. восточный вопрос стал сферой самой интенсивной деятельности «европейского концерта», в котором, однако, практически каждая из великих держав старалась вести свою особую партию.

§ 1. Османская империя и интересы великих держав в первой половине XIX в.

Османская империя к началу XIX в.

Причины упадка некогда мощнейшей Османской империи коренились как в экономической, так и в социальной и политической сферах. Во-первых, турки в полной мере ощутили структурную слабость всех великих империй — стратегическое сверхрасширение, когда ресурсы вновь присоединенных земель не оправдывали приобретенных вместе с новыми территориями внутренних и внешних проблем. Никак не затронутые промышленным переворотом,

турки проигрывали и в таком современном показателе государственной мощи, как экономическое развитие. Социальная структура, вполне уместная в Средневековье, к началу XIX в. превратилась в полный анахронизм. Ее основу составляла система милетов — автономных религиозных общностей, некогда позволившая создать огромную многоконфессиональную империю, но теперь препятствовавшая ее трансформации в современное государство граждан, поощрявшая разного рода стремления обособиться и дававшая повод к внешнему вмешательству под предлогом защиты: Россией — православных, Францией — католиков, Англией — протестантов. В целом одной из главных проблем Османской империи была огромная гетерогенность составлявших ее территорий и народов, почти программировавшая внутренние расколы — конфессиональные (движение ваххабитов в арабских частях империи), национальные (стремление народов Балканского полуострова к созданию национальных государств), региональные (попытка добиться самостоятельности Египта). Одним словом, к первым десятилетиям XIX в. Турция, пользуясь излюбленной метафорой Николая I, выглядела как подлинный «больной человек» Европы, у постели которого толпились великие державы, готовые по обстоятельствам выступить, возможно, в роли врачей, возможно, могильщиков, но безусловно — наследников.

Интересы Австрии

Австрия не просто соприкасалась с восточным вопросом дольше и непосредственнее любой другой великой державы — от его решения могла зависеть сама ее судьба. Проблема вновь заключалась в тесной связи между этнонациональной структурой Австрии и ее внешнеполитическими возможностями. На всем протяжении южных рубежей монархии Габсбургов проживали те же народы, что и по ту сторону турецкой границы, в первую очередь румыны, сербы и хорваты. В случае краха Османской империи и возникновения на ее обломках югославянского и румынского национальных государств появилась бы реальная угроза присоединения к ним австрийских румын и славян, что означало бы государственный крах Австрии. В этой ситуации существовало лишь три варианта возможной политики на Балканах — сохранение Турции, создание новых балканских государств в форме, безопасной для Австрии, и, наконец, присоединение к себе части турецких территорий. Каждый из этих вариантов был в реальности опробован в течение XIX в. Подобная многовариантность австрийской балканской политики открывала достаточно широкие возможности для взаимодействия с Россией, поскольку в разные периоды и при разных обстоятельствах в Петербурге рассматривали те же три балканские альтернативы. Поэтому Австрия выступала не только главным конкурентом России на Балканах, но и в случае совпадения фаз их восточной политики — ее главным партнером.

При всех названных вариантах балканской политики в первой половине XIX в. Австрия последовательно осуществляла лишь один из них — курс на сохранение Турции и категорическое неприятие каких бы то ни было движений балканских народов за автономию. Проводивший этот курс Меттерних считал, что пассивная слабая Турция — это «самый лучший, самый испытанный и самый спо-

койный сосед», которого только можно желать. Проводя подобную политику, Меттерних, с одной стороны, руководствовался своими консервативными принципами, отвергавшими все «национальное» и «революционное», какими виделись ему движения балканских народов за независимость от Турции. С другой стороны, слабость Меттерниха заключалась в том, что он недооценивал значение восточного вопроса. Он считал, что политика делается в Европе, а «за восточными воротами Вены начинается Азия». Гибкий и проницательный в европейских делах, на Балканах Меттерних полагал возможным ограничиться лишь неконструктивной политикой отрицания. В результате австрийская политика теряла гибкость и, кроме того, все более проигрывала русской в состязании за влияние на балканские народы, в течение десятилетий убеждавшихся, что Австрия является их врагом.

Интересы России

Второй из великих держав, непосредственно граничивших с Османской империей и столь же непосредственно заинтересованных в решении восточного вопроса, являлась Россия.

Интересы России были по преимуществу стратегическими и экономическими. Стратегически важный выход к теплomu морю, делавший Россию морской державой независимо от времени года и достигнутый еще во времена Екатерины II, неуклонно расширялся в последующие царствования за счет продолжавшихся русско-турецких войн. Обладание портами на Черном море было неопределимым и с точки зрения интересов русской торговли, особенно зерном южнорусских губерний. Вместе с тем как стратегическая, так и экономическая ценность этих приобретений существенно теряла от контроля Турции над Черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы. В Петербурге стремились изменить ситуацию, когда проход через проливы русских военных и торговых кораблей либо допуск в Черное море вражеских флотов фактически становился вопросом доброй воли Турции. Однако это совершенно не означало, что во внешнеполитическом руководстве России однозначно преобладал курс на захват проливов и расчленение Османской империи. Подобно австрийским, российские политики охотно применяли тактику «сохранения слабого соседа». В Петербурге резонно полагали, что в качестве «привратника на Босфоре» лучше сохранять слабую Турцию, чем какое-либо сильное государство — например, Англию. В итоге русская внешняя политика руководствовалась принципом, официально принятым в 1802 г. и подтвержденным в 1829 г. во время очередной войны с Турцией: «...выгоды от сохранения Оттоманской империи в Европе превышают его невыгоды». Сохраняя Турцию, Россия надеялась на установление с ней особых отношений, которые позволили бы ей добиться своих целей дипломатическим путем.

Однако существовала и иная линия российской внешней политики, суть которой ясно выразил Николай I: «Россия должна иметь ключи от своего собственного дома». Это был курс на захват проливов и расчленение Турции. В отличие от тактики на сближение с Турцией этот курс не нашел отражения в конкретных договорах и официальных решениях, но начиная с «греческого проекта» Екатерины II планы раздела Османской империи неоднократно ставились в повестку дня. Подобные цели вынашивал и Николай I. Однако и в

его политике захват проливов не ставился в качестве конкретной задачи. Причем в своих расплывчатых представлениях о будущем земель Османской империи после ее неизбежного краха российский император предполагал действовать не единолично, а совместно с другими заинтересованными в восточном вопросе европейскими державами.

Интересы Англии

Третьей из наиболее заинтересованных в восточном вопросе стран на первый взгляд неожиданно оказалась географически наиболее от него удаленная Англия.

Совершенно прямым и очевидным был экономический интерес. Англия, с ее быстрыми темпами урбанизации, была заинтересована в беспрепятственных поставках зерна из главной житницы Османской империи — княжеств Молдовы и Валахии, но в еще большей степени английских промышленников привлекал внутренний рынок огромной империи. По англо-турецкому торговому договору 1838 г. был установлен крайне низкий таможенный тариф в 5%, во многом благодаря которому английский экспорт в Турцию в 1825—1852 гг. испытал колоссальный рост в 800%! Это означало, что к середине XIX в. Османская империя превратилась для Англии в более важного торгового партнера, чем великие державы — Франция, Австрия и Россия. Бухгалтерские книги английских предпринимателей говорили в пользу сохранения Турции красноречивее любых слов.

И тем не менее на первом месте стоял стратегический интерес. Одной из главных аксиом английской внешней политики была безопасность Индии и путей к ней, и английским политикам казалось, что Россия может угрожать и тому и другому. Помимо долгого пути в Индию вокруг Африки, существовал короткий маршрут через Средиземное и Красное моря, неудобство которого было связано с тем, что груз по разделявшему два моря Суэцкому перешейку приходилось доставлять караванами. В 1838 г. английское правительство и Ост-Индская компания даже финансировали строительство дороги через Суэцкий перешеек. Несмотря на все неудобства, сам факт существования этого пути в Индию превращал зону Восточного Средиземноморья в сферу первостепенных английских интересов, и именно туда получала бы прямой доступ Россия в случае овладения Черноморскими проливами. Но главное заключается в том, что именно в первые десятилетия XIX в. короткий путь в Индию приобрел новую актуальность и колоссальную экономическую и стратегическую важность. Промышленная революция вновь заявила о себе как о новом мощном факторе в развитии международных отношений, прямо влияющем на стратегические интересы и политику держав. Появились планы, с одной стороны, оживления с помощью железных дорог древнего сухопутного пути в Индию от Леванта и, с другой — проект строительства Суэцкого канала; увлекавший еще фараонов, он отныне становился технически осуществимым. В этой связи Восточное Средиземноморье превращалось в один из самых стратегически значимых регионов мира, тем самым программируя борьбу Англии с Францией как с уже присутствовавшим в регионе соперником и с Россией — как с могущим там появиться.

Заинтересованность Франции в восточном вопросе была не столь живой и непосредственной, как у предыдущих трех великих держав, хотя Франция в качестве старейшего европейского союзника Османской империи обладала в Константинополе традиционно сильными позициями. Интерес Франции в восточном вопросе определялся в первую очередь обозначившимся еще во времена Наполеона соперничеством с Англией в Египте и Палестине. Спецификой французского отношения к восточному вопросу было также то, что иногда он выступал в роли своеобразной разменной монеты европейской политики Франции, в частности оказывался в связи с ее главной целью ревизией трактатов 1815 г. Например, в 1829 г. появился план министра иностранных дел Ж.-А. де Полиньяка, предполагавший раздел Османской империи и сложную систему компенсаций, итогом которой стало бы изменение границ по всей Европе и приобретение Францией Бельгии и земель на Рейне. Если этот план из-за своей полной нереалистичности так и остался на бумаге, то в 1840 г. связь между восточным вопросом и Рейном была продемонстрирована уже официально и привела к упоминавшемуся выше Рейнскому кризису.

Пруссия была единственной великой державой, не имевшей практически никакой прямой заинтересованности в восточном вопросе. Знаменитая сказанная впоследствии фраза Бисмарка о том, что «весь восточный вопрос не стоит костей одного померанского гренадера», в этом смысле применима к первой половине XIX в. гораздо больше, чем к тем временам, когда она собственно была произнесена. Восточный вопрос использовался Пруссией исключительно инструментально, как одно из политических средств во взаимоотношениях с главными для нее лицами европейской политики — с Россией и Австрией.

§ 2. *Греческий вопрос и «европейский концерт» в 1821—1830 гг.*

Балканы к началу греческого восстания 1821 г.

На период до Крымской войны 1853—1856 гг. приходятся три значительных кризиса Османской империи, повлекшие за собой вмешательство великих держав и дальнейшую интернационализацию восточного вопроса: греческое восстание 1821 г. и русско-турецкая война 1828—1829 гг., а также два турецко-египетских кризиса 1831—1833 и 1840—1841 гг.

К началу XIX в. ситуация на Балканах выглядела следующим образом. По Бухарестскому миру 1812 г. Турция вновь признавала существовавшую со Средних веков автономию вассальных княжеств Молдовы и Валахии. Сохраняло фактическую независимость княжество Черногория, в отношении которой в 1799 г. официальным фирманом турецкий султан подтвердил, что «черногорцы никогда не были подданными нашей Высокой Порты». Вся остальная территория Балкан напрямую входила в состав Османской империи и подразделялась на административные единицы — вилайеты. Все эти территории были заселены по большей части христианами — греками, серба-

ми, хорватами, болгарами, черногорцами, влахами, обладавшими не равными правами с мусульманским населением — турками, албанцами и босняками (принявшими ислам этническими сербами и хорватами Боснии).

Начало борьбе балканских народов было положено так называемыми Первым (1804—1813 гг.) и Вторым (1815) сербскими восстаниями. Выдвинув в ходе Первого восстания требование полной независимости, в реальности сербы удовлетворились лишь расплывчатым упоминанием автономии в закончившем русско-турецкую войну 1806—1812 гг. Бухарестском мире; уже в 1813 г. вторжение турецких войск восстановило власть султана. Однако уже в 1815 г. Второе сербское восстание привело к созданию вассального Турции Сербского княжества. Вплоть до второй половины 20-х гг., по сути, единственным международно-правовым основанием существования Сербии служил соответствующий пункт Бухарестского мира 1812 г. Дело в том, что Балканы в это время оказались на далекой периферии главных европейских событий, в центре которых стояла наполеоновская Франция. Ни одна из великих держав, включая Россию, не имела возможности обратить на Восток действительно серьезное внимание. Это стало возможным лишь после окончания наполеоновской эпопеи, и поводом, впервые заставившим всю Европу заговорить о восточном вопросе, стало греческое восстание.

Восстание в Греции и дипломатия великих держав

Начавшееся в 1821 г. греческое восстание имело гораздо больше предпосылок к успеху, чем недавно завершившееся сербское. Греки были самым многочисленным народом в европейской части Турции и обладали привилегированным по сравнению с прочими христианами положением благодаря их особой роли в турецкой экономике, особенно в торговле; кроме того, восставшие могли надеяться и на помощь многочисленной греческой торговой диаспоры. Однако решающим фактором успеха стала позиция великих держав.

Для «европейского концерта» греческое восстание стало серьезным испытанием. С одной стороны, столкнулись принципы легитимизма, освященного Венским конгрессом, и христианской солидарности, провозглашенной Священным союзом: греки восстали против своего законного государя, но этот государь был вынесен за скобки Венской системы, не был членом Священного союза и к тому же являлся мусульманином, а греки всячески подчеркивали свою принадлежность к семье христианских народов. С другой стороны, столкнулись и реальные интересы.

Наиболее важное значение имели позиции Австрии, России и Англии. Меттерних отозвался о восстании и поразивших Европу жестокостях пренебрежительно и цинично: «...то, что происходит на Востоке, нельзя рассчитывать. Триста-четыре тысячи повешенных... и посаженных на кол за нашими восточными границами означают не так много». Он исходил из победы турок, но был готов принять и их поражение, только бы сохранилась Османская империя и Россия была бы лишена повода для интервенции. Сама же Россия колебалась. С одной стороны, балканские интересы России только выигрывали от поражения турок, а занятие ими Дунайских княжеств в ходе борьбы с восставшими и вовсе поставили русско-турецкие отношения на

грань разрыва. С другой стороны, Александр I, потрясенный восстанием Семеновского полка в 1820 г., пытался смотреть на события на Балканах через призму легитимистской политики и дал Меттерниху убедить себя в том, что греки — «мятежники». В январе 1824 г. Александр предложил предоставить Греции автономию, подобную существовавшей в Дунайских княжествах, и подразделить ее на три части — Восточную (Фессалия, Беотия и Аттика), Центральную (Морея и Крит) и Западную (Эпир). Однако этот план не встретил поддержки прочих держав, и в первую очередь Англии, проводившей выжидательную политику. В итоге вплоть до 1825—1826 гг. великие державы проявляли пассивность в греческом вопросе.

Перемены в позиции великих держав были связаны как с дальнейшими событиями на Балканах, так и с европейским общественным мнением. Начиная с 1825 г. турки с помощью египетских войск нанесли ряд тяжелых поражений восставшим. Одновременно сопровождавшие эту войну жестокости, отдельные яркие события (смерть в 1824 г. сражавшегося за греков Байрона) и распространенная турками угроза полностью уничтожить греков и заселить их земли мусульманами Северной Африки привели в действие европейское общественное мнение. По всей Европе развернулось движение эллинофильства, создавались кружки, вносились пожертвования, собирались добровольцы, готовые освободить «родину Европы».

На этом фоне началось сближение России и Англии, хотя каждая из сторон преследовала разные цели: Англия с помощью совместного давления хотела склонить турок к уступкам и тем самым предотвратить вооруженное вмешательство России, Россия же выступала за решение проблемы военным путем — желательно в сотрудничестве с Англией и Францией. В июле 1825 г., не дождавшись помощи от России, восставшие обратились с формальной просьбой о помощи к Англии. В ответ Каннинг сделал решительный и остроумный ход: он объявил восставших греков «воюющей стороной». Увидев в восставшем народе едва ли не субъект международного права, Каннинг тем самым устранил существенные препятствия более активному вмешательству в конфликт европейских держав, а именно принцип невмешательства — с английской стороны и легитимизма — с русской.

В середине марта 1826 г. Россия предъявила Турции ультиматум под предлогом некоторых нарушений в Дунайских княжествах. Быстрее Турции прореагировала Англия. В конце марта в Петербург прибыл герцог Веллингтон, формально — чтобы поздравить Николая I с восхождением на престол, реально — с тем чтобы попытаться преодолеть кризис мирным путем. Подписанный вскоре *Петербургский протокол* означал первый шаг к созданию будущего независимого греческого государства: две великие державы предлагали Турции даровать Греции автономию. Позднее к протоколу присоединилась и Франция. Турецким ответом стала *Аккерманская конвенция* октября 1826 г., по которой Порты соглашалась восстановить автономию Молдовы, Валахии и Сербии в прежнем виде, а также предоставляла большие торговые преимущества России. Идя на большие уступки России и одновременно отклонив английское предложение посредничества, турки тем самым намеревались вбить клин между начавшим сближение Россией и Англией. Тем не менее на следующий год

сотрудничество Англии, России и присоединившейся к ним Франции было закреплено *Лондонской конвенцией*. Ее главной идеей было коллективное посредничество между Портой и греками. В случае отказа Турции предполагались методы дипломатического давления — демонстрация сближения с Грецией и отправка туда консулов, а также другие меры, кроме непосредственного участия в конфликте. Однако только дипломатическими мерами проблему разрешить не удалось, в том числе и потому, что «европейского концерта» в давлении на Турцию не получилось. Меттерних назвал Лондонскую конвенцию «чудовищным продуктом» и по-прежнему категорически выступал за сохранение статус-кво на Балканах. Подобные разногласия действий великих держав поощряли турок к сопротивлению и, в свою очередь, побуждали Англию, Россию и Францию к более решительным действиям. В августе 1827 г. совместная англо-русско-французская эскадра, стремясь не допустить высадки в Греции нового десанта египетских войск, нанесла поражение турецкому флоту в знаменитом сражении при Наварине. Наконец, в апреле следующего года в ответ на отказ Турции от выполнения Аккерманской конвенции Россия объявила ей войну.

Русско-турецкая война положила конец почти десятилетнему кризису на Балканах, связанному с греческим восстанием. Увидев русские войска в непосредственной близости к Константинополю, султан был вынужден уступить. Итоги кризиса были подведены в двух документах — окончившем русско-турецкую войну *Адрианопольском мире* и в решениях *Лондонской конференции* 1830 г.

Условия будущего мира были направлены из Петербурга в Константинополь одновременно с объявлением войны в апреле 1828 г., и подписанный в сентябре 1829 г. Адрианопольский мир являлся, по сути, конкретизацией этих условий. К России отходили устье Дуная с островами и Черноморское побережье Кавказа от Кубани до Аджиарии, включая важные города Ахалцих и Ахалкалаки. Кроме того, Турция признавала присоединение к России Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии, а также завоеванных в недавней войне с Персией (см. с. 261) Эриванского и Нахичеванского ханств. Относительно Балкан подтверждалась и расширялась автономия Молдовы и Валахии (в частности, выводились турецкие гарнизоны и создавалась молдово-влашская армия), признавались условия Аккерманской конвенции относительно Сербии, Греция получала широкую автономию. В договоре нашли отражение и экономические интересы России — право экстерриториальности русских купцов и свободы торговли во всех областях Османской империи, а также право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы русских и иностранных торговых судов.

На конференции, открывшейся в начале следующего года в Лондоне, было принято историческое решение: Греция была провозглашена независимым государством. Однако при этом великие державы стремились поместить Грецию в как можно более тесные границы, с тем чтобы не слишком ослаблять Турцию, и тем самым закладывали основы будущих конфликтов.

Значение греческого кризиса заключается в первую очередь в том, что именно здесь впервые во всей полноте заявил о себе восточный вопрос. С одной стороны, кризис Османской империи достиг прин-

ципиально нового качества: от нее впервые отделилось совершенно независимое государство, отделилось в результате вооруженной борьбы, и можно было не сомневаться, что у этого примера на Балканах найдутся многочисленные последователи.

С точки же зрения международных отношений самое важное заключалось в том, что восточный вопрос впервые столь отчетливо был поставлен как общеевропейская проблема и немедленно продемонстрировал противоречивость интересов великих держав. Вместе с тем, несмотря на все различия интересов, «европейский концерт», как раз в те же годы столь убедительно проявивший себя на Западе — в бельгийском вопросе, доказал свою действенность и на Востоке. В обоих случаях державы проявили гибкость, не догматическое понимание принципов легитимности и территориальной целостности, умение поступиться своими особыми интересами в пользу общих, как это сделали в первом случае Франция и во втором — скрепя сердце Австрия. Великие державы вновь доказали свою способность сохранять дух Венского конгресса и изменять его решения без конфликтов между собой, до сего дня оставив на политической карте два памятника «европейскому концерту» — независимые Грецию и Бельгию. Однако новые кризисы на Востоке вновь и вновь подвергали «концерт» проверке на прочность.

§ 3. Первый египетский кризис 1831—1833 гг.

Движение за автономию Египта и великие державы

Наряду с национально-освободительным движением народов Балканского полуострова значительный вклад в нарастание кризисных явлений в Османской империи внесли разного рода сепаратистские движения, наи-

более значительным из которых было египетское.

Своим возникновением это движение во многом обязано фигуре Мехмеда Али, чрезвычайно энергичного военачальника, албанца по происхождению, который в 1805 г. стал наместником султана в Египте. Проведя ряд внутренних реформ, и в том числе начав модернизацию армии по западным образцам, с конца 20-х гг. Мехмед Али взял курс на приобретение самостоятельности Египта. В 1829 г. он не только отказался посылать египетские войска на участие в русско-турецкой войне, но и решил воспользоваться затруднительным положением султана, с тем чтобы завоевать Сирию, обещанную ему султаном за помощь в подавлении греческого восстания. В 1831 г. Мехмед Али начал вторжение в Сирию и к концу следующего года создал реальную угрозу Константинополю. Султан Махмуд II (1808—1839) обратился за помощью к Англии, однако английский кабинет, занятый бельгийским вопросом и подготовкой парламентской реформы, не смог должным образом откликнуться. Австрия также проявила полную индифферентность. В результате попавший почти в безвыходное положение султан был вынужден обратиться за помощью к своему недавнему врагу — России. В Петербурге же в затруднительном положении султана увидели возможность дипломатическим путем реализовать свои интересы в наиболее важной для России составляющей восточного вопроса — в проблеме Черноморских проливов.

В качестве международной проблемы Черноморские проливы были явлением относительно новым. Вплоть до XVIII в. Черное море было, по сути, «турецким озером», его единственно прибрежной державой была Турция. По Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Россия получила выход к Черному морю и свободу торгового мореплавания в нем и проливах. С этого времени режим судоходства в проливах перестал быть внутренним делом Турции и превратился в объект международного права и международных отношений.

Из двух составляющих проблемы — экономической и стратегической — первая (подразумевавшая свободу торгового мореплавания) решилась достаточно просто в отношении как причерноморских, так и непричерноморских государств. Решение второй затянулось более чем на сто лет. Речь шла о стратегической дилемме: причерноморские государства, и в первую очередь Россия, стремились обезопасить свое Черноморское побережье, закрыв проход через проливы военным кораблям неприбрежных государств, но одновременно обеспечить свободу прохода своему военному флоту. Подобные задачу-максимум и задачу-минимум выдвигали великие морские державы — Франция и особенно Англия: в идеале они хотели добиться свободы прохода через проливы своих военных кораблей и лишить этого права Россию, заперев ее в Черном море. Проход военных кораблей регламентировался в двух режимах: в условиях военного и в условиях мирного времени.

Сама Турция первоначально пыталась отстаивать выдвинутый еще в Средневековье принцип «девственности» проливов, их недоступности для иностранных судов; западные великие державы апеллировали к так называемому «древнему» праву Османской империи» пропускать военные суда по своему желанию и требовали равенства прав с Россией; Россия пыталась создать выгодный для нее режим судоходства в проливах путем его фиксации в двусторонних международных договорах с Турцией.

Первые три десятилетия XIX в. прошли в борьбе двух подходов — стремления России трактовать режим судоходства как проблему двусторонних отношений двух причерноморских стран и желания стран Запада интернационализировать этот вопрос. По русско-турецким союзным договорам 1799 и 1805 гг. русские военные корабли получили право прохода через проливы, но в 1806 г. под давлением Наполеона и в связи с очередной русско-турецкой войной это право было вновь отменено. В 1809 г. русская дипломатия понесла новое поражение — по условиям англо-турецкого договора 1809 г. запрещался проход через проливы любых военных кораблей. Дипломатическое контрнаступление России стало возможным только спустя более чем двадцать лет в связи с первым египетским кризисом.

Ункяр-Искелесский договор и его последствия

В ответ на просьбу султана о помощи против Мехмеда Али в феврале 1833 г. Россия направила в пролив Босфор свою эскадру, которая осуществила высадку десанта. Этого оказалось достаточно, чтобы египетские войска остановили наступление и по подписанному вскоре турецко-египетскому договору в Кютахье Мехмед Али получал Сирию в свое пожизненное управление.

Главным международным последствием первого египетского кризиса стало заключение русско-турецкого союза. Опасаясь повторного нападения честолюбивого египетского наместника, султан Махмуд II в июле 1833 г. подписал с русским уполномоченным А. Ф. Орловым, одним из самых талантливых русских дипломатов первой половины XIX в., *Ункяр-Искелесийский договор* о взаимной военной помощи на 8 лет. Наиболее важной была секретная статья договора, по которой Турция освобождалась от обязательства оказания военной помощи России, но взамен соглашалась на закрытие проливов для всех военных судов, кроме российских.

Тем самым русская программа-максимум того, чего можно добиться дипломатическими средствами, была достигнута: Черноморское побережье оказывалось в безопасности, в то время как русский флот мог свободно проходить на простор Средиземного моря. Но то, что было успехом русской дипломатии, считала своим поражением английская. Газета «Таймс» назвала договор «бесстыжим»; правительство заявило султану официальный протест и устами своего министра иностранных дел Пальмерстона выступило в парламенте с развернутым обоснованием принципа целостности Турции. В Париже также демонстрировали крайнее недовольство подписанием договора. Общность позиции по этому вопросу стала одной из основ складывания «идеологического» блока Англии и Франции, о котором шла речь выше.

Россия также попыталась заручиться помощью своих традиционных союзников, и особенно небезучастной к восточному вопросу Австрии. Одним из главных мотивов Николая I, побудившего его к участию в серии встреч с монархами Австрии и Пруссии осенью 1833 г., было опасение, что западным странам удастся привлечь на свою сторону Австрию, и в этом случае Россия окажется на Востоке в полной изоляции. Со своей стороны Меттерних стремился сковать становившуюся слишком опасной свободу действий России на Балканах. Из этих предпосылок родилась подписанная 18 сентября 1833 г. *Мюнхенгрецкая русско-австрийская конвенция* по восточному вопросу. На встрече в Мюнхенгреце Николай попытался поставить проблему турецкого наследства с помощью своей излюбленной метафоры. Обращаясь к Меттерниху, он спросил: «Что Вы думаете о турке? Это больной человек, не так ли?» Однако австрийский канцлер своим ответом обратил внимание царя, что из факта «болезни», т. е. ослабления Османской империи, возможен не один, а два вывода: «...обращается ли Ваше величество ко мне как к врачу или как к наследнику?». В итоге было принято решение, предусматривавшее обе обозначенные Меттернихом возможности. По нему Россия и Австрия обязывались предпринять действенные меры для сохранения Османской империи, т. е. «лечить»; в секретных статьях стороны обязывались в случае краха Турции действовать только на основе взаимных консультаций, т. е. выступить в роли «наследников».

С одной стороны, Мюнхенгрецкая конвенция представляла собой отход от традиции российской внешней политики, заключавшейся в трактовке балканской проблемы как предмета двусторонних отношений России и Турции. С другой стороны, сближение с Австрией по восточному вопросу, предотвратившее вовлечение Вены в антирусский лагерь Пальмерстона, также могло опираться на давнюю тради-

цию сотрудничества с Габсбургами на Балканах с целью разделения там сфер влияния. Это сотрудничество стало особенно необходимым в новых условиях все большей интернационализации восточного вопроса, ярким свидетельством которой стал второй египетский кризис.

§ 4. Второй египетский кризис 1840—1841 гг.

Англо-русские отношения

После дипломатического поражения в первом египетском кризисе Англия приняла все усилия для того, чтобы подорвать вновь обретенные позиции России в Турции и одновременно укрепить собственное влияние. В первую очередь Лондон попытался перехватить у Петербурга миссию главного защитника султана от египетского сепаратизма, тем более что эта миссия вполне совпадала и с целями самих англичан, пытавшихся таким образом ослабить французское влияние в Египте.

Со своей стороны Россия также делала дружественные Турции жесты. В 1834 г. была подписана русско-турецкая конвенция, по которой Россия в два раза сократила контрибуцию, взимаемую с Турции по Адрианопольскому миру и вывела из Дунайских княжеств свои войска. Вместе с тем все эти дипломатические ухаживания за султаном были лишь одной из арен, где разворачивалась англо-русская борьба, в 30-е гг. достигшая большой напряженности и широкого географического размаха.

Новой областью русско-английских противоречий стал Кавказ. Англичане были всерьез обеспокоены отвоеванием Россией у Турции очередного участка Черноморского побережья Кавказа, а также шедшей в эти годы Кавказской войной (1817—1864 гг.). Они опасались, что овладение Россией этим стратегически важным регионом откроет ей даже более близкие, чем Балканы, ворота в Малую Азию. В целях остановить продвижение России Англия задействовала весь спектр далеких от дипломатии методов: отправку на Кавказ разного рода шпионов и эмиссаров, поощрение религиозной вражды, поставку горцам денег и оружия. В 1836 г. в связи с подобной деятельностью возник и первый крупный дипломатический инцидент. Подтвердив по Адрианопольскому миру 1829 г. свои права на Черноморское побережье Кавказа, Россия установила блокаду этих берегов, чтобы воспрепятствовать снабжению горцев оружием. Однако Англия не признала блокаду как ограничивавшую английское «право» свободы морей. В ноябре 1836 г. российскими моряками была задержана английская шхуна «Виксен», которая, как выяснилось, доставила черкесам оружие и порох. Этот откровенно враждебный России акт получил совершенно иной резонанс, когда в ходе выяснения личности находившегося на борту купца по гербовым пуговицам его фрака обнаружилось, что он является английским консулом в Португалии. Таким образом, весь инцидент приобрел облик не частной инициативы, а политической акции официальных властей, к тому же с участием действующего дипломатического агента. В результате этой истории, закончившейся конфискацией шхуны в качестве русского морского приза, английское общественное мнение приобрело еще более анти-русский характер.

Другими чувствительными точками трения в англо-русских отношениях были Персия (Иран) и Афганистан, тем более что после победы России в подготовленной во многом английскими руками русско-персидской войне 1826—1828 гг. влияние России в Персии существенно укрепилось, а Афганистан вообще считался воротами в Индию (см. ниже, с. 261—262).

Таким образом, к взаимной идеологической неприязни Англии и России в 30—40-е гг. прибавился острый конфликт их реальных интересов, почти сплошной полосой простиравшийся от Средней Азии до Босфора и выводивший англо-русские противоречия на первое место в Европе. На таком фоне начался второй египетский кризис.

Ход кризиса

Начало новому кризису положили действия самого султана, желавшего вернуть себе Сирию. В апреле 1839 г. он начал поход против Мехмеда Али, в котором потерпел пол-

ное поражение, и вскоре скончался.

Новый кризис на Ближнем Востоке стал очередным вызовом «европейскому концерту». Можно было ожидать, что и в этот раз согласованного выступления великих держав добиться не удастся, так как Россия и Франция могли воспользоваться преимуществом своих особых отношений: первая — с султаном, вторая — с Мехмедом Али. В действительности Россия предпочла не противопоставлять себя «концерту»: Ункяр-Искелесский договор истекал уже в 1841 г., на его возобновление едва ли приходилось рассчитывать, и Россия надеялась получить больших для себя выгод путем сотрудничества с Англией, чем противостояния с ней. Еще в 1833 г. из Петербурга в Лондон было направлено предложение об отказе России от возобновления договора после его истечения в обмен на признание Англией принципа закрытия проливов для военных судов. Кроме того, в Петербурге считали англо-французскую связь опасной для России и надеялись, что в случае отстаивания Францией своих особых интересов в Египте сотрудничество России с Англией поможет ее разорвать.

Так и случилось. Первоначально пятерка великих держав выступила единым фронтом и в коллективной ноте июля 1839 г. выразила поддержку Турции. Однако Франция, которая в наибольшей степени была представлена в Египте экономически, перевооружала египетскую армию и ставила себе целью добиться преобладания во всей Северной Африке — от Марокко до Суэца, не смогла сдержать единства рядов. В марте 1840 г. к власти в Париже пришло новое министерство А. Тьера, которое перешло на проегипетские позиции и высказалось за сохранение Сирии за Египтом.

Началась новая стадия кризиса, на которой турецко-египетские противоречия переросли в противоречия великих держав. В июле 1840 г. в Лондоне Англия, Россия, Австрия и Пруссия заключили договор о режиме судоходства в проливах и о защите Турции. Проливы объявлялись закрытыми для военных флотов всех государств. Мехмеду Али был предъявлен ультиматум. Мехмед Али, уверенный во французской поддержке, отверг ультиматум. Франция же оказалась в очень сложном положении, когда на место наметившейся англо-французской связи, казалось, вдруг встала уже почти списанная в архив комбинация 1815 г., воссозданная на этот раз на восточной

почве. Не имея сил и политической воли воевать на Востоке, Франция была вынуждена уступить, причем к этому тяжелому дипломатическому поражению прибавилась и потеря лица перед разочарованным в своих надеждах Мехмедом Али. Результатом этих событий, воспринятых общественным мнением Франции как национальное унижение, стал Рейнский кризис, еще более углубивший противоречия Франции с четырьмя остальными великими державами. Лишь отставка Тьера в октябре 1840 г. и назначение новым министром иностранных дел Ф. Гизо, взявшего курс на возвращение Франции в «концерт», смогло постепенно смягчить ситуацию.

Лондонская конвенция 1841 г.

Второй египетский кризис закончился высадкой в Сирии англо-австро-турецкого десанта и отказом Мехмеда Али от всех претензий. Однако он сохранил за собой Египет в обмен на выплату султану ежегодной дани.

Кризис имел и важный дипломатический эпилог. В июле 1841 г. в Лондоне представителями пяти великих держав и Турцией была подписана новая конвенция о проливах, провозглашавшая принцип их закрытия для всех нетурецких военных судов в мирное время. *Лондонская конвенция* как первое многостороннее соглашение по вопросу Черноморских проливов стала одним из самых ярких свидетельств интернационализации восточного вопроса. Отныне режим судоходства в проливах перестал быть делом двусторонних отношений России и Турции. Содержавшаяся в конвенции фактическая международно-правовая фиксация «древнего права Османской империи» означала существенное ослабление позиций России, приравненной к непричерноморским державам, не имевшим в этом регионе столь очевидных и непосредственных интересов. Хотя иностранные военные корабли не могли войти в Черное море, но и русский флот оказался в нем запертым.

Вместе с тем конвенция стала еще одним примером того, что «европейский концерт» все еще сохранял свою жизнеспособность — решение было принято совместно, причем две державы — Россия и Франция — пошли на уступки с тем, чтобы обеспечить мирное разрешение конфликта.

Готовность России идти на широкие уступки, включая отказ фактически без боя от преимуществ Ункяр-Искелесийского договора, была связана с идеей, которую Николай I преследовал начиная со второй половины 30-х гг., — разорвать англо-французскую связь и попытаться решить восточный вопрос в согласии с Англией. Египетский кризис имел в этом смысле огромное значение, укрепив российского императора в двух роковых иллюзиях — о непреодолимости англо-французских противоречий и о возможности сотрудничества с Англией в восточном вопросе. Плоды этих иллюзий Николаю I пришлось пожать в Крымской войне.

§ 5. На пути к войне

Крымскую войну иногда называют несостоявшейся первой мировой. Действительно, за сто лет — с 1815 г. по 1914 гг. — это была единственная война, в которой были прямо задействованы сразу три

великие державы и косвенно две другие, не считая так или иначе вовлеченных в конфликт европейских стран второго эшелона. В основе войны лежали серьезные противоречия, в первую очередь англо-русский и австро-русский. Она возникла на самой сложной и взрывоопасной почве международных отношений XIX в. — в восточном вопросе, чреватом цепной реакцией сразу на трех континентах. Благодаря английскому морскому преобладанию военные действия, помимо Черного моря затронули и целый ряд других акваторий Мирового океана — Балтику, Белое море и Тихий океан; даже в Австралии опасались русского вторжения. И тем не менее, несмотря на весь этот потенциал, Крымская война осталась войной локальной.

Данное обстоятельство объяснялось не только недостатком ресурсов антирусской коалиции для полномасштабной войны, не только тем, что Австрия и Пруссия, географические соседи России, своим отказом от активного участия в большой войне сделали ее физически невозможной, но и тем, что Крымская война была войной «европейского концерта»: она сопровождалась непрекращавшимися дипломатическими переговорами, поиском компромиссов и взаимоприемлемых решений; каждая из сторон употребила лишь часть своей мощи в осознанном стремлении к локализации войны и т. д. Вместе с тем уже факт войны между великими державами свидетельствовал о глубоком кризисе «европейского концерта», сам смысл которого состоял в совместном мирном менеджменте кризисных ситуаций. Десятилетиями существовавшие противоречия вдруг обернулись войной не только в силу их резкого обострения, но и потому, что лежавшие в основе «концерта» механизмы взаимопонимания были нарушены целой серией неверных оценок, ложных восприятий и иррациональных страхов.

Политика России накануне Крымской войны стала классическим примером неверных оценок и вытекавшего из них неверного действия. Задолго до того, как прозвучали первые пушечные выстрелы, война уже была проиграна политически и дипломатически. С одной стороны, российское политическое руководство переоценило тяжесть недуга «больного человека на Босфоре». Египетские кризисы, казавшиеся очевидным свидетельством скорого краха Османской империи, ввели Николая I в заблуждение относительно действительной прочности Турции. С другой стороны, российский император обманулся и в оценке позиции великих держав. Помимо России, собственные интересы на Ближнем Востоке имели три великие державы — Англия, Австрия и Франция, и в отношении каждой из трех Николай I ошибся самым драматичным образом.

Позиция Англии

Решающее значение имела позиция Англии. Определенное сближение с Россией, обозначившееся в годы второго египетского кризиса и имевшее некоторый антифранцузский акцент, в глазах английских дипломатов являлось не более чем тактическим ходом, который был не в силах изменить основ глубинного англо-русского соперничества. Вместе с тем в 40-е гг. англичане охотно подчеркивали свои противоречия с Францией, дабы укрепить Николая I в его иллюзиях.

В 1844 г. российский император отправился с визитом в Лондон, с тем чтобы лично прощупать почву и выяснить, насколько далеко в

сотрудничестве с Россией англичане готовы пойти на Востоке. Члены находившегося в то время у власти консервативного кабинета Р. Пиля и королева Виктория внешне любезно встретили русского самодержца. Политическое же содержание визита было закреплено в специальном меморандуме, написанном Нессельроде на основании бесед Николая I с Пилем и министром иностранных дел Эбердином. В нем говорилось о необходимости сохранения Османской империи, хотя во время визита Николай I, в отличие от своих высказываний Меттерниху десятилетней давности, говорил о Турции даже уже не как о «больном», а как об «умирающем человеке». Согласно меморандуму, если Турция распадется, то Россия и Англия должны договориться об учреждении «нового порядка вместо нынешнего»; предполагались возможное привлечение Австрии и согласованные действия Англии — на море и России — на суше. Несмотря на то что англичане не предложили никакого ответного документа, т. е. всего лишь приняли русский меморандум к сведению, Николай I вынес из поездки в Лондон твердое и, как показала дальнейшая практика, ошибочное убеждение — с Англией можно договориться.

Однако самое большое крушение иллюзий Николаю I предстояло пережить в отношении Австрии. Предотвратив в 1849 г. крушение монархии Габсбургов, русский император уверился в том, что отныне Австрия преисполнится благодарности и будет послушно следовать в кильватере российской политики. Однако в Вене из событий 1849 г. сделали совсем другой вывод — австрийцев устрасила русская мощь. Перспектива распада Турции и утверждения на ее месте сильной России и возможного появления независимых славянских государств внушала ужас. Не привлекала Вену и перспектива раздела Балкан с Россией, поскольку это означало бы, с одной стороны, умножение количества славянских подданных, грозившее разрушить хрупкий национальный баланс внутри империи, и, с другой, превращение Австрии практически в сателлита оказавшегося в непосредственной близости соседа с востока.

Вызывала опасения и в целом политика Николая I, заставлявшая австрийцев опасаться русской гегемонии в Европе. Надо сказать, что и в действительности после триумфа в Венгрии Николаю стали изменять всегда свойственные ему осторожность, осмотрительность и природный политический инстинкт. Он необычайно уверился в своих силах, стал не предлагать, а диктовать, многие оценки начали утрачивать адекватность. К австрийскому императору он относился едва ли не как к русскому губернатору, оказывал покровительство и требовал подчинения. Между тем еще в 1849 г. австрийский канцлер Ф. Шварценберг будто бы сказал знаменитую фразу: «Австрия еще удивит мир своей неблагодарностью».

Позиция Франции

Менее всего российское руководство обманывалось в позиции Франции. Разделяя опасения Англии по поводу безопасности Восточного Средиземноморья в случае овладения Россией проливами, Франция выступала и как самый непримиримый идеологический противник «русского деспотизма». Именно в Париже располагалась штаб-квартира польской эмиграции и строились различные варианты восстановления Польши; многие политиче-

ские и общественные деятели Франции были склонны рассматривать свою страну, родину революций и прогресса, как полный антипод расположенному на другом краю континента «жандарму Европы». Российское политическое руководство ясно видело враждебность Франции, однако в Петербурге полагали, что традиционные англо-французские противоречия помешают возникновению связи между Парижем и Лондоном, в одиночку же французы выступить не решатся.

Русско-французские отношения еще больше обострились в связи с провозглашением в 1852 г. империи во главе с Наполеоном III (1852—1870), племянником великого императора.

Со своей стороны одной из главных целей Наполеона III было разрушение порядка 1815 г., как он полагал, антифранцузского по сути. Политической основой этого порядка он не без оснований считал австро-русско-прусскую связь и особенно цементирувавшую ее Россию. Поэтому, выступая против России в восточном вопросе, он в действительности имел в виду и эту свою стратегическую цель. Кроме того, сам характер установленного им во Франции режима (так называемый «бонапартизм») ставил французского императора в большую зависимость от общественного мнения и голосов избирателей, самым простым способом заполучить которые был внешнеполитический успех. К началу 50-х гг. Наполеон III был особенно озабочен получением поддержки церкви и многочисленных голосов католических избирателей. Начало кризиса на Востоке предоставило ему в этом смысле великолепную возможность.

Прологом Крымской войны стала так называемая «ссора монахов» — конфликт между представителями православной и католической церковью по поводу контроля над святыми местами в Палестине, и в первую очередь над Вифлеемским храмом. Православная и католическая церковь вступили в спор о том, кому должны принадлежать ключи от Храма Гроба Господня, кто должен делать в нем ремонт, какую звезду поместить в Вифлеемской пещере, православную или католическую, и о других достаточно малозначительных самих по себе вещах.

Немедленно после своего начала в 1850 г. «ссора монахов» вышла за пределы чисто конфессионального соперничества и приобрела политический оборот — борьбу за влияние в Османской империи между Россией и Францией. Выступив в роли покровителя католической церкви, Наполеон III в 1852 г. добился от султана официального признания преимуществ католиков в святых местах, что, в свою очередь, вызвало возмущение в России и побудило ее к ответным действиям.

Между тем к началу 50-х гг. Османская империя подошла с существенно более крепкими позициями, чем во времена предыдущих кризисов. С одной стороны, под влиянием второго египетского кризиса и с приходом к власти нового султана — Абдул Меджида в Османской империи началась эпоха реформ, так называемый Танзимат (1839—1876 гг.), основным смыслом которой была некоторая европеизация Турции. С другой стороны, султан чувствовал надежный тыл, который обеспечивала ему поддержка Франции и Англии. В этой обстановке и была осуществлена попытка непосредственного давления на султана со стороны России, известная как «миссия Меншикова».

В январе 1853 г. в деле о святых местах султан официально отдал предпочтение католикам — они получили ключи от храма Гроба Господня в Иерусалиме, в Вифлеемской пещере была установлена католическая звезда и т. д.

Незадолго до этого австрийцы, казалось бы, продемонстрировали, как в спорных случаях надлежит вести себя с Турцией. В конце 1852 г. обострились отношения между Черногорией и Турцией. Это беспокоило Австрию, опасавшуюся волнений среди своих славянских подданных. Поэтому в январе 1853 г. состоялась короткая и энергичная «миссия Лейнингена», австрийского дипломата, который предъявил Порте требование о выводе турецких войск из Черногории. Турки пошли на уступки.

Под впечатлением от австрийского успеха в феврале 1853 г. в Константинополь с подобной же миссией отправился адмирал А. С. Меншиков, начальник морского штаба и доверенное лицо царя. Официально ему было поручено добиться от Турции подписания конвенции о восстановлении первенствования православной церкви в святых местах, но одновременно Меншиков должен был попытаться подвинуть султана и на политические уступки, главной из которых было признание права единоличного покровительства России христианским подданным Османской империи в духе Кючук-Кайнарджийского договора. Причем подобное обязательство должно было иметь юридически обязательную форму международного договора. Николай I лелеял мысль и о возможном заключении с Турцией оборонительного союза в духе 1833 г. Вслед за русским уполномоченным из Лондона прибыл и его главный противник — английский посол Стрэдфорд Каннинг, которому недавно полученное лордство дало новое имя — Рэдклиф. Уже послуживший в Константинополе, прекрасно знавший турецкие дела и являвшийся убежденным противником России как по политическим, так и по личным причинам, Рэдклиф стал главным вдохновителем турецкой политики в отношении России и в значительной степени способствовал тому, что кризис не удалось разрешить мирным способом.

Свой вклад в нарастание кризиса внес и тот образ действий, который проводил русский эmissар, — постоянное давление, пренебрежение к турецким министрам, многочисленные «дипломатические бестактности». В результате в Турции и Европе уверились, что Россия ищет повод к конфликту. В конце апреля турки с английской подачи согласились удовлетворить все русские требования касательно святых мест. Однако Меншиков потребовал гарантий и на будущее, а также права покровительства России православным Турции, закрепленного в формальном обязательстве султана перед царем. После отказа турок Меншиков 21 мая покинул Константинополь, проведя эвакуацию значительной части российского посольства в турецкой столице.

Наряду с агрессивными действиями Меншикова в Константинополе английское правительство практически одновременно получило и другое доказательство того, что Николай I, как казалось, окончательно взял курс на развал Османской империи. Речь идет о нескольких доверительных беседах русского царя с английским послом в Петербурге Г. Сеймуром.

В декабре 1852 г. на смену тори в Англии пришел кабинет вигов во главе с Эбердином — тем самым, который в свою бытность министром иностранных дел достаточно благосклонно выслушивал мысли Николая I относительно судьбы Османской империи, высказанные им во время визита в Лондон в 1844 г. Воспользовавшись случаем, Николай I вернулся к этой теме. Разговаривая с Сеймуром «как друг и как джентльмен», российский император изложил свое видение будущего в случае распада Османской империи: Дунайские княжества и Болгария должны были превратиться в самостоятельные государства под русским протекторатом; Австрия сделала бы то же самое в отношении Сербии и Герцеговины; Англия могла получить Крит и Египет; Константинополь должен был сохраниться как «вольный город».

По форме и содержанию беседы с Сеймуром мало чем отличались от мыслей Николая I, высказанных во время визита в Лондон в 1844 г. Как и тогда, речь шла не о конкретных планах раздела Османской империи и тем более не о неких действиях в этой связи, а лишь об обмене мнениями относительно ситуации, могущей возникнуть в неопределенном будущем. Однако сочетание откровенных высказываний царя с поведением Меншикова заставило британскую дипломатию отнестись к ним более подозрительно. Реакция Англии на высказывания царя принесла ему двойное разочарование. Во-первых, английский ответ был в лучшем случае уклончив — в Лондоне не видели признаков распада Османской империи, но на случай, если он все же произойдет, соглашались на консультации. Во-вторых, «джентльменская» откровенность царя («Нам достаточно Вашего слова», — говорил он Сеймуру) стала предметом откровенного злоупотребления и была обращена в оружие против России: в мае 1854 г. его совершенно доверительные высказывания будут опубликованы в английской «Синей книге».

Тот колоссальный взрыв возмущения, который последовал за публикацией, объясняется не только удачным ходом правительства, но и существованием еще одного фактора, сыгравшего важнейшую роль в возникновении Крымской войны, — широко распространившимся к тому времени на Западе феноменом русофобии.

Русофобия в Европе

В 30—40-е гг. массовое распространение в Европе приобретают настроения русофобии, имевшие под собой достаточно разнородную основу. В эпоху первого подъема европейского либерализма и социализма Россия воспринималась как главный идеологический враг и одновременно — как мощная внешняя опора противников «прогрессивных сил» внутри их собственных стран. В Европе все чаще повторяли слова Наполеона о том, что через 10 лет Европа будет либо республиканской, либо казачьей, и отношение к России мыслилось именно в этой альтернативе — «или — или» — без возможности компромисса, как отношение не к противнику, а к врагу. Подобные настроения были подкреплены впечатлением от подавления польского восстания в 1830—1831 гг. и венгерской революции в 1849 г. Помимо идеологической, Россия оказалась врагом и в другой системе координат — национальной. Как и в случае с идеологией, Россия представала в роли своеобразного зеркала Европы, заглянув в которое можно было увидеть отличия и утвер-

даться в собственной национальной идентичности. России достался двойственный образ — и в обоих случаях угрожающий. С одной стороны, это отсталый, варварский, полуазиатский, ничего не давший культуре народ, для негативной характеристики которого охотно использовали учение Гегеля об «исторических» и «неисторических» народах. С другой стороны, распространяется представление о так называемой «великой параллели»: подобно тому как некогда вышедшие из лесов германские племена завоевали и вдохнули новую жизнь в дряхлевшую Римскую империю, новые варвары, славяне, и прежде всего русские, могут выступить в роли новых «обновителей» европейской цивилизации.

Особенное значение для русофобских настроений имели широчайшим образом распространившиеся с 40-х гг. представления о так называемом панславизме, т. е. о якобы существующем намерении России объединить всех славян в огромную империю под скипетром русского царя. Можно сказать, что страхи перед панславизмом далеко превосходили по масштабам лежавший в их основе феномен. Панславизм был явлением скорее литературным, его исповедовал достаточно ограниченный круг писателей, публицистов, образованной публики. Ответ же на него был дан в сфере политической, противостояние панславизму станет красной нитью политики европейских стран в отношении России вплоть до Первой мировой войны.

Россия часто воспринималась как враг и по сугубо политическим причинам. Сами ее размеры, многочисленность населения, миллионная армия, стратегическая неуязвимость, неподверженность социальным потрясениям, продемонстрированная на протяжении целой череды революций, потрясавших Европу, — все это заставляло европейских политиков априори считать «северного исполина»¹ главной угрозой европейскому равновесию и желать его ослабления.

Наибольшего распространения русофобские настроения достигли в Англии — главном идеологическом и геополитическом антиподе России. Отчасти они искусственно поддерживались правительством. Например, накануне русско-турецкой войны 1828—1829 гг. тогдашний статс-секретарь по иностранным делам и наиболее искусный из английских министров специалист по работе с общественным мнением Дж. Каннинг дал указание послу в Константинополе, своему двоюродному брату Стрэтфорду Каннингу: «...по возможности преувеличивай русскую угрозу». Но не в меньшей степени само английское правительство находилось под постоянным давлением антирусского общественного мнения, одним из главных рупоров которого был Д. Уркарт, бывший дипломат, публицист, за свою одержимую ненависть к России названный Марксом «мономаньяком». Пропаганда Уркарта имела успех в самых широких слоях английского общества, включая рабочих. Его взгляды вполне разделял и Маркс, сотрудничавший в изданиях Уркарта. Одним из самых ярких проявлений возможностей воздействия общественного мнения на внешнюю политику стал процесс с целью импичмента Пальмерстона, обвиненного неистовым Уркартом в том, что он будто бы является платным русским агентом. Дело дошло до слушания в парламенте, где, защищаясь от вздорного обвинения, Пальмерстон 1 марта 1848 г. выступил с блестящим изложением принципов английской внешней политики, в том числе использовав выражение, которое почти мгновенно стало

крылатым: «У нас нет вечных союзников, и у нас нет вечных врагов. Вечны и постоянны лишь наши интересы...»

В еще большей степени, чем слова, ответом Уркарту служили дела Пальмерстона, именно в годы Крымской войны доказавшего, что «вечные интересы» Англии на этот раз сделали врагом именно Россию.

Пальмерстон

Выходец из аристократической семьи, однокашник Байрона, законодатель моды (пальто фасона «пальмерстон» носили даже герои Достоевского) и дамский угодник, в политике он был часто далек от великосветских манер. Пальмерстон, которого называли «самым английским из политиков», действительно воплотил в себе целый ряд классических черт английского дипломата и государственного деятеля, иногда даже в гипертрофированной форме.

Отличия политики Пальмерстона от обрисованного выше дипломатического искусства Меттерниха и Талейрана были обусловлены не только тем, что он являлся политиком другой страны, но и тем, что он был политиком другой эпохи. Для французского министра и австрийского канцлера внешняя политика была тонкой игрой европейских канцелярий, недоступным для общественности таинством, искусством компромисса и интриги. Внешняя политика Пальмерстона была иной с точки зрения своего масштаба, мотивации и методов. В отличие от континентальных политиков он смотрел на европейские дела через призму глобальных интересов Великобритании. Побудительными мотивами английского министра были в первую очередь экономические и стратегические интересы, которые определялись и осуществлялись в различных вариантах взаимодействия с обществом — начиная от лоббистских групп торговцев и промышленников и заканчивая тем трудноосязаемым, но действенным фактором, который принято называть общественным мнением. В соответствии с этим и методы Пальмерстона отличались от образа действия его континентальных коллег. Англия была самой современной страной первой половины XIX в., она дальше всех продвинулась на пути модернизации — и самыми современными были ее внешнеполитические методы: экономическое давление; инструментальное использование идеологии, когда Англия объявлялась носителем свободы и прогресса, а ее противники диффамировались как враги прогрессивного развития человечества (в годы Крымской войны англичане даже в турках открыли «слабую либеральную нацию»); новое понимание публичности — не салон, а парламент; тщательная работа с прессой, вплоть до написания передовиц и ее финансирования из секретных фондов; наконец, дипломатия силы. Все эти черты проистекали из реального исторического лидерства Великобритании, но особенно ярко и отчетливо проявились именно в политике Пальмерстона, поскольку его 48 лет нахождения на различных постах в английском правительстве (1809—1829 — министр по военным делам, в 1830—1834 гг., 1835—1841 гг. и 1846—1851 гг. — министр иностранных дел, в 1852—1855 гг. — министр внутренних дел, в 1855—1858 гг. и с 1859 г. — премьер-министр — абсолютный рекорд английской политики!) пришлось как раз на то время, когда отрыв Англии от остального мира был максимальным.

Впервые возглавив внешнеполитическое ведомство в 1830 г. после 20 лет пребывания военным министром, Пальмерстон принес с собой осязаемые силовые акценты. Это почувствовали на себе как сами сотрудники Форин Офис («Я считаю, что министерство должно быть как полк», — заявил новый министр), так и иностранные государства. Не порывая окончательно с «европейским концертом» и, более того, с помощью многочисленных лондонских конференций превратив английскую столицу практически в его центр, Пальмерстон вместе с тем охотно прибегал к «пушечной дипломатии». Практически в каждом значимом международном вопросе дополнительный вес шагам британской дипломатии придавал немедленно появлявшийся англий-

ский флот — в бельгийском, португальском, египетском. Подобные морские демонстрации, по мнению Пальмерстона, были «все равно, что поднесение флакона с солью к ноздрям дамы, у которой со страху помутилось сознание...». Отрезвляющий эффект английских морских походов был не раз продемонстрирован в 20—40-х гг.; в целом же проводившаяся Лондоном политика силы достигла своего абсолютного апогея в Крымской войне 1853—1856 гг.

Пальмерстон был живым воплощением британских страхов перед захватом Россией Босфора и Дарданелл и связанной с этим угрозой ее свободного выхода в Восточное Средиземноморье. Еще в 1834 г. он предоставил полномочия английскому послу в Константинополе на вызов английской эскадры из Средиземного моря к проливам. В надвигавшейся Крымской войне он увидел возможность решающим образом ослабить Россию, и, несмотря на то, что начало нового кризиса на Востоке застало его на скромном посту министра внутренних дел, именно Пальмерстон стал тем политиком, который более всего способствовал вовлечению Англии в войну.

§ 6. Крымская война 1853—1856 гг.

На пороге войны

Несколько месяцев со времени отъезда Меншикова из Константинополя и до начала русско-турецкой войны характеризовались колебаниями между войной и миром, когда военные демонстрации перемежались с дипломатическими усилиями по предотвращению конфликта.

Еще весной 1853 г. к проливам были направлены сначала французская и затем английская эскадры, в июне соединившиеся в Безикской бухте на входе в пролив Дарданеллы. Уже эта очевидная демонстрация силы и общности позиции Англии и Франции могла разрушить иллюзии царя относительно невозможности англо-французского сближения. Чуть позже русские войска вступили в Молдову и Валахию, чтобы оказать давление на султана и вынудить его принять предложения Меншикова, еще раз повторенные в начале июня.

Параллельно предпринимались и попытки посредничества со стороны четырех еще не втянутых в конфликт великих держав. Было составлено около 11 проектов, самым важным из которых являлась так называемая Венская нота 31 июля 1853 г., по которой турецкое правительство обязывалось соблюдать условия Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского миров и не менять религиозный статус-кво без согласия России и Франции. Николай I принял условия этой ноты, однако Турция, подстрекаемая английским послом Рэдклифом, ответила отказом. 9 октября 1853 г. Турция ультимативно потребовала вывести русские войска из Дунайских княжеств. 16 октября Турция объявила России войну.

Русско-турецкая война и дипломатия

Внешне все начиналось как классическая русско-турецкая война, очередная в длинном ряду с конца XVII в. — те же действующие лица, то же место действия — Кавказ и Дунайские княжества, многократно хоженная русскими войсками дорога на Балканы. Николай I, для которого это была уже вторая война с Османской империей, рассчитывал повторить недав-

ний успех. Прекрасно понимая, что ситуация коренным образом изменилась и восточный вопрос уже больше не является только русско-турецким делом, он все же надеялся, что война обойдется без вмешательства великих держав либо, в наихудшем случае, Турцию поддержит только Франция. Недооценка начавшейся еще в 20-е гг. степени европеизации восточного вопроса обернулась для России катастрофическими последствиями.

Моментом истины стал знаменитый Синопский бой 30 ноября 1853 г. Страшный разгром турецкого флота имел во многом решающее значение для формирования антирусского фронта западных держав. Прежде всего в движение пришло общественное мнение, именно на начальном этапе Крымской войны особенно ярко доказавшее, что оно способно оказывать реальное влияние на внешнюю политику. На фоне подъема русофобских настроений в 30—40-е гг. для общественного взрыва оказалось достаточно буквально одного слова. Этим словом стала «резня», «синопская резня» — так вошло в английскую политическую и историческую традицию сражение под Синопом. Переданное по телеграфу и попавшее в заголовки множества английских газет слово «резня» оказало огромный психологический эффект, мобилизовавший общественное мнение в антирусском духе, хотя в действительности речь шла не о расправе над мирным населением, а о совершенно законном акте войны против армии воюющего государства.

Синопский бой имел и другое последствие. Разгром турецкого флота и затем серьезные поражения турок в декабре 1853 г. на кавказском театре военных действий заставили политическое руководство Англии и Франции опасаться, что турки запросят у Николая I мира. Стремясь предотвратить турецкое поражение, в январе 1854 г. англо-турецкая эскадра вошла в Черное море. 27 февраля Англия и Франция ультимативно потребовали от России очистить Дунайские княжества. 12 марта 1854 г. Франция и Англия заключили с Турцией союз против России. Не дождавшись ответа на свой ультиматум, 27 марта Англия и на следующий день Франция объявили России войну. Началась первая со времен Наполеона война между великими европейскими державами.

Цели сторон

Главной целью России в начавшейся «битве за ясли Господни» было юридически обязательное признание Османской империей права России на покровительство христианским народам и восстановление своего пошатнувшегося влияния в Константинополе. Однако с уходом русских войск из Дунайских княжеств и вступлением в войну Англии и Франции война приобрела для России оборонительный характер.

Франция помимо упомянутых выше внутривосточных соображений и стремления разрушить порядок 1815 г. также имела свою программу-максимум. Локальная Крымская война должна была быть европеизирована с помощью включения в нее германских государств и восстановления Польши. Иными словами, Наполеон III подумывал о большой европейской войне в духе своего дяди, результатом которой для Франции стали бы «естественные границы» по Рейну и преобладание в Италии. Естественно, с подобными взглядами не могли согласиться англичане, что сразу делало эту программу малореальной.

В отличие от Франции, пытавшейся использовать начинавшуюся войну в качестве средства для решения далеких от собственно восточного вопроса задач, заинтересованность Англии была непосредственной. Стратегической целью английского кабинета было прекратить продолжавшуюся многие десятилетия подвижку весов на Востоке в пользу России.

Программа-максимум, «прекрасный идеал» войны, как сам Пальмерстон назвал свой план, предусматривал решающее ослабление России, лишение ее доступа к основным морям и в целом отбрасывание ее от Европы — как географическое, так и политическое. Надо сказать, что своим планом Пальмерстон предвосхитил «прекрасный идеал» множества противников России XIX и XX вв. Согласно мысли Пальмерстона, от России должны были быть отделены едва ли не все нерусские европейские народы. Предполагалось отторгнуть от России в пользу Швеции Финляндию и Аландские острова; восстановить Польшу с присоединением к ней украинских и белорусских земель; передать Австрии Молдову, Валахию и устье Дуная; вернуть Турции Грузию и Крым; сделать «Черкессию» либо независимой, либо отдать ее под сюзеренитет султана; большую часть Прибалтики включить в состав Пруссии. Придерживавшийся подобных взглядов супруг королевы Виктории принц Альберт конечной целью подобных амputаций считал такое положение, когда Россия будет «сокращена до чисто славяно-азиатского государства, которое перестанет играть существенную роль в управлении Европой».

Английский кабинет не одобрил программу Пальмерстона, чреватую, по словам Эбердина, новой Тридцатилетней войной, однако в целом показательно, что, выступая под лозунгом борьбы с русской гегемонией, страны-союзницы вынашивали более далеко идущие планы, чем самые смелые замыслы России. По существу, и сама война имела форму очевидной агрессии против России: занятие Дунайских княжеств, единственный враждебный акт со стороны России, был к этому времени прекращен, поэтому союзники не имели никакого реального повода для вторжения в середине сентября на русскую территорию. Сам факт этого вторжения, а также атака России английским флотом по всему периметру ее водных границ — на Балтике, в Белом море, на Тихом океане — говорит о том, что в правящих кругах Англии и Франции существовала серьезная заинтересованность в войне и что эта война велась не только за конкретное решение восточного вопроса, но и против России как ведущей великой державы континента.

Борьба за союзников

На фоне разворачивавшихся боевых действий в Крыму, главным событием которых стала знаменитая осада Севастополя с октября 1854 по сентябрь 1855 г., шла дипломатическая борьба по двум основным направлениям — за союзников и за будущие результаты войны. Ключевое значение имела позиция двух оставшихся пока в стороне великих держав — Пруссии и Австрии, привлечь которых на свою сторону Николай I безуспешно пытался еще до начала войны, встретившись с Францем Иосифом в Ольмюце и с Фридрихом Вильгельмом IV в Потсдаме.

Пруссия колебалась между двумя противоборствующими сторонами, причем эти колебания были связаны как с расстановкой внутрен-

них сил, так и с давлением извне: Россия взывала к династической солидарности и традициям русско-прусской связи, Франция угрожала перенести войну на Рейн, давление оказывала и Англия. В результате Фридрих Вильгельм IV, по ироническому замечанию Николая I, «каждый вечер ложился спать русским и просыпался англичанином». В апреле 1854 г. Пруссия заключила оборонительный союз с Австрией, направленный против любой агрессии извне, но в дополнительной статье оговаривавший возможность наступательных действий против России в случае захвата ею Дунайских княжеств или вторжения на Балканы. Пруссия рассчитывала влиять на своего союзника сдерживающим образом, Австрия же восприняла союз как полную поддержку Пруссией ее балканской политики. На деле вплоть до самого конца войны Пруссии удалось сохранить полный нейтралитет.

В ноябре 1853 г. Австрия заявила о вооруженном нейтралитете. Однако вскоре опасения национальных революций внутри и вне своих границ, а также давление Наполеона III, угрожавшего лишить монархию Габсбургов ее итальянских владений, побудили Вену перейти на откровенно антирусские позиции. В апреле 1854 г. Австрия заключила с Турцией *Бояди-Койский договор*, по которому обязывалась добиваться очистки Дунайских княжеств от русских войск и ультимативно потребовала от России уйти из Дунайских княжеств, а в августе, после вывода русских войск, ввела туда 300-тысячную армию. «Неблагодарность» Австрии стала совершенной неожиданностью для России и во многом предрешила судьбу войны. В декабре 1854 г. Австрия заключила союз с Англией и Францией, предусматривавший возможность ее вступления в войну.

Помимо успехов в отношении великих держав — нейтрализации Пруссии и вовлечения в союз Австрии, Англии и Франции удалось добиться привлечения на свою сторону и некоторых других государств Европы. В январе 1855 г. был подписан союзный договор с Сардинией, которая взамен на отправленный в Крым 15-тысячный корпус рассчитывала добиться поддержки Англии и Франции в деле объединения Италии. Наконец, на самом излете войны осенью 1855 г. английская и французская дипломатия смогла добиться заключения союзного пакта со Швецией, которая, однако, соглашалась вступить в войну только в случае перенесения ее центра тяжести с Крыма на Балтику. В результате Россия, и без того противостоя значительно превосходящим ее в экономическом и военном отношениях силам, оказалась в полной международной изоляции.

Проблема мира

Условия заключения мира с Россией были изложены в так называемых «Четырех пунктах», подписанных Англией, Австрией и Францией 3 августа 1854 г. Они предусматривали: 1) отказ России от протектората над Дунайскими княжествами и передачу их под европейский контроль; 2) восстановление свободы судоходства по Дунаю, поскольку, по мнению союзников, Россия в предшествующие годы намеренно препятствовала очищению его низовьев от песка; 3) ревизию установленного в 1841 г. режима судоходства проливов; 4) замену существовавшего с 1774 г. права России на покровительство христианским народам коллективным покровительством европейских держав. Первоначально

отказавшись, Россия под угрозой австрийской мобилизации в ноябре 1854 г. была вынуждена принять эти требования.

Дальнейшее обсуждение «Четырех пунктов» состоялось на созванной по инициативе Австрии конференции великих держав в Вене, проходившей с марта по июнь 1855 г. Англия и Франция дожидались решающего поворота в боевых действиях в Крыму и пошли на конференцию с твердым намерением привести ее к неудаче. Россия согласилась на обсуждение крайне тяжелых для нее «Четырех пунктов», поскольку австрийский император дал слово, что решающий третий пункт не будет означать исчезновения русского военного флота на Черном море. Конференция не увенчалась успехом прежде всего потому, что Англия отклонила найденную было компромиссную формулировку третьего пункта.

Как и предполагалось, решающий поворот произошел не на переговорах в европейских столицах, а в далеких крымских степях — 8 сентября 1855 г. пал Севастополь. Перед союзниками встала проблема — вести войну дальше, ставя более широкие европейские цели в духе своих максимальных программ, или ограничиться успехом в восточном вопросе. Пальмерстон, к тому времени уже премьер-министр, предлагал продолжить войну, однако Наполеон III, в результате победы над Россией добившийся укрепления своих позиций внутри собственной страны и фактического лидерства Франции на европейском континенте, ответил отказом. Учитывая нарастание антивоенных настроений в Англии, с прекращением войны в итоге был вынужден согласиться и британский премьер.

Со своей стороны, после падения Севастополя война стала бесперспективной и с точки зрения России. В январе 1856 г. на двух совещаниях, собранных новым царем — Александром II, было решено принять условия обращенного к России австрийского ультиматума, направленного в Петербург в середине декабря, в котором более жесткую формулировку обрели «четыре пункта» и был добавлен пятый — об отторжении от России Южной Бессарабии.

§ 7. Парижский конгресс

Ход конгресса

1 февраля в Вене было заключено перемирие, позволившее выработать условия будущего мира на конгрессе, проходившем по настоянию Наполеона III в Париже с 25 февраля по 16 апреля 1856 г. 30 марта был подписан главный документ конгресса — Парижский трактат, однако участники конгресса не разъехались тотчас после его подписания, а остались для обсуждения других вопросов, в том числе итальянского.

Будучи по своей сути конференцией по конкретному вопросу, этот общеевропейский форум получил наименование «конгресс» благодаря попытке Наполеона III превратить его в место подведения итогов всему политическому развитию Европы после 1815 г. и дать новую точку отсчета международным отношениям вместо решений Венского конгресса. С этой целью Венскому конгрессу пытались уподобить сам сценарий и образ действия конференции; в частности, как и сорок лет назад, председательствовал министр иностранных дел

страны-хозяина — А. Валуевский. Однако, по сути, этим сходство и ограничилось. Идея не встретила поддержки России, Австрии и Пруссии уже потому, что переустройство Европы на основе «принципа национальностей», который провозглашал французский император, грозило революциями, и в частности воскрешением польского вопроса. Англия также не хотела превращения и без того усилившейся Франции в своего рода режиссера нового европейского устройства. Таким образом, от планов Наполеона III осталось лишь название «конгресс», а также единичные выходы за пределы собственно восточного вопроса — обсуждение проблемы Италии, Аландских островов и т. д.

В работе конгресса приняли участие все великие державы, причем Пруссия, не участвовавшая в развитии конфликта, а также в наказание за ее относительную лояльность к России с английской подачи получила приглашение лишь после начала работы конгресса. Кроме того, на конгрессе была представлена Османская империя, 7-й статьей Парижского трактата официально признанная «участвующею в выгодах общего права и союза держав европейских», т. е. впервые членом европейской системы государств. Наконец, еще одним новым лицом на европейском ареопаге было Сардинское королевство, представленное премьер-министром К. Кавуром, будущим объединителем Италии.

Цели союзников на конгрессе не вполне совпадали: Франция стремилась к скорейшему решению проблемы и нормализации взаимоотношений с Россией в том числе и потому, что Наполеон знал о настроениях на парижской бирже, рассматривавшей Россию как важную сферу инвестиций. Англия стремилась навязать как можно более жесткие условия мира, чтобы решительным образом ослабить Россию. Австрия, разорвавшая традиционную связь с Россией, боялась оказаться в изоляции перед лицом новых обострений восточного вопроса и стремилась сохранить связь со своими новыми союзниками. С этой целью представлявший Австрию на конгрессе министр иностранных дел К. Ф. Буоль-Шауэнштейн, автор нового курса Австрии в годы Крымской войны, предложил Англии и Франции заключить союз с целью гарантии территориальной целостности Турции. Однако этот союз не вошел в корпус документов, составлявших Парижский трактат.

Результаты конгресса складывались из трех основных составляющих: собственно Парижского трактата 30 марта 1856 г.; ряда вопросов более широкого характера, решенных или только заявленных уже после его подписания; международных договоренностей, принятых в Париже вне формальных рамок конгресса.

Парижский трактат состоял из 34 основных статей, одной дополнительной и трех конвенций — о Проливах, Черном море и Аландских островах.

Принятые на конгрессе решения практически целиком отвечали кругу проблем, обозначенному в «четыре-х пунктах». Статьи с 21 по 27 касались Дунайских княжеств. Россия отказывалась от полученного по Адрианопольскому миру протектората над Дунайскими княжествами. Над княжествами сохранялся турецкий сюзеренитет с коллек-

тивной гарантией всех пяти держав, т. е. наряду со Швейцарией, Грецией и Бельгией еще один регион объявлялся зоной общих европейских интересов. Австрия и Турция отвергли предложение Франции, Англии и России об объединении Молдовы и Валахии, но оба княжества получали «независимые национальные администрации» и народные представительства, благодаря которым уже через шесть лет будет создано единое Румынское государство. По статье 20 Россия взамен на возвращение ей Севастополя и других городов в Крыму уступала Молдавии Южную Бессарабию и тем самым теряла выход к устью Дуная.

Проблема Дуная трактовалась в статьях 15—19. Со ссылкой на решения Венского конгресса Дунай становился второй после Рейна европейской рекой, на которой провозглашалась свобода судоходства. Создавались две комиссии: первая состояла из представителей стран — участниц Парижского конгресса и должна была обеспечить очистку русла Дуная, а вторая — из представителей придунайских государств Австрии, Баварии, Вюртемберга, Османской империи, Сербии, Молдовы и Валахии (и, соответственно, без лишенной доступа к Дунаю России), задачей которой было следить за режимом судоходства на постоянной основе. Каждая из договаривающихся стран получала право держать в устье Дуная по два легких военных судна.

Наиболее важным был третий пункт, который отразился в статьях 10—14. В особой, приложенной к договору конвенции в целом подтверждался режим судоходства в проливах, установленный Лондонской конвенцией 1841 г. Само Черное море статья 11 объявляла нейтральным. Эта формула означала запрет на содержание военного флота в Черном море и наличие крепостей на его побережье, за исключением оговоренного Россией и Турцией в прилагавшейся к договору конвенции количества легких судов — по десять с каждой стороны. Несмотря на внешнее равенство условий для всех государств, Россия выступала главной проигравшей стороной, поскольку, во-первых, ее статус как причерноморского государства уравнивался со статусом нечерноморских европейских держав. Во-вторых, равенство с Османской империей как вторым причерноморским государством также было кажущимся, поскольку Порта в реальности могла выполнить условие нейтрализации, просто переправив свои корабли из Черного моря в Средиземное и в случае необходимости их вернуть. Россия ничего подобного сделать не могла, в случае нового конфликта ее берега действительно оставались совершенно беззащитными, тем более что опыт минувшей войны показывал, как мало препятствуют проникновению в Черное море английских и французских военных кораблей международные трактаты.

Четвертый пункт о праве покровительства христианам был урегулирован следующим образом. Еще 18 февраля 1856 г. султан издал указ, так называемый «хатт-и-хумайун», о равенстве всех христиан с мусульманами. В статье 9 Парижского трактата европейские державы признали «высокую ценность» этого указа, тем самым, по сути, выступив в роли его гаранта. Так существовавшее с 1774 г. право покровительства турецким христианам от России перешло к «европейскому концерту».

Остальные статьи трактовали вопросы восстановления мира (1, 2, 5, 6), возврат Россией Турции сильной крепости Каре на Кавказе (3), сохранение автономии Сербии и др.

Конгресс принял и решения, выходявшие за пределы непосредственно обсуждавшегося восточного вопроса, но нашедшие отражение в Парижском трактате. В частности, побочным следствием Крымской войны стала демилитаризация прикрывавших подступы к Петербургу Аландских островов. Конвенция об этом была подписана Россией, Англией и Францией одновременно с подписанием Парижского трактата.

Вторая составляющая результатов Парижского конгресса заявила о себе уже после подписания Парижского трактата. Участники конгресса обсуждали целый ряд более широких европейских проблем, многие из которых если и не были решены, то были заявлены.

В частности, это можно сказать об итальянском вопросе. Наполеон III, в целом державшийся в тени во время работы конгресса, высказал пожелание «рассмотреть проблемы дурного правления в некоторых итальянских государствах». Несмотря на ожесточенное сопротивление Австрии, 8 апреля Кавур предложил вниманию участников конгресса свой меморандум касательно ревизии положения в Италии. Вопреки его надеждам никаких решений принято не было, но тем не менее де-факто итальянский вопрос был впервые поставлен в повестку дня европейской политики.

Иная судьба ожидала польский вопрос. Учитывая многократные выступления Англии и Франции в пользу поляков и политическую и военную слабость России, многие ожидали, что польский вопрос также будет поднят на конгрессе. Александр II устами своего уполномоченного на конгрессе А. Ф. Орлова даже обратился к западным державам с просьбой не поднимать польскую проблему. Польский вопрос действительно не был затронут, поскольку Англия и Франция понимали, что его обострение чревато новым сближением трех «восточных держав», а в худшем случае — большой европейской войной.

По сути, единственным реальным решением Парижского конгресса, выходявшим за пределы восточного вопроса, была Декларация о принципах морского международного права, подписанная участниками конгресса 16 апреля 1856 г. Декларация запрещала каперство; грузы воюющих сторон на нейтральных судах и нейтральные грузы на судах воюющих сторон считались неприкосновенными; объявленная одной из воюющих сторон блокада должна быть действительной, т. е. обеспечиваться достаточными силами для препятствования доступа к неприятельскому берегу. Так, спустя почти 80 лет принципы, впервые провозглашенные Екатериной II в Декларации о вооруженном нейтралитете, стали общепризнанной международной нормой и основой права морской войны.

Наконец, уже вне рамок работы конгресса был подписан важнейший документ. 15 апреля Англия, Австрия и Франция заключили между собой секретный договор, объявлявший всякое нападение на Османскую империю *casus belli*. Подобно Четверному союзу 20 ноября 1815 г., закреплявшему антифранцузский характер установленной в Вене системы, этот договор был призван гарантировать соблюдение решений Парижского конгресса, также превращая их в своего рода

«крымскую систему». Французы лишь несколько смягчили антирусский характер договора — Велевский настаивал на дополнении о том, что договор не направлен исключительно против России, а Наполеон III, не взирая на секретный характер договоренности, сообщил о ней русскому послу.

Значение Крымской войны

Крымская война имела самые серьезные последствия как для внешней политики отдельных государств и ситуации в отдельных европейских регионах, так и для Венской системы в целом.

Не получив никаких материальных выгод, Франция тем не менее была одной из главных выигравших от войны сторон. Помимо упрочения внутренних позиций, Наполеон III добился успеха в своей главной цели — разрушении порядка 1815 г. Особенно важным было то, что война разорвала существовавшую со времен Священного союза связь России, Австрии и Пруссии — своеобразный фундамент системы. Впервые после крушения Наполеоновской империи Франция вновь выходит на лидирующие позиции в континентальной Европе, сменив в этой роли Россию.

Возвышение Франции в Европе стало возможным еще и потому, что после Крымской войны Англия в значительной степени теряет интерес к континенту. На фоне сопряженных с началом войны ожиданий и принесенных ею колоссальных затрат в Великобритании росло разочарование итогами «ненужной войны» (Б. Дизраэли). Собственно в английской внешней политике результаты Крымской войны привели к смене приоритетов: оттесняя уже не столь острый восточный вопрос, на первое место выходят торгово-экономические интересы, влекущие Англию в другие регионы — в Центральную Азию, Индию, на Дальний Восток и в Латинскую Америку.

Неожиданно в одном из главных выигрышей от Крымской войны оказалась не имевшая к ней практически никакого отношения Пруссия. Венская система фиксировала и закрепляла статус-кво в Германии: вступление системы в фазу кризиса позволяло осуществить перемены, от которых больше всего приобретала именно Пруссия как наиболее динамичное государство, претендовавшее на роль объединителя германских земель. В том же направлении действовал и фактический распад традиционной солидарности трех «восточных держав», которые во все времена не только укрепляли, но одновременно сдерживали друг друга. Теперь руки у Пруссии были развязаны, поскольку Россия после войны заняла резко антиавстрийскую позицию и была готова поддерживать сохранившую ей лояльность Пруссию, даже жертвуя своими традиционными целями в Германии во имя ревизии Парижского трактата.

Парадоксальным образом второй после России пострадавшей от войны стороной стала формально победившая Австрия. «Дипломатическая революция» австрийского министра иностранных дел Буоля, заключающаяся в переходе империи Габсбургов из лагеря «восточных» на позиции «западных» стран, имела для Австрии роковые последствия. Потеряв русскую поддержку, она не обрела и опоры на Западе. В следующее десятилетие резко обострятся традиционные австро-пруссские и австро-французские противоречия, к тому же усиленные подъемом немецкого и итальянского национализма, и Австрия будет встречать их в полной изоляции.

Крымская война нанесла серьезный ущерб не только интересам России в восточном вопросе, но и самим ее позициям как великой европейской державы. Нейтрализация Черного моря ставила под угрозу безопасность юга и ее важнейшие торговые интересы. В более широком контексте нейтрализация означала существенное ограничение России в ее суверенных правах, несовместимое со статусом великой державы и справедливо воспринимавшееся — не только в России — как унижительное. После войны внешнеполитические акценты были расставлены иначе. Главной целью становится ревизия Парижского трактата, однако в остальном Россия существенно снижает свою политическую активность в Европе. На первое место выходит задача обеспечения внешнеполитических условий для начинавшихся в России «великих реформ»; одновременно в фокусе внимания в большей степени, чем раньше, оказываются неевропейские направления российской внешней политики — Средняя Азия и Дальний Восток.

Помимо изменений во внешней политике отдельных стран, Крымская война прямо и косвенно повлияла на ситуацию в отдельных европейских регионах и на систему международных отношений в целом. На повестку дня ставились сразу три важнейших европейских вопроса — балканский, итальянский и германский, первый из которых был вынесен за скобки венских решений 1815 г., а два других решены отрицательно. Грозил измениться и сами принципы существования Венской системы, поскольку на смену «европейскому концерту» приходила политика «священного эгоизма» интересов национального государства. Все эти перемены стали очевидными уже в следующий за Крымской войной период развития международных отношений.

Глава 11. Европейская экспансия в Азии и Африке с начала по 70-е гг. XIX в.

§ 1. Характерные черты взаимоотношений Европы и неевропейского мира до конца 70-х гг. XIX в.

Всемирно-исторический процесс европейской экспансии и распространения европейской цивилизации на весь мир, начатый еще эпохой Великих географических открытий, в XIX в. ускорился и приобрел новый масштаб и новые качества.

За сто лет — с 1810 по 1910 г. — количество обосновавшихся вне своего континента европейцев увеличилось с 5,7 млн человек до 200 млн. С политической точки зрения европейская цивилизация, включая ее американское продолжение, подчинила своему влиянию почти весь земной шар: в 1800 г. европейцы и американцы контролировали 55% земной поверхности, в 1878 г. — 67% и в 1914 г. — 84,4%.

Вместе с тем в первые десятилетия XIX в. в системе международных отношений происходит важное изменение: после обретения, вслед за США, независимости государствами Латинской Америки на-

чинает складываться *первая неевропейская система международных отношений* — американская. Связи между составлявшими ее государствами были еще слабыми, неупорядоченными и, как следствие, конфликтными, однако с самых первых шагов государства Нового Света четко отделяли свое политическое существование от Старого Света. Особенное значение имел не знавший аналогов в мировой истории рост мощи США — безусловного лидера складывавшейся американской системы и первого серьезного фактора силы вне Европы, который, впрочем, вплоть до конца века не будет оказывать на нее существенного влияния.

Изменения происходили и с приобретением новых колоний и колониальным соперничеством. В основе усиления колониальной экспансии лежали два принципиально новых фактора, отсутствовавшие среди побудительных мотивов борьбы за колонии прошлых веков, — демографическая революция и промышленный переворот. Начавшись еще во второй половине XVIII в., свои подлинные масштабы демографическая революция проявила именно в XIX, в течение которого население Европы, несмотря на огромную эмиграцию, выросло со 190 до 423 млн человек. Именно колоссальный рост и даже переизбыток населения создали первую и необходимую предпосылку для дальнейшего распространения европейской цивилизации в глобальном масштабе, будь то новые государства по ту сторону Атлантики или колонии по всему миру.

Промышленный переворот, и в частности новые средства транспорта и новые виды вооружения, сделали переселение миллионов европейцев и захваты новых территорий технически возможными. Но главное — промышленный переворот решающим образом сказался и на самих мотивах колониальной экспансии, поскольку он привел к *качественному росту производства*. В поистине промышленных масштабах поглощая сырье и выдавая готовую продукцию, капиталистическая экономика европейских стран как никогда нуждалась в доступе к богатым источникам сырья и широкому рынку сбыта. Эта тенденция постоянно усиливалась от начала века к его концу в связи с осуществлением промышленного переворота во все новых европейских странах, а затем и вследствие начала в последние десятилетия «второй промышленной революции» — революции химии, стали и электричества. Поэтому отныне колониальная активность имела целью не столько доступ (как правило, с помощью торговли) к отдельным видам ценных и экзотических ресурсов (пряности, золото, кофе, чай), сколько экономическое открытие целых стран и регионов для нужд своей собственной экономики.

Способы колониального проникновения

Вплоть до начала 80-х гг. XIX в. особенностью колониальной активности европейских стран было отсутствие осознанной, целенаправленной колониальной политики, которая систематически и последовательно стремилась к захвату новых территорий. Поэтому при подобной воздержанности государства в колониальном вопросе особое значение приобретала личная инициатива, инициатива так называемых «людей на местах».

Как и прежде, первопроходцами колониального проникновения выступали миссионеры, торговцы и разного рода авантюристы, одна-

ко в XIX в. роль авангарда европейцев в заокеанском мире начинают играть два новых феномена — военно-морские и исследовательские экспедиции. Часто эти мотивы пересекались, примером чему может служить знаменитый английский путешественник Д. Ливингстон, отправившийся в глубь Африки с проектом трех «С» — Christ, Commerce, Civilization.

Наряду с этим вариантом проникновения в заокеанский мир вслед за миссионерами, торговцами и путешественниками, естественно, продолжала существовать и практика, когда европейские государства прямо заявляли о своих колониальных интересах. Примером такого рода политики может служить завоевание Францией Алжира в 30-е гг. XIX в.

Некоторые изменения происходили и в методах управления колониями. В связи с ростом значения колоний для экономики в свете развития промышленности, требовавшей широкого доступа к заокеанским ресурсам, окончательно уходит в прошлое практика сосредоточения торговли с колониями в руках монопольных торговых компаний. Классический пример — увядание самой мощной и успешной среди них — английской Ост-Индской компании. Два с лишним века распоряжаясь всей английской торговлей с Индией и другими государствами региона, она неуклонно теряет свои позиции, а в 1858 г. и вовсе распускается.

Формы колониального господства

Формы колониального господства становились более тонкими и разнообразными. В отличие от XVII—XVIII вв., когда европейские страны были представлены в неевропейском мире либо отдельными опорными пунктами, либо, напротив, прямо подчиняли себе целые регионы, в первые три четверти XIX в. предпочтение отдавалось косвенным методам, широкому экономическому присутствию и малозаметному политическому. Этому способствовало и то обстоятельство, что в фокусе внимания европейцев в эти годы оказались в первую очередь азиатские страны, традиции государственности которых часто превосходили европейские. Поэтому типичной формой колониального господства становилось «открытие» какого-либо азиатского государства для экономического проникновения европейцев, выраженного в навязанных ими неравноправных договорах. В этих договорах, как правило, фиксировались не только выгодные европейским странам условия торговли, размер пошлин и т. д., но и *право экстерриториальности и консульской юрисдикции*, по которым иностранцы фактически изымались из сферы действия местного законодательства и могли быть судимы только по законам своей страны. В качестве судьи выступали консул соответствующей страны и заседатели из числа его местных сограждан. Консульский суд на месте рассматривал гражданские дела, а в уголовных, как правило, ограничивался лишь расследованием; в этих случаях подозреваемый предстал перед судом уже непосредственно на своей родине.

Право консульской юрисдикции вело свой отчет от так называемых *капитуляций* — двусторонних соглашений, заключенных между Османской империей и Францией еще в XVI в. К началу XIX в. европейские страны уже располагали консульской юрисдикцией в отношении государств Ближнего Востока. В Османской империи сохраняли

силу капитуляции, заключенные в XVII в. с Англией и Голландией и в XVIII в. с Австрией, Францией, Россией, Пруссией, Данией, Швецией и Испанией. В 30-е гг. XIX в. к ним присоединились США и Бельгия. В XVII—XVIII вв. подобные капитуляции были заключены с номинально зависимыми от Турции Марокко, Тунисом и Алжиром. Наконец, консульская юрисдикция существовала и в Персии, где Россия и Франция получили ее уже в XVIII в., а остальные страны — в XIX.

Особенное значение неравноправные договоры приобрели на Дальнем Востоке, где именно они стали главным средством приведения стран региона к колониальной зависимости. В 40—60-е гг. европейские страны и США заключили подобные договоры с Китаем, Японией, Сиамом, позднее — с Кореей. Наиболее зримым свидетельством неравноправия заключающих такие договоры сторон было вытекавшее из них право на создание так называемых *факторий* и *сеттльментов*, т. е. замкнутых, часто огороженных стеной особых районов города, в которых проживали иностранцы и которые представляли собой своего рода государство в государстве со своей администрацией, законами и судом. В целом неравноправные договоры, хотя и не ограничивая напрямую политическую самостоятельность заключающих их неевропейских государств, являлись серьезным нарушением их суверенитета и не согласовывались с действовавшим в Европе международным правом, основанным на принципе равноправия государств.

Вместе с тем существовали и более явные политические формы колониального господства. Одной из них был протекторат, подразумевавший сохранение самостоятельности колонии лишь в ее внутренних делах, в то время как внешние дела и армия находились в подчинении метрополии. Таким был, например, установленный в 1863 г. протекторат Франции над Камбоджей. Продолжалась и практика прямого и полного политического подчинения колонии, как во Французском Алжире. Достаточно распространенными были и методы, сочетавшие в себе прямой и косвенный контроль над зависимыми территориями, классическим примером чему может служить британское владычество в Индии. Однако в целом преобладали экономические методы; к политическим, если такая необходимость возникала, чаще всего переходили, действуя по принципу «флаг следует за торговлей», т. е. уже после экономического проникновения на определенную территорию.

Колониальное соперничество

При всей важности новой мотивации колониальной экспансии обращает на себя внимание тот факт, что вплоть до последней четверти XIX в. колониальные противоречия далеко уступали в своей интенсивности предыдущему веку.

С одной стороны, это было связано с тем, что доступ к заокеанским ресурсам в первой половине XIX в. необязательно мыслился в форме колоний. Преобладавшей экономической теорией того времени было учение о свободной торговле, в идеале не знавшей преград в масштабах всего земного шара. С другой стороны, воображаемая ценность заокеанских рынков существенно превышала их реальное значение для экономики стран Европы и США, еще далеко не исчерпавших своих собственных ресурсов.

По сравнению с прошлым веком изменилась и политическая ситуация: в колониальном соперничестве исчезли сильные конкуренты. По сути, уже к XVIII в. с дистанции сошли Испания и Голландия, а эпохальное англо-французское соперничество было разрешено в пользу Англии сначала в Семилетней войне, а затем в эпоху революции и Наполеоновских войн. Поэтому вплоть до начала 80-х гг. XIX в. круг колониальных держав был крайне узким, и почти непрекаемой колониальной гегемонией обладала Англия. Во всех трех основных противоречиях, затрагивавших разные континенты Земли, характерным образом присутствует слово «англо»: англо-русские противоречия в Азии, англо-американские противоречия в Северной Америке и англо-французские противоречия в Африке. Но в целом внимание европейских держав было сосредоточено главным образом на своем собственном континенте с его революциями и кризисами, в то время как колонии по сравнению с более ранними и более поздними временами отступают на второй план.

Преобладание Англии

Морское и колониальное преобладание Англии покоилось на трех важнейших основах — на владении стратегически важными опорными пунктами в разных частях Мирового океана, на собственной обширной колониальной империи и на безусловном экономическом лидерстве.

Морская мощь Великобритании основывалась не только на превосходстве в численности ее флота, но главным образом — на обладании целой сетью опорных пунктов, раскинувшейся на весь земной шар. Значение таких пунктов в XIX в. существенно вырастает в том числе и в связи с началом эры паровых судов — в отличие от парусников их использование на дальние расстояния было возможным только при своевременном пополнении запасов угля на так называемых «станциях».

Опорные пункты обеспечивали морское превосходство англичан в основных европейских морях: о. Гельголанд контролировал выход из Балтийского моря в Северное; Гибралтар был в полном смысле слова ключом к Средиземному морю, одновременно позволяя осуществлять контроль над его западной частью, в то время как в восточной англичане опирались на Мальту и позднее — на о. Кипр (с 1878 г.). Английский королевский флот располагал опорными пунктами на всех главных мировых путях, и в первую очередь на пути в Индию. На западном берегу Африки в этой роли выступали Гамбия и Сьерра-Леоне, на юге особенно важную стратегическую роль играла находившаяся на пороге Индийского океана Капская колония. Дальнейший путь в Индию пролегал через отобранные у Франции в годы революции о. Маврикий и Сейшельские острова. Помимо этого, Англия смогла обеспечить себе контроль над двумя стратегически чрезвычайно важными выходами из Индийского океана. В 1819 г. она получила о. Сингапур в Малаккском проливе, главном пути на Тихий океан и Дальний Восток; в 1839 г. овладела портом Аден на выходе из Красного моря, и без того немалая ценность которого удесятилась после прорыва в 1869 г. Суэцкого канала. На Дальнем Востоке главной опорной базой Англии и своеобразными воротами в Китай стал приобретенный в 1842 г. Гонконг.

В Западном полушарии англичане стремились к укреплению своих позиций в наиболее важном со стратегической точки зрения

регионе Центральной Америки и Вест-Индии. В бассейне Карибского моря за годы революционных и Наполеоновских войн к старым опорным пунктам на островах Багамских, Ямайке, Барбадосе, Бермудах добавились новые, в частности бывшие испанские острова Тринидад и Тобаго. Англия одновременно пытается закрепиться и в Центральной Америке — в Британском Гондурасе (Белизе) и на так называемом Москитовом берегу (восточное побережье Никарагуа). В качестве главного опорного пункта на севере Южной Америки англичане в 1814 г. приобретают Британскую Гайану; на юге преодолевают сопротивление только что появившейся на политической карте Аргентины и в 1833 г. закрепляют за собой Фолклендские острова на проходе из Атлантического океана в Тихий. Наконец, даже потеряв свои американские колонии, англичане в полной мере сохраняли свое присутствие и в Северной Америке благодаря обладанию Канадой.

Второй важнейшей составляющей преобладания Англии в неевропейском мире была ее обширная колониальная империя. С точки зрения организации и взаимоотношений с метрополией в XIX в. выделялись три типа колоний.

Во-первых, это белые переселенческие колонии, наиболее крупными и значительными из которых были Британская Северная Америка (Канада), Капская колония, а также Австралия и Новая Зеландия. Такие колонии пользовались широкими правами самоуправления, имели парламентское устройство, и власть метрополии в них, как правило, ограничивалась правом вето в законодательной сфере и правом назначать губернатора.

Во-вторых, обычные колонии, создание которых не сопровождалось массовым переселением англичан и которые имели относительно небольшие размеры, часто выполняя функции опорных пунктов, например Ямайка, Цейлон и Мальта. Степень зависимости от метрополии здесь была гораздо выше, хотя в некоторых из них, в частности на Мальте и на Ямайке, существовали элементы местного самоуправления.

Теснее всего был привязан к метрополии третий тип колоний, так называемые коронные колонии — Индия, Сьерре-Леоне, Золотой Берег, Белиз. В руках присланного из Лондона губернатора и его аппарата сосредоточивалась практически вся законодательная и исполнительная власть.

Независимо от характера связей с метрополией английские колонии по своим функциям подразделялись на поселенческие, торговые, плантационные, каторжные и опорные пункты. Вместе с тем вплоть до рубежа 70—80-х гг. захват новых колоний перестал быть обязательным пунктом внешнеполитической программы Англии. Огромную роль в этом сыграло обретение независимости США, показавшее, что прямой политический контроль над заокеанской территорией может закончиться ее потерей. Из американского опыта было сделано два основных вывода. В отношении переселенческих колоний был взят курс на предоставление им большей самостоятельности. Уже в 1840 г. значительную степень независимости получает Канада, во второй половине века — Капская и австралийские колонии. Главное же заключалось в перенесении акцента колониальной политики с политического на экономический контроль.

В этих условиях одной из главных задач английской дипломатии становится заключение договоров о взаимном снижении таможенных пошлин. Англичане с легкостью отказались от таможенных доходов как средства пополнения государственного бюджета, поскольку эти доходы не шли ни в какое сравнение с получаемыми доходами от внешней торговли: с 1830 по 1870 г. доходы от таможенных пошлин выросли лишь на 7,7%, в то время как доходы от английского экспорта — на 555%. В середине XIX в. Великобритания заключила целый ряд договоров, снижавших существовавшие пошлины в 25 и более процентов до гораздо более скромных величин: 5% — с Турцией (1838 г.), 5% — с Китаем (1842 г.), 3% с Сиамом (1855 г.), 10% — с Марокко (1856 г.), 7% — с Персией (1857 г.). В конечном счете именно торговые договоры, равноправные по форме, но в действительности предоставлявшие все преимущества промышленной Англии, не только обеспечили Великобританию новыми рынками сырья и сбыта, но и стали одним из главных источников ее влияния в неевропейском мире.

§ 2. Европейское доминирование в Азии с начала по 70-е гг. XIX в.

Британское владение в Индии

Самой крупной европейской колонией были британские владения в Индии. Именно в XIX в. они расширились практически до естественных границ субконтинента, организационно упрочились и действительно превратились в «жемчужину британской короны».

Располагая к началу XIX в. Бенгалией, практически всей восточной береговой линией полуострова Индостан и Бомбеем на его западе, англичане за несколько следующих десятилетий подчинили себе всю Индию. В ряде войн начала века войска Ост-Индской компании нанесли поражение сильному княжеству Майсур на юге Индии; третья война с державой маратхов в 1819 г. закончилась их полным поражением и продвижением англичан от Бомбея в глубь Индии; война с Непалом 1814—1816 гг. расширила северную границу английских владений вплоть до Гималаев. Лишь на Инде сохранялась открытая граница с княжеством сигхов в Пенджабе, однако в 40-е гг. после ряда столкновений с ними англичане включили в состав своих владений приграничный Афганистану Пенджаб и Синд, замкнув таким образом границу своих владений и на северо-западе. Помимо этих территорий, находившихся под прямым управлением англичан, существовало еще около 400—600 княжеств, каждое из которых подписало с Ост-Индской компанией особый вассальный договор.

Захват Индии специфическим образом стимулировал дальнейшую экспансию англичан в этом регионе. Желание оградить свое главное колониальное достояние от реальных и гипотетических конкурентов побуждало англичан к созданию путем захватов своеобразной санитарной зоны перед индийскими границами. Именно этим во многом объясняется их продвижение на восток в прибрежную Бирму (1826), на запад в Белуджистан (1876) и на север в Афганистан. В целом опасения конкуренции со стороны Франции и России оказались сильным преувеличением.

Продвижение в Индию и управление ею осуществлялось основанной в 1600 г. Ост-Индской компанией, одним из последних реликтов некогда распространенных торговых акционерных обществ, мало вписывавшихся в реалии XIX в. Уже с конца XVIII в. были предприняты шаги в сторону превращения Индии в полноценную английскую колонию. «Индийский акт» 1784 г., на основе которого осуществлялось управление Индией вплоть до 1858 г., оставял в руках акционеров компании торговлю, но в военных и политических делах они должны были подчиняться специальной комиссии кабинета по Индии. В 1813 г. была отменена монополия компании на торговлю с Индией (кроме опиума и соли), в результате чего за следующие полтора десятка лет ввоз фабричных хлопковых тканей в Индию возрос в четыре раза. Парламентский акт 1833 г., продливший патент Ост-Индской компании еще на двадцать лет, одновременно еще больше урезал ее полномочия, превратив ее, по сути, в административный орган. Однако управление Индией нуждалось в коренной реформе, и это стало очевидным после знаменитого *восстания сипаев*.

В 1857—1858 гг. восстали сипаи (от персидского «сипай» — всадник) — наемные английские части, набранные из представителей высших каст севера Индии. Причинами стали аннексия англичанами княжества Ауд, бывшего родиной большинства сипаев, введенная в 1856 г. присяга на готовность служить за границей, что для многих индусов из высших каст означало исключение из касты, и, наконец, появление в 1857 г. новых патронов. Распространился слух, что новые патроны смазаны коровьим и свиным салом — отныне каждый выстрел был сопряжен с нарушением культурных табу соответственно индусов и мусульман. В ответ на арест протестовавших против новых патронов восстали три полка сипаев, которые взяли Дели и уничтожили множество англичан. В итоге восстание было подавлено самыми жестокими мерами, но одновременно англичане извлекли из него уроки, приведшие к коренному изменению управления Индией.

Главным изменением была полная передача Индии от упраздненной Ост-Индской компании британской короне, произошедшая в 1858 г. Управление Индией возлагалось на вновь созданный пост вице-короля; произошла реформа армии, в ходе которой полки сипаев были расформированы; усилились меры по прививанию английского языка и культуры, в частности были учреждены три первых университета. В Англии было создано отдельное министерство по делам Индии — «индийский офис», существовавший самостоятельно от «колонияльного офиса», контролировавшего все остальные колониальные владения Англии. В 1876 г. королева Виктория парламентским актом была провозглашена «императрицей Индии». Это был жест, предназначенный сразу для многих. Вне он создавал для Виктории ранг, равный континентальным императорам. Внутри страны он способствовал укреплению престижа короны. Наконец, в самой Индии эта мера укрепляла лояльность местных князей, поскольку английская королева заняла верх традиционной иерархической лестницы вместо смещенного англичанами последнего могульского императора.

Индия имела огромное значение для Великобритании, как экономическое, так и военное и стратегическое. Сохранив свою важ-

ность как источник экзотических товаров и сырья — чая, индиго, пряностей, хлопка, в эпоху свершившегося промышленного переворота Индия приобрела еще одну ценность — огромного, 150-миллионного рынка сбыта. В результате меняется ситуация с индийским текстилем: будучи в течение веков поставщиком готовых тканей, Индия в значительной степени превращается в их потребителя, переориентируясь на поставку сырья для английских фабрик. Уже с 1820 г. экспорт индийского текстиля начинает идти на убыль, в то время как поставки английских фабричных тканей растут и к 90-м гг. XIX в. составляют уже 39% всего текстильного экспорта Англии. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что даже такой огромный ввоз не смог удовлетворить не менее огромный индийский спрос, в результате чего традиционное индийское производство текстиля не только сохранилось, но в начале XX в. даже вышло на четвертое место в мире.

Не меньшую ценность представляла Индия и в военном отношении. В лице индийской армии Англия впервые стала обладать своим собственным «континентальным солдатом», идеально дополнявшим ее морскую мощь. Части насчитывавшей четверть миллиона человек индийской армии использовались англичанами в Персии, Китае, Эфиопии, были отправлены для участия в Крымской войне. И немаловажная деталь: эта армия ровным счетом ничего не стоила британской казне, целиком финансируясь из индийского бюджета.

Наконец, невозможно переоценить и стратегическое значение Индии. Это был надежный, никем не оспариваемый оплот Великобритании в заокеанском мире. Владения прочих держав в Индии — португальское Гоа, французский Пондишери, некоторые другие — едва заслуживали упоминания на фоне обладания англичанами целым субконтинентом. Утвердив за собой Индию и близкие к ней островные владения, Англия укрепила свое безусловное преобладание в бассейне Индийского океана, позволившее ей, в частности, контролировать единственно возможный из Европы морской путь к новому фавориту европейской экспансии — Китаю.

Китай, в отличие от разнородной и пребывавшей в стадии политической анархии Индии, к началу активного проникновения европейцев представлял собой мощное централизованное государство, переживавшее с момента утверждения в середине XVII в. новой императорской династии Цин один из самых стабильных периодов своего развития. В 1800 г. численность населения Китая составляла приблизительно 320 млн человек, а его территория трудами императоров новой династии увеличилась почти в два раза за счет присоединения Маньчжурии, Монголии, Восточного Туркестана и Тибета.

Установление устойчивых отношений с европейцами было затруднено не только тем, что в течение XVIII в. Китай стал систематически закрываться от внешнего мира (высылал миссионеров, ограничил торговлю единственным портом Кантон), но и своеобразной политической философией, не оставлявшей места для самого пред-

ставления о международных отношениях в европейском смысле — как отношений суверенных и равноправных партнеров. Строение мира в глазах китайцев было иерархичным: на вершине стояли император — «Сын Неба» и его страна — Поднебесная; все прочие страны были вассалами (к ним причислялись практически все соседи Китая), обязанными выражать свою покорность императору особыми ритуалами и подношением дани, имевшей в первую очередь также символический характер; ступенью ниже находился мир варваров, приобщение которых к императору и его стране было возможно лишь путем ритуального подчинения и признания себя вассалом.

Эта философия имела конкретные следствия на дипломатическом уровне, серьезно затрудняя контакты европейцев с Китаем. Речь шла о ритуалах подчинения. Если на одни из них европейцы были вынуждены согласиться (на бортах корабля, везущего в 1793 г. английскую миссию лорда Макартни по рекам Китая, было написано «носитель дани из английской страны»), то другие являлись совершенно неприемлемыми. Суть процедуры символического подчинения составлял ритуал «котау», при исполнении которого посол должен был опуститься перед императором на колени, затем пасть ниц и коснуться лбом пола. Именно из-за отказа выполнить этот ритуал неудачей закончилась не только миссия Макартни, но и две следующие английские миссии в 1816 и 1834 гг. Вообще за период существования новой династии с середины XVII в. по конец XVIII в. Китай посетило лишь 17 миссий из Европы. Безусловное первенство по контактам с Китаем принадлежало России — шесть миссий, наиболее известными из которых были посольства Ф. И. Байкова и Н. Г. Спафария во второй половине XVII в. Ко второй половине XVII в. относится и первое договорное разграничение с Китаем — по *Нерчинскому договору* 1689 г. Россия обязывалась очистить захваченное казаками Приамурье. В 1727 г. был заключен договор в Кяхте, который уточнил русско-китайскую границу и предоставил некоторые льготы в русской торговле с Китаем.

В целом же китайская политическая философия требовала отказа от постоянных дипломатических контактов, поскольку обмен дипломатическими представителями предполагал бы равенство посылавших их сторон. В лучшем случае допускались торговые представители, имевшие контакт не с центральной властью, а с местными чиновниками. И в конечном итоге именно торговля стала той движущей силой, которая заставила Китай открыться.

**Первая
опиумная война
1840—1842 гг.**

Наверное, еще никогда столь бурное стремление торговать не сталкивалось со столь выраженным нежеланием это делать, как в случае англо-китайской торговли. Позицию Китая замечательно отражает императорский эдикт, врученный Макартни при завершении его миссии: «Как мог убедиться ваш посол, у нас есть абсолютно все. Мы... не нуждаемся в изделиях вашей страны». Помимо политически и культурно мотивированного желания Китая сохранить свое обособленное состояние, эти слова отражают и реально существовавшую экономическую подоплеку. Речь идет о хроническом дефиците торговли Европы со странами Востока, существовавшем со Средних веков до завершения промышленного переворота, — Европе было нечего

предложить взамен. Вывозя из Китая чай, фарфор, высококачественные шелковые ткани, художественные изделия, владевшая монополией на торговлю с Китаем Ост-Индская компания вплоть до конца XVIII в. могла предложить лишь индийский хлопок-сырец, не имевший большого значения для китайской экономики, и деньги, но их нужно было откуда-то брать. Выход был найден неожиданный и беспрецедентный — с конца XVIII в. во все возрастающих масштабах торговцы Ост-Индской компании стали продавать в Китае производившийся в Индии опиум. Наркотик поставлялся буквально тоннами — 300 т в 1810 г., 2600 т в 1839 г., рекордные 5800 т в 1879 г. Благодаря этому, по выражению американского историка, «систематическому международному преступлению Нового времени» Ост-Индская компания получила средства для финансирования экспорта из Китая и Индии. В самом Китае потребление опиума приняло масштабы стихийного бедствия, особенно в южных и прибрежных районах страны, а также вызвало значительный отток серебра, пагубно сказавшийся на китайской экономике. В 1839 г. новый наместник южных провинций Китая начал энергичную борьбу против наркотика — уничтожил 1300 т опиума, запретил продавать опиум под страхом смертной казни и т. д. Находившийся у власти Пальмерстон использовал эти события для применения своей излюбленной «дипломатии канонерок» — началась так называемая *первая опиумная война* 1840—1842 гг.

Развязывая конфликт, англичане добивались легализации английской торговли опиумом в Китае. Одновременно — и это самое важное — войне была предназначена роль рычага, который откроет дверь, полтора века ограждавшую китайцев от внешнего мира. Речь шла об открытии двояком — экономическом и политическом. Английских промышленников, замороженных мечтами о прибылях, которые сулил гигантский китайский рынок, крайне раздражала невозможность туда проникнуть. Незадолго перед войной владельцы трехсот текстильных фабрик в Мидлланде потребовали от правительства открытия Китая — ведь если каждый из 400 млн китайцев купит хотя бы кусок их тканей, они выйдут из кризиса. Наконец, в полной мере проявило себя и английское общественное мнение — и его действенность, и возможность им манипулировать. Наиболее крупные торговцы опиумом выделили 20 тыс. фунтов стерлингов на то, чтобы речи политиков и передовицы газет «об оскорблении английского флага» приобрели воинственный тон.

Сама война представляла собой серию обстрелов китайских городов английскими паровыми канонерками, обладавшими орудиями, далеко превосходившими по мощности китайские. После оккупации английским десантом нескольких прибрежных городов, продвижения канонерок по рекам в глубь страны и обстрела Нанкина китайцы пошли на уступки, размер которых был несопоставим с их потерями. Булавочные уколы английских кораблей, затронувшие лишь отдельные точки огромной страны, привели к подписанию договора, положившего начало превращению Китая практически в полуколонию великих держав Европы и США.

В *Нанкинском договоре* 1842 г. фиксировалась передача Англии «на вечные времена» острова Гонконг; открытие наряду с Кантоном еще четырех «договорных портов», в том числе Шанхая; открытие в

этих портах английских консулатов; выплата контрибуции; равенство рангов китайских и английских чиновников; установление твердого таможенного тарифа (в 1843 г. он был определен в 5%). О торговле опиумом в договоре не упоминалось, и респектабельные наркоторговцы из Сити продолжали ее осуществлять вплоть до 1911 г.

В приоткрытую англичанами дверь стали немедленно проникать прочие державы, действуя каждая на привычный для себя манер. Если американцы немедленно пригрозили войной и в 1844 г. подписали аналогичный Нанкинскому *договор в Вангсиа*, то французы действовали более тонко, представляя себя защитниками католических миссионеров. Получив по *договору в Вампоа* 1844 г. такие же преимущества, как Англия и США, французы, кроме того, добились возвращения в Китай запрещенного еще в XVIII в. христианства.

Вслед за Англией, Францией и США подобные договоры с Китаем заключили и другие великие державы.

Вторая опиумная война 1857—1860 гг.

Первая опиумная война и Нанкинский договор обозначили лишь первую фазу проникновения европейцев в Китай. Китай продолжал отгораживаться — в городах стенами, отделявшими местных жителей от контактов с европейцами, в торговле — «договорными портами», не допускавшими европейцев до внутреннего рынка, в политике — отношениями на уровне местных властей и консулов, оставлявшими за скобками центральную власть и установление полноценных дипломатических связей.

И вновь помогла война. В 1850—1864 гг. в Китае произошло восстание тайпинов (от слова «тайпин» — великое равенство) — последнее крупное крестьянское восстание, не в последнюю очередь связанное с проникновением европейцев в Китай. Обеспокоенный хаосом в Китае и желая использовать сложную внутреннюю ситуацию в своих целях, Пальмерстон решил вновь прибегнуть к силе — в 1857 г. началась *вторая опиумная война*.

На этот раз Англию поддержала Франция, воспользовавшись в качестве повода убийством одного французского миссионера. Император был вынужден пойти на *Тяньцзиньский договор* 1858 г., были расширены права торговли с Китаем — открыты десять новых «договорных портов», разрешалась свобода перемещения иностранцев в Китае, внутренние таможенные пошлины фиксировались на уровне 2,5%, официально разрешалась торговля опиумом. Не менее важным было и политическое открытие Китая: впервые император допустил пребывание западных посланников, тем самым признав равноправие государств, которые они представляли. После того как китайцы сделали несколько попыток обойти условия договора и уничтожили один английский отряд, последовала новая англо-французская экспедиция, в ходе которой был обстрелян Пекин и сожжен летний дворец китайских императоров — единственное в своем роде культурное сокровище человечества, созданное в XVIII в. миссионерами-иезуитами как соединение китайских и барочных форм. После этого был подписан *Пекинский договор* 1860 г., повторивший и еще более ужесточивший условия Тяньцзиньского договора. При этом Китай понес урон не только экономический и политический, но и территориальный: воспользовавшись критическим положением Пекина, Россия по *Ай-*

гунскому 1858 г. и Пекинскому 1860 г. договорам отторгла от него области севернее Амура и Уссурийский край. Вследствие войны Китай лишился и многих своих вековых вассалов: под французское влияние попал Вьетнам, ряд островов отошел к Японии.

Установление собственно дипломатических отношений (один из главных спорных пунктов в течение десятилетий) затянулось на целые годы. Уже в течение двух лет после Пекинского мира в столице Китая обосновались послы западных держав. Это потребовало создания специального органа для общения с ними — «жонгли ямен», своеобразного Министерства иностранных дел, невообразимого в прежней китайской политической традиции. Однако потребовалось еще почти двадцать лет для того, чтобы китайцы смогли еще раз переломить себя и отправить к «варварам» своих постоянных представителей. В 1877 г. первый китайский посланник отправился в Лондон; в течение трех следующих лет дипломатические отношения в полном объеме были установлены также с ведущими европейскими странами, Японией и США.

«Открытие» Японии

К середине XIX в. Япония находилась в ситуации, лишь отчасти напоминавшей китайскую. Как и Китай, она еще с 1637 г. закрылась от внешнего мира, однако сама ее социальная и политическая структура существенно отличалась от Китая. С XII в. в Японии продолжался период сёгуната, когда император был фактически бессилён, а страной управляли военные наместники — сёгуны, которые прямо контролировали приблизительно четверть страны, а остальное — через своих вассалов, крупных феодалов, которым подчинялись самураи — воинственное мелкое дворянство, культивировавшее личную преданность и военные добродетели.

К середине XIX в. сёгунат находился в состоянии глубокого кризиса и едва не привел страну к распаду. Поэтому японцы ничего не смогли противопоставить эскадре американского командора М. Перри, насильно «открывшего» Японию и навязавшего ей *Канагавский договор* 1854 г., по которому американцы получали в качестве «договорных портов» Симоду и Хакодате и могли иметь своего консула. Договор 1854 г. открыл серию неравноправных договоров с Японией, получивших общее название *Ансэйских* (от «Ансэй» («спокойствие») — официального названия правления императора Комэй (1854—1860)). В 1855 г. прибывший на Дальний Восток на легендарном фрегате «Паллада» русский адмирал Е. В. Путятин подписал *Симодский договор* с Японией. В 1857—1858 гг. США дали старт новому циклу Ансэйских договоров с более жесткими условиями: отныне «договорных портов» становилось шесть, американцы получали права экстерриториальности и 5-процентный таможенный тариф. В 1858 г. аналогичные договоры Япония заключила с Англией, Францией, Россией и Нидерландами, а к началу 60-х гг. — с Австрией и Пруссией.

Соппротивление некоторых группировок самураев проникновению западных «варваров» привело к обстрелу в 1863—1864 гг. двух японских портов и заставило сделать вывод о необходимости радикальной трансформации всего внутреннего облика страны, в том числе с помощью заимствования достижений западной цивилизации. В 1867 г. власть от последнего сёгуна была передана молодому императору Му-

цухито (Мэйдзи), который отменил сёгунат, сделал столицей Токио и выдвинул лозунг: «Знания всего мира — для укрепления власти императора». Началась *«реставрация Мэйдзи»*, всеобъемлющая эпоха реформ, главным результатом которой для международных отношений стало чрезвычайно быстрое получение Японией равноправия в ряду других держав. Принципиальный подход заключался в стремлении брать в каждой сфере лучшее, что может предложить Запад: у французов были заимствованы префектуры, сменившие феодальную систему на местах; у англичан — флот и железные дороги; у немцев — армия и университеты. В 1871 г. в Европу и США отправилась правительственная делегация, так называемая «миссия Ивакуры», которая посетила едва ли не все европейские страны и в задачу которой входила в том числе ревизия неравноправных договоров. Уже в 1873 г. — практически синхронно с европейскими странами — была введена всеобщая воинская повинность. В 1876 г. Япония, сама все еще связанная неравноправными договорами, высадила экспедиционный корпус в Корею и навязала ей неравноправный договор совершенно в европейском стиле — «открытие», договорные порты, экстерриториальность. Япония выдвигала претензии и на Сахалин, тем более что в русско-японском договоре 1855 г. он объявлялся принадлежащим обеим сторонам. Однако по *Петербуржскому договору* 1875 г. Япония отказалась от претензий на Сахалин в обмен на Курильские острова.

За три десятилетия с начала «реставрации Мэйдзи» Япония совершила модернизационный скачок, плоды которого не заставили себя долго ждать и на международной арене: после победы в японо-китайской войне 1894—1895 гг. (см. с. 409) Япония в серии двусторонних соглашений (первый — с Англией в 1894 г.) практически ликвидировала неравноправные договоры 50-х и 60-х гг., в том числе консульскую юрисдикцию, и вступала в новый век как полноценный участник международных отношений с потенциями великой державы. Последние ограничения в отношении таможенной автономии были ликвидированы в 1911 г., но к этому времени Япония фактически уже давно с ними не считалась.

Юго-Восточная Азия

Континентальная и островная Юго-Восточная Азия в XIX в. являлась регионом, в котором были представлены едва ли не все главные действующие лица европейской колониальной экспансии. Но если Испания и Нидерланды хотели в первую очередь сохранить свои владения, то Англия и Франция выступали главной движущей силой европейского проникновения в этот регион.

Главными побудительными мотивами английской экспансии были, с одной стороны, стремление обезопасить подходы к Индии и, с другой — обеспечить себе контроль над морскими путями в Китай, значение которых в связи с его «открытием» неизмеримо возросло. Как уже упоминалось, в рамках первой задачи англичане начали продвигаться в **Бирму**. В ходе первой англо-бирманской войны 1824—1826 гг. были аннексированы территории прибрежных княжеств Аракана и Тенассерима; вторая война 1852 г. принесла Англии находившееся между ними княжество Пегу. В 50—60-е гг. англичане получили также лежащие напротив бирманского побережья Андаманские и Никобарские острова. Фактически независимость сохранила

лишь располагавшаяся между Китаем, Вьетнамом и Индией Верхняя Бирма.

В рамках задачи обеспечения путей в Китай ключевую роль играл контроль над судоходством в расположенном между островом Суматра и **Малайским полуостровом** Малаккском проливе. Еще в 1796 г. англичанам удалось приобрести небольшой остров Пинанг у западного входа в пролив, но еще большим успехом было получение в 1819 г. острова Сингапур у выхода из пролива на востоке. В 1867 г. Сингапур стал коронной колонией Англии. Кроме того, воспользовавшись революционными событиями в Европе, англичане еще в 1795 г. захватили у голландцев расположенный на побережье пролива важный торговый город Малакку. В итоге в 1824 г. в Лондоне был подписан англо-голландский договор, по которому Нидерланды отказались от всяких претензий на Малайский полуостров при условии, что англичане не будут вторгаться в их сферу влияния на островах южнее. Тем не менее англичане смогли обосноваться и на северной части крупнейшего острова Малайского архипелага Борнео, также на морском пути в Китай.

Островной мир Юго-Восточной Азии и в XIX в. оставался в первую очередь вотчиной голландцев, по-прежнему владевших Явой, центральной и южной Суматрой, центральным и южным Борнео, Молуккскими островами и другими островами Индонезии.

Благодаря миссионерам французы еще с XVII в. установили первые связи с **Индокитаем** и, в частности, с Вьетнамом и находящимися западнее его Лаосом, Сиамом и Камбоджей.

Вьетнам, подразделявшийся на три основные части — Тонкин на севере, Кохинхину на юге и Аннам в центре, с самого начала безоговорочно находился в зоне влияния Франции. Главным проводником французского влияния по-прежнему оставалась католическая церковь, в XVIII в. насчитывавшая сотни тысяч прихожан-вьетнамцев. В течение первой половины XIX в. французское влияние возрастало, однако решающие перемены произошли только после вступления на престол Наполеона III, который, движимый как соображениями престижа, так и опасениями продвижения англичан в Бирму, перешел к политике прямых захватов. Воспользовавшись в качестве предлога преследованием католических миссионеров, Франция, поддержанная Испанией, в 1858 г. начала вторжение во Вьетнам и год спустя захватила Сайгон. По *Сайгонскому договору* 1862 г. Франции отошла сначала часть, а пять лет спустя — и вся Кохинхина. В 1863—1865 гг. французским протекторатом стала Камбоджа, а в середине 70-х гг. практически такое же положение было установлено и в Аннаме. Таким образом, к началу 80-х гг. независимыми в Индокитае оставались лишь Сиам, Лаос и северная часть Вьетнама.

 Центральная Азия

Из числа европейских великих держав главными действующими лицами в Центральной и Юго-Западной Азии были Россия и Англия. По сути, речь идет о двух встречных направлениях экспансии: России на юг — в Среднюю Азию и Англии с юга на север — в Иран и Афганистан, причем каждое продвижение любой из сторон воспринималось как угроза и повод ради собственной безопасности в свою очередь сделать шаг вперед.

Одной из главных арен англо-русского противостояния на долгие годы стала **Персия (Иран)**. Каждая из стран рассматривала Персию не только как важный стратегический регион, но и как важный рынок сбыта своей продукции, особенно текстиля. Россия, впервые соприкоснувшаяся с Персией еще во время Персидского похода Петра I 1722—1723 гг., и Англия, заключившая первый договор с Ираном о льготной торговле еще в 1763 г., с самого начала XIX в. начали новый отсчет своей иранской политики. В 1801 г. был подписан англо-иранский договор, обязывавший Персию к помощи Англии в случае нападения афганцев и предоставлявший английским купцам торговые льготы; Тегеран также должен был изгнать из страны французов. В это же время усилились трения между Россией и Персией, связанные с проникновением России в Закавказье, и в частности с присоединением с 1801 по 1804 г. Грузии и ряда закавказских ханств. Эти трения привели к русско-персидской войне 1804—1813 гг., закончившейся заключением *Гюлистанского мира*. По этому миру Россия получала Дагестан, целый ряд ханств в Северном Азербайджане и Грузии, а также исключительное право иметь военный флот на Каспии. Договор означал значительное укрепление российских позиций на Кавказе, хотя из-за сопротивления Персии, опиравшейся на Сепаратную статью договора, предусматривавшую возможность ревизии его условий, он окончательно вступил в силу в 1818 г.

Летом 1826 г. поощряемая Англией Персия начала новую войну против России, однако после некоторых первоначальных успехов иранские войска стали нести тяжелые поражения. В результате зимой 1828 г. был подписан *Туркманчайский мир*, по которому Россия приобретала Эриванское и Нахичеванское ханства; граница между двумя государствами устанавливалась по рекам Аракс и Карс; Каспийское море было объявлено открытым как для русских, так и для иранских судов, но подтверждалось исключительное право России иметь там свой военный флот; Персия выплачивала контрибуцию в размере 20 млн рублей; Россия получала право консульской юрисдикции.

Хотя послевоенные русско-иранские отношения в 1829 г. были омрачены погромом российской миссии в Тегеране и убийством русского министра-резидента А. С. Грибоедова (первый случай такого рода с европейским дипломатическим представителем в Азии), все же влияние России в Персии существенно укрепилось. В 1837 г. Персия не без поощрения России напала на Гератское ханство, чрезвычайно важную в стратегическом отношении территорию на пересечении дорог от Каспийского моря к реке Инд и от Персидского залива к реке Амударье, затронув тем самым одну из самых чувствительных точек английской политики — подходы к Индии. Начались *Гератские конфликты*. Первый из них продолжался с 1837 по 1841 г., представляя собой морские и десантные операции англичан в бассейне Персидского залива, и закончился подписанием очередного англо-иранского договора, по которому Иран выводил свои войска из Герата и предоставлял Англии льготы, равные полученным Россией по Туркманчайскому миру. Тем не менее в 1851 г. начался второй гератский конфликт, поводом к которому стала смерть правителя Герата. В 1855 г. персидский шах двинул свои войска на Герат, что дало повод Пальмерстону прибегнуть к одному из своих излюбленных аргументов: осенью 1856 г. в Персидский залив вошла эскадра из 45 ко-

раблей с десятитысячным десантом на борту. В результате в 1857 г. был подписан мирный договор, по которому Персия выводила свои войска из Герата, признавала его независимость и в случае новых конфликтов с Гератом и Афганистаном обязывалась прибегнуть к посредничеству Англии. Таким образом, после Гератских конфликтов Англия вновь укрепила свое влияние в Персии, и соперничество с Россией за влияние в этом регионе затянулось на следующие полвека.

Краеугольным камнем внешней политики Великобритании была безопасность Индии, **Афганистан** же считался ее воротами. Если успехи России даже на далеких Балканах воспринимались в Лондоне во многом сквозь призму угрозы Индии, то перспектива появления русских войск на афганских плоскогорьях была для английских политиков настоящим кошмаром. Как и в случае с Персией, английская и русская экспансии взаимно поощряли друг друга.

Реализуя идею «санитарного кордона» вокруг Индии, Англия в 1838 г. попыталась подчинить своему контролю Афганистан. Началась первая англо-афганская война 1838—1842 гг., в ходе которой английским войскам дважды удавалось брать афганскую столицу, но в итоге пришлось отступить перед лицом начавшейся партизанской войны.

Со своей стороны Россия, обеспокоенная попытками проникновения Англии в Центральную Азию, также активизируется в этом направлении. Однако первый поход в Среднюю Азию на Хивинское ханство, предпринятый в 1839 г. генерал-губернатором Оренбурга В. А. Перовским, завершился неудачно. Очередной виток активности России в Центральной Азии пришелся на 50-е гг. Наряду с успешно продолжившимся присоединением Казахстана (были практически достигнуты его южные рубежи, и в 1854 г. на месте нынешней Алма-Аты был основан г. Верный) активизируется и русская дипломатия. В 1858 г. российское Министерство иностранных дел направило в Центральную Азию две миссии к ближайшим азиатским соседям России — в Хиву и Бухару дипломатическую миссию Н. П. Игнатьева, а в Персию и Афганистан — научную экспедицию Н. В. Ханыкова, имевшую также и дипломатические задачи. В Афганистане Ханыков получил зримое свидетельство прочности здесь английских позиций — эмир отказался принять членов экспедиции, опасаясь, что это может не понравиться Англии. Игнатьев, в задачу которого входило не только усиление экономического и политического влияния России в среднеазиатском регионе, но и «уничтожение вредного влияния англичан», преуспел немногим более. Главным итогом миссий стало ознакомление с политической обстановкой в Центральной Азии, позволившее, в частности, констатировать усиление английского влияния. После некоторых колебаний принимается решение действовать более активно: с середины 60-х гг. Россия приступает к завоеванию Средней Азии.

Результатом этого завоевания стало подчинение России всех трех крупных среднеазиатских государств: Бухарский эмират в 1868—1873 гг. был фактически присоединен к России на правах автономии, Хивинское ханство в 1873 г. признало вассальную зависимость от России, Кокандское ханство в 1876 г. прямо вошло в состав Российской империи под названием Ферганской области.

На подобное расширение России на юг крайне нервно прореагировали в Лондоне. В конце 60-х — начале 70-х гг. в британской столице проходили русско-английские переговоры, в результате которых в 1873 г. было подписано англо-русское соглашение, объявлявшее Афганистан нейтральным. Это соглашение несколько смягчило англо-русские противоречия — вплоть до очередного обострения ситуации в Центральной Азии, которое произойдет на рубеже 70-х и 80-х гг.

Австралия и Океания

Со времен открытия Джеймсом Куком Австралия признавалась безусловной вотчиной Англии и практически никогда не давала повода к международным осложнениям. Ее колонизация усилилась после потери американских колоний. В частности, именно сюда пошел основной поток каторжан. В XIX в. Австралия получила два решающих толчка к развитию. Во-первых, с 1805 г. здесь в больших масштабах стали разводить овец для все возрастающих нужд английской текстильной промышленности. Во-вторых, в 1851 г. здесь было открыто золото, и за следующие десять лет численность населения возросла более чем вдвое — с 400 тыс. до 1140 тыс. человек.

В Новой Зеландии англичанам пришлось столкнуться с местными племенами маори — гораздо более сильными и организованными, чем австралийские аборигены. Некоторое время обходилось без конфликтов, что было связано, во-первых, с тем обстоятельством, что маори населяли северный из двух островов, составляющих Новую Зеландию, в то время как англичане обосновались на юге, и, во-вторых, с тем, что английские власти не хотели создавать готовых союзников для французов, которые также проявляли активный интерес к острову. В этих условиях из Лондона местному губернатору поступило указание признавать вождей маори как суверенов и заключить с ними формальный договор. Согласно *договору в Вайтанги* 1840 г., местные князья отказались от своего суверенитета в обмен на гарантию их владений и защиту от французов.

В отличие от Австралии и Новой Зеландии раздел островов Океании не обошелся без достаточно острого соперничества. Остров Таити стал объектом соперничества Англии и Франции, и объявленный Францией в 1842 г. протекторат англичане (с оглядкой на европейскую ситуацию) признали лишь в 1847 г. Ситуация в Европе помогла французам и в случае с захватом Новой Каледонии в 1853 г.: в преддверии Крымской войны Англия была вынуждена согласиться с новым колониальным приобретением союзника. Острова Самоа являлись объектом претензий сразу трех претендентов — Англии, США и Германии. Здесь установилось своеобразное троевластие консулов трех стран. Наконец, одним из крупных приобретений в бассейне Тихого океана стала аннексия Англией острова Фиджи как важного опорного пункта в этом регионе мира, произошедшая в 1874 г.

§ 3. Колониальная политика европейских стран в Африке с начала по 70-е гг. XIX в.

Вплоть до последних десятилетий XIX в. Африка продолжала играть второстепенную роль в европейской экспансии. Это было связано, во-первых, с тем обстоятельством, что Азия и Америка, главные

объекты европейского интереса, могли предложить гораздо больше; Африка же, по существу, — лишь слоновую кость и рабов. И то и другое европейцы получали через африканских посредников, делавших излишними путешествия в глубь континента. Кроме того, природно-климатические условия Африки были чрезвычайно неблагоприятными. Слабо изрезанная береговая линия Африки, небольшое количество островов, заливов и судоходных рек делали ее не самой удобной для судоходства. Сам континент также выглядел не слишком привлекательным: на севере и юге — пустыни Сахара и Калахари, в центре — непроходимые тропические леса, повсюду довольно скудные почвы. Однако главным препятствием для европейцев был тяжелый климат и особенно тропические инфекции — малярия и желтая лихорадка. Только с 40-х гг. XIX в., с применением хинина, Африка постепенно начинает терять славу «могилы белого человека».

К этому времени, помимо по-разному проявлявшегося в разных регионах мотива колониальной конкуренции Африка все больше заинтересовывала европейцев из-за проблемы рабовладения, а также как объект научного исследования, сфера миссионерства и экономических интересов.

Проблема рабовладения

В конце XVIII в. к работорговле, существовавшей уже три века и охватывавшей 5 тыс. километров восточного побережья Африки от Анголы до Сенегала, стали относиться по-новому. В первую очередь в Англии складывались общественные течения, которые, исходя из моральных, христианских, экономических (свободный труд эффективнее) мотивов, стали требовать отмены рабовладения и работорговли. В 1807 г. работорговля была отменена в Англии и в 1833 г. — в ее владениях. Одновременно работорговля приобрела измерение международной проблемы, которая коснулась и Африки. В Англии и затем в Америке появились идеи частичного решения проблемы освобождения негров-рабов путем переселения их назад в Африку.

Рабовладение стало объектом международных трений и благодаря поставленной англичанами проблеме борьбы с работорговлей. Заявив об этом на Венском конгрессе, Англия уже в сентябре 1816 г. добилась созыва конференции на эту тему, на которой отстаивала право досмотра судов на предмет работорговли. Обычно эта мера «британского морского права», так часто бывавшая причиной осложнения международных отношений, даже самими англичанами применялась только во время войны. Французы увидели в английской инициативе удобный предлог для укрепления британского морского владычества и привели конференцию к неудаче. Не добившись общего решения, англичане заключили целую серию двусторонних договоров на этот счет — с Испанией и Португалией уже на следующий год, с Нидерландами в 1818 г., со Швецией в 1824 г., с Бразилией в 1826 г. и, наконец, с Францией в 1833 г. После этого уже ничто не мешало вернуться к общему соглашению, и оно действительно было подписано в 1841 г. Однако в последний момент Франция отказалась ратифицировать документ, фактически позволявший ее главному колониальному сопернику досматривать любые подозрительные суда во всех мировых морях. Вместо этого в

1845 г. была подписана англо-французская конвенция о создании с целью предотвращения работорговли совместной эскадры у берегов Африки.

**Проникновение
европейцев
в Африку до
70-х гг. XIX в.**

К началу XIX в. на всем огромном, но малогостеприимном континенте проживало лишь около 25 тыс. европейцев, причем 87% из них — в поселениях буров в **Южной Африке**. Основанная голландцами еще в 1652 г., Капская колония по Первому Парижскому миру 1814 г. перешла в руки Англии. С этого времени буры неуклонно продвигались на север, побуждаемые трениями с англичанами и пограничными конфликтами с местными негритянскими племенами. Результатом этого движения стало создание трех бурских республик — Наталья (1839), Оранжевой (1842) и Трансвааля (1852). Наталь скоро потерял независимость и уже в 1852 г. был объявлен коронной колонией Великобритании, две прочие республики Лондон то признавал, то пытался оккупировать — и так до конца XIX в. Огромным стимулом для развития южноафриканских колоний стало открытие месторождений золота в 1854 г. и алмазов в конце 60-х гг.

Лежавшая на пути в Индийский океан **Западная Африка** отразила на себе все этапы колониальной истории начиная с XVI в. Здесь соседствовали английские, французские, португальские, голландские и датские опорные пункты. Однако XIX в., век английского преобладания, внес существенные изменения в географию этих мест: к 1850 г. Англия стала обладателем всех датских, а к 1872 г. — всех голландских поселений. Особенную активность англичане проявляли в бассейне Нигера, где в 1861 г. был захвачен Лагос, а в 1874 г. — Золотой Берег. Однако расширение владений Англии вызвало трения не только с колониальными конкурентами, но и с местными протогосударственными образованиями, особенно с воинственной конфедерацией Ашанти, которая в 1863 г. даже нанесла поражение англичанам. В 1874 г. племенам Ашанти был навязан *Фоменский договор*, по которому они отказывались от всех прав на побережье, а также от работорговли — экономической основы их существования. Часть племен вошла в состав английского Золотого Берега, другие вели войны с Англией вплоть до конца XIX в. Помимо этих вновь обретенных колоний, Англия обладала также землями в течении реки Гамбия и уже упоминавшуюся Сьерра-Леоне.

Активность англичан в Гвинее подтолкнула и французов, которые в 40-е гг. основали свои колонии на Береге Слоновой Кости и в Габоне. Французская колониальная политика активизировалась с приходом к власти Наполеона III. В Западной Африке это особенно проявилось в деятельности Л. Фэдерба, который с середины 50-х гг. начал активно расширять французские владения в устье реки Сенегал.

Наконец, довольно значительными владениями на западном берегу Африки обладали ранее всех появившиеся здесь португальцы. Им принадлежали колонии в Гвинее, а также Ангола.

Восточная Африка была гуще заселена и в экономическом отношении более развита, чем западная часть континента. В частности, на востоке находилось одно из самых крупных государственных образо-

ваний Африки южнее Сахары — султанат Занзибар. Присутствие европейцев фактически исчерпывалось португальской колонией Мозамбик. Сферой преимущественной активности европейских стран стала северная часть Восточной Африки — Эфиопия и Сомали из-за их стратегически выгодного положения у побережья Красного моря, еще более усилившегося благодаря перспективе открытия Суэцкого канала. Так, англичане в 1868 г. вторглись в Эфиопию (в результате этого неугодный им негус (правитель) Эфиопии Теодорос II покончил жизнь самоубийством), а также укрепили свои связи с берберами Сомали; Франция приобрела в 1862 г. расположенный прямо на выходе из Красного моря г. Обок; в 1869 г. Италия впервые заявила о своем имевшем большое будущее интересе к Эфиопии, приобретя Асэб.

Север Африки существенно отличался от других ее частей. Государственность в странах Магриба была на более высоком уровне; принадлежа в культурном отношении к арабскому миру, политически они традиционно тяготели к Османской империи. Главное же заключалось в их первостепенном стратегическом положении на южном побережье Средиземного моря. В отличие от других регионов Африки, где продвижение европейцев носило умеренный характер, Северная Африка стала одной из главных арен европейской экспансии и острого соперничества европейских держав.

Завоевание Алжира

Главным событием африканской политики европейских стран в первой половине XIX в. было французское завоевание Алжира. Поводом к войне стало оскорбление деом французского консула: когда на одном из приемов во дворце в 1827 г. консул завел речь об алжирском долге, дей ударил его своим опахалом. Развязывая в 1830 г. войну, министр иностранных дел Полиньяк решал частную задачу укрепления позиций непопулярного Карла X, но вместе с тем стремился к восстановлению престижа великой нации, которое не сходило с внутриполитической повестки дня все годы после «унижения 1815 г.». В качестве главной внешнеполитической причины французы называли борьбу с пиратством «барбаресок», или «варварийского берега» — государств Северной Африки. На деле же речь шла об укреплении позиций Франции в Восточном Средиземноморье как противовеса усилившегося влияния Англии в Испании и шире — как элемента англо-французского колониального противостояния.

Завоевав с немалыми трудностями Алжир, Франция столкнулась с трудностями и в международном признании нового приобретения. Европейские страны, в том числе и Россия, выражали протесты, но действительно принципиальное значение имела позиция Англии. И здесь блестяще себя проявила французская дипломатия, некоторое время заставлявшая англичан думать о том, что речь идет о карательной операции против пиратов, что оккупация страны — дело временное. Но зато с тем большим упорством англичане сопротивлялись всяким попыткам Франции распространить свое влияние из Алжира на запад, юг и восток. В 1834 г. Алжир был преобразован в колонию под управлением военной администрации. Наполеон III создал специальное министерство по Алжиру во главе со своим кузеном и стал первым главой Франции, посетившим Алжир, дабы продемонстрировать его «французский» характер. В целом Алжир был единственной

колонией Франции, которую в полном смысле слова можно назвать поселенческой, и, что особенно важно, с Алжиром Франция приобрела важнейший плацдарм, позволявший ей распространять свое влияние как в глубь Африки, так и по ее средиземноморским берегам, особенно в Марокко и Тунисе.

Если в Марокко Франция соперничала (и сотрудничала) с Испанией, то в Тунисе ее главным конкурентом выступила Италия, позиции которой в этой стране основывались на проникновении в нее не столько итальянского капитала, сколько поселенцев из Италии, количественно превосходивших выходцев из всех прочих стран. В 1871 г., воспользовавшись поражением Франции во франко-германской войне, Италия попыталась было заявить претензии на Тунис, но в дело и в этом случае вмешалась Англия, сделавшая заявление о гарантии Туниса, что позволило ему сохранить свою самостоятельность вплоть до начала 80-х гг.

Единственным государством Магриба, пока избежавшим попыток контроля со стороны европейских держав, была Триполитания, в которой в 1835 г. был восстановлен сюзеренитет турецкого султана. Лежащая восточнее ее Киренаика попала под влияние движения за обновление ислама и также осталась мало затронутой европейским влиянием.

Борьба за Египет

Англо-французское соперничество в Египте, латентно продолжавшееся еще со времен египетского похода Бонапарта, приобрело мощный толчок в связи со строительством Суэцкого канала после того как французский инженер и бывший вице-консул в Египте Ф. Лессепс в 1854 г. получил концессию на его строительство. Англичане всячески — дипломатически и в финансовом отношении — препятствовали строительству канала, Пальмерстон даже требовал от султана прервать работы. Состоявшаяся в этих условиях в 1860 г. интервенция Франции в Ливан в поддержку проживавших там христиан была обусловлена не только внутренними причинами — желанием Наполеона III повысить свой престиж в глазах французских католиков, но и стремлением французского императора оказать встречное давление на султана в вопросе Суэцкого канала. Однако сопротивление Лондона не было особенно упорным, поскольку долгое время англичане не верили в возможность осуществления проекта. Показательный факт: из 400 тыс. акций «Компании Суэцкого канала» 54 тыс. достались Саиду-паше (позднее он купил еще около 90 тыс. акций, оказавшись обладателем контрольного пакета), 32 тыс. выкупили частные лица в Египте, а из оставшихся 314 тыс., размещенных на финансовых рынках Парижа, Лондона, Вены, Петербурга и Нью-Йорка, англичане не выкупили ни одной. Подобное недоверие не разделяли французы, купившие львиную долю акций — 207 тыс. Вместе с тем приблизительно с 1862 г. стало ясно, что канал все же будет построен, и это в корне изменило отношение Англии, опасавшейся, говоря словами Пальмерстона, «египетского Гибралтара» Франции. По требованию англичан начались новые переговоры, в результате которых «Компания Суэцкого канала» сохранила только финансовый контроль, но вернула египетскому хедиву первоначально отведенные ей 60 000 га земли.

17 ноября 1869 г. Суэцкий канал в присутствии многих европейских коронованных особ и со всей возможной торжественностью был открыт, и первым через канал символически прошел корабль под английским флагом. Короткий путь из Европы в Индию стал реальностью, и значение Египта (особенно в глазах Англии) многократно возросло.

С самого начала было очевидно, что именно Англия более всего выиграет от сокращения в два раза времени пути от Лондона до Бомбея. Соппротивление же англичан объяснялось двумя соображениями. Во-первых, в Лондоне опасались, что по каналу французы, а может быть, и русские смогут легко доставить свои войска в Индию, но быстро осознали, что возможно и прямо противоположное, а именно быстрая доставка в Европу основной сухопутной силы Англии — индийской армии. И действительно, корабли с казачьими «ордами», которых так боялись в Лондоне, так и не появились на траверсе Бомбея, а вот индийские войска во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и обострения русско-английских отношений были доставлены на Мальту. Во-вторых, англичанам решительно не нравилось, что в вопросе строительства канала и в целом в Египте тон задавали французы.

В начавшемся с открытием канала новом раунде борьбы за Египет Англия и Франция в первую очередь воспользовались тяжелым состоянием египетских финансов, подорванных строительством канала, непомерными тратами хедива, а также большими кредитами, взятыми на Западе под расширение хлопковых плантаций в связи с ростом мировых цен на хлопок из-за Гражданской войны в США. Когда война кончилась и цены на хлопок нормализовались, Египет фактически оказался в состоянии государственного банкротства. Желая его избежать, правитель Египта Исмаил пошел на продажу имевшегося у него контрольного пакета акций канала Англии за 4 млн фунтов стерлингов. В ноябре 1875 г. состоялась «великая сделка», которую английский премьер Б. Дизраэли провел в обход парламента, воспользовавшись личными связями с банкиром Л. Ротшильдом. Нанеся французам более чем чувствительный удар, Дизраэли хотел окончательно решить исход состязания за Египет в свою пользу и попытался навязать хедиву финансовый контроль со стороны Англии. Однако Франция смогла парировать удар, и в созданной в 1876 г. так называемой Кассе египетского государственного долга, органе международного финансового контроля над Египтом, французы играли едва ли не ведущую роль. Борьбе за Египет было суждено продолжаться и вступить в решающую стадию уже после 1880 г.

Глава 12. Международные отношения в Западном полушарии с конца XVIII в. по 60-е гг. XIX в.

§ 1. *Внешняя политика США в период Французской революции и Наполеоновских войн*

Характерные черты внешней политики США

Как отмечалось выше, одной из главных особенностей развития международных отношений в начинавшемся XIX в. стало зарождение первой системы международных отношений вне Европы — американской. В отличие от европейской, одной из главных пружин развития которой на протяжении веков был принцип равновесия, в Западном полушарии с самого начала выделялся безусловный лидер, что определило главную долгосрочную тенденцию развития американской системы — становящуюся все более явной со временем гегемонию США. Вместе с тем в первые десятилетия существования молодого североамериканского государства на первом плане его внешней политики стояли не столько связи с молодыми республиками Латинской Америки, сколько взаимоотношения с великими европейскими державами.

Обладая численностью населения рядового европейского государства, США тем не менее с самого начала располагали качественно иным потенциалом и стремились проводить внешнюю политику, основанную во многом на новых принципах и побудительных мотивах.

Фактором фундаментального, основополагающего значения была географическая удаленность США от Европы. Проблема обеспечения стратегической безопасности, составлявшая суть большинства усилий европейских внешнеполитических ведомств, в случае США уже решалась этой исходной геополитической данностью. К ней добавились еще два важнейших фактора государственной мощи: приносящая огромные ресурсы возможность, по сути, неограниченной экспансии на практически не заселенном континенте и беспрецедентный демографический рост, когда за счет иммиграции население США в течение XIX в. удваивалось каждые 27 лет. Все эти факторы и ставший в значительной степени следствием их соединения огромный рост экономики предопределили многие характерные черты политики США на международной арене.

Одной из них было превалирующее значение *экономического фактора*. Американцы смотрели на взаимоотношения с окружающим миром предельно прагматически и в отличие от большинства европейских держав в первые десятилетия своего существования стремились утвердиться как сила не столько военная и политическая (армия США вплоть до середины XIX в. в мирное время насчитывала лишь около 12 тыс. человек), сколько как сила экономическая. Особенно отчетливо тезис подчинения дипломатии торговым интересам США стал звучать в период президентства Э. Джексона (1829—1837), утверждавшего, что международные договоры нужны для торговли.

С этим же была связана и такая характерная черта американской внешней политики, как *изоляционизм*. Еще Дж. Вашингтон в своем знаменитом «Прощальном послании» 1796 г., своеобразном политическом завещании, до сих пор ежегодно зачитываемом перед Конгрессом, выступил за «минимально возможные политические связи» с иностранными государствами как залог развития с ними свободной торговли. В политической реальности изоляционизм никогда не существовал в чистом виде, речь всегда шла скорее о степени связи с европейскими державами, а некоторые историки даже говорят о «мифе американского изоляционизма».

Характерной чертой американской внешней политики было почти парадоксальное сочетание сугубо материальных экономических мотивов со значительной *идеологической заряженностью*. Считая свою страну главным бастионом свободы на земном шаре, американцы, в частности, последовательно поддерживали все либеральные и освободительные движения в Европе — греческое восстание, революции 1830 г., стали единственным крупным государством, признавшим временное правительство во Франкфурте в 1848 г., в том же году первыми признали Третью республику во Франции и т. д. В то же время американцы становились далеко не столь последовательными в служении делу свободы и независимости, когда речь шла о соседних латиноамериканских республиках, в отношении которых у США были свои интересы, часто мало согласующиеся с идеологическими принципами.

Еще одной рано проявившейся чертой американской внешней политики были претензии на некое *особое, исключительное положение*, имевшее градации от простого противопоставления новой, полной сил республики дряхлой монархической Европе до национального мессианизма, веры в право США выступить в роли лидера и учителя для прочих народов Земли. Из идеи национальной исключительности довольно рано стали делаться и агрессивные выводы, наиболее известным из которых стала так называемая «доктрина явного предназначения» О'Салливана.

Важной чертой американской внешней политики было достаточно широкое *распространение идей экспансии*, связанное не только с мессианизмом и верой в собственную исключительность, но и с объективными реалиями, в которых начало свое существование американское государство — огромные незаселенные пространства и — в отличие от Европы — практически полное отсутствие какого бы то ни было противовеса.

Дипломатическая практика

Создание американского дипломатического аппарата уходит своими корнями в эпоху Американской революции, когда Конгресс в сентябре 1776 г. учредил Дипломатическую комиссию для подготовки планов договоров о торговле и дружбе с иностранными государствами. Трем членам комиссии — Б. Франклину, Т. Джефферсону и С. Дину — Конгресс поручил отправиться для переговоров в Европу и таким образом стать первыми дипломатами в истории США. Наибольший успех сопутствовал Б. Франклину, сумевшему добиться заключения в 1778 г. союза с Францией.

После принятия Конституции 1787 г. началось формирование органов государственной власти. Внешняя политика оказалась в веде-

нии созданного в июле Департамента внешних дел, однако уже через полтора месяца он был включен в состав Государственного департамента. Возглавивший его государственный секретарь сосредоточил в своих руках управление как внешней, так и внутренней политикой. Подобная неразделенность функций сохранялась до 1849 г., когда внутренние дела были переданы специально созданному для этой цели департаменту. Ключевую роль в руководстве внешней политикой играл президент, который назначал государственного секретаря и дипломатических представителей, принимал иностранных дипломатов, обладал правом объявлять войну и т. д. На процесс принятия политических решений влияли также неформальные советники при президенте (например, «кухонный кабинет» Э. Джексона), экономические лобби и, конечно, Конгресс и представленные в нем партии.

Особенностью американского дипломатического корпуса было практически полное отсутствие профессиональных дипломатов. На дипломатические посты назначались видные представители партий, крупные политики, академические специалисты. Не имея вплоть до конца XIX в. статуса великой державы, американские дипломатические представители имели статус не выше посланника; первый посол был назначен президентом Кливлендом в 1893 г.

Дипломатический стиль американцев значительно отличался от европейской манеры. Сосредоточив практически все интересы на своем континенте, где они были безусловными лидерами, американцы не заключали союзов, не комбинировали, не вели тонкой дипломатической игры. Стиль американской внешней политики был гораздо более прямолинейным, и особенное значение уже на самых ранних этапах существования США приобрели «дипломатия доллара» и «дипломатия силы». США в первую очередь стремились просто купить то, что им было нужно, — Луизиану, Техас, Калифорнию, Кубу, и если это не удавалось, то, как в трех последних случаях, были готовы применить силу. Само применение силы значительно облегчалось той ситуацией сильного среди слабых, в которой находились США на своем континенте, в отличие от ситуации многих сильных в Европе, где любая война и территориальные приобретения требовали значительной предварительной подготовки и были, по сути, европейским делом.

Одним из широко применявшихся методов дипломатии США, как и Англии, рано осознавших важность ссылки на демократические институты и ценности в целях собственной внешней политики, было задействование общественного мнения и «волеизъявления народа», причем не только у себя в стране, но в интересовавших американцев иностранных государствах. Обращения с просьбой о приеме в Союз «Техасской» и «Калифорнийской» республик существенно облегчили отторжение соответствующих территорий от Мексики; подобное же обращение американцы пытались инспирировать в 1850—1851 гг. со стороны Кубы. Даже сам язык американских представителей, бывших, по признанию Т. Джефферсона, «самыми презираемыми во всем дипломатическом племени», был тем не менее далек от смирения. Американцы предпочитали высказываться прямо, часто свысока, легко апеллировали к силе. Например, когда в 1848 г. Австрия заявила протест против попыток США установить отношения с восставшей Венгрией, государственный департамент США дал Вене отповедь на языке, не имевшем ничего общего с дипломатическим.

В качестве довода Австрии — великой державе! — было высокомерно указано, что США большие, а она маленькая; ведь ее территория по сравнению с Америкой «не более чем заплатка на поверхности Земли».

Французская революция и США

Французская революция оказала огромное влияние на все развитие США благодаря не столько своим идеям, сколько самому своему факту. Именно тогда в первый, но далеко не в последний раз проявилась взаимосвязь, суть которой кратко и емко выразил известный американский историк С. Ф. Бемис: «Нужда Европы — благо Америки». С 1789 по 1814 г. в течение целого поколения Европа была до предела занята своими собственными делами, и в результате государственность США становилась на ноги в почти тепличных условиях отсутствия серьезного иностранного вмешательства. Не менее важным последствием Французской революции стал крах испанской колониальной системы в Западном полушарии, подготовивший почву для будущей экспансии США. Непосредственно же на повестке дня стояло определение курса по отношению к Французской революции, большую роль в котором сыграла только что появившаяся американская двухпартийная система.

Во время существования первой двухпартийной системы («федералисты — республиканцы») проблема внешнеполитических приоритетов занимала настолько большое место в программе обеих партий, что иногда их неофициально называли «английской» и «французской», поскольку и после окончания Войны за независимость именно Англия и Франция сохраняли ключевое значение для американской внешней политики.

Вопреки традиции и формально сохранявшимся союзным отношениям с Францией федералисты во главе со своим лидером, министром финансов А. Гамильтоном, выступали за сближение с Великобританией. Они считали, что близость с Англией, главным торговым партнером и мощнейшей морской державой, диктуется как экономическими, так и стратегическими интересами США, в то время как Франция вступила в полосу слабости и к тому же выступила в роли агрессора.

Со своей стороны республиканцы, ведомые министром иностранных дел (1789—1793) Т. Джефферсоном, видели в профранцузском курсе средство добиться большей самостоятельности и избавиться от слишком большой зависимости от Лондона. Вместе с тем Джефферсон не предполагал прямой поддержки революционной Франции и высказался за политику нейтралитета США в начинавшейся в Европе войне.

В целом предлагавшиеся федералистами и республиканцами альтернативные внешнеполитические курсы, за которыми в том числе стояли противоречия экономических интересов промышленных и аграрных кругов, сочетаясь и сменяя друг друга, во многом определяли внешнюю политику США в период революции и Наполеоновских войн.

Декларация о нейтралитете и «дело гражданина Жена»

В продолжившийся вплоть до 1800 г. период преобладания федералистов США приняли скорее антифранцузскую ориентацию. Восприняв аргументы Гамильтона, Вашингтон 22 апреля 1793 г. заявил о полном ней-

тралитете США (однако само слово «нейтралитет» не было использовано) в связи с тем, что с казнью Людовика XVI подписанный им договор 1778 г. утратил свою силу.

Все это стало серьезной неожиданностью и даже ударом для Франции. Там надеялись не только на то, что союз 1778 г. сохраняет свою силу, но и на то, что американцы испытывают к Франции чувство благодарности за помощь в Войне за независимость. Однако в 1793 г. французам пришлось на собственном опыте убедиться в том, что, как заметил по этому поводу один американский историк, «благодарность — это самая редкая из монет».

Франция не смирилась с таким положением вещей. С 1793 г. в США стали прибывать эмиссары Конвента, надеявшиеся побудить американцев к выполнению союзнических обязательств. Особенно активную деятельность в этом отношении развернул новый посол Франции в США Э.-Ш. Женэ, предпочитавший называть себя не иначе как «гражданин Женэ». Он должен был ускорить выплату американских долгов и поставку продовольствия во Францию, а также организовать каперские и сухопутные операции против англичан. Женэ взялся за дело настолько энергично, что еще до вручения своих верительных грамот успел снарядить четыре каперских судна с командами из американских добровольцев. Однако, несмотря на достаточно широкую поддержку населения, он не сумел добиться понимания у официальных властей, поскольку деятельность французского посла стала серьезно осложнять англо-американские отношения. Прием французского посланника Дж. Вашингтоном оказался подчеркнуто холодным и происходил в зале, украшенном портретами Людовика XVI и Марии Антуанетты. Последней каплей стал захват английского судна «Маленькая Сара», переименованного Женэ в «Маленькую демократку». Вашингтон потребовал отозвать Женэ с его поста. В ответ французы объявили персоной нон грата американского посланника Г. Морриса. В итоге Женэ так и не вернулся во Францию, поскольку после известия о том, что пришедшие к власти в Париже якобинцы отдали приказ о его аресте, ему позволили принять американское гражданство. Однако в целом «дело Женэ» способствовало дальнейшему ухудшению американо-французских отношений, одновременно став еще одним свидетельством курса на сближение США с Англией.

Сближение с Англией и конфронтация с Францией

Очередным благоприятным для Англии решением был принятый Конгрессом в июне 1794 г. акт о нейтралитете США в европейской войне. Однако самым ярким выражением этого курса стал «договор Джея» 1794 г., подписанный отправленным со специальной миссией в Англию председателем американского Верховного суда Дж. Джемом.

К моменту переговоров в англо-американских отношениях существовали многочисленные трения, основными из которых был отказ Лондона вопреки статьям мирного договора 1783 г. эвакуировать свои форты на северо-западной границе США, а также практика произвольных захватов на морях. Они особенно усилились после соответствующих указов английского правительства летом — осенью 1793 г., в результате которых было захвачено более 300 американских кораблей и многие члены их команд насильственно завербованы в английский флот.

По «договору Джея» Великобритания обязывалась до 1 июня 1796 г. эвакуировать свои пограничные форты на северо-западе Америки и выплатить компенсацию за некоторые захваченные на морях американские грузы; американцы получили право торговать в Вест-Индии, хотя и обремененное некоторыми ограничениями; США получили статус наиболее благоприятствуемой нации во внешней торговле. Американцам не удалось добиться успеха по наиболее спорным вопросам. Они признали довоенные долги, в то время как Лондон отказался компенсировать американским гражданам потери за вывезенных англичанами из США негров-рабов; не были получены гарантии и от продолжения Англией политики антиамериканской поддержки индейцев и произвольных досмотров и конфискаций на морях. Столь серьезные уступки вызвали протесты в стране и еще более усилили противостояние республиканцев и федералистов по вопросам внешней политики.

Вместе с тем урегулирование отношений с Англией укрепило американские позиции на шедших практически одновременно переговорах о разграничении с другим соседом США на североамериканском континенте — Испанией. Заключив в 1795 г. Базельский мир с Францией, Испания стремилась к обеспечению безопасности своих колоний и со стороны США. В результате в октябре 1795 г. в Мадриде был заключен договор, названный по имени подписавшего его американского посланника в Великобритании Т. Пинкни, — «договор Пинкни». Он предусматривал разграничение американских и испанских владений в Северной Америке по 31-й широте. Кроме того, американцы получали право свободного плавания по Миссисипи и право в течение трех лет пользоваться Новым Орлеаном как свободным портом.

В результате поворота США к Англии произошло резкое ухудшение американо-французских отношений. В первую очередь французы ответили мерами против американских морских сообщений и торговли. С 1794 по 1797 гг. французские корсары захватили более трехсот американских судов.

Специальная миссия, направленная в 1797—1798 гг. новым американским президентом федералистом Дж. Адамсом (1797—1801 гг.) в Париж для поисков компромисса, не имела успеха в том числе и из-за так называемого «дела XYZ». Действуя в привычной для себя манере, Талейран через посредников — «господ X, Y и Z», как они именовались в американской дипломатической переписке, — намекнул, что в обмен на подписание договора он ожидает займа для Франции в 10 млн, а также «подарка» лично для себя в размере 240 тыс. долларов. Крайне возмущенные этим предложением (по другой версии, просто не имевшие соответствующих полномочий), американские представители покинули Париж.

Американо-французские отношения фактически перешли грань, отделявшую конфронтацию от войны. В июле 1798 г. США официально аннулировали договоры с Францией и заявили о своем намерении в качестве ответной меры захватывать французские корабли. Началась так называемая «необъявленная морская война», или «квазивойна», между двумя странами, проходившая по 1800 г. Только в течение 1798 г. Конгресс принял 20 актов на случай возможной полномасштабной войны. Однако вскоре события приняли иной оборот.

Несмотря на широко распространенные в рядах федералистов антифранцузские настроения, президент Адамс, считавший войну с Францией ненужной и опасной для

США, весной 1800 г. направил в Париж новую миссию с целью урегулирования двусторонних отношений. Памятуя историю с «подарком», Наполеон на этот раз отстранил Талейрана от переговоров с американцами, которые вел его брат Жозеф. Результатом переговоров стало подписание в сентябре того же года *Морфонтенского договора*: официально упраздняясь франко-американский договор 1778 г. о союзе, восстанавливались торговые отношения на началах свободной торговли, французы возвращали захваченные ранее суда, однако компенсации за них упоминались без дальнейшей конкретизации.

Заклучив Морфонтенский договор, которому он придавал настолько большое значение, что даже на своем надгробии желал иметь надпись «Здесь лежит Джон Адамс, который взял на себя ответственность за мир с Францией в 1800 г.», американский президент положил начало новому курсу во взаимоотношениях с Францией, полностью соответствовавшему менявшейся международной ситуации. Пришедший к власти во Франции Наполеон стремился к сближению с США, поскольку полагал, что тем самым Англия будет лишена возможного союзника, а Франция в значительной степени обезопасит свои владения в Северной Америке и к тому же приобретет важного экономического партнера. Курс на нормализацию отношений с Францией упрочился и в связи с победой на выборах 1800 г. Джефферсона, в результате которой впервые — и на следующие четверть века вперед — во главе страны встала республиканская партия.

Покупка Луизианы

Особую роль в нормализации франко-американских отношений и в дальнейшем развитии США в целом сыграла уступка Францией Луизианы. В октябре 1800 г.

Испания вернула Франции полученную от нее еще в 1762 г. Луизиану — огромную территорию от Миссисипи до Скалистых гор. Испанцы пошли на это из опасения, что не смогут долго сдерживать продвижение американских поселенцев, и из желания отгородиться от них территорией сильного государства. Наполеон принял этот дар, пообещав не передавать Луизиану третьей державе и неясные уступки в Италии. Превращение Франции в ближайшего соседа вызвало огромное беспокойство в США, опасавшихся, что под угрозой окажется Новый Орлеан и свободное судоходство по Миссисипи, имевшее большое значение для всего американского Запада. По этому поводу Джефферсон обратился к американскому посланнику в Париже с категорическим утверждением о Новом Орлеане: «...на земном шаре есть только одно место, обладатель которого является нашим естественным и постоянным врагом...». В Париж на переговоры был отправлен Дж. Монро, которому были даны полномочия на покупку за 10 млн долларов Нового Орлеана и Флориды (поскольку, по мнению американцев, она составляла часть Луизианы); в случае неудачи он должен ехать в Лондон и вести переговоры о союзе с Англией.

Политика же Франции по-прежнему во многом диктовалась состоянием англо-французского соперничества. С одной стороны, во-

зобновление войны с Англией заставляло опасаться, что североамериканские колонии могут быть потеряны без всякой компенсации, с другой — Наполеон не хотел своей неуступчивостью в этом вопросе вновь толкать США к Англии. Кроме того, в связи с неудачей очередной попытки подавить шедшее еще с 1791 г. восстание рабов на французском о. Гаити Наполеон окончательно отказался от планов по созданию крупной французской колониальной империи в Западном полушарии. Поэтому, когда в марте 1803 г. американская делегация прибыла в Париж с предложением купить территории в районе устья Миссисипи, Наполеон сам предложил продать всю Луизиану. По подписанному в апреле договору США приобретали Луизиану за 60 млн франков (15 млн долларов), из которых Франция в реальности получала 11,5 млн, в то время как остальные деньги были использованы как компенсация пострадавшим от французского каперства. Все, что сохранили за собой французы, — это разделенное с Испанией право пользования в течение следующих 12 лет портом Нового Орлеана. Американцы же не только увеличили свою территорию практически вдвое, но и открыли себе дорогу для дальнейшего беспрепятственного движения на запад.

Возобновление в мае 1803 г. боевых действий между Англией и Францией принесло с собой тяжелые последствия для США, поскольку на этом этапе в невиданных масштабах стали применяться методы экономической войны, и в частности континентальная блокада. В качестве ответной меры в декабре 1807 г. США приняли закон об эмбарго, по которому американским судам запрещалось заходить в иностранные порты, а иностранным судам — в американские. Торговый оборот с Англией снизился с 108 млн долларов в 1807 г. до 27 млн в 1808 г. В перспективе эмбарго способствовало развитию американской промышленности, но было совершенно разорительно для торговли. В результате Джефферсон под давлением республиканского Конгресса смягчил условия эмбарго. В 1809 г. был принят так называемый «акт о запрещении сношений», разрешавший торговлю со всеми странами, кроме Англии и Франции, до тех пор, пока они не отменят своих дискриминационных мер в отношении американских судов.

Одним из результатов обострения отношений США с Англией и Францией стало укрепление связей с Россией — как экономических, поскольку в эпоху континентальной блокады значение двусторонней торговли для обеих стран выросло многократно, так и политических. Фактически оказавшись в изоляции, США выступили с инициативой установления дипломатических отношений. Осенью 1809 г. первый американский посланник, будущий президент США Дж. Адамс прибыл в Петербург, и спустя полгода за океан отправился и первый российский посланник — граф Ф. П. Пален.

Между тем в американском обществе нарастали антианглийские настроения, вызванные произволом, чинимым английским флотом в отношении американских судов. Кроме того, Англию обвиняли и в тайной поддержке индейцев.

Англия, обеспокоенная резким усилением в США враждебных настроений, взяла курс на разрядку и 16 июня 1812 г. объявила об отмене всех мер, направленных против американских судов. Этот эпизод наглядно демонстрирует значение средств коммуникации в меж-

дународных отношениях: шаг, сам по себе вполне пригодный для смягчения ситуации, в США стал известен слишком поздно — в значительной степени под воздействием общественного мнения президент США Дж. Мэдисон (1809—1817) 18 июня объявил Англии войну.

Главной военной целью американцев была Канада, на которую они смотрели как на возможность территориальных приращений и своеобразный залог в будущих переговорах с Англией. Одновременно на повестку дня была поставлена и давно вынашиваемая аннексия Испанской Флориды, казалось бы не имевшая отношения к англо-американской войне, но связанная с ней специфически американской политической логикой. Стремление сохранить внутреннее равновесие между Югом и Севером США, которое позднее найдет самое яркое выражение в знаменитом Миссурийском компромиссе 1820 г. (уравновешивание каждого вновь принятого южного рабовладельческого штата северным свободным), имело и внешнеполитическое продолжение: если Север мог укрепиться за счет Канады, то Юг желал иметь компенсацию во Флориде. Однако при безусловно присутствовавших экспансионистских мотивах главным требованием американцев оставалось прекращение произвола Англии в отношении американских судов и тем самым освобождение от остатков диктата со стороны бывшей метрополии. Именно поэтому многими современниками события 1812—1814 гг. воспринимались как «вторая война за независимость».

Ход боевых действий складывался не в пользу американцев. Их «марш на Канаду» не удался, в то время как английский флот полностью блокировал все восточное побережье, высадившийся десант захватил Вашингтон, сжег Капитолий и дворец президента (для устранения следов огня впоследствии была использована белая краска — так резиденция президента стала Белым домом). Однако долгая война была совершенно не в интересах английской торговли, к тому же борьба с Наполеоном вступала в решающую стадию, поэтому англичане пошли на мир на условиях статус-кво.

На Рождество 1814 г. в бельгийском Генте мир был подписан. Предусматривался взаимный отказ от захваченных в ходе войны территорий, обмен пленными и т. д. Оговаривалось, что специальные комиссии установят сумму компенсации Англии американским гражданам за потери, понесенные еще в годы Войны за независимость, а также займутся разграничением спорных территорий между США и Канадой. США не достигли практически ни одной из поставленных в начале войны целей, в том числе и уважения Англией прав нейтральных государств на морях. И англичанам не удалось добиться своей основной цели в войне — укрепления безопасности Канады, главным способом обеспечения которой они считали создание между Огайо и Великими озерами своеобразной буферной зоны в лице индейских резерваций. Несмотря на создание смешанной англо-американской комиссии по определению спорных границ между США и Канадой, канадская проблема на последующие годы будет фактором, существенно отягощавшим англо-американские отношения.

**«Варварийская
проблема»
1801—1815 гг.**

В течение первых десятилетий существования США практически вся их внешнеполитическая активность была связана с деятельностью государств Старого Света на

американском континенте, и едва ли не единственным случаем противоположного рода, вмешательства американцев в дела Восточного полушария, стала «варварийская проблема».

Со времен Средневековья одной из серьезных международных проблем Средиземноморского региона было пиратство со стороны так называемых «варварийских государств» — Алжира, Туниса, Марокко и Триполи, находившихся под номинальным сюзеренитетом турецкого султана. Для обеспечения безопасности собственных торговых судов европейские государства предпочитали платить пиратам дань, в том числе и «владычица морей» Англия. После получения независимости США американские торговые суда одновременно лишились и защиты английского флага, поэтому одной из задач американского правительства стало самостоятельное урегулирование отношений с «варварийскими государствами». В целой серии договоров (Марокко — 1787 г., Алжир — 1795 г., Триполи — 1796 г., Тунис — 1797 г.) США в обмен на беспрепятственный проход своих судов соглашались на предоставление этим странам «подарков», общая стоимость которых в конце 90-х гг. превышала 1,5 млн долларов. Тем не менее «варварийские страны» не были довольны количеством и регулярностью выплат. В 1800 г. в Алжир прибыл американский корабль, несший гордое название «Джордж Вашингтон» на своих бортах и очередную порцию дани в своих трюмах. Однако алжирский дей заставил капитана отправиться с данью непосредственно в Константинополь. Таким образом, первый американский корабль, когда-либо заходивший в гавань Константинополя, вошел туда как данник турецкого султана. Решающий же шаг к войне сделал паша Триполи, в мае 1801 г. приказавший срубить флагшток со звездно-полосатым флагом перед американским консульством в знак объявления войны США.

Начавшаяся после этого так называемая Триполитанская война 1801—1805 гг. представляла собой блокаду и обстрелы берегов Триполи силами американского флота. Кроме того, был проведен ряд десантных операций, по сути ставших временем рождения американской морской пехоты. Не случайно по сей день ее гимн начинается словами «К берегам Триполи...». В результате летом 1805 г. США и триполитанский дей подписали мир, по которому США освобождались от уплаты дани, хотя и выплачивали 60 тыс. долларов за освобождение американских пленных и соглашались делать небольшие «подарки» при прохождении своих судов в будущем.

Окончательно США избавились от выплаты унижительной дани «берберийским государствам» в 1815 г., когда дей Алжира под предлогом ее нерегулярных выплат стал захватывать американские суда и их пассажиров. В ответ США направили в Средиземное море сильный флот, который обстрелял Алжир и вынудил его к подписанию договора, отменявшего всяческие выплаты, сначала алжирскому дею, а затем и остальным «варварийским государствам». С этого времени американское военно-морское присутствие в Средиземном море стало практически постоянным.

§ 2. Внешняя политика США в 1815—1865 гг.

После окончания англо-американской войны США вступили в длительную полосу устойчивого развития, обусловленную начавшимся в середине 10-х гг. промышленным переворотом, укреплением внутривластной ситуации в связи со стабилизацией двухпартийной системы в период так называемой «джексоновской демократии» в 20—30-х гг., быстрым ростом населения за счет все усиливавшейся иммиграции. Перед внешней политикой молодого и динамично развивавшегося государства стояла задача определения своего места — как в прямом смысле слова, т. е. разграничение с соседями по североамериканскому континенту, так и в переносном — выработка внешнеполитических концепций, установление приоритетов и самого положения США в системе международных отношений. Рубежом этого периода стала Гражданская война 1861—1865 гг.

Проблема границ

Начав свое государственное существование в конце XVIII в. на Атлантическом побережье Северной Америки, в течение следующего века США осуществляли непрерывную территориальную экспансию на запад. В ходе этой экспансии с неизбежностью встал вопрос границ с другими странами, представленными на североамериканском континенте, — с английской Канадой на севере, с русской Аляской на северо-западе, с испанскими колониями и позже — миром латиноамериканских государств на юге.

Одной из самых сложных была проблема американской границы с испанскими владениями на юго-востоке. Здесь существовали две основные проблемы. С одной стороны, проблема Флориды, испанской области восточнее Миссисипи на побережье Мексиканского залива, которую американцы были склонны рассматривать как часть уступленной им в 1803 г. Луизианы, и, с другой стороны, проблема границы той же Луизианы на западе.

Еще в 1810 г. переселенцы из южных штатов США захватили ряд опорных пунктов в Западной Флориде и провозгласили независимую Республику Западная Флорида, решением Конгресса формально включенную в состав США в 1812 г. В 1811 г. секретная резолюция Конгресса уполномочила президента на занятие и Восточной Флориды, что и было сделано в 1817—1818 гг. под предлогом защиты от индейцев.

Помимо Флориды, отношения между Мадридом и Вашингтоном также отягощались проблемой западной границы Луизианы. Испанцы настаивали на ее «естественных границах» в виде Скалистых гор, американцы же стремились выйти за их пределы. В итоге, не имея достаточно сил, чтобы заставить американцев вернуть Флориду, в Мадриде решили пожертвовать ею в обмен на невмешательство США в шедшую тогда полным ходом борьбу за независимость испанских колоний в Латинской Америке. В феврале 1819 г. государственный секретарь США Дж. Адамс и посол Испании в США Л. Онис подписали *договор Адамса — Ониса*, иначе называющийся Трансконтинентальным, поскольку зафиксированный в нем переход в американские руки Флориды означал первое международно-правовое признание США в качестве трансконтинентальной державы. Граница

между США и испанскими владениями отныне проходила по р. Арканзас восточнее Скалистых гор и по 42° северной широты западнее их — вплоть до Тихоокеанского побережья. Тем самым юридически фиксировалось не только приобретение всей Флориды американцами, но и сохранение Техаса в составе испанских владений в Мексике. Проведение американо-испанского разграничения западнее Скалистых гор одновременно означало и юридическую фиксацию южной границы Орегона — огромной территории от Скалистых гор до Тихого океана с востока на запад и от испанских владений на юге до русской Аляски и английской Канады на севере. Вскоре более определенными стали границы Орегона и на северо-востоке.

«Русский указ» 1821 г.

Деятельность основанной в 1799 г. на базе русских поселений на Аляске Российско-американской компании на протяжении целого ряда лет страдала от американских торговцев, внедрявшихся в сложившуюся торговлю русских купцов с индейскими племенами и подстрекавших индейцев к нападению на русские поселения. В сентябре 1821 г. российский император Александр I издал указ, расширявший русские владения в Северной Америке до 51-й параллели и запрещавший там иностранную торговлю. Этот указ вызвал серьезное недовольство в США и Англии, вынудившее царя пойти на трехсторонние переговоры по этому вопросу. Ссылаясь на Трансконтинентальный договор, отчасти делавший США правопреемником Испании в Северной Америке, американские представители заявили о своих правах на Тихоокеанском побережье вплоть до 60° северной широты, однако в итоге согласились с компромиссным предложением России, выразившей готовность ограничить свои владения 54°40' с. ш. Подписанная в феврале 1825 г. англо-русская конвенция содержала аналогичные условия и, кроме того, установила восточные пределы русских владений по 141-му меридиану. Россия пошла на серьезнейшие уступки, однако одновременно смогла «приобрести на сие место действительнейшее право владения», т. е., по сути, впервые юридически закрепить границы своих владений в Америке. Вместе с тем «русский указ» дал толчок к формированию доктрины, трактовавшей взаимоотношения США как с европейскими, так и с латиноамериканскими странами совершенно в новом свете.

«Доктрина Монро»

Одним из самых значимых событий в истории международных отношений Нового Света стало обнародование 2 декабря 1823 г. «доктрины Монро», т. е. нескольких связанных между собой идей в области внешней политики, которые содержались в ежегодном послании Конгрессу пятого президента США — Джеймса Монро (1758—1831).

Ее появление было связано как с продолжавшимся внешнеполитическим самоопределением молодого государства, так и с воздействием внешних факторов. Помимо «русского указа» Александра I, в Вашингтоне опасались, что борьба испанских колоний за независимость приведет к интервенции стран Священного союза, особенно Франции и Испании, тем более что такая возможность обсуждалась на конгрессе Священного союза в Троппау в 1820 г. Американцам не внушала доверия и позиция Англии, в противовес Франции провоз-

гласившей принцип невмешательства в дела Латинской Америки, но в реальности рассчитывавшей утвердить там свое влияние.

Доктрина Монро гласила о том, что отныне Северная и Южная Америка не могут рассматриваться как объекты колонизации и что США будут считать любую попытку изменить политические отношения в Западном полушарии «демонстрацией враждебных намерений к США». Одновременно в послании говорилось о готовности США уважать уже существовавшие колонии (очевидно, имелась в виду Канада), однако они не должны были быть ни расширены, ни переданы другой неамериканской державе (принцип «непередачи»). Со своей стороны США не должны были вмешиваться в дела европейских.

В роли своеобразного соавтора доктрины Монро выступил английский премьер Дж. Каннинг. Под впечатлением от состоявшейся весной 1823 г. интервенции Франции в Испанию он стал опасаться французского вмешательства в дела Латинской Америки и в августе 1823 г. предложил США выступить с совместной декларацией против всякой интервенции в Западное полушарие. Однако Дж. Адамс заявил, что США не желают быть лишь «шлюпкой в кильватере британских боевых кораблей». Выступая скорее как соперники Англии на рынках Латинской Америки, чем как союзники в борьбе с иллюзорной угрозой интервенции, американцы решили заявить о себе как о самостоятельной политической величине и выступили в одиночку.

Значение доктрины Монро, с формальной точки зрения представлявшей собой лишь одностороннюю декларацию, лишенную какого бы то ни было международно-правового веса, заключалось не столько в ближайших последствиях, сколько в отдаленных. С точки зрения своего непосредственного воздействия она была почти бесполезной, так как еще в октябре 1823 г. Англия и Франция подписали протокол, так называемую «ноту Полиньяка» (по имени французского посла в Лондоне), исключавший французское вмешательство в Латинскую Америку, и, таким образом, единственный сколько-нибудь вероятный вариант вмешательства европейской страны в американские дела был исключен. Гораздо большее значение доктрина Монро приобрела впоследствии — как с точки зрения непосредственно внешней политики США, так и с точки зрения развития системы международных отношений.

Во-первых, дополняясь и модифицируясь, она превратилась в один из основополагающих принципов всей последующей американской внешней политики. Во-вторых, значение доктрины Монро заключается также в том, что ее можно рассматривать и как своеобразную декларацию о рождении (наряду со старой, европейской) новой системы международных отношений — американской. Главной и необходимой предпосылкой ее рождения послужил сам факт возникновения в конце XVIII — начале XIX в. новых субъектов международных отношений в Западном полушарии; на дипломатическом уровне этот факт был впервые зафиксирован признанием в 1822 г. американским Конгрессом (без всяких консультаций с Европой) независимости республик Южной Америки; наконец, доктрина Монро сделала следующий шаг, программно заявив об обособлении, граничившем с противопоставлением, американской политической сферы от европейской.

Не разрешенные в англо-американской войне 1812—1814 гг. противоречия по поводу американо-канадской границы стороны попытались урегулировать в целой серии дипломатических контактов в конце 10-х — середине 20-х гг. На переговорах в Лондоне в 1818 г. американские уполномоченные предложили провести границу по 49-й параллели от Атлантического океана до Тихого, однако англичане соглашались признать эту границу лишь в отношении восточной части континента, до Скалистых гор. Таким образом, явственно обозначилась проблема лежащего западнее Скалистых гор Орегона.

Как уже упоминалось, южные и частично северо-западные границы Орегона были определены, соответственно, Трансконтинентальным договором с Испанией 1819 г. и русско-американской и русско-английской конвенциями 1824 и 1825 гг. и проходили по 42-й и 54-й широте. Лежавшее между ними пространство и сам международно-правовой статус Орегона были предметом спора между Англией и США. В 1818 г. стороны пришли к компромиссу: все территории западнее Скалистых гор должны были быть открытыми в течение 10 лет как для американских, так и для английских подданных. В первой половине 20-х гг. на переговорах в Лондоне дважды обсуждалась тема разграничения в Орегоне, однако безуспешно, поскольку американцы по-прежнему настаивали на разграничении по 49-й параллели, в то время как англичане в качестве границы предлагали лежащее значительно южнее русло реки Колумбия. В свою очередь, это не устраивало американцев, поскольку лишало бы их обладания наиболее удобными бухтами, в то время как Орегон во все большей степени рассматривался как своего рода плацдарм для торговой экспансии США в Восточную Азию, и в первую очередь в Китай. В 1827 г. соглашение 1818 г. было продлено на неопределенный срок с правом его денонсации по предварительному уведомлению за один год.

В начале 40-х гг. оregonская проблема вновь встала на повестку дня, но уже в несколько иной обстановке. В связи с опиумными войнами и экономическим «открытием» Китая внимание политических и торговых кругов Англии было отвлечено от Орегона. В свою очередь, США стояли на пороге войны с Мексикой из-за Техаса и не желали дополнительных международных осложнений. Благоприятно на американо-английских отношениях сказалось и заключение так называемого *договора Уэбстера — Ашбертона* 1842 г. (по именам американского государственного секретаря и английского посланника), компромиссным образом урегулировавшего спор о разграничении между США и Канадой на северо-востоке, который обострился в ходе так называемой «Арустукской войны» — локального пограничного конфликта в 1839 г.

Поиск взаимоприемлемого решения оregonской проблемы осложнял и резкий рост экспансионистских настроений в США, на практике выражавшийся в массовых переселениях в Орегон, число американских жителей которого с 1841 по 1845 г. увеличилось более чем в 10 раз, а на политическом уровне — в широкой кампании требований всего Орегона, т. е. от испанской Калифорнии до русской Аляски. В значительной степени на лозунге «всего Орегона» была построена и предвыборная кампания кандидата в президенты от демократов Дж. Полка, в 1845 г. позволившая ему занять Белый дом.

Невзирая на публичную риторику, официальная американская дипломатия не выдвигала требований всего Орегона, по-прежнему настаивая на 49-й параллели. Во многом это было связано с тем, что после аннексии у Мексики Техаса в декабре 1845 г. взгляды американцев устремились на испанскую Калифорнию, которая выигрывала у Орегона и как объект для переселения, и как «ключ к Тихому океану». В итоге англичане согласились с американскими требованиями, выдвинув в качестве встречных условий сохранение за собой острова Ванкувер и свободу навигации по реке Колумбия. Летом 1846 г. на этих условиях Орегонское соглашение было подписано.

Идеи экспансии

Представление об исключительности американской нации, восходившее корнями еще к идеям протестантской избранности американских «отцов-пилигримов» и укрепившееся в годы Войны за независимость благодаря осознанию особого, отличного от монархической Европы характера американских политических институтов, стало благоприятной почвой для развития различных теорий об особых правах и особом предназначении США, важное место в ряду которых занимала идея экспансии. Материальную основу для подобных идей составило чрезвычайно быстрое развитие США в первой половине XIX в. — экономическое в связи с начавшимся промышленным переворотом, демографическое в связи с все нараставшей иммиграцией и т. д. Американцы жили с постоянным ощущением роста, естественным продолжением которого им казалась территориальная экспансия.

Идеи экспансии нашли выражение в многочисленных теориях, по мере реального роста мощи США становившихся все более агрессивными и все менее нуждавшимися в рациональном обосновании. Пока американцы не обладали достаточными силами для того, чтобы поглотить окружающие их огромные пространства, они пытались зарезервировать их для себя на будущее, пользуясь идеями «неколонизации» и «неперехода», т. е. выступая против создания новых европейских колоний, а также против перехода уже существующих от одной европейской страны к другой.

По мере укрепления мощи США появлялись все новые теории оправдания американской экспансии. Это и хорошо знакомая в Европе теория «естественных границ», когда «естественной» последовательно объявлялась граница сначала по Миссисипи, затем по Скалистым горам и, наконец, по Тихому океану. Это и попытка перенести в политику физический закон земного тяготения — так Дж. Адамс обосновывал неизбежность присоединения Кубы к США в случае освобождения ее от испанского владычества, поскольку «яблоко, оторванное бурей от родного дерева, не имеет выбора, оно может упасть только на землю». Однако самое большое распространение и развитие в будущем получила идея так называемого «явного предназначения», или «предопределения судьбы».

Широкое распространение это выражение и связанный с ним комплекс идей получил в 1845 г. в связи с публикацией статьи американского журналиста, редактора газеты «Демократик ревью» Дж. О'Салливана, в которой он заявил о «праве нашего явного предназначения владеть всем континентом, который Провидение нам вручило для развития великого эксперимента свободы». Отныне присо-

единение к США любых приграничных территорий объявлялось выполнением особой американской миссии, закономерным и неизбежным. Позже этот тезис стал трактоваться и более широко — как предназначение исполнять свою миссию свободы во всем мире.

Наконец, более предметную политическую трактовку программа экспансии получила в так называемой «доктрине Полка», наиболее полно изложенной в первом послании к Конгрессу нового президента США 2 декабря 1845 г. Прямо ссылаясь на доктрину Монро и подтвердив, что США не допустят захвата какой-либо части Америки европейскими державами, Полк заявил о том, что присоединение к США любой высказавшей такое желание американской территории или государства касается только этих заинтересованных сторон, и ничего больше. С одной стороны, США заявляли о своем праве вершить судьбы обеих Америк, с другой — речь шла о конкретной программе экспансии, наиболее важными пунктами в которой наряду с Орегонем были Техас и Калифорния.

Присоединение Техаса и Калифорнии

В числе проблем, стоявших перед Мексикой после получения ею в 1821 г. независимости от Испании, была крайне малая численность неиндейского населения, в том числе в плодородной провинции Техас. Мексиканские власти первоначально поощряли переселение из Европы и США при условии принятия переселенцами мексиканского подданства и католичества, однако скоро стали заложниками собственной политики, поскольку уже к 1835 г. американцев проживало в Техасе в 10 раз больше, чем мексиканцев. В это же время стремление к продвижению на юг со стороны южных штатов США получило дополнительный импульс после заключения Миссурийского компромисса 1820 г. Центральные власти США также неоднократно зондировали сменявшие друг друга мексиканские правительства относительно возможности покупки или уступки иным образом принадлежавших Мексике Техаса, части Калифорнии и других территорий.

Сепаратизм американских поселенцев в Техасе, по преимуществу выходцев из рабовладельческих районов США, еще более усилился после отмены рабства в Мексике в 1829 г. В 1836 г. американские поселенцы в Техасе провозгласили создание Техасской республики, которую признали Англия и Франция, поскольку надеялись, что существование независимого государства ограничит экспансию США на юг. Однако техасцы обратились к США с просьбой о вступлении в Союз. Зимой 1845 г. Конгресс одобрил аннексию Техаса.

В ответ Мексика немедленно разорвала дипломатические отношения с США и попыталась спасти ситуацию с помощью отчаянного дипломатического хода: никогда до этого момента не признававшая независимости «республики Техас», она была готова ее признать в обмен на невхождение Техаса в состав США и при гарантии Англии и Франции. Однако дипломатическим нотам американцы предпочли силу оружия, приступив к частичной оккупации Техаса и в конечном итоге спровоцировав войну.

Мексиканская война 1846—1848 гг. завершилась подписанием в феврале 1848 г. *мира в Гваделупе-Идальго*. Это был мир-диктат, подобный мирам Наполеона, в результате которого за формальные 15 млн долларов компенсации Мексика потеряла около половины

своей территории, и в частности Техас, Калифорнию, Новую Мексику, Юту и Неваду. В результате американо-мексиканская граница приобрела практически современные очертания по реке Рио-Гранде. Окончательную же границу с Мексикой установила так называемая «покупка Гадсдена». После открытия в 1848 г. золота в Калифорнии возникла экстренная необходимость в проведении туда железной дороги, самый удобный маршрут пролегания которой проходил южнее зафиксированной в договоре 1848 г. реки Гила. В 1853 г. американский посол в Мексике Д. Гадсен приобрел 45 тыс. квадратных миль мексиканской территории в районе Гилы за 10 млн долларов.

Завоевательная мексиканская война подвела своеобразный промежуточный итог колоссальному росту США за первую половину XIX в., когда территория страны увеличилась более чем в три раза. По своим размерам и численности населения США уже могли вполне претендовать на наименование великой державы, если бы не их слабый вес в мировых делах и не ограниченные цели их внешней политики. Однако и здесь ситуация постепенно начала меняться: встав на берегах Тихого океана и Мексиканского залива, США уже в середине века начинают выходить за привычные рамки сугубо континентальной политики.

Политика США в Карибском бассейне и на Тихом океане

Еще в 1823 г. Монро писал, что «Куба — это лишь устье Миссисипи». Стратегически важное расположение этого испанского острова в бассейне Карибского моря и природно-климатические условия, делавшие чрезвычайно выгодным выращивание таких культур, как табак и сахарный тростник, — все это делало приобретение Кубы необычайно привлекательным как в глазах федеральных властей, так и рабовладельцев Юга США. Верные своей тактике американцы в 1848 г. предложили Испании продать Кубу за 100 млн долларов, однако министр иностранных дел Испании ответил, что в Мадриде скорее «предпочтут увидеть остров погружившимся на дно океана, чем переданным какой-либо державе».

В 1850—1851 гг. отряды американских авантюристов высаживались на Кубе с целью поднять восстание против Испании и обратиться к США с просьбой о включении Кубы в свой состав. Эти попытки потерпели неудачу, однако в 1852 г. Испания, обеспокоенная все более пристальным вниманием США к Кубе, побудила Англию и Францию обратиться к США с инициативой заключения соглашений об отсутствии у этих держав намерения захватить Кубу. Американский государственный секретарь Э. Эверет не принял эту инициативу, но вместе с тем заявил, что его правительство не имеет намерений аннексировать Кубу. Однако уже спустя два года Л. Марси, государственный секретарь в администрации нового президента Ф. Пирса, дал указание американским представителям в Англии, во Франции и в Испании разработать секретный план присоединения Кубы. Собравшись на бельгийском курорте Остенде, они выдвинули так называемый «остендский манифест», в котором советовали предложить Испании за Кубу более высокую цену в 130 млн долларов, а в случае ее отказа прибегнуть к силе — и все это под знаком идеи «явного предназначения», ведь «Куба естественным образом принадлежит к великой семье штатов, который Союз опекает от лица Провидения».

В данном случае очередная попытка экспансии «от лица Провидения» не удалась по причинам как внешнего, так и внутреннего характера. «Остендский манифест» стал достоянием гласности и привел к тому, что Англия и Франция выступили в поддержку Испании, а в самих США против немедленного присоединения Кубы высказались представители северных штатов, опасавшихся, что это нарушит и без того хрупкий баланс между рабовладельческим Югом и свободным Севером.

Превратившись в первой четверти XIX в. в тихоокеанскую державу, США стали постепенно укреплять свои позиции в этом регионе мира. Наряду с Китаем и Японией еще одной сферой активности США на Тихом океане стали Гавайские острова — чрезвычайно важные в экономическом и стратегическом отношении. Несмотря на удаленность в 3500 км от американских берегов, президент Дж. Тейлор (1841—1845) фактически распространил на острова действие доктрины Монро. Согласно так называемой «доктрине Тейлора», впоследствии многократно примененной в бассейне Тихого океана, американские интересы на Гавайях сильнее, чем интересы европейских государств, поэтому США должны защищать независимость островов. Уже в 1849 г. американцы навязали гавайцам неравноправный договор, а в 1854 г. и вовсе попытались приобрести их, но, как и в случае с Кубой, были вынуждены отступить от своих планов из-за противодействия Англии и Франции, а также в связи с надвигавшейся Гражданской войной.

Политика США в Центральной Америке

Усиление активности США в бассейнах Карибского моря и Тихого океана требовало решения важного вопроса о морской связи между Атлантическим и Тихоокеанскими побережьями США, диктовавшейся как экономическими, так и стратегическими причинами, — любой морской груз или военный корабль должен был совершать длительный кружной путь вокруг Южной Америки с тем, чтобы попасть с одного побережья на другое. К этому подталкивала и «золотая лихорадка», резко увеличившая поток людей и грузов на запад страны — в Калифорнию.

Однако в зоне Панамского перешейка США столкнулись с сильным противником. Англия имела в этом регионе давние и прочные позиции: Багамские острова, Ямайку и другие островные владения, а также протекторат Белиз (Английский Гондурас) и Москитовый берег (восточное побережье Гондураса и Никарагуа). Англичане ни в коем случае не желали допустить контроля со стороны США над столь важным с точки зрения их морской стратегии объектом, как канал, соединяющий два океана.

Первым шагом американцев было подписание в 1846 г. с Новой Гранадой (Колумбией) договора о мире, дружбе, навигации и торговле (также называется *договором Бидлака—Маларино* по именам американского дипломата и колумбийского министра иностранных дел), по которому США получили право свободного транзита через Панамский перешеек. Основываясь на этом договоре, американцы уже к 1855 г. построили железную дорогу, связавшую карибский порт Колон с тихоокеанским портом Панама.

Железная дорога не отменяла необходимости судоходного канала. Обострившаяся борьба между Англией и США вокруг различных пла-

нов его строительства закончилась компромиссом — подписанием в 1850 г. в Вашингтоне *договора Клейтона—Бульвера* (государственный секретарь США Дж. Клейтон и английский министр иностранных дел Г. Бульвер-Литтон). Он предусматривал взаимный отказ от занятия либо колонизации любых частей Центральной Америки и обязательство не добиваться исключительных прав на будущий канал. Учитывая полное преобладание Англии в зоне Карибского бассейна, американцы пока не могли требовать большего, однако договор Клейтона—Бульвера создавал благоприятные возможности для усиления проникновения в Центральную Америку.

Однако драматичные события Гражданской войны 1861—1865 гг. одновременно означали и важную цезуру в американской внешней политике, перенеся развитие этих тенденций на последние десятилетия XIX в.

Гражданская война в США и Европа

Гражданская война 1861—1865 гг. между заявившим о своем выходе из Союза рабовладельческим Югом и свободным Севером по своему возникновению, ходу и последствиям коренилась во внутриамериканских обстоятельствах и имела сравнительно мало резонанса на международной арене. Этот резонанс мог быть куда большим, если бы президент А. Линкольн прислушался к мнению своего государственного секретаря Сьюарда, который сделал ему единственное в своем роде предложение — начать войну против какого-нибудь европейского государства, неважно какого, чтобы отвлечь от внутреннего кризиса и сплотить нацию.

Фактически в дальнейшем международный аспект Гражданской войны сводился к проблеме европейского вмешательства, которое могло иметь три варианта — признание мятежного Юга воюющей стороной; признание созданной южными штатами Конфедерации в качестве самостоятельного государства; реальная поддержка Юга европейскими странами.

Признанию Юга воюющей стороной отчасти способствовала политика самих северян. В апреле 1862 г. Линкольн объявил блокаду всего побережья южных штатов. Блокада же, согласно действовавшим тогда международно-правовым нормам, могла объявляться только в случае настоящей войны — соответственно, южане могли претендовать на статус воюющей стороны, а не просто мятежных регионов. Действительно, английское правительство немедленно после получения известия об установлении блокады признало южан воюющей стороной, и вслед за Англией, к возмущению Вашингтона, это сделали и остальные европейские государства.

С признанием в качестве самостоятельного государства и тем более с военной поддержкой дело обстояло значительно сложнее, хотя южане предпринимали неоднократные попытки такого рода, а в декабре 1864 г. даже предложили отменить у себя рабство в обмен на признание Англией и Францией. Со своей стороны правительство северян обратилось к европейским великим державам с предостережениями против подобного шага. В итоге государственную самостоятельность южной Конфедерации так и не признало ни одно государство.

В своих надеждах на поддержку европейских государств южане исходили в первую очередь из потребностей Франции и особенно

Англии в хлопке, поскольку именно на сырье из южных штатов США в первую очередь работала английская и французская текстильная промышленность; с американским хлопком были так или иначе связаны доходы пятой части населения Англии. Однако эти расчеты не оправдались, в том числе из-за исторической случайности. Обычно запаса хлопка на европейском континенте хватало на год, однако благодаря рекордным урожаям 1858—1860 гг. запасов американского хлопка на европейских складах должно было хватить на два с половиной года. С конца же 1862 г. на рынок вышли новые поставщики из Египта и Индии.

С политической точки зрения симпатии большинства англичан, премьер-министра Пальмерстона и министра иностранных дел Рассела принадлежали Югу. Они рассматривали Гражданскую войну как последнюю возможность ослабить экспансию США, а в случае становления государственности Юга надеялись на то, что в Северной Америке возникнет некоторое подобие европейской системы равновесия и окончательно будет обеспечена безопасность Канады. Однако симпатий к «делу Юга» было недостаточно для того, чтобы пойти на риск большой войны, тем более что победы северян скоро поставили все точки над i.

«Дело Трента» и «дело Алабамы»

Немногие серьезные противоречия между США и Англией периода Гражданской войны были связаны с инцидентами на морях. Речь идет о «деле Трента» и «деле Алабамы». Осенью 1861 г. американский корабль задержал английский почтовый пароход «Трент»; находившиеся на его борту два посла Конфедерации, направлявшиеся в Европу с целью установления дипломатических отношений с Англией и Францией, были задержаны. Применив насилие к судну нейтральной страны, американцы, по сути, воспроизвели английский образ действий на морях, против которого они некогда так протестовали и даже начали войну 1812—1814 гг.

Запахло порохом и в этот раз, поскольку почти весь английский кабинет выступил за разрыв отношений с Вашингтоном; от северян ультимативно потребовали отпустить послов и извиниться; в Канаду был направлен дополнительный воинский контингент. Поскольку стало очевидно, что идти на дальнейшее обострение отношений с европейскими странами означало создавать южанам союзников, и, кроме того, поскольку нарушение морского права было очевидным, посланцы Юга были отпущены. В 1862 г. они прибыли в Европу, однако добиться своих целей им так и не удалось.

Английский капер «Алабама» участвовал в войне на стороне южан и нанес северянам довольно ощутимый урон. Протесты северян во время войны имели продолжение после ее окончания. Американцы решили воспользоваться этим эпизодом, чтобы в последний раз попытаться наложить руку на Канаду: они выдвинули требование ни с чем не соразмерной компенсации за ущерб от 4 до 8 млрд долларов, но соглашались удовлетвориться передачей Канады. В итоге Международный суд в 1872 г. обязал Англию выплатить компенсацию за нанесенный ущерб в размере 15,5 млн долларов.

§ 3. Латинская Америка в системе международных отношений с начала по 60-е гг. XIX в.

К концу XVIII в. на территории Латинской Америки, включавшей в себя, помимо Южной Америки и островов Карибского бассейна, огромную территорию юго-западнее Миссисипи, не существовало ни одного независимого государства. Львиная доля этих земель принадлежала Испании: вице-королевство Новая Испания на североамериканском субконтиненте вплоть до Панамского перешейка; вице-королевство Новая Гранада на северо-западе Южной Америки вплоть до границы с Бразилией; вице-королевство Перу вдоль Тихоокеанского побережья Южной Америки; вице-королевство Ла-Плата от Перу до границы с Бразилией; владения в бассейне Карибского моря — полуостров Флорида, острова Куба, Пуэрто-Рико и восточная часть Гаити. Португалия владела огромным вице-королевством Бразилия. Остальные европейские государства существенно уступали в размерах своих колоний: Англия владела упоминавшимися выше протекторатами в Центральной Америке — Белизом и Москитовым берегом, рядом островов в Карибском море, а также отобранной в 1796 г. у Нидерландов частью Гвианы; в Гвиане с ней соседствовали голландская и французская колонии; во владении французов находилась также западная часть Гаити и острова Гваделупа и Мартиника, во владении Нидерландов — острова Кюрасао и Бонайре. Некоторые из Малых Антильских островов принадлежали также Дании и Швеции.

Первое независимое государство в Латинской Америке — Гаити — возникло в 1804 г. как результат шедшего еще с 1791 г. восстания черных рабов, однако в целом создание мира латиноамериканских государств связано с событиями Войны за независимость 1810—1826 гг.

Война за независимость 1810—1826 гг. и появление новых государств

Наряду с внутренними Война за независимость была вызвана и внешними причинами. Каждая из войн конца XVIII в., в которые Испания вмешивалась главным образом в надежде защитить свои колонии (в 1779 г. — с Англией, в 1792 г. — с Францией, в 1797 г. — с Англией), в реальности только ослабляли связи Мадрида с его колониальными владениями, разрушительным образом влияя на главную из них — торговлю. Экспорт в Испанию, бывшую практически монополистом в торговле со своими колониями, в годы любой войны сокращался в 7—8 раз, что подрывало основы благосостояния местных элит и заставляло их требовать свободы торговли с другими государствами.

Несомненным влиянием на начало борьбы за независимость обладали и другие внешние факторы — обретение независимости США, Французская революция и особенно события Наполеоновской эпохи — смещение Бурбонов, передача Испании Жозефу Бонапарту, реакция, развязанная вернувшимися на испанский трон Бурбонами.

В 1810 г. во всех испанских колониях в Латинской Америке вспыхнули восстания, в результате которых после продолжительной войны с испанскими войсками на месте прежних вице-королевств возникли новые независимые государства.

Новые государства возникли на основе административных границ еще колониальных времен, отделявших друг от друга вице-королевства и генерал-капитанства внутри их. Так, на территории бывшего вице-королевства Новая Испания возникла Мексика (1821 г.) и Соединенные провинции Центральной Америки (1823 г.), в 1838—1841 гг. распавшиеся на Гватемалу, Гондурас, Никарагуа, Сан-Сальвадор и Коста-Рику.

Место бывшего вице-королевства Новая Гранада в 1819—1830 гг. занимала созданная «освободителем» Латинской Америки С. Боливаром Великая Колумбия (с 1830 г. — Колумбия, Венесуэла, Северное Перу и Эквадор). На территории бывшего вице-королевства Перу существовали Чили (1818 г.), Перу (1821 г.) и Боливия (1825 г.). Наконец, на смену бывшему вице-королевству Ла-Плата пришли Парагвай (1811 г.), Объединенные провинции Ла-Платы (1816 г.; с 1826 г. — Аргентина) и Восточный берег (Уругвай — 1828 г.).

Путь к независимости португальской колонии Бразилии был несколько иным. Спасаясь от вторжения Наполеона в Португалию в 1807 г., королевская семья бежала в Бразилию. После падения Наполеона и возвращения в Португалию короля Жуана VI Бразилия управлялась его сыном Педру, который в 1822 г. провозгласил независимость и объявил себя императором.

В результате Войны за независимость практически вся территория Латинской Америки превратилась в самое большое на земном шаре собрание независимых республик, политическое будущее которых было еще не определено. В этой ситуации значительное распространение (в том числе и под воздействием примера США) получили планы создания конфедерации освободившихся колоний Испанской Америки. С. Боливар еще в знаменитом «Письме с Ямайки» (1815 г.) высказывался за подобное объединение, тем более что, подобно США, его потенциальных членов связывали один язык, религия и традиции.

Летом 1826 г. в Панаме состоялся объединительный конгресс. В его работе приняли участие Мексика, Соединенные провинции Центральной Америки, Колумбия, Перу и Боливия. Аргентина, Чили, Парагвай и Восточный берег не прислали своих делегатов. Планировалось также участие в конгрессе представителей США, но те прибыли уже после его закрытия, так что из нелатиноамериканских государств на конгрессе была представлена лишь Англия.

Результатом работы конгресса стал договор «О постоянном союзе, лиге и конфедерации». Целью предполагавшейся конфедерации объявлялась защита от посягательств на независимость со стороны иностранных государств и укрепление связей между народами Латинской Америки. Каждый из участников конфедерации должен был выделить определенный контингент для создания совместных вооруженных сил, ставился даже вопрос об общем гражданстве и т. д. Однако все эти решения остались только на бумаге, поскольку с исчезновением реальной угрозы реставрации колониальных порядков ни одно из государств не

желало расстаться с только что обретенной самостоятельностью. Разочарованный в своих объединительных планах, Боливар заявил: «Америка неуправляема. Те, кто служат революции, пашут море».

Территориальные конфликты

Причина «неуправляемости» Латинской Америки в конечном счете крылась в том, что местные связи и традиции, а также местные элиты заявили о себе как о силе более весомой, чем мечты о конфедерации. Ситуация осложнялась еще и рано проявившимся феноменом так называемого каудильизма, т. е. выдвиганием на первый план политической жизни вождя (каудильо), пользовавшегося неограниченной властью на разных уровнях — от местного до государственного. Именно каудильо часто становились источником центробежных тенденций в государствах Латинской Америки, а также одной из причин хронической политической нестабильности, в частности рекордного количества путчей и государственных переворотов.

Отказавшись от идеи объединения и сосредоточившись на строительстве собственных государств, страны Латинской Америки немедленно столкнулись с весьма острой проблемой границ, долженствующих отделить их друг от друга. Свои новые границы государства Испанской Америки не в последнюю очередь искали в войнах — как между собой, так и с соседней Бразилией.

Наиболее крупной стала война между Бразилией и Объединенными провинциями Ла-Платы 1825—1828 гг. за обладание спорной областью Восточный берег. В конфликт вмешалась Англия, под влиянием которой на спорной территории возникло государство Уругвай. В целом на стадии становления новых государств и определения их границ Латинская Америка превратилась в арену сразу нескольких войн, как правило краткосрочных: перуано-колумбийская война 1828—1829 гг., аргентино-бразильская война 1825—1828 гг., перуано-боливийско-чилийская война 1836—1839 гг. и др.

Международное признание

Несмотря на конституционный строй, установившийся в большинстве латиноамериканских государств, международное признание пришло к новым государствам достаточно быстро. С одной стороны, это было связано с тем, что в роли теряющей стороны выступали статисты европейской политической сцены — Испания и Португалия, в то время как в выигрыше оказывались Англия, США, а в перспективе — и другие страны, желавшие получить более свободный доступ к товарам и ресурсам Латинской Америки. С другой стороны, монархи Священного союза были слишком заняты европейскими революционными движениями и, кроме того, просто не имели достаточных ресурсов для интервенции в Южную Америку.

Первыми признали латиноамериканские государства самые заинтересованные стороны — США и Англия. Представитель Боливара был принят в Вашингтоне уже в 1819 г. В 1822 г. США признали Мексику, Великую Колумбию, Чили, Объединенные провинции Ла-Платы, Перу и год спустя направили туда своих дипломатических представителей. В их инструкциях ставилась задача борьбы с европейским влиянием и способствование американской торговле на основе наибольшего благоприятствования. Из европейских держав

первой — в 1825—1826 гг. — новые государства признала Англия. Показательно, что признание заокеанских республик вызвало неприятие монархов — как английского (он не явился на соответствующее заседание парламента, сославшись на подагру), так и иностранных — все четыре великие державы заявили протест. Сам же Кanning, будучи автором признания, в знаменитой речи в палате общин парламента в декабре 1826 г. обосновал этот шаг интересами равновесия, нарушенного политикой Священного союза в Европе, в частности французской интервенцией в Испанию в 1823 г.: «Я вызвал к жизни Новый Свет, чтобы восстановить равновесие в Старом».

Одним из пионеров европейского дипломатического признания государств Латинской Америки стал Ватикан. Обеспокоенный увеличением количества протестантских миссий, папа уже в 1827 г. назначил первых епископов в новые страны. За Ватиканом последовала Франция, немедленно после Июльской революции 1830 г. начавшая признавать новые государства. Вслед за Англией, Папским государством и Францией постепенно последовало признание со стороны прочих европейских стран.

Дипломатия бывших метрополий повела себя по отношению к новым государствам по-разному. Если Португалия признала экономически тесно связанную с ней Бразилию уже в 1825 г., то признание независимости бывших колоний Испанией затянулось на 60 лет: в 1834 г. была признана Бразилия, в 1836-м — Мексика, затем, в 40—50-е гг., — большая часть прочих латиноамериканских государств, за исключением Уругвая (1870), Парагвая (1880) и Гондураса (1896).

Пассивная внешняя политика

Несмотря на обретение латиноамериканскими странами всей полноты государственного суверенитета, их реальный политический вес в международных отношениях в течение всего XIX в. был крайне незначительным. В первую очередь это было связано с тем, что экономические и политические составляющие государственной мощи далеко отставали от показателей европейских государств и США. Промышленный переворот начался здесь с большим запозданием. Кроме того, внешнеполитический потенциал латиноамериканских государств ослаблялся хронической политической нестабильностью (перевороты, многочисленные восстания крестьян, индейские волнения). Вдобавок ко всему правящие элиты в новых государствах часто не обладали достаточной политической волей для проведения самостоятельного внешнеполитического курса. Преследуя своекорыстные интересы, в том числе связанные с получением доходов от экспортной торговли, они шли на сотрудничество с иностранными государствами, иногда и в ущерб интересам собственной страны. Наконец, внутривнутриполитическая слабость дополнялась и практически полным отсутствием кооперации между отдельными латиноамериканскими государствами. Вместо того чтобы укреплять свои позиции за счет обоюдной помощи, создания устойчивых региональных связей, союзов и т. д., новые государства Южной и Центральной Америки истощали свои силы во множестве конфликтов из-за границ и природных ресурсов.

В результате положение латиноамериканских государств в системе международных отношений отличалось большим своеобразием: международные связи с крупными иностранными государствами бы-

ли развиты существенно лучше, чем с ближайшими соседями; сами же эти связи носили пассивный характер с выраженным преобладанием не столько политических, сколько торгово-экономических интересов. Неспособность реализовать полученный государственный суверенитет в самостоятельных действиях на международной арене и в целом подчиненное положение латиноамериканских государств в существовавшей системе международных отношений ярче всего проявили себя во взаимоотношениях с европейскими державами и США.

Отношения с США и Европой

Очевиднее всего второстепенное и пассивное положение латиноамериканских государств отразилось на уровне и характере дипломатических связей. Европейские державы и США были представлены в этих странах на низшем дипломатическом уровне — министров-резидентов и консулов, одновременно отправлявших политические функции, как это имело место, например, в Турции. Все это свидетельствовало о том, что иностранные державы не считали регион важным в политическом отношении, воздавая ему должное скорее как экономическому субъекту. В свою очередь, пассивная внешняя политика латиноамериканских стран имела следствием то, что право активного дипломатического представительства своих интересов как неотъемлемого признака суверенного государства реализовывалось ими далеко не в полном объеме и опять-таки не на самом высоком уровне. Даже Бразилия, крупнейшее государство региона, имела представительство лишь в двух иностранных государствах, и лишь Мексика имела представительство на уровне посла (в США).

Самым существенным проявлением зависимости стран Латинской Америки от крупных иностранных государств была хроническая задолженность, а также случаи вмешательства во внутренние дела и попытки прямого диктата извне.

Примером такого рода вмешательства может служить проблема рабства в Бразилии. Когда в 1845 г. истек англо-бразильский договор о праве английских судов останавливать и досматривать суда в бразильских территориальных водах на предмет предотвращения работорговли, английское правительство присвоило себе это право в одностороннем порядке, приняв соответствующий закон, так называемый «акт Эбердина».

Распространенным поводом для вмешательства служило нанесение ущерба (часто надуманного) подданным европейских стран и США. Так, в 1836 г. уличная драка с участием английского консула кончилась блокадой побережья Колумбии английским флотом, а «арбузная война» (вооруженная стычка в 1856 г. в Панаме, вызванная отказом американца заплатить за арбуз) и вовсе привела к почти десятилетней оккупации американскими войсками зоны панамской железной дороги.

Наиболее серьезной причиной вмешательства была невыплата займов или процентов по ним. В этом случае европейские страны использовали методы военно-политического давления, также мало считаясь с суверенитетом латиноамериканских стран. Так, в 1836 г. французский флот устроил блокаду Буэнос-Айреса, в 1838 г. французский десант оккупировал мексиканский город Веракруз, в 1845 г. совместный англо-французский флот блокировал аргентинское побе-

режье. Однако самым ярким примером подобного вмешательства стала мексиканская авантюра французского императора Наполеона III.

Французская интервенция в Мексику

Поводом для интервенции стало решение Мексики отложить выплаты по зарубежным займам, от которого пострадали в первую очередь французские, английские и испанские кредиторы. Представители трех стран осенью 1861 г. в Лондоне заключили конвенцию о направлении в Мексику экспедиционного корпуса. Момент для интервенции был выбран тем более удачно, что в США, рассматривавших Мексику как свою непосредственную сферу влияния, началась Гражданская война.

В отличие от англичан и испанцев, видевших в финансовых претензиях истинную цель интервенции, ее подлинный вдохновитель Наполеон III преследовал более обширные — и совершенно нереалистичные — замыслы. Он хотел закрепиться в Мексике с тем, чтобы сделать ее плацдармом для восстановления французской колониальной империи; одновременно он считал, что создаваемая им мексиканская империя послужит барьером для опасного расширения США; наконец, предлагая мексиканскую императорскую корону Максимилиану Габсбургу, брату правившего в Австрии императора Франца Иосифа, он делал дружеский жест в сторону монархии Габсбургов, сближение с которой после ее поражения в австро-франко-пьемонтской войне 1859 г. он полагал необходимым.

Эти планы обернулись быстро закончившейся авантюрой. После успешного вторжения на рубеже 1861—1862 гг. английские и испанские войска уже весной покинули территорию Мексики, поняв, что Наполеон не собирается придерживаться принятых в Лондоне договоренностей о невмешательстве в ее внутренние дела. Впрочем, в данном случае Пальмерстон не имел ничего против «мексиканской затеи» Наполеона III, считая ее «безопасным клапаном для выхода его пара, нужным для предотвращения взрыва в Европе».

Французским войскам лишь в 1863 г. удалось взять мексиканскую столицу, и, когда год спустя туда прибыл Максимилиан, его дело уже было почти проиграно: он не имел практически никакой внутренней опоры, кроме французских штыков, пребывание которых по договоренности было ограничено лишь тремя годами; ширилось партизанское движение; с приближением окончания Гражданской войны давление со стороны США становилось все более серьезным. В результате весной 1867 г. французские войска покинули территорию Мексики, и спустя несколько месяцев попавший в плен Максимилиан был расстрелян.

Крах мексиканской авантюры Наполеона III имел достаточно большое значение для международных отношений по обе стороны Атлантики. С одной стороны, Наполеон III политически и в военном отношении связал себе руки как раз в тот момент, когда в Европе происходили решающие события, приведшие к объединению Германии, — война с Данией германских государств 1864 г. и австро-прусская война 1866 г. В самой Франции печальный финал мексиканской экспедиции нанес сильный удар по престижу императора, для восстановления которого был необходим политический успех. Все это сыграло существенную роль в возникновении франко-германской войны 1870—1871 гг.

Глава 13. Объединение Италии и Германии

С окончанием революции 1848 г. и завершением Крымской войны начался новый период в истории международных отношений в Европе, продлившийся вплоть до Берлинского конгресса 1878 г. Новизна периода заключается в целом ряде связанных между собой обстоятельств — фактическом признании принципа национального государства, появлении новых великих держав, решительном изменении системы международных отношений. Созванный по окончании русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Берлинский конгресс стал, по сути, последним проявлением практически уже разрушенного «европейского концерта», за которым начинается эпоха раскола на враждебные блоки, а вне Европы — переход к так называемому империализму.

«Принцип национальности»

Заявив о себе еще в конце XVIII столетия, идея нации, или, выражаясь собственным языком эпохи, «принцип национальности», свои главные европейские триумфы одерживает в третьей четверти XIX века. Не будучи зафиксированным ни в каких международных документах, «принцип национальности» в международной практике, в дипломатической переписке постепенно становится таким же принимаемым всеми аргументом, каким еще недавно был легитимизм. Для международных отношений это, в частности, означало, что менялось само представление о государстве и о его границах. Раньше те или иные границы объяснялись историческим правом, географическим рельефом, реальным соотношением сил. Теперь национализм предлагает новое понимание границы — границы государств должны быть границами отдельных наций, многонациональные государства объявлялись неестественными и — меняется представление о легитимности — нелегитимными образованиями. Различные планы переустройства Европы в соответствии с «принципом национальности» выдвигаются не только представителями национального движения, как, например, план Европы 11 наций, предложенный деятелем итальянского национального движения Дж. Мадзини, но и политиками. Самым известным и значимым, хотя и не всегда последовательным, сторонником «принципа национальности» в международных отношениях был император Франции Наполеон III (1852—1870). Полнее всего его взгляды на перекройку европейской карты в соответствии с «принципом национальности» были выражены в знаменитом «птичьем полете» — проекте будущей Европы, изложенном императрицей Евгенией 21 февраля 1863 г. в беседе с австрийским послом Р. Меттернихом, сыном великого канцлера. Главным в этом плане была реставрация Польши, которая стала бы смертельным ударом «порядку 1815 г.». За утраченные польские области Россия была бы вознаграждена в азиатской Турции; Пруссия передавала бы герцогство Познань Польше, Силезию Австрии, Рейнскую область Франции и в качестве компенсации получала Саксонию и Ганновер; Австрия отказывалась бы в пользу Польши от Галиции и Кракова, в пользу Пьемонта — от Венеции и, помимо Силезии, приобретала бы сербские области на Адриатике; земли европейской Турции следовало бы поделить между Австрией, Грецией и независимым

Румынским государством; наконец, Франция, помимо земель на Рейне, реализовывала бы вековую цель французской политики — получила бы части Бельгии с Брюсселем, но только в согласии с Англией, которой бы достался Антверпен. В том же 1863 г. Наполеон III предложил конгресс для переустройства Европы и решения всех вопросов — итальянского, германского, восточного, польского, австрийского, но не встретил поддержки.

Реальная Европа была далека от этих представлений, и национализм воздействовал на различные ее регионы по-разному. В Западной Европе, где национальное государство было, по сути, уже свершившимся фактом, национализм способствовал внутренней консолидации. В Центральной он выступал как интегрирующая сила, стремившаяся превратить существовавшую здесь территориально-политическую раздробленность в крупные национальные государства. Наконец, в Восточной Европе, регионе многонациональных империй — России, Австро-Венгрии и Османской империи, — национализм, напротив, оказывал не центростремительное, а центробежное воздействие. Именно в двух последних регионах «принцип национальности» проявлялся в данный период как мощная и динамичная сила, способствовавшая изменению самой системы международных отношений.

Кризис Венской системы

Период с 1848 по 1878 г. стал временем кризиса Венской системы международных отношений. У его истоков стояли события революции 1848 г. и Крымской войны. Венская система имела монархическую легитимистскую основу и в первую очередь была направлена против повторения большой европейской войны. Недавний опыт говорил, что такая война могла корениться либо в революции, либо в стремлении одной из держав к гегемонии, либо в самом хаотичном характере прежней системы, построенной на балансе сил. Из общего стремления избежать войны вытекала идея «европейского концерта», идея относительного консенсуса, который был призван преодолеть анархический характер международных отношений.

События 1848 г. положили начало эрозии Венской системы, поскольку они разорвали казавшуюся неразрывной связь между революцией и войной. Новый «крестовый поход за свободу» не состоялся, и сам этот факт ставил под сомнение необходимость солидарности держав, лишал ее важнейшей основы. Кризис Венской системы проявился, в частности, в том, что не было реализовано ни одно из многочисленных предложений о созыве конгрессов и конференций; в том, что де-факто рухнули оба главных союза, наряду с собственными решениями Венского конгресса составлявшие международно-правовую основу системы, — не вступил в силу Четверной союз от 20 ноября 1815 г., заключенный как раз на случай революции во Франции, и, кроме того, революция лишила Священный союз двух из трех его важнейших членов — Пруссии и Австрии. Вместе с тем революция не принесла с собой полное крушение Венской системы, что было продемонстрировано в первую очередь конечным восстановлением территориально-политического статус-кво именно со ссылкой на трактаты 1815 г. Однако главное заключалось в том, что 1848 г. показал, что массы намного меньше подвержены революционному радикализму,

что с революцией можно сотрудничать. Это означало, что с антиреволюционной солидарностью исчезла надгосударственная идея, которая могла считаться «европейским интересом». Из опыта революции великие державы сделали выводы. На смену «европейскому концерту» пришла так называемая «реальная политика».

«Реальная политика»

Сам термин «реальная политика» вошел в оборот после публикации в 1853 г. книги «Принципы реальной политики», автором которой был Л. Рохау, бывший стенографист Франкфуртского национального собрания. Модное в середине XIX в. слово «реальный» несло в себе целую программу противопоставления с политикой предыдущих десятилетий. Применительно к международным отношениям «реальная политика» означала отказ от кооперации в пользу реализации исключительно своих интересов; опору на данности и факты, на трезвую оценку риска; отрицание влияния на политику неполитических ценностей — морали, идеологии, религии. Особое значение приобретала сила и мощь государства, в свете чего присутствовавшее в Венской системе некоторое принуждение к консенсусу воспринималось как помеха свободному развитию силы. На европейскую арену вступает целое поколение «реальных политиков» — австрийский канцлер Ф. Шварценберг, объединитель Италии К. Кавур, Пальмерстон и, конечно, Бисмарк. Насколько классическим воплощением школы «европейского концерта» был Меттерних, настолько же типичным «реалистом» был прусский канцлер. В 1873 г., принимая упоминавшуюся выше японскую миссию Ивакуры, Бисмарк, отбросив дипломатические двусмысленности, прочитал настоящую лекцию о «реальной политике», найдя в японцах благодарных слушателей. Он заявил, что в международных отношениях царит право сильного; что малые и слабые государства являются лишь разменной монетой в руках сильных; что международное право не более чем красивый фасад и прибежище слабых.

Сочетание «принципа национальностей» и «реальной политики» привело к тому, что на повестку дня вновь оказались поставленными те вопросы, которые творцы Венской системы обошли либо ответили на них отрицательно — итальянский, германский, польский, восточный. Способом разрешения большинства из них стало именно то, во избежание чего была во многом построена Венская система, — война великих держав между собой.

Войны и великие державы

Если события 1848 г. разрушили антиреволюционную солидарность держав, то Крымская война уничтожила существовавшее все годы после Венского конгресса своеобразное табу на применение силы в их взаимоотношениях. Начался специфический, единственный в своем роде период в истории международных отношений, когда после нескольких десятилетий полного воздержания от войны все без исключения великие державы в течение полутора десятков лет воевали друг с другом, после чего опять на несколько десятилетий в Европе воцарился мир. За Крымской войной с участием России, Англии и Франции последовала война Франции и Пьемонта против Австрии 1859 г., затем австро-пруско-итальянская война 1866 г. и, наконец, франко-германская война 1870—1871 гг. Войны между великими державами отрицали саму суть

«европейского концерта», а их политические результаты, и в первую очередь образование единых Германии и Италии, практически означали крах созданного в Вене «порядка 1815 г.».

Эти войны стали возможными благодаря решительному смещению приоритетов внешней политики великих держав к эгоистичной «реальной политике», в ущерб общеевропейским интересам. Вместе с тем великие державы по-разному относились к перспективам сохранения Венской системы. Главным сторонником ее сохранения выступала монархия Габсбургов, поскольку заложенные в основу Венской системы отрицание «принципа национальности» и легитимизм идеально сочетались с внутренней структурой Австрии, многочисленные национальности которой объединялись главным образом фигурой императора. Не случайно, что в войнах 50—60-х гг. главной пострадавшей стороной выступила именно монархия Габсбургов. Россия также относилась к одной из самых главных опор Венской системы, однако ущемление позиций России в Европе в результате Крымской войны (так называемая «Крымская система») заставило ее также требовать ревизии существующего европейского порядка. Взяв на вооружение программу объединения под своей властью германских земель, от максимы сохранения Венской системы отказывается и традиционно верная ей Пруссия. Если от безусловной поддержки созданного в Вене порядка постепенно отходили даже Россия и Пруссия, то Франция с самого начала выступала как главная ревизионистская сила, поскольку считала этот порядок направленным в первую очередь против себя. С приходом к власти Наполеона III с его идеями о перестройке Европы в духе «принципа национальностей» эта роль Франции только усилилась.

Подобное смещение позиций континентальных держав имело огромное значение в процессе эрозии Венской системы. Однако совершенно особую роль сыграло вступление Англии в новую фазу своей внешней политики.

Начало «блестящей изоляции» Англии

Англия, единственная действительно мировая держава, укрепилась после революции и Крымской войны настолько, что некоторые исследователи говорят о ее «полугегемонии». К традиционным английским геополитическим и стратегическим выгодам — островному положению и преобладанию на морях — в середине XIX в. добавилось безусловное экономическое лидерство в связи с завершением промышленного переворота. В течение нескольких десятилетий с этого момента и до окончания промышленного переворота в других странах своеобразные «ножницы» экономического развития между Англией и остальным миром были разведены максимально широко. Начавшийся в 1846 г. переход к свободной торговле имел значение не только для английской коммерции, но также символическое и психологическое: Англия отделилась от континента — пока экономически.

После революции 1848 г. и Крымской войны Англия стала отдаляться от континента и политически. В первой половине века Англия была полноценным и заинтересованным членом «европейского концерта», разделяя опасения прочих его участников относительно революции и гегемонии. Кроме того, даже не всегда будучи связанным формальными обязательствами, Лондон старался поддерживать осо-

бые отношения с той континентальной страной, которая могла быть ему полезна. С 1815 г. в такой роли выступала Австрия, служившая опорой против Франции и России; в 30-е гг. Англия в большей степени стала опираться на Францию, поскольку французский реваншизм казался все менее вероятным, а «русская угроза» — все более серьезной. После того как 1848 г. показал несостоятельность страхов перед революцией, а 1856 г. привел к долгосрочному ослаблению России, Англия больше не видела смысла в тесных связях с континентом.

Началась эпоха так называемой «блестящей изоляции», названная так маркизом Солсбери — премьер-министром Великобритании в 80—90-х гг. В то время как одной из важнейших задач любой континентальной державы было стремление избежать изоляции, Англия сознательно отказывалась от тесных контактов со странами континента, однако подобная «изоляция» была «блестящей», т. е. не сопряженной ни с какими потерями в ее международном положении. Наиболее характерной чертой «блестящей изоляции» был отказ от заключения любых долгосрочных союзов и проведение политики «свободных рук». Только Англия, с ее выгодным стратегическим положением, преобладанием на морях, экономическим и колониальным лидерством, могла себе такое позволить. Политика «блестящей изоляции» завершилась лишь на рубеже XIX и XX вв. в связи ростом экономической и военной мощи других держав.

С точки зрения кризиса Венской системы переход к политике «блестящей изоляции» имел первостепенное значение, поскольку Англия не только отдалилась от «европейского концерта», но и осознанно и целенаправленно блокировала разного рода попытки кооперации. В частности, она последовательно выступала против любой попытки созвать конгресс, посвященный общим вопросам европейской политики. Такие предложения возникали неоднократно (в 1849, 1856, 1859, 1863, 1870 г.), но всякий раз на пути подобного рода предложений вставала Англия, опасавшаяся, что в этом случае «концерт» будет обновлен, возникнет новая связь со странами континента, которая поставит под угрозу политику «блестящей изоляции».

§ 1. Объединение Италии 1859—1861 гг.

Ситуация в Италии

После окончания революции 1848 г. в Италии в целом было восстановлено старое государственно-политическое устройство: на севере Апеннинского полуострова располагались Сардинское королевство и принадлежавшее Австрии Ломбардо-Венецианское королевство; в центре — герцогства Модена, Тоскана и Парма, а также владения папы римского; весь юг занимало Королевство Обеих Сицилий. Австрия была, безусловно, преобладавшей политической силой не только потому, что ей принадлежала значительная и самая экономически развитая часть итальянских земель, но и потому, что Парма находилась фактически под ее протекторатом, в Модене и Тоскане правили побочные ветви Габсбургов, королевство Обеих Сицилий было связано с Веной военным союзом, а в Папском государстве стояли австрийские гарнизоны.

Единственной действительно независимой политической силой в Италии было королевство Сардиния (Пьемонт). Пьемонт заявил о се-

бе как о лидере итальянских государств сразу во многих отношениях — обладатель единственной национальной династии, он стал и единственным государством в Италии, которое после революции 1848 г. сохранило конституционное устройство; в 50-е гг. он стал и самой экономически развитой страной неавстрийской Италии. Решающее же преимущество Пьемонта заключалось в том, что он сумел заявить о себе и как о безусловном национальном лидере. В революцию 1848 г. именно пьемонтские войска скрестили оружие с Австрией — главным врагом итальянской независимости. Именно в Пьемонте большое развитие получил умеренный вариант итальянского национального движения, так называемого Рисорджименто («Возрождение»), лидер которого граф Камилло Кавур (1810—1861), став в 1852 г. премьер-министром Сардинского королевства, поставил цель «освобождения итальянцев от угнетающих их варваров», т. е. австрийцев.

Итальянский вопрос и Европа

Австрия, которую итальянский вопрос затрагивал как никакую другую державу, к концу 50-х гг. подошла в ситуации практически полной международной изоляции. Близорукая политика Буоля, занявшего враждебную России позицию в Крымской войне, обернулась негативными, а в долгосрочной перспективе — и трагическими последствиями. Главным из них был безоговорочный разрыв с Россией, традиционным союзником и покровителем монархии Габсбургов, объединенной с ней общей заинтересованностью в сохранении порядка 1815 г., консервативной монархической основой и неприятием национальных движений. «Крымский комплекс» во взаимоотношениях двух стран, несмотря на некоторые периоды сближения, так и останется непреодоленным вплоть до Первой мировой войны. Положение Австрии усугублялось еще и откровенными просчетами австрийского политического руководства, императора Франца Иосифа и «незадачливого Буоля». В частности, в Вене самым прискорбным образом не только недооценили остроты и важности итальянского вопроса, считая его чуть ли не изобретением Кавура, но и неверно оценивали позиции прочих держав, рассчитывая на невмешательство Франции, а также на помощь Англии и Пруссии. На пороге войны с Францией Австрия, совсем как в былые годы, возымела намерение обратиться за поддержкой к России. В Россию с личным письмом Франца Иосифа Александру II, призывавшим забыть поведение Австрии в Крымской войне, был отправлен специальный посланник, однако в ответ российский император заявил, что как человек, он мог бы забыть, но как государь — «никогда».

Пруссия, все более укреплявшая свои позиции в Германском союзе, на любую проблему международных отношений смотрела сквозь перспективу вытеснения Австрии из Германии и ее объединения под своим верховенством. В обострении итальянского вопроса в Берлине увидели прежде всего шанс ослабить Австрию. Наиболее последовательным сторонником подобного курса выступал Бисмарк, бывший тогда представителем Пруссии во франкфуртском бундестаге. В целом в случае войны в Берлине предполагали выжидать, пока Австрия ослабнет, и предложить ей помощь в обмен на уступки в германском вопросе. Однако и в этом случае правящие круги Австрии не проявили достаточной гибкости, полагая, что Пруссия окажет необ-

ходимую поддержку и без всяких жертв в германском вопросе со стороны Австрии. Вплоть до последнего момента в уже начавшейся австро-франко-пьемонтской войне Франц Иосиф надеялся, что «...Германия и этот позорный прусский выродок в последний момент придут к нам на помощь...».

Позиция Англии имела особое значение, поскольку именно она долгое время после Венского конгресса была одним из важнейших стратегических партнеров монархии Габсбургов. С другой стороны, симпатии к угнетенной и раздробленной Италии традиционно входили в набор политических представлений английских либералов. Еще в 1848 г. часть из них выступала за создание крупного итальянского государства на севере Апеннинского полуострова; начавшаяся после подавления революции реакция еще больше укрепила симпатии либералов к «итальянскому делу». Один из лидеров либеральной партии — У. Гладстон назвал реакцию в королевстве Обеих Сицилий «отрицанием Бога». Однако гораздо большее, чем идеологические, имели значение политические соображения. В связи с началом политики «блестящей изоляции» в Англии в принципе пересмотрели роль монархии Габсбургов в системе международных отношений: отныне она была нужна Лондону не как бдительный хранитель «порядка 1815 г.», а всего лишь как гарант статус-кво на востоке, сдерживавший как Россию, так и национальные движения балканских народов. С этой точки зрения итальянские владения Австрии в глазах англичан были лишь ненужной обузой, мешавшей выполнению этой задачи. В собственно итальянском вопросе Лондон выступал за создание итальянского государства, достаточно крупного, чтобы не быть марионеткой в руках Франции или Австрии и способного служить буфером между ними.

Внешнюю политику России на следующие полтора десятилетия после окончания Крымской войны, по сути, определяла лишь одна перспектива — ликвидация «крымской системы», т. е. выход из международной изоляции и упразднение унизительных статей Парижского трактата. Под этим ракурсом рассматривался и итальянский вопрос. Поскольку ключевым государством «крымской системы» виделась Франция, новое внешнеполитическое руководство России во главе с министром иностранных дел (с 1867 г. — канцлером) А. М. Горчаковым в первую очередь взяло курс на сближение с ней. После ряда дружественных жестов — визита в Петербург на коронацию Александра II сводного брата Наполеона III графа де Морни, ответного визита в Париж великого князя Константина Николаевича — в сентябре 1857 г. в Штутгарте состоялась встреча Александра II и Наполеона III. На встрече каждый говорил о своем: Александр хотел заручиться поддержкой Франции в отмене нейтрализации Черного моря, в то время как Наполеон III добивался поддержки России в итальянском вопросе. Конкретных договоренностей достигнуто не было, однако Штутгартская встреча положила начало сближению между Россией и Францией в 1857—1862 гг. Вместе с тем один из эпизодов встречи уже обозначил будущую причину конца этого сближения — как выразился Александр II, с ним «осмелились заговорить о Польше!». Пока же сближение продолжалось, и очередным этапом в нем стали предпринятые Францией попытки заключить с Россией союз на почве итальянского вопроса, направленный против Австрии.

Действуя методами личной дипломатии в обход французского Министерства иностранных дел, Наполеон III осенью 1858 г. направил в Россию двух доверенных лиц — сначала своего двоюродного брата принца Жерома Наполеона с миссией зондирования, а затем своего личного агента Ля Ронсьера ле Нури с конкретными предложениями: Россия должна была выставить на австрийской границе 150-тысячный корпус, согласиться на создание крупного государства в Северной Италии и на присоединение к Франции Савойи и Ниццы; в обмен она получала Галицию и неясные обещания поддержки в решении проблемы нейтрализации Черного моря. После долгих переговоров 3 марта 1859 г. между Россией и Францией был подписан секретный договор, по которому Россия соглашалась на расширение территории Пьемонта и на благожелательный нейтралитет во время предстоявшей войны. Несмотря на этот договор, стороны остались скорее недовольными друг другом: Россия не получила никаких конкретных заверений относительно черноморской проблемы, а Франции пришлось довольствоваться лишь устными заверениями в том, что русский корпус будет отправлен к границам Австрии. Между тем во Франции рассчитывали на то, что такой корпус мог бы сдерживать германские государства, если они попытаются прийти на помощь монархии Габсбургов, и даже надеялись на антиавстрийскую демонстрацию русского флота в Лигурийском море. Тем не менее русско-французский договор сыграл значительную роль в изоляции Австрии на самом пороге войны.

Позиция Франции в итальянском вопросе основывалась как на вековых традициях французской внешней политики, рассматривавшей Апеннинский полуостров в качестве своей законной сферы влияния, так и на потребности национального реванша за унижение 1815 г., поскольку лишение Франции по Второму Парижскому миру части Савойи (Аннеси, Шамбери) воспринималось как одно из самых кричащих выражений этого унижения и грубое нарушение «естественных границ» Франции. Однако даже еще более существенную роль, чем эти общие предпосылки, сыграла личная позиция Наполеона III, фактически единолично определявшего внешнюю политику Франции во все годы своего правления.

Внешняя политика Наполеона III

Сын младшего брата Наполеона I Луи Бонапарт, 2 декабря 1852 г., в годовщину коронации своего дяди, ставший императором Наполеоном III, был единственной в своем роде фигурой на европейской арене. Рожденный, по выражению французского историка, «чтобы озадачить Францию», он ставил в тупик и современников, и позднейших исследователей его времени прежде всего неясностью и противоречивостью своей политики. В общих чертах в его политике выделялись три главные константы: ревизия трактатов 1815 г., стремление к союзу с Англией, вражду с которой он считал главной причиной краха своего дяди, и, наконец, следование «принципу национальностей». Вместе с тем вся политика Наполеона III носила печать непоследовательности и противоречивости. Он объявил себя сторонником «принципа национальности», но не хотел доводить его до логического конца и, первоначально выступив сторонником итальянского и немецкого объединения, постепенно превратился в его противника. Лейтмотивом политики Наполеона III было требование компенсации в пользу Франции, далеко не всегда сочетавшееся с «принципом национальности». Противоречивыми были и методы, к которым прибегал на международной арене

французский император. Заявив в знаменитой речи в Бордо в 1852 г., что «империя — это мир», он стал зачинателем войн со всеми тремя великими державами, кроме Англии, — с Россией, Австрией и Пруссией. Заявляя о себе как о стороннике «европейского концерта», в частности много раз предлагая созывы европейских конгрессов, благодаря «принципу национальности» и тем же войнам он стал одним из главных его разрушителей. Кроме того, созданный Наполеоном III режим плебисцитарной монархии делал его внешней политикой зависимой от ситуации внутри страны в двух отношениях. С одной стороны, ему приходилось учитывать позиции крупных политических и социальных сил по конкретным вопросам внешней политики. В качестве классического примера можно назвать влияние католических кругов на политику Наполеона в европейских и колониальных вопросах. С другой стороны, одним из главных способов заручиться насущно необходимой режиму поддержкой широких кругов французского общества была активная внешняя политика и внешнеполитический успех как таковые. Как некогда Наполеон I в беседе с Меттернихом назвал себя «сыном удачи», так и его племянник ясно понимал постоянную потребность в успехе, отличавшую его правление от традиционных европейских монархий: «Мое положение не таково, как у императора Австрии... Допусти он двадцать промахов на дню, он все же вечером спокойно ложится спать и на следующий день он остается тем же, чем был вчера».

Все эти особенности в полной мере проявились в итальянской политике Наполеона III.

Свидание в Пломбьере

Основные цели итальянской политики Наполеона III были заявлены на встрече с премьер-министром Сардинского королевства К. Кавуром 20 июля 1858 г. в Пломбьере — одном из самых известных и даже скандальных свиданий на высшем уровне в истории Нового времени.

К этому времени Кавур, классический образец не стесняющегося в средствах «реального политика», выработал свой рецепт объединения Италии, позднее использованный Бисмарком и заключавшийся в специфическом соединении силы традиционного монархического государства с национальным движением и искусными внешнеполитическими маневрами.

К этому времени Кавур, классический образец не стесняющегося в средствах «реального политика», выработал свой рецепт объединения Италии, позднее использованный Бисмарком и заключавшийся в специфическом соединении силы традиционного монархического государства с национальным движением и искусными внешнеполитическими маневрами.

Итальянский вопрос занимал особое место в планах Наполеона III — и потому, что в юности он непосредственно участвовал в итальянском национальном движении, соприкоснувшись со знаменитыми карбонариями, и потому, что он считал себя наследником итальянской политики своего дяди. К тому же в январе 1858 г. итальянский вопрос напомнил о себе самым неприятным образом, когда Наполеон III по пути в оперу едва не стал жертвой покушения члена одной из итальянских национальных организаций Ф. Орсини. Взрыв бомбы в Париже неожиданным эхом откликнулся в Лондоне, что, в свою очередь, имело последствия и для итальянского вопроса. Пальмерстон, узнавший, что бомбы для покушения изготавливались в Англии, выступил с проектом ужесточения законов против эмигрантов, в связи с этим подвергся жесткой критике и был вынужден в феврале уйти в отставку. К власти пришли консерваторы во главе с Дерби, испытывавшие не такие горячие симпатии к итальянскому делу, как их предшественники-либералы.

Встреча в Пломбьере, небольшом курортном местечке в Вогезах, куда Наполеон III каждый год выезжал на воды, стала классическим

примером личной политики императора. В ходе этой беседы оба политика сошлись на формуле «Италия до Адриатики», т. е. о присоединении к Пьемонту Австрийских Ломбардии и Венеции. Наполеон не ставил себе целью создание единого итальянского государства. Он предложил создать конфедерацию государств под председательством папы, которая бы состояла из четырех частей: Пьемонта, к которому, помимо австрийских владений, отошли бы также герцогства Парма и Модена, а также часть Папского государства; вновь создаваемого королевства Центральной Италии, куда вошло бы герцогство Тосканское и оставшаяся часть папских владений; собственно Папское государство, которое отныне бы включало в себя лишь Рим и его окрестности; королевство Обеих Сицилий, которое должно было сохраниться в неприкосновенности. Выгода Франции от подобного переустройства заключалась, во-первых, в том, что Пьемонт передавал ей вождеденные Савойю и Ниццу, и, во-вторых, в том, что Наполеон III надеялся, что слабая итальянская конфедерация будет находиться под его контролем.

Для достижения этих целей было избрано средство, которому в истории международных отношений Нового времени найдется мало прецедентов. Французский император и сардинский премьер задумали агрессию против Австрии, причем дело следовало обставить так, чтобы наступающей стороной явилась сама монархия Габсбургов. Тут же, на месте, был изобретен способ, ставший еще одним свидетельством возможности инструментального использования процессов демократизации и национализации во внешнеполитических интересах: нужно было инспирировать обращение жителей Модены к сардинскому королю с просьбой о присоединении. Герцог Модены наверняка обратится за помощью к Австрии, та вмешается, предстанет как противник народного волеизъявления и душитель итальянской свободы и одновременно даст повод для войны, которая пройдет при сочувствии европейского общественного мнения и великих держав. В январе 1859 г. основные идеи пломбьерской встречи были зафиксированы во франко-пьемонтском договоре.

Итальянская война 1859 г.

Немедленно после Плombsьера Кавур начал последовательно и систематически провоцировать Австрию — открыл антиавстрийскую газетную кампанию, набрал корпус из австрийских дезертиров, вступил в связь с представителями венгерского, румынского и сербского национальных движений и т. д. При этом хладнокровно задуманный в пломбьерском Гранд-отеле план сработал во многом благодаря ошибкам политического руководства Австрии. Невзирая на предостережения престарелого Меттерниха, Буоль, сам некогда бывший австрийским посланником в Турине и считавший себя специалистом в итальянском вопросе, до последнего момента считал политику Кавура блефом. Накануне войны возникла возможность ее все-таки избежать в связи с предложенной Россией идеей созыва европейского конгресса. С этой инициативой согласилась Англия и даже сам Наполеон III, довольно легко менявший свои позиции в зависимости от политической конъюнктуры. Одновременно он стал оказывать давление на Кавура, требуя разоружиться; и в тот момент, когда решение о разоружении было уже принято, Австрия совершила огромную политическую ошибку, предъявив Пьемон-

ту жесткий ультиматум. В одно мгновение монархия Габсбургов превратилась в агрессора, и, когда после невыполнения ультиматума 27 апреля 1859 г. она объявила Пьемонту войну, согласно франко-пьемонтскому договору в нее вступила и Франция.

Сами боевые действия продлились очень недолго. После решающих поражений австрийцев в июне 1859 г. Наполеон III вновь показал свою непредсказуемость, предложив перемирие неожиданно не только для своего противника, но и для собственных союзников, которых он даже не считал необходимым поставить в известность. Совершая столь резкий поворот, Наполеон на деле учитывал самые разные обстоятельства. Важнейшим из них была ситуация в Германии.

Предполагая уличить Австрию в злоупотреблении помощью Германского союза в угоду своим итальянским амбициям, Пруссия добилась успеха лишь отчасти. Действительно, попытка Австрии заручиться помощью Союза на основании статьи 47 Акта о создании Германского союза (помощь члену Союза, подвергнутому нападению на территориях, в него не входящих) была легко провалена Пруссией, поскольку стараниями Буоля нападавшей стороной представляла именно Австрия. Однако в политические расчеты ворвался новый фактор — национализм. Сам факт, что против Австрии как германского государства выступила Франция, «наследственный враг», превратил войну на далеких Апеннинах практически в немецкое национальное дело, во всех странах Германского союза звучали требования поддержать Австрию. Германские государства одно за другим проводили мобилизации, и Пруссия, не желавшая дискредитировать себя в глазах немецкого общественного мнения, в июне 1859 г. также провела мобилизацию.

Помимо этой угрозы на Рейне Наполеона не устраивала и слишком большая активность Кавура, действовавшим вопреки плембьерским договоренностям готовившего плебисциты по присоединению к Пьемонту не только в Модене и Парме, но и в Тоскане. Кроме того, императору вновь приходилось действовать с оглядкой на французских католиков, обеспокоенных судьбой папы. Наконец, и в чисто военном отношении в случае дальнейшего продвижения к Австрии пришлось бы иметь дело с мощными приальпийскими крепостями, что требовало бы доставки осадных орудий и неминуемо затянуло бы войну. В результате Наполеон пошел на заключение перемирия, а затем и мира.

Виллафранкское перемирие и Цюрихский мир

11 июля на личной встрече Наполеона III и Франца Иосифа в городке *Виллафранка* были согласованы следующие пункты перемирия: создание Итальянской конфедерации под почетным председательством папы; отказ Австрии в пользу Франции от Ломбардии, за исключением крепостей Мантуи и Пескьеры для дальнейшей передачи Пьемонту; вступление императора Австрии как властителя Венеции в состав Итальянской конфедерации; возвращение изгнанных восстаниями герцогов Тосканы и Модены в их государства; требование реформ в Папском государстве.

На этой основе 10 ноября 1859 г. был подписан *Цюрихский мир*, состоявший из трех мирных договоров. Договор между Францией и Австрией в целом подтверждал условия Виллафранкского перемирия.

По договору между Францией и Сардинским королевством Наполеон III уступал полученные от Австрии права на Ломбардию и брал на себя финансирование компенсации, которую Сардиния должна была выплатить Австрии. Наконец, договор между Австрией, Францией и Сардинским королевством в целом повторял условия двух предыдущих и, кроме того, уточнял прохождение новой австро-пьемонтской границы.

Все эти соглашения являли собой лишь частичное выполнение пломбьерских договоренностей: Франция не получала Савойю и Ниццу, Пьемонт — Венецию и герцогства Центральной Италии. В знак протеста Кавур на следующий же день после Виллафранкского перемирия подал в отставку. Однако в это время новую динамику итальянскому вопросу вновь придал национальный фактор, еще раз продемонстрировавший, что время «кабинетной политики», когда два государя, склонившись над картой Италии, могли решать ее судьбу, безвозвратно прошло. В Тоскане, Парме, Модене и папской Романье ширился национальный протест, поощряемый и направляемый из Турина. Вернувшийся к власти Кавур в январе 1860 г. провел там плебисциты о присоединении к Пьемонту, результаты которых ясно говорили, что выполнить условия Цюрихского мира без применения насилия будет невозможно. Между тем с лета 1859 г. в Англии у власти вновь оказались либералы во главе с Пальмерстоном, которые выдвинули принцип невмешательства в итальянские дела и в ноябре 1860 г. первыми признали присоединение центрально-итальянских герцогств к Пьемонту. В этих условиях Наполеону III оставалось только получить свою плату за «добрые услуги», оказанные итальянскому делу, — по секретному договору с Пьемонтом (март 1860 г.) он получил Савойю и Ниццу и путем проведения плебисцита закрепил их принадлежность Франции.

Итальянский вопрос в 60—70-х гг.

После этих событий вне складывавшегося итальянского государства оставались Королевство Обеих Сицилий, Венеция и остатки папских владений, присоединить которые помогло все то же сочетание национального движения и международной политики.

Решающую роль в присоединении Королевства Обеих Сицилий сыграл знаменитый поход «тысячи» Гарибальди, начавшийся в мае 1860 г. на островной части королевства. Наполеон III, и без того разочарованный тем, что вместо конфедерации итальянских государств, задуманной как сателлит Франции, на ее границах обретало контуры довольно крупное государство, попытался помешать хотя бы присоединению Королевства Обеих Сицилий. Он задумал морскую демонстрацию в Мессинском проливе, отделяющем Сицилию от материка, чтобы помешать Гарибальди высадиться. Однако в дело вновь вмешались англичане, заявившие, что не потерпят нарушения принципа невмешательства. В октябре новое народное голосование высказалось за присоединение Королевства Обеих Сицилий к Пьемонту. 17 марта 1861 г. было провозглашено Королевство Италия.

Решение римского вопроса оказалось одним из самых сложных. С 1849 г. там стояли французские войска, и из-за постоянной оглядки на французских католиков Наполеон III не мог их просто вывести оттуда и оставить папу на произвол судьбы. Две попытки Пьемонта

воспользоваться национальным движением в лице Гарибальди, принятые в 1860 и 1862 гг., закончились неудачей. В 1864 г. была заключена *Сентябрьская конвенция*, по которой французские войска выводились, а итальянское правительство обещало не занимать Рим. Однако очередная попытка захватить Рим со стороны Гарибальди привела в ноябре 1867 г. к возвращению французских войск. Патовая ситуация, не только не согласовывавшаяся с «принципом национальности», но и просто мешавшая политическим интересам Франции, перед лицом ухудшения франко-прусских отношений стремившейся к сближению с Италией, в конце концов была разрешена в очередной войне. Воспользовавшись разгромом Франции во франко-германской войне, итальянские войска осенью 1870 г. заняли Рим, и в январе 1871 г. он был провозглашен столицей Италии. Правда, папа не признал произошедшего, объявил себя «ватиканским узником» и тем самым на целые десятилетия сохранил римский вопрос в повестке дня европейской международной политики.

К этому времени был разрешен и венецианский вопрос, и тоже благодаря совпадению интересов итальянского и немецкого национальных движений. Главным препятствием на пути и того и другого была монархия Габсбургов, и в апреле 1866 г. между Италией и Пруссией был заключен оборонительный и наступательный союз, по которому Италия обязывалась вступить в надвигающуюся австро-прусскую войну в обмен на получение Венеции. Со своей стороны австрийцы также предпринимали попытки улучшить свое положение накануне войны, и тоже за счет Венеции. В июне 1866 г. с целью заручиться благожелательным нейтралитетом со стороны Франции они заключили с ней секретный договор — передать Италии Венецию независимо от исхода войны. Никто в Вене не задавался вопросом: зачем нужен итальянский театр военных действий и не лучше ли переместить войска в Германию, чем заставлять солдат погибать заведомо проигранное дело в Италии? 20 июня Италия объявила войну монархии Габсбургов и уже через четыре дня потерпела сокрушительное поражение под Кустоццей. Однако австрийские войска, в свою очередь, были разгромлены пруссаками под Кениггрецем, в результате чего Франц Иосиф 4 июля 1866 г. отказался от Венеции в пользу Франции. Итог австро-итальянской войне 1866 г. подвел *Венский мир*, подписанный в октябре 1866 г. Италия обязалась выплатить Австрии 35 млн гульденов, но главным итогом Венского мира, безусловно, стала его статья 3, по которой Австрия признавала объединение Ломбардо-Венецианского королевства с Королевством Италия. Создание Итальянского национального государства завершилось.

Итоги объединения Италии

С точки зрения дальнейшего развития международных отношений итоги образования единого Итальянского государства были весьма значительными. Прежде всего на европейской политической сцене появился совершенно новый персонаж, который к тому же был признан шестой великой державой, хотя и уступал по мощи всем остальным. Иными словами, изменилась сама структура международных отношений: если в течение предыдущих полутора веков ведущую роль играла «пентархия», то отныне речь шла о «гексархии». Кроме того, сам факт появления Италии, немедленно начавшей поиск своего места в системе международных отно-

шений, вносил в них определенную нестабильность и изменял как региональное, так и европейское соотношение сил.

Австро-франко-пьемонтская война нанесла едва ли не больший удар по Венской системе, чем Крымская за три года до нее. Если Крымская война способствовала разрушению «европейского концерта», но никак не затрагивала правовую основу Венской системы, поскольку происходила в регионе, исключенном из венского урегулирования 1815 г., то ситуация в Италии прямо регламентировалась трактатами 1815 г. и европейским международным правом.

События 1859—1860 гг. стали свидетельством быстрого прогресса «принципа национальности» в международных отношениях. Он противопоставляется международному праву, он не нуждается, как это было в случае с Бельгией, в легитимации «европейским концертом», наконец, его именем впервые обосновывается и оправдывается война.

Едва появившись, Италия начинает достаточно активно воздействовать и на различные конкретные проблемы международных отношений: вмешивается в восточный вопрос, проявляет колониальную активность, предъявляет территориальные претензии к Австрии.

Между тем другой круг последствий войн за итальянское объединение непосредственно касался Австрии. Ее международные позиции в целом ослабли, что, в свою очередь, негативно сказалось на Венской системе, самым верным хранителем которой она являлась. С тем большей настойчивостью она цеплялась за остатки «порядка 1815 г.», а именно за свои позиции в Германии.

§ 2. *Германский вопрос в 1849—1866 гг.*

**Германский вопрос
после революции
1848 г.**

Очередной раунд борьбы за объединение Германии состоялся еще до потерь Австрии в Италии, сразу после завершения революции 1848—1849 гг. Поражение национально-го движения в революции привело к тому, что все попытки решить проблему объединения «снизу», демократическим путем, были сняты с повестки дня, уступив место открытой борьбе между монархией Габсбургов и Пруссией. Практически одновременно ими были выдвинуты два проекта объединения Германии.

Осенью 1849 г. Вена предложила так называемый план «70-миллионной империи» — проект австрийского премьер-министра Ф. Шварценберга (1848—1852). Суть плана Шварценберга заключалась во включении в Германский союз всей империи Габсбургов, в результате чего возникла бы огромная центрально-европейская империя. Благодаря своим размерам и численности населения ведущую роль в ней играла бы монархия Габсбургов. Одновременно монархия заявила и о себе как претенденте на экономическое лидерство, выдвинув идею создания гигантского центрально-европейского таможенного объединения, автором которой был австрийский министр финансов К. Л. Брук.

Сама же Пруссия предложила «план Радовица», разработанный внешнеполитическим советником прусского короля Й. М. Радовицем. Речь шла о малогерманском объединении в форме унии князей,

которая бы заключила союз с империей Габсбургов. Уже в мае 1849 г. был создан так называемый Союз трех королей, однако вошедшие туда, наряду с Пруссией, короли Саксонии и Ганновера обязались подписать конституцию создаваемой унии только в том маловероятном случае, если ее подпишут все германские государства. Менее чем через год укрепление Австрии в результате подавления восстаний в Италии и Венгрии, с одной стороны, и опасения прусской гегемонии — с другой, привели Саксонию и Ганновер в противоположный лагерь — вместе с Баварией и Вюртембергом в феврале 1850 г. они образовали Союз четырех королей, находившийся под патронатом Австрии.

За очередной австро-прусской дуэлью внимательно наблюдали прочие великие державы. Россия поддерживала «план Шварценберга», преимуществом которого было сохранение в видоизмененной форме Германского союза и тем самым «порядка 1815 г.», в то время как прусский проект означал его ревизию. Англию, вступавшую в эпоху «блестящей изоляции», напротив, не беспокоила подобная перспектива и ее скорее устраивал прусский план. Франция была против создания крупного государства на своих восточных границах, тем более без компенсации в свою пользу.

Между тем отношения между Австрией и Пруссией продолжали обостряться и в 1850 г. едва не закончились войной в связи с гессенским конфликтом. Внутренний конфликт между ландтагом и курфюрстом привел к тому, что по просьбе курфюрста в страну вошли австро-баварские войска. Поскольку курфюрст был сторонником Австрии, а его страна занимала важное положение на транзитном пути к рейнским владениям Пруссии, в Берлине также решили ввести войска. Произошли столкновения. Наименее заинтересованной в войне между двумя своими традиционными союзниками была Россия, опасавшаяся к тому же, что Австрия, как в 1849 г., могла попросить русской поддержки и тем окончательно поставить Петербург в сложное положение. В результате Россия оказала некоторое давление на Пруссию, склонив ее к уступкам.

Компромисс между Австрией и Пруссией был закреплен в «*Ольмюцкой пунктуации*». Соглашение, заключенное в ноябре 1850 г. в моравском городе Ольмюц, подразумевало обоюдную демобилизацию, окончание гессенского конфликта, участие Пруссии в урегулировании конфликта вокруг Гольштейна, а также определение будущего Германского союза на специальных конференциях. «Ольмюцкое унижение» означало для Пруссии крах «плана Радовица». Неудачей закончилась и попытка Шварценберга провести свой план «70-миллионной империи» на посвященных реформе Германского союза *Дрезденских конференциях* (январь — май 1851 г.). Решениями Дрезденской конференции Германский союз возвращался к заложенным в 1815 г. основам. Несмотря на неудачу «плана Шварценберга», в политическом выигрыше оказалась Австрия, поскольку существовавший в Германии до революции статус-кво был в ее пользу. Тем более что на следующий день после окончания конференции был заключен секретный наступательный и оборонительный союз между Австрией и Пруссией с антиреволюционной направленностью. Действовавший до 1857 г., этот союз стал существенной опорой монархии Габсбургов в ее политике по отношению к Италии и Венгрии.

Уйдя на время с авансцены политической жизни, австро-прусская дуэль продолжилась средствами торговой и таможенной политики. Борьба особенно обострилась в связи с истечением в 1853 г. последнего продления Таможенного союза. Если бы договоры Пруссии с членами Таможенного союза не были возобновлены, возникла бы угроза беспрепятственным экономическим связям между восточными и рейнскими частями Прусского государства и, кроме того, Берлин терял бы существенный рычаг в борьбе за лидерство в Германии. Со своей стороны в Вене добивались именно этого. Однако в 1851 г., на пороге перезаключения таможенных договоров, Пруссии удалось добиться огромного успеха — к Таможенному союзу присоединился Ганновер. Это означало, что Пруссия получала доступ к Северному морю, контроль над судоходством и торговлей всей Германии, выход к зарубежным рынкам, перспективы строительства океанского флота. Австрийский посол доносил в связи с этим из Берлина: «Роман окончился, началась история».

Самым наглядным образом соотношение веса Австрии и Пруссии в экономической сфере продемонстрировали две таможенные конференции, созванные с разницей в несколько месяцев в 1852 г., — Венская и Берлинская. Первая закончилась полной неудачей из-за бойкота Пруссии, на второй было фактически принято решение о продлении Таможенного союза. Вместо того чтобы возглавить гигантское таможенное объединение от Италии до Северного моря, как о том мечтали в Вене, Австрия вновь оказалась вне объединявшего почти все германские государства Таможенного союза, будучи связанной с ним лишь специальным договором. Потерпев поражение в политике, Пруссия все больше выигрывала в экономике.

События 1849—1851 гг. лишний раз свидетельствовали о том, что австро-прусское противостояние является главным препятствием на пути объединения Германии. В 50-е гг., во время затишья на политической арене Германии, главные импульсы, способные изменить сложившееся соотношение сил, приходили извне.

Крымская война представляла собой вызов не только Австрии, но и Пруссии и миру германских государств в целом, поскольку от выбора их позиции существенно зависело дальнейшее развитие ситуации в Германии и Европе. Австрия сделала свой выбор, попытавшись перейти от традиционного сотрудничества трех «восточных» дворов к либеральной группировке Англии и Франции и при этом надеясь на поддержку Пруссии и Союза. В 1854 г. был продлен австро-прусская союз 1851 г., при этом из секретного став гласным и обязательным к вступлению для прочих членов союза. Эта мера была воспринята в Вене и Европе как свидетельство того, что Вене удалось увлечь Пруссию за собой; антирусскую позицию занимала и значительная часть общественного мнения германских государств. На деле в Пруссии использовали Крымскую (а затем и Итальянскую) войну как возможность лишний раз продемонстрировать Германии «ненемецкий характер» империи Габсбургов, грозившей втянуть немцев в чуждую для их интересов войну на Востоке. Зимой 1855 г. Пруссия отмечала первый политический успех: несмотря на предложение Австрии

мобилизовать половину вооруженных сил Германского союза, большинство германских государств пошли за Пруссией и сохранили нейтралитет. Как отмечалось, подобную же политику Пруссия проводила и во время Итальянской войны. Несмотря на то что Пруссия, отказавшись поддержать «братское германское государство», довольно сильно упала в глазах немецкого общественного мнения, выигрыш был намного больше потерь. Оказавшись «между всех стульев», Австрия попала в международную изоляцию, а ослабление России и усиление Франции создавали новую внешнюю среду для очередной фазы австро-пруссского дуализма. Человеком, который сумел воспользоваться этими переменами, стал новый прусский премьер-министр — Отто фон Бисмарк.

Бисмарк

В Пруссии разгорался конституционный конфликт между королем и ландтагом, отказывавшимся вотировать предложенные королем военные расходы. К осени 1862 г. этот конфликт достиг такой степени остроты, что Вильгельм I (1861—1888) подумывал об отречении, однако дал себя убедить в том, что внутреннюю ситуацию в стране может выправить человек с «сильной рукой». Этим человеком и стал Бисмарк.

Отто фон Бисмарк (1815—1898) происходил из старинной юнкерской семьи, восходившей корнями еще к рыцарским орденам. Предыдущая политическая карьера прекрасно подготовила его к руководству прусской внешней политикой: восемь лет пребывания на посту прусского представителя во Франкфуртском бундестаге позволили ему погрузиться во все тонкости германской политики, а последующая деятельность в качестве прусского посланника в Петербурге и в Париже сделала его знатоком европейской.

Необычными были как личные качества, так и политические пристрастия Бисмарка. Это был человек с неукротимым нравом, часто грубый, жестокий, легко прибегавший к насилию (к дуэли — в частной жизни, к войне — в политической). Скованные поистине железной волей, эмоции и страсти иногда выходили наружу. Так, не свободной от личного отношения была политика Бисмарка по отношению к презираемым им полякам, а также к отдельным государственным деятелям, в частности к двум «тщеславным» канцлерам — австрийскому Ф. Бойсту и русскому Горчакову. Еще чаще он просто использовал свою репутацию «бешеного Бисмарка», грубоватого, несколько прямолинейного, неожиданно откровенного, вводя собеседника в заблуждение и не позволяя увидеть необычайно острый ум и выдающуюся духовную одаренность, скрывающиеся за этой оболочкой.

Политические идеалы Бисмарка были настолько консервативны, что казались несовместимыми с эпохой. Принимая пост главы прусского правительства, он заявил королю, что понимает себя как его «бранденбургского вассала». И действительно, в дальнейшем он управлял страной скорее как первый министр своего короля, связанный с ним отношениями личной преданности, чем конституционный министр западного образца.

Тем разительнее был контраст между консервативными принципами Бисмарка и той в высшей степени гибкой, свободной от принципов политикой, которую он проводил. Международную политику он считал «жидким элементом, который по обстоятельствам на время отвердевает, но с изменениями атмосферы возвращается в свое исходное агрегатное состояние». «Рассматривать принципы только по мере их полезности для Пруссии» — вот что сделал он девизом своей политики. Будучи противником обеих главных тенденций эпохи — либерализма и национализма, Бисмарк тем не менее виртуозно использовал их для достижения своей главной цели — гегемонии Пруссии в Германии и ее лидерства в Европе. Те же качества «реального политика» он продемонстрировал и в отношении империи Наполеона III. Если другие представители консервативного лагеря в Пруссии считали невозможным лю-

бое сотрудничество с «императором толпы», то Бисмарк смотрел на это только с точки зрения «государственного эгоизма» Пруссии, согласно которой французский император, расшатывая Венскую систему, объективно выступал союзником заинтересованной в том же Пруссии. И если спустя несколько лет Бисмарк выступил за войну против Франции, то не по идеологическим причинам, а опять-таки потому, что этого потребовали «реальные интересы» Пруссии.

Поставив цель создания единой Германии под главенством Пруссии, Бисмарк с самого начала не оставил никаких сомнений относительно путей достижения этой цели, уже на восьмой день после своего назначения заявив в ставшей знаменитой речи: «...не на либерализм Пруссии смотрит Германия, а на ее мощь... Границы Пруссии по венским трактатам не благоприятны для здоровой государственной жизни; не речами и решениями большинства решаются великие вопросы эпохи — это была большая ошибка 1848 и 1849 гг. — а железом и кровью». Из прямо заявленного в речи курса на ревизию трактатов 1815 г. следовал вывод: содействовать любым событиям на международной арене, способным расшатать «порядок 1815 г.» и вызвать выгодное для Пруссии изменение в соотношении сил. Удобный момент представился в связи с польским восстанием 1863 г.

Польское восстание 1863 г.

Инициатором новой подвижки в международных отношениях, приведшей в итоге к чрезвычайно выгодному для Бисмарка соотношению сил, вновь выступило национальное движение — на этот раз польское. В русле начавшейся в России политики реформ Александр II в 1862 г. отдал гражданское управление в царстве Польском в руки поляка А. Велепольского и пошел на некоторые уступки. Однако польским национальным движением это было воспринято как поощрение к дальнейшей борьбе за независимость. В январе 1863 г. поляки подняли восстание.

Бисмарк, считавший, что «каждый успех польского национально-го движения есть поражение для Пруссии», немедленно обратился к России с предложением сотрудничества; в Петербург был отправлен генерал-адъютант прусского короля Г. фон Альвенслебен. 8 февраля 1863 г. им и Горчаковым была подписана «*конвенция Альвенслебена*», согласно которой русские и прусские военачальники сотрудничали в подавлении восстания и могли переходить границу, преследуя польских повстанцев. В реальности конвенция принесла России больше вреда, чем пользы, поскольку означала интернационализацию проблемы польского восстания, до тех пор, несмотря на протесты либералов по всей Европе, считавшейся внутренним делом России. За эту возможность немедленно ухватился Наполеон III, рассматривавший любое международное осложнение через призму ревизии трактатов 1815 г. Именно в связи с польским восстанием императрица Евгения в феврале 1863 г. предложила австрийскому послу свой «птичий полет» над европейской картой, чуть позже дополненный предложением союза. Многонациональная монархия Габсбургов была готова на что угодно, но только не на реорганизацию Европы в соответствии с «принципом национальности» и потому на предложение союза ответила отказом.

Вся дальнейшая активность великих держав в связи с польским восстанием обрела форму так называемой «войны нот». В апреле 1863 г. Англия, Франция и — удивительным образом — участница польских разделов Австрия предъявили в Петербурге ноты, смысл ко-

торых сводился к праву великих держав вмешиваться в польский вопрос. Дальше всех зашла Англия, открывшая такое право в самом факте подписания трактатов 1815 г. Однако в Петербурге подобные претензии на вмешательство во внутренние дела России получили категорический отказ. В ответ в июне три державы выступили с новыми нотами, требования которых стали более четкими и масштабными, а тон — более угрожающим. В числе прочего они требовали создать польское национальное собрание, дать Польше административную автономию, допустить свободное использование польского языка и создать конференцию великих держав по польскому вопросу. После очередного отказа Горчакова в августе последовала третья попытка воздействовать на Россию посредством нот трех держав. Но на этот раз Горчаков поступил еще решительнее: в своем ответе он объявил обмен нотами законченным.

Твердость Горчакова объяснялась трезвым анализом ситуации. Перспектива воссоздания «крымской коалиции», заставившая Александра II в июне даже обратиться к прусскому королю с просьбой о помощи, на деле оказалась не более чем миражом. Франция была связана мексиканской авантюрой Наполеона III. Англия была сосредоточена на Гражданской войне в США. Между тем столь сильное давление на Россию, столкнувшись с ее твердой позицией, могло окончиться лишь двумя исходами — войной или дипломатическим поражением. В случае Англии и Франции оно было тем более тяжелым, что своей поддержкой польского восстания они вселяли в его участников иллюзию развития событий по итальянскому сценарию, т. е. вмешательства извне. Тем самым они поощряли повстанцев на продолжение борьбы и на ненужные жертвы, несмотря на то что Горчаков еще в ответе на первые три ноты допускал возможность амнистии. С целью сохранить лицо Наполеон III в ноябре 1863 г. в очередной раз предложил созвать конгресс для обсуждения всех открытых европейских вопросов. Однако Англия, в своей фазе «блестящей изоляции» не желавшая связывать себя новыми европейскими обязательствами и опасавшаяся, что к числу «открытых» вопросов может быть причислена проблема нейтрализации Черного моря, первой и в категоричной форме отказалась от идеи проведения конгресса, избавив тем самым остальные державы от необходимости делать то же самое.

Таким образом, в тяжелом польском кризисе России удалось сохранить свои позиции, но в главном выигрыше оказалась не она, а Пруссия Бисмарка. Посеяв своей «конвенцией Альвенслебена» дипломатическую бурю и все эти месяцы оставаясь в стороне, Бисмарк теперь спокойно мог пожинать ее плоды. Они были таковы. Распались практически все существовавшие к тому времени связи между европейскими великими державами: поддержка Наполеоном III польского восстания положила конец периоду сближения между Россией и Францией; отказ Англии от конгресса имел печальные последствия для все еще существовавшей со времен Крымской войны англо-французской связи; Австрия не вышла из состояния изоляции и в еще большей степени ожесточила против себя Петербург. После польского восстания единственной осязаемой связью было возрождение русско-прусской близости, ставшее возможным благодаря позиции Бисмарка в польском вопросе; все остальные державы Европы

находились в изоляции. В общем Бисмарк в 1863 г. имел все основания в ответ на ссылку английского посланника на мнение «Европы» спросить: «Кто это — Европа?»

Война с Данией 1864 г.

Отсутствие «Европы» стало одной из решающих предпосылок дальнейшей политики Бисмарка, предоставив ему, по сути, свободу рук. В первую очередь он использовал ее для коренного изменения самого подхода Пруссии к германской политике. Если до этого Пруссия добивалась «паритета», равенства с Австрией в бундестаге и в Союзе в целом, то теперь Германскому союзу просто не было места в планах Бисмарка, более того — он превратился в помеху, поскольку в решающий момент мог встать на сторону Австрии. Поэтому Бисмарк взял курс на саботирование деятельности Германского союза и в конечном счете — на его разрушение.

Удобный случай представился в связи с очередной попыткой Австрии предложить реформу Германского союза. Австрийский император лично посетил прусского короля и пригласил его на созывавшийся по этому случаю в августе 1863 г. съезд князей во Франкфурте. Бисмарк же нашел простое и действенное средство практически сорвать работу съезда, уговорив короля, хотя и с большим трудом, отказаться от поездки во Франкфурт. Тогда участники съезда сделали вторую попытку и направили к Вильгельму I с личным приглашением саксонского короля. Растерявшийся прусский король склонялся к согласию («тридцать правящих государей и король в качестве курьера!»), но Бисмарк вновь решительно воспрепятствовал его поездке. Без Пруссии же все принятые съездом решения теряли всякий смысл. Спустя полгода прежнему положению в Германии был нанесен еще больший удар, благодаря начавшейся в 1864 г. войне с Данией из-за Шлезвига и Гольштейна.

Лондонский протокол 1852 г., урегулировавший прусско-датский конфликт 1848—1850 гг., не решил проблему, поскольку оспаривался как немецкими, так и датскими националистами. В 1863 г. умер король Дании Фредерик VII, которому, согласно Лондонскому протоколу, должен был наследовать представитель зондербург-глюксбургской ветви Кристиан IX, однако его права оспорил герцог Фридрих из конкурирующей зондербург-августенбургской ветви. Последнего, из-за его «немецко-национальных» воззрений, поддержало немецкое национальное движение, испытывавшее в связи с этими событиями огромный подъем.

Поскольку проблема Шлезвига, Гольштейна и примыкавшего к ним небольшого герцогства Лауэнбург имела комплексный, многоуровневый характер, теоретически существовало несколько вариантов ее решения. Можно было, как в лучшие годы «европейского концерта», вернуться на почву европейского права и решить ее на конференции великих держав. Можно было, как в случае с Италией, противопоставить праву новый «принцип национальности». Бисмарк решил проблему методами не второй и даже не первой половины XIX в., а скорее в духе XVIII в. — фактически «кабинетной» войной.

Если умеренный либерал Кавур в политических целях довольно широко использовал массовое национальное движение, то консерватор Бисмарк был готов прибегнуть к нему скорее как к крайнему

средству. Уже поэтому прусский министр не воспользовался подъемом немецкого национализма и не поддержал кандидатуру Фридриха. Тем самым Бисмарк избежал возможных осложнений с великими державами. Кроме того, существовала еще одна причина: Пруссия в перспективе намеревалась аннексировать оба северных герцогства и потому не нуждалась ни в каком новом их главе. Поэтому Бисмарк встал на позицию защитника нарушенного Данией европейского права, которое он собирался восстановить совместно с Австрией.

В свою очередь Австрия, остро нуждавшаяся хоть в какой-то внешней опоре и не рискуя отдать решение германской проблемы исключительно в прусские руки, согласилась выступить в привычной для себя роли защитника статус-кво, не понимая, что шлезвиг-гольштейнский вопрос станет самым настоящим троянским конем, который вызовет крушение ее германских позиций. Во-первых, совместные действия с Пруссией противопоставили ее Германскому союзу, поскольку большинство германских государств выступало за создание в лице Шлезвига-Гольштейна нового члена Союза во главе с Фридрихом Зондербург-августенбургским. Во-вторых, предъявляя совместно с Пруссией 16 января 1864 г. ультиматум Дании, никто в Вене не задумывался о том, что будет после победы. Заручившись согласием Австрии, Бисмарк заметил, что «еще никогда венская политика до такой степени... не направлялась из Берлина».

Сама война при подавляющем преимуществе австро-прусских войск продлилась лишь несколько месяцев — с февраля по август 1864 г. Ее результаты пыталась установить проходившая с апреля по июнь *Лондонская конференция* с участием великих держав, Дании, Швеции и Германского союза — это был первый и последний случай участия Германского союза в международной конференции. Ход конференции лишний раз продемонстрировал отсутствие единства в рядах великих держав, различавшихся даже в общих подходах к проблеме. Предложение о личной унии герцогств с Данией соседствовало с идеей Наполеона III разделить Шлезвиг по языковому принципу. Однако против включения в международное право «опасного и нового принципа» выступили не только монархия Габсбургов и Россия, но и Великобритания. В результате конференция закончилась ничем, и в дальнейшем шлезвиг-гольштейнский вопрос решался только между непосредственно заинтересованными державами. Неудача конференции стала еще одним свидетельством глубокого кризиса «европейского концерта». Совсем как в предшествовавшие столетия высшим арбитром на континенте становилась не усевшаяся за стол переговоров «Европа», а война.

В конце июня боевые действия возобновились, и уже 30 октября был подписан *Венский мир*, по которому Дания уступала Австрии и Пруссии герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург.

Немедленно после заключения мира обнаружилась вся шаткость австрийских позиций: если Пруссия соседствовала с герцогствами, то для Австрии они были далекими и по большому счету ненужными эксклавами. На австро-прусских переговорах в августе 1864 г. обсуждался вариант передачи герцогств Пруссии в обмен на ее помощь в отвоевании Ломбардии, однако в итоге стороны сошлись на кондоминиуме — совместном владении герцогствами. За этим промежуточным решением последовало второе, также ничего не изменив-

шее, — 14 августа 1865 г. была подписана *Гаштейнская конвенция*, согласно которой при сохранении общего владения герцогствами управление Шлезвигом перешло в руки Пруссии, а Гольштейна — Австрии. Кроме того, Австрия передавала Пруссии права на свою часть герцогства Лауэнбург за 2,5 млн талеров. Пруссия также получила права на проход через Гольштейн и на строительство через его территорию канала между Северным и Балтийским морями. Австрия уступила, Пруссия приобрела, однако, по сути проблема герцогств так и осталась неразрешенной. Более того, вскоре между австрийскими и прусскими войсками стали происходить стычки, и для разрешения ситуации стороны все больше начинали склоняться к войне.

§ 3. *Две прусские войны*

На пути к войне с Австрией

С самого начала своей политической карьеры Бисмарк был убежден, что в Германии Австрия и Пруссия «дышат, отнимая друг у друга воздух ото рта», что стеснявший каждую из них вековой австро-прусский дуализм должен быть разрешен в пользу Пруссии. Идея войны как способа вытеснения Австрии из Германии предлагалась им практически при каждом внешнеполитическом затруднении монархии Габсбургов — и в Крымскую войну, и в Итальянскую. Но только возникшая в связи с польским и шлезвиг-гоольштейнским вопросами ситуация, в которой парализованными оказались как «Европа», так и Германский союз, позволила Бисмарку в конечном счете осуществить свои планы.

Как и в случае с итальянским объединением, решающей была позиция Франции, после Крымской войны по-прежнему остававшейся ведущей державой континента. Поэтому Бисмарк, как некогда Кавур, в октябре 1865 г. отправился на встречу с Наполеоном, которая вновь состоялось в отдаленном курортном месте — в приграничном Испании Биаррице. Хотя Биарриц не стал «немецким Пломбьером» (в том смысле, что там не было заключено никаких договоренностей), все же он сыграл важную роль в дипломатической подготовке австро-прусской войны. Наполеон удостоверился в том, что между Австрией и Пруссией не существует тайного соглашения, направленного против Франции, и что Пруссия не гарантировала Австрии ее венецианские владения. Бисмарк со своей стороны понял, что главное внимание французского императора сосредоточено на Венеции, которую он намеревался предложить итальянцам как своего рода плату за их невмешательство в Рим после предстоявшего вывода оттуда французского гарнизона. Кроме того, в самых неопределенных выражениях обсуждалась проблема французской компенсации в случае увеличения Пруссии (подразумевалось, что речь идет не о немецких территориях, а о Люксембурге и Бельгии). В целом Бисмарк вынес убеждение, что Франция не станет препятствовать будущей войне; Наполеон же ожидал, что такая война затянется надолго, истощит обе стороны и позволит Франции выступить в роли арбитра, от которой французский император ожидал роста престижа и территориальных компенсаций.

Не приходилось ждать затруднений и со стороны Англии, общественное мнение которой питало некоторые симпатии к малогерманскому варианту объединения, а политическая элита была всецело поглощена стоявшей на повестке дня парламентской реформой. По удачному для Пруссии стечению обстоятельств провал проекта этой реформы в парламенте привел к отставке либеральное правительство Дж. Рассела именно в тот момент, когда на полях сражений австро-прусской войны решалась будущая судьба Германии, — в июне 1866 г. В эти критические дни в Англии, по сути дела, вообще не было правительства, поскольку пришедшие к власти консерваторы во главе с Э. Дерби его только начали формировать.

Позиция России у Бисмарка также не вызывала беспокойства, поскольку, несмотря на некоторые сомнения Горчакова, Александр II после событий 1863 г. еще более укрепился в своих прусских симпатиях, ненависть же к Австрии была всеобщей.

Италия и вовсе была преисполнена желанием отобрать у монархии Габсбургов Венецию и потому выступала в роли союзника Пруссии. У Австрии был некоторый шанс обезопасить себя от войны на два фронта: Италия предлагала продать ей Венецию либо компенсировать ее Дунайскими княжествами, однако Вена в очередной раз не проявила достаточной гибкости. Отказом Австрии немедленно воспользовался Бисмарк, заключивший с Италией союз.

Наконец, в ходе дипломатической подготовки австро-прусской войны Бисмарк в полной мере продемонстрировал свое искусство «реального политика», для достижения цели используя против Австрии те силы, которые ему самому были внутренне чужды. Монархист и государственник, никогда не доверявший «дикому растению» национализма, он мобилизовал против монархии Габсбургов национально-революционные силы повсюду, где только мог их найти, — сербов, румын и особенно венгров. На прусские деньги был создан специальный «венгерский легион» под командованием героя революции 1848 г. Д. Клапки, задачей которого было поднять восстание в Венгрии.

Таким образом, внешнеполитические условия для будущей войны были почти идеальными; речь шла лишь о том, чтобы провести ее как можно в более короткие сроки, чтобы благоприятная для Пруссии обстановка не изменилась и не возникла угроза вмешательства извне.

Как прежде у Кавура, задачей Бисмарка с начала 1866 г. стало спровоцировать Австрию на войну. В качестве предлога использовались антипруссские настроения в управляемом австрийцами Гольштейне. В ответ на одну из такого рода народных демонстраций в январе 1865 г. Бисмарк обратился к Австрии с непропорционально резкой нотой, в которой сообщал, что «Пруссия возвращает себе свободу решений»; одновременно он открыл антиавстрийскую газетную кампанию. В феврале 1866 г. на совете у прусского короля решение о войне было фактически принято.

Политическое руководство Австрии в который раз неверно оценивало сложившуюся ситуацию. В Вене не могли до конца поверить в то, что Пруссия действительно решится на «братоубийственную войну». Показательным образом совет при австрийском императоре принял решение «пока оставить военные приготовления» практически в

те же самые февральские дни, когда аналогичный совет при прусском монархе решил готовить войну; Бисмарк излагал свои доводы в пользу войны и ее дипломатического обеспечения, а австрийский министр иностранных дел Менсдорф полагал, что главная опасность для Австрии — это отставка Бисмарка, поскольку на смену ему может прийти либеральный кабинет.

Решающий шаг к войне сделала монархия Габсбургов, предложив 1 июня 1866 г. передать Шлезвиг и Гольштейн в ведение Германского союза. Пруссия заявила протест против нарушения Гаштейнской конвенции и ввела свои войска в Гольштейн; в ответ на это нарушение конституции Германского союза 14 июня была объявлена его мобилизация; в свою очередь Пруссия заявила, что считает Союз более не существующим и рассматривает это решение как объявление войны.

Австро-прусская война и Пражский мир 1866 г.

В начавшейся войне Австрию поддержали тринадцать германских государств, и в том числе все средние — Бавария, Вюртемберг, Саксония, Ганновер, Баден, Гессен-Дармштадт и Гессен-Кассель. На стороне Пруссии выступили семнадцать ничтожных в военном отношении мелких государств Севера Германии, а также Италия. Исход длившейся менее семи недель войны решило одно-единственное крупное сражение, состоявшееся 3 июля 1866 г. у деревни Садова в 12 километрах от крепости Кениггрец (нынешний Градиц Кралове) в Богемии. Вековой германский вопрос был фактически решен на поле боя, однако оформить этот успех дипломатически оказалось совсем нелегким делом.

В своем стремлении заключить быстрый мир Бисмарк столкнулся с сопротивлением как извне, так и изнутри. Внутри Пруссии ему пришлось иметь дело с военными и самим королем, далекими от требований «реальной политики». Вильгельм I хотел традиционного и эффектного финала войны: триумфального въезда в Вену, территориальных приобретений от Австрии и каждого из ее союзников, но из легитимистских побуждений был против аннексий целых государств и лишения трона династий. Бисмарку же решение судьбы союзников Австрии диктовал не старинный девиз «Горе побежденным!», а политическая карта. В полной аннексии Шлезвига, Гольштейна, Ганновера, Гессен-Касселя, Нассау и Франкфурта он увидел возможность наконец-то создать территориальную целостность Прусского государства, соединить его владения на Рейне и на Эльбе и сумел настоять на своем мнении. Гораздо больше трудностей Бисмарку пришлось преодолеть, убеждая короля в необходимости обойтись с Австрией как можно более мягко, вовсе отказавшись от аннексий, от занятия Вены, от высокой контрибуции. После нескольких бурных сцен с королем, в ходе которых Бисмарк угрожал отставкой и даже подумывал о самоубийстве, ему удалось добиться своего. Мотивы подобного снисхождения к поверженному противнику сам Бисмарк позднее объяснял главным образом тем, что уже в это время он задумал превратить Австрию в постоянного союзника новой Германии. Однако, безусловно, огромную роль играла и конкретная ситуация июля 1866 г., а именно упоминавшееся выше давление извне — со стороны Франции.

5 июля Наполеон III предложил свое посредничество в заключении мира. Поскольку Франция по-прежнему считалась мощнейшей военной державой континента, Бисмарк принял это предложение, и начались сложные переговоры, которые велись одновременно прусским послом в Париже с Наполеоном и французским послом в Пруссии с Бисмарком. Прусский премьер хотел от Франции признания радикальных изменений в Германии, в то время как Наполеон III добивался компенсаций, сохранения независимости четырех лежавших южнее линии реки Майн германских государств — Баварии, Вюртемберга, Бадена и Гессен-Дармштадта. Бисмарк, стремившийся заключить быстрый мир и избежать дальнейшего вмешательства держав, согласился на ограничение будущей Германии «линией Майна», уклончиво отвечал на требование компенсации — и Наполеон дал согласие на подписание перемирия. Только после этого 26 июля был заключен прелиминарный *Никольсбургский мир*. Из всех участников войны его подписали только Пруссия и Австрия. Итальянцев Бисмарк умышленно не допустил до переговоров, чтобы сохранить их как средство давления на Австрию; с германскими участниками войны переговоры также начались уже после подписания австро-прусского перемирия. На основе Никольсбургского перемирия 23 августа был заключен окончательный *Пражский мир*.

Огромное политическое и даже историческое значение имела статья 4 Пражского мира: «Его Величество Император Австрии признает роспуск прежнего Германского союза и дает свое согласие на новое преобразование Германии без участия Австрийской империи». Далее в статье говорилось, что Австрия признает также создание из государств севернее линии реки Майн Северогерманского союза, а также объединение между собой государств южнее этой линии. Кроме того, статья 4 содержала два мало согласующихся утверждения об их будущем сосуществовании с создаваемым Северогерманским союзом — о «национальной связи» государств Южной Германии с Северной, с одной стороны, и об их «независимом международном существовании» — с другой. Тем самым были заложены основы будущих противоречий между Францией и Пруссией по вопросу дальнейшего решения германского вопроса.

Другие статьи мира оговаривали присоединение к Пруссии Шлезвиг и Гольштейна, причем по настоянию Наполеона III в этот пункт было внесено дополнение о необходимости референдума в северной части Шлезвиг, населенной преимущественно датчанами (в 1878 г. это дополнение было снято по обоюдному согласию Австрии и Пруссии). В остальных статьях гарантировались целостность и некоторые дополнительные права Саксонии, устанавливались размеры австрийской контрибуции и т. д.

Отношения с союзниками Австрии были урегулированы *Берлинскими мирами*, заключенными с каждым государством в отдельности в период с 13 августа по 3 сентября 1866 г. Каждый из побежденных противников платил Пруссии высокую контрибуцию; кроме того, Бавария и Гессен-Дармштадт уступали ей небольшие территории; часть Гессен-Дармштадта, лежавшая севернее линии Майна, считалась относящейся к Северогерманскому союзу.

Иными словами, еще до завершения объединения Германии стали очевидны его главные результаты: Австрия была вырвана из мира

германских государств, к которому она принадлежала почти тысячу лет; на смену столь же древней традиции государственно-политической раздробленности Центральной Европы приходило исторически и политически совершенно новое явление — крупное Германское государство. Столь решительные перемены заставляли ожидать энергичной реакции европейских держав.

**«Политика чаевых»
Наполеона III**

В реальности реакция последовала вялая и разрозненная. Лишь Горчаков уже на следующий день после Никольсбургского перемирия потребовал созыва европейского конгресса. Однако в действительности ссориться с вновь обретенным партнером в лице Пруссии в Петербурге не хотели, тем более что в своем ответе Бисмарк недвусмысленно намекнул на то, что вмешательство великих держав развяжет руки национальным силам не только в Германии, но и в соседних странах. Намек на Польшу в Зимнем дворце был понят немедленно. Не получив никакой поддержки от Англии и Франции, Горчаков уже в августе снял свое предложение.

Если Англия при новом правительстве консерваторов подчеркнуто выступала за политику невмешательства и была к тому же погружена в свои внутренние проблемы, то Франция не откликнулась на призыв Горчакова, поскольку конгресс мог только помешать Наполеону III в деле компенсаций, которые он надеялся получить, оставшись наедине с Пруссией.

Началась продолжительная эпопея так называемой *«политики чаевых»*, т. е. настойчивых, но неуклюжих попыток Франции получить вознаграждение за свои «добрые услуги». При этом каждое из череды французских требований, которое, казалось бы, было чревато лишь проблемами, Бисмарк обращал себе на пользу с достойной восхищения простотой. Первый план такого рода французский посол Бенедетти предложил еще в конце июля: Франция должна была получить границы 1814 г., т. е. в том числе германские Саар-брюккен и Ландау, а также Люксембург. В начале августа Бенедетти подготовил даже письменное соглашение, по которому Франции дополнительно отходили бы левобережные части Баварии и Гессен-Дармштадта.

Тем временем Бисмарк прилагал все усилия, чтобы вопреки положениям Никольсбургского перемирия все же дипломатически перейти «линию Майна» и связать южногерманские государства военными союзами. Недавние противники были совершенно не расположены отдавать свои армии под прусский контроль. И вот в руках Бисмарка оказался необходимый и очень весомый аргумент в лице проекта Бенедетти, со всей очевидностью демонстрировавшего французскую угрозу. В период с 13 августа по 3 сентября с четырьмя странами Южной Германии были заключены оборонительные и наступательные союзы, которые станут впоследствии мощным средством завершения объединения Германии и которые сама же Франция почувствует на себе через четыре года во франко-германской войне. Собственно же французское предложение Бисмарк парировал с помощью характерного для международных отношений XIX в. средства — инспирировав утечку о нем в газеты. Вопреки своим же собственным словам о том, что «во врага стреляют не общественным мнением, а порохом и свинцом», Бисмарк, как никто другой, самым

широким образом задействовал печатные органы — как германские, так и зарубежные — в своих политических целях. В 1868 г. на основе конфискованного имущества короля Ганновера он даже создал для этих целей специальный «вельфский фонд», или «рептильный», финансирующий «пресмыкающуюся» перед правительством прессу. После публикации в одной из парижских газет проекта Бенедетти Наполеон поспешил обозначить все это как недоразумение.

Между тем общественное мнение Франции все в большей степени начинало воспринимать формирование немецкого национально-го государства при полной пассивности Франции как угрозу и как внешнеполитическое поражение. «Под Садовой разбита Франция», — заявил военный министр Наполеона Рандон. Со второй половины августа начался новый этап французских требований компенсации. На этот раз французы предлагали Пруссии заключить союз, территориальные же требования касались не столько немецких земель, сколько Люксембурга и Бельгии. И вновь Бенедетти не придумал ничего лучшего, как составить письменный проект (к тому же на бланке французского посольства) и передать его Бисмарку в ответ на туманные отговорки прусского премьера. Бисмарк отложил проект в долгий ящик, а через четыре года, 25 июля 1870 г., в обстановке начавшейся франко-германской войны вновь «выстрелил общественным мнением», на этот раз английским, — проект Бенедетти был опубликован в лондонской «Таймс». Очевидное доказательство претензий Франции на столь ревниво опекавшуюся Англией Бельгию вмиг лишило Наполеона III каких бы то ни было симпатий в глазах англичан. Но все это произойдет в будущем, пока же французы ожидали ответа на свои предложения. Однако Бисмарк удалился в длительный отпуск, и следующее обострение проблемы компенсаций произошло только зимой 1867 г., вызвав острый *люксембургский кризис*.

Люксембургский кризис 1867 г.

Люксембургское герцогство некогда входило в состав Австрийских Нидерландов. По решениям Венского конгресса король Нидерландов стал великим герцогом Люксембурга, но одновременно герцогство было составной частью Германского союза, и в крепости Люксембурга находились прусские войска. После 1831 г. восточная часть герцогства перешла к вновь созданной Бельгии, западная же осталась в двойной связи с Нидерландами и Германским союзом. Иными словами, положение Люксембурга было во многом похоже на ситуацию со Шлезвигом-Гольштейном, с единственной разницей, что немецкое национальное движение в этом случае изначально не проявляло столь большой активности.

В середине февраля Наполеон III решил ограничить свои «чаевые» только Люксембургом и вступил в переговоры с голландским королем Вильгельмом III о продаже герцогства. Тот в принципе соглашался, но, имея перед глазами пример Шлезвига и Гольштейна, ставил свое окончательное согласие в зависимость от позиции Пруссии. Бисмарк в беседах с Бенедетти продолжал отвечать уклончиво, однако в целом из его ответов можно было сделать вывод, что он согласен на франко-голландскую сделку, однако все должно держаться в секрете и Пруссия должна узнать о ней как бы задним числом, чтобы не тревожить немецкое общественное мнение. В реальности Бис-

марк разыграл целую комбинацию в масштабах едва ли не всей Европы, в качестве инструментов вновь используя газеты и общественное мнение.

На протекание люксембургского кризиса и всего периода до франко-германской войны существенное влияние оказывало одновременное обострение восточного вопроса в связи с Критским восстанием 1866—1869 гг. (см. с. 335). Уже с этого момента Бисмарк стал осуществлять ту стратегию в восточном вопросе, которая в дальнейшем станет его излюбленной, — использовать восточный вопрос как средство отвлечения, а иногда и как козырную карту в главной для него европейской игре. В данном случае он поддержал французские инициативы в критском вопросе, тем самым глубже вовлекая Францию в восточные дела и осложняя ее отношения с Россией. Действительно, на фоне общего охлаждения между Францией и Россией в Петербурге опасались, что Франция использует люксембургский кризис для провоцирования войны. «Не предлог ли это, который вы ищите?» — спросил французского посла Горчаков.

19 марта прусские газеты опубликовали тексты союзных договоров Пруссии и южно-германских государств, заключенных в августе. Это была европейская сенсация, поскольку германский вопрос предстал отныне совершенно в ином свете, и это было серьезное дипломатическое поражение Франции и Австрии, надеявшихся остановить рост Пруссии хотя бы на Майне. Вдобавок к этому король Нидерландов воспринял публикацию как угрозу в люксембургском кризисе, сообщил Наполеону III, что для подписания договора ему нужно четкое согласие Пруссии, и немедленно обратился в Берлин. Бисмарк, своим уклончивым поведением вовлекший Наполеона III в люксембургский кризис, в начале апреля совершает крутой поворот: он дает резко отрицательный ответ голландскому королю и мобилизует немецкое общественное мнение. С этой целью он инспирировал парламентский запрос о Люксембурге и в ответе на него предостерег Францию от нарушения «бесспорных прав немецкого народа и немецкого населения». После этого Бисмарку осталось только передать в Париж свои сожаления о том, что изначальное условие Берлина — держать договор в секрете и поставить Пруссию перед свершившимся фактом — не было удовлетворено. Потерпев столь тяжелый дипломатический афронт, Франция была фактически поставлена перед выбором — отступить и тем самым сделать свое дипломатическое поражение еще более тяжелым или вести войну. В итоге Франция, оказавшаяся в изоляции, да еще с созданным Бисмарком ореолом агрессора, предпочла отступить.

Превратив люксембургский кризис, по существу, в ловушку для Франции, Бисмарк стремился подтолкнуть вперед германское объединение. Французская угроза бросила прочие германские государства в объятия Пруссии и, в частности, помогла Бисмарку успешно завершить переговоры с германскими государствами по поводу конституции Северогерманского союза (принята 16 апреля 1867 г.). По сей день не прекращаются споры относительно того, готов ли был Бисмарк пойти еще дальше и присоединить южногерманские государства ценой войны с Францией.

Финальную точку в люксембургском кризисе поставила созванная в мае 1867 г. по инициативе России Лондонская конференция.

По решению конференции Люксембург остался в персональной унии с голландским Оранским домом, но само герцогство объявлялось «навечно нейтральным государством» под коллективной гарантией великих держав. Люксембургская крепость должна была быть снесена, а прусский гарнизон выведен. Помимо собственно своих решений, конференция по люксембургскому кризису была знаменательна еще и тем, что, помимо государств, подписавших Лондонский протокол 1839 г., т. е. пяти великих держав, Нидерландов, Люксембурга и Бельгии, на нее была приглашена Италия, что означало официальное признание ее нового статуса великой державы.

Лондонская конференция показала, что «европейский концерт», несмотря на состояние глубокого кризиса, в котором он находился, все еще сохранял некоторую способность к действию. В целом же итогом люксембургского кризиса стало резкое ухудшение франко-прусских отношений. Все последующие три года Европа жила ожиданием войны.

На пути к франко-германской войне

Не стремясь к войне осознанно, обе стороны учитывали эту перспективу и стремились заручиться поддержкой союзников. С одной стороны, еще более окрепла русско-прусская связь. В марте 1868 г. Россия и Пруссия, хотя и не заключив формального договора, договорились о взаимной поддержке друг друга против Австрии. В случае франко-германской войны Россия должна была бы вернуть Австрии «долг» еще времен Крымской войны — выставить на границе свои войска. В случае австро-русской войны то же должна была бы сделать Пруссия. Поскольку война с Австрией была возможна лишь на почве восточного вопроса, в Петербурге трактовали это соглашение как общую поддержку Пруссии в восточном вопросе, который, в свою очередь, в эти годы имел для России совершенно конкретный облик — отмену нейтрализации Черного моря.

Союзников искала и Франция. Удивительным образом в роли возможного союзника выступила Австрия. Наполеон III и Франц Иосиф, сторонник «принципа национальности» и глава многонациональной империи, недавний победитель и недавний побежденный, разделенные к тому же мексиканской трагедией Максимилиана Габсбурга, оказались связанными единой целью «реванша за Кёниггрец» или, по крайней мере, защиты «линии Майна». Для того чтобы обезопасить австрийские тылы, в переговоры была вовлечена и Италия. Переговоры закончились неудачей, ставшей еще одним примером того, что старая логика международных отношений, логика территорий и компенсаций, не срабатывала в эпоху национализма. Монархия Габсбургов не пошла на союз, поскольку, с одной стороны, ее немецкое население не было готово поддерживать «наследственного врага» против «немецких братьев». Кроме того, именно в годы между австро-прусской и франко-германской войной произошло кардинальное изменение внутренней структуры монархии Габсбургов, которое будет оказывать серьезнейшее влияние на внешнюю политику вплоть до ее распада. В 1867 г. монархия Габсбургов была преобразована в дуалистическое государство Австро-Венгрия. Получив возможность влиять на внешнюю политику, венгры ни в коем случае не были заинтересованы в возвращении Австрии в Германию. Все их интересы были связаны с Балканами и с противостоянием России — «души-

тельнице» венгерской революции 1848—1849 гг. В свою очередь, Италия не стала союзником Франции также по национальным причинам. На повестке дня в Италии стояло завершение объединения, и в частности римский вопрос. Однако из внутривосточных соображений Наполеон III по-прежнему был не в состоянии пойти в нем на уступки. Таким образом, Франция подошла к войне в состоянии полной изоляции. К тому же и повод для войны Бисмарк подготовил таким образом, что в роли агрессора оказалась именно Франция. Речь идет о проблеме испанского престолонаследия и о знаменитой «эмсской депеше».

Еще осенью 1868 г. с испанского престола была свергнута королева Изабелла II. В поисках ее преемника испанский совет министров остановился на кандидатуре представителя боковой ветви Гогенцоллернов принце Леопольде Гогенцоллерне-Зигмаринене. Бисмарк стал немедленно склонять колебавшегося принца к принятию этого предложения, поскольку он сразу осознал связанный с этим антифранцузский потенциал. Бисмарк понимал, что второе издание «испанского наследства» и перспектива возрождения «окружения» Франции, как во времена Карла V, создадут для Наполеона внешнеполитическую проблему, от которой он не сумеет отклониться и должен будет выбирать между войной и отречением. Между тем именно Наполеон III как фактический гарант Пражского мира был главным препятствием для завершения германского объединения. Иными словами, Бисмарк осознанно провоцировал кризис для окончательного разрешения германской проблемы, поскольку все попытки присоединения южногерманских государств мирными средствами к этому времени зашли в тупик.

Принц дал согласие, и в начале июля о нем узнали французы. «Испанская бомба» взорвалась. Впрочем, в самый критический момент появился шанс избежать войны. Вильгельм I вновь, как это было после Кениггреца, встал на пути планов Бисмарка. Испуганный резкостью французской реакции, он в качестве главы дома Гогенцоллернов 12 июля побудил принца Леопольда к отказу от испанского престола. Для Франции это была победа, однако недостаточная с точки зрения престижа Наполеона, серьезно пострадавшего от мексиканской авантюры и люксембургского кризиса. Стремясь добиться безусловного дипломатического (а если придется, то и военного) триумфа, Наполеон поручил Бенедетти потребовать от Вильгельма I обещания, что Пруссия и в будущем не будет выставлять кандидатуру Гогенцоллерна. Встретившись с Бенедетти 13 июля во время прогулки в курортном городке Бад Эмсе, Вильгельм I в вежливой форме отклонил эти требования. Сообщение об этой беседе — «эмсская депеша» — было послано Бисмарку. Получив это сообщение, Бисмарк немедленно доказал, что в эпоху национализма умелое перо и общественное мнение иногда значат больше, чем мнение короля. Не прибегая к прямой фальсификации, Бисмарк простым вычеркиванием существенно изменил смысл «эмсской депеши», которая теперь выглядела как оскорбление короля французским послом, получившим за это достойный отпор. В таком виде депеша на следующий день была опубликована в немецких газетах, и в обеих странах произошел взрыв националистических настроений; одновременно даже самые стойкие противники Пруссии в южногерманских государствах осо-

знали, что у них «тоже немецкое сердце». Бисмарк одним ударом превратил далекую от широких масс в обеих странах династическую проблему престолонаследия в дело национального престижа и тем самым сделал войну неизбежной. В довершение всего французы совершили еще одну ошибку, выступив в качестве нападающей стороны, — 19 июля 1870 г. они официально объявили войну.

**Франко-германская
война 1870—1871 гг.
Франкфуртский
мир 1871 г.**

Судьба войны, в которой на стороне Пруссии выступили все без исключения германские государства, была фактически решена уже 2 сентября 1870 г., когда после сокрушительного поражения французских войск под Седаном был пленен сам Наполеон III; во Франции начался отсчет существованию Третьей республики. Иными словами, до этого момента события развивались по сценарию австро-прусской войны: изолированный противник, быстрый разгром, стремление как можно раньше заключить мир, чтобы избежать вмешательства прочих держав. Однако в этот сценарий Бисмарк внес важнейшее и чреватое огромными последствиями изменение, присоединившись к раздававшимся по всей Германии требованиям об аннексии Эльзаса и части Лотарингии. До сих пор выдвигаются разные объяснения, почему Бисмарк не проявил разумной умеренности, как в случае с Австрией, и собственными руками создал постоянный очаг напряженности в Европе. По всей видимости, он исходил из тезиса о непреодолимости франко-германских противоречий: коль скоро противостояние в любом случае будет продолжаться, нужно создать более выгодные исходные условия для Германии.

Благодаря этому требованию произошел поворот в восприятии войны европейскими державами: в глазах Европы Франция из агрессора превращалась в жертву. Вероятность европейского вмешательства в войну и созыва конгресса в связи с этим значительно увеличилась. Тем не менее и эту войну Пруссии и ее союзникам удалось провести изолированно благодаря отсутствию согласия среди европейских держав. Важнейшее значение с этой точки зрения имел *циркуляр Горчакова* от 31 октября 1870 г. об одностороннем отказе России от выполнения условий Парижского конгресса относительно нейтрализации Черного моря. Воспользовавшись тем, что Франция как основной участник «крымской системы» выбыла из строя, а Пруссия обещала полную поддержку, Горчаков реализовал главную цель российской внешней политики последних полутора десятков лет. Это немедленно переключило внимание Англии и Австрии от полей сражений франко-германской войны на восточный вопрос; возбужденное общественное мнение в обеих странах требовало новой войны против России; в штаб-квартиру Бисмарка в Версале для консультаций отправился специальный английский уполномоченный О. Рассел. Вместе с тем с самого начала было очевидно, что второго издания Крымской войны не состоится уже потому, что Австро-Венгрия по потенциалу своей государственной мощи плохо годилась на роль главной ударной силы в войне с Россией. В итоге державы приняли предложение Бисмарка о созыве *в Лондоне конференции* по вопросу Черного моря. Итогом проходившей с января по март в английской столице конференции стало международное подтверждение отмены нейтрализации Черного моря.

Тем временем Бисмарк в течение всей осени 1870 г. стремился к достижению двух политических целей: завершению объединения Германии и к миру с Францией на немецких условиях. В ноябре 1870 г. были достигнуты соглашения о вступлении в Германскую империю, которая должна была прийти на смену Северогерманскому союзу, всех четырех южногерманских государств. 18 января в Версальском дворце, некогда символе французского преобладания в Европе, была провозглашена Германская империя.

Добиться второй цели оказалось сложнее. Наконец, 28 января 1871 г. капитулировал Париж, и 26 февраля состоялось подписание *Версальского прелиминарного мира*. Окончательный мир был подписан Бисмарком и министром иностранных дел Франции Л. Февром во *Франкфурте* 10 мая 1871 г. Незначительно отклоняясь от версальских прелиминарий, этот мир отторгал от Франции северо-восточную часть Лотарингии, весь Эльзас, за исключением крепости Бельфор, а также налагал огромную контрибуцию в размере 5 млрд франков золотом. На территории Франции оставались германские оккупационные войска, вывод которых должен был осуществляться по мере выплаты контрибуции, при этом расходы по их содержанию возлагались на Францию. Жители Эльзаса и Лотарингии имели право сохранить французское подданство и переселиться во Францию до 1 октября 1872 г. Франко-германская война закончилась.

Глава 14. Международные отношения в Европе в 1871—1878 гг.

§ 1. Германия и Европа в 1871—1875 гг.

Объединение Германии и евро- пейская система

Как методы, так и результаты создания итальянского и германского национальных государств, по существу, означали крах политических и международно-правовых основ Венской системы. Не «европейский концерт» с коллективной ответственностью за мир, а агрессивные изолированные войны меняют облик Европы; результаты этих войн находятся в кричащем противоречии с духом и буквой Венского конгресса, его правовыми основами — и даже не санкционируются конгрессом или конференцией великих держав. Как заявил новый министр иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши, «главный вывод последней войны заключается в том, что сила выше права...».

Радикальным образом изменяется сама структура международных отношений. В течение многих веков аксиомой европейской политики было наличие слабого, аморфного центра, подвергавшегося давлению сильных фланговых держав и гасившего это давление. Войны Бисмарка изменили облик Центральной Европы сразу в двух отношениях: они разрушили старое и создали принципиально новое.

Разрушенным оказался Германский союз — своеобразная система безопасности в центре Европы, одно из главных творений Венского конгресса, закрепленное в его документах и являвшееся неремен-

ным условием функционирования Венской системы. С возникновением на его месте Германской империи возникла совершенно новая, никогда не существовавшая ситуация — Европа обрела центр, причем центр настолько сильный, что теперь он мог оказывать влияние на обе фланговые державы. Возникла ситуация, о которой еще двадцать лет назад предупреждал австрийский премьер Шварценберг: «Россия и Франция... должны особенно хорошо взвесить, какое ручательство мира давал им Германский союз в своем прежнем устройстве и какие угрозы принесло бы им военное государство, которое намерена основать Пруссия». Теперь «военное государство» стало реальностью: за считанные годы из трех войн вышла новая мощная империя, разом выдвинувшаяся на второе место в Европе по численности населения, обладавшая огромным экономическим потенциалом и лучшей в мире армией.

Сдвиги в европейской расстановке сил первыми почувствовали на себе две великие державы. Франция претерпела серьезное падение как статуса и веса в международных делах, так и реального потенциала государственной мощи. Разгромленная, потерявшая оборонительные укрепления на восточных рубежах и обескровленная огромной контрибуцией, Франция отныне сосредоточилась на идее реванша. Возникло чрезвычайно острое франко-германское противоречие, более того — антагонизм, который, проявляясь с разной степенью очевидности, сохранится в течение всех сорока с лишним лет до Первой мировой войны и станет одной из важных ее причин.

Не будучи задетой франко-германской войной непосредственно, с политической точки зрения Австро-Венгрия была одной из главных проигравших. В четыре года между австро-прусской и франко-германской войнами был разыгран эпилог ее почти тысячелетней германской истории — надеяться на возвращение в Германию не приходилось, необходимо было смириться со свершившимися фактами. Как раньше утрата итальянских земель заставила Вену сосредоточиться на германских делах, так теперь создание Германской империи оставило монархии Габсбургов практически единственное возможное направление ее внешней политики — Балканы. Учитывая, что Россия также считала Балканы одним из главных приоритетов своей внешней политики, а также эмоциональные аспекты их взаимоотношений — не прощенную в Петербурге «неблагодарность» Австрии, с одной стороны, и русофобию австрийских немцев и венгров, с другой, поворот Австро-Венгрии к Балканам почти программировал усиление австро-русских противоречий.

Создание Германской империи изменило не только главные направления внешней политики монархии Габсбургов, но и ее роль и функции в системе международных отношений в целом. Она больше не была «консервативной совестью Европы», самым уязвимым элементом Венской системы и потому самым верным ей элементом. «Я больше не вижу Европы», — осенью 1870 г. написал в одной из инструкций своим дипломатам предшественник Андраши австрийский канцлер Ф. Ф. Бойст. Австрия была «европейской необходимостью» только до тех пор, пока существовала «Европа», существовал «европейский концерт». Она могла выполнять свои сдерживающие функции, тормозить неблагоприятные для Венской системы факторы в Италии, Германии, на Востоке только при наличии двух усло-

вий — если ее в этой функции принимал «концерт» и если она могла опираться на германский тыл. Лишившись того и другого, монархия Габсбургов была поставлена перед выбором, и этот выбор был сделан уже в 1870—1872 гг.: монархия Габсбургов внешнеполитически безоговорочно связала себя с новой Германией. Однако этот вновь обретенный германский тыл существенно отличался от прежнего формального и фактического лидерства Габсбургов в германском мире. Отныне монархия Габсбургов фактически становилась не вполне самостоятельным младшим партнером Германии.

Во франко-германской войне Россия, по существу, выступила на стороне победителя. Ее роль лучше всего следует из благодарственной телеграммы Вильгельма I Александру II: «Пруссия никогда не забудет, что благодаря Вам война не получила внешнего расширения», т. е. Россия удержала от выступления Австро-Венгрию. Главным выигрышем России, безусловно, была отмена позорной статьи о нейтрализации Черного моря. Кроме того, многие в Петербурге воспринимали франко-германскую войну и как своеобразный реванш, взятый у Наполеона III за крымское унижение: узнав о катастрофе Франции под Седаном, Александр II воскликнул: «Слава Богу, Севастополь отомщен!» Вместе с тем за этот реванш России пришлось заплатить очень высокую цену: она потеряла свое прежнее влияние в Центральной Европе. Со времен Екатерины II, польских разделов и Тешенского мира 1779 г. Россия была самой активной и заинтересованной в германских делах негерманской великой державой, часто выступая в роли арбитра. Теперь ситуация изменилась радикально. Отныне вместо Пруссии, с которой Россия иногда могла себе позволить вести себя «как со слугой, который недостаточно быстро является на звонок», по выражению Бисмарка, приходилось иметь дело с мощной державой на собственных границах и искать с ней новые алгоритмы сосуществования.

В краткосрочной перспективе менее всех задетой последними европейскими событиями была Англия. Она была готова допустить создание единой Германии, поскольку та не посягала на английские торговые и колониальные интересы, а также не заявляла претензий на европейскую гегемонию, позволяя Англии сохранять свою «блестящую изоляцию». Кроме того, Англия даже выиграла от того, что ослабленная Франция не могла составить ей прежней конкуренции в Египте и Леванте. Однако уже тогда многих современников смущали более отдаленные перспективы. Бенжамен Дизраэли, лидер консервативной оппозиции и будущий премьер, назвал создание Германской империи «немецкой революцией». Он заявил, что отныне европейское равновесие разрушено и что державой, которая пострадает от этого большего всего, будет Англия. Пройдет двадцать лет, и предсказание Дизраэли сбудется.

**Соглашение
трех императоров
1872—1873 гг.**

Чрезвычайно бурное десятилетие 1859—1870 гг. оставило после себя новую европейскую ситуацию, и главной задачей каждой из великих держав стал поиск своего места в изменившихся условиях. Необходимо было свыкнуться с новыми реалиями, с новым соотношением сил, найти новый алгоритм взаимоотношений после фактического краха «европейского концерта». Начались взаимные зондирования, осторожные

контакты — и сразу выяснилось, что ключевую роль в новой расстановке сил будет играть объединенная Германия Бисмарка.

После создания Германской империи в трех войнах повсюду в Европе были распространены опасения, что следует ожидать новых войн, попыток присоединить оставшихся вне Германии немцев и т. д. Понимая эти страхи, Бисмарк поспешил объявить Германию «сытой», более не нуждавшейся ни в каких территориальных приобретениях. Отныне задачей Бисмарка было сделать Германию приемлемой для Европы, примирить европейскую систему с ее новым членом, поэтому он был настроен на кооперацию, на сотрудничество со всеми великими державами за одним-единственным, но крайне важным исключением — Францией. Бисмарк исходил из тезиса о непреодолимости франко-германских противоречий и потому своей второй важнейшей внешнеполитической задачей считал изоляцию Франции. Учитывая подчеркнутую незаинтересованность Англии в континентальных проблемах и недоверие Бисмарка к английской политической системе, а также по-прежнему малый вес Италии в европейских делах, искомая Бисмарком форма кооперации в послевоенной Европе вновь на первых порах свелась к традиционному сотрудничеству трех «восточных монархий».

В сентябре 1872 г. в Берлине состоялась первая за двенадцать лет встреча трех монархов, положившая начало их новому сближению, однако, по выражению Горчакова, «не давшая ничего для архивов». «Дипломатия монархов» продолжилась в мае 1873 г. в Петербурге, где была подписана *русско-германская военная конвенция*, по которой каждая из сторон обязывалась поддержать другую в случае агрессии против нее со стороны третьей державы и выставить 200-тысячную армию. Вопреки желаниям Бисмарка Австро-Венгрия не подписала с Россией аналогичного договора, так как опасалась быть вовлеченной в войну с Англией из-за русско-английских противоречий. Вместо этого в июне 1873 г. во время визита Александра II в Вену было подписано соглашение, предусматривавшее лишь взаимные консультации в целях сохранения мира. Осенью к этому соглашению присоединился Вильгельм I, и «*соглашение трех императоров*» было готово.

Несмотря на черты сходства, новое сближение трех стран проходило во многом на иных основах, чем прежние, хотя сохранялись прежние моменты солидарности, связанные с Польшей и общим консервативным политическим строем.

Внешнюю политику Австро-Венгрии с 1871 по 1879 г. возглавлял бывший участник венгерской революции Д. Андраши, однажды выразивший суть своей внешнеполитической программы с предельной ясностью: «Протянуть руку Германии и показать кулак России!» Идеальным с точки зрения внешнеполитических интересов Австро-Венгрии он тоже считал сближение трех стран, но только третьей в этой связке должна была бы выступать не Россия, а Англия. Такой союз, по мнению Андраши, мог добиться того, чтобы Россия и Франция «вели себя хорошо». Однако эта идеальная концепция осталась нереализованной: Англия отказала, а Бисмарк дал недвусмысленно понять, что путь в Берлин лежит через Петербург. Кроме того, несмотря на взаимную неприязнь, между Россией и Австро-Венгрией объективно сохранялись и возможности сотрудничества. Та же обоюдная заинте-

ресованность в Балканах предполагала не только открытое соперничество, но и возможности договориться на условиях раздела сфер влияния или сохранения статус-кво. Как раз в последнем в начале 70-х гг. были более всего заинтересованы обе страны, и именно об этом на встрече императоров в Берлине договорились Горчаков и Андрaши.

Помимо этого, Россию к соглашению трех императоров привело прежде всего опасение вновь оказаться в изоляции. В качестве единственной возможной опоры международная ситуация начала 70-х гг., по существу, предлагала лишь Германию; первые признаки сближения между Берлином и Веной были истолкованы в Петербурге как опасный симптом. Опасаясь остаться в одиночестве перед лицом австро-германской связи, Россия предпочла включиться в нее, тем более что именно в это время вновь ухудшились англо-русские отношения в связи с продолжавшимся продвижением России в Среднюю Азию и захватом Хивы.

Несмотря на то что собственно текст «соглашения трех императоров» связывал три страны весьма слабыми узами, его заключение было значительным успехом Бисмарка. Если раньше Россия выступала посредником и третейским судьей между Пруссией и Австрией, то теперь на эту роль претендовал Бисмарк. С этого времени и на годы вперед его излюбленной тактикой станет поддержание контролируемой напряженности между Россией и Австро-Венгрией на Балканах, что позволяло Германии играть роль арбитра между ними. В то же время Бисмарк ни в коем случае не хотел допустить прямого конфликта между Австро-Венгрией и Россией, поскольку это разрушило бы преимущества его позиции, заставило бы его выбирать между ними и создало бы угрозу заключения одной из них союза с Францией. Кроме того, череда встреч монархов в преддверии подписания «соглашения трех императоров» была более чем наглядной демонстрацией изоляции Франции, хорошо понятой в Париже. Насколько действительно свободным мог себя чувствовать Бисмарк в отношении Франции, показали события двух последующих лет.

«Миссия Радовица»

Желая подавить на корню саму возможность реванша со стороны Франции, Бисмарк использовал три стратегии: дипломатическую изоляцию, отвлечение прочих держав от франко-германского конфликта на периферию, прежде всего в колонии и на Балканы, а также систематические акции давления на Францию, которые должны были показать ее слабость и, следовательно, малую ценность как союзника. Практически все три стратегии были продемонстрированы им уже в 1874—1875 гг.

К середине 70-х гг. Франция стала постепенно преодолевать первые последствия поражения во франко-германской войне. Была введена всеобщая воинская повинность, значительно укрепившая боеспособность французской армии. Хотя Франкфуртский мир предусматривал выплату последней части контрибуции в 1874 г., французы предприняли все усилия, чтобы сделать это уже в 1873 г. В сентябре 1873 г. последние германские войска покинули французскую территорию.

Бисмарк воспринимал все это как опасные симптомы и воспользовался первым же удобным случаем, чтобы оказать давление на

Францию. Летом 1874 г. епископ города Нанси обратился к верующим, в том числе к жителям Эльзаса и Лотарингии, с призывом молиться за возвращение отторгнутых провинций Франции. Бисмарк, проводивший внутри Германии антикатолическую политику «культуркампфа», воспользовался этим как предлогом, объявил о «заговоре» немецких и французских католиков и развязал угрожающую газетную кампанию. Обеспокоенные перспективой новой войны против Франции, Россия и даже Австро-Венгрия не оказали германскому канцлеру никакой поддержки, а королева Виктория даже обратилась к Вильгельму I с письмом, в котором призвала его быть великодушным.

Убедившись в том, что Россия составляет оппозицию его антифранцузской политике, Бисмарк попытался привлечь ее на свою сторону, организовав так называемую «миссию Радовица». В феврале 1875 г. в Петербург со специальной миссией был направлен германский дипломат Й.-М. Радовиц. В числе прочего ему было поручено в порядке зондирования предложить России более активную поддержку Германии на востоке. Одновременно Радовиц отмечал, что главные интересы Германии лежат на западе.

По поводу этой миссии по сей день ведутся споры, шла ли речь о масштабном проекте фактического раздела Европы на зоны влияния, когда Россия предоставила бы Германии свободу действия в отношении Франции в обмен на такую же свободу рук на востоке, вплоть до раздела Австро-Венгрии, или же «миссия Радовица» представляла собой лишь дипломатический маневр в рамках упоминавшейся стратегии отвлечения на периферию. В любом случае «миссия Радовица» не имела успеха, поскольку германский представитель не встретил понимания со стороны Александра II и Горчакова, не давших четкого ответа. Однако через считанные недели ситуация в Европе прояснилась со всей возможной отчетливостью.

«Военная тревога» 1875 г.

В марте 1875 г. во Франции был принят закон, увеличивавший численность офицеров, а также состав полка с трех батальонов до четырех. В случае мобилизации это означало бы увеличение численности армии приблизительно на 100 тыс. человек. Бисмарк воспользовался этим случаем, чтобы инсценировать самый острый франко-германский кризис вплоть до начала Первой мировой войны.

Как всегда, Бисмарк виртуозно использовал прессу. 5 апреля «Кельнише цайтунг» опубликовала инспирированную им статью о пошатнувшемся положении Андраши и о якобы появившейся угрозе союзу Австро-Венгрии с Францией, но настоящий кризис начался с публикации одной из самых известных статей в истории международных отношений: 9 апреля газета «Пост» появилась с кричащим заголовком «Предвидится ли война?». Эта публикация открыла целую газетную кампанию, смысл которой состоял в утверждении, что в ближайшее время Франция попытается взять реванш за поражение в 1870 г.

За своеобразной газетной артподготовкой выступили дипломаты и военные, пытавшиеся обосновать право Германии начать превентивную войну против Франции, которая, по словам вернувшегося из Петербурга Радовица, была бы оправдана «политически, философски

и даже христиански». Особую серьезность ситуации придало участие в кампании начальника германского Генерального штаба Г. Мольтке, в устах которого рассуждения о превентивной войне, высказанные им в беседах с иностранными дипломатами, звучали особенно весомо.

До крайности обеспокоенный всем этим тогдашний министр иностранных дел Франции герцог Деказ ответил Бисмарку тем же привычным дипломатическим оружием XIX в. — газетной статьей, опубликованной в английской «Таймс» и вызвавшей целый ряд антигерманских публикаций в английской прессе. Кроме того, он прямо обратился за помощью в Петербург и Лондон и немедленно ее получил. Премьер-министр Дизраэли поручил своему послу в Берлине поддержать Францию, согласовав свои действия с Россией. Одновременно Александр II и Горчаков, бывшие проездом на воды через Берлин, высказались в том же духе. Немедленно после этого Бисмарк свернул свою кампанию.

Иными словами, «военная тревога» 1875 г. закончилась самым крупным поражением Бисмарка в его дипломатической карьере. Причины, побудившие его начать весной 1875 г. крупномасштабную дипломатическую атаку на Францию, были многообразными. Во-первых, он хотел отвлечь от неудачи политики «культуркампа» и упрочить свое положение в глазах кайзера. Во-вторых, Бисмарк стремился повлиять на внутреннюю ситуацию в Австро-Венгрии, где он хотел укрепить позиции Андраши как сторонника союза с Германией, а также во Франции, в отношении которой монархист Бисмарк опасался монархистского переворота и свержения находившихся у власти республиканцев, поскольку он в принципе считал республиканское устройство менее дееспособным, чем монархию. В-третьих, Бисмарк хотел продемонстрировать слабость Франции как возможного союзника и воспрепятствовать ее усилению. В целом же «военная тревога» 1875 г. представляла собой своеобразную разведку боем, чрезвычайно энергичный вариант зондирования международной обстановки с целью составить себе представления о возможных вариантах дальнейшей политики по отношению к Франции. Будучи слишком «реальным политиком», Бисмарк не исключал заранее ни один из возможных выводов из этого зондирования, включая, возможно, и превентивную войну.

Главным результатом кризиса было то, что он принес ясность актуальной европейской ситуации. Германской политике были определены границы. Первая совместная акция Англии и России со времен шлезвиг-гольштинского кризиса 1848 г. ясно показала, что победа 1871 г. — это максимум того, что готовы позволить Германии фланговые державы, что они не допустят повторного разгрома Франции. Однако окончательные точки над *i* в европейской расстановке сил поставил новый кризис, начавшийся на Востоке.

§ 2. Восточный вопрос в 1856—1875 гг.

Развитие восточного вопроса после 1856 г. определялось несколькими факторами. С одной стороны, продолжала слабеть Османская империя, попадавшая во все большую зависимость от европейских государств. С другой стороны, продолжалась борьба за независимость

и становление государственности балканских народов. Если Крымская война была столкновением великих держав, в котором национальные устремления народов Балкан не играли практически никакой роли, то во второй половине XIX в. именно национализм, как и в других частях Европы, стал тем ферментом, который разлагающе воздействовал на существующие международные отношения, и в дальнейшем эта тенденция на Балканах только усилится. Однако главное влияние на развитие восточного вопроса в указанный период оказывало существование «крымской системы», которая представляла собой не столько международную систему в строгом смысле слова, сколько направленную против России коллективную солидарность участников Крымской коалиции, международно-правовым основанием которой служили ограничивающие Россию статьи Парижского трактата 1856 г. Таким образом, выступая скорее сторонником статус-кво на Западе, Россия в эти годы выступала в роли главной противницы статус-кво на Востоке. Ревизионизм России по отношению к «крымской системе» сделал ее союзником ревизионизма Пруссии по отношению к Венской. В целом в развитии восточного вопроса после Крымской войны можно выделить три этапа. Первый пришелся на период от окончания войны до начала 60-х гг. и был связан с борьбой балканских государств Сербии, Черногории и Дунайских княжеств за расширение своей самостоятельности. Дипломатическую поддержку этим стремлениям оказывали Россия и Франция, переживавшие тогда фазу сближения. Вторым периодом был связан с Критским восстанием 1866—1869 гг., обострившим ситуацию на Балканах в целом, в связи с чем активизировалось сотрудничество балканских народов между собой, оживились проекты ревизии трактатов 1856 г. и впервые столь отчетливо была поставлена проблема Боснии и Герцеговины. Наконец, третий этап включает в себя большой восточный кризис 1875—1878 гг.

Дунайские княжества в 1856—1866 гг.

Проблема Дунайских княжеств была классическим соединением всех трех составляющих восточного вопроса: во-первых, речь шла о попытках Османской империи сохранить свой сюзеренитет над автономными княжествами; во-вторых, румынское национальное движение стремилось к объединению в национальном государстве всех населенных валахами земель, т. е. не только к объединению Молдовы и Валахии, но и к присоединению австрийской Трансильвании и русской Бессарабии; в-третьих, румынская проблема при любом обострении ситуации на Балканах немедленно перемещалась в центр внимания великих держав в силу своего чрезвычайно важного стратегического положения: с одной стороны, румынские княжества рассматривались в Европе как барьер продвижению России на Балканы, с другой — они в определенной степени сдерживали проникновение империи Габсбургов на Балканы и преграждали ей доступ к Черному морю.

Международное положение Дунайских княжеств регулировалось соответствующими статьями Парижского трактата 1856 г., сохранившими турецкий сюзеренитет и заменившими русский протекторат коллективным протекторатом великих держав. Кроме того, в статьях Парижского трактата были заложены *принципы автономии и сепарации*, т. е. раздельного существования княжеств. Против последнего

принципа решительно выступало движение унионистов, поддержанное Францией, стремившейся укрепить свое влияние в Дунайских княжествах в противовес полному преобладанию англичан в Константинополе. В свою очередь, Англия выступала против планов объединения княжеств, рассматривая эти планы как нарушение Парижского трактата 1856 г. Россия, в принципе не заинтересованная в возникновении крупного государства на пороге Балкан, в итоге согласилась с его созданием именно потому, что увидела в этом желательный для себя прецедент нарушения Парижского трактата. Наконец, традиционная австрийская политика в отношении Дунайских княжеств признавала их необходимость в качестве буфера с Россией, но в то же время давнюю историю имели планы передачи Габсбургам этих земель, как правило, в обмен на их итальянские владения. Еще в 1805 г. Талейран предлагал Наполеону изгнать Австрию из Италии и вознаградить ее на Нижнем Дунае; подобные планы существовали во время восточных кризисов в 20-е гг. и особенно актуализировались в ходе Крымской войны. Однако все эти проекты разбились в первую очередь о сопротивление самих Габсбургов, не считавших Дунайские княжества достойной компенсацией за итальянские провинции. Кроме того, особую роль в политике монархии Габсбургов по отношению к княжествам играла проблема Трансильвании. Эта область столетиями входила в состав Венгерского королевства, но преобладавшим населением там были вlahи, и именно это обстоятельство делало румынскую проблему чрезвычайно острой. Положение усугублялось тем, что национальные стремления приграничных Австрии народов, в том числе и румын, охотно использовали в своих целях заинтересованные великие державы.

Проблема Дунайских княжеств не сходила с европейской повестки дня все ближайшие годы после Крымской войны. Первоначально поборником «принципа национальности» и в румынском вопросе вновь заявил себя Наполеон III, однако в 1857 г., желая обеспечить благожелательный нейтралитет Англии в предстоявшей войне с Австрией, он подписал с ней *Осборнскую конвенцию*, по которой предполагалось не объединение княжеств, а лишь незначительные административные реформы. Год спустя *Парижская конференция* великих держав подтвердила автономию и раздельное существование княжеств. Ответом на это стало движение за избрание в обоих княжествах единого князя. В 1859 г. им стал представитель старого боярского рода А. Куза, внешнеполитическую поддержку которому, вопреки протестам Англии и Австрии, оказали Франция и Россия. В результате летом 1859 г. очередная Парижская конференция признала двойное избрание князя. Спустя еще два года произошло фактическое слияние органов власти двух княжеств, которые отныне стали официально называться Соединенными княжествами Молдовы и Валахии или — все чаще — просто Румынией. Вместе с тем сохранялся широкий сюзеренитет Порты над княжествами, включавший в себя выплату дани, право утверждения господаря, определенный контроль над внешней политикой княжеств, право военной интервенции с согласия «европейского концерта» и т. д. Во внешнеполитической ориентации румынских политиков господствовала «латинская сестра» — Франция, но после переворота 1866 г. и признания осенью того же года князем Дунайских княжеств принца Кар-

ла Гогенцоллерна в Бухаресте все больше возрастало прусское влияние. Главной целью румынских политиков было достижение полной независимости страны, и в этом они могли найти естественных союзников в лице других балканских стран, и в частности Сербии и Черногории.

Сербия и Черногория

В качестве первого возмутителя спокойствия на Балканах выступила Черногория, никогда формально не признававшая главенства турецкого султана и в 1856 г. потребовавшая, чтобы европейские державы признали ее независимый статус и способствовали расширению ее территории. Англия и Австрия, по-прежнему придерживавшиеся принципа целостности Османской империи, отказали в поддержке, в то время как Франция и Россия поддержали Черногорию. В 1858 г. началось восстание в соседней с Черногорией Южной Герцеговине. Вторгшиеся турецкие войска были разгромлены, и по решению Константинопольской конференции послов великих держав, поддержанной демонстрацией русского и французского флотов, часть Южной Герцеговины отошла к Черногории.

Положение Сербии в целом было аналогично румынскому и также регулировалось Парижским трактатом. Во внешней политике она осуществляла великосербскую программу объединения всех южных славян под главенством Сербии, сформулированную сербским политиком И. Гарашанином еще в 1844 г. в так называемом «Начертании». Однако непосредственной задачей сербской внешней политики был вывод турецких гарнизонов, находившихся в шести белградских крепостях согласно статье 19 Парижского трактата. В 1862 г. Белград был обстрелян из этих крепостей, что вызвало международный кризис. На конференции послов великих держав в Канлидже, летней резиденции великого визиря, в августе 1862 г. Россия и Франция вновь выступили совместно с заранее согласованными позициями и добились того, что две из шести крепостей были ликвидированы. Наконец, в мае 1867 г. турецкие гарнизоны ушли из оставшихся четырех крепостей с единственным условием, чтобы рядом с сербскими над ними развевались и турецкие знамена. Впервые за последние четыре века на сербской земле не осталось турецких солдат. Отныне Сербия стала стремиться к достижению полной независимости, тем более что общая ситуация на Балканах, казалось, этому благоприятствовала.

Критское восстание и Первый Балкан- ский союз

Обострение ситуации на Балканах было связано с Критским восстанием. Оно продолжалось с лета 1866 г. по январь 1869 г. и было воспринято и балканскими народами, и великими державами как провозвестник возможного скорого краха Османской империи. Одной из первых на вооруженную борьбу на Крите, поводом которой стало повышение некоторых налогов, отреагировала Россия. С самого начала Петербург поддерживал требование восставших о присоединении острова к Греции, и лишь в крайнем случае Горчаков был готов согласиться с его автономией. Англия столь же последовательно отстаивала принцип целостности Османской империи, допуская лишь некоторое расширение самостоятельности острова. Пруссия

потеряла к восточным делам значительную долю интереса после того, как предпринятая Бисмарком в январе 1867 г. попытка «включить восточный вопрос в систему европейских компенсаций», т. е. удовлетворить компенсационные требования Франции на восточной почве, не удалась. Для Австро-Венгрии критский вопрос имел в значительной степени вторичный характер и рассматривался в Вене прежде всего как часть восточного вопроса, могущая служить началом более крупных балканских осложнений. На фоне последовательной политики других держав позиция Франции отличалась большей неустойчивостью, явившейся следствием длительного сосуществования в восточной политике Парижа двух противоположных тенденций: с одной стороны, Франция стремилась с помощью уступок России оторвать ее от Пруссии, с другой — обострение противоречий с Берлином в связи с люксембургским кризисом заставило Наполеона III идти на уступки Австрии, носившие антирусский характер.

Следующий этап критской проблемы был связан с заявлением России 17 октября 1867 г. о невмешательстве, в котором предлагалось «предоставить Турции последствиям ее необдуманного поведения». Александр II и Горчаков хотели таким образом предотвратить вторжение Австро-Венгрии в Боснию в случае всеобщего восстания на Балканах, которое они считали вероятным. Однако в Лондоне и Вене увидели в предложении Горчакова поощрение христианских народов на восстание. В реальности Россия была совершенно не заинтересована в скором взрыве на Балканах, поскольку, с одной стороны, в самом разгаре находились ее внутренние реформы и, с другой — в Петербурге со всей серьезностью отнеслись к напоминанию прусского короля Вильгельма I о том, что «больной человек в 1853—1856 годах нашел в ра ч е й...».

В январе 1868 г. султанским фирманом на Крите вводился так называемый Органический статут, по которому критяне получали частичную административную автономию, однако в реальности он не выполнялся. В итоге критский вопрос был урегулирован на созванной по предложению Пруссии в январе 1869 г. конференции в Париже, по решению которой остров оставался в составе Османской империи.

Критский кризис был примечателен еще и тем, что на его фоне была сделана первая попытка антитурецкого сближения христианских народов, которое часто называют Первым Балканским союзом (в отличие от второго, предшествовавшего Балканской войне 1912—1913 гг.). В сентябре 1866 г. был заключен сербско-черногорский союз, в августе 1867 г. — сербско-греческий и в начале 1868 г. — сербско-румынский. Однако окончание восстания, смерть сербского князя Михаила, а также отсутствие поддержки планам раздела европейской Турции извне, в том числе и со стороны России, привели к быстрому распаду едва появившегося союза.

Вместе с тем возникшие в связи с Критским восстанием ожидания скорого краха Османской империи активизировали не только политику малых балканских государств, но наиболее заинтересованных в восточном вопросе Австро-Венгрии и России, между которыми проходил обмен мнениями по двум насущным вопросам — отмены нейтрализации Черного моря и Боснии и Герцеговины.

Босния представляла собой самый отдаленный вилайет Османской империи, состоявший из санджаков Босния, Герцеговина и Нови Базар и почти отделенный от центральных областей христианскими территориями Сербии, Черногории и Северной Албании. Ее население составляли сербы, хорваты, а также мусульмане-потурченцы. Значение Боснии для империи Габсбургов заключалось в двух важных обстоятельствах. Во-первых, обладание Далмацией, узкой полоской на побережье Адриатики, к тому же разделенной на три части двумя турецкими анклавами — Клек и Сутторина, могло быть вполне обеспеченным со стратегической точки зрения только в случае овладения Боснией и Герцеговиной, составлявшими ее естественный тыл. Во-вторых — и это главное — захват этих земель Сербией привел бы к образованию крупного славянского государства, которое непосредственно граничило бы с югославянскими территориями империи Габсбургов на всем их протяжении — от южной оконечности Далмации до Трансильвании. Еще в 40-х гг. в Вене высказывалась мысль опередить Сербию в ее планах на присоединение Боснии. Различные планы захвата Боснии существовали и в 50-е гг., прежде всего в военных кругах. Однако только во второй половине 60-х гг., с выходом восточного вопроса на одно из первых мест во внешней политике империи Габсбургов и обострением ситуации на Балканах, планы захвата Боснии начали обретать более четкие очертания, тем более что теперь в них видели еще и средство возместить многочисленные материальные и моральные потери последних лет.

В этих планах австрийское руководство сталкивалось с сопротивлением двоякого рода. С одной стороны, умножения славянского населения в империи не желали венгры, с другой — Россия, узнав об этих планах, сделала устами русского посла в Вене «заявление, которое не могло оставить сомнений в его серьезности». Поэтому австрийский канцлер Бойст постарался привлечь Россию с помощью «дешевой и безопасной уступки». Речь шла об отмене нейтрализации Черного моря.

1 января 1867 г. Бойст выступил с предложением созыва международной конференции, которая должна была в особых комиссиях без участия Турции изучить положение Османской империи и выработать проекты реформ. Решения конференции должны были быть обязательными. Одновременно в качестве составной части всеобщего урегулирования восточного вопроса предполагалось пересмотреть ограничительные статьи Парижского трактата в отношении России. Реакция держав, особенно Франции, которой, собственно, и было адресовано предложение Бойста, разочаровала Вену. Причинами отказа послужило как нежелание Франции отступать от принципов 1856 г., так и невозможность предложить Парижу соответствующие компенсации «на западной почве». В России австрийские предложения также были отвергнуты. С одной стороны, еще на Особом совещании в ноябре 1866 г. был сделан вывод об отсутствии международных условий для отказа от ограничительных статей Парижского трактата. С другой стороны, в России не смогли преодолеть сильнейшие подозрения в отношении политики Австрии и по-прежнему видели в ней друга Порты, а в предложении Бойста — хитрый маневр. Горчаков

позднее заявлял, что, выступая с инициативой о Черном море, Бойст надеялся на «коллективное недоброжелательство» стран — участниц Парижского договора и срыв всего дела. Не найдя поддержки в сближении с Францией и не доверяя Австрии, в Петербурге сделали ставку на Пруссию.

Окончание Критского восстания и отмена на Лондонской конференции 1871 г. нейтрализации Черного моря до некоторой степени снизили остроту восточного вопроса. Однако его новая фаза началась уже в 1875 г.

§ 3. Восточный кризис 1875—1878 гг.

Восстание в Герцеговине и позиция держав

Прологом к восточному кризису послужило восстание в Герцеговине, начавшееся летом 1875 г., толчком к которому послужили две причины: с одной стороны, усиление налогового гнета турок, с другой — неосмотрительная политика Австро-Венгрии. Франц Иосиф весной 1875 г. совершил длительную поездку по южнославянским окраинам своей империи, которая была воспринята по ту сторону границы как поощрение к борьбе с турками. Вместе с тем в Европе были уверены, что восстание устроено русскими «агентами» показательный факт с точки зрения влияния на внешнюю политику общественного мнения и особенно национализма. Вообще широко распространенное мнение о «панславистских происках» России, по сути, иллюзия, не имевшая ничего общего с действительными намерениями Александра II и Горчакова, превратилась в политически действенный фактор, оказывавший большое влияние на весь ход восточного кризиса.

Ни одна из трех традиционно более всего заинтересованных в восточном вопросе держав — Россия, Англия и Австро-Венгрия — не входила в начинавшийся кризис с точными и едиными представлениями о своих интересах.

Правящие верхи Австро-Венгрии были расколоты. Военные и сам Франц Иосиф преследовали цель присоединения Боснии и Герцеговины. Еще до начала восстания в Герцеговине Франц Иосиф заявил итальянскому королю Виктору Эммануилу о том, что австрийская армия, возможно, вступит в Боснию. Андраши и стоявшая за ним Венгрия были против подобного увеличения славянского населения империи. Однако еще больше австрийский министр опасался присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии и создания на границах Австро-Венгрии крупного славянского государства, которое могло бы стать притягательным для славян империи. В этом свете присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии казалось ему меньшим злом.

Политическое руководство Российской империи также не было единым. Официальная политика, представленная Горчаковым и влиятельным послом в Лондоне П. А. Шуваловым, придерживалась курса не на раздел, а на ослабление Османской империи. Оказывая поддержку балканским народам, они надеялись добиться преобладающего влияния России в регионе и в перспективе решить проблему проливов. Существовала и влиятельная группировка славянофиль-

ской направленности, стремившаяся к созданию на месте европейской Турции независимых славянских государств и не исключавшая войну для достижения этой цели. Кроме того, в восточном кризисе 1875—1878 гг. впервые с такой силой проявилась роль общественного мнения в процессе принятия политических решений. Именно давление общественного мнения, выступавшего за помощь балканским единоверцам и единоплеменникам, в значительной степени толкало Александра II на проведение «славянской политики чувств», по выражению Бисмарка.

Единой политической линии не хватало и английскому руководству. Глава консервативного кабинета Дизраэли отстаивал традиционную догму целостности Турции и выступал за активное вмешательство для противодействия России, в то время как министр иностранных дел того же кабинета лорд Дерби старался удержать Англию от вмешательства и в ходе кризиса дважды подавал в отставку при угрозе столкновения с Россией. Помимо оппозиции внутри собственного кабинета, Дизраэли приходилось учитывать и оппозицию лидера либералов У. Гладстона, который публикацией своей прогрессивной на всю Европу брошюры о турецких зверствах «Болгарские ужасы и восточный вопрос» на время сумел лишить Дизраэли поддержки общественного мнения, столь важного для любого английского премьера.

Франция и Италия не играли в течение всего кризиса никакой существенной роли, поскольку первая была по-прежнему ослаблена, а вторая не обладала достаточным весом. Любой кризис на востоке имел для Франции двойное значение. Сосредоточивая внимание держав на Балканах, он нес в себе угрозу того, что Франция оставалась с Германией один на один. С другой стороны, такой кризис мог ослабить связь между Германией и Россией, которая все больше воспринималась в Париже как единственный возможный союзник.

Балканы занимали важное место в стратегии Бисмарка отвлечения держав на периферию. Поэтому в течение всего кризиса он исподволь поощрял противоречия между державами, в том числе неоднократно предлагая планы раздела Османской империи. Прекрасно понимая, что одно только обсуждение подобных планов обострит соперничество между заинтересованными державами, он, в частности, предлагал передать России восточную часть Балкан, Австро-Венгрии — западную, Англии — Египет, Крит и Кипр, а Франции — Тунис. Планам Бисмарка не противоречила даже война на Востоке, например между Англией и Россией или между Россией и Турцией, но ни в коем случае не война между Австро-Венгрией и Россией, которая заставила бы его выбирать между ними и таким образом уничтожила все выгоды положения прямо не заинтересованного в восточном вопросе государства.

Попытки мирного урегулирования

Европейская дипломатия предприняла три основные попытки урегулирования кризиса. Первой из них стала так называемая «нота Андраши», которую австро-венгерский министр иностранных дел разработал совместно с русским послом в Вене Е. П. Новиковым и представил для обсуждения великим державам и Турции в декабре 1875 г. В «ноте Андраши» предлагалось проведение реформ в Османской империи, отмена произвола при

взимании налогов, свобода вероисповедания. Будучи принятой всеми великими державами, она была отвергнута самими восставшими, поскольку не содержала в себе гарантий того, что Турция выполнит эти обязательства, даже если пообещает это сделать.

Из неудачи первого шага державы сделали выводы. Согласованный Россией, Австро-Венгрией и Германией в мае 1876 г. *Берлинский меморандум* содержал приблизительно те же условия, что и «нота Андраши», однако он предусматривал механизм контроля со стороны европейских консулов. Меморандум поддержали Франция и Италия, но Англия выступила против. Дизраэли был обеспокоен самим фактом сплоченного выступления трех «восточных держав»; собственно же в предложенном ими плане он увидел первый шаг к разделу Османской империи. Готовность вновь встать на страже целостности Турции Дизраэли продемонстрировал не только отказом поддержать меморандум, но и более красноречивым способом, вновь, как и накануне Крымской войны, направив в Безикскую бухту у входа в Дарданеллы английскую эскадру.

Эти неудачи европейская дипломатия терпела на фоне углублявшегося кризиса на Балканах. В апреле 1876 г. вспыхнуло восстание в Болгарии, в июне войну Турции объявила Сербия. Сербская армия потерпела быстрое поражение, и дальнейшее продвижение турецких войск на Белград было остановлено лишь ультиматумом России, в октябре 1876 г. вынудившим Турцию к заключению перемирия.

Последней попыткой европейской дипломатии разрешить кризис мирным путем стала конференция послов великих держав в Константинополе на рубеже 1876 и 1877 гг. Участники конференции предложили план создания трех христианских провинций, одну из которых составила бы объединенная Босния и Герцеговина, а две других — поделенная на восточную и западную части Болгария. Во всех трех провинциях должна была быть введена автономия и осуществлены реформы под европейским контролем, для которого учреждалась международная комиссия, распоряжавшаяся 4-тысячным полицейским корпусом, составленным из бельгийцев и итальянцев. Все эти договоренности были согласованы на предварительных заседаниях под председательством Н. П. Игнатьева в здании русского посольства без участия турецких делегатов. Однако на первом же пленарном заседании великий визирь сообщил изумленным европейским дипломатам, что их работа, по существу, является излишней, поскольку султан даровал своим подданным новую конституцию. Отсюда следовал принцип неделимости Турции, необходимость утверждения любых реформ Учредительным собранием (которое так и не было созвано) и декларативное равноправие христиан. Несмотря на предъявленный в январе 1877 г. коллективный ультиматум европейских стран, содержащий угрозу отзыва их послов, султан, втайне поддерживаемый Англией, отказался от предложений, выработанных конференцией. Европейские послы покинули Константинополь, и угроза войны стала очевидной.

Дипломатическая подготовка войны

Дипломатическую подготовку к возможной войне Россия начала еще летом 1876 г. Важнейшее значение имела позиция Австро-Венгрии. В Петербурге не хотели повторения ситуации начала Крымской войны, когда австрийские войска

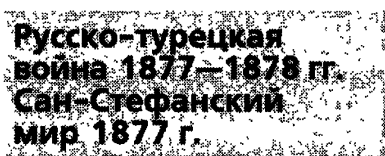
появились во фланге русских армий в Дунайских княжествах. Результатом переговоров Андраши и Горчакова в июле 1876 г. стало устное *Рейхштадтское соглашение*, позднее независимо друг от друга записанное под диктовку Горчакова и Андраши и имевшее, соответственно, две редакции. И в австрийском, и в русском вариантах речь шла о невмешательстве до тех пор, пока события не примут критический оборот. В этом случае следовало бы заключить формальный договор со следующими приблизительными условиями: отказ от создания большого славянского государства на Балканах; территориальные приращения Сербии и Черногории (по записи Горчакова большие, с передачей Черногории всей Герцеговины, по записи Андраши меньшие). В редакции Андраши предполагалось также, что Австро-Венгрия получает права на Боснию и Герцеговину, в редакции Горчакова — на некоторые части каждой из провинций. Россия возвращала себе утраченную в Крымскую войну Бессарабию, а также приобретала Батум. Наконец, в случае полного краха европейской Турции Болгария и Румелия (в варианте Андраши также и Албания) становились, по Горчакову, независимыми, по Андраши — автономными, Греция получала Эпир и Фессалию, Константинополь становился вольным городом.

Не имевшая юридической силы договоренность в Рейхштадте не избавила обе стороны от глубокого взаимного недоверия друг к другу. Балканский кризис поставил на карту слишком многое, и обе страны, убедившись в возможности компромисса между собой, все же хотели ясности относительно возможной альтернативы — конфронтации друг с другом. Ключевую роль здесь играла позиция Берлина. Осенью 1876 г. Россия и Австро-Венгрия практически одновременно запросили Бисмарка относительно его позиции в возможной австро-русской войне. Александр II сделал это через германского генерала Вердера, находившегося в Ливадии, где отдыхал царь. Русский император желал знать, поступит ли Вильгельм I в случае возможной войны таким же образом, как сам Александр поступил в 1866 г. и в 1870 г., т. е. обеспечит ли внешнеполитические условия для разгрома Австро-Венгрии. Из Вены же с вопросом о возможной поддержке в войне против России со специальной миссией прибыл барон Мюнх. Бисмарк, стремившийся поддерживать в отношениях между Австро-Венгрией и Россией состояние контролируемой напряженности, делавшее его необходимым для каждой из них, ни в коем случае не желал допустить их прямого столкновения, поэтому оба просителя получили отказ.

Тем самым германский канцлер вновь указал своим партнерам на стол переговоров. 15 января 1877 г. Андраши и Новиков подписали секретную *Будапештскую конвенцию* — своеобразный австрийский карт-бланш России на войну с Турцией, за которую ей пришлось уплатить высокую цену. Австро-Венгрия обязывалась соблюдать благожелательный нейтралитет, закрывать глаза на временное нарушение в связи с войной статей Парижского трактата о судоходстве по Дунаю и разрешать необходимые закупки для русской армии на территории монархии Габсбургов. Россия обязывалась не распространять военные действия на Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, а Австро-Венгрия — на Сербию, Болгарию и Румынию. Прилагавшаяся к основному тексту дополнительная конвенция трактовала territori-

альные изменения после войны. Согласно этой конвенции, Австро-Венгрия получала право аннексировать Боснию и Герцеговину, кроме той части, которая находилась между Сербией и Черногорией (Ново-Базарского санджака); Россия возвращала себе Южную Бессарабию; повторялись положения Рейхштадтского соглашения о недопустимости создания нового крупного государства на Балканах, об автономии Болгарии, Румелии и Албании, а также о возможном присоединении к Греции Фессалии, части Эпира и острова Крит.

Допустив аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, которую она ранее неоднократно объявляла поводом к войне, Россия обеспечила себе решающее условие для начала боевых действий. Последней попыткой сохранить мир на пороге войны стал подписанный представителями великих держав Лондонский протокол от 31 марта 1877 г., еще раз призывавший Порту вернуться к предложенным державами планам реформ. Турция отказалась присоединиться к этому протоколу. В середине апреля была подписана конвенция с Румынией об условиях прохода через ее территорию русских войск, и 24 апреля манифестом Александра II Османской империи была объявлена война.

После значительных первоначальных успехов продвижение русских армий на Балканах было задержано длительной осадой крепости Плевна, сдавшей лишь в декабре 1877 г. Срыв планировавшейся русским командованием молниеносной войны привел к

ослаблению международных позиций России и падению ее авторитета как мощной военной державы. Общественное мнение Англии, забыв о «болгарских ужасах», вновь повернулось в сторону Турции, и даже Андраши, невзирая на подписанные соглашения, призывал ударить в тыл русским войскам. В ответ на продвижение русских войск к Константинополю в Мраморное море вошла британская эскадра; Англия и Австро-Венгрия угрожали разрывом дипломатических отношений с Россией, если она введет свои войска в Константинополь. В этих условиях Россия в январе 1878 г. пошла на перемирие с турками, за которым 3 марта 1878 г. последовало подписание прелиминарного мирного договора в предместье Константинополя Сан-Стефано.

Сан-Стефанский мирный договор был, по существу, продиктован российским послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым, даже не сообщившим в Петербург подробностей подписанного им мира. Главными из двадцати девяти статей договора были те, в которых говорилось о создании огромной автономной Болгарии от Дуная до Эгейского моря с севера на юг, от Албании до Черного моря с запада на восток. Кроме того, признавалась полная независимость Сербии, Черногории и Румынии. Территории Сербии и Черногории незначительно увеличивались, Румыния передавала России Южную Бессарабию и взамен этого получала Добруджу. В Закавказье к России переходили крепости Ардаган, Карс, Баязет и Батум. Наконец, Турция обязывалась к проведению реформ в турецкой части Армении, на Крите, а также в Боснии и Герцеговине.

Сан-Стефанский договор вызвал бурю возмущения не только в заинтересованных великих державах, но и в самих балканских государствах, получавших полную независимость благодаря победам

русского оружия. Австро-Венгрия была возмущена явными нарушениями предыдущих договоренностей с Россией, поскольку в лице Болгарии создавалось крупное славянское государство, интересы Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине не получили никакого отражения и к тому же Черногория получала Ново-Базарский санджак — стратегически важный коридор между Сербией и Черногорией, который по Будапештской конвенции оставался в руках Турции. Англию совершенно не устраивало то обстоятельство, что с Болгарией Россия могла получить выход к Эгейскому морю и великолепный плацдарм для дальнейшего движения на Константинополь. К тому же ее приобретения в Закавказье позволили бы России контролировать важный караванный путь из Трапезунда в Тавриз.

Не менее раздраженными были и сами балканские государства. Сербия чувствовала себя незаслуженно обойденной и протестовала против включения в Болгарию Македонии, которую она рассматривала как область будущей «Великой Сербии». С этого момента и более чем на двадцать лет вперед Сербия отказывается от ориентации на Россию. Недовольными Сан-Стефанским договором были и греки, также претендовавшие на Македонию. Наконец, по мнению многих румынских политиков, полученная Добруджа не стоила потерянной Бессарабии. В результате Россия, истощившая свои силы в неожиданно тяжелой войне, решила избежать дальнейшей конфронтации с Англией и Австро-Венгрией и согласилась на предложенный Андраши конгресс.

Берлинский конгресс

Конгрессу предшествовала активная дипломатическая деятельность, по сути предопределившая многие его результаты. Судьба будущей Болгарии была предрешена англо-русским соглашением 30 мая 1878 г. По этому соглашению Болгария отдалялась от Эгейского моря на юге; лишалась Македонии на западе; делилась по Балканскому хребту на северную и южную части на правах, соответственно, политической и административной автономии. Когда подыскивали название для двух этих частей, русский посол Шувалов иронически предложил назвать их «Болгарией довольной» и «Болгарией недовольной». В Закавказье Россия отказывалась от Баязета и долины Алашкерта, «поскольку эта долина является великим транзитным путем в Персию». Таким образом, практически все претензии Англии к Сан-Стефанскому договору были удовлетворены. Кроме того, в июне Англия подписала соглашение с Австро-Венгрией о поддержке английской линии в болгарском вопросе в обмен на ответные услуги Вене в вопросе Боснии и Герцеговины. Наконец, накануне конгресса Англия подписала с Турцией *Кипрскую конвенцию*, по которой она фактически вынудила Порту предоставить ей право на оккупацию острова Кипр взамен на свою поддержку в том невероятном случае, если Россия потребует на конгрессе дальнейших уступок с ее стороны в Малой Азии.

13 июня начал свою работу Берлинский конгресс — последний конгресс в истории Венской системы, финальное выступление «европейского концерта». В работе конгресса приняли участие все великие державы, а также Турция. Каждая из стран традиционной «пентархии» была представлена тремя делегатами, Италия и Турция — двумя. Кроме того, в Берлин съехались представители балканских госу-

дарств, однако к официальным переговорам они допущены не были. Решающую роль играли два так называемых «первых делегата» от России, Англии и Австро-Венгрии, а также председательствовавший на конгрессе Бисмарк. В российской делегации ведущее место занимал эффектно явившийся прямо на первое заседание конгресса Горчаков, а также Шувалов; Австро-Венгрия была в первую очередь представлена Андраши и послом в Берлине Каройи; во главе английской делегации стояли Дизраэли и Солсбери — первый случай, когда премьер-министр и министр иностранных дел одновременно покинули Великобританию, чтобы принять участие в международном форуме.

С точки зрения дипломатической практики открывшийся в здании Имперской канцелярии на Вильгельмштрассе, 77 конгресс не принес значительных новшеств, за исключением речи Дизраэли, впервые на международном форуме произнесенной на английском языке. Основная работа осуществлялась не столько на пленарных заседаниях, сколько в консультациях непосредственно заинтересованных в конкретном вопросе сторон. Поскольку многие принципиальные вопросы были решены еще до созыва конгресса, он продвигался вперед довольно быстро и без существенных трений. Тем не менее не обошлось и без острых дискуссий, особенно между Россией и Англией. Когда 21 июня выяснилось, что Россия не соглашается с правом султана вводить свои войска в Восточную Румелию (так решили назвать лежавшую южнее Балканского хребта полуавтономную часть Болгарии), Дизраэли (с 1876 г., после пожалования дворянства, — граф Биконсфилд) покинул зал заседания, на ходу приказывая своему секретарю заказать поезд для возвращения в Англию. Россия согласилась на уступки, что не пошло на пользу ее престижу, в то время как эпизод с поездом привел в восхищение не только английское общественное мнение, но даже Бисмарка. Другие противоречия касались передачи России Батума и режима судоходства в Черноморских проливах. Англичане заявили, что соглашения 1841 и 1856 гг. о закрытии проливов по своему характеру являются обязательством султана перед великими державами, поэтому Англия намерена считаться только с «независимыми» решениями султана, т. е. он в любой момент может пригласить в проливы любой флот. Россия же настаивала на том, что упомянутые соглашения имеют характер международно-правового обязательства держав друг перед другом. Обе страны настояли на занесении своих точек зрения в протокол. В итоге все разногласия были преодолены, и 13 июля состоялось подписание шестидесяти четырех статей Берлинского трактата.

Первые двадцать две статьи были посвящены урегулированию болгарского вопроса: севернее Балканского хребта создавалось автономное княжество, связанное с Турцией уплатой дани, князь которого выбирался населением не из числа европейских правящих династий и утверждался Портой с согласия великих держав; к югу от Балканского хребта создавалась провинция Восточная Румелия с губернатором из христиан, обладавшая административной автономией под властью султана; русские оккупационные войска в княжестве Болгария и в Восточной Румелии должны были эвакуироваться через девять месяцев. Далее, Турция обязывалась ввести в действие на Крите провозглашенный еще десять лет назад Органический статут. Ста-

тья 24 обозначила перед Грецией перспективу получения части Эпира и Фессалии, которое должно было быть достигнуто путем переговоров с Турцией (произошло в 1881 г.). Одним из самых важных и чреватых последствиями положений Берлинского трактата была статья 25, согласно которой Австро-Венгрия получила право на неопределенный срок оккупировать Боснию и Герцеговину и содержать свои гарнизоны в разделявшем Сербию и Черногорию Ново-Базарском санджаке. Независимость и некоторые территориальные приращения получали Черногория (ст. 26—33) и Сербия (ст. 34—42); Румыния также официально признавалась независимой, уступала России Бессарабию и приобретала Добруджу (ст. 43—51). Статьи с 52 по 57 были посвящены судоходству на Дунае, и в частности установлению свободы плавания и демилитаризации Дуная от Железных ворот до Черного моря. Россия получала Ардаган, Карс и Батум, однако последний — уступка англичанам — объявлялся коммерческой «вольной гаванью» (статья отменена в 1886 г.); долина Алашкерта и Баязет возвращались Турции. Статья 63 подтверждала все не подвергшиеся изменению положения Парижского трактата и Лондонской конвенции 1871 г., и, таким образом, режим судоходства в Черноморских проливах остался без изменений. Наконец, согласно ряду статей Берлинского трактата как во всех частях Османской империи, так и в новых независимых государствах вводились свобода совести и равноправие всех национальностей и вероисповеданий.

После разрешения на Берлинском конгрессе основных проблем подписанный 8 февраля 1879 г. *Константинопольский мир* между Россией и Османской империей касался в основном лишь вопросов контрибуции, возмещения убытков российским подданным, возвращения военнопленных и амнистии. Тем самым в истории Восточного кризиса 1875—1878 гг. была поставлена окончательная точка.

Итоги Берлинского конгресса

Итоги восточного кризиса 1875—1878 гг. и завершившего его Берлинского конгресса затрагивали два уровня международных отношений — собственно балканский и общеевропейский.

Для Балкан Берлинский конгресс стал точкой отсчета для всего их последующего развития, вплоть до Балканских войн 1912—1913 гг. Несмотря на достижение независимости, ни одно из балканских государств не было удовлетворено итогами кризиса. Болгары, чувствовавшие себя особенно пострадавшими, главной внешнеполитической целью провозгласили границы по Сан-Стефанскому миру; Греция претендовала на оставшуюся у Турции часть Эпира и одновременно соперничала с Сербией и Болгарией за Македонию; полное невнимание держав к албанской проблеме вызвало рост национализма в Албании, предъявившей территориальные претензии к Черногории; Сербия, сражавшаяся против турок с оружием в руках, была глубочайшим образом разочарована тем, что ее планы по объединению населенных сербами земель потерпели полный крах; Румыния не смирилась с потерей Бессарабии, Добруджа же оказалась данайским даром, поскольку на нее претендовала также Болгария. Помимо подобного рода территориальных противоречий, Берлинский конгресс невольно обострил ситуацию на Балканах и в другом отношении. Полученная независимость не столько удовлетворила национальные амбиции, сколько дала им мощный толчок. Если раньше националь-

ная динамика балканских государств сдерживалась турецким владычеством, то теперь они действовали гораздо более самостоятельно и с меньшей оглядкой на великие державы. Территориальные противоречия и безудержный национализм постепенно превращали Балканы в «пороховой погреб Европы».

Парадоксальным образом из великих европейских держав едва ли не в главном проигрыше оказалась победоносная Россия, которая, по выражению современника, «прибыла в Берлин, чтобы извиниться за свою победу». Общественное мнение России, которое столь активно толкало царя на войну, теперь чувствовало себя лишенным плодов победы. Руководители российской внешней политики — традиционная ее беда — также отреагировали на Берлинский конгресс слишком эмоционально. Ответственным за неудачу очень скоро сделали Бисмарка, не отблагодарившего Россию ответной услугой за ее помощь в 1870 г. Так к «неблагодарной» Австрии добавилась «неблагодарная» Германия.

Австро-Венгрия также могла себя поздравить разве что с тем, что кризис обошел стороной ее собственных славян и румын. Босния и Герцеговина были оккупированы, а не аннексированы, поскольку Андраши так и не решился нарушить хрупкий национальный баланс внутри империи Габсбургов. В реальности присоединенные провинции стали троянским конем, еще глубже вовлекшим Австро-Венгрию в балканские проблемы и в конце концов приведшим ее к полному краху.

Исход восточного кризиса могли записать себе в актив лишь Англия, Германия и в меньшей степени Франция.

Англия в очередной раз смогла не допустить полного краха Османской империи и предотвратить появление России на Босфоре. К тому же оккупация Кипра предоставила в ее распоряжение важнейший опорный пункт в Восточном Средиземноморье.

В полном соответствии с ожиданиями Бисмарка очередное обострение восточного вопроса самым благотворным образом сказалось на положении Германии: начало Восточного кризиса совпало с унижительным дипломатическим поражением в «военной тревоге» 1875 г.; в конце кризиса Бисмарк председательствовал на европейском ареопаге, осаждаемый просьбами о поддержке; проблема франко-германского антагонизма отошла на второй план. Объявив, что будет ограничиваться на конгрессе лишь ролью «честного маклера» (на что его банкир Блейхредер заметил: «Честных маклеров не бывает»), Бисмарк в реальности стремился сохранить выгодное ему относительное равновесие между Австро-Венгрией и Россией на Балканах и действительно не оказал должной поддержки России.

Все это имело далеко идущие последствия для последующей расстановки сил в Европе. Одно из них выразил Горчаков, уже в середине работы конгресса писавший Александру II: «Общее впечатление, которое я увезу с конгресса, состоит в том, что было бы иллюзией рассчитывать в дальнейшем на Союз трех императоров». С отчуждением России от Германии и Австро-Венгрии на международной арене наметилась новая конфигурация сил, когда враждебность России подталкивала австрийских политиков к сближению с Берлином, а на место нового друга России все активнее претендовала Франция. Однако в отличие от времен Наполеона III от желания Парижа пока мало что зависело. На следующие десять лет дипломатической столицей Европы становится Берлин.

Глава 15. Система союзов Бисмарка 1879—1890 гг.

Если новая ситуация на Балканах была закреплена совместными решениями всех заинтересованных сторон на Берлинском конгрессе, то изменения в остальной Европе по-прежнему определялись лишь результатами войн за объединение Италии и Германии, без какой бы то ни было общеевропейской санкции. Роль и место новых государств в Европе и, шире, проблема обеспечения стабильности системы в ту эпоху, когда «европейский концерт» практически прекратил свое существование и составлявшие его державы действовали все более самостоятельно, — вот что стояло на европейской повестке дня. В качестве решения этих проблем Бисмарк предложил нечто совершенно новое — создание системы долговременных союзов.

Происходила смена целых эпох в истории международных отношений: Венская система заменила международные отношения Старого порядка с их верой в естественный автоматизм равновесия, с их анархией и высокой степенью конфликтности; к последним десятилетиям XIX в. исчерпала себя и сама Венская система с ее антиреволюционной и антинациональной направленностью, с ее стремлением к консенсусу и коллективному действию. Внешнюю политику во все большей степени стал определять «священный эгоизм» национальных государств. Однако возвращения к анархии конкурирующих между собой государств не произошло, поскольку система получила новую международно-правовую и фактическую основу в лице долгосрочных союзов, начало которым положил Бисмарк.

Подготавливая условия для возникновения единой Германии, Бисмарк большую часть своей политической карьеры добивался изменений, ревизии, модификации существовавшей системы — теперь он хотел ее сохранить. Главную угрозу созданной в 1871 г. новой ситуации в Европе, по мнению германского канцлера, являла собой Франция, которая неизбежно должна была стремиться к реваншу и с этой целью искать себе союзников. С помощью системы союзов Бисмарк хотел не только изолировать Францию и таким образом прекратить мучавший его «кошмар коалиций», но и обеспечить мир и стабильность в Европе, ведущее место в которой он отводил Германии.

Подобные мысли нашли самое яркое отражение в так называемой «киссингенской диктовке», своеобразном внешнеполитическом идеале Бисмарка, сформулированном летом 1877 г. во время пребывания в курортном городке Бад Киссинген. Целью внешней политики Германии объявлялось «не приобретение какой-либо территории, а общая политическая ситуация, в которой все державы, кроме Франции, нуждаются в нас и по возможности удерживаются от коалиций против нас...». Следовало превратить Германию в самого желанного партнера прочих великих держав, сдерживая и одновременно поощряя их противоречия, — России и Англии, России и Австрии, Франции и Англии. Первый шаг по реализации этой концепции был сделан в 1879 г.

§ 1. Складывание системы Бисмарка

Причины создания австро-германского союза 1879 г.

Одним из факторов, подтолкнувших Бисмарка на заключение Двойственного союза с Австро-Венгрией, стало ухудшение отношений с Россией, наступившее сразу после Берлинского конгресса. Масла в огонь подлил сам Бисмарк своими высказываниями о неудаче Горчакова на конгрессе, которые в сентябре 1878 г. были опубликованы в английской «Таймс». С этого момента и на следующие полтора года Европа стала свидетельницей ожесточенной «газетной войны двух канцлеров». Она была не только выражением неприязни Бисмарка к «тщеславному» Горчакову, но и средством, с помощью которого германский канцлер надеялся вызвать отставку своего известного франкофильскими симпатиями русского коллеги и, таким образом, подготовить почву к возобновлению связи между Берлином, Веной и Петербургом. Однако в реальности его действия лишь усилили ожесточение как русского общественного мнения, так и правящих кругов, кульминацией которого стало так называемое «письмо-пощечина» Александра II германскому императору Вильгельму I от 15 августа 1879 г., в котором он обвинял Германию и лично Бисмарка в ухудшении русско-германских отношений. Со своей стороны Бисмарк был обеспокоен слухами о концентрации русских войск в Польше и особенно о контактах с Францией. В том же 1879 г. он нанес удар, гораздо более болезненный, чем газетные обвинения, повысив пошлины на ввоз русского зерна. Учитывая, что во второй половине 70-х гг. на Германию приходилось 34% экспорта, носившего по преимуществу сельскохозяйственный характер, подобная мера имела тяжелые последствия для экономики России. Наконец, дополнительную напряженность в русско-германские отношения внесла позиция Германии в различных международных комиссиях по отдельным балканским вопросам, созданных после Берлинского конгресса, — практически в каждой из них Германия выступала на стороне Англии и Австро-Венгрии.

Наряду с ухудшением отношений с Россией вторым важнейшим фактором, приведшим к заключению союза 1879 г., была собственно проблема монархии Габсбургов. Итальянские и германские потери Австро-Венгрии привели к серьезному ослаблению ее внешнеполитического потенциала, в то время как периодические обострения национальной проблемы давали основания политикам и публицистам говорить о ней как о втором «больном человеке» Европы. Между тем монархия Габсбургов занимала в планах Бисмарка важнейшее место. В его глазах она оставалась «европейской необходимостью» из-за своей роли в Центральной и Юго-Восточной Европе: присоединив к себе австрийских немцев, Германия не знала бы, что делать с ее ненемецкими частями — Венгрией, Трансильванией, Хорватией, Богемией. «Богемия в руках русских означала бы наш конец; Богемия в наших руках означала бы войны с царской империей без всякой пощады и передышки. Вы видите, наша жизненная потребность состоит в том, чтобы Австрия жила», — заявлял Бисмарк. К тому же присоединение австрийских немцев нарушило бы внутренний баланс сил в Германии, поставив под угрозу гегемонию Пруссии. В пользу

союза с Австро-Венгрией говорили и внутривластные соображения — союз с «немецкими братьями» соответствовал историческим традициям связи монархии Габсбургов с Германией и нашел широкую поддержку общественного мнения Германии. Кроме того, Бисмарк учитывал и внутреннюю ситуацию в Австро-Венгрии. Официальное дуалистическое соглашение 1867 г. преобладание немцев и венгров с их ориентацией на Германию полностью устраивало Бисмарка. Закрепление этой связи формальным союзом позволило бы укрепить дуалистическую структуру монархии Габсбургов против попыток ревизии со стороны ее славянских народов. Дополнительным поводом к заключению союза стала поступившая из Вены информация о том, что Андраши, главный сторонник сближения с Германией, собирается покинуть пост министра иностранных дел; предложенный Бисмарком союз должен был в этом смысле обеспечить преемственность австрийской внешней политики после ухода Андраши.

С внешнеполитической точки зрения союз с монархией Габсбургов означал и укрепление ее позиций на Балканах. Между тем Бисмарк в рамках своей стратегии отвлечения великих держав от франко-германского конфликта на периферию считал необходимым, по собственному выражению, «держать восточный гнойник открытым». Это позволяло ему не только выступать в роли арбитра между занятыми на Балканах Австро-Венгрией и Россией, но и косвенным образом вовлекать в создаваемую им систему Англию, традиционно заинтересованную в противостоянии России в этом регионе, — недаром Солсбери назвал сообщение о заключении австро-германского союза «радостным известием».

Наконец, третьим существенным соображением, подтолкнувшим Бисмарка к заключению имевшего антирусскую направленность австро-германского союза, было, как это ни парадоксально, стремление привлечь Россию к союзу с Германией. Сближение с Россией было императивом внешней политики Бисмарка по двум основным соображениям: во-первых, он считал войну с ней губительной и бесперспективной и, во-вторых, именно франко-русский союз казался ему наиболее опасной комбинацией для Германии. Возрождение в той или иной форме союза трех «восточных монархий» соответствовало как консервативным идеалам Бисмарка, так и его представлениям о соотношении сил в Европе: «Всю политику можно свести к формуле: постарайся держаться втроем, пока ненадежным равновесием распрягаются пять великих держав. Вот настоящая гарантия против коалиций». Союз с Австро-Венгрией должен был, по мысли Бисмарка, продемонстрировать России угрозу политической изоляции и заставить ее обратиться в Берлин. К тому же в случае, если желаемую германским канцлером связь трех империй удалось бы создать, Германия, чувствуя за собой поддержку своего австрийского союзника, уже не играла бы внутри этой связи роль младшего партнера России.

Заключение австро-германского союза 1879 г.

В ходе начавшихся осенью 1879 г. переговоров между Германией и Австро-Венгрией возникло лишь две проблемы, и обе были связаны с Россией: Андраши ни в коем случае не хотел присоединения к планировавшемуся союзу России и настаивал на его антирусской направленности, а Вильгельм I, напротив, ее не желал. В конце концов

германский кайзер был вынужден уступить своему канцлеру, пригрозившему отставкой.

Подписанный 7 октября 1879 г. Андраши и германским послом в Вене договор предусматривал, что в случае нападения России на одну из сторон другая выступит на помощь всеми вооруженными силами, и при этом стороны не будут заключать сепаратного мира (ст. 1). В том случае, если одна сторона подвергнется нападению какой-либо иной державы (не России), другая сторона обязалась соблюдать благожелательный нейтралитет (ст. 2). Если нападающего поддержит Россия, то автоматически вступала в силу ст. 1. Договор заключался на 5 лет и впоследствии продлялся вплоть до Первой мировой войны.

Хотя договор имел очевидную антирусскую и антифранцузскую направленность, он носил в целом оборонительный характер. В обоих случаях стороны отказались от активной поддержки друг друга в наступательной политике соответственно на Балканах и в Западной Европе: Германия приходила на помощь Австро-Венгрии только в случае прямого нападения России, монархия Габсбургов ограничивалась нейтралитетом в случае нападения «иной державы», под которой, очевидно, подразумевалась Франция.

Значение австро-германского союза трудно переоценить. Во-первых, Германия связала себя с одним из слабых членов системы, со всеми рисками ее существования, с ее антирусским аффектом, с ее амбициями на Балканах. Однако, пока существовала система Бисмарка, пока Балканы рассматривались не более как громоотвод для скопившегося в Западной Европе напряжения, весь масштаб и все далеко идущие последствия этого шага не проявились в полной мере. Во-вторых — и это еще более важно — австро-германский союз положил начало новой эпохе раскола Европы на противостоящие блоки. Если раньше союзы, как правило, заключались на пороге войны и с конкретными целями, то этот союз возник посреди мирной эпохи и просуществовал до 1918 г.

Оба этих обстоятельства — раскол Европы на блоки и вовлечение Германии в балканские дела — сыграют роковую роль в возникновении Первой мировой войны. Однако для самого Бисмарка Двойственный союз мыслился как фундамент, на котором он стал возводить сложное здание европейских союзов.

Союз трех императоров 1881 г. Внешнеполитический идеал Бисмарка «держаться втроем» был в значительной степени реализован благодаря тактике германского канцлера в отношении России. В частности, оправдались ожидания, связанные с Двойственным союзом: еще не зная о его существовании (оно стало достоянием гласности лишь в 1888 г.), но заметив очевидное сближение между Германией и Австро-Венгрией, Россия в самом деле стала опасаться изоляции. К тому же вновь осложнились русско-английские отношения. Особенно большое беспокойство России, за десять лет после отмены нейтрализации Черного моря так и не начавшей строительство там флота, вызывала проблема безопасности черноморских берегов; трактовка англичанами на Берлинском конгрессе режима судоходства в Босфоре и Дарданеллах давала к этому основания. Наконец, сближению с Германией способствовали и перемены в руководстве россий-

ского внешнеполитического ведомства. Фактически уже с 1879 г., а формально с 1882 г. министром иностранных дел вместо престарелого Горчакова становится Н. К. Гирс. Важнейшей своей целью новый министр считал сохранение спокойствия в Европе и предотвращение новой войны с участием России. Возобновление связи трех императоров казалось ему лучшим способом добиться этой цели.

Наиболее существенную трудность представляло привлечение к союзу с Россией Австро-Венгрии. В Вене чувствовали себя до некоторой степени обманутыми: Двойственный союз оказался своего рода приманкой, волей Бисмарка вовлекавшей монархию Габсбургов в связь с той самой страной, против которой он был направлен. Но у Австро-Венгрии не оставалось почти никакой свободы выбора. В Англии в 1880 г. к власти пришли либералы, лидер которых Гладстон в последней предвыборной речи во всеуслышание объявил Австрию «упорным врагом свободы во всех странах Европы». На поддержку антирусской политики Австро-Венгрии из Лондона надеяться не приходилось; главный союзник Бисмарк указывал на Петербург. Впрочем, преемник Андраши Гаймерле ставил одно неперемное условие: Россия должна признать западную часть Балкан зоной влияния Австро-Венгрии.

«Союз трех императоров» был подписан в Берлине 18 июня 1881 г. и состоял из семи статей и двух дополнительных протоколов. Стороны обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с четвертой державой, за исключением Турции (в этом случае должно было быть заключено дополнительное соглашение о результатах подобной войны). Все три страны обязывались сохранять статус-кво и уважать интересы друг друга на Балканах, характер которых уточнялся в дополнительных протоколах. Провозглашалась обязательность принципа закрытия проливов. По дополнительным протоколам Австро-Венгрия получала право аннексировать Боснию и Герцеговину в любой подходящий для себя момент; допускалась возможность объединения Болгарии и Восточной Румелии, и заявлялся дружеский характер взаимоотношений дипломатических представителей трех государств на Востоке.

По сути дела, договор представлял собой устраивающий всех компромисс. Фактически Австро-Венгрия получила преобладающее влияние на Западе Балкан, а Россия — на Востоке. К тому же Россия приобрела поддержку своих союзников в вопросе проливов, что придало договору некоторую антианглийскую тенденцию. Со своей стороны Бисмарк добился обеих своих целей: не дал приблизиться России к Франции и занял место своеобразного арбитра между Австро-Венгрией и Россией. Однако с самого начала было очевидно, что будущее «Союза трех императоров» зависело от того, насколько далеко зайдут эти противоречия. В ближайшей перспективе на повестке дня стояло привлечение к союзной системе Италии.

После присоединения в 1871 г. Рима и завершения, таким образом, национального объединения внешняя политика Италии претерпела некоторые изменения. Если в предыдущие десятилетия действия Сардинии-Пьемонта на международной арене диктовались преимущественно потребностями национального объединения, то перед новым госу-

**Внешняя политика
Италии
1871—1882 гг.**

дарством — Италией встала проблема новых ориентиров, поиска своего места в Европе и укрепления вновь приобретенного статуса великой державы.

До завершения объединения внешняя политика определялась в первую очередь враждой с монархией Габсбургов, а также сотрудничеством с Англией, Францией и Пруссией. Новая ситуация была отмечена улучшением отношений с Австро-Венгрией и нарастанием противоречий с «латинской сестрой» — Францией, так много сделавшей для итальянского объединения. После получения львиной доли итальянских земель монархии Габсбургов австро-итальянские противоречия утратили значительную долю своей остроты. Вместе с тем эти противоречия не исчезли вовсе. В ходе выработки новых политических приоритетов в 70-е гг. обозначились три основных направления итальянской внешней политики — претензии на все еще остававшиеся в руках Габсбургов земли с итальянским населением, проникновение на Балканы и стремление к колониям. Первые два направления напрямую угрожали интересам Габсбургов. Даже после потери Ломбардии и Венеции в руках Габсбургов сохранялись территории со смешанным, но преимущественно итальянским населением, в первую очередь область вокруг адриатического порта Триест, а также Трентино (Южный Тироль). За присоединение этих земель выступало ирредентистское движение, получившее свое название от организации «Италия ирредента» («неискупленная Италия»).

Интересы Австро-Венгрии, давно рассматривавшей западную часть Балкан как исключительно свою сферу влияния, задевались претензиями Италии на эти же территории и особенно на Албанию. Впервые подобные претензии были заявлены на Берлинском конгрессе, когда Италия неожиданно потребовала себе компенсаций за оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины.

Тем не менее австро-итальянские противоречия отступали на второй план, поскольку с конца 70-х гг. возобладало третье, колониальное направление итальянской внешней политики, и здесь в роли главного конкурента Италии выступила Франция. В сфере интересов итальянцев было африканское побережье Красного моря, а также лежавшая напротив итальянских берегов Северная Африка и особенно Тунис.

История с Тунисом особенно показательна как с точки зрения усиления к концу XIX в. взаимовлияния европейской и колониальной политики, так и в качестве иллюстрации действенности стратегии отвлечения на периферию, которую практиковал Бисмарк. В 1869 г. дей Туниса обанкротился и попал под общий финансовый контроль Англии, Франции и Италии. В 1879—1881 гг. шло ожесточенное соперничество между Францией и Италией за концессии в Тунисе, в то время как Англия была готова признать Тунис сферой влияния Франции, имея в виду, что взамен сами англичане получают большую свободу рук в отношении Египта. На Берлинском конгрессе Солсбери предложил французскому министру иностранных дел Ваддингтону «взять Тунис». Со своей стороны Бисмарк видел в Тунисе в первую очередь возможность «отвратить взгляды Франции от Страсбурга и Меца». В январе 1879 г. он обратил внимание французского посла на то, что ««тунисская груша созрела и сейчас время ее проглотить». На самом деле Бисмарк еще с большими основания-

ми мог бы назвать Тунис «яблоком» — яблоком раздора. Дело в том, что еще на Берлинском конгрессе с той же гастрономической образностью он дал совет итальянским делегатам в отношении Туниса — «проглотить кусок». В этой политике он нашел полную поддержку Австро-Венгрии, которой хотелось отвлечь Италию от собственных границ, а также от западных Балкан. В 1881 г. Франция оккупировала Тунис и, по сути, тем самым бросила Италию в объятия Бисмарка.

Заключение Тройственного союза

Тройственный союз был подписан 20 мая 1882 г. на следующих условиях. В случае неспровоцированного нападения Франции на Италию Германия и Австро-Венгрия должны были прийти ей на помощь со всеми своими силами; в случае нападения Франции на Германию помощь последней оказывала только Италия, а Австро-Венгрия сохраняла нейтралитет до момента вступления России в войну на стороне Франции. В случае войны одного из участников с иной великой державой (кроме Франции) два других обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет; если же одна из договаривающихся сторон оказывалась вовлеченной в неспровоцированный военный конфликт с двумя великими державами, две другие предоставляли ей военную помощь. В реальности под политическим неизвестным «иная великая держава» скрывалось вполне определенное значение: речь шла о том, что Италия сохраняет свой нейтралитет в случае войны Австро-Венгрии с Россией и оказывает поддержку монархии Габсбургов и Германии в их войне с русско-французским союзом. После подписания договора Австро-Венгрия и Германия приняли к сведению заявление Италии о ее отказе предоставлять военную помощь союзником в случае войны с Англией — при протяженности итальянской береговой линии такая война сделала бы Италию чрезвычайно уязвимой.

В результате заключения Тройственного союза оба младших партнера Германии, Австро-Венгрия и Италия, могли быть удовлетворенными. Австро-Венгрия получала спокойный тыл в случае войны с Россией и надежду на смягчение ирредентистской угрозы. Италия вышла из состояния внешнеполитической изоляции, а признание ее «союзоспособности» укрепило ее престиж как великой державы. Союзники не пошли на требование Италии относительно взаимных территориальных гарантий, поскольку это означало бы признание римского вопроса решенным, чего не могла себе позволить в первую очередь преимущественно католическая Австро-Венгрия. Тем не менее сам факт заключения союзного договора показывал, что Австро-Венгрия и Германия не имели намерения вмешиваться в римский вопрос.

В выигрыше оказался и Бисмарк. Отныне Франция имела на своих юго-восточных границах враждебное государство, в то время как Австро-Венгрия, наоборот, получила некоторое облегчение в своем противостоянии с Россией. Последнее казалось Бисмарку особенно актуальным в ситуации 1882 г., когда отношения между Россией и Германией несколько осложнились из-за всплеска национальной риторики с обеих сторон, и особенно в связи с речью генерала Скобелева перед парижскими студентами, в которой он назвал Германию «естественным врагом славянства».

В целом «Союз трех императоров» и Тройственный союз составили ядро системы Бисмарка. Германия оказалась в центре двойной системы союзов, которые пересекались и даже противоречили друг другу. С одной стороны, «Союз трех императоров» с его ощутимой антианглийской тенденцией, с другой — Двойственный и Тройственный союзы антирусской и антифранцузской направленности, заключенные при молчаливом одобрении Англии. Все эти союзы, несмотря на то что в их текстах говорилось о военных обязательствах, в реальности не готовили войну, а предотвращали ее, поскольку смысл каждого из них заключался в сохранении статус-кво и сдерживании динамики великих держав: Двойственный союз сдерживал Россию, Тройственный — Францию, «Союз трех императоров» — Англию и Австро-Венгрию. Благодаря наличию противоречий между своими партнерами в каждом из союзов Бисмарк не столько сотрудничал, сколько контролировал их, обеспечивая Германии, по сути, полугегемониальное положение в континентальной Европе.

Система Бисмарка и малые страны Европы

После того как в начале 80-х гг. здание союзной системы было в основном построено, Бисмарку остались лишь некоторые «отделочные работы». В частности, политика балканских государств была косвенным об-

разом взята под контроль Германией благодаря союзным договорам Австро-Венгрии с Сербией и Румынией.

После русско-турецкой войны 1877—78 гг. Сербия быстро попала под влияние Австро-Венгрии. Князь Милан IV Обренович, во многом движимый личными честолюбивыми и корыстными помыслами, в июле 1881 г. подписал *Белградский договор*, фактически поставивший Сербию под австрийский протекторат. Австро-Венгрия обещала признать Сербию королевством и не препятствовать расширению ее южных пределов, однако не за счет Новопазарского санджака, отделявшего Сербию от Черногории. Фактически признав австрийскую оккупацию Боснии и Герцеговины, Сербия обязалась также не вести антиавстрийскую пропаганду на своей территории, не заключать политических договоров с иностранными государствами без предварительного согласия Австро-Венгрии и не допускать на свою территорию иностранные вооруженные силы. Одновременно увеличилась и экономическая зависимость Сербии от Австро-Венгрии, проводником влияния которой была строившаяся через сербские территории железная дорога на Константинополь. К тому же в 1881 г. Австро-Венгрия навязала Сербии невыгодный торговый договор, на долгие годы превративший ее в сельскохозяйственный придаток Австро-Венгрии. Все это привело к тому, что Сербия, в 1882 г. провозглашенная королевством, оставалась под австрийским влиянием вплоть до начала XX в.

Другим успехом политики австро-германского блока стало привлечение Румынии, также провозглашенной королевством в 1881 г. Как и Сербия, она была недовольна результатами русско-турецкой войны 1877—1878 гг., лишившими ее Южной Бессарабии. Румыны претендовали на возвращение Бессарабии и, во всяком случае, не хотели повторения похода русских войск через Балканы по их территории. Их союзником в первую очередь могла быть Австро-Венгрия, однако две страны разделяли немалые противоречия, связанные с

тем, что румынские националисты претендовали также и на земли Трансильвании. Делу вновь помог Бисмарк, никогда не смущавшийся наличием противоречий между своими союзниками. По его инициативе в конце октября 1883 г. состоялось подписание австро-румынского договора, по которому Румыния обязалась оказать помощь в случае нападения на соседнюю с ней территорию Австро-Венгрии, а монархия Габсбургов обещала аналогичную помощь Румынии. Россия прямо не называлась, но было очевидно, что договор направлен против нее. Спустя некоторое время к австро-румынскому союзу присоединилась Германия. С некоторыми изменениями австро-германо-румынская связь просуществовала вплоть до Первой мировой войны.

Не связывая себя, как в случае с Сербией и Румынией, конкретными союзными обязательствами, Германии и Австро-Венгрии удалось вовлечь в орбиту своего влияния также Турцию и даже Испанию; о цели сближения с последней Бисмарк высказался с присущей ему образностью — «поставить испанскую мушку на французский затылок». Таким образом, к началу 80-х гг. XIX в. сформулированный в «киссингенской диктовке» идеал был практически достигнут: изоляция Франции была полной; практически все значимые субъекты европейской политики, за исключением пребывавшей в добровольном изоляции Англии, прямо или косвенно входили в тщательно выстроенную систему союзов, центром которой стал Берлин. В 1882 г. Бисмарк с удовлетворением заметил, что «машина собрана так хорошо, что могла бы работать сама собой». Однако уже через три года этой машине пришлось пройти тяжелое испытание двумя кризисами, почти одновременно вспыхнувшими на Западе и на Востоке.

§ 2. Кризисы середины 80-х гг. и система Бисмарка

Болгарский кризис

После потери влияния в Сербии и Румынии Болгария, хотя и значительно урезанная решениями Берлинского конгресса, оставалась главной опорой России на Балканах. Ее возглавлял Александр Баттенбергский (1879—1886), немец по происхождению, племянник российской императрицы Марии Александровны, который и после избрания на болгарский престол сохранил чин русского офицера и числился в свите Александра II. Россия выступила организатором Народного собрания, принявшего либеральную Тырновскую конституцию — также фактически по российскому проекту; все руководящие посты в болгарской армии занимали русские офицеры. Однако российские позиции в Болгарии подрывались противоборством внутри страны прорусских и проавстрийских сил, слишком частыми напоминаниями из Петербурга о роли России в освобождении Болгарии, а также желанием самого Александра Баттенбергского освободиться как от ограничений Тырновской конституции, так и от русской опеки.

В сентябре 1885 г. вспыхнуло восстание в Восточной Румелии, провозгласившее объединение с Болгарией; возникла реальная угроза вторжения турецких войск в эту автономную провинцию Турции.

Очередной восточный кризис был вызовом как решениям Берлинского конгресса, так и системе союзов Бисмарка, на который державы ответили по-разному. Особую роль играли Россия и Англия, вопреки сложившимся законам балканской драматургии, отчасти выступившие в несвойственных им ролях.

Россия заняла двойственную позицию: с одной стороны, она! ожидало воспротивилась интервенции войск султана, с другой — запретила своим офицерам участвовать в болгарских событиях, несмотря на то что возможность объединения Болгарии и Восточной Румелии была предусмотрена договором о создании «Союза трех императоров». Тем самым в Петербурге стремились сохранить благоприятно развивавшиеся отношения с Османской империей, особенно в вопросе проливов, а также надеялись избежать нового балканского взрыва, активно вмешаться в который Россия не была готова ни в экономическом, ни в военном отношении. К тому же для российского политического руководства не остались тайной все более очевидные проавстрийские настроения Александра Баттенбергского.

Именно последнее обстоятельство решающим образом повлияло на позицию Англии. Если Болгария из русского плацдарма на пути к Константинополю могла превратиться в препятствие, то в Лондоне не имели ничего против того, чтобы это препятствие было увеличено. Поэтому Солсбери, вместо того чтобы традиционно выступать с протурецких позиций и протестовать против нарушения Берлинского трактата, предложил компромиссный вариант — избрать губернатором Восточной Румелии Александра Баттенбергского.

К началу болгарского кризиса Австро-Венгрия не занимала враждебной позиции по отношению к России, свидетельством чему было продление в 1884 г. «Союза трех императоров». На провозглашение объединения Болгарии и Восточной Румелии в Австро-Венгрии прореагировали двояко: венгры во главе с Андраши, как и англичане, требовали создания сильной Болгарии как барьера на пути России, в то время как официальная политика в лице министра иностранных дел Г. Кальноки выступила за сохранение статус-кво. В Вене по-прежнему опасались, с одной стороны, того, что Россия, как в 1877 г., может вернуться к политике «большой Болгарии», и, с другой — что в случае расширения Болгарии прочие балканские государства потребуют для себя компенсации, и это вызовет всеобщий кризис на Балканах.

Остальные великие державы в течение кризиса играли скорее второстепенные роли. Италия не занимала сколько-нибудь активной позиции, Франция была главным образом озабочена тем, чтобы ее не заставили выступить против России, Бисмарка же интересовало только то, чтобы кризис не разрушил «Союз трех императоров», а в остальном, заявлял он, Германии «совершенно безразлично, кто правит Болгарией и что вообще из нее будет».

В сентябре 1885 г. по предложению России была собрана конференция послов в Константинополе, которая приняла решение добиваться в Восточной Румелии «улучшения статус-кво». Однако последующие события показали, что это решение оказалось невозможным реализовать на практике. В ноябре 1885 г. Сербия потребовала компенсаций за расширение Болгарии и объявила ей войну. Поскольку австро-сербское соглашение 1881 г. допускало увеличение тер-

риторий Сербии «в южном направлении», в Белграде надеялись на австрийскую помощь. В реальности Кальноки был далек от желания поддержать сербское выступление, поскольку опасался, что оно спровоцирует обострение всего восточного вопроса. Эти опасения немедленно были подтверждены тем, что вслед за Сербией свои претензии на компенсацию в виде всего Эпира заявила Греция. Начавшуюся в ней мобилизацию смогла остановить только морская демонстрация великих держав у ее побережья.

Болгарская армия неожиданно легко разбила сербов, которых от полного разгрома спасло только вмешательство Австро-Венгрии. После победы Болгарии (мир был подписан в марте 1886 г. в Бухаресте и не принес территориальных изменений) международная ситуация изменилась. Если и до болгаро-сербской войны в стане великих держав существовали противоречия в вопросе объединения Болгарии и Восточной Румелии, то после победы Болгарии заставить ее вернуться к прежней ситуации можно было только с помощью войны. Поэтому к весне 1886 г. все великие державы приняли компромиссный английский вариант: султан объявил губернатором Восточной Румелии болгарского князя. Казалось, что кризис закончился. На самом деле он только начинался.

Во всех европейских столицах прекрасно понимали, что фактическая личная уния Болгарии и Восточной Румелии является серьезным шагом к их объединению, подобно тому как это было с объединением румынского государства. Фактически на Балканах создавался новый местный фактор силы, поэтому за его внешнеполитическую ориентацию немедленно развернулась жестокая борьба. Очень многое зависело от фигуры князя, поэтому Россия приложила все усилия к тому, чтобы в сентябре 1886 г. Александр Баттенбергский был вынужден отречься от престола. Через две недели после его отречения в Болгарию прибыл русский генерал Н. В. Каульбарс, бывший адъютант царя, который довольно прямолинейными методами постарался укрепить русофильские силы в Болгарии и организовать избрание лояльного России князя. В этот момент в дело вмешалась монархия Габсбургов. Испытывая сильное давление со стороны венгров, Кальноки 13 ноября заявил, что «болгарский вопрос должен решаться «европейским концертом», а не генералом Каульбарсом», и заговорил о возможности войны. Это заявление укрепило антирусские силы в Болгарии, дело дошло до оскорблений российских подданных и государственного флага, и в ноябре 1886 г. Каульбарс вместе с персоналом дипломатической миссии покинул страну. В итоге летом 1887 г. Народное собрание в Софии избрало новым князем Фердинанда Кобургского, офицера австрийской службы, внука французского короля Луи Филиппа Орлеанского и родственника английской королевы Виктории. Россия потребовала от Турции не признавать это избрание, и в результате Фердинанд Кобургский, очень ловкий и склонный к авантюристике политик, за свою изворотливость прозванный «балканским лисом», правил без официального признания великими державами вплоть до 1896 г. С его избранием болгарский кризис закончился, зафиксировав потерю влияния России в еще одной балканской стране спустя менее чем через десять лет после ее освобождения и лишней раз подтвердив замечание Бисмарка: «...освобожденные народы не благодарны, а требовательны».

Другой источник кризиса лежал на Западе.

Во Франции все годы после окончания франко-германской войны шла борьба между сторонниками двух направлений во внешней политике, одни из которых выступали за приоритет колониальной политики и, соответственно, за сотрудничество в этих вопросах с Германией; другие же предлагали полностью сосредоточиться на «святой задаче» возвращения Эльзаса и Лотарингии. В марте 1885 г. пало правительство Ж. Ферри, одного из главных сторонников колониальной экспансии; поддерживавшие его умеренные республиканцы осенью того же года на всеобщих выборах уступили позиции монархистам и радикалам, выступавшим за реванш. Воплощением этого курса был генерал Ж. Буланже, ставший в 1886 г. военным министром и прозванный «генерал-реванш». На параде в честь национального праздника 14 июля он открыто заявил о необходимости реванша против Германии. Подобные высказывания имели тем больший вес, что одновременно Буланже приступил к мероприятиям по усилению французской армии, а его взгляды поддерживались националистическими организациями и нашли поддержку в массах.

С лета 1885 г. Бисмарк также принял более жесткий антифранцузский курс. С одной стороны, как и во время предыдущих «военных тревог», он преследовал цель давления на Францию, с тем чтобы продемонстрировать ее слабость и исключить возможность будущего реванша, — тем более теперь, когда во Франции появился Буланже. С другой стороны, германский канцлер был побуждаем и внутренними причинами. В 1887 г. истекал срок так называемого септената, т. е. военного бюджета на семь лет, и Бисмарк осенью 1886 г. внес в рейхстаг проект, предусматривавший увеличение армии и военного бюджета. Кроме того, он стремился мобилизовать общественное мнение Германии для поддержки правительственного курса на выборах 1887 г. С этой точки зрения Буланже, говоря словами Бисмарка, «подвернулся удивительно кстати». Германский канцлер использовал целый спектр средств давления на Францию: была развязана острая газетная кампания, введен запрет на продажу лошадей, в Лотарингии начались учения резервистов, офицеры перестали получать отпуска и т. д. Кампания давления на Францию обещала быть тем более эффективной, что в отличие от «военной тревоги» 1875 г. Франция не могла рассчитывать на действенную помощь Англии и России. Англо-французские колониальные противоречия в это время достигли значительной степени остроты; в прессе появлялись статьи, которые вполне могли быть истолкованы как поощрение Германии к выступлению против Франции. В частности, неожиданно возникла дискуссия о нейтралитете Бельгии: английские газеты утверждали, что, хотя Бельгия сохраняет свою важность, и что по-прежнему верны слова Гладстона о том, что Англия должна вступить в войну с любой державой, которая нарушит нейтралитет Бельгии, все же следует различать между вторжением в Бельгию и проходом войск через ее территорию. Тем самым был предвосхищен так называемый «план Шлиффена» (см. ниже, с. 458) о вторжении во Францию через Бельгию, из-за попытки реализации которого Англия позже вступит в Первую мировую войну.

В отличие от 1875 г. Россия также оставалась несколько в стороне от франко-германского противостояния, поскольку болгарский кризис не только сковал свободу ее действий, но и заставил искать поддержки Германии. К тому же в России шла борьба между сторонниками германской и французской ориентации. Если славянофильские круги послали Буланже казачью шашку, то официальный Петербург устами германофила Гирса пытался доказать французам, что их опасения германской угрозы преувеличены. Однако Александр III с присущей ему трезвостью поправил Гирса: «Мы ничего не знаем про намерения князя Бисмарка — так чего же мы будем их успокаивать». Неосторожные действия сторонников германской ориентации даже способствовали обострению франко-германского кризиса. Так, Петр Шувалов, некогда посол в Лондоне и второй представитель России на Берлинском конгрессе, прибывший в самом конце 1886 г. в Берлин для консультаций с Бисмарком, превысил свои полномочия и фактически пообещал нейтралитет России в случае франко-германской войны в обмен на Болгарию и проливы. Немедленно после этого Бисмарк выступил в рейхстаге с большой речью, в которой прямо связал кризисы на востоке и на западе. Он заявил, что «дружба России для нас важнее, чем дружба Болгарии и дружба всех друзей Болгарии»; что Буланже представляет собой угрозу для Германии; что война возможна и через десять лет, и через десять дней. Однако в Петербурге не планировали заходить столь далеко. Шувалову было дано указание впредь обходить молчанием этот проект; одновременно «Норд», русский официоз за границей, поместил статью о том, что Россия не намерена повторять ситуацию 1870 г., т. е. оставаться нейтральной и позволить разгромить Францию.

Эпилогом кризиса стало «дело Шнебеле». В апреле 1887 г. на германской территории был задержан французский пограничный комиссар Г. Шнебеле, одновременно работавший на французскую разведку. Арест вызвал возмущение во Франции, Буланже требовал объявления ультиматума Германии. Однако Бисмарк проявил добрую волю, и в конце апреля Шнебеле был депортирован во Францию.

Прекращение «военной тревоги» объяснялось довольно просто — Бисмарк достиг практически всех своих целей: новый военный закон был принят, выборы в рейхстаг принесли устойчивое большинство поддерживавшим его партиям, во Франции в мае 1887 г. к власти пришло новое правительство, за примирительный курс по отношению к Германии прозванное «немецким кабинетом», Буланже лишился своего поста и в 1888 г. был уволен с военной службы.

Итоги кризисов

Чрезвычайно опасное для европейского мира сочетание кризисов на Рейне и на Дунае не привело к войне, прежде всего потому, что Бисмарку удалось осуществить успешный менеджмент кризисной ситуации. На Западе соединением давления и быстрых уступок он сдержал французский реваншизм; на Востоке он оказал поддержку России и, главное, сдержал Австро-Венгрию, которая, чувствуя за собой германский тыл, своей активностью создала угрозу войны на Балканах. Бисмарк заявил, что из-за восточного вопроса «мы никому не позволим... накинуть себе на шею поводок, чтобы поссорить нас с Россией». В Вене прекрасно поняли, что «никому» в данном случае означало «Австрии».

Бисмарк воздержался от всякой поддержки Австро-Венгрии, поскольку опасался, что это окончательно подтолкнуло бы Россию к Франции, и, кроме того, он ни в коем случае не хотел «таскать каштаны из огня для Англии», т. е. брать на себя ее традиционную задачу противостояния России на Балканах.

Несмотря на благополучное разрешение кризисов, непосредственным и самым очевидным их результатом стало осложнение двусторонних отношений между рядом стран и общее ухудшение политического климата в Европе. На Балканах были посеяны семена будущих противоречий между едва появившейся на политической карте Болгарией и Сербией, а также между Болгарией и Грецией. Еще более важным было обострение отношений между великими державами: Россией и Австро-Венгрией, Англией и Францией, Англией и Россией, Францией и Германией. В свою очередь, это привело к подвижкам и изменениям в системе союзов. Та «машина» европейских союзов, безотказную работу которой Бисмарк с удовлетворением отмечал перед началом кризисов, теперь нуждалась в срочном ремонте и необходимых дополнениях.

Наиболее значимым и чреватым последствиями изменением стал крах «Союза трех императоров». После болгарских событий, когда, по выражению Александра III, Австро-Венгрия «подложила ему свинью», в Петербурге считали невозможным возобновление союзных отношений; такого же мнения были и в Вене. Иными словами, в результате Болгарского кризиса исчезло едва ли не центральное звено всей системы Бисмарка. Бисмарк, по-прежнему считавший связь с Россией важнейшим условием изоляции Франции и безопасности самой Германии, в этой ситуации попытался спасти то, что оставалось от союза. Со своей стороны Россия опасалась оказаться в состоянии внешнеполитической изоляции. В качестве главной опоры на международной арене в Петербурге по-прежнему видели Германию, хотя все громче были слышны голоса и сторонников союза с Францией.

В результате 18 июня 1887 г. статс-секретарь берлинского ведомства иностранных дел Герберт фон Бисмарк, сын канцлера, и русский посол в Германии Павел Шувалов подписали «*договор о перестраховке*». Наибольшее значение имели три первые статьи, а также дополнительный протокол. Первая статья договора обязывала стороны соблюдать обоюдный нейтралитет в случае войны с третьей страной, но одновременно делала важное изъятие из этого условия: речь не шла о Франции и Австро-Венгрии. Вторая статья признавала «исторические права» России на Балканском полуострове, и особенно законность ее влияния в Болгарии и Восточной Румелии; стороны договаривались также не допускать территориальных изменений на Балканах без предварительного согласования между собой. Третья статья предусматривала сохранение принципа закрытия проливов в духе формулировки Шувалова на Берлинском конгрессе и совместное воздействие на Османскую империю в случае ее нарушения. По дополнительному и «весьма секретному» (несмотря на то что секретным был весь договор) протоколу Германия обязывалась помочь России в восстановлении в Болгарии «правильного и законного правительства», а также оказывать ей моральную и дипломатическую поддержку в

тех мерах российского императора, «к каким его величество найдет необходимым прибегнуть для охраны ключа к своей империи», т. е. Черноморских проливов.

Несмотря на кажущиеся значительные уступки России, договор не столько поощрял ее внешнеполитическую активность, сколько сдерживал ее. Договор восстанавливал русско-германскую связь, которую Бисмарк считал вопросом существования Германии; препятствовал сближению Петербурга и Парижа; избавлял Германию от слишком тесной привязанности к Австро-Венгрии. Он должен был также предотвратить нападение России на Австро-Венгрию, что ясно читалось в отказе Германии в этом случае предоставить гарантию своего нейтралитета. Обещания же поддержки России в Болгарии и проливах служили средством завлечь ее, говоря словами Бисмарка, в «восточный тупик». Всякое продвижение России к проливам было, по мнению германского канцлера, бесперспективным, поскольку немедленно встречало бы противодействие Англии и Австро-Венгрии. Более того, Бисмарк постарался обеспечить это противодействие — и вновь с помощью союзов.

Средиземноморская Антанта

Наряду с «договором перестраховки» «машина» союзов Бисмарка потребовала и других случаев вмешательства. В феврале 1887 г. при первом возобновлении истекавшего срока Тройственного союза были подписаны два отдельных дополнительных договора в пользу Италии: по австро-итальянскому договору устанавливался принцип взаимной компенсации в случае изменения статус-кво на Балканах; по итало-германскому договору Германия обещала помощь в случае посягательств Франции на Триполитанию и Марокко, а также в притязаниях самой Италии в Северной Африке и в приграничных регионах Европы. В последнем случае, естественно, имелись в виду не итальянские земли Австро-Венгрии, а некогда принадлежавшие итальянцам Корсика и Ницца. Тем самым Германия, Австро-Венгрия и Италия еще более укрепили и конкретизировали антирусскую и антифранцузскую направленность Тройственного союза.

В том же направлении действовало и еще одно международное соглашение этого времени, в котором Германия была задействована лишь косвенным образом, но которое совершенно отвечало целям ее политики, — *Средиземноморская Антанта*. Главный смысл этой комбинации с точки зрения союзной системы Бисмарка заключался в том, что к ней впервые так или иначе удалось привлечь Англию.

В основе создания Средиземноморской Антанты лежала общность интересов Италии и Англии в противостоянии Франции в бассейне Средиземного моря: первой — в Тунисе и Триполи, второй — в Египте. 12 февраля 1887 г. между Англией и Италией была достигнута договоренность об их совместном намерении поддерживать статус-кво в бассейне Средиземного моря. Пойдя на соглашение, Англия постаралась тем не менее связать себя как можно меньше. Это касалось как формы — обмена нотами, так и содержания соглашения. Оно было сформулировано таким образом, что характер сотрудничества определялся «смотря по обстоятельствам каждого случая», иными словами — как на него посмотрит Англия.

Бисмарк увидел в этом соглашении возможность укрепить Тройственный союз путем связи Англии не только с Италией, но и с Австро-Венгрией. Кроме того, он хотел привлечь Англию на Балканы и тем самым несколько разгрузить Тройственный союз в его противостоянии России и одновременно сделать «тупик» русской восточной политики еще более безнадежным. С этой целью он стал настаивать на присоединении к соглашению Австро-Венгрии, угрожая Англии в противном случае отказать в поддержке в Египте и других колониальных вопросах. 24 марта в Средиземноморскую Антанту вступила Австро-Венгрия. Отныне зона действия соглашения фактически распространилась на Турцию, хотя в самих текстах нот, которыми обменялись австрийцы и англичане, Кальноки не удалось добиться от Солсбери прямого упоминания Балкан. Только после переписки между Бисмарком и Солсбери английский министр иностранных дел согласился пойти на подобное уточнение, и 12—16 декабря Англия, Австро-Венгрия и Италия договорились о поддержании власти Османской империи в проливах, Малой Азии и суверенитета Турции в Болгарии, вплоть до оккупации, в случае необходимости, отдельных участков турецкой территории.

Если первое соглашение о Средиземноморской Антанте было направлено в основном против Франции, то отныне в качестве главного противника выступала Россия. Кроме того, в этом случае Англия пошла на максимально возможную степень международных обязательств, которую только позволяла английская конституционная система без привлечения парламента: хотя и не заключив «договор» в собственном смысле слова, она, как и другие участники, взяла на себя достаточно конкретные обязательства. Сам Солсбери писал королеве Виктории: «Это настолько близко к союзу, насколько нам позволяет парламентский характер наших институтов». Поэтому второе соглашение о Средиземноморской Антанте иногда также называют Восточным Тройственным союзом. Тем самым к концу 80-х гг. после косвенного привлечения Англии и Испании (еще в мае 1881 г. Италия с ведома и одобрения Бисмарка договорилась с Испанией о сохранении статус-кво в Марокко) система союзов Бисмарка достигла своего абсолютного апогея.

Механизм системы союзов

Условия Средиземноморской Антанты и Тройственного союза, с одной стороны, и «договора перестраховки» — с другой, явно противоречили друг другу: если смыслом первых было сохранение статус-кво, в частности, на Балканах, то второй поощрял Россию к его изменению. Это была именно та ситуация, к которой стремился Бисмарк.

В это время Россия проводила на Балканах оборонительную политику, главным содержанием которой было сохранение режима закрытия проливов. Отказ от активности на Балканах был связан как с поражением в болгарском кризисе и потерей практически всех балканских опор, так и с начавшейся общей переориентацией русской внешней политики на Дальний Восток, а также на Среднюю Азию. Главные же интересы Англии в это время лежали в заокеанском мире. Между тем для Бисмарка было важно сохранить англо-русские противоречия, потому что в противном случае Англия политически еще больше отдалась бы от континента, Россия перестала бы в

такой степени нуждаться в помощи Германии и возникла бы реальная угроза ее союзу с Францией. Поэтому Бисмарк поддерживал политику России на Балканах, но одновременно сдерживал ее союзами. Союзами 1887 г. он в известной степени вновь привел Англию и Россию на Балканы, получив возможность снова предлагать свои «добрые услуги».

В этом заключалась суть политики Бисмарка: он сдерживал противоречия — но для этого они должны были продолжать существовать. Он поддерживал напряжение между Англией и Россией, между Россией и Австро-Венгрией и одновременно разряжал его, обеспечивая Германии значительную долю независимости. Он построил систему противоречивых, налагавшихся друг на друга союзов, но сама эта противоречивость союзов должна была сглаживать реальные противоречия между державами. Система допускала конфликты — но не войну, германское лидерство — но не гегемонию.

Сам Бисмарк обозначил цель своей системы следующим образом: «...чтобы один меч держал в ножнах другой», т. е. безопасность и сохранение статус-кво в Европе, от нарушения которого, по мнению Бисмарка, в первую очередь пострадала бы Германия, с ее географическим положением в центре Европы и с ее политическим положением нарушителя равновесия. И вместе с тем, несмотря на всю виртуозность Бисмарка, его система оказалась явлением временным и была обречена на демонтаж.

Карикатуристы часто изображали Бисмарка как жонглера, играющего пятью шарами — великими державами. Однако принципиальная проблема системы Бисмарка состояла в том, что в реальности великие державы не были просто орудиями в его руках, они развивались, их интересы менялись и все труднее укладывались в ограничивающие рамки союзов, как это произошло с любимым детищем Бисмарка — «Союзом трех императоров». Его стратегия отвлечения великих держав от центра к периферии также имела свои границы — и потому, что возможности периферии как громоотвода скопившегося в Европе напряжения не были неисчерпаемыми, и потому, что долгосрочно подобная стратегия могла привести к ослаблению Германии по отношению к другим державам, усилившимся за счет периферии, особенно колониальной.

Неоднозначными были и сами дипломатические методы Бисмарка. Будучи представителем старой, консервативной школы, он, при всем своем таланте «реалиста», был по-старомодному излишне политичен. Безусловно, он принимал во внимание факторы экономики и внутренней жизни чужих стран и своей собственной, но в целом внешняя политика представлялась ему обособленной отраслью, в которой можно было действовать едва ли не методами «кабинетной политики», путем комбинаций различных фигур — а фигурами в его системе координат были короли и правительства.

В частности, Бисмарк недооценил новой роли важнейших факторов международной политики — национализма, колониальной активности и экономических отношений. Умело пользуясь каждым из них для достижения конкретных задач на международной арене, он упустил из виду их собственную динамику, не понимал, что речь идет о долгосрочных структурных явлениях, оказывающих на внешнюю политику мощное обратное влияние.

В частности, манера Бисмарка устраивать кампании в прессе и другие акции давления на Россию, для того чтобы прийти с ней к согласию, в немалой степени способствовали развитию и без того сильных националистических, русофобских настроений в Германии. В итоге «Союз трех императоров», а затем и «договор перестраховки» были заключены вопреки общественному мнению, причем в обеих странах, поскольку газетная полемика сыграла свою роль и в росте антигерманских и профранцузских настроений в России.

Нечто подобное можно сказать и в отношении германской колониальной политики. Бисмарк в принципе был ее противником, он считал, что все интересы Германии лежат в Европе, а колонии должны служить средством для отвлечения прочих держав от этих интересов. Однако именно он в середине 80-х гг. стал фактическим родоначальником колониальной политики Германской империи. При этом Бисмарк использовал колонии как тактическое средство, движимый такой же логикой, как и в случае с Россией, — показать Англии, какие неприятности может доставить ей Германия, и тем самым склонить ее к сближению. Сочетанием давления и уступок в колониальных делах германский канцлер действительно смог привлечь Англию к сотрудничеству, в частности к образованию Средиземноморской Антанты. Однако этот тактический успех имел огромные стратегические последствия: отныне Германия имела колониальные интересы и эти интересы сталкивались с интересами Англии. Другим следствием подобной политики стало быстрое формирование антианглийского общественного мнения — и с этим, как и с национализмом в отношении России, уже ничего нельзя было поделать.

Наконец, одним из самых важных факторов, приведших к краху политики Бисмарка, был фактор экономический. Особенно большую роль он сыграл в русско-германских отношениях.

Германия и Россия

Наряду с Англией Германия была одним из основных покупателей русской сельскохозяйственной продукции, а также главным финансовым рынком России. Поскольку французские Ротшильды выступали против займов России из-за ее политики в отношении евреев, 60—80% займов в 70-е гг. и в первую половину 80-х гг. Россия получала из Берлина.

После мирового экономического кризиса 1873 г. начался длительный период экономического спада, ответом на который стал переход практически всех стран Европы от свободной торговли к протекционизму. Бисмарк, не очень хорошо разбиравшийся в экономических вопросах и доверявший судить о них своему банкиру Блейхредеру, перешел к протекционизму первым — в 1878—1879 гг. Для взаимоотношений с Россией главное значение имело повышение ввозных пошлин на русское зерно. К такому шагу его побудили не только требования восточно-прусских землевладельцев, но и политические соображения. Во-первых, пошлины давали в руки возглавлявшегося Бисмарком правительства ежегодные средства, не зависевшие от вотируемых рейхстагом сумм, и, во-вторых, подобная политика полностью вписывалась в рамки обозначенной выше стратегии привлечения России к сближению с Германией. В 1885 г. пошлины на зерно по сравнению с уже поднятыми в 1879 г. увеличились втрое, а в 1887 г. — впятеро. По-прежнему речь шла о том же своеобразном

способе доказать России ценность германской дружбы, хотя громкие антирусские акции были и своеобразным реверансом в сторону антирусского общественного мнения. Последний момент особенно отчетливо присутствовал и еще в одном экономическом шаге Бисмарка, имевшем особенно тяжелые последствия. В 1887 г. в ответ на мнимую дискриминацию немецких землевладельцев в Польше, вызвавшую возмущение в Германии, он закрыл для России берлинский финансовый рынок. Фактически финансовым языком России было официально выражено недоверие. Бисмарк использовал эту меру просто как одно из средств оказания давления на Россию; последствия же оказались гораздо более глубокими, чем он мог предполагать. Россия, жизненно заинтересованная в займах для продолжения своей программы индустриализации, стала срочно искать нового кредитора — и нашла его в Париже. Тем самым была заложена экономическая основа русско-французского союза — той самой комбинации, которую Бисмарк считал роковой для Германии и для избежания которой он главным образом и создавал свою систему союзов.

В политической сфере в последние годы канцлерства Бисмарка на Россию также смотрели неоднозначно. Сам Бисмарк продолжал считать связь с Россией одной из максим германской политики и делал в ее отношении жесты доброй воли. Так, например, в 1888 г. к удовлетворению России закончилось «дело Баттенберга»: Бисмарк воспрепятствовал женитьбе неудачливого претендента на болгарский трон на дочери правившего всего 99 дней нового германского императора Фридриха III (1888). Однако уже при Бисмарке все более настойчиво выдвигалась совершенно иная альтернатива в отношении России — идея превентивной войны. Идея войны с Россией по идеологическим или националистическим мотивам находила поддержку в самых широких слоях германского общества, а также, что особенно важно, — в офицерском корпусе и в Генеральном штабе. Первый план войны на два фронта против Франции и России начальник Генерального штаба Мольтке начал разрабатывать еще в 1871 г., непосредственно после окончания франко-германской войны. В 1887 г., в то самое время, когда Бисмарк в речи в рейхстаге заявлял, что никому не позволит поссорить Германию с Россией, Мольтке высказался за немедленный зимний поход против России.

Бисмарк также был далек от симпатий к России. Он просто не видел альтернативы сотрудничеству с ней, поскольку считал ее непобедимой: «Это несокрушимая империя, которая сильна своим климатом, своими пространствами и своей непритязательностью... Лучшее... что мы можем сделать, — это обращаться с ней как с изначально существующей опасностью, против которой у нас наготове защитные валы, но которую мы не в состоянии стереть с лица земли».

Чередование давления и уступок в отношении России имели в политике Бисмарка и еще одну цель: тем самым он сохранял дистанцию по отношению к своему восточному соседу, которая представлялась ему необходимой, том числе и с точки зрения взаимоотношений с Англией.

**Германия, Англия и
отставка Бисмарка**

Так и не заключив с Англией формального союза, Бисмарк тем не менее постоянно учитывал ее в своей системе. В частности, англо-русские противоречия помогали

ему предотвращать слишком большое усиление России, не ставя под прямую угрозу собственно германо-русские отношения. Уже поэтому германский канцлер не должен был слишком сближаться с Россией, чтобы не оттолкнуть Англию. Вообще Англия как исторический противник Франции и России представлялась Бисмарку естественным партнером Германии, хотя идеологически ему ближе была консервативная Россия, чем Англия, и особенно ее либеральная партия во главе с Гладстоном — «профессором Гладстоном», как его иронически называл Бисмарк, питавший к нему личную неприязнь.

Первую попытку сближения с Англией Бисмарк предпринял еще в 1879 г. в связи с обострением отношений с Россией; вторая пришла на середину 80-х гг., когда разразилась серия кризисов. Обе эти попытки имели тактический характер, были связаны с конкретной ситуацией и использовались Бисмарком в том числе и как средство давления на Россию. Однако в 1888—1889 гг. в англо-германских отношениях наметилась определенная веха: Бисмарк дал знать в Лондон, что он хочет заключить формальный союз.

Остается спорным, насколько всерьез был готов Бисмарк к подобному союзу. Скорее всего, это был некий пробный шар и одновременно необходимый реверанс в сторону нового императора — англофила Фридриха III. В любом случае на предложение Бисмарка, в котором предлагалась помощь в случае нападения Франции (но не России), Англия не пошла: французской угрозы в Лондоне опасались меньше, чем русской, да и противоречия с Россией не грозили Англии реальной войной. Германия, в случае заключения франко-русского союза подвергавшаяся риску войны на два фронта, получала бы от предполагаемого союза гораздо больше, чем предлагала; к тому же Солсбери резонно считал, что Германия и без всякого союза, просто исходя из собственных интересов, будет продолжать играть сдерживающую роль как в отношении России, так и в отношении Франции.

Несмотря на неудачу, сам факт предложения союза способствовал некоторому сближению между двумя странами. Это обстоятельство и убежденность в том, что общая заинтересованность с Германией в противостоянии Франции и России заставит Англию «прийти», сыграло значительную роль в личной судьбе Бисмарка. Новый кайзер Германии Вильгельм II (1888—1918), неуравновешенный и обуреваемый смутными мечтами о немецком «величии», увидел в сближении с Англией альтернативу курсу Бисмарка на сотрудничество с Россией. 18 марта 1890 г. Бисмарк был вынужден уйти в отставку, одной из основных причин которой стал его протест против планов превентивной войны с Россией нового начальника германского Генерального штаба А. Вальдерзее. В прошении об отставке Бисмарк написал, что не может «поставить под вопрос все те важные для Германской империи успехи, которых... наша внешняя политика в течение десятилетий достигла в отношениях с Россией». 20 марта отставка Бисмарка была принята. Для Германии и всей Европы началась новая эпоха.

Глава 16. Русско-французский союз и «мировая политика»

§ 1. Образование русско-французского союза

Ситуация накануне создания союза

Еще в середине 80-х гг. альтернатива русско-французского союза, казалось бы, не выдерживала никакой конкуренции по сравнению с традиционной русско-германской связью. На стороне Германии были все предпосылки, чтобы выигрывать в борьбе за благосклонность Петербурга: экономические связи, династическая и идеологическая близость, постоянно подразумеваемое родство интересов в польском вопросе, многолетние традиции, наконец, общность фундаментальных геостратегических интересов двух государств-соседей: Германия опасалась войны на два фронта, Россия также не желала на своих западных границах ничего, кроме мира.

В случае Франции практически по всем перечисленным позициям знак менялся на противоположный. Русско-французские экономические связи были относительно слабыми; идеологически Франция подчеркнуто выступала как антипод России и еще в 1880 г. подтвердила эту репутацию в так называемом «инциденте Гартмана», отказавшись выдать России народовольца Л. Н. Гартмана; на протяжении века Франция играла роль главного защитника «польской свободы», а Париж являлся центром польской эмиграции; предыдущий опыт союза относился к Семилетней войне полуторавековой давности, в то время как возглавляемая Францией «крымская коалиция» была еще очень свежа в памяти. В политическом отношении Россию и Францию связывали лишь соображения общего характера, в частности Россия не хотела дальнейшего ослабления Франции как необходимого элемента системы международных отношений; кроме того, обе страны имели общего колониального конкурента в лице Англии, хотя и в разных регионах мира. В целом всего этого было явно недостаточно для заключения союза — но лишь до тех пор, пока Россия и Германия оставались друзьями.

Можно сказать, что именно Германия своей экономической и союзной политикой буквально толкнула Россию в объятия Франции. С одной стороны, после упоминавшихся экономических санкций Бисмарка в отношении России последняя была вынуждена заняться поиском новых денежных рынков, и Франция с готовностью предоставила ей свой. В 1887—1889 гг. происходит перемещение русского рынка ценных бумаг из Берлина в Париж. В дальнейшем французы также охотно вкладывали деньги в Россию, привлекаемые выгодами как экономическими (4—4,5% против 3% во Франции), так и политическими. Последние заключались в том, что регулярные займы составили экономическую основу русско-французского союза — комбинации, к которой французы стремились едва ли не с заключения Франкфуртского мира 1871 г., видя в нем гарантию против постоянной германской угрозы, а многие — и средство реванша за поражение во франко-германской войне 1870—1871 гг. Превратившись в штатного кредитора России, Франция в дальнейшем добивалась и более

частных уступок с ее стороны, связывая с ними предоставление очередного займа. За займами последовали прямые инвестиции в промышленность, особенно юга России. Например, в 1901 г. 9 из 16 шахт Донбасса принадлежали французскому капиталу.

Само по себе укрепление экономических связей способствовало сближению между Россией и Францией, однако было недостаточным для возникновения союза. В июне 1890 г. истек срок «договора о перестраховке», и Россия, несмотря на уже полученный первый французский заем, по-прежнему стремилась к его продлению. 17 марта, за день до отставки Бисмарка, Павел Шувалов официально заявил об этом намерении. Однако отставка Бисмарка все изменила: в Берлине заявили, что не намерены продлевать русско-германский договор. Оставшись без своей единственной союзной связи, Россия одновременно стала свидетельницей того, как укрепляются враждебные ей союзы. В мае 1891 г. был продлен Тройственный союз, в июне Италия фактически объявила о существовании Средиземноморской Антанты. На фоне осуществлявшегося в последние годы правления Бисмарка и сразу после него очевидного сближения Германии и Англии подобные сообщения заставляли Россию опасаться превращения Тройственного союза в Четверной и еще глубже ощутить собственную изоляцию. В этих условиях сближение с Францией представляло собой единственно возможную и потому во многом вынужденную меру.

Русско-французское сближение

Заинтересованность России в союзе, таким образом, заключалась прежде всего в том, чтобы обезопасить себя от изоляции и обеспечить спокойный тыл в Европе, необходимый для осуществления активной политики на Дальнем Востоке, вышедшей к этому времени на первый план. В качестве возможного союзника Франция воспринималась в России двойственным образом. С одной стороны, в Петербурге не обманывались на счет ее военной мощи, не внушали доверия и политическая ситуация во Франции, нестабильные правительства и постоянные политические скандалы. С другой стороны, идея союза с Францией пользовалась широкой поддержкой в обществе, особенно в славянофильских кругах. Эта поддержка часто была вызвана не столько симпатиями к Франции как к таковой, сколько являлась во многом своего рода побочным следствием антигерманских настроений в русском обществе: для многих русских быть противником Германии означало быть франкофилом.

Конец 80-х — начало 90-х гг. был ознаменован целой серией дружеских жестов с обеих сторон, открывших эпоху русско-французского сближения (поддержка Францией России в болгарских делах, вручение ордена Андрея Первозванного президенту Франции С. Карно и т. д.), вершиной которой стал обмен морскими визитами, когда французская эскадра в 1891 г. посетила Кронштадт, а русская в 1893 г. — Тулон. В ходе русско-французского сближения идеология — в который уже раз в XIX в. — отступала перед политикой. Чтобы оказать любезность России, французское правительство в 1890 г. арестовало группу русских анархистов; пренебрежение же идеологическими преградами ради политических интересов с российской стороны было продемонстрировано еще более ярко, почти символично:

во время визита французской эскадры Александр III, стоя с непокрытой головой, слушал «Марсельезу» — главный музыкальный символ Французской революции, ставший к тому времени гимном Франции. Для российской внешней политики век, начавшийся борьбой с «Марсельезой», заканчивался ее признанием.

Русско-французский союз

Визиты флотов, обратившие на себя внимание всей Европы, были лишь видимой стороной русско-французского сближения, за которой шли переговоры, в итоге добавившие к уже имевшейся экономической основе сотрудничество еще в двух сферах — политической и военной.

В июле 1891 г. министр иностранных дел Франции А. Рибо предложил России проект соглашения, предусматривавший немедленную мобилизацию армий России и Франции в случае мобилизации Германии или Австро-Венгрии. В этом предложении содержалось ядро французских представлений о союзе. В Париже видели его смысл главным образом в военном сотрудничестве с ярко выраженной антигерманской основой. В Петербурге же первоначально не хотели брать на себя столь определенных и конкретных обязательств. Российский министр иностранных дел Гирс стремился все же сохранить некоторую дистанцию по отношению к Франции, с тем чтобы не делать Россию заложницей единственного союза и сохранить возможности сотрудничества с Германией. Если Рибо пытался добиться конкретных военных обязательств России на случай войны с Германией, то русский министр добивался более широкого политического соглашения, которое касалось бы не только Европы, но и Азии, имея при этом в виду возможное использование вновь созданной связи между Россией и Францией в англо-русском соперничестве.

В результате было подписано политическое соглашение в форме секретных писем двух министров иностранных дел на имя русского посла в Париже Моренгейма, в которых были повторены два пункта, по первому из которых Россия и Франция должны были «совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру», а по второму обязывались немедленно договориться об одновременных мерах в случае угрозы нападения. Это было не то, что хотели французы, но Рибо имел все основания сказать, что «дерево посажено».

Зимой 1892 г. Франция предложила подписать военную конвенцию. Гирс по-прежнему не считал необходимым связывать Россию столь определенным образом, однако колебавшийся Александр III в конце концов уступил настояниям военных, и особенно начальника Главного штаба Н. Н. Обручева.

Подписанная 5 августа 1892 г. военная конвенция предполагала следующие условия: Россия должна была употребить все возможные войска для нападения на Германию в случае, если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией; аналогичным образом должна была поступить Франция в случае нападения на Россию Германии или Австрии, поддержанной Германией; в случае мобилизации войск Тройственного союза или одной из входящих в него держав Россия и Франция немедленно мобилизуют все свои силы и двинут их к своим границам, при этом Франция должна была выставить против Германии 1 млн 300 тыс. солдат,

а Россия — 700—800 тыс. В остальных статьях говорилось о сотрудничестве генеральных штабов, о незаключении сепаратного мира и т. д.

На первый взгляд конвенция представляла собой победу точки зрения Франции, согласно которой Россия должна была выступить против Германии вне зависимости от того, поддержит ее Австро-Венгрия или нет, одновременно позволяя французам не ввязываться в войну России против Австро-Венгрии, если последнюю не поддержит Германия. Однако обязательство мобилизоваться в случае начала мобилизации «одной из держав» Тройственного союза делала эту оговорку бесполезной. Изначально французы настаивали на формулировке о мобилизации Тройственного союза или «одной Германии»; более общее понятие «держава» позволяло понимать под этим Австро-Венгрию. Само же обязательство мобилизоваться фактически было равносильно обязательству вступить в войну, поскольку в условиях конца XIX в. успех или поражение в ней во многом были связаны со скоростью мобилизации. Таким образом, будучи в первую очередь направленным против Германии, русско-французский союз содержал в себе механизм превращения любой войны союзников против Германии или Австро-Венгрии в европейскую.

Значение русско-французского союза

Формально вступивший в силу после ратификации Россией и Францией, соответственно, 15 и 23 декабря 1893 г. франко-русский союз представлял собой значительную веху в истории международных отношений. Его непосредственное значение заключалось в том, что Россия избежала угрожавшей ей международной изоляции, а Франция наконец-то вышла из того «одиошества перед лицом Тройственного союза и подозрительной и завистливой Англии», которое на протяжении двадцати лет организовывал ей Бисмарк. Заключение союза неоднозначно сказалось на одном из главных европейских конфликтов — франко-германском. Укрепившись с помощью России, Франция избавилась от многолетних опасений превентивной войны со стороны Германии, однако одновременно усилились реваншистские настроения. Еще недавно неосуществимые, они, казалось, становились возможными благодаря договору с Россией: «Мир статус-кво, который называют основой союза, — это мир нашего увечья, это немецкий мир. Мы хотим, чтобы Россия, которая была сообщником нашего поражения, стала бы орудием нашего полного восстановления, это значит — называя вещи своими именами — нашего реванша», — писал в 1893 г. один из ведущих французских политиков Жорж Клемансо.

Но даже еще более важным последствием подписанных в 1891—1893 гг. договоренностей был сам факт заключения союза, обозначивший начало раскола Европы на два противостоящих блока. Короткое слово «союз», впервые произнесенное Николаем II в тосте по случаю визита в Петербург президента Французской республики Ф. Фора в августе 1897 г., за считанные часы облетело всю Европу и окончательно зафиксировало новую политическую ситуацию. Вслед за Тройственным союзом русско-французский союз был также заключен в мирное время и как совершенно осознанный антипод, как противопоставление Тройственному союзу. Показательно — и беспрецедентно — формулировался срок действия русско-французской воен-

ной конвенции: «...в течение того же срока, что и Тройственный союз». На европейской политической карте появилось два центра, два полюса силы с большим латентным потенциалом конфликта. Сам факт очевидного противостояния создавал новую среду, в которой предстояло прожить поколению до начала Первой мировой войны и которая определяющим образом влияла на деятельность политиков, на состояние общественного мнения, на стратегическое планирование.

В роли динамичного начала в этом противостоянии выступала Германия. В этом смысле русско-французский союз носил оборонительный характер не только потому, что так было сказано в его преамбуле, но и потому, что он стал ответом на уже существовавшие германские союзы. Поэтому дальнейшее развитие международных отношений в очень значительной степени зависело от того, что решат в Берлине и как на это прореагирует традиционный хранитель статус-кво в Европе — Англия.

§ 2. *Зарождение англо-германского антагонизма*

Бисмарк и его наследники

Система союзов Бисмарка означала сдерживание внешнеполитической динамики включенных в нее государств, в том числе и Германии. В течение почти двадцати лет с момента создания Германской империи Бисмарку удавалось не только не допустить коалиции против нее, но и не дать в полной мере проявиться колоссальному потенциалу германской мощи. После отставки «железного канцлера» этот потенциал начал быстро высвобождаться в рамках взятого преемниками Бисмарка нового политического курса. Преемником Бисмарка на посту канцлера Германской империи стал Л. Каприви — опытный генерал, но неискушенный политик, в международных делах полностью доверившийся Ф. Гольштейну, советнику германского Министерства иностранных дел.

Для Бисмарка ни один из союзов не был догмой; противоречия между союзами, противоречия внутри их его не только не смущали, но и составляли основу проводившейся им гибкой политики. Гольштейн принес в германскую политику однозначность. С одной стороны, это было связано с тем, что после ухода Бисмарка в германском руководстве не осталось равного ему человека, который мог бы справиться с созданной им сложной машиной союзов. Как честно признал один из руководителей германского МИДа, новое правительство просто не способно «продолжать... столь сложную политику после ухода того государственного деятеля, который в своей деятельности мог опираться на тридцатилетние успехи и на прямо-таки магнетическое влияние за границей». С другой стороны, за переменой политического курса стояла иная концепция внешней политики. Гольштейн объявил одновременное участие Германии в Тройственном союзе и в «договоре о перестраховке» «политическим двоеженством». Он считал, что союз с Россией ставит под угрозу существование Двойственного союза с Австро-Венгрией, мешает сближению с Англией и в ко-

нечном счете не предохраняет от русско-французского союза. Новый курс во внешней политике Германии выразился в первую очередь в укреплении австро-германских связей, в ужесточении политики по отношению к России, а также в настойчивых попытках привлечь на свою сторону Англию.

Германия, Австро-Венгрия и Россия

Отказ от «договора перестраховки» сыграл в развитии системы союзов в Европе огромную роль не только потому, что это событие стало одним из главных поводов к заключению русско-французского союза, но и потому, что отныне новое качество приобрели и австро-германские отношения. В свое время Бисмарк настоятельно предупреждал готовившегося взойти на престол Вильгельма II о недопустимости «сжигать корабли в отношении России», поскольку в этом случае «Австрия станет гораздо более требовательным союзником». Именно это и произошло. Лишившись возможности противопоставлять русское влияние австрийскому, Германия в дальнейшем попала под все большую зависимость от своего единственного верного союзника, сохранение и поддержка которого любой ценой постепенно стали альфой и омегой германской политики. Учитывая структурные слабости Австро-Венгрии и вовлеченность ее в перипетии балканской политики, подобный курс был чреват высокой степенью риска и в конце концов стал одной из причин Первой мировой войны.

Русско-германские отношения после отставки Бисмарка продолжали обостряться. Восприятие России новым политическим руководством Германии, и в частности Гольштейном, отличалось опасной двойственностью: восточный сосед воспринимался одновременно как угроза и как «колосс на глиняных ногах», иными словами, в отличие от Бисмарка — как угроза, с которой можно справиться. Стратегическим отражением подобного восприятия стали новые планы превентивной войны на два фронта, разработкой которых занимался А. Шлиффен, ставший в 1891 г. начальником германского Генерального штаба. Наконец, в области экономики русско-германские противоречия продолжали усиливаться, достигнув степени настоящей «таможенной войны». Заключив в 1893 г. торговое соглашение с Францией, Россия объявила содержащиеся там торговые тарифы «нормальными»; продукция тех стран, которые не отвечали этим тарифам, подлежала дополнительным пошлинам в 20—30%. Больше всего эта мера ударила по немецкому экспорту машин и изделий из металла. Начался своеобразный «таможенный покер»: Германия летом 1893 г. увеличила пошлины на русский ввоз на 50%; Россия сделала свою ставку, увеличив и без того высокий тариф на германские изделия также на 50%. В результате торговля практически остановилась. Между тем обе страны были заинтересованы в рынках друг друга: Германия — для своей промышленности, Россия — для своего сельского хозяйства. В итоге в 1894 г. они заключили новый компромиссный торговый договор, по которому стороны договорились о предоставлении друг другу режима наибольшего благоприятствования; введенные Бисмарком ограничения на русские ценные бумаги отменялись.

В целом в середине 90-х гг. наметилось некоторое смягчение отношений между Россией и Германией. Свою роль в этом сыграла и

перемена царствования в России, когда в 1894 г. на престол взошел Николай II (1894—1917). Вильгельм II, часто персонализировавший международные отношения, воспринял уход ненавистного ему «франкофила» Александра III с облегчением, с новым же царем он попытался установить личные отношения. Началась единственная в своем роде переписка между двумя монархами, которая велась на английском языке в течение следующих восемнадцати лет. Однако никакие доверительные письма уже не могли изменить нового европейского расклада сил после фактического начала распада Европы на два блока. И в этой ситуации чрезвычайно важная, во многом определяющая роль выпадала на долю Англии.

Англо-германские отношения в первой половине 90-х гг.

Новая роль экономического фактора в международной политике, столь зримо сказавшаяся на связях между Россией и Францией, Россией и Германией, существенно повлияла и на англо-германские отношения.

Англия все быстрее сдавала свои позиции, и именно экономический рост Германии делал это относительное падение особенно заметным. Заметным даже в буквальном смысле слова, визуально: в 1887 г. из-за наплыва германских товаров на английский рынок для них специальным актом была введена маркировка «made in Germany». Идея заключалась в том, что англичане из патриотических чувств начнут предпочитать английские товары. В реальности появление этого знака имело неожиданный психологический эффект: с одной стороны, он превратился в своеобразный знак качества немецкой продукции, которая стала продаваться еще успешнее, с другой — породил антигерманские настроения в обществе, основанные на уязвленном самолюбии недавней «мастерской мира» и ставшие особенно заметными после выхода в свет в 1896 г. книги публициста Вильямса, которая так и называлась — «Made in Germany». Однако постепенно усиливавшиеся англо-германские противоречия в экономической сфере не определяли характер взаимоотношений между двумя странами в целом, хотя бы потому, что английский упадок был относительным и к тому же возместимым в тех областях, которые были пока еще мало доступны немцам, — в колониях, внешних займах, финансировании международной торговли и т. д. Для определения будущего англо-германских отношений первостепенной важностью обладала не столько экономика, сколько политические и стратегические соображения.

После отставки Бисмарка англо-германские отношения, как и вся германская внешняя политика в целом, испытали изменения в пользу большей однозначности. Бисмарк не ставил окончательных акцентов: сотрудничал с Англией в египетском вопросе и противостоял в вопросе Конго, основывал колонии в английской сфере влияния и одновременно вовлекал Англию в свою союзную систему в Средиземноморье и т. д. При его преемниках возобладал курс «все или ничего», т. е. либо союз с Англией, либо ее полная изоляция. В Имперской канцелярии на Вильгельмштрассе по-прежнему исходили из непреодолимости англо-французских и особенно англо-русских противоречий и полагали, что Англия неизбежно попадет в объятия Германии. С целью подтолкнуть Англию к этому шагу Вильгельм II некоторое время вынашивал планы создания «континентальной лиги» в составе Германии, России и Франции, которая должна была бы

показать англичанам всю меру их изоляции. В любом случае в Берлине считали, что время работает на Германию.

Для Англии на рубеже XIX и XX вв. действительно наступали новые времена. На фоне возрастания мощи других держав, также испытывавших на себе последствия промышленного переворота, на фоне стремительного роста новых экономических лидеров — Германии и США — происходило латентное ослабление Британской империи, Англичанам все труднее становилось выполнять свои мировые задачи, изоляция угрожала стать далеко не блестящей. Однако Солсбери, возглавлявший английскую внешнюю политику с трехлетним перерывом в 1892—1895 гг., с 1886 по 1902 г. считал, что выход из изоляции должен быть достигнут не путем заключения формального союза, а в результате подписания отдельных соглашений по отдельным вопросам. Самым ярким примером подобной тактики стал договор «Гельголанд — Занзибар» 1890 г. (см. с. 405). Это соглашение способствовало некоторому сближению Англии и Германии, но этого было слишком мало для немцев. В Берлине по-прежнему хотели союза и, желая подтолкнуть к нему англичан, устраивали им мелкие неприятности в колониальных вопросах — в Нигерии, на Верхнем Ниле, в Марокко. Тем не менее англо-германские отношения выглядели почти безоблачными вплоть до 1896—1898 гг., принесших в них резкий поворот, а вместе с ними — и в судьбы всей Европы.

Телеграмма
Крюгеру

Одним из самых существенных обстоятельств германской и европейской внешней политики в 90-е гг. стало начало так называемого «личного правления» Вильгельма II.

После отставки Каприви в 1894 г. и вплоть до 1908 г. кайзер, опираясь на узкий круг советников, едва ли не единолично определял внешнеполитический курс Германии. «Монарх должен иметь последнее слово, но Его Величество хочет иметь первое, и это кардинальная ошибка», — так отзывался о кайзере его собственный министр иностранных дел. Громкие речи, угрозы, неожиданные и часто мало объяснимые шаги на международной арене — все это делало Германию в глазах других государств непредсказуемой и опасной. Эти черты в полной мере проявились в связи с так называемой «телеграммой Крюгеру».

На рубеже 1895 и 1896 гг. произошло нападение нескольких сотен английских добровольцев из Капской колонии на бурскую колонию Трансвааль, так называемый «рейд Джеймсона». Нападение было успешно отбито бурами, и Вильгельм II, за несколько недель до этого в очередной раз предложивший английскому послу союз, вдруг резко поменял курс. Он вознамерился взять под защиту бурские республики, которые англичане считали частью своей империи, и даже был готов с этой целью отправить в Южную Африку военные корабли. Министру иностранных дел с большим трудом удалось уговорить кайзера ограничиться поздравительной телеграммой президенту Трансвааля Крюгеру, которая и была отправлена 3 января 1896 г.

Эта телеграмма в духе антианглийской солидарности явилась определенным рубежом в истории международных отношений, поскольку именно с нее начало свой отсчет долговременное ухудшение англо-германских отношений, скоро превратившееся в непримиримый антагонизм.

Одним из самых важных последствий стал необратимый поворот в общественном мнении в обеих странах, состоявшийся под влиянием резких газетных кампаний. В Лондоне прошли первые антигерманские демонстрации. «Телеграмма Крюгеру» имела продолжение и на дипломатическом уровне: английское правительство, еще накануне выражавшее готовность продлить истекавшую Средиземноморскую Антанту, теперь официально отказалось это делать. Тем самым демонтировался еще один важный элемент системы Бисмарка, и Англия окончательно уходила из сферы влияния Германии. Главное же заключалось в том, что речь шла о совершенно новой ситуации на международной арене, в основе которой лежало образование Германской империи. Со времен войны за испанское наследство и далее в XVIII в. маленькая Пруссия, как правило, выступала в качестве союзника Англии; в XIX в. обе страны уже не были союзниками, но их не разделяли никакие серьезные противоречия, за исключением временных трений в 1848 и в 1864 гг. в связи со шлезвиг-гольштейнским вопросом; в конце XIX в. объединенная Германия, отказавшись от политики самоограничения эпохи Бисмарка, начала создавать один очаг конфронтации с Англией за другим.

Между тем тридцать пять слов «телеграммы Крюгеру» стали лишь своеобразным эпиграфом к начавшейся вслед за этим истории англо-германского антагонизма, основное содержание которой составили военно-морское соперничество и переход Германии к так называемой «мировой политике».

§ 3. *«Мировая политика»*

Провозглашение «мировой поли- тики»

Во второй половине 90-х г. во внешней политике Германии совершался поворот к «мировой политике». В осознанном противопоставлении к проводившейся Бисмарком «континентальной политике», т. е. подчеркнутому сосредоточению исключительно на европейских делах, Вильгельм II и его окружение заявили о том, что интересы Германии распространяются на весь земной шар, и Германия отныне желает «что-то значить» повсюду в мире, быть «мировой державой». Начиналась совершенно новая эпоха в германской внешней политике. Бисмарк настаивал на том, что Германия — «сыта», и проводил политику разумного самоограничения как единственного средства избежать создания коалиции против Германии; Вильгельм II простер германские аппетиты на весь мир; Бисмарк проводил тактику отвлечения великих держав от центра на периферию — Германия Вильгельма II сама активно вмешивалась в колониальную и балканскую периферию и утеряла такого рода шансы.

Как таковое, стремление выйти за пределы своей ближайшей политической и географической среды не содержало в себе ничего необычного, отныне подобные стремления были составной частью внешней политики любой великой державы. Однако немецкую «мировую политику» отличал ряд особенностей. В первую очередь Германия заявила о подобных претензиях слишком поздно, когда в результате новой волны колониальной активности с начала 80-х гг. мир

оказался почти полностью поделенным на сферы влияния и колонии других держав. Тем самым уже фактом перехода к «мировой политике» Германия заявляла о своем намерении подвергнуть ревизии существовавший за океанами порядок вещей, вступала на курс конфронтации с главными европейскими колониальными державами — Англией и Францией.

Если к проведению «мировой политики» стремились все великие державы, то ни одна из них не заявляла о своих намерениях громче и воинственнее, чем Германия. Мировое лидерство в науке, расцвет культуры, стремительный рост экономики, военная мощь — все это создавало специфическую духовную атмосферу, ощущение полноты силы, настроения прорыва, когда любые рамки и границы казались тесными. Переживавший невиданный подъем немецкий национализм переводил эти настроения на политический язык и требовал для «немецкого великана» достойной его задачи — «второго основания империи». Имелось в виду, что после основания Германской империи в 1871 г. настал черед создания новой империи — колониальной.

Будучи массовыми, эти настроения полностью разделялись и политическими верхами Германии. В 1897 г. состоялись назначения двух новых статс-секретарей. Статс-секретарем по международным делам стал Б. Бюлов, его коллегой по морскому ведомству — А. Тирпиц. Вместе с самим кайзером они заявили о себе как о самых горячих поборниках курса на «мировую политику». В своей знаменитой речи перед рейхстагом в ноябре 1897 г. Бюлов произнес слова, которые стали своеобразным манифестом «мировой политики» и благодаря новым средствам коммуникации мгновенно облетели весь земной шар: «Прошли те времена, когда мы отдавали одному соседу землю, другому море, а себе оставляли только небо... мы никого не хотим поставить в тень, но мы требуем и для себя места под солнцем». Подобные громкие высказывания, которые не сходили со страниц прессы, публицистических и даже научных сочинений, которые слышались с самых разных трибун — от рейхстага до деревенских собраний, не могли не пробудить тревогу среди ближних и дальних соседей Германии. Можно сказать, что воинственная риторика в эпоху расцвета европейского общественного мнения сыграла в обострении международной ситуации роль не меньшую, чем собственно действия Германии в духе «мировой политики».

Сами же эти действия — и это еще одна особенность германской «мировой политики» — отличались тем, что не имели под собой никакой общей стратегии, никаких ясно обозначенных и последовательно преследовавшихся целей. За громкими фразами скрывалось отсутствие всякой концепции, кроме нервного желания «быть везде»; отныне Германия заявляет о своем праве голоса практически в каждом колониальном вопросе.

По сути, единственной мерой «мировой политики», проводившейся действительно настойчиво и последовательно, стал курс на усиленное военно-морское строительство, и именно этот курс оказался в полном смысле слова роковым.

Первый морской закон 1898 г.

Вся «мировая политика» осуществлялась под девизом кайзера: «Мировая политика как задача, мировая держава как цель, флот

как инструмент». Флот, таким образом, мыслился как важнейшая предпосылка «мировой политики».

Прежние военно-морские планы исходили из представления о Германии как о преимущественно сухопутной державе, обладавшей флотом главным образом для обороны собственных берегов. В 1896 г. количество крупнотоннажных броненосцев, самых мощных кораблей своего времени, исчислялось лишь шестью. Этот флот не шел ни в какое сравнение не только с английским (33), но уступал также французскому (17), итальянскому (13) и американскому (9). Тирпиц предложил строительство качественно нового флота: если прежний предназначался главным образом для обороны собственных берегов на Балтике и в Северном море, то новый должен был вывести Германию на просторы Мирового океана. Весной 1898 г. рейхстаг принял первый морской закон, по которому до 1903 г. должны были быть построены 7 линкоров, 2 больших крейсера и 17 малых.

Стремление немцев к усилению военно-морских сил складывалось из множества факторов. С одной стороны, обладание сильным флотом в эпоху завершившейся промышленной революции и продолжавшейся глобализации международных отношений становилось более важной, чем прежде, составляющей государственной мощи. К такому выводу подталкивала как теория, например популярные в Германии труды одного из основоположников геополитики американского адмирала А. Мэхэна, так и реальность, в частности, события испано-американской войны 1898 г., наглядно продемонстрировавшие, что успех в колониальных предприятиях в значительной степени зависел от наличия мощного флота.

С другой стороны, строительству флота была предназначена также функция внутренней консолидации и отвлечения от классовой борьбы. В частности, Тирпиц считал, что «в новой великой национальной задаче... содержится сильный паллиатив против образованных и необразованных социал-демократов». Действительно, идея превращения Германии в великую морскую державу была встречена с огромным энтузиазмом. Основанный в 1898 г. Флотский союз в среднем каждую неделю увеличивался на 3 тыс. членов и к 1914 г. достиг численности в 1 млн человек. С точки зрения новой роли общественного мнения для проведения внешней политики показательно, что этот энтузиазм отчасти имел искусственное происхождение, так как в ноябре 1898 г. германский МИД обратился к основным газетным издателям с настоящей просьбой — подчеркивать роль флота в американо-испанской войне и в противостоянии Англии и Франции, с тем чтобы показать, что без флота активная колониальная политика невозможна. Однако, как и в других случаях, общественное мнение было не только объектом манипулирования со стороны властей, но и оказывало мощное обратное давление на процесс принятия политических решений, в том числе в дальнейших шагах по строительству флота.

Наконец, начало активной военно-морской политики было связано и с личными представлениями ключевых фигур германской политики. Вильгельм II, сам наполовину англичанин (его мать была английской принцессой, дочерью королевы Виктории), являлся восторженным поклонником флота, охотно носил морской мундир; будучи неплохим художником, любил рисовать морские

сражения и совершал длительные морские круизы на своей яхте. Провозгласив, что «будущее Германии лежит на воде», он тем не менее не имел отчетливых представлений о предназначении флота и о последствиях его строительства с точки зрения взаимоотношений с Англией.

В отличие от кайзера адмирал Тирпиц, подлинный вдохновитель германской морской программы, с самого начала отдавал себе отчет в подобного рода последствиях — по собственному признанию, он строил «флот против Англии». Главным в его стратегическом мышлении, находившемся под очевидным влиянием трудов Мэхэна и идей социал-дарвинизма, было не столько военно-морское обеспечение колониальной активности, сколько концепция решающей битвы в своих водах. С этой целью Тирпиц убедил Вильгельма II в необходимости строить не крейсера, а тяжелые линкоры. Тактика Тирпица заключалась в том, чтобы незаметно для англичан миновать так называемую «зону риска», когда Англия могла уничтожить строившийся флот прямо в зародыше, и потому спускать на воду в год не более трех судов. После же достижения минимально необходимого уровня численности флота он предполагал принять второй морской закон и приступить к ускоренному строительству. В результате Тирпиц надеялся получить такой флот, который был бы в состоянии прорвать английскую блокаду Северного моря либо нанести противнику неприемлемые потери.

Последствия подобных планов трудно переоценить. Сама идея решающего морского сражения в европейских водах разом переносила все серьезные морские противоречия из колоний, где они до сих пор главным образом концентрировались, непосредственно в Европу. Для Англии переход Германии к «мировой политике», и особенно германская морская программа, означали самый серьезный вызов ее интересам со времен Наполеона. С одной стороны, сосредоточение мощного германского флота в Северном море прямо напротив английских берегов означало прямую угрозу безопасности страны и противоречило многолетней максиме английской внешней политики. С другой стороны, германская «мировая политика» бросила вызов даже не отдельным британским колониям, а самому имперскому положению Англии, основанному на беспрепятственных колониальных и торговых связях. Раньше англичане считали, что главную угрозу такого рода создает продвижение России на Балканах и в Средней Азии. Германская же «мировая политика» означала не просто появление отдельных чувствительных точек трения, как в случае с Россией, а угрозу Британской империи, как таковой. Иными словами, Германия, и без того отягощенная серьезными противоречиями с Францией и Россией, своими собственными руками создала себе еще одного — и очень сильного — противника.

§ 4. Восточный вопрос в конце XIX — начале XX в.

В развитии восточного вопроса в 90-е гг. XIX в. произошли изменения. В первую очередь обращает на себя внимание то, что, несмотря на продолжавшийся кризис Османской империи, восточный вопрос не занимал во внешней политике европейских держав прежнего первостепенного места. Главным образом это было связано с тем, что внешнеполитические приоритеты держав в это время смещаются в сторону от восточного вопроса, в частности в Африку и на Дальний Восток.

Другим важным обстоятельством, повлиявшим на развитие восточного вопроса, стало существенное усиление экономического фактора наряду с традиционно важными национальным и стратегическим. К концу XIX в. экономика Османской империи попала под почти полный контроль европейских держав. Ярче всего эта зависимость проявилась в деятельности созданной *Мухаремским эдиктом* 1881 г. «Администрации оттоманского общественного долга», состоявшей из экспертов семи европейских стран, взявших на себя управление турецкими долгами. Политические шаги европейских государств теперь в большей мере, чем прежде, зависели от их участия в экономических выгодах эксплуатации Турции и от изменений степени этого участия. Наиболее значимым сдвигом такого рода стало постепенное ослабление позиций Великобритании и укрепление роли Германии. В середине 80-х гг. Англия занимала второе место (29%) в турецких займах вслед за идущей первой Францией (40%), Германия же с 4,7% довольствовалась пятым местом, уступая даже Голландии (7,6%) и Бельгии (7,2%). К 1914 г. на второе место после еще более укрепившей свои позиции Франции (50%) выходит Германия (20%), в то время как доля Англии сократилась до 6,9%.

Политика отдельных государств в восточном вопросе также претерпела существенные изменения. Прежде всего это касалось трех традиционно наиболее заинтересованных государств — России, Англии и Австро-Венгрии.

Изменения балканской политики России были в первую очередь связаны с тем, что главенствующее место в ее внешнеполитических планах в 90-е гг. занимал Дальний Восток и судьба нового, как полагали, «больного человека» — Китая. Соответственно, был взят курс на «подмораживание» восточного вопроса. Как выразился министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский (1895—1896), «нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами». Отсюда следовала тактика сохранения Турции и в целом статус-кво на Балканах и Ближнем Востоке. При каждом обострении восточного вопроса в эти годы Россия последовательно выступала против применения насильственных мер по отношению к Турции. Отсюда же следовала и еще недавно малопредставимая готовность петербургского кабинета к сотрудничеству с Австро-Венгрией, основанному на общей заинтересованности в сохранении статус-кво. Вместе с тем Россия не могла себе позволить дискредитировать себя в глазах славянского и православного населе-

ния Османской империи и выступала за реформы с целью облегчения их положения.

В отличие от России Балканы были для Австро-Венгрии единственным возможным направлением для экспансии, и если она также выступала за сохранение статус-кво, то совсем по другим причинам. С одной стороны, на рубеж XIX и XX вв. пришелся самый серьезный, внутренний кризис со времени образования в 1867 г. Австро-Венгрии. Ожесточенное противостояние немцев и чехов парализовало парламентскую жизнь в западной половине империи, в то время как неудача всех попыток возобновить периодически заключаемое экономическое соглашение с Венгрией угрожало самому существованию двуединой монархии. С другой стороны, внешнеполитическая активность Австро-Венгрии была скована изменившейся ситуацией с союзами, и в частности крахом Средиземноморской Антанты. На поддержку Англии нельзя было более рассчитывать, Италия сама выступала конкурентом монархии Габсбургов на западе Балкан, Германия обрела на Балканах свои собственные интересы, далеко не всегда совпадавшие с австрийскими. Наконец, сама национальная, политическая и экономическая ситуация монархии Габсбургов выглядела таким образом, что не позволяла выдвинуть никакую позитивную программу балканской политики. Территориальное расширение исключалось, поскольку новые территории нарушили бы национальный баланс внутри империи; в экономической экспансии Австро-Венгрия все сильнее проигрывала странам Запада. Оставалась лишь программа негативная: не допустить захвата Россией Константинополя из-за притягательного влияния подобного шага на австрийских славян; по этой же причине препятствовать возникновению крупного славянского государства.

Наиболее заметным изменением стала новая позиция Англии. Она как бы поменялась ролями с Россией: в отличие от прошлых десятилетий теперь в Петербурге стремились оберегать «больного человека», в то время как в Лондоне решили, что его конец уже близок. В 1895 г. Солсбери заявил, что «Турция медленно умирает», и даже был готов обсуждать с заинтересованными сторонами план раздела турецкого наследства, по которому Англия получила бы Месопотамию, Аравию и Крит. В 90-е гг. Англия теряет прежний интерес к восточному вопросу. Это было связано не столько с общим ухудшением англо-турецких отношений после приобретения Англией Кипра в 1878 г. и захвата Египта в 1882 г., сколько с тем, что основное внимание Лондона было сосредоточено на более важных проблемах — войне с бурами, противоречиях с Францией в Африке и с Россией на Дальнем Востоке. Кроме того, Балканы, как таковые, все больше уступали Египту — как стратегически, поскольку в защите путей в Индию главную роль английские политики отныне отводили не столько Дарданеллам, сколько Суэцкому каналу, так и экономически — к 1914 г. английские инвестиции в Египте составили 45 млн фунтов против 24 млн в Турции. Это не означает, что восточный вопрос в Форин Офисе вовсе списали со счетов. Не считая его, как прежде, своим жизненным интересом, англичане охотно использовали балканские кризисы для отвлечения России от Дальнего Востока.

Экономическая заинтересованность была одним из главных мотивов и балканской политики Франции — главного кредитора Турции.

Будучи союзницей России, Франция часто следовала за ней в вопросах реформ в пользу христианского населения, однако не настолько, чтобы, по словам французского министра иностранных дел Г. Аното, «подвергать опасности треснувшее здание» Османской империи. Подобная позиция союзника служила дополнительным сдерживающим фактором для политики России в восточном вопросе в эти годы.

Одним из самых важных и далеко идущих новшеств в восточном вопросе стало вмешательство в него новых действующих лиц — Италии, претендовавшей на Албанию, и особенно Германии. С конца 80-х гг. Германия начинает энергичное проникновение в Турцию, что стало одной из самых важных причин обострения восточного вопроса.

Наконец, с 90-х гг. и далее все более отчетливо начинает заявлять о себе еще один важный фактор восточного вопроса — все более самостоятельная политика самих балканских государств.

Балканские государства к началу кризиса середины 90-х гг.

К началу 90-х гг. на политической карте Балкан существовали пять независимых государств (Османская империя, Греция, Сербия, Черногория и Румыния), находившаяся под номинальным турецким суверенитетом Болгария, а также Босния и Герцеговина, с 1878 г. оккупированные Австро-Венгрией. Таким образом, восточный вопрос в балканской его части распадался на два комплекса проблем. С одной стороны, это проблема оставшейся части турецкого наследства на Балканах, судьба которой отныне решалась не только в переговорах между великими державами, но и в ожесточенной борьбе между собой самих балканских государств. С другой стороны, это политика великих держав по отношению к балканским государствам, диктовавшаяся как логикой противостояния блоков, так и их конкретными интересами.

Наиболее заметными были изменения в политике Сербии и Болгарии: они постепенно стали отходить от австрийской ориентации. Австрофильский курс непопулярной династии Обреновичей в Сербии порождал недовольство в широких кругах населения и вызвал к жизни новую мощную оппозиционную силу — Радикальную партию Сербии. Все более острыми становились и экономические трения, например в вопросах судоходства по Дунаю и особенно в экспорте сербского скота, основным потребителем которого была Австро-Венгрия. Особенное возмущение сербов вызывала австрийская практика экономических «наказаний» за малейшую политическую нелояльность. Так, в ответ на сербский протест против демонстрации сербского герба в числе гербов «венгерских» земель на празднестве тысячелетия Венгрии в 1895 г. австрийское правительство запретило импорт свиней — главную статью экспорта Сербии. С убийством летом 1903 г. Александра Обреновича и воцарением Петра Карагеоргиевича Сербия окончательно повернулась от Австро-Венгрии к России.

В 1895—1896 гг. завершилось и «время разрыва» в русско-болгарских отношениях. В 1894 г. закончилось диктаторское правление С. Стамболова (1887—1894), сторонника тесного сближения с Австро-Венгрией, ожесточенно преследовавшего русофилов внутри страны и проводившего последовательную антироссийскую политику

вовне. Выход из тюрем русофилов, неофициальный визит в Россию митрополита Тырново Климента и особенно крещение в 1896 г. по православному обряду сына князя Фердинанда Бориса — все это были сигналы изменения курса страны, которые были услышаны как в Вене, так и в Петербурге. Франц Иосиф в сердцах заявил, что «неблагодарная обезьяна» князь Фердинанд никогда больше не будет принят при венском дворе; российский же МИД дал знать турецкому султану, что Россия больше не видит препятствий к признанию Фердинанда князем Болгарии. В январе 1896 г. султан, как формальный сюзерен Болгарии, осуществил это признание, и вслед за ним Фердинанда признали все европейские государства — спустя десять лет после фактического воцарения Фердинанда на болгарский престол.

Румыния оставалась единственным из попавших в 80-е гг. в орбиту влияния австро-германского блока балканских государств, которое сохранилось там и в 90-е гг. Между Румынией и Австро-Венгрией существовали ощутимые трения, связанные, во-первых, с претензиями Бухареста на заселенные румынами области Венгрии и, во-вторых, со стремлениями Австро-Венгрии подчинить своему контролю судоходство на Дунае, в том числе и в румынской его части. Вместе с тем с экономической точки зрения государства австро-германского блока являлись важнейшими торговыми партнерами Румынии; с политической же точки зрения в союзе с ними в Бухаресте видели гарантию против России, отношения с которой после Берлинского конгресса резко ухудшились. В результате Румыния трижды (1892, 1896, 1902) перезаключала союзный договор с Австро-Венгрией, к которому присоединялись Германия и Италия.

Два других балканских государства, Греция и Черногория, в целом придерживались нейтральной политики по отношению к России и Австро-Венгрии.

Общим в положении балканских государств было то, что по мере развития их государственности и укрепления экономики их внешняя политика приобретала большую независимость, чем в предшествовавшие десятилетия. В перспективе это обстоятельство делало международные отношения на Балканах гораздо более конфликтными, тем более что почти во всех странах преобладавшей внешнеполитической доктриной становится так называемая «великая идея».

Характерной чертой «великой идеи», специфического балканского варианта национализма, было представление об «идеальной», или «законной», родине, в качестве прообраза которой избиралось какое-либо государство-предшественник в момент его наибольшего территориального расширения (Византийская империя у греков, Царство Стефана Душана у сербов, средневековые Болгарские царства у болгар, продлившееся лишь год объединение Молдавии, Валахии и Трансильвании в начале XVII в. у румын). На этой основе различные государства предъявляли друг к другу взаимоисключающие территориальные претензии. Подобные претензии на фоне чрезвычайной пестроты этнического состава различных спорных территорий часто приводили к различным кровавым эпизодам, когда представители той или иной национальной общины пытались «подогнать» этнические реалии под представления об «идеальной родине» с помощью резни.

Эти обстоятельства сыграли существенную роль в возникновении и протекании масштабного кризиса, потрясшего Османскую империю в середине 90-х гг. XIX в. Тремя главными его событиями были резня армянского населения, восстание на Крите и волнения в Македонии.

**Резня армян
1895—1896 гг.**

Турецкий султан Абдул Гамид II (1876—1909) во второй половине своего правления все более склонялся к консервативному исламскому курсу с панисламистскими тенденциями. В частности, более нетерпимым становилось отношение к христианскому населению в различных районах империи.

Особенно тяжело это сказалось на судьбе армянского населения. Положение армян, проживавших на северо-востоке Малой Азии, в последние десятилетия века значительно ухудшилось. Турки не простили участия армянских отрядов на стороне России в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.; в районы проживания армян переселялись мусульмане с Балкан; с 1891 г. армянское население терроризировалось отрядами иррегулярной конницы «хамидие», состоявшей преимущественно из курдов. Вершиной подобной политики стала массовая резня армянского населения в августе 1894 г., в сентябре 1895 г. и в августе 1896 г. Количество жертв армянских погромов оценивается от 200 до 300 тыс. человек.

Международный аспект армянской проблемы заключался в следующем. С одной стороны, султан нарушил свои международно-правовые обязательства, поскольку статья 61 Берлинского трактата обязывала его к реформам в населенных армянами регионах. С другой стороны, на политику европейских стран сильное давление оказывало общественное мнение. Особенно это касалось Англии, в том числе и потому, что именно там существовала значительная армянская диаспора, занятая главным образом торговлей английским текстилем в Центральной Азии. В 1890 г. возникла Англо-армянская ассоциация, находившаяся в связи с аналогичными организациями в других европейских столицах и выступавшая за проведение реформ в Турецкой Армении. Летом 1895 г. Солсбери выступил в парламенте с публичным осуждением действий султана.

Самое пристальное внимание европейских держав к армянским событиям было вызвано тем не менее не столько общественным мнением и отношением султана к международным трактатам, сколько опасениями, что этот кризис может спровоцировать обострение всего восточного вопроса и даже распад Османской империи. Первоначально все шесть великих держав выступили с совместным протестом в Константинополе. Когда же он не возымел действия, Австро-Венгрия предложила устроить военно-морскую демонстрацию в Черноморских проливах. Однако этот план не устроил Россию, ни в коем случае не желавшую подобного нарушения режима судоходства в проливах. Поэтому петербургский кабинет предложил лишь направить новые суда в дополнение к имевшемуся в распоряжении каждого посольства в Константинополе судну-стационару. С этой мерой все согласились, однако к этому времени худшие опасения в отношении распространения кризиса начали сбываться — началось восстание на острове Крит.

Главным завоеванием критского восстания 1866—1869 гг. был Органический устав — введенная султанским указом 1868 г. частичная административная автономия острова с высшим органом в лице Народного

собрания, в котором на равных основаниях должны были быть представлены христиане и мусульмане. Положения устава саботировались султаном, даже несмотря на то, что статья 23 Берлинского трактата прямо обязала его к их выполнению. Жители Крита требовали выполнения этих обязательств, особенно назначения губернатора-христианина. В 1895 г. султан выполнил требование, однако это вызвало возмущение мусульман Крита и не принесло успокоения христианам, выдвигавшим теперь требование присоединения острова к Греции. В этих условиях назначение нового губернатора-мусульманина привело к восстанию.

В глазах европейских держав критское восстание означало еще большую угрозу Османской империи, чем армянские события, поскольку в дело практически сразу же вмешалась Греция. В начале 1897 г. на остров высадились греческие добровольцы, правительство Греции пыталось также заключить союз с Сербией и Болгарией. В этих условиях Австро-Венгрия, выступавшая против присоединения Крита к Греции, поскольку подобное национальное объединение могло бы послужить примером и для южных славян, предложила установить блокаду Крита и таким образом лишить восстание внешней поддержки. Англия в духе своей новой политики в восточном вопросе не только отказалась от австрийского предложения, но и выступила за оказание давления на султана с целью уступок восставшим. В Петербурге подозревали, что тем самым Англия стремилась обострить ситуацию и помешать России сосредоточиться на Дальнем Востоке. В результате Англия и Россия выступили в несвойственных для себя ролях: первая поддерживала восставших, вторая выступала за их примирение с султаном.

В феврале 1897 г. великие державы сделали предложение Турции и Греции об автономии Крита. Турция приняла это предложение, однако Греция не согласилась, поскольку ее планы шли дальше автономии острова в составе Османской империи, она стремилась к его присоединению. Ситуация до крайности обострилась в связи с вторжением греческих добровольцев в Македонию, в ответ на которое Турция в апреле 1897 г. объявила Греции войну.

Греко-турецкая война продлилась лишь тридцать дней и окончилась разгромом греческих войск. Понадобилось вмешательство великих держав, чтобы Греция отделалась незначительными потерями: по миру, подписанному в декабре 1897 г., она соглашалась на небольшие исправления границы в пользу Турции в Фессалии, отказывалась от претензий на Крит и выплачивала контрибуцию. Проблема же Крита была решена способом, предвосхитившим современную практику ООН: после объявления острова автономией «под протекторатом Европы» на нем высадились миротворческие войска, которые оставались там вплоть до 1908—1909 гг. Верховным комиссаром по настоянию великих держав, и особенно России, стал греческий принц Георгий, мать которого, королева Греции и русская княжна Ольга, приходилась теткой Николаю II. Еще один очаг кризиса в Турции был погашен.

Проблема проливов

Опасения скорого распада Османской империи вследствие кризиса середины 90-х гг. вновь сделала актуальной проблему проливов. В первую очередь она касалась России.

Черноморские проливы, и без того крайне важные для России со стратегической и экономической точек зрения, еще больше выросли в значении, поскольку именно через них проходил самый короткий морской путь на Дальний Восток, а строившийся Черноморский флот рассматривался как стратегический резерв флота Тихоокеанского. Вместе с тем Россия придерживалась в отношении проливов оборонительной и выжидательной тактики. Еще на Особом совещании 1879 г. была сформулирована задача не допустить двух вещей — расширения Австро-Венгрии на Балканах и оккупации проливов Англией. В политическом руководстве России существовало две точки зрения на проблему проливов. Одна из них заключалась в сохранении слабого «привратника на Босфоре» в лице Турции вплоть до того момента, когда англичане попытаются захватить проливы; другая (ее главным сторонником был русский посол в Константинополе Нелидов) требовала превентивного захвата проливов.

Нелидов разработал детальный план, по которому военные транспорты с десантом по его сигналу должны были двинуться на Босфор. 23 ноября 1896 г. этот план обсуждался на Особом совещании в присутствии царя. Несмотря на ожесточенное сопротивление С. Ю. Витте, выступавшего за приоритет дальневосточной политики и утверждавшего, что подобные планы чреваты европейской войной, было принято решение о подготовке десантной операции на Босфор. Однако вскоре от этих планов отказались. С одной стороны, сказались внутренние причины — усиление внутреннего сопротивления, недостаточная готовность Черноморского флота. С другой стороны, большую роль сыграли и внешние обстоятельства — постепенное затухание кризиса на Балканах, а главное — позиции великих держав. В данном случае оппозицию планам России составила даже не столько Англия, сколько союзная Франция. Во время визита Николая II в Англию осенью 1896 г. Солсбери заявил, что Англия не будет возражать, если Россия «в свое время» займет проливы, а остальные державы с этим согласятся. Напротив, в Париже Николай II услышал, что Франция не поддержит никаких сепаратных действий России на Востоке. Единственным условием, на котором французы соглашались помочь России в вопросе проливов, была ответная поддержка в проблеме Эльзаса и Лотарингии. Платить цену большой европейской войны Россия была не готова. Не приходилось сомневаться и в реакции Австро-Венгрии. Едва слухи о совещании у царя достигли Вены, австрийцы немедленно предложили Англии совместно с Тройственным союзом защищать проливы. В итоге проблема проливов была снята с европейской повестки дня — до очередного восточного кризиса.

Македонский вопрос

Еще одной составляющей восточного кризиса середины 90-х гг. был македонский вопрос — главное балканское яблоко раздора этого времени.

Македония являлась понятием не политическим, а географическим и историческим. Побывав в Средние века в составе болгарского,

греческого и сербского государств, она представляла собой идеальный объект применения «великой идеи» для соответствующих государств и национальных движений. Три турецких вилайета, Салоники, Битоль и Косово, которые составляли Македонию, были населены сербами, греками, болгарами, турками, албанцами; типичной для Македонии была ситуация этнической неопределенности — «утром болгарин, а вечером серб», как писал русский писатель А. В. Амфитеатов, неоднократно посещавший эту «страну раздора». На рубеже веков Македония представляла собой арену непрекращавшейся борьбы христиан с турками и между собой. Набирало силу и албанское движение, ставившее целью объединение вилайетов Салоники, Косова и Янины во главе с турецким губернатором и с албанской полицией. В Константинополе не приняли эту идею, и таким образом мусульмане в Македонии тоже оказались расколотыми. Постепенно албанское движение начинает склоняться к идее самостоятельного албанского государства, в чем его активно поддерживала Австро-Венгрия, поскольку, как выразился австрийский министр иностранных дел А. Голуховский, именно «албанская нация составляет плотину против затопления владений Порты славянским половодьем».

Формально македонский вопрос, внутреннее дело Турции, становился международной проблемой благодаря активному вмешательству в него Сербии, Греции и Болгарии. При этом борьба велась не столько с помощью дипломатических нот, сколько специфическим балканским способом. С одной стороны, каждая из стран старалась изменить в свою пользу культурную и религиозную ситуацию в Македонии с помощью учреждения своих детских садов, школ, церковных приходов. С другой стороны, в роли политического орудия выступали разного рода тайные организации и полувоенные формирования, которые стремились повлиять на ситуацию методами террора и этнических чисток.

Великие державы македонский вопрос занимал в той мере, что он являлся практически перманентным кризисным очагом на Балканах, поэтому они настаивали на выполнении Турцией условий статьи 23 Берлинского трактата 1878 г., в которой говорилось о реформах в европейской Турции и, следовательно, о Македонии. Вместе с тем именно в македонском вопросе, задевавшем так много сторон, великие державы действовали с особенной осторожностью и не так настойчиво, как в армянском и критском. Поэтому, когда в 1896 г. в Македонии вспыхнуло очередное восстание, великие державы откликнулись по большей части возмущенными голосами прессы, но не реальным вмешательством. Иначе македонский вопрос сказался на позиции Австро-Венгрии и России.

Тактика «совместных действий»

Македонский вопрос стал той почвой, на которой на рубеже XIX и XX вв. стало происходить сближение между двумя извечными балканскими соперниками. Обе страны были заинтересованы в том, чтобы Македония по примеру Крита не получила статус автономии. При сильных позициях в этом регионе Болгарии, ссылавшейся как на Сан-Стефанский договор 1878 г., так и на реальную силу своих позиций в школьной и особенно в церковной системе Македонии, существовала реальная перспектива, что в случае получения автономии Македония повторит путь Восточной Румелии, т. е. в недалеком будущем объединится с Болгарией. Это

означало бы принципиальный сдвиг всего балканского равновесия и реальную угрозу войны, которая могла охватить весь Балканский полуостров и привести к непредсказуемым последствиям. Ни Австро-Венгрии с ее внутренними проблемами, ни занятой на Дальнем Востоке России подобные потрясения на Балканах не были нужны, поэтому обе страны взяли курс на совместный контроль над ситуацией в Македонии и, шире, на всех Балканах, добиваясь смягчения существовавших противоречий.

Начало подобной тактике «совместных действий» положил визит Франца Иосифа и Голуховского в Петербург в 1897 г. и достигнутое по его итогам соглашение, облеченное в форму писем австрийскому послу в Петербурге российского и австрийского министров иностранных дел. Помимо идеи сохранения статус-кво на Балканах, в австрийском письме выражались взгляды на будущее устройство Балкан на тот случай, если статус-кво все же не удастся сохранить, — аннексия Боснии и Герцеговины, раздел европейской Турции между балканскими государствами, создание независимой Албании. Однако, поскольку русский министр М. Н. Муравьев отказался обсуждать эти «вопросы будущего», реальное содержание соглашения заключалось в том, что стороны договорились сохранять на Балканах существующую ситуацию и консультироваться между собой в случае угрозы ее изменения. Соглашение имело большое значение для развития ситуации на Балканах, поскольку смягчало противоречия между двумя главными конкурентами в этом регионе.

Спустя шесть лет повод к дальнейшему сотрудничеству Австро-Венгрии и России вновь дал македонский вопрос. Летом 1903 г. произошло Илиндейское (началось в Ильин день — отсюда название) восстание. Опасаясь его распространения, министры иностранных дел Австро-Венгрии и России во время поездки двух императоров в австрийский охотничий замок Мюрцштег выработали более конкретные предложения по македонскому вопросу. Оформленное в качестве тождественных инструкций российскому и австрийскому послам в Константинополе, *Мюрцштегское соглашение* предполагало учреждение постов «гражданских агентов» России и Австро-Венгрии в македонских вилайетах для контроля над деятельностью местной администрации; реформирование жандармерии с участием иностранных офицеров; создание смешанных комиссий из христиан и мусульман при участии консулов двух стран для разбора гражданских и уголовных дел; изменение административных границ «в видах более правильной группировки отдельных народностей». Последнее положение имело непредвиденное последствие: соперничавшие национальные движения немедленно стали добиваться «правильной группировки народностей» с помощью взаимной резни.

Начавшись на македонской почве, русско-австрийское сотрудничество приобретало и более широкие политические акценты. Так, в октябре 1904 г. была подписана декларация о взаимном нейтралитете в случае неспровоцированного конфликта с третьей страной вне Балкан. Соглашению была умышленно придана форма декларации, а не договора, с тем чтобы оно не вступало в противоречия с действующими договорными обязательствами каждой из сторон, хотя, следуя только букве документа, Австро-Венгрия должна была бы сохранять

нейтралитет, например, в случае войны России с Германией. Реальный смысл соглашения заключался в другом: Россия обеспечивала себе тылы в надвигавшейся войне с Японией, а монархия Габсбургов со своей стороны охотно подталкивала ее на войну, которая должна была увести Россию далеко от сферы ее интересов.

Ослабление России вследствие поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг. и затем революции заставят петербургский кабинет продолжать тактику «совместных действий» вплоть до 1908 г. Тем временем все большее значение приобретала деятельность нового действующего лица на Балканах — Германии.

Балканская политика Германии в конце XIX — начале XX в.

На рубеже веков пассивность традиционно заинтересованных в восточном вопросе Англии, Австро-Венгрии и России создала благоприятные условия для проникновения на Балканы Германии, влекомой туда как экономическими, так и стратегическими интересами. Уже в 1888—1893 гг. германский экспорт в Турцию вырос на 350%, и по этому показателю Германия поднялась с шестнадцатого на четвертое место вслед за Англией, Францией и Австро-Венгрией. Одновременно Дойче Банк получает первую концессию на строительство железной дороги от Константинополя до Измита, порта на Красном море, а затем от Константинополя до Анкары. В 80-е гг. Германия начинает оказывать помощь Турции в реорганизации ее армии. Авторитету Германии в Константинополе способствовало и то, что она не выдвигала к Турции никаких территориальных претензий — в отличие от России, Австро-Венгрии и Англии. Эта позиция «бескорыстного друга» еще более укрепилась благодаря политике Германии во время восточного кризиса 1895—1897 гг.: Германия не участвовала в морских демонстрациях великих держав; когда началось размещение международных сил на Крите, министр иностранных дел Бюлов заявил, что Германия «складывает свою флейту и выходит из «европейского концерта», т. е. отказывается в этом участвовать.

Германия действительно не стремилась к территориальным приобретениям в Османской империи. Стратегия немцев заключалась в «мирном проникновении» в Турцию, в усилении своего экономического, политического и культурного влияния, с тем чтобы постепенно превратить Турцию в своеобразную «Индию Германии». Большую роль в усилении позиций Германии в Османской империи сыграли две поездки Вильгельма II на Восток в 1889 и 1898 гг. Особенное значение имела вторая из них. В то время как общественное мнение и политики в прочих европейских государствах негодовали по поводу преступлений «кровавого султана», германский кайзер демонстративно отправился в Константинополь и далее — на Ближний Восток. В Дамаске он заявил о том, что является другом 300 млн мусульман во всем мире. Сама эта цифра — 300 млн, намного превосходившая количество подданных султана, содержала в себе намек на мусульманских жителей колоний Франции, Англии, а также национальных окраин России. За высказыванием стояла все более набиравшая силу в германских политических кругах идея о том, что мусульмане являются естественными союзниками Германии в ее борьбе за «место под солнцем».

В результате восточной поездки Вильгельма II укрепились не только политические, но и экономические позиции Германии в

Османской империи. Немцы получили концессии на оборудование порта Гайдар-паша на азиатском берегу Босфора, на прокладку телеграфного кабеля из румынской Констанцы в Константинополь, но главное — концессию на строительство Багдадской железной дороги.

Багдадская железная дорога

Именно Багдадская железная дорога наряду со строительством флота стала главным начинанием германской «мировой политики». Полученная немецким консорциумом во главе с Дойче Банком в 1899—1903 гг. концессия подразумевала строительство 3200-километровой железной дороги от Константинополя до Багдада и Басры, т. е. до Персидского залива. Концессия давалась на 99 лет с правом разработки шахт на расстоянии в 20 км от железной дороги. С помощью Багдадской железной дороги немцы надеялись открыть азиатские рынки для своих промышленных товаров и одновременно заполучить мощное средство «мирного проникновения» в Османскую империю, поскольку вдоль дороги оседали бы немецкие колонисты, строились немецкие предприятия, и от них волны экономического и культурного влияния распространялись бы в глубь Османской империи. Колоссальным было также и стратегическое значение железной дороги. В случае ее успешного доведения до Багдада и Басры немецкие экономические, политические и военные интересы могли быть представлены там, где прежняя география делала их непредставимыми, — в Междуречье, на границах Персии, на подступах к Закавказью, на пороге Индийского океана. На этом примере особенно ясно видно, как железные дороги меняли представления о политике и географии.

Вдохновлявшая немцев перспектива загрузить немецкие товары (а в случае необходимости — и солдат) в Берлине и выгрузить их на берегах Евфрата вызывала в Лондоне и Петербурге противоположные чувства. В Германии это прекрасно понимали, но вновь, как на палочку-выручалочку, надеялись на непримиримый англо-русский антагонизм. «Соперничество между Англией и Россией в Азии в наших интересах следует использовать так, чтобы, то склоняясь перед британским львом, то расшаркиваясь перед русским медведем, мы смогли дотянуть нашу дорогу до Кувейта на Персидском заливе», — писал в 1900 г. Бюлов. С Кувейтом Германия фактически приобрела бы собственный порт в Персидском заливе. Догадываясь о подобных планах, англичане решили сыграть на опережение и в 1901 г. сами захватили Кувейт.

Если еще в 80-е гг. англичане скорее поддерживали проникновение немцев в Османскую империю, видя в них противовес французскому и русскому влиянию, то Багдадская железная дорога, угрожавшая всей английской торговле и приводившая немцев почти на порог Индии, стала наряду с военно-морским соперничеством вторым важнейшим источником англо-германского антагонизма, тем более что речь шла о чисто немецком предприятии. Первоначально планировалось, что строительством железной дороги займется международный банковский консорциум с участием французских и английских банков. Французские банкиры были не против принять участие в этом деле, сулившем огромные прибыли, однако политики опасались, что это приведет, с одной стороны, к дальнейшему усилению Германии, с другой — ухудшит отношения с Россией. Кроме того, и в Англии, и во

Франции категорически против было общественное мнение. Наконец, выяснилось, что германское правительство согласилось поддерживать строительство железной дороги только в том случае, если она будет чисто германским предприятием. В этих условиях Англия стала всячески тормозить строительство Багдадской железной дороги, прежде всего пользуясь своим положением в Комиссии оттоманского долга и создавая финансовые затруднения Турции. Лишь на самом пороге войны, в июне 1914 г., Германия и Англия пришли к соглашению, по которому Лондон согласился со строительством Багдадской железной дороги, но без ее завершающего участка до Басры. Однако это так и не вступившее в силу соглашение было заключено слишком поздно для того, чтобы что-то изменить в англо-германском антагонизме.

Активность Германии в Османской империи стала одной из главных причин нарастания накануне войны и русско-германских противоречий. Сам факт появления немцев на берегу Босфора, пусть только и для оборудования порта, вызвал возмущение в Петербурге. В обмен на свое согласие Россия потребовала признать за ней право занять проливы в случае угрозы установления над ними иностранного контроля, однако Германия отказалась. Собственно проект Багдадской железной дороги беспокоил Петербург из-за возможной угрозы южным границам России и ее интересам в Персии. В 1900 г. Россия добилась от Турции фактического обязательства не давать иностранным компаниям концессий на строительство железных дорог в Малой Азии по направлению к Черному морю и Кавказу. Компромисс с Германией был найден лишь в 1911 г. В специальном договоре Германия обязывалась преследовать в Персии исключительно торговые цели, в то время как Россия соглашалась на присоединение сооружавшейся ею персидской железнодорожной сети к Багдадской железной дороге.

Значение так и не достроенной к началу Первой мировой войны Багдадской железной дороги (к 1918 г. — две третьих, окончание — 1940 г.) для истории международных отношений заключалось не только в том, что этот проект обострил англо-германские и русско-германские противоречия, — он серьезно повлиял на балканскую ситуацию. В частности, перед лицом противостояния с Англией и Россией Германия стала существенно более зависимой от Австро-Венгрии во всех балканских вопросах. Между тем Германия и без того остро нуждалась в поддержке своего единственного союзника, поскольку с рубежа веков она все активнее начинает вмешиваться в колониальную политику.

Глава 17. Европа и мир с 1881—1882 гг. по начало XX в.

§ 1. Характерные черты и особенности колониальной экспансии в 80—90-е гг. XIX в.

**Причины новой
колониальной
активности**

С 1881—1882 гг., с захвата Францией Туниса и Англией Египта, начался новый период в истории европейского колониализма.

За два последних десятилетия XIX в. колониальная экспансия ведущих европейских государств испытала огромный рост. В 1880 г. колониальные владения Англии составляли 7,7 млн кв. км, на которых проживало 276,9 млн человек; к 1899 г. территория выросла до 9,3 млн км, население — до 309 млн человек. Еще более впечатляющим был в эти годы рост французской колониальной империи: от 0,7 млн км и 7,5 млн человек населения до 3,7 млн км и 56 млн человек. Германия, в 1880 г. еще вовсе не обладавшая колониями, к 1899 г. имела колониальные владения размером в 1 млн кв. км и населением в 14,7 млн человек.

Подобный рост был связан с изменившимся весом колониальных интересов во внешней политике ведущих государств. Как уже отмечалось, в течение большей части XIX в. колонии не являлись приоритетом политических интересов европейских стран, они приобретались без какого-либо определенного плана, почти «по рассеянности», по выражению английского современника. Колониальное соперничество и его влияние на международные отношения в Европе были слабо выраженными в том числе и потому, что круг колониальных держав был крайне узким и преобладала в нем Англия. С 80-х гг. колониальная политика выходит на первое место во внешней политике государств, вспыхивает острая конкуренция по овладению колониями, иногда приводившая европейские страны на порог войны.

В основе подобного поворота лежало множество разных по своему происхождению причин, и экономические занимали одно из первых мест. С одной стороны, как и в прежние времена, речь шла о стремлении к конкретным экономическим выгодам: золото и алмазы Южной Африки, кофе и каучук Южной Америки, защита интересов европейских держателей акций в Египте и т. д. С другой стороны, к этому добавляются и новые мотивы.

К концу XIX в. в большинстве стран не только завершился промышленный переворот, но и началась «вторая промышленная революция», двигателем которой выступали уже не пар, текстиль и чугун, а химия, сталь и электричество. В результате необычайно возросли масштабы и мощь капиталистического производства и, соответственно, гораздо более острой стала нужда в рынках сырья, спрос на которое в связи с развитием новых отраслей отныне был к тому же более разнообразным, и одним из новых фаворитов этого спроса стала нефть. Рост производства требовал и увеличения рынков сбыта. Проблеме сбыта, до завершения промышленной революции никогда не стоявшую так остро, наглядно продемонстрировала так называемая Великая депрессия, начавшаяся в 1873 г. и продлившаяся до середины 90-х гг. Великая депрессия, первый мировой кризис перепроизводства, означала совершенно новый вызов, на который были даны три ответа — и каждый имел отношение к усилению колониальной активности в 80—90-е гг.

Во-первых, затоваренные вследствие кризиса склады привели к лихорадочному поиску новых рынков — и взгляды предпринимателей почти во всех развитых странах обратились за океан. Во-вторых, кризис способствовал концентрации производства, появлению крупных корпораций, обладавших принципиально иной мощью как для проявления активности за рубежом, так и для оказания давления в этом направлении на собственные правительства. В-третьих, в стремлении

защитить свои собственные рынки европейские страны с конца 70-х гг. одна за другой переходят к протекционизму. С одной стороны, возникшие в связи с этим трудности со сбытом своих товаров в других странах опять-таки заставили искать новые рынки в колониях (особенно это заметно на примере Англии). С другой стороны, переход к протекционизму существенно усилил конфликтный потенциал в международных отношениях в целом и колониальное соперничество в частности. Если раньше, в эпоху свободной торговли, главным действующим лицом экономики выступали частное предприятие или компания, сферой действия которых теоретически был весь мир, то теперь на мировой арене действуют национальные экономики, национальные экономические организмы. Если раньше конкуренция была в первую очередь делом отдельных частных фирм, то теперь государство более прямо и непосредственно участвует в различных трениях экономического характера.

В реальности же экономическое значение колоний преувеличивалось современниками. Покупательная способность местного населения была слабой, и львиную долю экспорта европейским странам приносила торговля между собой, а также с США. Стремление к колониям часто выступало не столько как непосредственная экономическая необходимость, сколько как представление о том, что только обладание колониями сможет обеспечить экономическое развитие в будущем. Показательный пример: в Германии, так громко требовавшей себе «места под солнцем» и располагавшей третьими по величине колониями в Европе, их реальная доля во внешнеторговом обороте даже к началу войны составляла лишь 0,02%.

В значительной мере усилению колониальной активности способствовал тот факт, что к концу XIX в. стали видны ее пределы. Свободного пространства за океаном становилось все меньше, политики в самых разных странах стремились опередить конкурентов, панически боясь не успеть. Резко возросшая в этих условиях конкуренция сама по себе являлась мощнейшим мотором колониальной экспансии.

Эта конкуренция еще более усиливалась благодаря широкому распространению в обществе идей социал-дарвинизма и национализма. Представления о том, что захваты колоний являются важнейшей частью «борьбы за существование» отдельных наций, соображения национального престижа заставляли миллионы людей следить за успехами своей страны за океаном с азартом спортивного болельщика и подталкивать свои правительства к новым колониальным предприятиям.

К усилению колониальной активности побуждали и особенности демографического и социального развития. Достигнутый к концу XIX в. пик демографического роста в ряде европейских стран поставил проблему избыточного населения и вызвал к жизни мальтузианские страхи, опасения недостатка продовольствия. Выход из этой ситуации многими виделся в создании переселенческих колоний за океаном. На фоне усиления к концу века социальных противоречий, роста рабочего и социалистического движения в ряде стран возникло течение «социального империализма», ожидавшего от усиления колониальной активности прежде всего решения социальных проблем. Сторонники этого течения, с одной стороны, надеялись, что заокеанские богатства могут смягчить остроту социальных противоречий, а с

другой — полагались на интегрирующий эффект колониальной политики. Как писал итальянский националист Э. Коррадини, «социал-империализм стремится к тому, чтобы сплотить все классы для защиты нации...».

Важной технической предпосылкой для усиления колониальной экспансии были успехи науки, особенно связи, кораблестроительной техники и вооружения. Винт вместо колеса и меньшая осадка пароходов позволили продвигаться дальше по рекам, что способствовало перенесению колониальной активности европейцев в глубь осваиваемых территорий. Прогресс вооружений, и в частности появление пулеметов, позволял сломить даже самое ожесточенное сопротивление местных народов. Самый наглядный пример такого рода — знаменитое сражение при Омдурмане в сентябре 1898 г., когда английский отряд генерала Китчера разбил многократно превосходившие войска суданцев со следующим соотношением: 48 убитых и 430 раненых у англичан против 9700 убитых и 16 000 раненых у суданцев. «Самый примечательный триумф, который когда-либо оружие науки одерживало над варварством», — так охарактеризовал произошедшее участник сражения лейтенант У. Черчилль.

Большую роль в усилении колониальной экспансии играли также разного рода военно-политические и стратегические мотивы, борьба за проливы, каналы, опорные пункты.

В целом активизация колониальной политики приводила к существенным сдвигам в международной ситуации. Изменялось представление о статусе великой державы: отныне действительно великой могла считаться только та держава, которая обладала колониями. Само положение держав в Европе отчасти определялось через их положение в колониальном мире.

Характер колониального господства Значительно изменились и формы колониального господства. До начала 80-х гг. простиралась эпоха так называемого «неформального империализма», т. е. косвенного, и в первую очередь экономического, контроля над заокеанскими территориями, в частности с помощью торговых договоров, что вполне соответствовало преобладавшей тогда доктрине свободной торговли. Напротив, в новую эпоху стремлению развитых государств с помощью протекционизма защитить свой внутренний рынок соответствовало желание огородить свои внешние рынки в колониях путем перехода к «формальному империализму», т. е. устанавливая прямой политический и военный контроль. Место принципа «флаг следует за торговлей» все чаще занимал противоположный: «торговля следует за флагом». Кроме того, происходило ужесточение форм косвенного контроля, иногда с тенденцией перехода к прямому, например, в Китае, где, не ограничиваясь существовавшими неравноправными договорами, державы стремились заполучить отдельные сферы влияния.

В целом в конце XIX — начале XX в. продолжали существовать три основных типа колониального господства: прямой политический контроль (Индия, некоторые африканские колонии), косвенный (Египет), а также создание полуколоний, сохранявших свою самостоятельность прежде всего благодаря проникновению в них двух (Иран) или нескольких конкурентов (Китай, Османская империя).

Иногда, наоборот, самостоятельность сохранялась благодаря фактическому отсутствию конкурентов. Например, мало опасаясь европейской конкуренции, США не ощущали потребности переходить к прямым формам контроля над странами Латинской Америки. В то же время характер колониального господства зависел не только от ситуации в конкретном регионе мира, но и от особенностей колониальной политики отдельных стран.

Особенности колониальной политики Англии

Одной из главных особенностей колониальной политики в это время был значительно расширившийся круг ее участников. Эпоха безоговорочного английского преобладания окончилась. Важное значение имело появление новых действующих лиц: с одной стороны, неевропейских стран Японии и США, придавших колониальной экспансии поистине глобальный размах, с другой — европейских новичков Германии и Италии, значительно обостривших колониальное соперничество. В целом же особую роль в начавшемся в 80-е гг. новом этапе европейской экспансии сыграли Англия, Франция и Германия.

Англия долгое время являла собой идеальную модель «неформального империализма», практиковавшегося ею везде, кроме Индии. Англичане не стремились переходить к формальному господству, созданию настоящей колониальной империи прежде всего потому, что при их явном торговом преобладании определяющее значение имели доходы, а не политическая принадлежность того региона, где они были получены. С 1812 и по 1880 г. на английские колонии приходилась лишь треть экспорта и шестая часть английских инвестиций, главным же торговым партнером были США.

Экономические мотивы повлияли на изменение колониальной политики Англии наиболее явно. В 1872 г. английский экспорт, с середины века удваивавшийся каждые десять лет, достиг абсолютного пика в 250 млн фунтов. Однако начавшаяся на следующий год Великая депрессия стала поворотным пунктом: по мере того как рынки европейских стран стали закрываться для английской торговли, все важнее становились колонии.

Как и для прочих стран, большое значение для усиления колониальной экспансии Англии имели идеи национализма, социал-дарвинизма, сознания особой миссии. С. Роде, колониальный политик и премьер Капской колонии, писал: «Я утверждаю, что мы — первая раса мира, и для человечества тем лучше, чем большие части мира мы заселим...» В значительной степени соображениями престижа объяснялось провозглашение королевы Виктории императрицей Индии в 1876 г. Наконец, в колониальной политике Англии, «владычицы морей», большую роль играли также военно-стратегические мотивы. В частности, это касалось оккупации Египта, позволившей Англии взять под контроль Суэцкий канал. В итоге к началу века в английских руках оказались, по выражению главы военно-морского ведомства адмирала Фишера, «пять стратегических ключей, на которые замыкается земной шар, — Дувр, Гибралтар, мыс Доброй Надежды, Александрия и Сингапур».

Английская стратегия колониального проникновения включала в себя разные методы. Иногда применялись и прямые захваты (английское Сомали), однако чаще в авангарде шли различные частные

компания — «Королевская компания Нигера» (1886), «Британская Восточно-Африканская компания» (1888), основанная Родсом «Британская Южно-Африканская компания» (1889), и уже затем на их защиту вставало государство.

К началу XX в. колонии потребляли 38% английского экспорта, хотя многие из них, особенно в Африке, с экономической точки зрения представляли собой скорее балласт. Важнейшей колонией Англии по-прежнему оставалась Индия, фигурировавшая одновременно как широкий рынок сырья и сбыта, а также как самостоятельный источник доходов правительства. Как в 1901 г. заявил вице-король Индии Дж. Керзон, «если мы потеряем Индию, то сразу превратимся в государство третьего сорта».

На рубеже веков под влиянием усилившейся колониальной конкуренции и англо-бурской войны в Англии появляются идеи «конструктивного империализма», т. е. те или иные модели консолидации империи. В частности, министр колоний Дж. Чемберлен предложил план объединения белых колоний в федерацию, объединенную в том числе и общими таможенными тарифами, однако эту идею не поддержали Австралия и Канада. Напротив, белые колонии постепенно получали больше прав самоуправления, становясь, таким образом, доминионами (от лат. *dominium* — владение): в 1867 г. — Канада, в 1901 г. — Австралия, в 1907 г. — Новая Зеландия. Представители белых колоний созывались на регулярные колониальные (1887—1907 гг.), а затем имперские (с 1911 г.) конференции, назначение которых заключалось в том, чтобы теснее привязать к себе доминионы. В 1902 г. был создан постоянно действующий орган конференций — Комитет защиты империи.

Несмотря на то что на конференциях нередко обсуждались вопросы внешней политики, внешнеполитические прерогативы доминионов были ограниченными, хотя они могли поддерживать отношения с другими странами, если это не противоречило интересам Англии. В роли министра иностранных дел фактически выступал назначенный из Лондона генерал-губернатор. Самостоятельность доминионов в вопросах внешней политики постепенно росла: если, объявляя в 1914 г. войну Германии, Англия выступала и от имени своих доминионов, то Версальский мир в 1919 г. они подписывали уже самостоятельно.

Особенности колониальной политики Франции

Франция, некогда главная колониальная соперница Англии, к началу 80-х гг. XIX в. по площади колониальных владений уступала ей в четырнадцать раз. Однако именно с этого времени началось быстрое возрождение французской колониальной империи с ее двумя основными центрами тяжести — в Африке и Юго-Восточной Азии.

Огромную роль во французской колониальной экспансии сыграло поражение во франко-германской войне 1870—1871 гг., которое сказалось двояким образом. С одной стороны, всегда чувствуя за своей спиной Германию, Франция никогда не была так свободна в осуществлении колониальной экспансии, как, например, Англия. Это обстоятельство привело к отсутствию консенсуса по вопросам колониальной политики. Значительная часть политиков и общественности считали ее «предательством национального дела», поскольку она

отвлекала от «священной задачи» возвращения Эльзаса и Лотарингии. С другой стороны, унижительное поражение во франко-германской войне нанесло сильнейший удар национальному престижу, и именно колониальная политика стала главным средством его восстановления. Французы усилили колониальную активность в первую очередь для того, «чтобы оставаться великой нацией», по выражению Л. Гамбетта. Особую роль при этом играли и разного рода идеологические мотивы, согласно которым Франция несла в джунгли и пустыни других материков свет цивилизации и свободы. Один из главных колонизаторов Африки П. С. де Бразза говорил о французском триколоре: «...везде, где вы видите это знамя, рабы получают свободу».

Экономические выгоды от обладания колониями во французском случае, напротив, были весьма скромными. Ни одна из имевшихся колоний так и не стала «французской Индией». На рубеже XIX и XX вв. доля колоний составляла лишь 9,8% французского экспорта и 7,8% импорта. В целом колонии оставались на периферии интереса французских промышленных и финансовых кругов; немногие связанные с Африкой банки и фирмы в 1893 г. объединились во «Французский колониальный союз». С экономической точки зрения колонии станут действительно важными для Франции только после Первой мировой войны.

Постоянная внутренняя борьба со сторонниками реванша мешала формированию четкой и последовательной колониальной стратегии. Лишь на рубеже веков во французском парламенте возникло значимое объединение сторонников колониальной экспансии, так называемая «колониальная группа» во главе с чиновником Министерства иностранных дел Е. Эттьеном.

Способы колониального проникновения мало отличались от прежних времен — захваты, покупки, договоры о протекторате. Роль первопроходцев, как и раньше, часто играли католические миссионеры, для поддержки которых в 1890 г. была создана организация «Комитет французской Африки».

По мере активизации французской колониальной политики стал укрепляться и управленческий аппарат. В 1883 г. во французском МИДе была введена должность статс-секретаря по колониям; кадры для колониальной администрации с 1885 г. готовила Колониальная школа; в 1894 г. было учреждено Министерство колоний. Сами колонии обладали различным юридическим статусом. На особом положении находился Алжир, главная переселенческая колония Франции, включенный в состав метрополии; распространенной формой колониального господства был также протекторат (Тунис, Марокко, владения в Юго-Восточной Азии); кроме того, существовали заморские территории, управлявшиеся французскими вице-губернаторами, часть из которых в начале XX в. была объединена в генерал-губернаторства: Французская Западная Африка (Сенегал, Французская Гвинея, Дагомея и др.) и Французская Экваториальная Африка (Габон, Чад, Центральное Конго и др.).

Многие особенности германской колониальной политики вытекали из того факта, что она началась очень поздно. После первых неудачных попыток создания колоний в

Особенности колониальной политики Германии

начале XVIII в. о необходимости колоний вновь заговорили в середине XIX в. и особенно после основания Германской империи в 1871 г. Торговые дома Гамбурга и Бремена даже добивались того, чтобы по Франкфуртскому миру 1871 г. были признаны права Германии на Сайгон. Поскольку в отличие от других европейских стран в Германии не было вековых колониальных традиций и серьезной экономической заинтересованности в колониях, огромную роль в приобретении Германии к заокеанской активности сыграла колониальная пропаганда отдельных публицистов, а также деятельность специальных обществ, наиболее крупным из которых было Германское колониальное общество (1887).

Первая фаза германской колониальной политики началась в середине 80-х гг. при Бисмарке и продлилась недолго. Он считал, что для Германии с ее сложным положением в Европе колонии являлись непозволительной роскошью, «в точности как соболья шуба на шелку в польских дворянских семьях, которые не имеют рубах». Создание первых германских колоний в Африке рассматривалось Бисмарком как средство давления на Англию. Уже к концу 80-х гг. он потерял интерес к колониям и даже подумывал об их продаже. Однако, как отмечалось, политика Бисмарка привела к необратимым последствиям: у Германии появились колониальные интересы и стоявшее на их страже националистическое общественное мнение с явным антианглийским акцентом, которое стало главным двигателем германской колониальной политики.

Особенного размаха подобные настроения достигли в связи с началом второй фазы немецкого колониализма — переходом к «мировой политике». В колониях видели средство разрядки социальной напряженности внутри страны; переселенческие колонии должны были принять излишки населения; «торговые» и «плантационные» колонии позволили бы обеспечить германскую промышленность рынками сбыта и источниками сырья. Однако на первом месте в аргументации стояли национальный престиж и положение Германии как великой державы. Известный историк Г. Трейчке писал, что только с колониями Германия может остаться великой державой, «в противном случае откроется чудовищная перспектива, что Англия и Россия поделят мир, и тут уж действительно неизвестно, что безнравственнее и ужаснее, русский кнут или английский денежный мешок».

Реальность выглядела иначе, чем риторика. В разительном контрасте с громкими требованиями «места под солнцем» колонии не играли для Германии почти никакой роли. В экономическом смысле они были скорее обузой: в 1913 г. из требовавшихся на их содержание 150 млн марок лишь треть покрывалась их собственными доходами. В военном и стратегическом отношении они также не оправдали надежд: в отличие от английских и французских германские колонии не стали ни важными опорными пунктами, ни источником для создания колониальной армии. Необходимость колоний для переселения излишков населения также была насущной лишь на страницах националистической прессы: к 1911 г. на территории германских колоний общей площадью в 3 млн км² проживало лишь 24 тыс. немцев.

Инициатива в создании колоний, как правило, принадлежала частным лицам, которые затем обращались к государству с просьбой

о покровительстве и получали специальное письмо кайзера, в котором он даровал «защиту». Поэтому, несмотря на то что большая часть колоний впоследствии перешла в прямое государственное управление, их официальным названием вплоть до 1918 г. было «территории под защитой» (т. е. протектораты). Органом управления германскими колониями сначала служил созданный в 1890 г. специальный отдел МИДа, а с 1907 г. — отдельное колониальное ведомство.

Колониальная политика Англии, Франции и Германии содержала в себе все те элементы, которые присутствовали в политике и других стран, хотя и в разных пропорциях. Так, американская колониальная политика находилась в очевидном родстве с английской благодаря особому весу в ней экономических и стратегических факторов; подобными же мотивами объяснялось движение России на Дальний Восток; для Италии, как и для Германии, особенное значение имел внешнеполитический престиж и т. д. Большое количество участников и сократившиеся к концу XIX в. возможности колониальной экспансии особенно остро поставили вопрос о характере их взаимоотношений.

Колониальное соперничество

Несмотря на ожесточенность, колониальное соперничество в конце XIX — начале XX в. далеко не всегда приводило к прямым конфликтам. Иногда державы вынуждались к сотрудничеству самой ситуацией в точке приложения их колониальной активности. Как правило, это происходило в двух случаях: когда они сталкивались с трудностями в превращении того или иного региона мира в объект колониальной эксплуатации, как, например, европейцы в Латинской Америке, или когда ощущали общую угрозу, как во время «боксерского восстания» в Китае. Предпринимались и попытки предотвратить возможные конфликты, установив некоторые общие принципы колониальной активности. В частности, Берлинская конференция по Конго 1884—1885 гг. заявила о принципе «эффективной оккупации» как условии международного признания приобретения новой колонии: колония считается приобретенной лишь в том случае, если европейская страна не только официально заявила об этом, но и осуществляет в ней управление.

К рубежу веков, когда на карте почти не осталось неподделанных участков и сфер влияния, колониальное соперничество значительно обострилось. С этого момента существовало лишь два пути получения колоний мирным путем — либо коллективный раздел, как в Китае в 1897—1898 гг., либо приобретение одной державы с согласия всех остальных. Едва ли не единственной иллюстрацией последней возможности служит приобретение Италией Ливии в 1911 г. Однако это стало возможным лишь благодаря уникальному положению Италии в системе блоков: страны Антанты пошли навстречу Италии в надежде приобрести союзника, а Германия и Австро-Венгрия — из опасения его потерять.

Во всех остальных случаях колониальные противоречия приводили к конфликтам. Далеко не каждый из них завершался войной. Напротив, войны из-за колоний и сфер влияния были скорее редкостью; по сути, их перечень исчерпывается испано-американской войной 1898 г. и русско-японской войной 1904—1905 гг. Типичным способом разрешения конфликтов в это время стали *колониальные*

соглашения. Как правило, речь шла о разделе сфер влияния или об обмене территориями.

Колониальное соперничество самым тесным образом было связано с взаимоотношениями великих держав непосредственно в Европе, в частности с созданием военно-политических блоков. Не случайно основой Антанты стали именно колониальные соглашения.

В итоге на рубеже XIX—XX вв. колониальные противоречия во многом решающим образом влияли на конфигурацию европейского соотношения сил: заокеанские противоречия переносились в Европу, превращая ее в «пороховой погреб».

§ 2. «Схватка за Африку»

**Африка к началу
80-х гг.**

Открыв в XV в. историю европейского колониализма, Африка в конце XIX в., по существу, ее и завершила, став последним континентом, поделенным европейцами. С 1881—1882 гг., с захвата Францией Туниса и Англией Египта, началась так называемая «схватка за Африку» (scramble for Africa), названная так по одной из статей в английской «Таймс» 1884 г. За исключением незначительных английских, французских и португальских поселений на западном берегу Африки, к концу 70-х гг. XIX в. на континенте существовало лишь два крупных европейских владения — французский Алжир на севере и английская Капская колония на юге. К 1914 г., напротив, лишь два африканских государства сохранили свою самостоятельность: Эфиопия, поскольку на нее покушалась самая слабая из великих держав — Италия, и Либерия, пользовавшаяся поддержкой США. Весь остальной огромный континент был поделен без остатка в острейшей конкурентной борьбе.

Конкуренция, национальные амбиции, соображения престижа были едва ли не самыми важными мотивами «схватки за Африку». Экономическое ее значение значительно различалось от региона к региону, где наряду с богатыми Египтом и Южной Африкой существовали огромные области непроходимых джунглей и пустынь. К 1913 г. хлопок, шерсть, каучук, маис, пальмовое масло и какао составляли только 20,2% африканского экспорта, в то время как 55,9% приходилось на золото, алмазы и чугун, т. е. с экономической точки зрения Африка представляла собой «колонию-шахту».

В колониальном освоении Африки этого времени выделяются два периода, рубежом между которыми служит Берлинская конференция по Конго 1884—1885 гг. Если сначала европейцы осваивали по преимуществу прибрежные регионы Африки, то теперь они двинулись в глубь континента. Благодаря принципу «эффективной оккупации» изменилась и международно-правовая основа колониальной экспансии — у африканских владений европейских государств появились границы. Только теперь стал возможным настоящий раздел.

Северная Африка

Начало «битве за Африку» было положено захватами Туниса и Египта. Тунис с 60-х гг. находился в экономической зависимости от Франции, Англии и Италии; в 1869 г. была создана Международная комиссия тунисского долга с

участием представителей этих стран, которая контролировала большую часть доходов страны. Стратегическое положение Туниса на одном из самых узких участков Средиземного моря, острое экономическое соперничество с итальянцами за различные тунисские концессии и благоприятная позиция Германии и Англии — все это побудило Францию на установление единоличного контроля над Тунисом.

Воспользовавшись в качестве предлога нападениями некоторых тунисских племен на границы Алжира, французское правительство в апреле 1881 г. ввело в Тунис свои войска. Спустя месяц тунисскому дею был навязан *Бардосский договор* (по названию дворца под Тунисом). Имея официальным предметом «союз и гарантии», состоявший из десяти статей договор фактически устанавливал протекторат Франции над Тунисом. Французы имели право занимать войсками те части территории страны, которые они сочтут нужными; дей обязывался не заключать никаких международных договоров без согласия на то Франции, его интересы за границей также представлялись французскими дипломатами; фактической властью в Тунисе должен был обладать французский министр-резидент и т. д. В 1883 г. договором в Марса (дворец в Тунисе) протекторат Франции над Тунисом объявлялся официально.

Последствием этих событий стало не только создание Тройственного союза, но и возросшее желание Англии противопоставить усилившемуся влиянию Франции в Западном Средиземноморье укрепление своих позиций в Восточном. Речь шла о Египте.

С учреждением в 1876 г. Кассы египетского государственного долга над Египтом фактически был установлен англо-французский кондоминиум. Английский и французский генеральные представители в Кассе египетского долга контролировали финансы страны, почти 90% доходов которой уходило на уплату процентов по кредитам; в 1878 г. было создано новое правительство Египта, в котором многие министерские посты заняли европейцы. Все это в 1882 г. привело к восстанию против чужеземцев, в ходе которого погибло около 50 европейцев. Англия и Франция приступили к планированию совместной интервенции в интересах держателей акций египетского долга, однако протесты французской общественности, еще помнившей крах интервенции в Мексику, заставили правительство отказаться от этих планов. Англичане выступили одни.

В июле 1882 г. бомбардировкой Александрии с английских кораблей началось вторжение англичан в Египет, которое через несколько месяцев закончилось полной оккупацией страны. Формально Египет продолжал оставаться автономной частью Османской империи под властью султанского наместника хедива. Англичане создали Законодательный совет и другие «либеральные» органы власти, носившие исключительно декоративный характер. В реальности вся жизнь Египта находилась под контролем Англии: армия была распущена и заменена английской жандармерией; железные дороги управлялись англичанами; фактическим правителем Египта с 1883 по 1903 г. являлся английский консул Баринг.

Хотя Франция и сохранила свои позиции в Кассе египетского государственного долга, в целом ее положению в Египте был нанесен тяжелейший удар. Французские политики провозгласили своей целью

не допустить превращения Египта во «вторую Индию». Англичане, периодически делая заявления о своем намерении покинуть Египет после «воцарения порядка», сохраняли его в своих руках до Первой мировой войны. Захват англичанами Египта самым непосредственным образом сказался на усилении колониальной экспансии, поскольку именно открытый конфликт между Англией и Францией являлся основной пружиной начинавшейся «схватки за Африку».

Северо-Восточная Африка

В Северо-Восточной Африке главными объектами европейского интереса стали Сомали, Эфиопия и Судан.

В Сомали европейцев привлекало исключительно важное стратегическое положение, особенно в свете открытия Суэцкого канала. В 80-е гг. Франция, существенно расширив свои владения вокруг города Обок и получив в 1888 г. город Джибути, создала Французское Сомали на берегу важного Баб-эль-Мандебского пролива на выходе из Красного моря.

В 1884 г. англичане учредили Британское Сомали на африканском побережье Аденского залива. Поскольку еще с 30-х гг. Англия укрепилась и на аравийском его берегу, получалось, что любой корабль, выходя из Баб-эль-Мандебского пролива в Аденский залив, шел по своеобразному английскому коридору.

В 80-е гг. Италия заявила о себе как об одном из самых заинтересованных участников колониальных разделов в Северо-Восточной Африке. В 1888—1892 гг. итальянцы установили контроль над огромным пространством южной части полуострова Сомали с центром в Могадишо; так возникло Итальянское Сомали. Итальянцы же стали наиболее активной силой в проникновении в Эфиопию (Абиссинию) — одно из самых крупных государств Северо-Восточной Африки. В начале 80-х гг. Италия начала расширять владения вокруг полученного еще в 1869 г. Асэба — своего плацдарма на западном берегу Красного моря. В этом они получали всемерную поддержку от англичан, желавших преградить действовавшему в Судане исламскому движению Махди выход к Красному морю. В 1885 г. Англия передала Италии с этой целью крупный порт Массауа. Объединив свои территории в 1890 г., итальянцы создали колонию Эритрея. От Эритреи открывалось два пути в глубь африканского континента: на запад — в Судан и на юг — в Эфиопию. Попытка продвинуться в Судан была немедленно пресечена англичанами; по англо-итальянским договорам границей между итальянскими и английскими владениями в Северо-Восточной Африке объявлялся 34-й меридиан. Однако англичане не имели ничего против захвата итальянцами Эфиопии, который в случае удачи ограничил бы возможности движения Франции в глубь континента из Французского Сомали.

Эфиопия представляла собой своеобразную федерацию автономных княжеств под общим управлением негуса (императора), которым в 1889—1913 гг. был Менелик II, сумевший укрепить центральную власть и возглавить сопротивление колонизаторам. В 1889 г. он пошел на заключение с Италией *Уччиальского соглашения*, по которому признавалась принадлежность Италии земель Эритреи, а итальянские торговцы получали значительные льготы. Однако в 1890 г. Италия, сославшись на этот договор, объявила о своем протекторате над Эфиопией и оккупировала одну из ее провинций. Это привело к разрыву Уччиальского договора и итало-эфиопской

войне 1894—1896 гг. Ее решающим событием стал катастрофический разгром итальянской армии в битве при Адуа в марте 1896 г. По *Аддис-Абебскому мирному договору* 1896 г. Италия была вынуждена признать независимость Эфиопии.

Англия приветствовала итальянские попытки овладеть Эфиопией еще и потому, что в это же время шло английское завоевание Судана, на части которого претендовала Эфиопия. Судан находился в вассальной зависимости от Египта; с 60-х гг. туда началось проникновение англичан. Однако в 1881 г. мусульманский проповедник Мухаммед Ахмед провозгласил себя Махди, т. е. мессией, посланным Аллахом, и возглавил движение против владычества египтян и «неверных». В 1885 г. восставшие взяли столицу Судана Хартум, губернатор Судана генерал Гордон был убит, египтяне и англичане изгнаны, и в Судане утвердилось теократическое исламское государство.

На рубеже 80-х и 90-х гг. английское правительство окончательно приняло доктрину «Египет есть Нил, а Нил есть Египет», т. е. программу установления британского контроля над всей долиной Нила, включая Судан. Переход к активной политике в Судане был связан с тем, что англичане опасались распространения движения Махди до Красного моря и тем самым угрозы морскому сообщению с Индией. Одновременно они хотели смягчить протест против английского присутствия в Египте, вернув его правителю мятежный Судан. Наконец, движение на юг по долине Нила могло стать частью масштабного *проекта Каир — Кейптаун*, предполагавшего создание непрерывной полосы английских владений с севера на юг — от Египта до Капской колонии через всю Африку.

В 1898 г. в битве при Омдурмане генерал Китчнера разгромил махдистов. По договору 1899 г. Англии с египетским хедивом Судан объявлялся кондоминиумом, совместным владением Англии и Египта, в реальности — очередной колонией Англии. Однако окончательному решению суданского вопроса предшествовал один из самых острых колониальных конфликтов XIX в. — Фашодский кризис.

Фашодский кризис 1898 г. Франция не оставляла планов оспорить у Англии обладание Египтом. С этой целью в Париже решили предпринять попытку укрепиться на Верхнем Ниле — в Судане. За этим стремлением стояли и более масштабные замыслы: если в Лондоне мечтали соединить английские колонии с севера на юг, то французы намеревались пересечь Африку своими владениями с запада на восток — от Атлантики до Красного моря. Эти два вектора колонизации по всем законам политики и геометрии должны были неизбежно пересечься в какой-либо точке. Этой точкой в 1898 г. и стало суданское поселение Фашода.

В 1894 г. Англия, уже заручившись поддержкой Германии и Италии в вопросе отвоевания Судана, официально предупредила французское правительство, что появление французов в верховьях Нила приведет к серьезному конфликту между двумя странами. Несмотря на это, французский отряд под командованием капитана Маршана, отправившись из французских владений в Конго, в июле 1898 г. прибыл в Фашоду. Месяц спустя там же появился отряд генерала Китчнера, который потребовал от французов спустить поднятый над одной из хижин французский флаг и удалиться. Так начался Фашод-

ский кризис, ставший апогеем англо-французского колониального соперничества в XIX в. В конце концов перед лицом ультимативных требований английского кабинета и угрозы войны Франции пришлось уступить. Уже в ноябре 1898 г. отряд Маршана покинул Фашоду.

Причины уступчивости Франции коренились, с одной стороны, в сложной ситуации внутри страны, в которой в самом разгаре был антисемитский скандал, так называемое «дело Дрейфуса», с другой — в ее стратегической и военно-политической слабости. Война в колониях была обречена на неудачу из-за превосходства английского флота, война в Европе — из-за антагонизма с Германией. Министр иностранных дел Франции Т. Делькассе сформулировал причину дипломатического отступления Франции предельно отчетливо: «Мы не можем сделать нашим врагом столь мощную державу, как Англия, пока мы истекаем кровью на нашей восточной границе». 21 марта 1899 г. было подписано англо-французское соглашение, разграничивавшее английский Судан и французскую Экваториальную Африку.

Значение Фашодского кризиса было очень велико. По сути, он установил определенный предел колониальной активности двух стран, наглядно продемонстрировав, как легко локальный конфликт в забытом Богом уголке Земли может перерасти в полномасштабную войну в Европе. Особенно это касалось Франции, ясно осознавшей, что вся ее колониальная политика в конечном счете определяется ее положением непосредственно в Европе, а именно франко-германским противостоянием. Становилась очевидной необходимость пересмотреть приоритеты внешней политики и вернуться в Европу. Наконец, уроки были извлечены не только из самого кризиса, но и из его урегулирования. Соглашение по Судану стало своего рода образцом, моделью урегулирования колониальных противоречий как предпосылки общего сближения. В этом смысле можно сказать, что в суданском селении Фашода берет свое начало будущая Антанта.

Северо-Западная Африка

Если в Северо-Восточной Африке свои условия диктовали англичане, то первое место в колониальной экспансии в Северо-Западной Африке принадлежало французам.

Их главной целью был бассейн Нигера, к которому они продвигались от уже существовавших колоний сразу с трех направлений: из Сенегала — на восток, из Берега Слоновой Кости — на север, из Алжира — на юг. В верховьях Нигера французам пришлось иметь дело с крупным государством — султанатом Самори Туре, который в 1886 г. признал зависимость от Франции, а в самом конце XIX в. был уничтожен. Основав в 1883 г. Бамако, первый форт на Нигере, и захватив в 1894 г. Тимбукту, французы утвердили свое влияние на Верхнем и Среднем Нигере. Отсюда они продолжили движение на восток в глубь африканского континента, продвинувшись вплоть до озера Чад и далее до границы с Суданом.

Параллельно французы быстрыми темпами увеличивали свои владения и в прибрежных территориях Западной Африки, постепенно превращая владения других колониальных держав — английские Гамбию и Сьерра-Леоне, португальскую Гвинею, а также независимую Либерию — в небольшие анклавные территории внутри созданного сплошного массива французских земель от Сенегала до Берега Слоновой Кос-

ти — Французской Гвинеи. Значительных успехов французы добились и на побережье Гвинейского залива, покорив воинственное государство Дагомея, что позволило им приблизиться к низовьям Нигера. Тем не менее борьбу за Нижний Нигер выиграли англичане, закрепившиеся там уже в 1888 г. после разгрома ряда местных африканских княжеств. В 1900—1906 гг. здесь были созданы протектораты Южная и Северная Нигерия. Вплоть до начала XX в. англичане последовательно расширяли границы Нигерии, доведя их на северо-западе до озера Чад. Кроме англичан, в области Гвинейского залива обосновались также немцы, установившие в 1884 г. протекторат над Того. Однако никаких острых конфликтов между европейскими колонизаторами не произошло, поскольку все границы были урегулированы соглашениями: англо-германским в 1890 г., англо-французскими в 1890 и 1898 гг., а также франко-германским в 1898 г.

Еще одним направлением французской колонизации на северо-западе Африки стало движение от Сенегала на север, в северо-западную Сахару и современную Мавританию. Соперником французов здесь выступила Испания, объявившая зоной своих интересов Рио-де-Оро на границе с Марокко.

В целом к началу XX в. Франции удалось создать огромный сплошной комплекс своих колоний в Северо-Западной Африке от Средиземного моря до Гвинейского залива, от Атлантического побережья до границ англо-египетских владений в Судане. По существу, свободной в этом регионе оставалась лишь одна область — Марокко.

Помимо одной из самых древних европейских колоний в Африке — португальской Анголы, в Центральной Африке проявляли активность главным образом Франция, Германия и — неожиданно — маленькая Бельгия. Главной целью было овладение бассейном реки Конго.

Используя в качестве плацдарма уже имевшийся в их руках Габон, французы во главе со знаменитым П. С. де Бразза овладели частью Нижнего Конго и в 1880 г. объявили над ней протекторат. Однако им пришлось столкнуться с неожиданным соперником в лице Международной Африканской ассоциации, которой руководил предприимчивый бельгийский король Леопольд II (1865—1909). Нанятый им на службу известный путешественник Стенли совершил ряд экспедиций вверх по Конго, подчинив Леопольду II гигантские территории Среднего и Верхнего Конго, вплоть до истоков Нила. Это вызвало недовольство англичан, поскольку бельгийские колонии могли помешать предполагавшемуся соединению английских колоний юга и севера Африки. Одновременно трения возникли и между Международной Африканской ассоциацией и Францией, в ходе очередной экспедиции де Бразза присоединившей к французским владениям все правобережье Нижнего Конго (Французское Конго). К тому же в 1884 г. Германия объявила протекторат над Камеруном и также стала искать пути в бассейн Конго. В конце концов для разрешения возникших противоречий было решено созвать международную конференцию в Берлине.

Берлинская конференция по Конго, состоявшаяся в ноябре 1884 г. — феврале 1885 г., была, по сути, единственной попыткой упорядочить хаотические захваты европейских держав в Африке. Во

многим благодаря поддержке Бисмарка, поощрявшего колониальную активность Франции в ущерб европейской, Англия была вынуждена пойти на уступки; в бассейне Конго создавалось Свободное государство Конго как частное владение Леопольда II, которое, как и весь бассейн Конго, объявлялось зоной свободной торговли; за Францией признавался правый берег Конго, а также преимущественное право покупки владений Леопольда II.

Восточная Африка

Основными действующими лицами в Восточной Африке были Англия, Германия и Португалия. В 1884—1885 гг. Общество германской колонизации путем договоров с местными племенами овладело крупными территориями на побережье Индийского океана южнее Сомали.

В ответ англичане создали Восточно-Африканскую компанию, которая стала состязаться с немцами в захвате территорий, стремясь не допустить их к истокам Нила. В 1886 г. было заключено англо-германское соглашение, по которому области к северо-востоку от озера Виктория достались англичанам (Кения), а земли, расположенные южнее, — немцам (Танганьика). Помимо договоров, в ход пошла и своеобразная колониальная геометрия: когда немцы попытались проникнуть в Судан, обойдя озеро Виктория с запада, через Уганду, англичане преградили им путь, овладев большей частью угандийской территории. В этих условиях стороны предпочли пойти на компромисс, заключив в 1890 г. договор Гельголанд — Занзибар. Германия получила выгодные исправления границ в Того и в Германской Юго-Западной Африке, береговую полосу напротив острова Занзибар, но главное — остров Гельголанд в Северном море, будущее стратегическое значение которого тогда не осознавалось англичанами, в 1890 г. не предполагавшими, что немцы решатся бросить им вызов на морях. Взамен на «кусочек мокрой скалы», по выражению одного из английских дипломатов, Германия отказывалась от претензий на расширение в сторону Уганды и долины Нила, соглашалась признать протекторат Англии над островами Занзибар и Пемба.

События в Восточной Африке оказали самое непосредственное влияние на английские планы соединения южных и северных владений в Африке. Первым шагом на этом пути должно было стать строительство железной дороги и линии телеграфа, которые связали бы Каир и Кейптаун через все разделявшие их 9435 км. Сначала английские планы оказались под угрозой в связи с намерением Португалии соединить через весь континент свою расположенную на западе Анголу с Мозамбиком на востоке. Осуществление подобных планов было бы равносильно опущенному шлагбауму на пути Каир — Кейптаун, и Англия в резкой форме заставила португальцев отказаться от этой идеи. Однако дальнейший путь на север преграждали Германская Восточная Африка и Свободное государство Конго, сплошным поясом пересекавшие Африку с запада на восток. В 1894 г. с Леопольдом II был согласован договор, согласно которому бельгийский король соглашался передать в аренду англичанам полосу в 25 км шириной, которая связала бы английские владения Уганду и Родезию. В обмен он получал крупные территории между Верхним Нилом и Французским Конго. В случае осуществления этих планов связь Каир — Кейптаун стала бы реальностью, и одновременно Англия отго-

родилась бы от притязаний французов на бассейн Нила буферными землями бельгийского короля. Французы выступили против, ссылаясь на решения Берлинской конференции по Конго, не допускавших в Бельгийском Конго преимущества одной из стран. Французов энергично поддержали немцы, которые, с одной стороны, хотели, чтобы запланированная железная дорога прошла по Германской Восточной Африке, а с другой — вновь постарались использовать ситуацию для давления на Англию в рамках своих попыток привлечь ее к Тройственному союзу. Однако результат оказался противоположным. Сделка с Леопольдом II сорвалась, что было воспринято в Англии как национальное унижение, в котором обвиняли именно Германию, в буквальном и переносном смысле слова вставшую на пути осуществления английских планов.

В 1898 г. Восточная Африка вновь стала предметом англо-германских переговоров. В рамках политики «малых шагов» был подписан договор о разделе португальских колоний в обмен на прекращение немецкой стороной поддержки буров. Предполагалось, что в случае финансовой нужды Португалии Германия и Англия предоставят ей совместный заем, взяв в качестве залога ее колонии — Мозамбик и Анголу, которые они должны были поделить между собой. Германия исходила из скорого финансового краха Португалии; Англия же в реальности хотела сохранить свое исключительное влияние на Лиссабон и способствовала укреплению португальских финансов, а в 1899 г. подписала *Виндзорское соглашение*, подтвердив свои старинные обязательства сохранять неприкосновенность португальских колоний. Лишь накануне Первой мировой войны Англия и Германия попытались восстановить договор 1898 г., однако война помешала этому.

Еще одним спорным объектом в Восточной Африке был остров Мадагаскар, на котором французы пытались закрепиться в течение почти всего XIX в., применяя типичный для Франции путь колониального проникновения через миссионеров. Вооруженное вторжение в 1883—1885 гг. привело к установлению на острове французского протектората. По англо-французскому соглашению 1890 г. Англия признала протекторат Франции на Мадагаскаре в обмен на признание своего протектората на Занзибаре. Однако окончательно французам удалось утвердиться на острове лишь в середине 90-х гг.: в 1896 г. он был объявлен французской колонией, а год спустя лишился последних остатков самостоятельности; правившая на Мадагаскаре королева была сослана в Алжир.

В Южной Африке ведущую роль в колониальной экспансии играли англичане, и в частности созданная в 1889 г. Британская Южно-Африканская компания во главе с С. Родсом, самым горячим сторонником проекта Каир — Кейптаун. В своем продвижении на север англичане уничтожили мощное государство зулусов, однако столкнулись с упорным сопротивлением двух бурских республик — Трансвааля и Оранжевой. В 1884 г. у англичан появился новый конкурент в связи с созданием германской колонии Германская Юго-Западная Африка (современная Намибия), границы которой были закреплены германо-португальским соглашением 1886 г. и договором Гельголанд — Занзибар 1890 г.

Наступая на бурские республики, англичане вновь использовали «колониальную геометрию». Еще в 1885 г. они захватили Бечуаналенд (современная Ботсвана) между Германской Юго-Западной Африкой и бурскими республиками; в последующие годы ряд территориальных захватов на востоке Южной Африки лишил буров и выхода к Индийскому океану. В конце 80-х — начале 90-х гг. англичане продвинулись до бассейна реки Замбези, где основали названные в честь Родса колонии Северную и Южную Родезии.

Еще в 1877 г. англичанам практически удалось подчинить себе Трансвааль, однако в 1880—1881 гг., в ходе первой англо-бурской войны, он отвоевал независимость. Ситуация вновь изменилась в связи с открытием в Трансваале в 1886 г. богатейших месторождений алмазов. Это привело к наплыву в Трансвааль многочисленных английских искателей счастья, так называемых «ойтландеров» («чужеземцев»), которым власти страны отказывались предоставить равные с бурами права. Это дало Англии повод вмешиваться во внутренние дела Трансвааля под предлогом защиты «ойтландеров». Родс, ставший в 1890 г. премьер-министром Капской колонии, сделал ставку на совершение переворота в Трансваале руками «ойтландеров», для поддержки которых в 1895 г. состоялся упоминавшийся «рейд Джеймсона». После провала этого плана Родс и министр колоний Чемберлен взяли курс на войну.

В сентябре 1899 г. Чемберлен предъявил президенту Трансвааля П. Крюгеру ультиматум с требованием уравнивания в правах «ойтландеров». В октябре 1899 г. началась *англо-бурская война*, чрезвычайно жестокая и кровопролитная, в ходе которой в ответ на партизанские действия буров англичане применили тактику «выжженной земли» и создали систему концентрационных лагерей. Очевидное неравенство сил в итоге привело к победе англичан, которая была закреплена *Феринихингским миром* в мае 1902 г. Трансвааль и Оранжевая включались в состав британских владений, но бурские участники войны получали амнистию, язык буров «африкаанс» допускался в школах и в судебной практике.

Несмотря на ожесточенный характер англо-бурского противостояния, примирение после войны произошло удивительно быстро. Уже в 1907 г. Трансвааль и Оранжевая обрели самоуправление, а в 1910 г. они вместе с Капской колонией образовали Южноафриканский союз, получивший статус доминиона в составе Британской империи.

В то время как англо-бурская война вызвала колоссальный всплеск антианглийских настроений по всей Европе и приток добровольцев в армию буров, ее влияние на международные отношения в целом осталось ограниченным. Трудности Англии в Южной Африке заставили многих политиков в Европе заговорить о возможности «континентального союза» России, Германии и Франции против Англии. В ходе зондирования подобной возможности русскими дипломатами выяснилось, что Франция готова на совместное выступление против Англии только при условии безопасности ее восточной границы; в Берлине согласились, но только в форме взаимной гарантии Россией, Францией и Германией своих территорий, что означало бы признание аннексии Эльзаса и Лотарингии, совершенно неприемлемое для французов. В реальности на обострение отношений с Англи-

ей не хотела идти ни Франция, после Фашоды вступившая на путь урегулирования англо-французских отношений, ни Германия, как раз тогда ведущая очередные переговоры о союзе с Англией. Главные последствия англо-бурской войны проявились в другом: воспользовавшись затруднениями Англии в Африке, Франция, Россия и Германия активизировали свои колониальные захваты в других частях света, прежде всего в Азии.

§ 3. Колониальная экспансия в Азии

В Азии, в отличие от Африки, в течение веков бывшей главным объектом европейской экспансии, к концу XIX в. сохранялись лишь отдельные регионы, за которые европейские державы продолжали вести соперничество.

На Аравийском полуострове утвердилось практически безоговорочное преобладание Англии. Аравия привлекала англичан своим исключительно важным стратегическим положением на подступах к Индии и Междуречью, которое еще более возросло в связи с открытием Суэцкого канала. К концу XIX — началу XX в. Англия контролировала Катар, Бахрейн, части Йемена и Омана, а также утвердилась в Кувейте, который в начале Первой мировой войны был объявлен английским протекторатом.

Персия и Афганистан продолжали оставаться сферой борьбы интересов России и Англии, ревниво следивших за успехами друг друга. В 1878 г. началась вторая англо-афганская война, поводом к которой был отказ афганцев принять английскую миссию. Потерпев поражение, афганский эмир пошел на заключение *Гандамакского мира*, по которому к индийским владениям Англии присоединялись Кандагар и несколько южных афганских округов, устанавливался английский контроль над внешней политикой Афганистана, в ряде городов дислоцировались английские гарнизоны. Освободительная борьба, которая поднялась немедленно после заключения мира, заставила англичан вернуть некоторые территории и вывести свои войска из Афганистана, однако они в целом сохранили контроль над его внешней политикой.

Тем временем Россия, завершив в 70-е гг. присоединение основной части Средней Азии, начала проникновение в земли, заселенные туркменскими племенами. Особенно важное значение имели Ахалтекинский, Мервский и Пендинский оазисы, занимавшие выгодное географическое положение на путях в Персию и Афганистан. Подчинение в 1881 г. Ахалтекинского оазиса вызвало серьезную тревогу в Лондоне. Когда же в 1884 г. русские войска заняли Мерв, англичане в ответ поощрили афганского эмира на занятие Пенде. Вслед за этим к району Мерва были подтянуты части англо-индийской армии. К началу 1885 г. Англия и Россия стояли на грани войны, однако переходить ее по большому счету было не в интересах ни той, ни другой стороны. К тому же в 1885 г. обе страны столкнулись с крупными проблемами: Россия — в Болгарии, Англия — в Судане. В итоге в сентябре 1885 г. в Лондоне стороны пришли к соглашению, определявшему северо-западные границы Афганистана, по которому Пен-

динский оазис передавался России, но Афганистан получал стратегически важные Зульфагарские проходы. Дальнейшее разграничение между русскими владениями в Средней Азии и Афганистаном было продолжено соглашениями 1887 г. (северная граница Афганистана) и 1895 г. (разграничение в Памире), способствовавшими снижению остроты англо-русских противоречий в этом регионе.

Если Афганистан стал зоной почти безоговорочного преобладания Англии, то в Персии к началу XX в. утвердилось преимущественно российское влияние. Этому способствовала в том числе занятость Англии в англо-бурской войне, которая позволила России еще более укрепить свои позиции в Персии. В частности, в 1900 г. Россия предоставила Персии заем, который обеспечивался таможенными сборами северной части страны, она фактически контролировала внешнюю торговлю Персии, содействовала реформированию ее армии. Английское влияние получило распространение лишь на юге Персии.

Несмотря на некоторое улучшение отношений Англии и России в Афганистане и Персии, в целом англо-русские противоречия продолжали оставаться одним из главных конфликтных противостояний эпохи. На рубеже веков главную пищу этим противоречиям давали уже не Балканы и Средняя Азия, а Дальний Восток.

Борьба за Китай

С 70-х гг. XIX в. начала постепенно обостряться борьба за влияние в Китае. Ее отличительными чертами в это время стало более активное участие неевропейских держав — оправившихся после Гражданской войны США, и особенно Японии. В 70-е гг. японцы захватили ряд китайских островов, в 1874 г. попытались овладеть островом Тайвань, но были вынуждены покинуть его под английским нажимом. В 80-е гг. главной задачей Японии являлось проникновение в континентальный Китай. Другим важным фактором стала активизация политики держав, использовавших для укрепления своего влияния в Китае общие сухопутные границы. Так, в 1890 г. Англия добилась от Китая согласия на установление протектората над приграничным княжеством Сикким в Гималаях. Еще важнее была активизация дальневосточной политики России, движимой как экономическими интересами в Маньчжурии и вассальной от Китая Корее, так и острой стратегической потребностью в получении незамерзающих гаваней на Тихом океане в дополнение к неудовлетворительному в этом смысле Владивостоку. Решением огромной важности стало начало строительства в 1891 г. Транссибирской магистрали, которая должна была связать Сибирь и Дальний Восток с европейской Россией и заложить основы для укрепления русских позиций на Дальнем Востоке. Кроме того, Транссибирская магистраль избавляла от необходимости отправлять большую часть грузов для Дальнего Востока морским путем, полностью контролировавшимся английскими кораблями. Начало строительства Транссибирской магистрали как симптом активизации русской политики на Дальнем Востоке было встречено крайне настороженно в Англии и Японии. Однако подлинный старт новому этапу борьбы за влияние в Китае был дан японо-китайской войной 1894—1895 гг.

Главным объектом интереса Японии являлась Корея, которая обладала важным стратегическим положением на пороге между Желтым и Японским морями, а отделявшие Японию от Кореи 180 км Корей-

ского пролива, своеобразного «Ла-Манша Востока», были самым коротким расстоянием до континента. Подобно тому как Англия бдительно следила за судьбой лежавшей по ту сторону пролива Бельгии, так Японии была небезразлична судьба Кореи. Кроме того, Корея представляла собой естественный мост для японского проникновения в Китай, и особенно в Маньчжурию.

Японцы пытались закрепить в юридически вассальной и фактически зависимой от Китая Корее еще в 70-е и 80-е гг. В 1894 г. такие попытки привели к войне, которую легко выиграла гораздо дальше продвинувшаяся по пути модернизации западного образца Япония. По *Симонсекскому миру* 1895 г. Китай отказывался от сюзеренитета над Кореей, уступал Японии Тайвань, Пескадорские острова и полуостров Ляодун с гаванью и крепостью Порт-Артур. По сути, этим миром уже Япония заявила о себе как о претенденте на статус новой великой державы.

Подобное усиление Японии вызвало беспокойство России, поскольку появление вблизи российских границ сильной японской армии противоречило как интересам безопасности, так и намерениям России утвердить собственное влияние в Корее и Маньчжурии. В Петербурге решили оказать давление на Японию и привлечь с этой целью Германию и Францию. Немцы легко пошли на подобное сближение, поскольку, во-первых, приветствовали всякое отвлечение России от Европы, во-вторых, рассматривали подобную «континентальную лигу» трех держав как средство давления на Англию с целью заставить ее «дозреть» до союза с Германией, в-третьих, кайзер Вильгельм II имел почти маниакальное предубеждение против «желтой угрозы». Франция же, заинтересованная в первую очередь в европейских обязательствах России, тем не менее пошла на этот шаг, чтобы не позволить немцам выступить в роли единственного друга России. В результате совместного давления трех держав Япония была вынуждена согласиться на пересмотр условий Симонсекского мира и отказаться от полуострова Ляодун в обмен на увеличение китайской контрибуции. Развивая этот успех, Россия в 1896 г. заключила секретный договор об оборонительном союзе с Китаем против Японии, предполагавший сооружение через китайскую территорию Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая должна была связать Забайкалье с Владивостоком. Одновременно в том же году русская дипломатия постаралась ограничить свободу действий Японии в Корее, заключив с ней соглашение о взаимных консультациях, которые должны были предварять какие-либо действия в этой стране.

Еще более важным последствием являлось то, что активизация России и Японии послужила толчком к новому этапу экономической экспансии великих держав в Китай.

«Битва за концессии»

После японо-китайской войны началась так называемая «битва за концессии», в ходе которой каждая из держав стремилась успеть отгородить себе преимущественные зоны влияния.

Первыми выступили немцы. Начав в 80-е гг. активное экономическое проникновение в Китай, главными средствами которого выступали торговля оружием производства Круппа и специально созданный «Немецко-азиатский банк», с переходом к «мировой полити-

ке» немцы стали стремиться заполучить и стратегические выгоды, в частности «восточную станцию» для своего флота. Удобный случай представился в 1897 г., когда в ответ на убийство двух протестантских миссионеров в порт Киаочао (Циндао) на Шаньдунском полуострове вошла германская эскадра. В марте 1898 г. Китай передал этот порт Германии в аренду на 99 лет с правом строительства железных дорог и поиска полезных ископаемых. В том же месяце Россия заключила договор с Китаем о безвозмездной аренде Ляодунского полуострова с Порт-Артуром на 25 лет. Чтобы несколько смягчить удар для Японии, Россия, присваивая себе ее добычу в минувшей войне, пошла на подписание русско-японского соглашения, по которому, по сути, признавала первенство японских экономических интересов в Корее. В апреле примеру Германии и России последовала Франция, арендовавшая бухту Гуанчжоувань на юго-востоке Китая, неподалеку от своих индокитайских владений.

Сложнее всего было положение Англии. Располагая наиболее сильными экономическими позициями в Китае, она не приветствовала фактического отторжения от него каких-либо территорий, которые, таким образом, были бы закрыты для ее экономического проникновения. Однако с политической точки зрения ее позиции в Китае были ослаблены. Англия оказалась изолированной перед лицом сближения России, Франции и Германии, ее свобода действий все более сковывалась приближавшейся англо-бурской войной. В 1898 г. Солсбери предложил России разделить Китай на сферы влияния при сохранении его целостности, однако получил отказ, поскольку в Петербурге предпочли приобрести надежный опорный пункт в лице Порт-Артура, что вызвало бурную реакцию в Англии. Чемберлен требовал активных действий, за это же выступала «Китайская ассоциация», созданная в 1889 г. с целью лоббирования интересов заинтересованных в Китае английских деловых кругов, наконец, общественное мнение Англии требовало себе «картографического утешения» после успеха русских. Учитывая все эти факторы и желая укрепить в первую очередь политические позиции в Китае, английское правительство также присоединилось к «битве за концессии». Летом 1898 г. Англия на 99 лет арендовала прилегавшие к ее колонии Гонконг участки полуострова Цзюлун, а также приобрела порт Вэйхайвэй на Шаньдунском полуострове неподалеку от Порт-Артура. Вскоре государственности и территориальной целостности Китая был нанесен еще более серьезный удар.

«Боксерское восстание»

Несмотря на соперничество великих держав в Китае, конкуренция здесь не имела столь высокого накала, как в Африке. С одной стороны, это было связано с тем, что, за исключением России и Японии, ни одна из держав не претендовала на какие-то значимые территориальные приобретения, выступая скорее за получение экономических выгод. Именно с этим обстоятельством связано то, что без особых возражений державы приняли к сведению так называемую доктрину Хэя, провозглашавшую в Китае принцип «открытых дверей». Первая нота американского государственного секретаря Дж. Хэя, направленная великим державам в сентябре 1899 г., призывала сохранить во всех частях Китая «открытый рынок для торговли всего мира». Вторая нота Хэя в развитие доктри-

ны «открытых дверей» выступала за сохранение территориального единства Китая. Очевидной целью американцев, не успевших огордить себе собственную зону влияния, было обеспечить своей торговле равные условия. В реальности торговля с Китаем в начале XX в. составляла лишь около 1% в общем объеме внешней торговли США, но американские, как и европейские, предприниматели были загипнотизированы огромными размерами китайского рынка и потенциальными прибылями, которые он мог принести.

В 1900 г. в Китае вспыхнуло народное восстание «ихэтуань», направленное против засилья чужеземцев и названное европейцами «боксерским» за эмблему восставших — сжатый кулак. Восставшие нападали на европейцев, осаждали европейские посольства и убили немецкого посланника. В ответ европейские державы приступили к формированию общей армии под командованием немецкого фельдмаршала А. Вальдерзее, получившего прозвище «фельдмаршал мира», поскольку впервые в истории под его командой оказались войска всех великих держав. Впрочем, еще до того, как основная часть этих войск прибыла в Китай, восстание было подавлено английскими и японскими отрядами. В сентябре 1901 г. державы навязали Китаю «боксерский протокол» с чрезвычайно тяжелыми условиями. Вплоть до 1940 г. он должен был определенными долями выплачивать державам астрономическую контрибуцию (в пересчете на рубли — 1,5 млрд); китайцам запрещалось вступать на территорию посольского квартала, для охраны которого создавались специальные отряды; под контроль европейцев передавались 12 укрепленных пунктов между Пекином и морем; число «договорных гаваней» увеличивалось до 48; наконец, из послов великих держав создавалось своеобразное теневое «правительство» — абсолютная кульминация превращения Китая в полуколонию.

«Боксерское восстание» вызвало изменения в расстановке сил великих держав в Китае. В частности, Россия вышла из своеобразного «концерта» великих держав, еще до подписания общего протокола вступив с Китаем в сепаратные переговоры об условиях вывода из Маньчжурии введенных туда с началом восстания русских войск. В качестве такого условия Россия требовала не предоставлять концессий в Маньчжурии ни одной стране, не предложив их предварительно России. Подобный отход от принципа «открытых дверей» вызвал особое неудовольствие его главных сторонников — США и Англии, а также Японии, которая сама претендовала на Маньчжурию. Германия еще в октябре 1900 г. подписала с Англией «соглашение о Янцзы», в котором также согласилась с принципами «открытых дверей» и целостности Китая. Таким образом, попытки России превратить Маньчжурию в исключительную сферу влияния не встречали поддержки у прочих держав. Понимая это, Китай ужесточил свою позицию на переговорах, и в итоге в марте 1902 г. договор о выводе русских войск из Маньчжурии был подписан без условия о предоставлении исключительных экономических выгод России.

Под влиянием этой неудачи в правящих кругах России все больше сторонников стали находить планы более активной политики на Дальнем Востоке. Особенно активно в этом отношении выступала так называемая «безобразовская кли-

**Русско-японская
война 1904–1905 гг.**

ка» — группировка вокруг отставного офицера А. М. Безобразова, призывавшая не только оказать давление на Китай с целью получения экономических преимуществ в Маньчжурии, но и приобретать концессии в Корее с конечной целью ее аннексии, осознанно принимая в расчет риск войны с Японией. После отставки в 1903 г. министра финансов С. Ю. Витте, который полагал опасным простираť претензии России дальше Маньчжурии, этот курс на Дальнем Востоке окончательно возобладал. Вывод русских войск из Маньчжурии был остановлен.

Фактическая оккупация Россией Маньчжурии не могла не вызвать раздражение у заинтересованных стран, прежде всего Англии и Японии. Еще в январе 1902 г. был подписан англо-японский союзный договор, по которому Англия обязывалась оказать помощь Японии в войне с Россией, если ту поддержит какая-либо третья держава. К 1904 г. Япония закончила подготовку к войне и ждала только удобного случая. 27 января 1904 г., обвинив Россию в нежелании продолжать ведущиеся тогда переговоры, японский флот напал на русскую эскадру на рейде Порт-Артура.

Международная ситуация в начале и в ходе войны в целом не была безусловно неблагоприятной для России. Англия и США занимали прояпонские позиции, выразившиеся прежде всего в предоставлении финансовой помощи, однако это мало сказалось на стратегической ситуации в целом. Мюрцштегское соглашение с Австро-Венгрией обезопасило российские тылы на Балканах; спокойствие в Европе обещала России и Германия, так же как и монархия Габсбургов, заинтересованная в том, чтобы Россия увязла на Дальнем Востоке. Франция, напротив, не оказала своей союзнице существенной поддержки, поскольку не одобряла траты ее сил так далеко от французских границ. Иными словами, сложились все условия для локализации конфликта, вопрос о влиянии в Маньчжурии и Корее должен был быть решен в прямом противостоянии двух сил.

Чередa тяжелых поражений России, и особенно катастрофа русского флота под Цусимой в мае 1905 г., изменили позицию английской и американской дипломатии. Англичане и американцы хотели японскими руками ослабить Россию на Дальнем Востоке, но вовсе не обескровить ее настолько, чтобы она перестала служить необходимым сдерживающим фактором против Японии — на Дальнем Востоке и против Германии — в Европе. Поэтому президент США Т. Рузвельт с готовностью выступил в роли посредника в начавшихся в августе 1905 г. в американском городке Портсмуте русско-японских переговорах о мире.

Министр иностранных дел Японии Комура выдвинул ряд тяжелых требований, в том числе передачу Японии острова Сахалин, а также выплату контрибуции, что было неприемлемо для России с ее статусом великой державы. Значительную часть этих требований возглавлявшему российскую делегацию Витте удалось отклонить. Согласно подписанному 23 августа Портсмутскому миру, Россия уступала Японии южную часть Сахалина (до 50-й параллели), передавала арендные права на Ляодунский полуостров, признавала Корею зоной японского влияния и шла на ряд других уступок.

Русско-японская война оказала большое влияние на развитие международных отношений как на Дальнем Востоке, так и в Европе.

Одним из ее последствий стало появление первой азиатской великой державы — Японии. Произошли кардинальные перемены во внешней политике России: потерпев поражение на Дальнем Востоке, она вновь возвращается к своим классическим европейским приоритетам, и в первую очередь к Балканам. Наконец, поражение России в войне решительным образом изменило характер англо-русских взаимоотношений: ослабленная и потрясенная революцией Россия в глазах английских политиков уже не была опасным противником не только на Дальнем Востоке, но и в других спорных регионах — в Персии и Афганистане. Иными словами, Цусима сделала с Россией приблизительно то же, что Фашода сделала с Францией, — заставила вернуться в Европу и иначе посмотреть на отношения с Англией.

Юго-Восточная Азия

На 80-е гг. XIX в. пришлось решающие шаги в подчинении Индокитаю. Франция восстановила пошатнувшиеся в конце 70-х гг. позиции в Аннаме: в 1883 г. над ним был установлен французский протекторат. За оставшуюся часть Вьетнама — Тонкин Франции в 1883—1885 гг. пришлось вести войну с Китаем, его сюзереном. В итоге по *Тяньцзинскому договору* с Китаем в 1885 г. китайский император признал захваты Франции в Индокитае.

Таким образом, к 1885 г. в руках Франции оказались все три части Вьетнама — южная (Кохинхина), центральная (Аннам) и северная (Тонкин). В 1887 г. они вместе с Камбоджей были объединены в Индокитайский союз, во главе которого стоял французский генерал-губернатор. В 1893 г. Франция вынудила Королевство Сиам передать ей Лаос, пять лет спустя также присоединенный к Индокитайскому союзу, который, таким образом, состоял из пяти частей: колонии Кохинхины, чье белое население могло выбирать депутатов во французский парламент, и четырех протекторатов, фактически управлявшихся французскими «резидентами». Границей французских владений на юге и востоке служили моря, на севере — Китай и на востоке — Сиам (Таиланд).

Традиционным соперником Франции в Индокитае выступала Англия. Если французы двигались с востока — от побережья Южно-Китайского моря, то англичане — с запада — из Бирмы и с юга — от Малаккского полуострова. Английская экспансия стимулировалась не только желанием противостоять продвижению французов, но и важными экономическими соображениями: на Малаккском полуострове находились крупные месторождения олова, до англичан находившиеся в руках китайцев. С 1895 г. там стал производиться каучук, на который был огромный спрос развивавшейся автомобильной промышленности. В 80—90-е гг. англичанам удалось подчинить своему влиянию ряд султанатов южной части Малаккского полуострова, в 1896 г. объединенных в Малайский британский протекторат.

В 1885 г. началась третья англо-бирманская война, в ходе которой английские войска взяли бирманскую столицу. Год спустя Бирма была официально присоединена к английским владениям в Индии.

Таким образом, вновь столкнулись два вектора колонизации — движение Франции из Вьетнама на запад и движение Англии из Бирмы на восток. Точкой пересечения стал Сиам, который угро-

жал превратиться в еще одну конфликтную зону между Францией и Англией. Однако в случае с Сиамом обе стороны продемонстрировали еще один вариант разрешения колониального соперничества: ни одна из них не стала добиваться исключительных прав на Сиам, он не был поделен и на сферы влияния. По соглашению 1896 г. Сиам сохранял независимость и должен был служить буфером, разделявшим владения в Индокитае Англии и Франции. Таким образом, благодаря колониальному соперничеству Сиам оказался единственным государством полуострова Индокитай, сохранившим независимость. Окончательное урегулирование произошло в 1907—1909 гг., когда по взаимному соглашению Франция получила от Сиамов две его южные провинции, а Англия — центральную часть Малаккского полуострова.

Островной мир Малайского архипелага в последней трети XIX в. также подвергся окончательному разделу. В 1871 г. был заключен англо-голландский договор, по которому Нидерланды получали карт-бланш на овладение Северной Суматрой в дополнение к уже имевшейся у них в руках северной и южной. Взамен голландцы допустили английских купцов в Индонезию и передали англичанам свои опорные пункты на африканском Золотом берегу. Однако покорение Северной Суматры, на которой был расположен воинственный султанат Аче, затянулось вплоть до 1908 г. В целом в роли ведущей колониальной силы на Малайском архипелаге выступали именно Нидерланды; англичане фактически ограничились тем, что в 1888 г. они формально объявили протекторат над находившимися в сфере их влияния Брунеем и Северным Борнео. Новым участником колониальной экспансии в этом регионе стали США, в результате испано-американской войны отобравшие у Испании Филиппины (см. с. 422).

Океания и острова Тихого океана

Практически новым объектом колониальной экспансии стала Океания, до последней трети XIX в. почти не затронутая конкуренцией великих держав. К этому времени наиболее значимыми европейскими владениями здесь были испанские Марианские, Каролинские и Маршалловы острова, французские Новая Каледония, Туамоту и английские острова Лайн.

За остальные острова, не включенные в сферу влияния отдельных стран, с середины 70-х гг. разгорелась ожесточенная борьба, в которой наряду с традиционными колониальными державами приняли активное участие и новые, в первую очередь Германия и США.

Во второй половине 70-х гг. Англия установила протекторат над островами Фиджи и Токелау. Тогда же началась продолжительная борьба между Англией, Германией и США за архипелаг Самоа в Западной Полинезии. В 1889 г. в Берлине состоялась конференция по Самоа, по решению которой острова сохраняли свою независимость под общим контролем трех консулов. Тем не менее трения продолжались и в 1898—1899 гг. достигли своей максимальной точки, вплоть до угрозы Вильгельма II отозвать из Лондона посла. Наконец, в ноябре — декабре 1899 г. Англия, Германия и США пришли к договоренности по вопросу Самоа. Германия получила западную, а США восточную их часть; Англия отказалась от Самоа в обмен на острова Тонга и часть Соломоновых островов.

В 80-е гг. успехов в Полинезии добились французы, закрепившие за собой Таити, часть архипелага Туамоту и некоторые другие острова. В Меланезии столкнулись английские, французские и немецкие интересы. В результате под давлением Англии Франция была вынуждена отказаться от оккупации Новых Гебридов (в 1906 г. они стали кондоминиумом Англии и Франции); в то же время англичане и немцы произвели раздел островов в Западной Меланезии — немцы получили северо-восточную часть Новой Гвинеи, южную часть Соломоновых островов и архипелаг Бисмарка, англичане — юго-западную часть Новой Гвинеи и юг Соломоновых островов.

В 90-е гг. раздел Океании вступил в новую фазу в связи с испано-американской войной. В результате войны США получили остров Гуам в Микронезии, а Германия в 1899 г. навязала Испании договор о продаже Каролинских и Марианских островов. В 1898 г. Англия заняла архипелаг Санта-Крус в Меланезии.

В итоге резкого усиления колониальной экспансии к началу XX в. в Восточном полушарии почти не осталось не затронутых ею мест. Иначе складывалась ситуация на американском континенте.

§ 4. США и страны Латинской Америки с 70-х гг. XIX в. по первое десятилетие XX в.

США после Гражданской войны Главным последствием Гражданской войны с точки зрения международных отношений стало укрепление государственной мощи США и, соответственно, их позиций в мире. Закончился длившийся многие десятилетия раскол страны из-за проблемы рабства, долгое время сдерживавший активность США на международной арене. В результате войны окрепли позиции центральных органов власти, а также сблизились принципиальные подходы обеих ведущих партий, что также усилило эффективность американской внешней политики и ее преемственность.

Итоги войны, и в частности демократическое решение аграрного вопроса, повлияли и на экономическое развитие США. За пятнадцать лет после окончания в 1877 г. Реконструкции Юга, направленной на консолидацию страны, валовой национальный продукт утроился, и США превратились в экономического лидера мира. Это обстоятельство еще более усилило экспансионистские тенденции во внешней политике США. Долгое время в роли одного из главных двигателей экономической и политической экспансии США выступало высокоэффективное коммерциализированное сельское хозяйство, требовавшее новых рынков сбыта и энергичной политики защиты своих интересов. В конце XIX в. этот фактор еще более усилился, поскольку прогресс сельскохозяйственной техники и особенно транспорта привел к росту аграрного производства и одновременно резкому его удешевлению. В этих условиях аграрии еще более энергично требовали новых внешних рынков и контроля над путями к ним. К тому же подталкивала и промышленность, к концу XIX в. догнавшая сельскохозяйственный сектор по доли в валовом национальном продукте и

обеспечившая США лидерство в целом ряде новейших отраслей. Как и в европейских странах, дополнительным стимулом поиска новых рынков стал кризис 1873 г.

Еще одной важной причиной экспансии, как и в Европе, было стремление разрядить усилившуюся социальную напряженность, в американском случае усугубленную тем, что в 90-е гг. XIX в. исчезла знаменитая «граница», сдвигавшаяся на запад по мере освоения новых земель и долгое время служившая своего рода социальным клапаном, привлекая к себе недовольных.

Экспансия стимулировалась и разного рода националистическими и расистскими теориями, широко распространившимися в последние десятилетия XIX в. и выдвигавшими идеи превосходства американцев и их право на господство не только в Западном полушарии, но и во всем мире. «Наша могущественная раса двинется в Мексику, в Центральную и Южную Америку, на морские острова, в Африку и дальше», — писал один из ярких представителей подобных взглядов протестантский проповедник Стронг. Доктрина Монро и тезис «явного предназначения», некогда изобретенные самими же американцами, к концу века превратились для них в непререкаемые политические аксиомы, служа в качестве индульгенции любым актам экспансии.

Сама экспансия чаще всего имела по-прежнему косвенные формы экономического проникновения. Вместе с тем США, как и другие страны, также оказались затронутыми общей тенденцией перехода от «неформального» к «формальному» империализму. Рубежом в этом смысле стала испано-американская война 1898 г., в результате которой США, с момента своего возникновения рекламировавшие себя как оплот свободы и антиколониализма, сами приобрели колонии. Формы косвенного вмешательства также получают более агрессивный характер, часто сопровождаясь прямым применением военной силы, особенно в Латинской Америке. В первую очередь для обеспечения экспансионистских интересов США в конце XIX в. осуществлялось масштабное военно-морское строительство, в результате которого был создан «большой белый флот».

Русско-американские отношения и продажа Аляски

В течение большей части XIX в., несмотря на все идеологические различия, США и Россию связывали дружеские взаимоотношения, в основе которых во многом лежала общая вражда к Англии. Определенными вехами в этом смысле были отказ США продавать Турции свои корабли во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., помощь России в заключении американо-турецкого торгового договора 1830 г. и особенно Крымская война. В 1854 г. было заключено русско-американское соглашение о нейтралитете на море по принципу «свободное судно — свободный груз», направленное против английского каперства; в Крыму работали американские санитары; США предлагали свое посредничество. В годы Гражданской войны в США, частично совпавшие со временем польского восстания 1863 г., Россия и США заняли дружественные позиции по обоим болезненным для каждого из них вопросам, ярким выражением чего были две русские эскадры, направленные в Америку, дабы избежать их блокады английскими кораблями в Балтийском море в случае международных осложнений в

связи с польским восстанием. Одновременно эти эскадры зримо демонстрировали поддержку Севера Россией.

Наиболее значимым событием русско-американских отношений в XIX в. стала продажа Аляски. По договору 18 марта 1867 г. Россия продала территорию, составляющую почти пятую часть сегодняшних США, за 7,2 млн долларов; уже в следующие пятнадцать лет американцы вывезли из Аляски золота, мехов, китового уса на 75 млн долларов. Идя на эту сделку, в Петербурге исходили из невозможности удержать за собой столь отдаленные территории ввиду преимущества Англии на море, с одной стороны, и неуклонного продвижения американцев на запад Северной Америки — с другой. Поэтому Александр II и его советники предпочли уступить Аляску прежде, чем обстоятельства вынудили бы их к этому. С другой стороны, у этого решения в России находилось много критиков, недовольных как самим фактом уступки, так и смехотворной ценой — около пяти центов за гектар.

Неоднозначно эта покупка была встречена и в США, где критики прозвали Аляску из-за ее сурового климата «морозильником Сьюарда» — по имени заключившего сделку государственного секретаря У. Сьюарда. Однако для самого государственного секретаря принципиальное значение имели не столько экономические, сколько стратегические выгоды. Приобретение Аляски должно было воспрепятствовать выходу Англии через ее территорию к Тихому океану и, напротив, способствовать закреплению США в северной части Тихого океана. В этом смысле покупка Аляски стала частью более широкой стратегии Сьюарда, целью которой было создание огромной «торговой империи», обеспеченной морским преобладанием на важнейших путях и соединенной цепью опорных пунктов. Сьюард считал приобретение Тихоокеанского побережья необходимой предпосылкой проникновения в Азию. Второй важнейшей предпосылкой такого рода в его глазах были Гавайские острова — «Фермопилы Тихого океана». На Гавайях еще в первой половине века закрепились американские миссионеры; в 1875 г. был заключен договор об исключительных правах США в торговле, представлявший собой фактически скрытый протекторат. В 1894 г. американские поселенцы захватили власть и создали республику Гавайи, которая в 1898 г. стала территорией США.

Вместе с тем при всей важности экспансии в направлении Тихого океана главной сферой экономического и политического преобладания США в конце XIX — начале XX в. становится Латинская Америка.

**Латинская Америка
в последние десятилетия XIX —
начале XX в.**

Латинская Америка представляла собой практически идеальную почву для осуществления подобных замыслов. Общей проблемой латиноамериканских стран продолжала оставаться хроническая внутренняя

нестабильность, выражением которой была бесконечная череда переворотов, революций и мятежей. Неблагоприятно воздействовала на международные позиции этих стран и динамика мирового экономического развития. Завершившийся в развитых странах Запада промышленный переворот и революция средств транспорта привели к резкому усилению международного разделения труда, в котором стра-

нам Латинской Америки с их слабо развитой промышленностью досталась роль поставщиков отдельных видов ресурсов. Высокий спрос на отдельные виды сырья в этих странах вызывал диспропорции в экономике и делал их еще более зависимыми от торговой экспансии стран Европы и, особенно, США, которые к началу Первой мировой войны вышли на первое место во внешнеторговом обороте латиноамериканских стран, обойдя Англию. Широкие возможности для иностранного проникновения давала также нехватка капиталов, вынуждавшая страны Южной и Центральной Америки прибегать к масштабным иностранным займам и открывать дорогу иностранным инвестициям. К 1914 г. зарубежные инвестиции в Латинскую Америку превысили вложения в Азию и Африку, причем 80% приходилось на европейские страны и 20% — на США, которые тем не менее занимали второе место после Англии, опережая Францию и Германию.

Связав со странами Латинской Америки столь серьезные материальные интересы, европейские страны и США добивались их обеспечения не только дипломатическими, но и военными методами. Конец XIX — начало XX в. был отмечен многочисленными случаями грубого нарушения суверенитета латиноамериканских государств военными акциями, пик которых пришелся на 1910—1919 гг., когда вооруженная сила применялась 136 раз.

Международные позиции стран Латинской Америки страдали и от того характера взаимоотношений, который установился между ними. Вторая половина XIX в. изобиловала многочисленными территориальными спорами, пограничными конфликтами и даже войнами. Одной из них была *Парагвайская война* 1864—1870 гг. Бразилии, Аргентины и Уругвая против Парагвая, превратившая его в буферное зависимое государство между Аргентиной и Бразилией. Наиболее же крупным конфликтом во второй половине века стала *вторая Тихоокеанская война* 1879—1884 гг., которую развязали Чили против Перу и Боливии, стремясь заполучить месторождения селитры, находившиеся в перуанской и боливийской части пустыни Атакама, но эксплуатировавшиеся чилийской компанией. В итоге Чили приобрели спорные территории по миру с Перу 1883 г.; Боливия же, в результате чилийских приобретений по перемирию 1884 г. полностью терявшая выход к океану, окончательно согласилась со столь тяжелыми условиями лишь в 1904 г. Показательно, что за спинами противоборствовавших сторон скрывались интересы крупных держав. Так, государственный секретарь США Блейн заявил в 1882 г., что «это английская война с Перу, а Чили — ее орудие». Англия действительно оказала поддержку Чили в обмен на монополию на вывоз селитры; американцы попытались оказать противодействие своему главному конкуренту за влияние в Латинской Америке, однако в этот раз не преуспели.

При столь высокой степени конфликтности потенциал сотрудничества между латиноамериканскими странами, которое могло им помочь в противостоянии экономической, политической и военной экспансии европейских стран и США, был очень невелик. Едва ли не единственным случаем действенного проявления солидарности латиноамериканских стран была *первая Тихоокеанская война* 1864—1866 г., когда Испания попыталась восстановить свое господство в

Перу. В ответ возник «Союз четырех» в составе Перу, Чили, Эквадора и Боливии, который заставил Испанию отказаться от своих претензий, а затем в 1879 г. признать независимость Перу, провозглашенную еще в 1821 г. Следующая попытка установления союзных отношений между латиноамериканскими странами пришлось на начало XX в., когда Аргентина, Бразилия и Чили, разрешив в 1899—1908 гг. свои территориальные противоречия, в 1915 г. заключили «договор АБЧ» об урегулировании разногласий. Однако потенциально сильная комбинация трех наиболее развитых государств Латинской Америки так и не привела к заключению настоящего союза из-за сохранившихся трений и противодействия США.

Не обладая достаточной мощью для самостоятельного сопротивления экспансии и не опиравшиеся на взаимную помощь, латиноамериканские государства обратились к международному праву, желая найти защиту, в частности, против особенно актуальной для них угрозы применения военной силы при взимании долгов. Выдвинутая в 1885 г. аргентинским юристом К. Кальво идея о недопустимости вооруженной интервенции с целью взыскания долгов («доктрина Кальво»), дополненная впоследствии министром иностранных дел Аргентины Л. Драго («доктрина Драго»), стала предметом обсуждения на Гаагской конференции 1907 г. и после дополнений американского представителя Портера нашла отражение в ее решениях в форме конвенции Драго — Портера, согласно которой применение вооруженной силы допускалось только в том случае, если должник отказывается от третейского разбирательства или не выполняет его решения.

К началу XX в. укрепляется и дипломатия латиноамериканских государств. Если раньше имелся существенный перевес пассивного представительства перед активным, т. е., принимая дипломатов иностранных государств, эти страны были лишь эпизодически представлены за границей, то теперь, например, Бразилия имела своих дипломатических агентов в 29 государствах, Мексика и Аргентина — в 12. Повысился и ранг дипломатических представителей. Так, США и Мексика имели дипломатические связи на уровне послов; в 1906 г. США отправили своего первого посла в Бразилию. Более широким стало участие латиноамериканских стран и в международных форумах. Так, если в первой Гаагской конференции 1899 г. принимала участие лишь Мексика, то во второй (1907 г.) — восемнадцать латиноамериканских стран. Вместе с тем вмешательство США во внутреннюю и внешнюю политику латиноамериканских государств проявлялось и на дипломатическом уровне. Давление США затрагивало не только общий внешнеполитический курс отдельных стран, но касалось и отдельных представителей, начиная от взяток и заканчивая беспрецедентным случаем, когда несговорчивый представитель Колумбии осенью 1902 г. был объявлен сумасшедшим и одет в смиренную рубашку.

В целом установившаяся в Западном полушарии система международных отношений была отмечена явным преобладанием США, оппозицию которым пытались составить не столько сами латиноамериканские страны, сколько европейские державы, постепенно все более сдававшие свои позиции под давлением американцев, успешно стремившихся к полной гегемонии.

В основе усиления экспансии США в Латинскую Америку лежало стремление добиться господства на рынках этих стран для своей быстро растущей промышленности и вытеснить преобладавшие там английские товары. С этой целью американцы использовали двоякую стратегию. С одной стороны, с помощью новой доктрины панамериканизма они противопоставляли европейским странам солидарность государств обеих Америк, с другой — пользуясь реальным отсутствием этой солидарности, США стремились подчинить каждое из государств этого региона своему влиянию.

Если раньше, во времена Боливара, под панамериканизмом понимались планы по созданию федерации государств Латинской Америки без участия США, то заявленный Вашингтоном новый панамериканизм имел целью открыть рынки латиноамериканских стран для американских товаров. В качестве повода для созыва конференции американских государств государственный секретарь США и автор идеи нового панамериканизма Дж. Блейн использовал вторую Тихоокеанскую войну 1879—1884 гг., объявленную им «американским кризисом». Однако запланированная на 1881 г. конференция не состоялась из-за убийства президента Гарфилда. Лишь в 1889 г. были разосланы новые приглашения на конференцию, причем сам выбор адресатов красноречиво говорил о намерении США использовать панамериканизм как инструмент своего преобладания в Западном полушарии: так, приглашения не получила Канада, так как это означало бы участие в конференции Англии, однако к «американским» странам неожиданно оказались причисленными далекие Гавайи. Опасаясь остаться в меньшинстве при принятии решений, США настаивали на том, чтобы решения конференции не имели обязательной международно-правовой силы.³

На повестке дня первой панамериканской конференции, состоявшейся в 1889—1890 гг. в Вашингтоне и собравшей представителей 18 стран, стояли создание Таможенного союза, введение единой серебряной монеты и единообразных таможенных пошлин. Учитывая экономическую мощь США, реализация подобных планов означала бы полное подчинение экономики латиноамериканских государств, поэтому их представители не пошли на американские предложения. Фактически единственным реальным результатом работы конференции стало создание постоянно действующего органа панамериканского сотрудничества — Коммерческого бюро (позднее — Международного американского бюро), задачей которого был сбор информации, по преимуществу экономической. До Первой мировой войны состоялись еще три конференции (Мехико, 1901—1902 гг., Рио-де-Жанейро, 1906 г., и Буэнос-Айрес, 1910 г.). Эти конференции готовились Международным американским бюро, ведущие позиции в котором занимали представители США.

Панамериканизм был важным, но далеко не единственным средством доминирования США в Западном полушарии. Типичным было вмешательство во внутренние дела латиноамериканских стран в связи с осложнением их внутренней ситуации. Так, США поддерживали одну из сторон в Чилийской революции 1891 г.; во время Бразильской революции 1893—1894 гг. американская эскадра, действуя в интересах компании «Стандарт ойл» и американских продавцов

каучука, фактически предопределила исход борьбы, сняв блокаду Рио-де-Жанейро сторонниками свергнутого императора. Еще более активным было вмешательство американцев в Мексиканскую революцию 1910—1917 гг. В духе неприкрытого социал-дарвинизма государственный секретарь Брайан заявил: «Мексика — естественное дополнение к нашей стране; мексиканцы должны понять, что из двух народов более слабый должен быть поглощен более сильным». После неоднократных высадок американской морской пехоты в 1916 г. началась интервенция США в Мексику, закончившаяся лишь в феврале 1917 г. в связи с подготовкой США к вступлению в Первую мировую войну.

Испано-американская война 1898 г.

Одной из главных целей американской внешней политики продолжала оставаться Куба. В 1867—1878 гг. там проходило восстание против испанского владычества. Официальный Вашингтон придерживался линии невмешательства, однако частные фирмы поставляли повстанцам оружие и добровольцев. В 1873 г. возник острый кризис в испано-американских отношениях в связи с тем, что испанская береговая стража захватила судно «Вирджиния» с грузом оружия для восставших и расстреляла всю его команду. Государственный департамент потребовал от Испании наказать виновных. Испания согласилась, и конфликт был улажен.

Новое восстание на Кубе, вспыхнувшее в 1895 г., вновь оживило планы по овладению Кубой. Эти планы пользовались поддержкой сахарного лобби, недовольного высокими пошлинами на вывоз сахарного тростника и теми потерями, которые несли американские владельцы сахарных плантаций на Кубе. Политики и военные задумывались о стратегических выгодах, которые могло принести овладение испанскими колониями в Карибском море и Тихом океане. Особую роль сыграло общественное мнение, степень манипуляции которым была единственной в своем роде. Крупнейший газетный магнат У. Р. Херст, послав на Кубу известного рисовальщика с поручением дать материал о зверствах испанцев, вскоре получил от него телеграмму: «Сообщить нечего. Все спокойно. Войны не будет». Херст немедленно телеграфировал в ответ: «Пожалуйста, оставайтесь. Дайте мне рисунки, я дам войну».

В этой обстановке взрыв стоявшего на якоре в бухте Гаваны американского крейсера «Мэн» 15 февраля 1898 г., произошедший при неясных обстоятельствах, стал последним поводом к войне. 11 апреля президент У. Мак-Кинли (1897—1901) потребовал от Испании добровольно дать Кубе свободу и одновременно попросил полномочия у Конгресса на то, чтобы заставить испанцев сделать это силой. После получения известия об этой резолюции Конгресса Испания 24 апреля 1898 г. объявила США войну.

При несопоставимой разнице сил вооруженный конфликт с Испанией имел для американцев характер «блестящей маленькой войны», по выражению государственного секретаря Хэя. Уже в 1898 г. в *Париже* был подписан мирный договор. Испания отказывалась от Кубы, выплачивая при этом кубинский долг в 400 млн долларов; за 20 млн долларов уступала США Филиппины; острова Гуам и Пуэрто-Рико в качестве контрибуции также передавались США. Куба получила формальную независимость, однако фактически преврати-

лась в протекторат США, закрепленный принятой Конгрессом в 1901 г. «*поправкой Платта*» (по имени внесшего ее сенатора). Согласно этой поправке, позднее включенной в кубинскую конституцию, Куба теряла контроль над своей внешней политикой, США приобретали право на интервенцию и на обладание на Кубе военноморской базой.

В результате войны США получили всеобщее признание в качестве новой — первой неевропейской — великой державы. Их главные материальные приобретения от войны заключались в установлении контроля как над Карибским бассейном, так и над центральной частью Тихого океана. Отныне непрерывная цепь опорных пунктов приводила США на порог Азии и обеспечивала им полное преобладание в зоне предполагаемого канала, который должен был связать два океана. Одновременно США нанесли серьезные удары по латиноамериканским позициям европейских держав, воспользовавшись для этого венесуэльскими кризисами.

Венесуэльские кризисы и «доктрина Монро»

Проводя политику экспансии в отношении латиноамериканских стран, США неизбежно сталкивались с европейскими державами, имевшими там свои интересы. Высшей точкой борьбы США и Англии

за влияние в Латинской Америке стал первый *Венесуэльский кризис* 1895—1896 гг.

С 40-х гг. XIX в. тянулся спор о границе между Британской Гвианой и Венесуэлой. Англичане хотели передвинуть свои границы непосредственно до устья Ориноко и создать опорный пункт в этом стратегически важном участке Южной Америки. Ситуация еще более обострилась в 70-е гг., когда на спорной территории было обнаружено золото. В 1886 г. Англия передвинула границу своей колонии на спорную территорию, в ответ на что Венесуэла разорвала с ней дипломатические отношения. США восприняли шаг Англии как грубое нарушение «доктрины Монро».

20 июля 1895 г. государственный секретарь США Р. Олни направил в Лондон ноту, за резкость прозванную «двадцатидюймовой». В ней он сообщал, что США будут рассматривать вмешательство в дела Венесуэлы как нарушение «доктрины Монро», которой он дал новое толкование, так называемую «*поправку Олни*»: «...в настоящее время Соединенные Штаты практически являются сувереном на этом континенте, и их воля — закон в вопросах, на которые простирается их вмешательство». Агрессивный и прямолинейный стиль, усвоенный Олни в его бытность адвоката крупной железнодорожной компании, и содержащиеся в ноте амбиции вызвали в Лондоне полное неприятие. Солсбери ответил, что Англия не признает протекторат США над Латинской Америкой и не нуждается в третейском суде, на котором настаивали американцы. Однако США помогла историческая случайность. Телеграмма Вильгельма II президенту Трансвааля Крюгеру разом сместила фокус внимания английских политиков с Южной Америки на Африку и предотвратила дальнейшее развитие конфликта. По договору 1896 г., подписанному Олни и английским послом Паунсфотом, создавался третейский суд в составе двух американских и двух английских юристов под председательством известного русского правоведа Ф. Ф. Мартенса. В 1899 г. он вынес свое реше-

ние: 90% спорной территории сохраняла за собой Англия, однако устье Ориноко оставалось у Венесуэлы.

По сути дела, Венесуэльский кризис был последним серьезным столкновением Англии и США в их вековой борьбе за преобладание в Западном полушарии. Отягощенная колониальными противоречиями с Россией, Францией и — с недавних пор — с Германией, перед лицом надвигавшейся войны с бурами Англия не могла себе позволить серьезного конфликта с США. Ее отступление в Венесуэльском кризисе обозначило два важнейших момента. Во-первых, она окончательно уступала США роль ведущей державы в Латинской Америке. Во-вторых, как и в случаях с англо-французскими и англо-русскими отношениями, разрядка напряженности в колониальных вопросах послужила предпосылкой для общего политического сближения. Именно после первого Венесуэльского кризиса началась история «атлантической солидарности» Англии и США, основанной на общности их культуры и политических интересов, которая, несмотря на периодические трения, станет одной из важнейших черт международных отношений XX в.

Второй Венесуэльский кризис имел в своей основе не пограничный спор, а проблему задолженности Венесуэлы иностранным кредиторам, однако и в этом случае США воспользовались ситуацией для того, чтобы заявить европейским державам о своих эксклюзивных правах на Западное полушарие. В 1902 г. Германия, Англия и Италия с одобрения Гаагского международного суда блокировали побережье Венесуэлы с целью вынудить ее выплатить долги. В дело немедленно вмешались США, усмотрев в действиях европейцев нарушение «доктрины Монро». Иными словами, налицо был конфликт между самопровозглашенной доктриной национальной внешней политики и международным правом. В итоге под давлением США в феврале 1903 г. был подписан протокол о международном арбитраже. В 1904 г. международный суд в Гааге установил, что право на первоочередное возмещение долгов имеют Англия, Германия и Италия.

Заявив в ходе кризиса о своем исключительном праве применять силу в Западном полушарии, американцы соответствующим образом модифицировали и «доктрину Монро». В послании Конгрессу от 6 декабря 1904 г. президента Т. Рузвельта (1901—1909) говорилось: «Любая страна, народ которой ведет себя хорошо, может рассчитывать на нашу искреннюю дружбу... В Западном полушарии соблюдение Соединенными Штатами «доктрины Монро» может вынудить их в особо серьезных случаях... взять на себя обязанности международной полицейской силы».

«Поправка Рузвельта» к «доктрине Монро» представляла собой беспрецедентный в истории международных отношений Нового времени случай, когда один из участников международных отношений сам себя наделял правом покровительствовать, судить и наказывать в масштабах целого полушария. Американцы присваивали себе то самое право интервенции, под лозунгом защиты от которой, собственно, и возникла «доктрина Монро». Фактически становился излишним даже сколько-нибудь серьезный повод для интервенции, поскольку американцы сами определяли, какой народ и в какой момент переставал «вести себя хорошо». Более того, уже тогда современники начинали опасаться, что претензии США могут распростра-

ниться далеко за пределы обеих Америк. В 1904 г. посол России в США писал, что американское правительство, «хотя и провозглашает всегда громко доктрину Монро, но стремится применять ее принципы только в свою пользу. Не допуская ничьего вмешательства во все, что касается Американского материка, оно одновременно с этим, особенно за последнее время, выказывает стремление вмешиваться в вопросы, касающиеся исключительно Европы и Азии... Поневоле можно себя спросить, какие сюрпризы оно нам готовит в будущем».

Теодор Рузвельт

Эволюция роли США от покровителя до «полицейского» Западного полушария свое самое яркое выражение нашла в политике президента США Теодора Рузвельта. Энергичный, тщательно культивировавший в себе «мужские» начала, в частности занимавшийся боксом, он и во внешней политике особое значение придавал силе. «Дипломатия бесцельна, если за ней не стоит мощь. Дипломат является слугой, а не господином солдата», — заявлял 26-й президент США. Предыдущий политический опыт также способствовал укреплению в нем убежденности в эффективности силовых методов в политике: будущий автор тезиса о «полицейской функции» США действительно некоторое время возглавлял полицию Нью-Йорка; был вице-секретарем Военно-морского ведомства; добился популярности личным участием в испано-американской войне. Ирония истории состоит в том, что именно Рузвельт, презиравший «вопли пацифистской клики», стал первым американцем, который получил Нобелевскую премию мира (за свое посредничество в русско-японских переговорах в 1905 г.).

Идейный мир Рузвельта в значительной степени определялся имевшими значительное хождение в среде американской элиты представлениями о превосходстве англо-саксонских народов и об их цивилизаторской функции. Не афишировавшиеся на публике расистские взгляды президента, заявлявшего, например, что «как раса и в массе своей негры стоят ниже белых», находили отражение и в его внешнеполитических действиях, в частности в Латинской Америке. Рузвельт считал латиноамериканцев менее развитыми народами, вмешивался в дела их стран, а одного из их президентов позволил себе назвать «маленькой вороватой обезьяной».

Американский президент был также не чужд идей социал-дарвинизма, представляя себе мировую политику как арену борьбы наций за существование. Практически в то же время, когда Бюлов как представитель другой «новой» великой державы требовал «места под солнцем» в мире в ряду «старых» великих держав, Рузвельт заявлял: «Мы не можем оставаться в пределах наших границ и признавать себя просто преуспевающими торговцами... В борьбе за морское и торговое превосходство мы должны крепить мощь за пределами наших границ». Как и его коллеги в Берлине, главной предпосылкой новой роли США в мире он считал строительство мощного военно-морского флота. Созданный непосредственно при его участии «белый флот», сделавший США второй после Англии военно-морской державой мира, в 1907 г. Рузвельт отправил в кругосветное плавание в качестве лучшей демонстрации миру американской мощи.

Практическим выражением взглядов Рузвельта стала «политика большой дубинки», ведущая свое название от знаменитого высказывания американского президента: «Говори мягко, но имей при себе большую дубинку». Речь шла о политике открытого вмешательства США во внутренние дела латиноамериканских государств, фактически начавшейся до Рузвельта и продолжившейся вплоть до 1933 г., когда 32-й президент США и его дальний родственник Ф. Д. Рузвельт официально объявил о переходе к политике «доброго соседа». Главной сферой применения политики «большой дубинки» явились государства Карибского бассейна.

Экспансия США в Карибском бассейне

В связи с планами строительства канала между Тихим и Атлантическим океанами особенно важным становилось приобретение удобных опорных пунктов в бассейне Карибского моря. С этой целью американцы стремились прочнее закрепиться на Кубе, а также на острове Гаити, по-прежнему разделенном с запада на восток на Республику Гаити и Доминиканскую республику.

Полное преобладание США на Кубе не могло не вызвать сопротивления местных национальных и патриотических сил. С лета 1906 г. в различных частях страны начались выступления, на которые США ответили вооруженной интервенцией, продлившейся до 1909 г. и представлявшейся американцами как помощь «великой демократии Севера» не достигшей высот цивилизации Кубе.

С 60-х гг. США стремились либо аннексировать Доминиканскую республику, либо получить от нее в аренду удобную гавань для своего военно-морского флота. Американцы пошли по пути экономического проникновения, на котором им пришлось столкнуться с сильным сопротивлением немецкого и французского капитала. Лишь Первая мировая война окончательно избавила США от европейских конкурентов.

Летом 1915 г. началась американская интервенция в Гаити, результатом которой стало полное подчинение страны американскому влиянию.

Похожая судьба ждала и Доминиканскую республику. Превратив ее в своего хронического должника, американцы договором 1907 г. подчинили своему влиянию экономику Доминиканской республики. Как и в случае с Республикой Гаити, экономическое подчинение сопровождалось применением военной силы — с 1902 по 1916 г. американская морская пехота высаживалась в Доминиканской республике тридцать раз; осенью 1916 г. войска США приступили к полной ее оккупации.

Еще одной областью применения политики «большой дубинки» стала Никарагуа. В ответ на попытки правительства проводить более независимую внешнюю политику, а также противодействовать стремлениям американской корпорации «Юнайтед фрут» превратить страну в подлинную «банановую республику» США инспирировали антиправительственный мятеж, а в 1910 г. осуществили интервенцию, сделав президентом своего ставленника.

Укрепление позиций США в странах Карибского бассейна стало важной предпосылкой к решению главной стратегической задачи, которой Рузвельт считал контроль за Панамским каналом.

Борьба за Панамский канал

Исходный международно-правовой статус будущего канала между Тихим и Атлантическим океанами регулировался англо-американским договором Клейтона — Бульвера 1850 г. о равенстве прав двух стран на все межокеанские пути и о нейтрализации будущего канала. Между тем США с самого начала стремились заполучить исключительные права контроля над будущим каналом. Именно по причине отсутствия у США таких прав Сенат отказался ратифицировать договоры о сооружении канала с Колумбией и Никарагуа, подписанные в конце 60-х гг. Как заявил президент Хейс, будущий канал, коль скоро он будет связывать тихоокеанский берег США с атлантическим, «фактически является частью американского побережья» (!).

В 80-е гг. проблема канала резко приобрела актуальность, поскольку учрежденное еще в 1878 г. в Париже Общество Панамского канала под руководством Лессепса получило от правительства Колумбии концессию на 99 лет и приступило к непосредственному проведению земляных работ на Панамском перешейке. В ответ американцы стали склоняться к альтернативному проекту канала через территорию Никарагуа. В 1886 г. в США была создана «Компания никарагуанского морского канала», которая, пользуясь поддержкой правительства, начала первые работы в 1889 г., но уже в 1893 г. была вынуждена их остановить из-за нехватки капиталов. Еще одним препятствием к сооружению канала через Никарагуа являлась позиция Англии, недовольной как нарушением американцами договора Клейтона — Бульвера, так и их вторжением в зону английских интересов на Москитовом берегу, возвращенном англичанами Никарагуа еще в 1860 г., но фактически находившемся под контролем Англии. Однако в 1901 г., в рамках начавшейся после урегулирования первого Венесуэльского кризиса нормализации англо-американских отношений, был подписан *договор Хей — Паунсфота* о пересмотре договора Клейтона — Бульвера. Смысл договора заключался в том, что англичане снимали свои претензии на совместный контроль над каналом. Отныне оставалось только договориться с тем государством, по территории которого должен был пройти канал.

Этим государством была Колумбия, поскольку на ее территории находился Панамский перешеек, а именно к этому варианту после банкротства французского общества и собственной неудачи в Никарагуа стали склоняться американцы. В 1903 г. был подписан *договор Хей — Эррана* (колумбийский поверенный в делах), который предоставлял США концессию на 100 лет, 10-километровую зону вдоль трассы канала и право контролировать порты на обеих сторонах канала. Колумбийцы получали за это 10 млн долларов единовременно; через 9 лет США обязывались начать выплачивать по 250 тыс. долларов ежегодно, однако Колумбия не приобретала никаких доходов от эксплуатации канала. Когда Конгресс Колумбии отказался ратифицировать этот грабительский договор, Рузвельт немедленно продемонстрировал умение владеть «большой дубинкой»: при непосредственном участии американских военно-морских сил в зоне будущего канала была создана Республика Панама, 3 ноября 1903 г. заявившая о своей независимости от Колумбии. США немедленно признали новую республику. Как выразился председатель конституционного суда Колумбии, «для этой страны не представляют затруднений ни принципы чужого суверенитета, ни принципы международного права, когда дело идет об их экспансии, торговле и могуществе».

Вновь созданное марионеточное государство в 300 тыс. жителей уже через две недели подписало с США новый договор. Показательно, что от Панамы его подписывал даже не местный житель, а французский предприниматель и авантюрист, один из организаторов «панамской революции» Ф. Бюно-Варилья. По *договору Хей — Бюно-Варильи*, написанному еще до появления Панамы как самостоятельного государства, США получили монопольное право на строительство канала; территория в 5 миль по обеим его сторонам отходила в их вечное пользование; все острова в зоне канала передавались США; американцы получали свободное пользование всеми портами

Панама; во всякое время и по своему усмотрению они были вправе прибегать к своей полиции и употреблять свои сухопутные и морские силы; Панама получала 10 млн долларов и 250 тыс. ежегодно начиная с 1913 г.

Таким образом, борьба за одну из важнейших стратегических точек в мире завершилась полной победой американской политики и дипломатии. В конце следовала эффектная точка: 27 сентября 1913 г. президент В. Вильсон нажатием кнопки в Белом доме замкнул электрическую цепь в 6 тыс. км и произвел взрыв, завершивший земляные работы. 15 августа 1914 г. первым через вновь открытый канал прошло судно под звездно-полосатым флагом.

Преемник Рузвельта У. Тафт (1909—1913) несколько смягчил акценты американской внешней политики, провозгласив переход от политики «большой дубинки» к «дипломатии доллара». «Наша политика должна

«Дипломатия доллара» и «поправка Лоджа»

заменить гранаты на доллары», — заявил он в 1912 г. В реальности гранаты и доллары продолжали сосуществовать, и именно при Тафте, например, была осуществлена вооруженная интервенция в Никарагуа. Тем не менее Тафт действительно попытался сделать больший акцент на применение не силы, а различных форм экономического проникновения, особенно на инвестиции. Позднее «дипломатия доллара» превратится в один из главных методов американской дипломатии, однако при самом Тафте эта политика не была отмечена особыми успехами. Так, например, не удалась санация американскими банками финансов Никарагуа и Доминиканской республики, призванная улучшить в них инвестиционный климат. Тафт также попытался осуществить «дипломатию доллара» в Китае и даже создал специально для этого американский банковский консорциум. Однако и в этом случае ему сопутствовал весьма скромный успех, в том числе из-за недостаточной поддержки Англии и сопротивления Японии.

Усилившаяся после войны с Россией Япония в принципе вызывала все больше опасений американцев. Еще в 1905 г. было заключено *соглашение Тафта — Кацуры*, которое предоставляло свободу рук Японии в Корее в обмен на ее отказ от территориальных претензий на Филиппины. В 1908 г. в *соглашении Рута — Такахиры* еще раз было подтверждено обязательство сторон сохранять статус-кво на Тихом океане, уважать территориальные владения друг друга и придерживаться политики «открытых дверей» в Китае.

Япония выступала и как экономический конкурент США. Последнее обстоятельство воспринималось в Вашингтоне настолько серьезно, что привело к принятию очередной поправки к «доктрине Монро». В 1911 г. стало известно, что один японский синдикат намеревается купить территорию в Калифорнии, неподалеку от стратегически важной бухты Магдалены. В августе 1912 г. сенатор Г. К. Лодж, один из самых влиятельных сторонников американской экспансии, выступил с предложением запретить любую продажу земли в Западном полушарии неамериканским государствам или предприятиям, которые способствовали бы усилению влияния этих государств в Западном полушарии и таким образом угрожали бы интересам Соединенных Штатов. «Поправка Лоджа» подвела определенный итог развитию «доктрины Монро» до Первой мировой войны. Ее начало в корне изменило международное положение США.

Глава 18. Международные отношения накануне Первой мировой войны

Первая мировая война стала завершающим событием истории Нового времени и одновременно точкой отсчета новой эпохи. Она привела к тому, что были разрушены сами основы международных отношений в Новое время: прекратила свое существование традиционная европейская система, основанная на существовании «великих держав» и уходившая своими корнями еще в XVIII в.; закончилась «европейская эпоха», эпоха безусловного преобладания Европы в мировом масштабе; подошла к концу история колониализма как типичного феномена международных отношений Нового времени, и начался процесс деколонизации, который ускоренными темпами пойдет после Второй мировой войны; с появлением Советской России и выходом на мировую арену США обозначились контуры новой, биполярной структуры международных отношений, а также невиданная до тех пор степень их идеологизации.

Причины возникновения Первой мировой войны отличаются исключительным многообразием как с точки зрения разной длительности их вызревания — некоторые историки пишут о «предыстории Первой мировой войны с 1815 г.», — так и с точки зрения их разнородности, поскольку эти причины коренились не только в политической и военной, но и в экономической, культурной, национальной, психологической и других сферах. Одной из важнейших предпосылок к войне стали изменения в европейской системе союзов.

§ 1. Европейская система союзов до 1907 г.

С системой международных отношений в Европе в течение десятилетия перед Первой мировой войной произошли два наиболее значительных изменения. Во-первых, в качестве антипода и противовеса Тройственному союзу появился второй блок — Сердечное согласие, или Антанта. Во-вторых, в это время в обоих альянсах неуклонно росла военная составляющая в ущерб политической, и они частично теряли свой изначально оборонительный характер.

Образование англо-французской Антанты

Рост англо-германских противоречий, с одной стороны, и ослабление традиционного англо-французского соперничества в колониальных вопросах — с другой, сделали возможным установление тесной политической связи между Англией и Францией. Последняя попытка англо-германского союза, предпринятая в 1901 г., завершилась неудачей, поскольку немцы по-прежнему исходили из непреодолимости англо-русских и англо-французских противоречий и были уверены, что в этих стесненных обстоятельствах Англии можно будет продиктовать выгодные для Германии условия союза.

В реальности англо-германский антагонизм, основанный на претензиях Германии на «мировую политику», экономической конку-

ренции и особенно гонке морских вооружений, к этому моменту отодвинул в тень все прочие трения и противоречия. В 1900 г. в Германии был принят второй морской закон, ставивший задачу увеличения ее флота на 38 линкоров, что означало бы достижение соотношения 2 : 3 с английским флотом и не могло не обеспокоить англичан.

Наряду с общей для двух стран немецкой угрозой англо-французскому сближению способствовал и процесс постепенного урегулирования колониальных противоречий, начавшийся после Фашодского кризиса 1898 г.

Эта линия была продолжена подписанием 4 апреля 1904 г. англо-французского соглашения, положившего начало складыванию Антанты.

Соглашение состояло из конвенции о Ньюфаундленде и Западной Африке, а также из деклараций о Сиаме, Египте и Марокко. По конвенции Франция отказалась от монопольных прав на рыболовство у берегов Ньюфаундленда. За это она получила важные уступки в Африке — обрела свободу плавания по реке Гамбия и территориальные уступки в Нигерии между своими владениями на реке Нигер и озере Чад. Декларация о Сиаме разделяла его на две части — английскую западную и французскую восточную, с исключительным правом на концессии каждой из сторон в своих частях. Декларация урегулировала также несколько более мелких колониальных вопросов относительно таможен на Мадагаскаре и кондоминиума на Ново-Гебридских островах.

Важнейшей частью соглашения была декларация о Египте и Марокко. В отношении первого Англия заявила, что не имеет намерения изменять политический статус Египта, а Франция обязалась не чинить препятствий действиям Англии в Египте. Аналогичным образом Франция декларировала, что не намерена изменять политический статус Марокко, а Англия признавала за Францией преимущественное право охранять в Марокко порядок и оказывать ему помощь в различных областях. Одновременно секретная часть декларации предусматривала, что если Англия все же решит внести изменения в систему капитуляций или в судебную организацию Египта, то Франция даст на это согласие; так же должна была поступить и Англия в отношении подобных действий Франции в Марокко. Иными словами, речь в этом случае шла бы о вытеснении прочих европейских стран из Египта и Марокко и превращение их в единоличные зоны влияния, соответственно Англии и Франции. Англичане настояли лишь на одном, но очень важном исключении: области вокруг Мелильи и Сеуты, лежащие на марокканском берегу Гибралтарского пролива, должны были перейти к Испании. Отделяя тем самым французские марокканские владения от Гибралтара, Англия сохраняла единоличный контроль над «ключом к Средиземному морю».

Являясь по форме колониальным соглашением, англо-французский договор по сути означал создание так называемой Антанты. Термином Антанта («согласие» — фр.) приблизительно с середины XIX в. было принято обозначать дружественные отношения между странами, которые опирались на широкую общность интересов, но при этом не были связаны либо связаны лишь частично официальными договорными обязательствами. Одним из первых этот термин

использовал Ф. Гизо для обозначения сближения между Англией и Францией в 30-е и 40-е гг., и в дальнейшем чаще всего об Антанте говорили применительно к англо-французским отношениям. Невзирая на отсутствие формальных обязательств, которые касались бы общих вопросов и положения в Европе, англо-французский договор означал начало складывания нового политического блока и изменение всей международной ситуации.

Италия и Тройственный союз

В Тройственном союзе наиболее существенным было изменение положения Италии. Испортившиеся после захвата Туниса Францией в 1881 г. франко-итальянские отношения еще более ухудшились в связи с началом в 1887 г. таможенной войны между двумя странами. Ситуация начала меняться после 1896 г., когда из-за поражения итальянской кампании в Эфиопии стало ослабевать франко-итальянское колониальное соперничество. За сближение с Францией выступали экономические круги, пострадавшие от таможенной войны, к этому же подталкивала необходимость в займах. Новому курсу способствовали и перемены в итальянском политическом руководстве — после поражения в Эфиопии в отставку ушел сторонник активной колониальной политики и Тройственного союза Ф. Криспи, в 1900 г. на трон вступил англофил Виктор Эммануил III. После выхода Англии из Средиземноморской Антанты и ухудшения англо-германских отношений Тройственный союз, на который Италия изначально пошла с оговорками в отношении Англии, существенно потерял ценность в глазах итальянцев. С другой стороны, постоянно усиливались противоречия с Австро-Венгрией по балканским вопросам и в связи с ирредентистским движением.

Сближение с Францией началось на той же почве, на которой ранее произошел конфликт, — в Тунисе. В 1896 г. был подписан франко-итальянский договор, по которому Италия признавала французский протекторат над Тунисом, но одновременно получала там экономические преимущества, статус привилегированной нации, право открывать свои школы. Спустя два года Франция и Италия заключили торговое соглашение, положившее конец таможенной войне. Решающим же условием для сближения, как и в случае англо-французских отношений, оказался раздел сфер влияния в колониях — по договору 1900 г. Италия признала за Францией преимущественные права на Марокко, а Франция — итальянские права на Триполитанию. Этот раздел сфер влияния в западном Средиземноморье устранил все препятствия к сближению. Зримым проявлением нового характера отношений между двумя странами стал визит итальянской эскадры в Тулон в апреле 1901 г. Хотя Бюлов, выступая в рейхстаге, и заявил по этому поводу, что «в счастливом браке муж не должен забивать себе голову, если его жена сделает невинный тур вальса с другим», уже через год Италия сделала шаг, больше похожий на супружескую неверность. В июне 1902 г. итальянцами был в очередной раз продлен договор о Тройственном союзе. Однако не успели высохнуть его чернила, как уже через два дня Франция и Италия подписали секретный договор, по которому в случае франко-германской войны Италия сохраняла нейтралитет не только в том случае, если агрессором выступит Германия, но и если Франция, будучи косвенно

спровоцированной, сама нападет на Германию. В то же время по условиям Тройственного союза Италия обязывалась помочь Германии в случае неспровоцированного нападения на нее Франции. Таким образом, только Италии предоставлялось судить о том, кто выступит в роли провоцирующей стороны. Италия с выгодой для себя использовала свое промежуточное положение между блоками и в другом отношении: при продлении Тройственного союза Австро-Венгрия, как Франция до нее, дала заверения, что не будет возражать против захвата Италией Триполи.

Первый Марокканский кризис

Важным событием в развитии союзов и международной ситуации в целом стал первый Марокканский кризис 1905 г.

Заручившись поддержкой своих интересов в Марокко со стороны Англии и Италии, Франция стала стремиться к овладению Марокко и созданию таким образом единого комплекса своих владений на северо-западе Африки из Туниса, Алжира и Марокко. В 1905 г. она попыталась навязать марокканскому султану свои требования, реализация которых постепенно превратила бы страну во французский протекторат. Это вызвало сильное недовольство Германии.

В марте 1905 г. Вильгельм II, совершая путешествие на яхте, зашел в марокканский порт Танжер и выступил там с речью, в которой говорил о независимости марокканского султана. Вслед за этим Бюлов предложил обсудить марокканскую проблему на конференции, ссылаясь на Мадридский договор 1880 г., провозглашавший равенство иностранных государств в Марокко. Франция ответила отказом, Германия же дала понять, что дело может закончиться войной.

Германия обладала в Марокко довольно сильными позициями, занимая третье место в торговле и будучи представленной в экономике страны крупными фирмами. К тому же Марокко являлось одной из последних не поделенных территорий в Африке, и Германия стремилась не допустить того, чтобы его судьба решилась без ее участия и без всяких компенсаций в ее пользу. Военные, в частности начальник германского Генерального штаба А. Шлиффен, шли еще дальше и предлагали спровоцировать кризис, чтобы, воспользовавшись слабостью России из-за русско-японской войны, раз и навсегда освободиться от угрозы французского реваншизма, разгромив Францию в превентивной войне. Политическое же руководство Германии рассматривало марокканский вопрос как возможность изменить соотношение сил в Европе в свою пользу. Оказывая давление на Францию, немцы надеялись ослабить только что созданную Антанту, показав Франции, что Англия не окажет ей достаточной помощи. Одновременно в Берлине как один из вариантов взвешивали возможность создания «континентальной лиги» из Германии, России и Франции, направленной против Англии.

Бьеркский договор 1905 г.

Неудача англо-германских переговоров 1901 г., ненадежная позиция Италии и очевидное сближение Англии и Франции заставили германское руководство опасаться того, что Германия может остаться в полной изоляции наедине со своим единственным союзником Австро-Венгрией. В 1904—1905 гг. были предприняты попытки выйти из этой ситуации путем сближе-

ния с Россией и Францией. Толчком к началу переговоров послужила возросшая степень морской угрозы со стороны Англии. В октябре 1904 г. руководителем британского морского ведомства был назначен адмирал Дж. Фишер, одним из первых действий которого на новом посту стала передислокация самых современных английских кораблей из Средиземного моря в Северное; он неоднократно высказывал мысль о необходимости «копенгагировать» германский флот, т. е. уничтожить его прямо в гаванях, подобно тому, как некогда англичане уничтожили в гавани Копенгагена датский флот. В этой обстановке Германия обратилась к России с предложением заключить антианглийский союз, к которому следовало подключить и Францию.

В России ответили согласием, поскольку Англия выступала союзником Японии в продолжавшейся русско-японской войне и поскольку отношения с ней обострились как раз в октябре 1904 г. вследствие «гульского инцидента» — случайного обстрела английских рыболовецких судов русской эскадрой, произошедшего в Северном море на траверсе города Гуль. Готовый проект договора не был подписан, поскольку в Берлине и Петербурге по-разному видели способ привлечения Франции к союзу: немцы хотели сначала заключить договор с Россией и тем поставить французов перед свершившимся фактом, русские же выступали за предварительные переговоры с Парижем.

Вторую попытку создания «континентальной лиги» Вильгельм II предпринял в июле 1905 г., встретившись с Николаем II во время морской прогулки близ финского острова Бьёрке. Императоры подписали договор, по которому одна из сторон должна была всеми силами поддерживать другую в случае нападения третьей европейской державы. Предполагалось, что Россия предложит Франции присоединиться к этому договору, однако, будучи продуктом личной дипломатии Николая II, он не нашел поддержки у министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, который, как и осенью 1904 г., считал необходимым обусловить действие договора согласием Франции. Немцы вновь ответили отказом, и в результате договор в силу не вступил.

Неудача попытки создания «континентальной лиги» была связана еще и с тем, что летом 1905 г. подошли к концу оба международных кризиса, подталкивавших Германию и Россию к сотрудничеству против Англии: в июле французы согласились с требованием немцев о созыве международной конференции по Марокко, а 23 августа был подписан Портсмутский мир с Японией.

Собственно итоги первому Марокканскому кризису были подведены на конференции в испанском городе *Альхесирасе*, которая проходила с января по апрель 1906 г. с участием всех великих держав, а также Испании, Португалии, Бельгии, Нидерландов, Швеции, США и Марокко. Поддержав американскую доктрину «открытых дверей» в Китае, немцы надеялись на такой же жест со стороны США в марокканском вопросе и, кроме того, полагались на помощь союзных Австро-Венгрии и Италии. В действительности Германия оказалась почти в полной изоляции; даже Австро-Венгрия не проявляла рвения в поддержке своего союзника в столь далеком от нее и непопулярном в монархии Габсбургов вопросе.

По Генеральному акту Альхесирасской конференции от 7 апреля 1906 г. формально провозглашался принцип «открытых дверей» в Марокко и независимость страны. Для справедливого участия в экономических выгодах Марокканский банк отдавался под тройственный контроль Франции, Германии и Испании, однако полицию и вместе с ней внутреннюю жизнь в Марокко контролировали французские и испанские офицеры.

Несмотря на внешний успех, Марокканский кризис явился дипломатическим поражением для Германии, поскольку ей не удалось выполнить главной задачи — ослабить англо-французскую Антанту и оторвать Россию от Франции. Напротив, одним из главных результатов кризиса оказалось укрепление Антанты, поскольку Англия, вопреки ожиданиям немцев, по-прежнему уверенных в непреодолимости англо-французских противоречий, поддержала Францию. Другим результатом кризиса стало появление в Германии представления о ее «окружении». Ход конференции самым наглядным образом продемонстрировал изоляцию Германии и заставил опасаться, что Англия, Франция и Россия проводят стратегию планомерного «окружения» Германии. В ноябре 1906 г. канцлер Бюлов, выступая в рейхстаге, впервые заявил, что Германию хотят окружить, «как зверя в лесу».

Вплоть до Первой мировой войны «окружение» оставалось самым массовым политическим представлением в Германии, воздействие которого местами носило черты коллективной фобии. Это представление оказывало мощное мобилизующее воздействие, усиливало склонность к радикальным шагам на международной арене, целью которых было прорвать «окружение». Подобные шаги воспринимались прочими странами как лишнее свидетельство агрессивных намерений Германии и побуждали к сплочению рядов против германской угрозы, что, в свою очередь, трактовалось немцами как доказательство «окружения». Этот порочный круг был прочерчен с особой отчетливостью в связи с заключением англо-русского соглашения 1907 г., завершившего складывание Антанты.

Англо-русское соглашение 1907 г.

Одним из самых радикальных поворотов в развитии международных отношений накануне Первой мировой войны было сближение Англии и России — двух исторических противников, соперничество которых красной нитью проходило через весь XIX в.

Поражение в русско-японской войне и внутренние потрясения, связанные с революцией 1905—1907 гг., принесли России существенное ослабление и падение престижа на международной арене. Однако парадоксальным образом слабость России, казалось бы, снижавшая ее ценность как возможного союзника, в глазах англичан стала дополнительным мотивом для сближения с ней, поскольку страна с катастрофическим финансовым положением, низкой боеспособностью армии и почти без флота не могла всерьез угрожать английским интересам. Традиционно английские интересы сталкивались с русскими в трех основных регионах — в Черноморских проливах, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. К началу XX в., как уже отмечалось, Балканы потеряли для Лондона прежнее первостепенное значение. Англо-русские противоречия на Дальнем Востоке, наиболее острые

и болезненные, были разрешены японскими руками. Оставалась лишь Центральная Азия, однако в Лондоне имели все основания предполагать, что России в ее состоянии слабости не до продвижения к Индии.

После русско-японской войны произошел новый поворот в российской внешней политике — она возвращалась в Европу. После балканских неудач 80-х гг. центр тяжести русской политики был перенесен на Дальний Восток; неудача на Дальнем Востоке заставила вернуться на Балканы. Подобно тому как активизация на азиатском направлении вынудила Россию временно примириться со своим главным балканским противником, Австро-Венгрией, так перемещение приоритетов в Европу подталкивало к примирению с главным соперником в Азии — Англией.

Возможность подобного сближения облегчалась еще и тем, что оно не приходило в противоречие с уже существовавшей русско-французской связью. По сути, после выхода из русско-японской войны Россия, стоя перед выбором между Германией и Англией, должна была сделать его во многом исходя из данности союза с Францией — и если первая возможность была неприемлема из-за позиции французской стороны, то сближение с Англией находилось в полной гармонии с англо-французской Антантой 1904 г. Позиция же Франции была принципиально важной для России не только потому, что союз с ней составлял одну из основ ее международного положения, но и потому, что зависимость от французских займов в это время достигла абсолютного апогея — от финансового краха вследствие войны и революции Россию спас беспрецедентный заем в 2 млрд 225 млн франков, полученный в апреле 1906 г. К тому же, в отличие от Англии, Германия ничего не могла дать в смысле обеспечения азиатских тылов России и выступала союзником Австро-Венгрии, вновь становившейся главным оппонентом России в связи с перемещением вектора ее внешнеполитической активности на Балканы. Важным побудительным мотивом к сближению и для Англии, и для России выступали их отношения к Германии. В первом случае, подогреваемые гонкой морских вооружений, они все более становились откровенно враждебными, в то время как Россия сталкивалась с «мстью» Германии за неудачу Бьёркского договора, как, например, при заключении торгового договора в 1905—1906 гг., когда, пользуясь слабостью России после революции и войны, немцы навязали ей невыгодные условия.

Внешнеполитическая ориентация России была предметом внутривнутриполитической борьбы, причем с выбором в пользу Германии или Англии связывались не только собственно направление внешней политики, соответственно, на Азию или Европу, но и идеологические предпочтения — либералы выступали преимущественно за сближение с Англией, в консервативных кругах имели большое распространение германофильские настроения. Примирить различные точки зрения попытался новый министр иностранных дел А. П. Извольский (1906—1910). После пережитых Россией потрясений он считал необходимым обеспечить спокойствие за ее рубежами с помощью политики соглашений по спорным вопросам. В июле 1907 г. Извольский подвел окончательную черту под разногласиями с Японией: были подписаны торговый договор и рыболовецкая конвенция, выгодные

Японии, а вслед за ними — политическое соглашение, по которому Россия и Япония разделили сферы влияния: первой достались Северная Маньчжурия и Внешняя Монголия, второй — Южная Маньчжурия и Корея. Тыл на Дальнем Востоке был обеспечен. Того же самого в отношении Центральной Азии Извольский рассчитывал добиться путем соглашения с Великобританией.

18 августа 1907 г. Извольский и английский посол в Петербурге А. Николсон подписали конвенцию по делам Персии, Афганистана и Тибета. Зонай английских интересов признавался Юго-Восточный Иран, Россия получила преимущественные права в Северном, а зона между ними объявлялась нейтральной. Подобное разделение в целом соответствовало действительному положению России и Англии в Иране и устраивало обе стороны. Поделив Иран, Англия и Россия впоследствии успешно сотрудничали в отражении попыток третьих стран, в первую очередь США и Германии, добиться там своего влияния. В отношении Афганистана российской дипломатии пришлось пойти на серьезные уступки: почти полвека оспариваемый Россией и Англией, он отныне признавался сферой исключительного английского влияния. Касательно Тибета был достигнут компромисс. Объявлялась неприкосновенность его территории, уважение сюзеренитета Китая в отношении Тибета и невмешательство в его дела.

Соглашение 1907 г. привело к формированию Тройственного соглашения, или Антанты Англии, России и Франции — важнейшему событию в международных отношениях накануне войны.

Первой мировой войне предшествовала радикальная перестановка сил в Европе, настоящая «дипломатическая революция», по своим масштабам и последствиям далеко превосходившая «дипломатическую революцию» XVIII в.

В ее основе лежало полное смещение осей традиционных союзов и долговременных связей в Европе. Окончательно распалась связь между Петербургом и Берлином, с перерывами существовавшая с 1813 г., отошли на второй план англо-французские и англо-русские противоречия, многие десятилетия определявшие лицо Европы, и вместо них появилась Антанта — удивительный союз трех бывших заклятых врагов. На фоне исчезновения традиционных решающее значение имело появление нового антагонизма — англо-германского. Именно противоречия с Германией в конечном счете легли в основу Антанты.

Конкретным выражением всех этих структурных изменений стало противостояние двух союзов. Таков был финал развития международных отношений за два с половиной века: от стихийного баланса сил в раннее Новое время, через «европейский концерт» в течение большей части XIX в., через взаимопроникновение и регулирование системы союзов в эпоху Бисмарка европейская система пришла к простому дуализму сил. Как когда-то во время противостояния Габсбургов и Бурбонов, метафорой европейского равновесия становится не сложная машина, не созвучие «концерта», не жонглирование великими державами Бисмарком, а вновь весы или качели, где сила уравнивает силу.

Ни один из блоков не был монолитом; участников и Тройственного союза, и Антанты разделяли противоречия, они далеко не всегда безоговорочно поддерживали друг друга, как, например, Англия Рос-

сию в балканских вопросах, а Австро-Венгрия Германию — в колониальных. Напротив, достаточно многочисленны примеры сотрудничества стран из противоположных блоков. Однако, безусловно, преобладала другая тенденция — страх потерять союзника. Опасаясь быть брошенными союзниками на произвол судьбы перед лицом враждебной коалиции, европейские державы все чаще выказывали готовность пуститься во все тяжкие ради монолитности собственного блока. Внутреннее единство казалось важнее возможного конфликта с противоположным блоком. В результате союзы теряли гибкость, произошла окончательная редукция сложной европейской системы до двух альянсов, взаимоотношения между которыми определялись логикой конфронтации и безусловной поддержки партнера.

Наличие двух блоков сузило возможности для маневрирования, характерные для многополюсных международных отношений; с другой стороны, не возникло и преимущество предсказуемости, характерное для биполярной системы, поскольку союзы внутренне не были достаточно сплоченными, обязательства не до конца определены, интересы различались и отсутствовала единая политическая воля. Именно недостаточная сплоченность союзов делала международную ситуацию потенциально опасной, поскольку, с одной стороны, существовала угроза быть вовлеченным союзником в какой-нибудь локальный конфликт и самим фактом своего вмешательства придать ему европейский размах, с другой — никто не мог быть до конца уверенным в своем партнере и, желая удержать, шел в его поддержке до конца.

Принципиально важное значение имел тот факт, что со временем союзы все более утрачивали свой первоначально оборонительный характер. Этот агрессивный поворот был связан с другими характерными чертами развития международных отношений перед Первой мировой войной — гонкой вооружений, специфическим состоянием общественного мнения и почти непрерывной чередой международных кризисов.

§ 2. Европа на пути к войне 1907—1914 гг.

Гонка вооружений и военное планиро- вание

В обострении международной ситуации накануне войны значительную роль сыграла гонка вооружений небывалых ранее масштабов. Материальную основу гонки вооружения составили успехи Промышленной революции и огромный демографический рост. Благодаря Промышленной революции значительно увеличилась продуктивность сельского хозяйства, а также качественно возросли возможности транспорта, что сделало возможным содержание и перемещение миллионных армий. Кроме того, технический прогресс приводил к тому, что различные виды вооружения устаревали гораздо быстрее, чем раньше; это требовало все новых усилий и затрат, направленных на то, чтобы не отстать. Другой исходной данностью был очень быстрый рост населения. На фоне почти повсеместно действовавшей всеобщей военной обязанности уже сам по себе рост населения приводил к росту численности армии

и являлся важным фактором в гонке вооружений; отставания и сдвиги в соотношении сил заставляли политиков и военных в разных странах предпринимать дополнительные усилия с той же целью — не отстать. За десять лет с начала XX в. вооружения в Германии увеличились на 20%, в России — на 60%, в Италии — на 50%, во Франции и Англии — на 30%. Однако с 1910 по 1914 гг. Германия и Австро-Венгрия увеличили свои вооружения еще в два раза.

Особенное значение имела разная динамика роста вооружений в отдельных странах. В условиях «вооруженного мира» в Европе начала века казалось, что любое отставание чревато катастрофой и его следует предотвратить любой ценой — даже ценой войны. Такой образ мысли был особенно характерен для немцев.

Характерной чертой международных отношений накануне Первой мировой войны стал рост влияния на политические решения военных. Специфика современной войны как войны массовых армий, новых возможностей транспорта и качественно новых вооружений привела к феномену долгосрочного и тщательного планирования военных действий. По прусскому образцу по всей Европе учреждаются Генеральные штабы, включающие в себя тысячи специалистов, которые занимаются тщательной разработкой военных планов, созданием мобилизационных механизмов и т. д.

Эти планы и механизмы требовали соблюдения точных сроков и заранее заданных направлений, что сковывало свободу действия политиков.

С 1905 г. начался новый виток гонки вооружений на море. К этому времени англичане уже не могли выдерживать принятую в 1889 г. доктрину «стандарта двух флотов», согласно которой военно-морской флот Англии должен был численно превосходить два следующих за ней флота. Тем не менее, несмотря на все морские программы, англичан и немцев по-прежнему разделяла пропасть — к 1905 г. Англия имела 52 линкора, а Германия — лишь 24; 35 английским тяжелым крейсерам немцы могли противопоставить только 8. В 1906 г. в Англии был спущен на воду «Дредноут» — корабль нового класса. Благодаря использованию паровой турбины он был существенно быстрее обычных линкоров, но главное — обладал качественно новой боевой мощью.

Однако скоро ликование англичан сменилось разочарованием. Поскольку «дредноуты» в значительной степени обесценили корабли иных типов, гонка вооружений взяла новый старт и теперь отсчитывалась уже в «дредноутах». Это означало, что отставание Германии, прежде составлявшее десятилетия, стало исчисляться в лучшем случае годами. Уже в том же 1906 г. на немецких верфях был заложен первый корабль класса «дредноут».

Началась отчаянная гонка вооружений. Немцы старались достать англичан с помощью трех флотских «новелл» 1906, 1908 и 1912 гг., переориентировавших морской закон 1900 г. на строительство «дредноутов». Однако в итоге даже по «дредноутам» Германии так и не удалось сравняться с Англией.

Англичане неоднократно пытались ограничить гонку морских вооружений политическими методами. В 1907 г. они использовали для этого вторую Гаагскую конференцию, но столкнулись с категорическим отказом немцев. В 1908 г. переговоры велись во время визита

Эдуарда VII в Германию — но кайзер заявил, что Германия готова защищать свою морскую программу даже военной силой. Наконец, неудачей закончилась и «миссия Холдена» в Берлин в 1912 г. Английский военный министр Холден предложил германскому канцлеру Бетману-Гольвегу идею снижения темпов реализации германской морской программы как условие возможного в дальнейшем политического соглашения с Англией. Однако немцы предметом подобного соглашения считали английский нейтралитет, в том числе и в случае упреждающей войны Германии с Францией или Россией. Кроме того, Тирпиц и Вильгельм II не желали отказываться от морской программы. «Я показал англичанам, что трогать наши вооружения — это все равно что кусать гранит», — заявил кайзер. В результате «миссия Холдена», последняя попытка англо-германского сотрудничества, закончилась крахом.

Главный политический вывод из англо-германского морского соперничества, подтвержденный неудачей всех попыток урегулирования дипломатическими методами, был сделан еще в январе 1907 г. в «меморандуме Кроу». Этот документ, написанный чиновником английского МИДа Э. Кроу и одобренный Эдуардом VII и министром иностранных дел Э. Греем, стал самым ярким свидетельством пересмотра прежней английской политики: Германия однозначно воспринимается как главная угроза Англии, для борьбы с которой она должна иметь союзников на континенте: «Соединение внутри одного государства сильнейшей сухопутной армии и сильнейшего военно-морского флота вынудит весь мир объединиться, чтобы избавиться от этого кошмара».

Для полутора-двух десятков лет перед войной характерна специфическая духовная атмосфера — отсутствие чувства устойчивости, стабильности, постоянное ощущение надвигающихся изменений. В это время теряются многие ориентиры, с одной стороны, социальные, что было связано с последствиями Промышленного переворота и изменением самой социальной структуры общества, с другой — культурные и духовные, лишившиеся прежней убедительности под воздействием новой научной картины мира, дальнейшего отступления религии, беспрецедентного многообразия предлагавшихся философских, эстетических, художественных концепций. Живший тогда немецкий философ Э. Трёльч передал это состояние короткой фразой: «Все шатается».

В подобной обстановке всеобщей неопределенности особенный вес приобрел национализм, во многом выступивший новым ориентиром и мерилom ценностей. К этому времени расширилась его социальная база, что было связано как с успехами распространения национальной идеи вследствие роста грамотности, так и с активной поддержкой его со стороны государства. Национальные качества теперь воспитываются с детства: во Франции создаются «школьные батальоны», марширующие пока с деревянными ружьями, в Германии — Школьный союз, в Англии — движение бойскаутов с провозглашенной его основателем целью «быть кирпичиками в стене великого предприятия — Британской империи». Менялись и организационные формы национализма. В эту эпоху носителем национа-

лизма стали массовые организации, объединения, партии, которые осуществляли национальную агитацию целенаправленно и систематически. Прежнее национальное движение не знало организаций таких масштабов. Они возникали во всех странах: в Англии — «Морская лига» и «Более великая Британия», в Италии — «Общество Данте Алигьери» и «Итальянская националистическая ассоциация», во Франции — «Патриотическая лига» и «Аксьон франсез» и т. д. Наиболее ярким примером была Германия, в которой «Пангерманский союз», «Немецкое колониальное общество» и другие организации общегерманского масштаба дополнялись десятками тысяч мелких местных национальных объединений. В целом националистические организации всех уровней насчитывали в Германии накануне мировой войны более 5 млн человек, что было в два раза больше, чем численность всех членов профсоюзов вместе взятых. Чаконец, менялось и идейное содержание национализма, взявшего на вооружение идеи расизма и социал-дарвинизма. В глазах националистически настроенного общественного мнения нации на международной арене вели борьбу уже не за какие-то абстрактные принципы, а за само свое существование, и война казалась главным средством этой борьбы.

Помимо социал-дарвинизма к войне подталкивали и другие научные, а чаще псевдонаучные теории. В этом духе были выдержаны представления нового беллицизма о том, что война «является биологической необходимостью, регулятором жизни людей», «необходимой хирургической операцией» для искоренения пороков современного общества либо же «очищающим огнем», нужным для обновления культуры. С публикации в 1897 г. «Политической географии» немца Ф. Ратцеля начала свою историю геополитика. Тезис Ратцеля о том, что вся история — это «перманентная борьба за жизненное пространство», стал одним из обоснований немецкой экспансии от Вильгельма II до Гитлера. Другим вариантом геополитики была концепция «морской силы» американского морского офицера А. Т. Мэхэна, опубликовавшего в 1890 г. необычайно популярную книгу «Влияние морской силы на историю». Мэхэн считал, что положение великой державы зависит в первую очередь от ее «морской силы»; сила, а не международное право должна главенствовать на мировой арене, поскольку «закон — хороший слуга, но плохой господин»; война же — ненарушаемое божественное право наций. Любопытно, что именно этого человека американцы отправили в составе своей делегации на Гаагскую конференцию мира в 1907 г., где он — единственный — выступил против запрета на использование в войне отравляющих газов.

Вместе с тем противоречивый духовный климат эпохи рождал не только сторонников войны, но и ее противников. Развивалось пацифистское движение, одним из лидеров которого была Берта фон Зутнер, австрийская писательница, автор знаменитого романа «Долой оружие». Мощным антивоенным потенциалом обладало международное социалистическое и рабочее движение. Социалисты считали войны порождением капитализма — по выражению французского социалиста Ж. Жореса, «капитализм несет в себе войну подобно туче, скрывающей грозу». Будучи противниками капитализма, они объявляли себя и противниками войны, принимали соответствующие резо-

люции на своих конгрессах, как, например, на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 г. Однако ближайшее будущее показало, что верность нации даже для социалистов оказалась важнее идеологических убеждений. В целом национализм к началу Первой мировой войны проявил себя как безусловно доминирующая духовная и идеологическая сила, оказывавшая серьезное влияние на внешнюю политику и, наоборот, получавшая от нее дополнительную пищу. Особенно это проявлялось во времена международных кризисов, почти непрерывной цепью продолжавшихся вплоть до войны.

Боснийский кризис 1908 г.

Новым звеном этой цепи стал Боснийский кризис 1908—1909 гг. На протяжении нескольких лет до его начала ситуация на Балканах все более накалялась. После поражения в русско-японской войне Балканы вновь превратились в приоритет русской внешней политики, что привело к росту напряженности в отношениях с Австро-Венгрией и в конечном итоге к краху тактики «совместных действий». Одним из источников противоречий стал, в частности, австрийский план проведения железной дороги через разделявший Сербию и Черногорию Новопазарский санджак, что явилось бы дополнительным препятствием планам объединения этих двух югославянских государств и привело к дальнейшему укреплению экономических и политических позиций Австро-Венгрии на западе Балкан. В ответ Россия выдвинула проект Дунайско-Адриатической дороги через Сербию. К началу войны ни один проект так и не был осуществлен.

Однако главным очагом напряженности на Балканах были взаимоотношения Австро-Венгрии и Сербии. В 1903 г. в результате переворота к власти в Белграде пришла династия Карагеоргиевичей, которая взяла антиавстрийский курс. Ситуация еще более осложнилась в связи с началом «свиной войны» — попытки Австро-Венгрии вернуть Сербию в кильватер своей политики с помощью фактической экономической блокады страны, поставлявшей львиную долю своей сельскохозяйственной продукции, главным образом свиней, на австрийский рынок. Сербия выстояла благодаря экономической поддержке Италии, России и особенно Франции, и в 1911 г. таможенные ограничения были сняты. Главная же проблема австро-сербских отношений состояла в полной несовместимости и даже противоположности их внешнеполитических целей. Австро-Венгрия продолжала оставаться дуалистической многонациональной империей, в то время как белградские политики ставили цель создания крупного югославянского государства под руководством Сербии. Поскольку реализация планов Сербии привела бы к отделению югославянских провинций империи Габсбургов и к ее полному государственному краху, в Вене пришли к твердому убеждению, что Сербия не должна получить никаких территориальных приращений, а в перспективе ее следует ликвидировать как самостоятельное государство.

В свете австро-сербского противостояния особое значение приобрела проблема Боснии и Герцеговины. Оккупированные австрийцами еще в 1878 г., эти турецкие провинции не были включены в состав Австро-Венгрии из-за сопротивления венгров, опасавшихся нарушения баланса между западной и восточной половиной империи

Габсбургов, а также в связи с нежеланием политиков в обеих половинах империи увеличивать удельный вес ее югославянского населения. Однако после выхода Сербии из-под австрийского влияния ситуация в корне переменялась. Босния и Герцеговина были одной из главных целей сербского правительства, достижение которой привело бы к образованию крупного югославянского государства, на протяжении сотен километров граничившего с югославянскими провинциями Австро-Венгрии. В этих условиях в Вене решили предпочесть меньшее зло большему и аннексировать Боснию и Герцеговину. При этом часть венских политиков связывало с аннексией планы трансформации Австро-Венгрии в триалистическое государство, в котором наряду с немцами и венграми значительные права самоуправления получили бы югославянские народы. Тем самым создавался бы противовес усилившимся претензиям венгров на независимость, а великосербские планы лишались бы всякой почвы.

Дополнительным толчком к обострению ситуации на Балканах стала младотурецкая революция лета 1908 г., отрешившая от власти султана Абдул Гамида. Возникли опасения, что внутренний кризис Турции может послужить сигналом для национальных движений балканских народов с непредсказуемыми последствиями. С другой стороны, младотурки заявляли о необходимости вернуть Боснию и Герцеговину в состав турецкого государства. В этих условиях Австро-Венгрия и Россия, две самые заинтересованные стороны, решили договориться между собой для обеспечения своих интересов.

Понимая, что Россия, еще не восстановившая силы после поражения от Японии и революции, не могла реально противостоять австрийским планам, Извольский решил использовать эту ситуацию и добиться от Австро-Венгрии поддержки в вопросе проливов. Еще во время англо-русских переговоров 1907 г. он получил неопределенное и никак не зафиксированное согласие англичан на изменение их позиции относительно проливов. На встрече с австрийским министром иностранных дел А. Эренталем в сентябре 1908 г. Извольский согласился на аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в обмен на обещание поддержать «русскую формулу» режима проливов — свободный проход военных судов России и других причерноморских стран.

После встречи с Эренталем Извольский отправился в европейское турне с целью подготовить почву для осуществления своего плана, в ходе которого его ждало полное фиаско. Италия, Германия и Франция ответили уклончиво, а министр иностранных дел Англии Э. Грей, ссылаясь на общественное мнение, выразил категорическое несогласие, фактически разом перечеркнувшее все надежды России. 7 октября 1908 г. Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины, ставшей полной неожиданностью для Извольского, который надеялся на то, что Австро-Венгрия и Россия заявят о своих претензиях одновременно. В целом он действовал весьма неосмотрительно — ограничился только устными заверениями Эрентала, не согласовал свои действия ни с правительством и Николаем II, ни с другими державами; сделка с Австро-Венгрией привела к падению престижа России у балканских народов, а общественным мнением в самой России была воспринята как предательство интересов славянства. Для спасения лица России и своего собственного Извольский

был вынужден оправдываться через печать, подчеркивая, что речь шла лишь об обмене мнениями, само же решение о судьбе Боснии и Герцеговины должно быть принято на международной конференции и при условии компенсации балканским государствам. Подобные объяснения еще больше поощрили и без того возмущенную Сербию, которая заявила протест, начала подготовку к военным действиям и обратилась за помощью к России. В марте 1909 г. германский посол получил инструкцию предъявить России беспрецедентный по резкости ультиматум: «Вы должны сказать Извольскому в определенной форме, что мы ожидаем точного ответа — да или нет; любой уклончивый или неясный ответ мы будем рассматривать как отказ». Собственная слабость и неготовность союзников идти на войну с Германией вынудили Россию признать аннексию; под австрийским давлением это сделала и Сербия. Кризис закончился.

Итоги и значение кризиса

Боснийский кризис особенно отчетливо показывает европейскую ситуацию и ту роль, которую в ее развитии играли кризисы. Как уже отмечалось, угроза войны была часто связана не столько с противостоянием блоков самих по себе, сколько с их недостаточной монолитностью. И Россия, и Австро-Венгрия преследовали свои частные интересы, фактически поставив своих союзников перед свершившимся фактом. Далее сработала логика блокового противостояния, способная привести к войне. Показательна и роль малого государства — Сербии, чьи национальные амбиции могли сыграть роль спускового механизма, который привел бы в движение Австро-Венгрию и Россию, а те — стоявшие за ними блоки.

В 1908—1909 гг. этот сценарий не состоялся из-за уступчивости не восстановившей свои силы России и недостаточной поддержки ее со стороны союзников. Однако результат оказался таковым, что потерпевшая «дипломатическую Цусиму» Россия была преисполнена решимости не делать этого в следующий раз; союзники же, опасавшиеся, что разочарованная Россия может перейти в противоположный лагерь, были готовы оказать ей в будущем более серьезную поддержку.

Более частный результат кризиса для России заключался в том, что существенный урон был нанесен ее престижу и влиянию на Балканах. Позиции же Австро-Венгрии, казалось, окрепли: в октябре 1908 г. с ее ведома произошло провозглашение независимости Болгарии; с турками также удалось добиться примирения — в обмен на возвращение Новопазарского санджака, также оккупированного в 1878 г. австрийскими войсками, и 2,5 млн турецких фунтов турки признали аннексию. Однако в реальности монархии Габсбургов за внешний успех в Боснийском кризисе пришлось заплатить гораздо более высокую цену — цену непримиримой вражды Сербии, обострения югославянского вопроса внутри Австро-Венгрии и необратимого ухудшения отношений с Россией, положившего конец тактике «совместных действий».

Боснийский кризис способствовал более тесному внутреннему сплочению австро-германского блока. Изоляция на Альхесирасской конференции 1906 г. показала Германии, что ее единственным надежным союзником является Австро-Венгрия, поэтому ее поддержка

при любых обстоятельствах стала максимой немецкой политики. Более того, в ходе Боснийского кризиса сами условия союза претерпели важное изменение. В ответ на запрос начальника австрийского Генерального штаба Конрада фон Хётцендорфа его германскому коллеге Мольтке последний с согласия канцлера Бюлова заверил, что Германия поддержит Австро-Венгрию даже в том случае, если та нападет на Сербию и это вызовет вмешательство России. Подобное изменение полностью противоречило духу и букве австро-германского союза 1879 г. и явилось точным предвосхищением событий Июльского кризиса 1914 г.

Соглашения в Раккониджи и Потсдаме

Еще одним последствием Боснийского кризиса с точки зрения блокового противостояния стал очередной шаг Италии по направлению к Антанте. Возмущенная аннексией Боснии и Герцеговины Италия, сама претендовавшая на западные Балканы, пошла на соглашение с Россией о совместном противодействии Австро-Венгрии на Балканском полуострове. Во время визита Николая II в Италию в октябре 1909 г. было достигнуто *соглашение в Раккониджи* в форме обмена письмами двух министров иностранных дел, по которому Россия и Италия обязывались сохранять статус-кво на Балканах; применять принцип национальности для развития балканских государств, исключая возможность всякого иностранного господства; действовать на Балканах сообща; «благожелательно относиться», соответственно, к русским интересам в проливах и к итальянским интересам в Триполитании и Киренаике.

Одновременно в России решили несколько смягчить противоречия с Германией. В сентябре 1910 г. ушел в отставку Извольский, и его место занял С. Д. Сазонов, принявший более осторожный курс по отношению к австро-германскому блоку. В начале 1910 г. Россия и Австро-Венгрия заявили совместную декларацию о сохранении статус-кво на Балканах, а в ноябре того же года Николай II нанес визит Вильгельму II в Потсдам.

На переговорах в Потсдаме Сазонов стремился урегулировать русско-германские отношения там, где они непосредственно соприкасались, — в вопросе Персии, к которой немцы хотели провести ответвление Багдадской железной дороги. Сазонов опасался, что последствием этого решения может стать появление Германии как нового экономического и политического конкурента России в Персии.

Визави Сазонова на переговорах, сменивший Бюлова новый канцлер Т. Бетман-Гольвег наряду с конкретным персидским вопросом преследовал и более широкую цель, а именно — оторвать Россию от Антанты. В Берлине по-прежнему надеялись на эффективность силовой дипломатии: дав России в Боснийском кризисе почувствовать всю тяжесть ударов Германии и несостоятельность надежд на помощь союзников, немцы полагали, что Россия стала более уступчивой. Поэтому Бетман-Гольвег предложил подписать общеполитическое соглашение, по которому Россия и Германия обязались бы не участвовать во враждебных друг другу группировках. Не желая прямым отказом вновь обострять русско-германские отношения, Сазонов уклонился от ответа, однако через некото-

рое время германский канцлер, чтобы отрезать России пути к отступлению, выступил в рейхстаге с утверждением, что такая договоренность достигнута. Англия и Франция, и без того обеспокоенные фактом визита Николая II в Потсдам, сделали официальные запросы в Петербург. В итоге Россия и Германия ограничились подписанием только соглашения непосредственно по персидскому вопросу.

По *Потсдамскому соглашению* 1911 г. (подписанному в Петербурге, но разработанному еще в Потсдаме), Россия обязывалась не препятствовать строительству Багдадской железной дороги и ее ответвлению до Ханекена — пограничного пункта на турецко-персидской границе. Для соединения с внутренними областями Персии должна была служить железная дорога от Тегерана до Ханекена, на строительство которой Россия обещала добиться концессии от Персии. Германия признавала исключительно коммерческий характер своих интересов в Персии, а также «специальные интересы» России в этой стране. В целом соглашение представляло собой уступку со стороны России, хотя и способствовало некоторому смягчению русско-германских противоречий. Очередная попытка Германии расколоть Антанту не удалась. Однако скоро Германия осуществила новую попытку.

Агадирский кризис 1911 г.

Внешнеполитический кругозор германских политиков все более сужался из-за представления об «окружении» Германии. Еще на рубеже веков Германия могла себе позволить проводить политику «свободных рук», не исключавшую, в частности, сближения с Англией или Россией. Подобные возможности вытекали из наличия колониальных противоречий между странами будущей Антанты. Однако с урегулированием этих противоречий германская внешняя политика утратила прежнюю свободу маневра. В Берлине не понимали, что формирование Антанты в значительной степени стало ответом на германскую политику претензий и угроз, считали «окружение» следствием английских интриг и пытались разорвать его, используя либо провоцируя кризисы, — но в реальности добиваясь лишь сплочения рядов своих противников. Наиболее ярким примером подобной «политики блефа», по выражению статс-секретаря германского ведомства иностранных дел Кидерлена-Вехтера, явился *Агадирский, или второй Марокканский кризис* 1911 г.

Ситуация в Марокко к 1911 г. регулировалась не только решениями Альхесирасской конференции, но и специальным франко-германским соглашением по Марокко от февраля 1909 г., согласно которому еще раз декларировалось экономическое равноправие всех наций в Марокко, хотя одновременно признавалось политическое преобладание Франции. Это была уступка Германии Франции перед лицом шедшего тогда Боснийского кризиса. Новое обострение марокканской проблемы было связано с оккупацией под предлогом борьбы с восстаниями столицы Марокко Феца войсками Франции, не отказавшейся от мысли полного подчинения себе Марокко.

В Берлине сочли момент удачным и осознанно спровоцировали кризис. Главным режиссером выступил Кидерлен-Вехтер, который устроил кампанию протеста в прессе, инспирировал обращения не-

мецких промышленников с просьбой о защите их интересов в Марокко и, наконец, организовал знаменитый «прыжок пантеры» — отправку в марокканский порт Агадир канонерской лодки «Пантера» в июле 1911 г. «Прыжок пантеры» произошел без предупреждения и представлял собой явную угрозу, тем более что ее смысл был не совсем ясен. Некоторое время немцы выжидали, надеясь, что Франция под воздействием этой угрозы сама выступит с какими-то предложениями; когда же их не последовало, они потребовали в качестве компенсации за нарушение Францией Альхесирасских соглашений все Французское Конго — требование настолько несоразмерное, что в Европе его восприняли как поиски Германией повода к войне. И вновь ожидания Германии на сдержанную позицию Великобритании и ослабление Антанты оказались обманутыми. Англичане ни в коем случае не хотели допустить появления немцев по соседству с Гибралтаром и лишиться союзника в лице Франции. Выразителем английской позиции на этот раз выступил Д. Ллойд-Джодж, будущий премьер, а тогда министр финансов Англии. В публичной речи он, по сути, угрожал Германии войной. В результате немцы отступили.

В ноябре 1911 г. был подписан *договор Марокко—Конго*. Германия согласилась с провозглашением протектората Франции над Марокко и введением туда ее войск при сохранении принципа экономического равноправия в Марокко всех государств. В обмен Франция уступала Германии приграничные Камеруну участки Французского Конго.

В целом второй Марокканский кризис, как и предыдущий, закончился лишь видимой победой Германии. Угрозы войной на государственном уровне и огромный всплеск националистических настроений во всех трех непосредственно заинтересованных странах привели к резкому ухудшению международного климата в Европе, затруднявшему поиски компромисса в дальнейшем. Кризис подтолкнул гонку вооружений и военное сотрудничество держав отдельных блоков. В частности, его непосредственным результатом стало военно-морское соглашение 1912 г. между Францией и Англией, согласно которому английский средиземноморский флот перебазировался в Северное море, к германским берегам, а защиту английских интересов в Средиземном море брали на себя французы. Агадирский кризис отчетливо продемонстрировал, что собственно колониальные противоречия отходят на второй план перед логикой блокового противостояния, перемещающей конфликты из периферии в Европу. Наконец, Агадирский кризис положил начало новому обострению международной ситуации в бассейне Средиземного моря.

Итало-турецкая война 1911—1912 гг. и проблема проливов

Фактическое положение Италии между двумя блоками предопределило успех попытки захватить лежащие напротив итальянских берегов по ту сторону Средиземного моря Триполитанию и Киренаику, находившиеся под сюзеренитетом турецкого султана. Внешнеполитические обстоятельства были близки к идеальным: Франция и Россия согласились на этот захват еще, соответственно, в 1900 и в 1909 гг., Австро-Венгрия только приветствовала занятость Италии так далеко от собственных населенных итальянцами провин-

ций, Германия не могла оттолкнуть своего ненадежного союзника. Агадирский кризис и вовсе отвлек на себя все внимание Германии и Англии. В этих условиях в конце сентября 1911 г. Италия направила Османской империи ультиматум с требованием передать Триполитанию и Киренаику в итальянские руки и после турецкого отказа объявила войну.

Итальянские войска легко разбили турецкие части, но столкнулись со значительным сопротивлением местных арабских племен. Желая вынудить турок к миру, итальянские корабли обстреливали прибрежные города Османской империи, захватили Додеканесские острова и блокировали Дарданеллы. Итоги войны подвел *Лозаннский мирный договор* 18 октября 1912 г., по которому султан уступал Италии Триполитанию. Итальянцы должны были вернуть Додеканесские острова, однако обязательства не выполнили. Вновь присоединенные территории получили античное наименование «Ливия» — тем самым итальянцы хотели подчеркнуть свои исторические права как наследников Римской империи на эти земли.

Значение итало-турецкой войны, мало что изменившей в расстановке сил между двумя блоками, заключалось не столько в ее непосредственных результатах, сколько в том, что она еще больше ослабила Османскую империю и тем самым способствовала оживлению проблем, обладавших куда большей стратегической значимостью.

Одной из них была проблема проливов. Урон, понесенный русской торговлей в связи с кратковременной блокадой проливов итальянским флотом, лишний раз показал важность этой проблемы для России. По мнению Петербурга, настал благоприятный момент для ее разрешения, поскольку Турция ослабла, Италия дала согласие на поддержку России в вопросе проливов еще в 1909 г., а согласия Франции надеялись добиться путем ее поддержки в Агадирском кризисе.

В октябре 1911 г. русский посол в Константинополе Н. В. Чарыков предложил турецкому правительству проект соглашения, согласно которому Россия снимала ограничения на строительство железных дорог в Северной Анатолии, вытекавшие из русско-турецкого договора 1900 г., и выражала готовность помогать Турции в защите Босфора, Дарданелл и прилегавших территорий. Взамен Турция должна была не препятствовать проходу через проливы русских военных судов.

Ключевое значение для судьбы «демарша Чарыкова» имела позиция Англии. Франция и Италия в общей форме выразили согласие с планами Петербурга, втайне надеясь на отрицательную позицию Англии и срыв всего дела; так же поступили Германия и Австро-Венгрия, раздраженные перспективой укрепления русского влияния на Босфоре, но не желавшие «таскать каштаны из огня для Англии»; в Лондон же направило запрос о русском плане и турецкое правительство. Грей, как и три года назад, заявил, что согласится с русским предложением, если разрешение прохода военных кораблей через проливы коснется всех держав. Поскольку такой вариант для России был еще более неприемлемым, чем существовавший, в Петербурге предпочли дезавуировать «демарш Чарыкова» как личную инициативу посла, его отозвали со своего поста, а проблема проливов больше не поднималась вплоть до Первой мировой войны.

войны 1912—1913 гг.

Эти войны были подготовлены созданием второго (после неудачного опыта 60-х гг. XIX в.) Балканского союза, чье возникновение связывалось с двумя побудительными мотивами. С одной стороны, Россия с 1908 г. проводила курс на кооперацию балканских государств с целью противодействия росту австро-германского влияния на Ближнем Востоке. В случае же войны с Австро-Венгрией и Германией против них мог бы быть открыт, наряду с восточным и западным, еще и балканский фронт с армией, насчитывавшей не менее 500 тыс. штыков. С другой стороны, речь шла о территориальных амбициях самих балканских государств. С самого начала этот курс был чреват опасностями, во-первых, потому, что он означал вызов не только Турции, но и Австро-Венгрии, во-вторых, поскольку мечты о «Великой Сербии», «Великой Греции», «Великой Болгарии» не согласовывались друг с другом и могли превратить Балканы в постоянный очаг войны и нестабильности в Европе.

В марте 1912 г. при русском посредничестве был подписан сербско-болгарский оборонительный договор, направленный также против посягательств какой-либо великой державы — очевидно имелась в виду Австро-Венгрия — на земли под властью Турции. В секретном приложении оговаривался будущий раздел Европейской Турции: Сербия получала земли на северо-западе (Косово, Метохию, Новопазарский санджак), а Болгария — часть Фракии. Главным яблоком раздора оставалась Македония, восточная часть которой признавалась за Болгарией, северо-западная — за Сербией, однако в предвидении споров о конкретных землях стороны договорились предоставить окончательное решение арбитражу русского императора.

Этот договор составил ядро Балканского союза. В мае состоялось подписание греко-болгарского договора, носившего ярко выраженный антитурецкий характер, а в сентябре к союзу присоединилась Черногория. Второй Балканский союз был создан.

Россия предназначала Балканскому союзу в первую очередь роль потенциального противника Австро-Венгрии на Балканах и не хотела немедленной войны против Турции. Балканские же страны, несмотря на присутствовавший в связывавших их договорах антиавстрийский акцент, главное назначение союза видели в дележе турецкого наследства. Несмотря на все предостережения из Петербурга, правительства балканских стран встали на курс конфронтации с Османской империей, в качестве предлога потребовав от нее проведения масштабных реформ в Македонии. Пытаясь остановить надвигающуюся войну, Россия и Австро-Венгрия выступили с совместной декларацией соответствующего содержания, однако в начале октября 1912 г. Черногория открыла боевые действия против Турции; за ней последовали союзники. Балканская война началась.

Положение Турции к началу войны было близким к критическому. Турецкое общество продолжало оставаться расколотым после младотурецкой революции. Большую проблему представляло собой албанское национальное движение, требовавшее автономии в рамках вилайетов Македонии и летом 1912 г. поднявшее очередное воору-

женное восстание. Страна была ослаблена войной с Италией, только-только близившейся к завершению.

Союзные войска быстро разгромили турецкую армию, причем их победы в двух направлениях стали поводом для забот европейской дипломатии — болгары двигались к Константинополю, чего не могла допустить Россия, а сербы прорывались к Адриатике, против чего категорически выступала Австро-Венгрия.

В Петербурге не хотели ни утверждения в Константинополе болгарского царя Фердинанда, известного своими австрийскими и германскими симпатиями, ни возможной передачи проливов под международный контроль, в котором из-за мощи своего флота первую скрипку играла бы Англия. Однако к ноябрю 1912 г. вопрос о проливах решился сам собой, поскольку турецкой армии удалось остановить болгарские войска на подступах к Константинополю.

Гораздо более сложной и взрывоопасной была ситуация со стремлением Сербии овладеть выходом к Адриатическому морю. Австро-Венгрия считала подобное расширение и укрепление потенциала государственной мощи Сербии вопросом войны и при помощи Италии, также не заинтересованной в появлении на берегах Адриатики нового конкурента, пыталась перегородить Сербии путь к морю с помощью создания нового государства — независимой Албании. Австро-сербские отношения вновь балансировали на грани войны. Эта грань не была пройдена благодаря позиции Германии и России, оказавших умеряющее воздействие, первая — на Австро-Венгрию, вторая — на Сербию.

В декабре 1912 г. в Лондоне началась конференция послов великих держав, согласно решениям которой создавалась автономная Албания под сюзеренитетом султана, преграждавшая выход Сербии к морю, однако Сербия получила право «свободного использования» в коммерческих интересах одного из портов на Адриатическом побережье.

Параллельно с конференцией великих держав в Лондоне начались мирные переговоры Турции с ее противниками, однако они были прерваны в связи с возобновлением войны. К тому же в конце апреля 1913 г. начался новый кризис в связи с занятием черногорскими войсками Шкодера — наиболее важного из албанских городов. Несмотря на решения конференции великих держав и на морскую демонстрацию пяти из них (без России), черногорский князь Никола упорствовал в своем желании сохранить город за собой — по выражению Сазонова, он «был готов разжечь огонь мировой войны, чтобы поджарить себе на нем яичницу». Кризис действительно принял серьезный оборот. Австрийские армии на юге были переведены на военное положение, но их выступление против Черногории привело бы к столкновениям с Сербией, а Россия предупредила, что не потерпит этого. Однако в итоге Черногория отступила.

30 мая 1913 г. был подписан *Лондонский мирный договор*, по которому Османская империя лишалась всех своих европейских владений севернее линии Энос — Мидия, а также о. Крита, который передавался Греции. Пятивековая история турецкого преобладания на Балканах закончилась.

Вторая Балканская война

Лондонский договор оставлял нерешенным целый ряд территориальных вопросов, в частности принадлежность занятых грека-

ми островов в Эгейском море, границы Албании и др. Главное же заключалось в том, что практически каждый из союзников чувствовал себя обделенным: Черногория стремилась присоединить Шкодер; Сербия претендовала на Вардарскую Македонию, по сербско-болгарскому договору 1912 г. признававшуюся болгарскими владениями; болгары и греки оспаривали друг у друга Салоники и побережье Эгейского моря; компенсаций для себя за счет Болгарии потребовала Румыния. По Петербургскому протоколу 9 мая 1913 г. Румыния уже получила Силистрию в качестве компенсации за территориальные приращения других балканских государств, однако теперь ее аппетиты простирались и на Южную Добруджу. Таким образом в центре территориальных претензий со стороны бывших союзников и Румынии оказалась Болгария. Уже буквально на следующий день после подписания Лондонского мира бывшие союзники начали готовиться к войне за пересмотр его условий уже между собой — 1 июня 1913 г. был подписан греко-сербский союз, к которому присоединилась и Румыния.

Если в ходе первой Балканской войны Россию и Австро-Венгрию связывала общая заинтересованность в ее скорейшем прекращении, то теперь их позиции оказались диаметрально противоположными. Россия всеми силами стремилась сохранить Балканский союз, необходимый ей как опора в случае возможной в будущем войны с Австро-Венгрией. Напротив, австрийская и германская дипломатия стремилась расколоть Балканский союз и противопоставить Сербии — союзнице России — Болгарию как свою собственную союзницу в дополнение к уже шедшей в австрийском кильватере Румынии и ориентировавшейся на Германию Турции. Побуждаемая надеждами на то, что Австро-Венгрия удержит от войны союзную Румынию и окажет всемерную помощь, Болгария 29 июня 1913 г. напала на Сербию и Грецию, развязав, таким образом, вторую Балканскую войну. Ее расчеты оказались ошибочными. В июле в войну вступила Румыния, более того, воспользовавшись ситуацией, в тыл болгарам ударила только что побежденная Турция. Болгария срочно запросила мира.

10 августа 1913 г. был подписан *Бухарестский мир* Болгарии с Сербией, Грецией, Черногорией и Румынией. Болгария потеряла почти все приобретения в Македонии по предыдущей войне. Сербия получила северную и центральную часть Македонии, а Греция — южную с портом Салоники. В пользу Румынии от Болгарии отторгалась Южная Добруджа. В конце сентября 1913 г. Болгария подписала *Константинопольский мир* с Турцией, по которому та вернула себе Восточную Фракию с Адрианополем.

Балканы к 1914 г.

Балканские войны привели к коренному изменению ситуации в регионе. Прежде всего балканские государства перестали в такой степени, как раньше, следовать указаниям своих покровителей в европейских столицах, начали проявлять больше самостоятельности в политике, которая главным образом диктовалась безудержными национальными амбициями.

Эта потенциально опасная ситуация усугублялась сдвигами в региональном соотношении сил. Сербия, увеличив свою территорию почти в два раза, заявила о себе как о региональном лидере и с тем большей настойчивостью выдвигала претензии на роль объединителя

югославянских земель. Болгария превратилась в главную ревизионистскую страну региона и, будучи противницей Сербии, — в потенциальную союзницу стран австро-германского блока. Напротив, Румыния стала отходить от Тройственного союза и превращаться в потенциального союзника Антанты. Иными словами, линия раскола Европы на два противоположных блока протянулась и до балканских государств, разделив их на две группы, — близкие Антанте Сербию, Черногорию, Грецию и Румынию, с одной стороны, и шедшие за Австро-Венгрией и Германией Болгарию и Турцию — с другой.

Абсолютной новостью было появление Албании в качестве независимого государства под гарантией всех шести великих держав, принявших решение об этом летом 1913 г. на конференции послов в Лондоне. Проблема албанских границ стала предметом длительных споров между великими державами и объектом претензий со стороны соседних балканских государств. В частности, Сербия вновь продемонстрировала опасную самостоятельность, заняв в октябре 1913 г. часть Албании на севере. Это вызвало очередное обострение отношений с Австро-Венгрией, направившей в Белград ультиматум о выводе войск, который Сербия приняла по настоянию России, желавшей избежать столкновения с монархией Габсбургов и стоявшей за ее спиной Германией.

В то же время собственно русско-германские отношения на рубеже 1913 и 1914 гг. испытали серьезный удар в связи с *миссией Лимана фон Сандерса*. По договоренности с Турцией этот немецкий генерал возглавил специальную немецкую миссию, которая должна была заняться реорганизацией турецкой армии, а сам Лиман — принять командование над турецким корпусом, расположенным по берегам пролива Босфор. Миссия Лимана и сопряженная с ней угроза проливам вызвала кризис русско-германских отношений, тем более что кайзер, со свойственной ему безответственной тягой к громким словам, заявил, что «скоро германские флаги взовьются над Босфором». В течение ста лет Россия мечтала о собственном контроле над проливами; приемлемым вариантом была Турция в роли слабого «привратника на Босфоре»; категорически недопустимым в Петербурге полагали господство над проливами со стороны великой европейской державы. Как заявил Николай II, «мы будем сопротивляться изо всех сил, даже если единственным выходом будет война». В итоге Лиман был произведен в фельдмаршалы, что позволило освободить его от командования корпусом, однако германская военная миссия осталась, и вместе с ней — угроза немецкого контроля над проливами.

Таким образом, к началу Первой мировой войны ситуация на Балканах решительным образом изменилась. Начавшийся XX в. застал на Балканах обычную картину: Россия и Австро-Венгрия, сотрудничая и соперничая, определяли политическую ситуацию. Боснийский кризис положил этому конец. За следующие шесть лет балканский узел постоянно затягивался, и в него вплетались новые нити — неконтролируемые амбиции малых государств, прямое столкновение русских и германских интересов, задействование в локальных конфликтах логики блокового противостояния. Все это превращало Балканы в подлинный «пороховой погреб» Европы — однако к нему вел длинный бикфордов шнур.

Роль бикфордова шнура играла вся цепочка предвоенных кризисов. Напряжение в Европе стало следствием длительных структурных противоречий — англо-германского, франко-германского, австро-русского и т. д. — кризисы же создали спусковой механизм для их разрядки в войне. Ретроспективный взгляд на предысторию войны отчасти искажает перспективу, заставляя на каждый кризис смотреть как на шаг к войне, хотя каждый из них одновременно свидетельствовал и о возможности дипломатического урегулирования кризисов, а Лондонская конференция послов 1913 г., казалось, возродила «европейский концерт», продемонстрировав возможности коллективного менеджмента кризисной ситуации. Однако в действительности каждый предыдущий кризис уменьшал шансы на успешное разрешение следующего, создавая тяжелый международный климат, возбуждая националистическое общественное мнение, подстегивая гонку вооружения, позволяя генералам говорить громче дипломатов и, что особенно важно, укрепляя противостоящие блоки.

В кризисах неоднократно доказывалась относительная самостоятельность членов союзов, чреватая, с одной стороны, тем, что один из союзников мог вовлечь других в нежелаемый ими конфликт, но с другой — позволявшая отказать в поддержке и тем самым смягчить ситуацию. Однако вместе с тем каждый кризис представлял собой испытание союзов на прочность и сопровождался почти паническим страхом потерять союзника, в очередной раз разочарованного отказом в поддержке. Как писал один из чиновников английского МИДа своему послу в Петербурге: «Меня преследует тот же страх, что и Вас: а вдруг Россия устанет от нас и заключит сделку с Германией?» Страх потерять союзника толкал к более решительной его поддержке в следующем кризисе.

Почти непрерывная спираль предвоенных кризисов (Марокко — 1905—1906 гг., Босния — 1908—1909 гг., Агадир — 1911 гг., итало-турецкий — 1911—1912 гг., Балканский — 1912—1913 гг., кризис Лимана фон Сандерса — 1913—1914 гг.) особенно туго стала закручиваться после Агадирского кризиса. Воспользовавшись им, Италия напала на Турцию; ослабление Турции привело к Балканским войнам, в результате которых усилилась Сербия, следствием чего, в свою очередь, явилось крайнее обострение австро-сербских отношений. Так цепь кризисов пришла на Балканы. Однако, как неоднократно показывали предыдущие обострения ситуации в этом регионе, самого факта австро-сербской конфронтации было недостаточно для ее перерастания в войну, решающее значение имели позиции сил, стоящих за спинами конфликтующих, соответственно, Германии и России. Особенно важной являлась роль Германии, хотя бы потому, что России приходилось оглядываться на своих союзников, решение же Германии фактически было окончательным и, как показала практика, роковым.

В критической обстановке осени 1912 г., когда сербские войска продвигались к Адриатике, Австро-Венгрия начала готовиться к войне, а Россия и Франция опасались перерастания ее в мировую, мир сохранился во многом благодаря четко обозначенной позиции Англии, заявившей о поддержке союзников. Казалось бы, во благо сработала уже упоминавшаяся недостаточная сплоченность союзов, по-

зволившая Германии отказать монархии Габсбургов в поддержке. Однако на этот раз все оказалось намного серьезнее.

Под воздействием английской угрозы 8 декабря 1912 г. Вильгельм II собрал совещание ведущих военачальников. Мольтке высказался однозначно: «Я считаю войну неизбежной, и чем раньше, тем лучше». Начальник германского Генерального штаба опасался, что неблагоприятная для Германии динамика гонки вооружений через 4—5 лет приведет к перевесу России, поэтому нужна превентивная война. Однако Тирпиц предложил отложить начало войны на полтора года, до завершения работ по расширению Кильского канала, которое позволило бы перебрасывать «дредноуты» из Балтийского моря в Северное, т. е. до лета 1914 г. За оставшееся время следовало подготовить армию и общественное мнение, а также поощрить Австро-Венгрию против Сербии, с тем чтобы спровоцировать Россию и выставить ее нападающей стороной. На этом и порешили.

Хотя по поводу значения «военного совета» 8 декабря 1912 г. ведутся споры, очевидно, что именно Германия, загипнотизированная угрозой «окружения», более чем какая-либо другая держава была готова пойти на риск мировой войны. Эта готовность, соединенная с давним желанием Австро-Венгрии разрубить балканский узел и покончить с Сербией, летом 1914 г. привела к катастрофе.

§ 3. Июльский кризис

Ситуация в Европе, сложившаяся к лету 1914 г., не была однозначной. Наряду с противоречиями и кризисами, в последние 2—3 года перед началом войны наблюдались и некоторые тенденции противоположного характера: в силу обнаружившейся бесперспективности теряла прежнюю остроту англо-германская гонка морских вооружений; вплоть до лета 1914 г. велись успешные англо-германские переговоры о Багдадской железной дороге; вновь обсуждалась возможность сотрудничества Англии и Германии в разделе португальских колоний в Африке; к той же тенденции смягчения противоречий могут быть отнесены соглашения 1911 г. о Марокко и о Персии, подписанные Германией, соответственно, с Францией и Россией. При наличии доброй политической воли война не была фатальной. Однако ход и течение Июльского кризиса превратили сопутствовавшую каждому предшествовавшему кризису возможность войны в реальность.

Несмотря на противостояние блоков, гонку вооружений, националистическое общественное мнение, мировая война не являлась закономерным и неизбежным следствием этих обстоятельств, что подтвердил мирный исход всех предыдущих кризисов. В конечном счете война стала продуктом человеческих решений в сложившихся конкретных исторических условиях, решений, диктовавшихся неповторимой смесью ошибочных расчетов, преувеличенных страхов и специфической военной логики.

**Сараевское убийство
и Австро-Венгрия**

Кризис начался с убийства австрийского наследника престола Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. в боснийском городе Сараево. Сам по себе нередкий в Европе того времени акт политического терроризма был истолкован в Вене как пря-

мая угроза австрийскому обладанию Боснией и территориальной целостности вообще. Австрийские политики решили, что настал подходящий момент для того, чтобы раз и навсегда разделаться с Сербией, не делавшей тайны из своих претензий на югославянские земли Австро-Венгрии и, как полагали в Вене, могущей стать центром нового Балканского союза, на этот раз направленного исключительно против монархии Габсбургов. Австро-Венгрия решила взять курс на войну с Сербией, в результате которой ее следовало либо вновь низвести до положения австрийского сателлита, как это было в 80-е гг. XIX в., либо уничтожить и разделить ее земли между соседями. При этом с самого начала в Вене совершенно отчетливо осознавали, что подобная «штрафная санкция» в отношении Сербии чревата вмешательством России и риском мировой войны, — и были готовы на этот риск пойти. Однако в сложившихся обстоятельствах особенно необходимой становилась твердая поддержка Германии. В Берлин с заданием выяснить позицию Германии был направлен сотрудник аппарата австрийского министра иностранных дел Л. Берхтольда А. Хойос.

Позиция Германии

В Германии также считали сараевское убийство необыкновенно удобным случаем. На полях донесения германского посла в Вене, в котором тот сообщал о своих попытках сдерживать страсти в Вене, Вильгельм II написал: «Теперь или никогда!», «С сербами должно быть покончено и быстро!». 6 июля прибывший в Берлин Хойос получил знаменитый «карт-бланш», т. е. обещание полной поддержки Австро-Венгрии, даже если за Сербию вступится Россия. Речь шла не просто о пассивной поддержке — немцы всячески подгоняли и поощряли австрийцев на скорейшее начало войны против Сербии. При этом в Берлине, как и в Вене, действовали с полным сознанием того, что подобный курс чреват большой войной. Заместитель германского министра иностранных дел откровенно сказал Хойосу, что выступление Австро-Венгрии против Сербии «с 90%-ной вероятностью» повлечет за собой европейскую войну. Сам Бетман-Гольвег, германский канцлер и одна из ключевых фигур в Июльском кризисе, заявил, что «акция против Сербии может привести к мировой войне».

Германия шла на риск мировой войны — ради чего? Мотивы германских политиков диктовались отнюдь не только трезвым расчетом, но и иррациональными ожиданиями и страхами. Первым и ближайшим побуждением было стремление сохранить единственного союзника, которому действительно угрожал ирредентизм Сербии. В более широкой перспективе речь шла о разрыве все того же пресловутого «окружения», которое в действительности являлось не чем иным, как самоизоляцией Германии из-за ее же собственной политики, суть которой коротко выразил Бетман-Гольвег: «Бросить вызов всем; встать у всех поперек дороги и на деле подобным способом не ослабить никого». Не сделав выводов из прежних неудач попыток разрушить Антанту путем угрозы войной одному из ее членов, немцы упрямо готовились повторить тот же опыт.

Особую роль сыграл страх перед русской угрозой. Немцев по-прежнему беспокоило возможное в будущем военное отставание от России, а также ее успехи в строительстве железных дорог, которые должны были сократить сроки мобилизации русской армии, в то

время как именно на преимуществе Германии в темпах мобилизации основывалось немецкое стратегическое планирование. В Берлине вызывало беспокойство и начавшееся военное сотрудничество России и Англии, в частности шедшие в мае 1914 г. переговоры о военно-морской конвенции между двумя странами. Однако не меньшее значение, чем соображения военного характера, имел страх иррациональный, обусловленный националистическими и социал-дарвинистскими настроениями. Под впечатлением успехов России в экономике, культуре, увеличения ее населения немцы опасались проиграть русским национальное «состязание». По сути, России вменялся в вину сам факт ее успешного роста. «Будущее принадлежит России, которая все растет и растет и давит на нас, как тяжелый кошмар», — заявил Бетман-Гольвег вечером того самого дня, когда Австро-Венгрия получила пресловутый «карт-бланш».

Особую роль в Июльском кризисе сыграли военные. На завершающем этапе кризиса это проявилось в прямом влиянии на политические решения логики военного планирования, однако и сами политики в годы перед войной во многом думали, как военные. Задолго до лета 1914 г. начался процесс милитаризации политического мышления. Постоянные утверждения военных о русских вооружениях и о реальной угрозе со стороны России в будущем привели к тому, что в политических кругах утвердилась мысль о неизбежности войны с Россией — настолько, что в начале 10-х гг. Бетман Гольвег даже отказался от мысли сажать новые саженцы в своем поместье, поскольку «через пару лет русские все равно будут здесь».

Поскольку в реальности не существует никаких свидетельств о подготовке странами Антанты наступательной войны на 1916—1917 гг., речь идет о неверной оценке ситуации, о колоссальном политическом просчете. Будущее нападение России было плодом воображения военных — но они сами и ведущие политики исходили из него как из реальности. Весной 1914 г. Мольтке заявил, что Германия полностью готова к большой войне, и с этого момента время начинает работать против нее; на немедленном начале войны настаивал и начальник австрийского Генерального штаба; в июне 1914 г. работы по расширению Кильского канала, до окончания которых Тирпиц считал войну преждевременной, были завершены. Начало Июльского кризиса застало Германию в полной боевой готовности, и многие германские политики предполагали, что если уж война неизбежна, то лучше пусть она случится сейчас.

В целом Германия преследовала две стратегии. Если Россия вступалась за Сербию, то результатом стала бы превентивная война, после которой Россия оказалась бы надолго ослабленной. Если Россия вновь, как и в предыдущих кризисах, шла на уступки, то Сербия была бы разгромлена, Россия понесла колоссальное дипломатическое поражение и, возможно, вышла бы из Антанты. Заставить же Россию отказаться от Сербии можно было только продемонстрировав ей реальную угрозу войны. В этом заключалась суть так называемой стратегии «калькулируемого риска»: постоянное балансирование на грани войны, необходимое для действительно эффективного давления, сознательно включало в себя риск реального начала войны.

Таким образом, война не началась как результат стихийного стечения роковых обстоятельств; как уже указывалось, она не являлась

закономерным и неизбежным следствием предыдущего развития международных отношений. Практически неизбежной ее сделали решения, принятые в начале июля в Вене и Берлине, поскольку Россию изначально ставили перед выбором между войной и сокрушительным дипломатическим поражением, а третья альтернатива — смягчение кризиса, компромисс — попросту не рассматривалась.

Ультиматум Сербии

В ходе кризиса именно Германия и Австро-Венгрия выступали в роли динамичной, наступательной стороны, в то время как державы Антанты скорее реагировали на их действия. Вместе с тем от их реакции также зависело очень многое. Опыт прошлых кризисов показывал, что решительная поддержка союзников Англией или, наоборот, недостаточная помощь союзников России были способны разрядить ситуацию. Поэтому расчеты немцев строились во многом на быстроте действий Австро-Венгрии, которая должна была как можно быстрее разгромить Сербию и поставить Антанту перед свершившимся фактом.

Положение монархии Габсбургов несколько осложнялось позицией Венгрии и ее премьер-министра И. Тисы. Венгры опасались, что в случае поражения в предстоящей большой войне Венгрия лишится всех своих невенгерских областей, в случае же победы — может потерять свое ведущее положение, если империя Габсбургов будет реорганизована на началах триализма. Однако в итоге из-за опасений русской угрозы и давления из Берлина венгры согласились с планами Вены. Уже 7 июля, немедленно после возвращения Хойоса, принимается решение о войне против Сербии. Однако две следующие недели ушли на написание ультиматума. Задержка была связана с тем, что текст ультиматума Сербии зависел от того, удастся ли доказать ее причастность к покушению. Кроме того, австрийские политики хотели передать Сербии ультиматум после отъезда из Петербурга находившегося там с визитом президента Франции Р. Пуанкаре, чтобы Россия и Франция не смогли согласовать свои позиции непосредственно. Пуанкаре отбыл 23 июля около 17 часов, в 18 часов был вручен ультиматум.

Это был текст такой несоразмерной жесткости, что, узнав о нем, Сазонов воскликнул: «Это европейская война!» Вопреки немецким и австрийским ожиданиям, Сербия, вместо того чтобы отклонить ультиматум, приняла почти все его условия. Многим, в том числе и Вильгельму II, теперь казалось, что уступчивость Сербии лишает Австро-Венгрию оснований для начала против нее войны. Когда же Вена отказалась принимать сербский ответ, державам Антанты стало ясно, что Германия и Австро-Венгрия всего лишь ищут повод для начала войны. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии — и следующие три дня должны были решить, превратится ли она в мировую.

Позиция Англии

На этой стадии решающей становилась реакция стран Антанты на брошенный им вызов — и можно сказать, что войну не удалось предотвратить еще и потому, что Франция и Англия прореагировали иначе, чем в предыдущие кризисы. Если в предшествовавших кризисах на Балканах Франция оказывала России недостаточную помощь и тем сковывала ее активность, то

теперь России была обещана полная и безоговорочная поддержка. Возник своеобразный эффект домино: Сербия отказалась принять ультиматум безоговорочно, потому что Россия обещала ей поддержку; Россия же 25 июля решила поддержать Сербию, поскольку получила заверения о помощи Франции; Франция, в свою очередь, выжидательно смотрела на Лондон.

В конечном итоге, именно позиция Англии могла иметь решающее значение. В предыдущих кризисах твердое и решительное выступление Англии не раз предотвращало дальнейшую эскалацию. В этот раз Грей занял уклончивую, чтобы не сказать двусмысленную, позицию. Он не хотел выступления Англии в антигерманском блоке, дабы не провоцировать Германию, — но на самом деле происходило именно это. Немцы до самого последнего момента верили, что Англия может остаться нейтральной и, возможно, даже удержит Францию. 29 июля совет при кайзере принял решение сообщить Англии обещание Германии сохранить «территориальную целостность» западно-европейских государств, если Англия останется нейтральной. В течение кризиса Грей неоднократно предлагал посредничество Англии для его разрешения. Германия всякий раз отклоняла эти предложения, поскольку любое посредничество разрушало бы исходный план давления на Россию, однако сами попытки такого рода, казалось бы, свидетельствовали о том, что Англия может остаться в стороне от войны. Между тем Грею со всех сторон сообщали, что только ясная позиция Англии способна остановить надвигающуюся войну. Заявить об этом его просили Пуанкаре и Сазонов; английский посол в Петербурге прямо говорил: «Если мы будем твердо стоять на позиции поддержки Франции и России — войны не будет. Если мы не поддержим их — потекут реки крови, и в конце концов мы будем втянуты в войну». Только 29 июля Грей заявил, наконец, что Англия не останется нейтральной. Столь долгое молчание выглядело как ловушка: «Англия открывает карты в тот момент, когда ей кажется, что мы зашли в тупик и находимся в безвыходном положении», — сказал Вильгельм II. Положение действительно стало безвыходным, поскольку к этому времени во всех странах завертели военные машины, остановить которые было уже невозможно.

Военное планирование

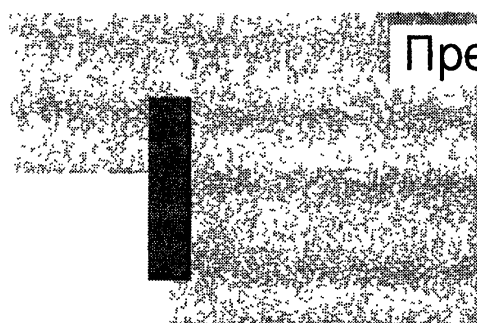
29 июля долго колебавшаяся Россия объявила частичную мобилизацию. Это был еще один решающий шаг к войне, поскольку тем самым она дала сигнал для военных во всех остальных заинтересованных странах, которые не могли себе позволить опоздать. Особенно заметным колоссальное давление военных было в Германии. После получения известия о том, что Англия не останется нейтральной, Бетман-Гольвег в первый раз попытался смягчить эскалацию. Однако перед глазами военных уже стояла картина катящихся русских военных эшелонов, и они требовали немедленного действия. После получения известия о мобилизации в России Мольтке, даже не поставив в известность политическое руководство Германии, дал телеграмму Конраду фон Хётцендорфу: начать немедленную мобилизацию, отклонить посреднические предложения Англии, «Германия, безусловно, идет с вами». 30 июля Бетман-Гольвег признал, что ситуация вышла из-под его контроля: «Направление потеряно, и камень покатился». Это был день, когда Россия объявила

всеобщую мобилизацию, ответом на которую стал германский ультиматум 31 июля с требованием ее прекратить и угрозой войны. Не дождавшись ответа, Германия 1 августа 1914 г. в 19 часов объявила войну России.

Самодовлеющая динамика военных планов сказалась и в другом отношении. Знаменитый план Шлиффена практически никак не согласовывался с политическими целями Германии во время Июльского кризиса. В то время как главным врагом становилась Россия, а на западе германское политическое руководство было готово на широкие уступки, план Шлиффена, основанный на использовании разных темпов мобилизации Франции и России, буквально диктовал начало войны именно на западе; плана же войны на востоке фактически не существовало. Само наличие плана Шлиффена сковывало свободу маневра германской дипломатии, поскольку получалось, что, независимо от конкретной ситуации и характера взаимоотношений с Англией и Францией, любая война, что бы ни стало ее предлогом — столкновение в Персии, в польском вопросе или на Балканах, — должна была неминуемо начинаться вторжением в Бельгию и Францию. Когда уже после начала войны пришло известие из Лондона о том, что Англия может остаться нейтральной, если война будет вестись не против Франции, а против России, диктат военных политикам проявился с максимально возможной ясностью: Вильгельм II потребовал от Мольтке атаковать не Францию, а Россию, на что тот ответил своему императору, что это сделать невозможно.

Сербские амбиции, национальные проблемы Австро-Венгрии, германский «калькулируемый риск», французская поддержка России, молчание Англии и русская мобилизация — из таких слагаемых возникла взрывоопасная смесь, приведшая в итоге к Первой мировой войне. В течение следующих четырех лет война охватила более половины стран тогдашнего мира с населением свыше полутора миллиардов человек. Подобно Тридцатилетней войне, Первая мировая ознаменовала собой не только конец одной эпохи, но и в еще большей степени начало новой. В сражениях, дипломатических переговорах, поисках мира закладывались основы международных отношений новейшего времени.

Оглавление

Предисловие

Часть I

Международные отношения в раннее Новое время

Глава 1. Характерные черты международных отношений в раннее Новое время	4
Глава 2. Международные отношения во второй половине XVII — начале XVIII в.	15
§ 1. Тридцатилетняя война и политическая карта Европы в середине XVII в.	—
§ 2. Войны Людовика XIV	28
§ 3. Соперничество на Балтике во второй половине XVII — начале XVIII в.	37
§ 4. Турецкие войны второй половины XVII — начала XVIII в.	42
Глава 3. Международные отношения в Европе до Французской революции	45
§ 1. Международные отношения в Европе в 20—30-е гг. XVIII в. и война за польское наследство 1733—1738 гг.	—
§ 2. Война за австрийское наследство 1740—1748 гг.	50
§ 3. «Переворот союзов» и Семилетняя война	52

§ 4. Австро-прусское соперничество во второй половине XVIII в.	55
§ 5. Разделы Польши	58
§ 6. Турецкие войны в XVIII в.	61
Глава 4. Европейская экспансия и торгово-колониальное соперничество в XVII—XVIII вв.	65
§ 1. Колониальное соперничество в XVII в.	—
§ 2. Колониальная политика европейских держав в XVIII в.	76
Глава 5. Французская революция и международные отношения в 1789—1802 гг.	84
§ 1. Новая внешняя политика	85
§ 2. На пути к войне 1789—1792 гг.	89
§ 3. Война Первой коалиции 1792—1797 гг.	92
§ 4. На пути к Наполеоновской империи 1797—1802 гг.	101
Глава 6. Европа в эпоху Наполеона 1802—1815 гг.	112
§ 1. Накануне Третьей коалиции	—
§ 2. Война Третьей коалиции 1805 г.	119
§ 3. Германская политика Наполеона и война Четвертой коалиции 1806—1807 гг.	124
§ 4. Наполеоновская Европа 1807—1812 гг.	128
§ 5. Крах Наполеоновской империи 1812—1815 гг.	138

Часть II

Международные отношения в 1815—1914 гг.

Глава 7. Характерные черты международных отношений в 1815—1914 гг.	147
Глава 8. Венский конгресс	171
§ 1. Начало работы Венского конгресса	—
§ 2. Цели участников Венского конгресса	174
§ 3. Польско-саксонский вопрос	177
§ 4. Германский вопрос	181
§ 5. Прочие вопросы на Венском конгрессе	184
§ 6. «Сто дней» и Второй Парижский мир. Итоги Венского конгресса	188
Глава 9. Международные отношения в период Рестаурации и европейских революций 1815—1848 гг.	191
§ 1. Священный союз и «система Меттерниха»	—
§ 2. Эпоха конгрессов 1818—1822 гг.	193
§ 3. Революционные движения 1830—1831 гг.	198
§ 4. Политика и идеология: международные отношения в 1830—1847 гг.	201
§ 5. Революции 1848 г. и международные отношения в Европе	207
Глава 10. Восточный вопрос начала XIX в. — 1856 г.	215
§ 1. Османская империя и интересы великих держав в первой половине XIX в.	216
§ 2. Греческий вопрос и «европейский концерт» в 1821—1830 гг.	220
§ 3. Первый египетский кризис 1831—1833 гг.	224
§ 4. Второй египетский кризис 1840—1841 гг.	227
§ 5. На пути к войне	229
§ 6. Крымская война 1853—1856 гг.	237
§ 7. Парижский конгресс	241

Глава 11.	Европейская экспансия в Азии и Африке с начала по 70-е гг. XIX в.	246
§ 1.	<i>Характерные черты взаимоотношений Европы и неевропейского мира до конца 70-х гг. XIX в.</i>	—
§ 2.	<i>Европейское доминирование в Азии с начала по 70-е гг. XIX в.</i>	252
§ 3.	<i>Колониальная политика европейских стран в Африке с начала по 70-е гг. XIX в.</i>	263
Глава 12.	Международные отношения в Западном полушарии с конца XVIII в. по 60-е г. XIX в.	269
§ 1.	<i>Внешняя политика США в период Французской революции и Наполеоновских войн</i>	—
§ 2.	<i>Внешняя политика США в 1815—1865 гг.</i>	279
§ 3.	<i>Латинская Америка в системе международных отношений с начала по 60-е гг. XIX в.</i>	289
Глава 13.	Объединение Италии и Германии	295
§ 1.	<i>Объединение Италии 1859—1861 гг.</i>	299
§ 2.	<i>Германский вопрос в 1849—1866 гг.</i>	308
§ 3.	<i>Две прусские войны</i>	316
Глава 14.	Международные отношения в Европе в 1871— 1878 гг.	326
§ 1.	<i>Германия и Европа в 1871—1875 гг.</i>	—
§ 2.	<i>Восточный вопрос в 1856—1875 гг.</i>	332
§ 3.	<i>Восточный кризис 1875—1878 гг.</i>	338
Глава 15.	Система Союзов Бисмарка 1879—1890 гг.	347
§ 1.	<i>Формирование система Бисмарка</i>	348
§ 2.	<i>Кризисы середины 80-х гг. и система Бисмарка</i>	355
Глава 16.	Русско-французский союз и «мировая политика»	367
§ 1.	<i>Образование русско-французского союза</i>	—
§ 2.	<i>Зарождение англо-германского антагонизма</i>	371
§ 3.	<i>«Мировая политика»</i>	375
§ 4.	<i>Восточный вопрос в конце XIX — начале XX в.</i>	379

Глава 17.	Европа и мир с 1881—1882 гг. по начало XX в.	390
§ 1.	<i>Характерные черты и особенности колониальной экспансии в 80—90-е гг. XIX в.</i>	—
§ 2.	<i>«Схватка за Африку»</i>	399
§ 3.	<i>Колониальная экспансия в Азии</i>	408
§ 4.	<i>США и страны Латинской Америки с 70-х гг. XIX в. по первое десятилетие XX в.</i>	416
Глава 18.	Международные отношения накануне Первой мировой войны	429
§ 1.	<i>Европейская система союзов до 1907 г.</i>	—
§ 2.	<i>Европа на пути к войне 1907—1914 гг.</i>	437
§ 3.	<i>Июльский кризис</i>	453

Учебное издание
Медяков Александр Сергеевич
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В НОВОЕ ВРЕМЯ
Учебник для вузов

Зав. редакцией *Л. И. Льяная*
Редактор *Л. П. Савельева*
Художественный редактор *Е. Р. Дашук*
Технический редактор и верстальщик *Н. К. Румянцева*
Корректор *Л. С. Александрова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000.
Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать с оригинал-макета
06.08.07. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 35,53. Тираж 3000 экз. Заказ № 17724 (К-Гз).

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Открытое акционерное общество «Смоленский полиграфический комбинат».
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.